Алексей
Шкваров

Петр I и казаки

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 947.051
ББК 63.3(2)46
Ш66

Научные рецензенты:
профессор, доктор философии *Т. Вихавайнен*
(Университет Хельсинки, Финляндия),
профессор, доктор исторических наук *В. Н. Барышников*
(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Шкваров А. Г.

Ш66 Петр I и казаки / А. Г. Шкваров. — СПб. : Алетейя, 2010. — 456 с., 16 ил.

ISBN 978-5-91419-375-8
ISBN 978-952-5761-11-5

Государство в лице Петра I, ломающего до основания боярскую Русь, чтобы построить новое общество, столкнулось с феноменом казачества, представлявшего собой нечто третье, особое, не принадлежавшее ни к новому, ни к старому, но чрезвычайно ценное в военном отношении. По этой причине царь-реформатор указал, что казаки должны безоговорочно, добровольно или принудительно, войти в общую «регулярную» иерархию. Эпоха Петра — перелом истории и России, и «вольных» казачьих сообществ, и казачества в целом.

В данном исследовании комплексно и всесторонне рассмотрены все аспекты жизни казачества — религиозный, социально-политический и военный, проблематика их взаимоотношений с властями. Впервые изучено и представлено реальное участие казаков в петровских войнах, особенно в Северной войне.

УДК 947.051
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-91419-375-8

© А. Г. Шкваров, 2010
© RME Group Oy, Helsinki, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ВЕДЕНИЕ

Отношения России и казачества это постоянная многовековая борьба противоположностей – воли и самодержавия, и, одновременно, притяжение к центру, который для казаков символизировался в православном русском царе, при общности интересов в борьбе с мусульманским Востоком, и отчасти экономической зависимости одних и военной заинтересованности других. История этих отношений полна трагизма и парадоксов, от полного неприятия до поклонения, повиновения, жертвенности при условии уважения собственных свобод и платы за службу, это и поиск компромиссов, и беспощадные бунты, сопровождавшиеся жесточайшими репрессиями. Феномен Петра I, олицетворяющего реформы России, ломающего до основания боярскую Русь, чтоб построить другое общество, столкнулся с феноменом казачества, представляющее собой нечто третье, особое, не принадлежавшее ни к новому, ни к старому, но чрезвычайно ценное, а потому безоговорочно должное, по мнению царя-реформатора, встать в общий строй государства по своей воле или без нее. Эпоха Петра – перелом истории и России, и «вольных» казачьих сообществ, и казачества в целом. Страна вышла обновленной, с совершенно другим лицом. Мы не будем изучать и выяснять – хуже или лучше, чем было до этого, примем, как факт свершившийся. Такой же истиной является и то, что для одних представителей казачества эпоха Петра стала закатом их истории, для других вдохнула новую жизнь, превратив в новое, отличное от всех, государственное сословие. В этом заключался главный компромисс борьбы противоположностей – Воли и Самодержавия или Государства. Для одних казаков он был найден, для других – нет. Причины столь разного исхода борьбы и есть цель исследования.

В данной работе автор ставил перед собой задачу комплексного рассмотрения главных аспектов, на которых основывалось мировоззрение казачества – Веры, Воли и Войны, какие они претерпели изменения в эпоху Петра I, ставшей переломным моментом истории всех казачьих сообществ и обозначавшей переход от состояния «вольных» людей к «государевым слугам» для одних представителей этого уникального «субэтноса» и начало конца для других.

Если представить себе Казачество в центре треугольника – Вера, Война и Воля, то каждая из его вершин будет являться самостоятельной вершиной других многогранников, отражающих всю сложность, противоречивость, конфликтность, но и взаимосвязь событий эпохи

Петра – его одновременных комплексных преобразований в государственной, военной и духовной сферах.

Таким же образом скомпонована и книга, представляющая три главных раздела – аспекта мировоззрения казачества – Православная Вера, как главный жизненный духовный стержень, несгибаемая тяга к Воле и непрерывная Война, как основное занятие. Безусловно, хронология событий повторяется в каждой части, но это необходимо для рассмотрения каждого аспекта в тесной взаимосвязи с теми разносторонними процессами, что шли в государстве волеизъявлением Петра I, и какое они оказывали влияние на казачество. При этом для полноты картины необходимо частично затронуть события, как предшествующие жизни и царствованию Петра (1672-1725 гг.), так и вытекающие из его преобразований[1]. Фактически мы рассматриваем параллельно три истории казачества одного периода времени – религиозную, социально-политическую, экономическую и военную, но во взаимосвязи друг с другом.

Нет смысла изучать фигуру Петра в каких-то новых ракурсах, искать новые характеристики его личности. Все это уже всесторонне описано и его почитателями и теми, кому первый русский император глубоко неприятен. Для нас Петр I олицетворяет государство. Он и себя считал не помазанником Божьим, а первым слугой этого государства. А раз так, то и все остальные подданные этой страны должны брать с него пример беззаветного служения Отечеству. Но казачество видело в Петре I не Россию, а олицетворение главного, высшего оплота и защиты Православия. Не Москву, не третий Рим, не Византию, а нечто гораздо более высокое, духовное, а значит, близкое казакам. Душа тянулась, а разум отрицал. Отсюда весь сложнейший клубок противоречий – социально-политических, экономических, и даже (парадокс!) религиозных.

До 1654 г. еще одно большое европейское государство – Польша, так же, как и России, имела в своем распоряжении казачество, и пыталось найти компромисс во взаимоотношениях с ним. Но пойти на столь радикальный шаг – создание нового сословия, не похожего ни на дворянство – шляхту, ни на крестьян, не додумались даже хитроумные иезуиты. В результате вся масса малороссийского казачества вышла из под королевской власти. Но иного способа прекратить

[1] Дополнительно, в качестве приложений приведены решения Земского собора о принятии Малороссии в подданство царю Алексею Михайловичу, а также обзорная статья по истории казачества из Военной Энцилопедии 1913 ., наглядно демонстрирующая все многообразие и пестроту казачьих войск.

казацко-польские кровопролитные войны не было. Вхождение в Россию привело к исчезновению казачества в Малороссии. Вина ли здесь самодержавия или причина в собственных социально-политических неурядицах, отрицавших по сути возможность поиска компромисса, что привело к фактическому исчезновению малороссийских казаков, растворению их среди общей массы населения? Было ли изначально обречено казачество? Малороссийское и запорожское – в конце XVIII в., все остальные – в 20-е годы XX в.? В чем видится сейчас возрождение казачества? Ответы на эти вопросы следует искать именно на переломе истории – в эпоху Петра Великого.

Новизна исследования заключается в том, что мы делаем, как бы срез эпохи Петра I по казачьей плоскости, учитывая, по возможности, все тонкости и нюансы терминологии и типологии, социально-политической и военной организации казачьих сообществ, рассмотрев одновременно практически всё их разнообразие на Европейской части России.

Актуальность исследования в условиях возрождения казачества бесспорна. Эпоха Петра в истории казачества с социальной и политической точек зрения стала основой компромисса между государством и частью общества. Претензии отдельных современных казачьих лидеров на этническое возрождение, конструирование особой «казачьей аутентичности» или национально-государственного самоопределения опасны для самих казаков, вступающих таким образом в конфликт, как с государством, так и с населением (неказачьим) бывших казачьих областей. Выделение в отдельное сословие в обществе равных прав и возможностей, к которому стремится России, также невозможно. Статус войсковых казачьих сообществ сочетает в себе одновременно признаки, как общественной, так и государственной организации, что может привести к новому витку конфронтации между казаками и государством. Отношение к историческому прошлому, как к норме, подлежащей безусловному и полному восстановлению, ошибочно, ибо не отражает понимание социальных реалий, как современных, так и дореволюционных. Компромисс, достигнутый при Петре I, с сохранением казачьего традиционализма, изжил себя к 1917 г., не сумев приспособиться к новым социально-экономическим и общественно-политическим изменениям в обществе. Будущее современного казачества видится исключительно в опоре на лучшие традиции: демократический уклад, местное самоуправление, патриотизм, уважение к труду и собственности, при максимально беспристрастном изучении всех коллизий политических отношений государства и казачества.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Историческая литература по истории казачества, включая вопросы политического устройства, жизнедеятельности, участия в войнах, насчитывает тысячи названий. Однако, эпоха Петра и ее влияние на казачество не выделены в отдельное комплексное исследование, а рассматриваются или, периодически в контексте истории царствования первого русского императора, в качестве упоминания его взаимоотношений с отдельными Войсками, или социально-политической истории всей России, или как часть общей истории казачества. Безусловно, присутствуют многочисленные исследования отдельных значимых эпизодов, связанных с конкретными историческими личностями Мазепы, Орлика, Гордиенко, Булавина, Некрасова и др. и с теми событиями, происходившими вокруг них.

В отношении военной истории можно утверждать, что самое значимое событие царствования Петра I – Северная война, представлено лишь констатацией факта участия в ней казаков. Это объясняется чрезвычайной разбросанностью архивных материалов, хоть как-то связанных с казаками, а также отсутствием конкретных документов, за исключением царских грамот, и эпизодическим упоминанием отдельных действий казаков в материалах военных канцелярий. Военная историография следовала курсом официальной государственной историографии и все внимание уделяла регулярным армейским частям, как любимому детищу императора. Азовские походы традиционно освещены намного лучше, благодаря стараниям казачьих историков, в то время, как Персидским, уделено намного меньше внимания по той же самой причине, что и в войне со Швецией. Да и собственных канцелярий, за исключением Войсковых, которые благополучно погибли в пожарах и штурмах, казаки не имели.

Основные архивные источники сосредоточены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском Государственном архиве ВМФ (РГА ВМФ), Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН), Государственных архивах Воронежской и Ростовской областей.[2] Собрание законов Российской империи (тт. I-IV) содержит основной историко-правовой материал.

[2] Номера архивных фондов и полные наименования работ указанных авторов представлены в перечне источников и литературы.

Что касается опубликованных материалов то они представлены в следующих изданиях:

– по донскому казачеству:

Большая часть архивных документов имеется в сборниках: Акты исторические (Т. I-V. СПб, 1841); Дополнения к Актам историческим (Т. 12. СПб. 1875); Акты Московского государства (Т. I-III. СПб, 1890-1901 гг.); «Донские дела» (т. I-V), «Акты относящиеся к истории Войска Донского собранные генерал-майором А.А. Лишиным» (Т. I-IV Новочеркасск 1891-1894), «Материалы по истории Войска Донского. Грамоты, изданные И.П. Прянишниковым» (Новочеркасск, 1864), Материалы для истории Войска Донского (Новочеркасск, 1915); «Акты, относящиеся к истории Войска Донского» (Под редакцией Попова Х.И. Новочеркасск, 1902). Множество документов по истории донского казачества и его взаимоотношений с государством приведено в периодических изданиях: Сборники Областного Войска Донского Статистического комитета (1901 Вып. I-II; 1902 Вып. III, 1904, Вып. IV); Труды Областного войска Донского Статистического комитета (1867 Вып. 1, 1874, Вып. 2.); Донские епархиальные ведомости (1869-1911); а также Воронежской губернии, непосредственно примыкавшей к землям Войска Донского: Воронежская старина (1903, Вып. 3), Воронежские акты (1851 г.) и т.д.

– по малороссийскому казачеству:

Архив Юго-Западной России. (Ч. I. Т. V. 1876, Ч. III- Т. 2 1868); Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археологической комиссией (СПб, 1853, Т. V); Акты Южной и Западной России (Ч. III, СПб. 1868, Т. V, СПб, 1876); Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (1847. Кн.1. 1848, Кн. 8; 1859. Кн. 1; 1863, Кн.1; 1870, Кн.3); Черниговские губернские ведомости. (1888. №27., 1890. №45; Киевская старина. 1882. №2; 1883, №7, 1887, №1, 1889. Кн. IV, 1899, Т. LXIV, 1901, №№2,4, 1903. №1.); Труды Черниговской учетной архивной комиссии. (1915. Вып. 11); Материалы по истории Малороссии. Чернигов. (1912. Вып. 1.); Киевские епархиальные ведомости. (1865. №16); Прибавление к Черниговским епархиальным ведомостям. (1900-1901 гг.) и т.д. Сюда же можно отнести несколько документальных свидетельств очевидцев происходивших в Малороссии событий, изданных под наименованием «Летописей...»[3]

[3] Самовидца, Грабянки, Величко и др.

Эпоха Петра отражена, как в документах, так и в ряде работ, изданных под личным руководством царя, его современников, а также историков XVIII в.: «Журнал или Поденная записка...», «Письма и бумаги Петра Великого...». «Собрание писем императора Петра I...» В.Н. Берха, «Деяния Петра Великого...» И. Голикова, Дневник Патрика Гордона, Письма Б.П. Шереметева; «История государя Петра Великого...» Ф. Соймонова, Записки Желябужского, «Доклады и приговоры Сената...», Архив князя Куракина и др.

К теме казачества обращались и историки государственности России – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.Г. Брикнер. К трудам дореволюционного периода, имеющим непосредственное отношение к истории казачества можно отнести работы следующих авторов: В.Б. Антоновича, Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Ригельмана, В.Д. Сухорукова, А.А. Попова, В. Броневского, Н.И. Костомарова, В.Н. Витиевского, Н. Гальковского, М.С. Грушевского; И. Дмитриенко, И.И. Железнова, «Историю руссов», П.П. Короленко, А. Лазаревского, Н. Лаврского, А.И. Левшина, Н. Маркевича, И.Д. Попко, А.М. Савельева, Е.П. Савельева, А.Д. Твердохлебова, М. Харузина, Д.И. Эварницкого и др.

Достаточное количество исторических трудов выходило и в эмиграции. В первую очередь следует отметить С.Ф. Быкадорова, А.А. Гордеева, С.Г. Сватикова. И ряд публикаций в зарубежных изданиях: в Париже – Вестник казачьего союза (1926-1928); Родимый край (1929-1931); Казак: вестник донского атамана.(1934); в Софии – Казак за границей (1929-1935).

По слободским полкам и Слободской Украине отдельно следует отметить обобщающие работы Д. Багалея, Г. Квитка и Филарета (Гумилевского), по конкретным полкам – Е. Альбовского (Харьковский полк), Н. Гербеля (Изюмский полк), П. Голодалинского (Сумский полк), А. Михайленко (Ахтырский полк).

Современные исследования представлены работами следующих авторов: Б.А. Алмазова, Г.Д. Астапенко, В. Безотосного, В.И. Вареника, Н.Н. Великой, В.Е. Возгрина, Волковой Н.Г., А.М. и В.М. Гнеденко, Заседателевой Л.Б., В. Кордта, В.Н. Королева, А. Малова, А.П. Манжола, А.Н. Мануйлова, С.М. Маркедонова, Н.А. Миненкова, Л. Мельника, Н. Морковина, С.О. Павленко, Г.Г. Половиненко, И.Г. Рознера, А. Савина, И.К. Свешникова, Д.В. Сеня, Р.Г. Скрынникова, А.А. Смирнова, А.М. Станиславского, П.П. Толочко, Ф.В. Тумилевича, С.Л. Удовика, П.Т. Фирова Т. Чухлиба, А.Б. Широкорада, А.Г. Шкварова, К.П. Шовунова, Т.Г. Яковлевой и мн. др.

Документы по восстанию Булавина опубликованы в следующих изданиях: «Булавинский бунт»// Русская старина (1870); «О подавлении народного восстания 1707-1708 гг.» (1955); Материалы о восстании на Дону и в Центральной России в XVIII в. (1957); «Булавинское восстание» (1935).

Отдельного упоминания заслуживают источники по религиозным аспектам. Сюда относятся труды дореволюционных авторов: М.С. Боголюбского, Иоанна Бондарева, С.И. Введенского, П.В. Верховского, В.Н. Витиевского, митрополита Гедеона, И. Дмитриенко, В.Г. Дружинина, Г. Есипова, Н.Ф. Каптерева, А.А. Кириллова, Л. Магницкого, митрополита Макария, Г. Михайловского, И. Попова, Ф. Прокоповича, С.Г. Рункевича, Свщм Иллариона, В. Скворцова, М.Н. Сменцовского, Ф.И. Титова, В.А. Харламова, К.В. Харламповича, И. Чистовича, Н. Чулкова, П.Л. Юдина и др. К современным относятся работы: В.В. Василика, Н.Н. Великой, Е.С. Данилко, В. Живова, А.В. Карташева, Н.Г. Недвига, Н. Петрухинцева, С.В. Римского, С. Шептуна, А.Г. Шкварова и др.

Описание военных событий и военных вопросов представлено следующими изданиями: «Гистория Свейской войны...» (2004), «Документы Северной войны. Полтавский период». (1909), Материалы Военно-Учетного Архива (1871), и трудами: В.А.Артамонова, Т.А. Базаровой, И.Г. Безгина, Л.Г. Бескровного, Беспятых Ю.Н., М.М. Богословского, Е.М. Болтуновой, А.А. Васильева, Н. Волынского, Б.Н. Григорьева, С.Р. Долговой, С.И. Елагина, Н. Зезюлинского, П.П. Карцева, П. Кротова, Г.М. Лифшица, Д.Ф. Масловского, А.З. Мышлаевского, А.В. Потто, П. Путятина, Е.А. Разина, А.П. Соколова, Е.В. Тарле, Тихановского, П.Е. Червинского, А.В. Чернова, Г.В. Шебалдиной. А.Б. Широкорада, М.И. Шишкевича, А.Г. Шкварова, К.П. Шовунова, В. Шпаковского, В.Н. Шустова и др.

Обобщающие труды, касающиеся всей эпохи Петра I: Е. Анисимова, М.М. Богословского, П. О. Бобровского, М.Ф. Владимирский – Буданов, Л.П. Бущика, С.В. Жильцова, В.В. Мавродина, А.А. Новосельского, Обручева, А.П. Пронштейна, Н.А. Миненкова, Б.И. Сыромятникова, О.И. Чистякова и др.

Из зарубежных авторов необходимо упомянуть: де Бруина, Б. Боека, Г. Брикса, П. Будина, П. Бушковича, К. Вилкуна, Р. Виттрама, А. Гиллинкрока, Дж. Денисона, Р.Э. и Т.Н. Дюпюи, О. Карлссона, Х. Кувая, А. Куяла, С. Понятовского, А. Ситона, А. Труайя, О. Турпейнена, С. Уредссона, П. Энглунда и др.

ЧАСТЬ I.
ЗА ВЕРУ!

1.1. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА В ДОПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Основой казачьего мировоззрения, жизненной философии, даже если это и «философия войны», было Православие. Но Православие не в абсолютно каноническом смысле, а в непосредственном, личном взаимоотношении человеческой души и Создателя, причем с примесью языческого мировосприятия, связанного с Высшими силами природы, исходящими от воды и степи. Это была вера, в которой жил вольный человек, не знавший никакой иной власти, кроме Бога и своего атамана. Но набожность вольного казачества заключалась не в соблюдении ритуалов, определяемых канонами православной церковной службы, а в ощущении внутренней связи человека с Богом. При этом, безусловно, некоторые внешние признаки благочестия, имеющие символическое значение, были чрезвычайно важны. Когда в 1632 г. на Дон прибыл князь Иван Дашков с подъячим Леонтием Полуэктовым с царской грамотой и от имени Михаила Федоровича и патриарха Филарета потребовал целования креста на верность, это оскорбило религиозные чувства казаков. Свою службе Москве они всегда считали добровольной, поскольку враг был общий – исламский Восток. Война – вещь самая обыкновенная, привычное для казаков занятие, их призвание. И вдруг за это с них требуют клятву, да еще с целованием креста. Крестное целование было «великим и страшным знамением», в отличие от московских бояр и князей, которые всем присягали и всем изменяли в годы Смутного времени, видя в этом лишь простой религиозный обряд. Казаки решительно ответили отказом: «И крестного, государи, целования на Дону, как и зачался Дон казачьими головами, не повелось!» (Савельев 1990, с. 324-325).

Даже присяга 24 августа 1671 г., которую казаки вынуждены были принести царю после разгрома разинского восстания, естественно сопровождавшаяся целованием креста, вызвала четырехдневные бурные дебаты на кругу, доходившие до ожесточенных схваток, хотя на Дону оставались лишь промосковски настроенные казаки (Савельев 1990, с. 364).

Точно также принципиальное значение для казаков (донских, терских, яицких) имели двоеперстие, хождение «по солнцу» или

«посолонь»[4] и двойное «алиллуйя». Таким образом, все попытки изменить это воспринимались, как посягательство на Православие, на таинство крещения, являвшегося главным христианским обрядом для казаков и равносильным причислению к казачеству[5].

Символизм проявлялся и в тех обетах, что давали себе казаки. Во время «Азовского сиденья» 1641 г. они дали клятву построить в Черкасске церковь во имя Воскресения Христова и исполнили свое обещание в 1653 г. В 1656 г. находясь в царских войсках под Вильно взяли в качестве трофея древний православный образ Богородицы Одигитрии и торжественно доставили его в свою столицу. Вскоре многим было видение, что Богородица просила вернуть ее обратно в Вильно, где она стояла уже много веков. Такое же видение посетило казаков в 1661 г., когда они возвращались из морского похода и были на реке Тузлове окружены татарами. Дав обет выполнить просьбу, казаки прорвались и на войсковом круге решили, украсив икону, перевезти ее в Москву, а по заключению мира с Польшей, вернули ее в Вильно (Савельев 1990, с. 377-378).

Вполне естественно, что находясь в какой-то трудной ситуации, в окружении врагов или в плену, казак просил помощи у Господа, Божьей Матери, Святых Угодников, обычно давая обет исполнить нечто важное, как только представиться такая возможность. Очень часто обет заключался в совершении паломничества к святым местам. Наиболее популярным среди казаков был Соловецкий монастырь. Туда шли поклониться Святым Преподобным Зосиме и Савватию. Направлялись паломники и в Москву к московским святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу.

Историк донского казачества С. Ф. Быкадоров пишет о том, что по существу казачья православная церковь была автокефальной и никогда не играла в казачьих сообществах государственно-политической роли (Быкадоров 1930, с. 75-79). С последним утверждением можно согласиться полностью, что касается ее автокефалии, то это весьма условно. Автокефалия представляет собой независимость от других православных церквей и патриархов, но подразумевает собственную иерархическую организацию во главе с епископом-митрополитом, которая полностью отсутствовала среди вольного казачества на Дону, Тереке, Яике и в Запорожье до начала XVIII столетия.[6]

---

[4] Направление движения священника во время церковной службы с востока на запад принятое у староверов.

[5] Т.е. на всё, что связано с крестом, крестным знамением, крещением и т.д.

[6] Собственная, Донская епархия была образована в 1829 г., но в канонической структуре Русской православной церкви.

1.2. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МАЛОРОССИИ.

В Малороссии, исключая Запорожскую Сечь, ситуация была несколько иной. Малороссийское казачество, состоявшее из гетманских и слободских полков, по сути уже превратилось в реестр, т.е. служивое сословие, наподобие городовых казаков в России.[7] Да и территориальное размещение на землях, подвластных в церковном отношении Киевской митрополии, уже определяло духовную подчиненность конкретной епархии. Безусловно, что архиереи Малороссии, формально подчиненные сначала константинопольскому патриарху, а затем уже официально московскому, помимо этого находились в определенной зависимости и от светской власти, прежде всего, в лице гетмана.[8] Летописец сообщает, как в 1688 г. Киевский митрополит Гедеон, возвращаясь со своего поставления, сначала заехал в гетманскую столицу Батурин, а лишь потом в свою резиденцию Св. Софию (Летопись Самовидца, с. 208). Далее, мы остановимся на конкретных примерах, когда светская власть активно вмешивалась в церковную жизнь, особенно в вопросах поставления того или иного архиерея.

Запорожцы, независимые от малороссийского гетмана, содержали самостоятельно 14 церквей и 2 монастыря, находившихся в ведении Киевской митрополии.[9] Вот как описывает церковную жизнь запорожцев иеромонах Полтавского монастыря Леонтий: «Самой богатой была Сечевая Покровская церковь. Она имела колокольню с 4 окнами, из которых выглядывали пушки, предназначенные не только для защиты, но и пальбы, сопровождавшей молебны и крестные ходы на Пасху, Покров, Крещение, Богоявление и другие церковные праздники. Было заведено, что в мирное время запорожская старшина не пропускала ни одного дня, чтоб три раза не сходить в храм. При этом вечерня в Сечи начиналась раньше, чем это было принято в монастырях, заутреня отпускалась всегда до рассвета, также, как и литургия. В обязанности

---

[7] В конце XVII в. малороссийское казачество было наиболее многочисленным по сравнению с остальными вольными казаками. Только под началом гетмана И. Мазепы состояло около 50-60 тыс. человек, слободские полки насчитывали около 4-5 тыс. чел., запорожцы – около 5 тыс. (Шкваров 2009. с.13-14)

[8] Интересно напутствие Богдана Хмельницкого киевскому митрополиту Сильвестру Косову, который отправлялся на сейм в Варшаву за подтверждением Зборовского договора. Гетман приказывал митрополиту ни в чем не уступать полякам, иначе, говорил Хмельницкий, «ты, отче митрополиче... будешь в Днепре»(Бущик 1971, с. 306).

[9] До 1672 г. один монастырь – Самарско-Никольский.

пономаря Сичевой церкви было вменено будить кошевого атамана, а подпономарий будил судью, писаря и 38 куренных атаманов» (Гнеденко 1993, с. 156).

Сечевая церковь Покрова Пресвятой Богородицы была возведена в 1652 г. Через два года она сгорела, и монахи не успели вынести церковную утварь. Запорожцы через сечевого посланца Стефана Астраханского просили царя Алексея Михайловича прислать новую утварь, что и было сделано. В числе прочего царь прислал двенадцать книг Четьи-Минеи (Широкорад 2008, с. 157).[10]

Н.Г. Недвига приводит свидетельство священника Кучеровского, который дает оценку религиозности запорожцев со стороны официальной церкви: «Запорожцы были, как известно, грубы и неспокойны, однако, религия умягчала их крутые нравы. Если что было в поступках запорожцев благородного, то этим они обязаны вере Христовой, которая была главным условием принятия в общину запорожскую всякого...» (Недвига 1998, с. 8).

Духовенство в Запорожье содержалось за счет добровольных подношений и с материальной стороны оно было в лучшем положении нежели малороссийское. Кроме обычных пожертвований при дележе жалованья, доходов с промыслов, военной добычи войско в обязательном порядке выделяло одну часть на церковь. Точно также поступали запорожцы перед уходом в мир иной – часть своего имущества завещали церкви или монастырю (Широкорад 2008, с. 125-126).

Так же как и вольное казачество на Дону, запорожцы проявляли особое радение о своих монастырях – Самарско-Никольского и Межигорского. Первый монастырь был основан в 1602 г. вблизи г. Новобогородска (ныне г. Новомосковска Днепропетровской обл. Украины – А.Ш.) насельником Межигорского монастыря иеромонахом Паисием, по преданию бывшим казаком-запорожцем (Феодосий 1873, с. 8). С момента своего основания он находился под патронажем Запорожской Сечи. Второй обителью, наиболее почитаемой запорожцами, да и всем украинским казачеством, был знаменитый Межигорский монастырь, основанный еще греческими монахами в 988 г., прибывшими на Русь для ее крещения. Этот монастырь еще называли Спас Межигорский по храму Белого Спаса, построенному в 1161 г. по воле киевского князя

[10] Местоположение Сечи несколько раз изменялось, по различным причинам запорожцы ее переносили с Малой Хортицы на Томаковку, с Никитиного Рога в устье Чортомлыка и т.д. Здесь идет речь о Чортомлыкской Сечи.

Андрея Боголюбского. С 1672 г. по ходатайству Войска Запорожского Межигорская обитель перешла под полный патронаж казаков и стала религиозным центром казачества. Митрополит Макарий (Булгаков) пишет: «...как предстатель пред Богом за грешную душу казачества, преисполненную прегрешениями в бесплодной отваге и широкой воле, чуждых остальному населению... акты, по которым казаки передавали свои дары обители, полны Благоговения...» Интересен факт, что среди межигорской братии был одно время и патриарх Московский Иоаким. (Макарий 1994-1996, т.2, отд. 1, гл. V). Межигорский монастырь обеспечивал и священнослужителями главную церковь Запорожской Сечи – Покровскую. Обе обители принимали к себе увечных казаков, решивших остаток жизни посвятить монашеству.

Но необходимо отметить, что и монахи присылаемые в Сечь могли исполнять свои обязанности ровно один год, наравне со всеми остальными выборными должностными лицами, начиная с кошевого атамана. Присылаемые на замену занимали место прежде бывших монахов, которые возвращались в Межигорскую обитель. Однако, была еще одна особенность – вновь прибывшие должны были понравиться запорожцам. Иногда случалось так, что «з ласки войсковой» оставлялись прежние духовные лица, а новые отсылались обратно. Это называлось «переменой звычайной». Запорожская Сечь стремилась и изъявляла притязания на независимость своей церкви и духовенства от Московского патриархата и Киевской епархии, ставя духовенство в зависимость от себя, как посредством ежегодной замены – выборное начало, так и требованием беспрекословного подчинения – «духовные чины и сами войсковой старшине повинны бывают и делают все по поведению их, прочие же казаки над ними попечение имеют». Когда Киевский митрополит Гедеон в 1686 г. приказал вместо Межигорского монастыря церкви войска Низового Запорожского подчинить своей кафедре, Сечь наотрез отказала: «Не будет церковь Божия и наша отлучена от монастыря общежительного Межигорского, пока в Днепре воды и нашего войск Запорожского будет». При этом, кошевое начальство не подчинялось и игумену Межигорской обители и главой церкви считало только себя (Морковин 2003, с. 95). Исходя из этого, говорить о некой автокефальности церквей вольной Запорожской Сечи не представляется возможным.

Даже более сотни лет спустя, в 1773 г. кошевой Петр Калнышевский считал возможным сделать выговор игумену Межигорского монастыря за присланного священника и потребовать его замены. В следующем году, когда Киевский митрополит Гавриил запросил сведения

о числе Запорожских церквей, духовенстве и его доходах, кошевой отвечал, что так как церкви запорожские «искони древних времен ведущимся порядком построены войском, содержаться от оного, и в главном и совершенном ведомее войска находятся», – то и отчитываться им не перед кем (Морковин 2003, с. 96).

В целом же, вся Малороссия после Смутного времени воспринималась в Москве, как часть иноверного мира – вне зависимости от того, идет ли речь о православном или ином населении. Это проявилось, например, в решении Московского собора 1620 г. о перекрещивании выходцев из Литовской Руси – безразлично, католиков, униатов или православных, обливательным крещением (Харлампович 1914, 21-24). Подданным Московского государства запрещалось ввозить церковные книги, изданные вне пределом страны, ибо они «многия латинския ереси» содержат (Акты Моск. Гос-ва, I, № 201, с. 224).

Не последнюю роль здесь сыграло и участие украинского казачества в событиях Смутного времени. До конца XVI в. Запорожское и украинское казачество исповедовало те же принципы, что и донское – Православие и Воля. Их жизнь также протекала в непрерывной войне с турками. Однако, соседство с католической Польшей наложило свой отпечаток. Иезуиты, имевшие значительное влияние на польскую шляхту и королей, не сводили глаз с этой могучей силы, противостоящей мусульманскому востоку. Запорожцы являясь, по мнению иезуитов, «схизматиками», т.е. уклонившимися от «истинной» веры, тем не менее, были надежным щитом для католического государства. Именно иезуиты провели через польский сейм ряд законов, позволяющих давать некоторым казакам шляхетство – дворянство, со всеми вытекающими отсюда благами... и пересмотром их отношения к некоторым основополагающим некогда принципам.[11] Вместе с тем и некоторые родовитые потомственные шляхтичи селились в Запорожье и даже возглавляли войско в походах, как например, Предслав Ланцкоронский или Дмитрий Вишневецкий (Алмазов 2008, с. 229-239). «Самовидец» отмечает: «...шляхтич Косинский когда по благочестию возревновал и, козацким полковником учинившися, стал воевать ляхов...» (Летопись Самовидца, с. 3). То есть, казаков вовлекали и во внутренние польские дрязги между шляхтой. Земли, которыми казачью старшину наделяла Польша, требовали рабов-крепостных, которые должны были их обра-

[11] Подобная практика существовала до конца XVII в. Пример этому полковник Войска Запорожского Остап Гоголь – предок русского писателя Н.В. Гоголя, утвержденный в шляхетстве в 1660г. См. Чухлиб 2004. С. 27-29.

батывать. Где их брать? Не пленных же мусульман – турок или татар, которых держать вместе было небезопасно, да и имеющих мало представления об обработке земли, соответственно, нужны были христианские рабы-крестьяне (Алмазов 2008, с. 209-211).

К примеру, кузнец Вакула из знаменитой «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя. Такого имени в Святках нет, зато есть тюркское слово «байкул», что в переводе означает раб богача. Не напомнил ли Гоголь, дав такое имя своему герою, о работорговле и рабовладельцах на Украине?

Все это внесло раскол среди некогда монолитного запорожского братства и в 1570-1580 гг. около 2-3 тыс. запорожцев переселилось на Дон, образовав городок под названием Черкасск или Черкасский (Быкадоров 1930, с. 131).

Запорожцы заключали договоры с Польшей и постепенно втягивались в европейские войны. Украинский историк казачества В.Б. Антонович рассказывает, как в 1600 г. запорожцы под предводительством кошевого атамана Самуила Кошки участвовали в походе поляков на Молдавию, затем в 1601-1602 гг. ходили воевать со шведами. Польская летопись сообщает о том, что «были в Швеции запорожские казаки числом 4000, над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такаю содомию учинили, что хуже злых неприятелей или татар... Приехал посланец от короля... напоминал, грозил казакам... К этому посланцу приносил один мещанин девочку шести лет, прибитую, изнасилованную, едва живую; горько, страшно было смотреть; все люди плакали, Богу Создателю молились, чтобы такие своевольников истребил навеки. А когда казаки назад поехали, то великие убытки селам и городам делали, один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3» (Антонович 1883, с. 140-145).

Другой украинский историк Д.И. Эварницкий, которого трудно упрекнуть в нелюбви к запорожцам, посвятил 8 и 9 главу II тома «Истории запорожских казаков» описанию жесточайших расправ с православным населением Стародуба, Чернигова, Новгород-Северского, Мосальска, Зарайска, Вологды, Калуги, Путивля, Козельска и других русских городов в период Русской Смуты в 1610-1612 гг. «Действую с невероятной жестокостью против людей православной веры на Севере России, запорожские и украинские казаки в тоже время энергично от-

стаивали православную веру на юге России» – поражался этому парадоксу украинский историк (Эварницкий II, 1897, с. 140-141).

С таким же успехом запорожцы нанялись на службу к шведам и в 1614 г. промышляли в районе Олонца, где были разгромлены татарами и русскими служивыми казаками («Расспросные речи черкасского сотника Федьки Бутого» – РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 8. Ст. 2. Л. 14-20).

Командовавший малороссийским казачеством в годы Великой Смуты гетман Петр Сагайдачный публично покаялся перед иерусалимским патриархом Феофаном и просил прощения за злодеяния, совершенные им и его казаками в России. Он же приложил все усилия для восстановления Киевской митрополии, уничтоженной после Брестской унии 1596 г. Прибывший осень 1620 г. на Украину иерусалимский патриарх Феофан посвятил в Киеве Иова Борецкого в сан киевского митрополита, Исайю Копинского – в сан перемышльского епископа, Исаакия Борисковича – луцкого епископа. (Широкорад 2008, с. 94-95).

Последующие годы XVII столетия отмечены непрерывной чередой ожесточенных войн Польши с казаками.[12] При этом «христианский» фактор не рассматривался вовсе, и малороссийские казаки действовали постоянно в союзе с татарами. Любопытно, но уже через два года после Переяславской Рады, означавшей фактический переход Левобережной Украины в русское подданство[13], в конце 1656 – начале 1657гг., гетман Богдан Хмельницкий заключает военный союз с Карлом X и семиградским (венгерским) князем Юрием (Георгием) II Ракочи (Ракоци) против Польши, а точнее, против любого врага, несмотря на начавшуюся в 1656 г. очередную русско-шведскую войну (Летопись Самовидца, с. 74), т.е., выступив фактически на стороне противника. Складывается впечатление, что политические, как и материальные мотивы участия в войне для малороссийского казачества стали преобладающими. Да и с точки зрения Православия сама Малороссия не переживала той болезненной церковной реформы, которая вошла в историю России под названием раскол. Украина спокойно приняла греческую обрядность, вызвавшую столь ожесточенное противостояние в России. В 1640-х годах Киевский митрополит П. Могила отказался от старого русского устава и ввел в Западно-русской

[12] Этот период истории с исторической достоверностью прекрасно освещен в художественной литературе – Г. Сенкевич «Потоп», «Огнем и мечом», «Пан Володыевский», Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» и т.д.

[13] Юридически это закреплялось Андрусовским перемирием 1667 г. между Россией и Польшей.

Церкви целиком новогреческий устав (Каптерев 1908, с. 249). При всем этом, малороссийская церковь была по сути своей автокефальная, но находилась организационно под юрисдикцией константинопольского патриарха. В целом же мнение остальных православных патриархов о малороссийском казачестве было нелицеприятны. Вот так, например, отзывался о них Иерусалимский Досифей: «Хотя и исповедуем казаков бытии православными, однако, многие из них имеют нравы растленные и нравы сии не подобает от них перенимать тамошним (т.е. малороссийским – А.Ш.) православным» (Свщм Илларион 1915, с. 245).

В тоже время, никаких лозунгов в защиту старой веры, замененной новогреческим уставом, даже в случае явных попыток украинского казачества выйти из-под руки Москвы, не звучало. Восставший гетман Брюховецкий в 1668 г. посылал грамоту на Дон, где писал, что «мы великому государю добровольно без всякого насилия поддались потому только, что он царь православный, а московские царики, бояре безбожные, усоветовали присвоить себе нас в вечную кабалу и неволю, но всемогущая Божья десница, уповаю, освободит нас...» (Сватиков 1924, с.124). Таким образом, налицо лишь несогласие с притеснениями московских бояр, т.е. требования политического характера, но отнюдь не религиозного.

В 1689 г. русские войска князя Голицына осадили одну из казачьих обителей – Свято-Никольскую под Новобогородском, взяли штурмом и жестоко расправились с монахами. Причина столь жестких мер, предпринятых против православной обители, была отнюдь не религиозного, а политического характера. Под воздействием Польши монахи вели агитацию против России и за отделение Украины. Несмотря на то, что Свято-Николаевский монастырь был казачьим, и кошевой атаман запорожцев Иван Гусак хлопотал за монахов, но Голицын был непреклонен, и запорожцам пришлось смириться перед очевидностью обвинений, выдвинутых против обители (Эварницкий, III, гл. 4).

Попытка К. Булавина увести все Войско Запорожское на Дон в 1708 г. также не увенчалась успехом, поскольку религиозный лозунг защиты старой веры, не являлся существенным поводом для этого, а присутствовавшие в Сечи монахи из Межигорской обители принялись увещевать запорожцев и смогли убедить большинство не делать этого (Там же, гл. 8).

Гораздо позднее, уже в конце XVIII в., при переселении запорожцев на Черноморское побережье и Кубань в царствование Екатери-

ны II, поскольку они придерживались официального православия, то, по мнению ряда историков, церковь смогла сделать их оплотом в борьбе с преобладавшими в этом регионе староверами (Шептун 1995, с. 424).

Ситуация несколько изменилась с изменением политических обстоятельств, так как с середины 1650-х годов Киев переходит под власть Москвы, однако под юрисдикцию московского патриарха Киевская митрополия попадает лишь в 1685-1686 гг., оставаясь до этого формально под властью константинопольского патриарха. В тоже время, например, патриарх Никон был любителем киевских церковных порядков, так что по его инициативе в Москве начинает распространяться киевское партесное пение, с этого же времени появляются западные барочные элементы в церковной архитектуре. Вопрос о вероисповедальной чистоте малороссийской учености начинает фигурировать гораздо позднее в столкновении патриарха Иоакима с Сильвестром Медведевым.

При этом «Малая Россия» была канонически уже подчинена московскому патриархату, и Иоаким мог, видимо, поначалу надеяться, что украинское духовенство будет считаться с его авторитетом и поддержит в споре с Сильвестром Медведевым. Однако, его надежды не оправдались, и патриарх решил обратиться за помощью к восточным патриархам. Православное мнение восторжествовало, но не в результате квалифицированной богословской помощи ученых греков, а в результате государственного переворота, осуществленного Петром I, вследствие которого было заточение, покаяние, а затем уже и казнь Сильвестра Медведева, как идейного вдохновителя мятежной царевны Софьи. Петра, естественно, не интересовали богословские распри, ему гораздо опаснее представлялась роль Медведева при опальной царевне, как противостоящей партии. Как бы то ни было, украинское своеобразие в толковании канонов представлялось второстепенной проблемой по сравнению с расколом, однако, поскольку Киевская митрополия перешла к новой обрядности ранее Москвы, то на Украине особых проблем со старообрядцами не возникало.

Усилиями украинского духовенства формировалась и малороссийская идентичность в качестве попытки противостояния диктату Московского патриархата. В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры выходит исторический труд «Синопсис» под редакцией архимандрита Инокентия Гизеля, в котором обосновывается этническая и религиозная общность населения и Великой и Малой России, но при

этом отмечается то, что центр, как светской, так и духовной власти был изначально в Киеве и позднее переместился во Владимир на Клязьме, а затем и в Москву, но при этом Киев, с духовной точки зрения, оставался не менее, а даже более важным, нежели Москва (Plokhy, p.7).[14]

1.3. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ДОНУ, ТЕРЕКЕ И ЯИКЕ

Что касается донских, яицких и гребенских казаков, то ситуация развивалась совершенно иначе. Формально Подонская или Сарайская (Сарская) епархия константинопольского патриархата была образована еще в 1261 г., т.е. спустя всего два с небольшим десятка лет после вторжения монголов и подчинена митрополиту Киевскому и Всея Руси. Основанием для такого решения константинопольского патриарха было то, что все земли, где проживали казаки, входили в Тмутараканьское княжество и Киевскую митрополию. Возникали даже споры между епископами Сарайским и Рязанским о границах епархий в связи со сбором церковной десятины (Быкадоров 1930, с. 75-79).

Упадок Золотой орды явился причиной того, что в 1460 г. Сарайский епископ Вассиан перенес кафедру в Москву, на Крутицы (Римский 1998, с. 266). Однако, связь Крутицких архиереев и казаков была номинальной вследствие отдаленности и своеобразного строя жизни казачества. Ее не признавали ни сами казаки, ни их священнослужители. Тем более, что часть казаков, после вторжения Тамерлана в 1392 и 1395 гг. временно покинула донские земли и сдвинулась на север к Рязанскому и Московскому княжествам, и на восток – на Гребень (к Кавказским горам) и на Кубань. Отсюда появляются названия «рязанских» (1444 г.), «московских» (1467 г.), «азовских» (1401 г.) и гребенских казаков (Быкадоров 1930, с. 91-92).[15]

---

[14] Следует дать некоторые пояснения. Митрополит Кирилл III (?-1281) первый из Киевских иерархов после разорения Киева татарами был ставленником Даниила Галицкого, имевшего прозападную ориентацию. После посещения Никеи, где ему были даны антикатолические инструкции и знакомства с Александром Невским (1251 г.), сформировал внешнеполитический курс русской церкви. С 1251 г. своей резиденцией сделал Владимир на Клязьме, продолжая именоваться митрополитом Киевским и Всея Руси. Фактически, начиная с Кирилла, возвращения митрополичьей кафедры в Киев было эпизодическим. Центром русской церкви стал Владимир, а затем, при митрополите Петре – Москва (Соколов 2006, с. 10-21).

[15] М. Сенюткин приводит устные свидетельства о появлении на Яике в 1395 г. донского атамана Василия Гугни с 30 казаками, считая их основателями яицкого казачества (Сенюткин 1866, Ч. II, с. 208).

Да и в условиях специфического образа жизни казаков в течение столетий каноническая служба была не возможна, главным таинством было крещение. Его совершение было равносильно принятию в казачество. Веру рассматривали, как совершенное духовное состояние, стоящее выше сознания, ни с чем, не сравнивая, только говоря: «Либо вера есть, либо ее нет!». А поскольку вся жизнь казака была посвящена войне за Православие, то служение Богу превратилось в своеобразное воинское «юродство», провиденциализм, т.е. веру в то, что Господь руководит каждым шагом казака и ни на секунду не оставляет его. Судьба дана ему свыше, и если он не будет уклоняться от пути, предначертанного Богом, а отринет страх, все земное и суетное, т.е. уверует, путь его будет радостен и увенчан славою в Царстве Небесном. С самого раннего возраста, приучая мальчика к молитве, вместе с приобщением к понятию Воля Господня, одновременно закаливался характер будущего бойца. Сам по себе процесс чтения молитвы наизусть соединялся с требованием сосредоточиться на рассмотрении иконы, перед которой читалась молитва, тем самым вырабатывался боевой навык смотреть в глаза противнику, не моргая, вырабатывая характер и силу воли.

Церквей, как таковых, практически не было, а были лишь часовни и молельные дома. В городках по среднему Дону, где было значительно влияние новгородцев, о которых речь пойдет далее, чаще всего встречались храмы в честь Св. Николая Угодника, наиболее почитаемого на севере России святого, в низовых городках – во имя Св. Иоанна Предтечи в память Азовского Предтеченского храма или во имя Покрова Богородицы в честь взятии Казани. Фактически первой церковью казаков стал храм во имя Воскресенья Христова, освященный в 1652 г. Его возведение также связано с казачьим обетом. Сидя в осаде в Азове, казаки призывали на помощь «Творца и Содетеля нашего Бога, и Пречистую Богородицу, и великого Иоанна Предтечу, и Николу Чудотворца, и Святых стастотерпцев Бориса и Глеба». Покидая Азов, войско дало обет построить у себя на Дону церковь. По прошедствию нескольких лет с 15 октября 1649 г. в Черкасске началась эпидемия. Ее восприняли, как Божью кару за неисполнение обета. В течении двух месяцев казаки совершали неустанные молебны тем, кому давали обещания, а также Алексию Человеку Божьему. К концу года эпидемия пошла на убыль, а войско начало строить соборную церковь во имя Воскресения Христова с пределами Благовещения, Св. Иоанна Предтечи, Св. Николая Чудотворца и Св. Алексия Человека Божьего (Донские дела. Кн. 4. С. 440-442). При освящении церкви в храм были присланы от царя

и патриарха мощи шести святых, причем северорусских, в основном, новгородских.

Кроме того казаки имели собственные монастыри. Наиболее известные из них – Никольский в Борщеве, чуть ниже Воронежа, Рождественский Чернеев в Шацке[16] и женский Покровский в Воронеже. В монастыри и храмы казаки жертвовали драгоценности и старались украшать иконы золотом, серебром, жемчугом и дорогими камнями (Савельев 1990, с. 378). На колокола отправляли захваченные у турок негодные медные пушки. Так, в расспросных речах атамана Алексея Старого от 9 октября 1625 г. в связи с удачным набегом на азовские укрепления упоминается об отправке 117 пудов меди «по убогим монастырям на Воронеж, в Шатский, на Лебедань и к Святым Горам». (Донские дела. Кн. 1. С. 549). К казакам приезжали из этих монастырей челобитчики, т.е. монахи были уверены, что казаки им не откажут в помощи (Там же. С. 236).

Святогорская обитель, относящаяся к XIII в. прославилась явлением чудотворного образа Святителя Николая. С этим же святым изначально связан основанный самим донскими казаками монастырь близ города Шацка Тамбовского уезда на реке Цне. Основатель монастыря «черный поп» Матвей был по преданию казаком и устроил поначалу здесь пустыпь «Рождества Богородицы и великого Чудотворца Николы». С его слов в грамоте от 27 марта 1586 г. сказано: «... стал де тот монастырь с 13 лет на пустыни...» и именовался в честь Св. Чудотворца Николая Мирликийского (Филарет 1849, с. 6). Долгое время оставался именно казачьим монастырем, куда постригались престарелые и увечные казаки, находя здесь последний приют. Сюда же они часто делали вклады на помин усопших товарищей и родственников. Это был наиболее посещаемый из монастырей. Войсковая челобитная 1663 г. это подтверждает: «...за службу и за кровь исстари, при прежних их войсковых атаманах, при Исайе Мартемьянове, и при Смаге Чершенском, в Шацком уезде Рождества Пречистыя Богородицы и великого Чудотворца Николы Чернеев монастырь на вечное прибежище и на строение, а старым и от ран увечным в том монастыре постригаться без вклада. И они де издавна тот Чернеев монастырь всем войском Донским и ныне строят и многие вклады дают» (Филарет 1849, с. 12). В монастырском синодике XVII в. перечислены многие казачьи роды: Герасима Бурмина, Павла Чеснохина, Василия Грешного, Ивана Под-

[16] Борщевский монастырь иногда именуется как Троицкий, а Щацкий, как Никольский.

шивы и др. (Филарет 1849., с. 11). В 1682 г. возник конфликт между игуменом монастыря Филаретом и келарем Галактионом с одной стороны и Войском с другой. Суть конфликта видимо заключалась в отказе принимать раненых и престарелых казаков, а также в каких-то нарушениях, по мнению Войска, ведущих к разорению монастыря – чрезмерных налогах и поборах, осуществляемых по приказу игумена неким «гулящим человеком Сенькой Гуляевым». Царь принял сторону казаков и повелел «игумена и келаря из того Чернеева монастыря за неустройство переменить» (Грамота от 25 февраля 1682 г. Акты Лишина I, с. 108).

Второй по посещаемости обителью был Борщев Троицкий монастырь близ Воронежа, чуть ниже по течению Дона. «И ислужася на твоей государевой службе, мы, холопи твои, выходим в то твое царское богомолье, в Борщев монастырь на обещания» – говорится в челобитной от 29 ноября 1645г. (Донские дела. Кн. 3. С. 544). До 1681 г. он находился в ведении «Донских казаков атамана Фрола Минаева с товарищами, а ныне приписан к Воронежскому епископу» – так сказано в «Тетради» певчих дьяков, шедших вместе с войском под Азов в 1696 г. (Воронежские акты. С. 46). В монастыре хранился синодик, большая часть которого принадлежала родам донских казаков, среди них Корнея Яковлева, Кирилла Матвеева сына Чюрносова, Поздея Степанова и др. (Савелов 1902, с. 38-48)

Передача монастыря от казаков Воронежской епархии была произведена на основании указа от 21 ноября 1681 г. (Чулков 1871. С. 291). Судя по всему, войско неохотно этому подчинилось и указ был еще раз подтвержден 9 февраля 1686 г. (Воронежская старина. Вып. 3. 1903. С. 284), поскольку и монахи отказывались идти под руку воронежского владыки и просили заступничества у казаков. Казаки попробовали вмешаться в монастырские дела, но поплатились за это введением дополнительных ограничений на собственное пребывание в обители. В ответной царской грамоте было сказано: «...а донских казаков за их многие и верные давние службы, которые по желанию своему похотят в том монастыре постичься, пожаловали мы, великие государи, велели их в тот монастырь принимать и постригать и кормить братскою пищей против того ж как напред сего было... а которые казаки придут с Дона в тот монастырь для моления и их в том монастыре потому же покоить и поить и кормить, а больше трех дней в монастырь никого из казаков не держать...» (Савелов 1902, с. 36-37).

Монахи вновь совместно с казаками пытались опротестовать этот указ, но воронежский епископ Митрофан подал жалобу на то,

что казаки препятствуют ему, и последовало суровое наказание: казначея и семерых монахов повелено было «бить плетьми и сослать в вологодские монастыри под начало безповоротно», а дьячка, что составлял письмо в Войско, «бить кнутом нещадно и сослать в Холмогоры с женой и детьми на вечное житье», монахов из «донских казаков – Василия Иванова, Ивана Степанова и Ивана Афанасьева из монастыря выслать на Дон... И впредь в том монастыре донским казакам никому не бывать» (Сватиков, с. 116-117). Там же Сватиков ошибочно говорит о закрытии монастыря 9 февраля 1686 г., видимо имея в виду запрет на посещение монастыря казаками. Обитель продолжала существовать и позднее, правда, со временем превратившись в приходскую церковь села Борщева, а ее все угодья вместе крестьянами перешли к архиерейскому дому. Церковь также была почитаема и посещаема казаками. Это подтверждает синодик 1752 г. «войска Донского старшины... Уварова» (Савелов 1902, с. 37)

В названии монастыря фигурировала Св. Троица, однако, изначально он был посвящен еще и Николаю Чудотворцу. Ему был посвящен отдельный храм. Он упоминается в писании обители от 1625 г.: «...церковь во имя Живоначальной Троицы древяна,... да теплый храм великого Чудотворца Николы древень тоже...». Помимо этого, в самом храме Святой Троицы имелся престол, освященный во имя соловецких старцев, Преподобных отцов Зосимы и Савватия, также чрезвычайно почитаемых среди казаков святых (Чулков 1871, с. 288). Также как и в Никольский Чернеев монастырь сюда уходили на покой израненные казаки, принимая монашество. Оба монастыря предусмотрительно располагались в пограничном районе донских земель и территорий Московского государства, наиболее удаленном от возможного нападения извечных врагов казаков – крымских татар или азовских турок. Теперь же казакам было отказано вовсе от монастыря в Борщеве.

Женский Покровский монастырь в Воронеже был основан в 1623 г. для казачек. «В тот монастырь, – поясняли казаки в одной и войсковых отписок, – въезжают с Дона наши матери и сродницы... девичьих монастырей смежно к Дону нет». По челобитной казаков монастырю были пожалованы угодья вдоль речки Хворостань на 50 верст по течению. Там были расселены монастырские крестьяне, дававшие немалый доход монастырю. В конце XVII в. эти угодья, относящиеся к г. Коротояку, постепенно стали захватывать светские власти. Игуменья монастыря Ульяна обратилась за помощью к Донскому войску. Казаки просили царя, чтобы «пожаловали их казаков ради войскового прошения велели вотчину Фарасань (Хворостань – А.Ш.) принять на себя

и пожаловать стариц рукою» (защитой – А.Ш.). Однако, и здесь последовало наказание: игуменью сослали в один из северных монастырей, казачкам также было запрещено находиться в обители более трех дней, а Войску объяснили, что его не касаются дела, происходящие не на его территории (Сватиков 1924 с. 115-116).

С конца XV века начинается переселение на Дон новгородцев, бежавших сюда после череды московских нашествий в 1471-1478гг., завершившихся ликвидацией всех республик, существовавших на Северо-Западной Руси – Новгорода, Пскова, Вятки. Влияние новгородской культуры, в том числе, и религиозной, на казаков, по мнению историков казачества Быкадорова и Савельева оказалось чрезвычайным. На Востоке через полстолетия после гибели республик образовался особый мир, противоположный московскому, но родственный новгородскому(Быкадоров 1930, с. 111; Савельев 1990, с. 263-291). Тем более, что многое в образе жизни новгородцев и казаков было схоже. Это касалось и вопросов веры. Можно сказать, что это был некий синтез язычества и Православия.[17] Христианство в новгородских областях прививалось очень медленно и в XI и в XII веках новгородцы еще упорно сохраняли остатки своего языческого культа. С этим, вполне вероятно, связано и довольно мирное присоединение земель карел, одного из самых многочисленных представителей финно-угорского мира, к новгородским владениям, в отличие от насильственной католизации коренных жителей Финляндии. Новгородцы в 1384 г. отказались подчиняться московскому митрополиту и постановили, что духовные дела решаются вечевым судом. Венчание проходило не только в церкви, но и возле ракиты, при этом брак, как и развод, узаконивались публично на вече. Жениться можно было неограниченное количество раз. При обряде церковной свадьбы священник с крестом возглавлял свадебную процессию. Виновных же в прелюбодеянии сажали на цепь при церкви. Вместо воды в день Св. Николая освящали вино. Все те же обычаи были в ходу и на Дону. Большинство из этих обрядов были запрещены собором 1667 г. (Харузин 1885, с. 72-76, 144-150).

Какие-то обычаи остались среди казачества и от совсем древних времен. Например, донские казаки Приазовья и кубанские Причерноморья кладут умершим в левый рукав монетки. Зачем? Для платы Харону, который перевозил души умерших через реку забвения – Стикс, в царство

[17] Можно добавить сюда и некоторые обычаи, пришедшие с Востока, например, выкуп невесты – «калым» или «кладка» (Харузин 1885. С. 126).

мертвых – Аид. И этот обычай сохранился в тех местах, где когда-то располагались греко-скифские поселения (Алмазов 2008, с. 65).

А вот, к примеру, некий восточный обряд: в жизни казаков нередко случались ситуации, в которых необходимо было пожертвовать своей жизнью для спасения жизни других. Только в этом случае казак-смертник, выходя на майдан, говорил: "Братья казаки, кто возьмет мою вдову и моих сирот за себя?". Достаточно было выйти из толпы любому казаку и, накрыв буркой женщину и детей, увести с собой. Обычай этот имел у казаков название "талах" (по-татарски (и по-арабски) – "отойди") (Астапенко 2002. С. 30-31). Именно так, в мусульманских странах, по законам шариата, производится развод. Достаточно мужу трижды произнести это слова, и его жена становиться уже бывшей. В казачьей же среде, это приобретало несколько другой смысл. Присутствие новгородцев среди казачества подтверждается рядом географических названий городков и станиц – Раздоры, Ярыженская, Каргальская, Гундоровская и т.д., и рядом слов – «атаман», «молодец», «стан», «ватага» и др. Внешний вид казаков, проживавших в районе Раздор и выше, в тех областях, что позднее назывались 1-м и 2-м Донскими округами, также сильно отличался – они были выше ростом, имели русые волосы, бороды рыжеватые, лицо белое, нос большой, прямой и хрящеватый. Савельев также отмечает типично новгородский говор в этих станицах. Интересны грамоты, составлявшиеся казаками. Стиль их написания, обороты речи, ирония и противопоставления, совершенно отличны от московской письменности, для которой очень характерны постоянные повторы одного и того же. Влияние Великого Новгорода отчетливо видно и народном творчестве – былины о Ермаке и Разине удивительно напоминают Садко (Савельев 1990, с.266).

Казаки не отличались домовитостью и семейностью, этому способствовал их образ жизни. Между тем, новгородцы были самыми искусными плотниками в России. Они первые начали строить укрепленные городки на всем протяжении среднего и нижнего Дона – Раздоры Верхние и Нижние, при устьях Маныча и других рек. Они считались и лучшими мастерами в деревянном церковном зодчестве. План и фасад их церквей был свой, особенный, древнеславянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий, – «это архитектура языческих капищ, близко напоминающая древнеперсидскую», считает Савельев (Савельев 1990, с. 274). Правда, другой исследователь казачьего церковного зодчества – Н. Лаврский находил связь с галицко-киевскими постройками (Лаврский 1917, с. 14). В качестве подтверждения новгородского происхождения архитектуры церквей Савельев приводит

еще несколько аргументов: невысокие иконостасы, больше похожие на католические, в отличие от греческих, принятых в Москве и Киеве; характерная резьба по дереву; а также то, что самым популярным святым в честь которого строились и церкви и часовни был Св. Николай, что свойственно было новгородцам. Кстати, первый же город, основанный Ермаком в Сибири, назывался Кокуй – по имени главной башни Новгородского кремля (Савельев 1990, с. 280-283).

В целом, делает вывод, еще один авторитетный исследователь казачьей истории С.Г. Сватиков, в XVI-XVII вв. Донское Войско представляло из себя военно-демократическую республику, имеющую свою территорию, свой народ, свои законы, свою веру и свою власть. Так продолжалось до 1673 г., до момента принесения присяги русскому царю, однако, это не означало потери суверенитета, а лишь признавало вассальную зависимость от Москвы (Сватиков 1924, с. 16).

Донское казачество смотрело отрицательно на все войны против христианских государств, и участие в них было весьма ограниченным, можно сказать даже вынужденным, поскольку Войско нуждалось в «жаловании», которое выдавалось Москвой и состояло в основном из пороха и свинца, крайне необходимых для народа, который вел постоянную борьбу с мусульманским Востоком. Сконцентрированная религиозная идея войны с магометанами выражалась, прежде всего, в освобождении Азова, древнего христианского города, где с незапамятный времен существовала церковь Иоанна Предтечи (Крестителя). Азов стал для казачества тем же, чем был Иерусалим для крестоносцев. В царствование Ивана Грозного казаки охотно участвовали в его походах на Казань (атаман Сусар Федоров), но отказались участвовать в наступательной Ливонской войне и в 1579 г. самовольно покинули армию. Уход казаков, позволил свалить на них всю вину за неоказание помощи осажденному Баторием Полоцку (Карамзин. Т. IX. С. 132). Зато участвовали в героической обороне Пскова против того же Стефана Батория в 1581 г., где прославился и погиб донской атаман Миша Черкашенин. Кстати, тот же Миша Черкашенин увел своих казаков двумя годами раньше, но никакого наказания от царя не было (Скрынников 2008, с. 25-26). Участвовали казаки и в обороне Орешека от шведов в 1582 г. – атаманы Григорий Картавой и Иван Лукьянов. При царе Федоре Иоанновиче атаман Посник Лунев с казаками ходили под Ругодив (Нарва), Ивангород (1590-1591гг.) и Выборг (1592г.) (Материалы Войска Донского С. 160-166).

Что касается событий Смутного времени, то никакой религиозной подоплеки они не содержали. Участие казаков в гражданских войнах

этого периода связано, прежде всего, с обидами, нанесенными им правительством Бориса Годунова. Этим объясняется их выступление на стороне Лжедмитриев I и II. Присутствие поляков-католиков казаков не смущало. Дело было именно в царе. Никакая Москва или Русь для казаков особого значения не имела, тем более в смысле «Третьего Рима». Лишь русский царь, как «помазанник Божий» олицетворял в их представлении Православие, за которое они были готовы сражаться. Таким им представлялся Лжедмитрий. Именно по этой причине, как только в качестве претендента на престол был выдвинут польский королевич католик Владислав, казаки поддержать его отказались (Станиславский 1990, с. 168). Такая же участь постигла и шведского претендента – сына Карла IX – Филиппа. Командовавший объединенным польско-казацким войском гетман Я.П. Сапега заявил казакам: «Вам он не надобен, еретик и не люб вам будет» (РГАДА Ф. 184. Д. 133. Л.1-3об). С чем казаки согласились. Завершение Русской Смуты и воцарение династии Романовых, как известно, тоже не обошлось без участия казачества.

Однако, в дальнейшем попытки привлечь казаков к войне против христианских государств натолкнулись на скрытое неподчинение. В 20-е годы XVII в. Дон дважды отказал Москве, а в отписке атамана Епихи Родилова было сказано прямо: «в неволю не служат!». Казакам предлагалось заключить союз с Турцией и выступить против Польши. Мотив отказа заключался в несовместимости казачьих традиций заключать союз с «басурманским» государством против христианского (Донские дела. I, С. 248.) Отказ был настолько категоричен, что казаки заявили даже о готовности уйти с Дона и переселиться на турецкие территории (РГАДА Ф. 127. Оп. 1. 1626г. Д. 1. Л. 336-37). Когда в 1630 г. русское посольство возвращалось из Стамбула в Москву, казаки прознали, что посланные в столицу атаман Наум Васильев со товарищами схвачены и отправлены в ссылку в Холмогоры. На кругу им было зачитана грамота о том, что сейчас им нужно воевать не с турками, а с поляками. Обозленные заточением своих товарищей, казаки зарубили при всех царского воеводу Ивана Карамышева, а в отписке оправдались тем, что при чтении царской грамоты он «против государева имени шапку не снял, стоял, закуся бороду» (РГАДА Ф. 89. Ед. хр. 1630. №5 Л. 114-115). И, наконец, весной 1632 г. из Москвы вернулись атаман Тимофей Яковлев и казак Денис Парфенов с царской грамотой, в которой было «жалованное к казакам слово и патриаршее благословение», а также просьба встретить на Дону царского посла князя Ивана Дашкова «с честью».

Прибывший посол передал казачьему кругу новую грамоту от Михаила Федоровича, где от лица царя и патриарха Филарета от казаков требовалось целование креста на верность, а также повелевалось произвести перепись – «взять в смету, сколько их казаков на Дону будет», а потом вновь указывалось «итить на недруга, на польского и литовского короля, и на литовских людей». Приносить присягу за то, что они и так всегда выполняли, тем более через целование креста – «великое и страшное знамение» для казаков, круг посчитал оскорбительным и решительно отказался (Савельев 1990, с. 324-325).

Отказались они и переписывать себя – «как нас в разъезде много, то войско не велико, а какой час в разъезде мало, то нас, что водных источниц, в иную пору мало, в иную много, а потому нам росписи сметной писать нельзя». На требование же идти против Польши и Литвы, не желая проливать христианскую кровь, ответили еще более туманно (Отписка казаков 26 мая 1632 г. Материалы для истории Войска Донского. С.160-166).

Централизация Московского государства и присоединение к нему Рязани (1517 г.) вызвала отток казаков обратно в Придонье. С признанием Иваном Грозным Войска Донского все земли, заселенные казаками в религиозном отношении переходят под подчинение Патриарха Московского и Всея Руси. Но подчиненность была опять же номинальной. Вся зависимость от высшей церковной власти заключалась в том, что казаки обращались к патриарху с просьбами разрешить постройку церквей и монастырей, снабдить их церковными принадлежностями, утвердить их священников (Харламов 1906, с. 35). При этом, надо отметить, что иконы, колокола и другие необходимые культовые предметы казаками приобретались за деньги. Так грамота царя и великого князя Михаила Федоровича от 5 июля 1645 г. говорит «о написании по ходатайству донских казаков восьми икон, исправлении обложки на евангелии, об отлитии двух колоколов на присланные от казаков для того средства и об отправлении этих предметов на Дон». А средства были собраны немалые: «6 рублев 15 алтын 4 деньги, да 17 золотых, да 20 ефимков, да ломаного серебра и ефимков и с турскими деньгами 5 фунтов 35 золотников» (Акты Лишина, I, с. 40-41). Кроме удовлетворения этих нужд реального влияния на религиозную жизнь казаков не было, даже священников они выбирали сами, и, по утверждению круга, посылали в Москву для наставления. Поминание в молитвах патриарха начинается лишь с 1687 г. (Савельев 1990, с. 269). Церковная же организация у казаков по-прежнему отсутствовала. Священников или выбирали из числа своих, наиболее нравственных и знающих обрядность, или, что было

реже, принимали из России. Но приближалось самое страшное событие XVII в. – раскол, слово которое стало обозначать не столько приверженца старых церковных обрядов, а приобрело политическую окраску и превратилось в синоним слова «мятеж», соответственно те, кого стали называть раскольниками, автоматически превращались в бунтовщиков и воров.

Первые попытки обновить Русскую церковь были предприняты еще столетием ранее. Знаменитый богослов Максим Грек перевел заново Священное Писание, но отношение к нему со стороны православного духовенства было недружелюбным, на него смотрели с подозрением, как на всех греков из-за Флорентийской унии 1439 г., и его перевод не был принят. Митрополит Макарий, ставший Московским архиереем после новгородской кафедры придерживался уже Иерусалимского устава церкви (как и в Киеве, Пскове, Новгороде), однако собор 1551 года, вошедший в историю под названием Стоглавого, осудил его действия и постановил креститься по-прежнему двумя перстами, однако принял необходимость переписать Священное Писание.

Патриарх Никон, заручившись поддержкой иерархов восточной церкви – Антиохийского патриарха Макария, Сербского патриарха Гавриила, Никейского митрополита Григория и Молдавского митрополита Гедеона на соборах 1654-1655гг. подверг резкой критике всю систему действующих православных обрядов совершенно упустив из виду, что как раз обрядность среди русского православного населения имела первостепенное значение и была равноценна вероучению. Получив христианство от греков уже в готовом, по внешнему виду, обряде, русские его сохранили в первозданности, и если греки в конце XII – начале XIII вв. признали правильным трехперстное крестное знамение, как символ Св. Троицы, то для русских это означало отказ от «истинной» веры, символом которой стало двуперстное крестное знамение (Каптерев 1888, с.62-78). Естественно, что все это вылилось в беспощадную борьбу. Тех, кто придерживался старых обрядов, нарекли раскольниками, и подвергли самым жесточайшим гонениям. В ответ начались бунты, потрясшие всю Россию – Соловецкое восстание (1668-1676гг.) и мощнейшая война под предводительством Степана Разина (1670-1671гг.). Сторонники старой веры разделились на два течения – «поповщина» (собственно старообрядство) и «беспоповщина». Различие исходит из названия, последние придерживались того мнения, что раз не осталось необходимого числа архиереев – приверженцев старых обычаев, то некому рукополагать в священники, а соответственно можно обходится без них. «Беспоповщина» получила

распространение в основном на Севере России, хотя, например, сам Степан Разин типичный пример «беспоповщины». Это следует из его лозунга: «На что церкви? На что попы? Венчать что ли?» (Костомаров 2008, с. 627).

На Тереке, как и на Дону, с незапамятных времен церковная организация среди гребенского казачества отсутствовала, культовой деятельностью руководили выборные лица из числа наиболее грамотных и нравственных казаков (Великая 2003, с. 30-31). К началу XVIII в. сообщалось, что «в гребенских городках не имеется ни одного попа» (Гедеон 1992, с.74).

Первые православные церкви на Тереке появляются в русских городках и острожках в XVI-XVII вв. Их посещали и казаки. Известно, что в 1645 г. в Соборной церкви Терского городка к присяге Алексею Михайловичу были приведены «дворяне, дети боярские, новокрещены, всяких чинов русские люди, терские и гребенские атаманы и казаки» (Великая 2003, с.31) Православные священнослужителя Терека подчинялись Астраханской епархии, учрежденной в 1602 г. (Юдин 1914, с. 45-46). Во второй половине XVII в. внимание центральной власти к столь отдаленному региону ослабло.

В этом регионе, как и на Дону, явственно прослеживается новгородское или северорусское влияние. Это касается и жилища, представлявшего из себя сруб, правда, использовавшийся только в летнее время, схожесть обрядовой практики, например, свадебный плач и фольклора. В западных и южных регионах России почти не праздновались святки, а в северорусских и у гребенцов они превратились в большие праздники. Также широко отмечались Покров, Никола Зимний и Вешний, Пасха, Масленица, Троица, Успение и другие церковные праздники. По-видимому неслучайно у гребенцов наибольшим почитанием пользовался Николай Чудотворец (в четырех из пяти городках в честь него были построены церкви). Проникшие на Терек в XIV в. новгородцы-ушкуйники подготовили массовое переселение жителей северных регионов России в 1470-1480 гг., вызванное известными событиями – включением в состав Московского государства новгородских, вятских, тверских земель (Великая 2004, с. 112-113).[18]

Гребенцы по-прежнему продолжали придерживаться старохристианских верований и культов, видя в этом один из факторов сохранения собственной идентичности. Обнаружилось это лишь в начале XVIII в., но Петр I приказал не тревожить старых верований гребенцов, так

[18] В Поморье имеется до сих пор Терской берег.

как они служат государю верно и «без измены», «удерживаются» в мусульманском мире, не идут против церковной власти, не нарушают государственного порядка (Попко 1880, с.133-134). Для царя главным был вопрос покорности и верной службы, а не веры.

1.4. РАСКОЛ НА ДОНУ

Разгром разинцев и приведение донского казачества к присяге на верность Москве усилили расслоение среди самих казаков. В большинстве своем они были сторонники старой веры, хотя для них она означала фактически лишь двуперстное крестное знамение. Казаки считали, что они сохраняют обряды, доставшиеся от отцов и дедов, ничего не прибавляют и не убавляют. Разгром Соловецкой обители, наиболее почитаемой среди казачества, вызвал естественное возмущение на Дону. Вместе с тем усилился поток беженцев-раскольников из России, которые селились по рекам Чир, Хопер и Медведица. Жили они в глухих местах, в скитах, по 3-4 человека, но постоянно общались между собой и со временем уже представляли из себя довольно большую религиозную общину. Требования царского правительства о разорении раскольничьего городка на Медведице оставались без удовлетворения.[19] Мало того, начинало зреть недовольство и сопротивление попыткам властей выловить скрывающихся на Медведице старцев-проповедников старой веры. Жестокие преследования раскольников вызывали сочувствие большинства казаков, которые по своей сути являлись теми же старообрядцами, считавшими себя хранителями верований раннего христианства, что было совершенно нормальным для них в условиях фактической церковной автономии. Реформирование церкви, вызвавшее понятие раскола, никакого сочувствия у них не вызывала.

Весьма популярным, как среди старообрядцев, в том числе казаков, весьма популярным становиться мнение о земле Донской, как о последнем островке «истинного» православия: «Светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился, яко шестикрыльные (серафимы) налетеша» (Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археологической комиссией. Т. 12. Док. 17). Один из новых городков, основанных старообрядцами, получил наименование «второго Иерусалима», противопоставляю чи-

[19] Царские грамоты от 9 марта 1675г.; от 10 сентября и 18 ноября 1683г. Акты Лишина. Т. 1. С. 88, 114, 118.

стоту и святость Дона «нечистой» Москве – Третьему Риму и никоновскому Новому Иерусалиму (Сень 2004, с.75)

В 1675 г. тамбовский воевода Петр Лопухин направил на Медведицу, где скрывалось около 300 раскольников, боярского сына Василия Клокова с 20 казаками[20], которым удалось захватить «3-х мужиков, 4-х женок и 12 девок» из числа раскольников, однако, проезжая по Хопру мимо Беляева городка, полон был отбит казаками Савкой Елисеевым и Сенькой Буянкой (Царская грамота от 9 марта 1675 г. – Акты Лишина I, с. 88-89). Для казаков само понятие «выдачи с Дону» или «с реки» если и представлялось возможным то, только по решению войскового круга, хотя и было одним из краеугольных камней казачьей философии и практически не обсуждаемым вопросом их жизненного уклада.

Правда, Савельев сообщает о неком старце-проповеднике из одного скита на Чире, который был все-таки схвачен казаками и сожжен в Черкасске в 1676 г. за то, что «не молит Бога за царя и патриарха» (Савельев 1990, с.382), однако, большинство казаков, особенно верхних городков, не могло понять, почему за сохранение верности «истинной» православной вере необходимо казнить.[21] В тоже время в казачьей среде, не вдававшейся в церковные тонкости и исповедовавшей православие в широком значении этого слова, какие-то высказывания старцев-проповедников могли показаться еретическими. В таком случае смерть была неминуема. Учитывая то, что с 1671 г. донских казаков привели к присяге и крестному целованию, поминание при богослужении царя (царей – во время царствования Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича) и патриарха стало обязательным. Не выполнение этого могло быть причислено к ереси. Но подобных воззрений придерживались казаки в основном из окружения атамана Фрола Минаева, а вместе с ними и священнослужители, поддерживавшие московское правительство и ориентировавшиеся только на Москву. Большинство же казаков сочувственно относились к ревнителям древнего благочестия и выражали недовольство все более усиливающимся вмешательством Москвы во внутренние дела Дона.

Предводителем поселившихся на Медведице староверов был Кузьма Косой, который по его словам «научился расколу» в Соловецком монастыре. Он проповедовал, что реформы Никона есть наступление

[20] Судя по всему городовыми казаками.

[21] Казаки считали этих старцев иностранцами на своих землях и при нарушении казачьих законов судили в соответствии со своим правом.

царства антихриста, но в ближайшее время произойдет второе пришествие Христа и наступит «воздаяние мучителям кровавым». Косой заявлял: «Нам де Христос велит землю очищать; мы не боимся ни царей, ни всей вселенной...» (Сватиков 1924, с. 127).

Москва потребовала выдачи старца и его сообщников «с воровскими письмами», но войсковой круг, несмотря на все старания атамана Минаева, отверг, заявив, что «и без них на Москве много мяса», подразумевая массовые казни стрельцов и староверов после 1682 г. (Савельев 1990, с. 383).

Вместо отправившегося в Москву, а затем поход на Крым войскового атамана Фрола Минаева – ярого приверженца Москвы, новым атаманом в 1687 г. был избран Самойло Лаврентьев, сторонник сохранения старой веры и старых казачьих традиций, в том числе и «не выдачи с Дону». Таким образом, в самом Черкасском городке – столице Дона сформировался второй центр старообрядчества наряду с Медведицей во главе с Самойло Лаврентьевым, Киреем Чурносовым (Чюрносовым)[22] и священником Самойло Ларионовым, как религиозным деятелем старой веры, служившего до этого в Манычском городке.

Казачий круг постановил не называть сторонников старой веры раскольниками, а Чурносов «на царскую грамоту о разорении раскольничьих пристанищ на Дону» заявил: «Разорять их не для чего», поскольку посланец от Войска, расследовавший дело, «никакого воровства и раскола про них не сыскал, кроме того, что они в тех пустынях Богу моляться». Кроме того было решено « сверх старых книг ничего не прибавливать и не убавливать, и новых книг не держать (церковных книг – А.Ш.), а станет кто тому приговору быи противен или учнет говорить непристойные слова и тех побивать до смерти» (Савельев 1990, с. 384). На Дону прекратили во время богослужения поминать и царей и патриарха. Самойло Ларионов, получив право служить в приделе Св. Иоанна Предтечи главного храма Черкасска, открыто служил по «старым» книгам. А совместно с Чурносовым отправили письма на Яик и Терек «чтоб не слушали ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую...» (Сватиков 1924, с. 126-127). Более того, они потребовали от настоятеля храма Воскресения Христова отца Василия и второго священника о. Германа,[23] также служить по старым

[22] Кирей Чурносов еще проходит под фамилией Матвеев. Во время переписи казаков очень часто фамилиями становились имена отцов, как например Фрол Минаев, а его сын Василий Фролов. Правильнее было бы называть Кирей Матвеевич Чурносов.

[23] Первый бы посвящен самим патриархом Никоном, второй белгородским митрополитом. – Савельев 1990, с. 384.

книгам, ослушавшегося их дьякона «отодрали за волосы» (Савельев 1990, с. 384).

Примечателен тот факт, что именно в этот момент, пожалуй впервые за всю историю Дона, обсуждается попытка создания автокефальной православной церкви или «помощью 7-8 попов» избрать епископа или пригласить епископа Павла Коломенского и Каширского, по слухам сбежавшего из заточения (Савельев 1990, с. 385). Последнее представляется выдумкой, поскольку по преданию он был убит почти за тридцать лет до описываемых событий 3 апреля 1656 г. по приказу еще патриарха Никона.[24]

Оставшиеся на Дону сторонники Фрола Минаева пытались связаться с воронежским воеводой чтобы «управиться с раскольниками» хотя бы в верховых городках, но тот заявил, что над раскольниками на Медведице «изгоном промыслу и посылки учинить не мочно, чтоб не возмутить всем Доном от того дела...». Воевода пограничного Воронежа помнил о недопустимости нарушения автономии казачьих земель. Кроме того, не совсем ясной выглядела позиция патриарха Иоакима, который во время стрелецкого бунта 1682 г. заявлял: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем! Жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются Св. Церкви, а креститесь, как хотите! (Соловьев, XIII, с. 912). То есть на первом месте стоял вопрос дисциплины и беспрекословного подчинения, исключающий, казалось, дискуссии о вере, но при выполнении этого условия, допускающий некоторое послабление. Это же было подчеркнуто и на соборе 1682 г. В случае явного неповиновения, собственно раскола, церковь просила «отсылать к градскому (светскому – А.Ш.) суду и по своему Государеву рассмотрению, кто чего достоин указ чинить» (Акты исторические V, №75 с. 111-112). В тоже время, патриарх Иоаким считал, что основная борьба со староверами должна проводиться на низовом иерейском уровне ибо главное было добиться повиновения именно в приходах, как залог общей церковной дисциплины и подчиненности низшего звена архиерейскому

[24] Епископ Коломенский и Каширский Павел был единственный из архиереев выступивший против реформ патриарха Никона на соборе 1654 г., за что был «извергнут», лишен сана и заточен в далекий монастырь на Онежском озере. Особо почитаем, как священномученик, среди староверов. По преданию, бывший епископ стал юродивым и был выпущен из заточения, свободно бродил по окрестностям и ратовал за старую веру. Никон, узнавший об этом, приказал убить Павла, что и было осуществлено 3 (16) апреля 1656 г. в Великий Четверг страстной седмицы. Собор 1666-1667 гг. , судивший Никона, обвинял его в «извержении» и убийстве епископа Павла. Предположительно, Павел был ровесником Никона (1605 г.р.) и даже другом детства, таким образом, в описываемое нами время, ему должно было быть более 80 лет. (Макарий 1855, с. 249).

(Живов 2004, с. 177). Самостоятельно определить, насколько опасны раскольники поселившиеся на Дону, воронежский воевода также не решался, предпочитая дождаться прямого указания из Москвы.

Пока московское войско, а вместе с ним и Фрол Минаев ходило на Крым, медведицкие старообрядцы попытались объединиться с казаками. Однако то, что стал излагать казакам Косой, было настолько радикально, что даже убежденный старовер поп Самойло заявил, что так, как говорил Косой, «о скончании века Святые апостолы и пророцы не написали!». Тогда Лаврентьев распорядился арестовать Косого.[25]

Вернувшийся из похода Минаев вновь становиться войсковым атаманом и отправляет одного из вожаков казаков-староверов Чурносова во главе зимовой станицы в Москву. Им же поручалось доставить Кузьму Косого. Допросы Косого показали причастность к расколу и Самойлы Лаврентьева. Москва затребовала выдачу бывшего атамана. На царскую грамоту семь верховых городков ответили отказом, на повторное требование выслали с Дона попа Самойло Ларионова, сбежавшего обратно в Манычский городок. По получению третьей грамоты казачий круг собирался пять раз, но ответили отпиской, что «атаман Самойло, по розыску Воска, расколу не причастен, и притом болен, и потому не отправлен в Москву» (Сватиков 1924, с. 128).

Один из ближайших сподвижников Петра генерал Патрик Гордон в своем дневнике, комментируя события, происходившие на Дону, сообщает, что казаки, отказываясь выдать Лаврентьева, стояли не за раскол, а за свои привилегии (Гордон II, с. 216). Это действительно так, и религиозный фактор все-таки имел больше политическую окраску, нежелание подчиняться Москве, а скорее наоборот избавиться от ее опеки. В ходе подавления выступления староверов многие из казачьих старшин, открыто придерживавшихся старой веры, но лояльно относящихся к Москве, были прощены – Илья Зерщиков, Иван Терской, Лев Епифановский и др. (Грамота от 14 августа 1688 г. ПСЗ II №1310).

Но вслед за станицей Чурносова с Дона шли изветы. Авторство их приписывается знатному казаку Яну Греку, который сообщал в Посольский приказ, что «те, которые суть противники апостольской церкви не есть рабы великий государей» и что «сие есть дело о вере великой» (Сватиков 1924, с. 126).

---

[25] Савельев говорит о том, что Косой проповедовал о неком «царе Михаиле, скрывающемся у них на Медведице» и был арестован уже Ф. Минаевым вернувшимся из Крымского похода (Савельев 1990, с. 385)

5 марта 1688 г. зимовая станица была схвачена в полном составе, а 10 апреля под давлением Минаева и его сторонников казачий круг постановил выдать Москве Лаврентьева. Ровно через месяц, 10 мая 1688 г. все они были казнены (Сватиков 1924, с. 128-129).

Приблизительно в это же время на Дону служит один из выдающихся духовных деятелей раскола бывший игумен Тихвинского Никольского монастыря Досифей (Макарий 1855, с. 273, Акты Лишина, I, с. 145-146). На самом деле это второй визит Досифея к казакам. Первый совпал по времени с восстанием Степана Разина с 1669 по 1672 гг. – «...поиде на Дон и пребыша на Дону три лета, и паки возвратиша к Москве». Случайно ли совпадение? После подавления восстания многие из его участников оказались в Соловецкой обители – оплота старообрядчества на севере и участвовали в обороне монастыря (Алмазов 2008, с. 395).

Появление вторично Досифея на Дону датируется 1685 г., когда он становиться настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы в Нижнечирском городке. Церковь была только что переделана из часовни и стояла неосвященная, поэтому казаки Нижнего Чира были рады появлению священника с антиминсом. Досифей трижды ездил в Черкасск за разрешением: «А в нынешнем, в 194 году (1686 г.) приезжал он, Досифей в Черкасской с иными такими ж церкви Божий противниками, старцами, и выступали в трех кругах, в разных числах, и просили войско, чтоб им ту часовню освятить...» Казаки убедились, что у Досифея есть антиминс и ставленная грамота, и дали согласие на освящение храма, которое состоялось 21 марта 1686 г. при большом скоплении народа. Церковь в Нижнем Чире стала чрезвычайно популярна, поскольку теперь обладала всеми необходимым атрибутами христианского благочестия, и, главным образом, Святыми Дарами. Казаки-старообрядцы теперь стремились попасть только в те храмы, где священники имели «Досифеево причастие». В Москву войско доносило: «...м атаман-де и все старшины положились в том на их поповскую волю, чтобы они служили так, как в старых книгах напечатано... А черный поп Досифей живет на Дону... а черный поп же Ермил живет на Дону... а в Черкасский городок приходят не почасту, и никакого расколу они у казаков не учивали... И церковь на Чиру велели освятить попу Досифею войском, будучи в кругу...» (Алмазов 2008, с. 396).

Грамота о поимке Досифея от 5 мая 1688 г. вынудила знаменитого игумена податься в бега и спрятаться у сочувствующих казаков (Акты Лишина, с. 144). А с разгромом старообрядческих городков и выдачей в Москву Самойлы Лаврентьева, Досифей ушел вместе с остальными

на Куму, где и скончался не позднее 1691 г. (почил «апостольским мужем») (Алмазов 2008, с. 396).

14 августа 1688 г. следует царский указ Донскому Войску «идти с Чаган-Батыр-Тайшей[26] (т.е. с калмыками – А.Ш.) на р. Медведицу и над городком, в котором сидят, собравшись с донских городков, воры и раскольщики... и чинить промысл» (ПСЗ т. II, № 1310). С лета 1688 г. по весну 1689 г. в ходе развернувшихся боевых действий уничтожалось населения целых городков. Раскольничьи поселения на Медведице разорены атаманом Иваном Аверкиевым (Грамота от 22 мая 1689 г. – Акты Лишина I, с. 155-156), частично староверы ушли, частично были перебиты, остальные, значительная часть, спрятались до лучших времен (Грамота от 14 августа 1688 г. – Грамоты Прянишникова, с. 122-123).

Часть казаков атамана Петра Мурзенко уходит на Кубань, еще около 2000 человек с атаманом Левкой Манацким – на Куму (Броневский 1834, с. 200)[27]. В отчаянии староверы заявляют: «... у нас-де горше Крыму... лучше-де крымский, нежели наши цари на Москве» (Дружинин 1889, с. 182).

Правительство срочно приказывает митрополиту Воронежскому Митрофану направить дополнительно священников на Дон. Интересная особенность, что священников посылали сроком ровно на один год, затем их должны были ежегодно менять. (Грамота от 23 сентября 1688 г. – Акты Лишина I, с. 147). Не связано ли это было с опасением того, что священники могут переметнуться к раскольникам, ведь и патриарх Иоаким считал, что главное искоренение раскола должно произойти на иерейском уровне?

В 1689-1690 г. предпринимаются попытки вернуть ушедших казаков с тем чтобы они «обратились на истинный путь» и «вины свои принесли и шли в жилища свои» (Грамота от 1 июля 1689 г. – Савельев 1990, с. 390; Грамота от 9 марта 1690 г. – Акты Лишина, I, с. 161). Однако, желающих вернуться не нашлось, а если таковые и были, то в крайне незначительном количестве.[28] Одновременно был поднят вопрос о разрешении отправления старых обрядов, но ответ был четким:

---

[26] Участие в карательных акциях калмыков именно Чаган-Батыр-тайши под вопросом. Сватиков сообщает о том, как Чурносов хвалился своей дружбой с предводителем калмыков и после того, как Москва расправилась с верхушкой донцов-староверов в т.ч. и с Чурносовым, Чаган-Батыр-тайша почувствовал себя настолько скомпрометированным, что увел своих калмыков за Волгу (Сватиков 1924, с. 126).

[27] Позднее, они перебрались на реку Аграхань во владения шемхала Тарковского.

[28] Б. Алмазов приводит цифру в 40 семей во главе с атаманом П. Максимовым, которые вернулись в Чирской городок и отрешились от старой веры (Алмазов 2008, с. 403)

«что им ворам креститься по старому» великие государи «писать не велели» (Савельев 1990, с. 390). Попытки войска договориться мирным путем с бежавшими оказались также напрасными – раскольники убили посланцев, чем восстановили против себя большинство казаков.

Летом 1690 г. большой отряд раскольников, соединившись с тысячами горцев, двинулся на верховые казачьи городки. Угрозами и уговорами им удалось привлечь на свою сторону часть казаков. Но в этой ситуации старообрядцы выступили, как «супостаты», приведшие на Дон «иноплеменных». В соответствии с казачьим правом Фрол Минаев собрал круг и получил полную поддержку войска. В районе Цимлянского городка произошло сражение и раскольники потерпели поражение. Несколько позже они совершили набег на городки Тор и Маяцкий.

В январе 1691 г. Москва послала к раскольникам с милостивой грамотой дворянина И. Басова. Но и его поездка не увенчалась успехом. Тогда по приказу Петра I астраханский воевода П. Хованский направил для уничтожения раскольничьего городка на Аграхани отряд ратных людей. Старообрядцы двинулись на Кубань, но по пути следования на реке Сунже их разбили черкесы, м только около двухсот человек достигли цели. Другая часть раскольников в количестве ста пятидесяти человек прорвалась на Терек. Атаман Левка Манацкий попался в 1695 г. и был казнен. На этом борьба приверженцев старой веры с правительством и войском Донским практически прекратилась до начала булавинского восстания, когда она вспыхнула вновь (Алмазов 2008, с. 403-403).

Что касается яицких казаков, то никакой выдаче Москве раскольников не было, а в войсковой отписке сказано: «буде по розыску объявятся у нас какие раскольщики, и мы укрывать их не станем, по войсковому суду станем смертную казнь чинить...» (Сватиков 1924, с. 129). Между тем, часть староверов нашла приют и на Яике. В 1720 г. при «розыске» полковника Захарова перепись показала наличие 54 донских казаков (Первухин 2004, с. 79).

С бежавшими в 1688 г. с Дона на Куму староверами вступил в переговоры гребенской атаман Иван Кукля и предложил им переселить на Терек, видя в них хранителей «старой казацкой воли и казацкого войскового права». Но за ушедшими староверами зорко следили воеводы: царицынский – Дмитриев-Мамонов и саратовской – Кологривов. Где подкупом, где угрозами на староверов постоянно натравливали горские народы и беглецы были вынуждены уйти на Кубань, так и не соединившись с гребенскими казаками (Савельев 1990, с. 388).

1.5. ОТНОШЕНИЯ ПЕТРА I И ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

В начале своего царствования Петр практически не вмешивался в церковную политику. Некоторые из историографов того периода, такие как Виттрам, Крейкрафт, ссылаясь на дневники Патрика Гордона, сообщают о слабой попытке юного царя выдвинуть на патриарший престол, освободившийся с смертью Иоакима в 1690 году, своего ставленника – псковского митрополита Маркелла (Виттрам, I, 102). Однако Петру пришлось смириться с выбором своей матери, и в патриархи был избран Адриан, поддерживаемый боярами и церковными иерархами, ненавидевшими Маркелла за его просвещенность.

Между тем, согласившись с настояниями клана Нарышкиных, Петр добивается встречных уступок. Из архиерейского обещания был исключен пункт, касающийся запрета на общение с представителями других конфессий и запрещающий браки между православными и инаковерующими. (Живов 2004, 186). Подобное изменение было внесено, безусловно, по инициативе Петра, для которого Немецкая слобода стала ориентиром его планов реформирования России. Однако, по свидетельству австрийского посланника И. Курца, молодой царь и сам еще проявлял некоторую осторожность, избегая прямой конфронтации с патриархом, поскольку не имел реальной поддержки даже среди своего окружения. Петр пообещал Курцу добиться разрешения на прибытие в Москву двух католических священников при условии, что они будут не иезуитами (Бушкович 2001, 174).

В свою очередь, противостоять дружбе юного царя с обитателями Немецкой слободы патриарх Адриан не мог на момент собственной интронизации, ибо его более занимал вопрос укрепления и централизации церковного управления, дисциплинирования православного духовенства и их паствы, в преследовании старообрядцев. Не в последнюю очередь это касалось новоприобретенной Киевской митрополии. Менее чем через месяц после кончины патриарха Иоакима (17 марта 1690 г.) умирает Киевский митрополит Гедеон Четвертинский (5 апреля), придерживавшийся промосковской позиции, и Киевскую кафедру возглавляет Варлаам Ясинский, который в свое время возражал против переподчинения Киевской митрополии московскому патриарху и, как и многие другие малороссийские архиереи, отказывался поддержать Иоакима в борьбе с «хлебопоклонной» ересью.[29]

[29] «Хлебопоклонная ересь» – обрядовое разногласие о том, в какой момент Божественной литургии совершается преложение (преосуществление) Святых Даров. Сто-

Таким образом, в сделанной при Адриане редакции Чина избрания и поставления архиерея[30] появляются две новых рубрики – обещания не усваивать чуждых обрядов, которые находятся в противоречии с преданием православной церкви, при этом уточняется, что особенно следует опасаться католического влияния, и провозглашается, что хранителями православия являются восточные патриархи, а вслед за ними патриарх Московский. И вторая, запрещающая рукополагать на одной литургии одновременно несколько иереев и диаконов, что практиковалось на Украине в силу реальных сложностей, когда украинским ставленникам было затруднительно добраться до епархиального архиерея и они пользовались услугами приезжих греческих архиереев. Это было и при нахождении в юрисдикции константинопольского патриарха, лишь изредка вмешивавшегося в канонические порядки украинской церкви, продолжалось и после перехода под руку Москвы. В марте 1691 г. Иерусалимский патриарх Досифей писал патриарху Адриану о том, что приходящие «к козакам» греческие архиереи посвящают за один раз по нескольку человек и укорял русских, что они не возбраняют поступать подобным образом (АЮЗР, V, № CLXXXIX, с. 449).

Осуждение этого обычая для Москвы было хорошим поводом дисциплинировать новоприобретенную митрополию, преподать урок для ненадежного благочестия украинского епископата. Хранителем же православного благочестия выступил московский патриарх, дискредитирующий таким образом киевскую ученость. Вместе с тем, ссылка на авторитет восточных патриархов позволяла поставить украинцев в положение паршивой овцы во всей вселенской православной церкви (Живов 2004, с.191)

ронники Киевско-Могилянской школы (т.е. П. Могилы), их называли в XVII в. «латиномудрствующие» (или еще “пестрыми”, то есть не латиняне, и не православные) совершали земной поклон сразу после анамнезиса (“Сие есть Тело Мое...”), считая, что преложение (превращение) уже совершилось. Московские богословы считали, что после молитвы следует сначала осенить крестным знамением хлеб и чашу и только тогда Предложенные Честные Дары прелогаются (превращаются) в Святые Дары, которым и совершается земной поклон, т.е. только Самому Богу. «Латиномудрствующие», по мнению православных, совершая земной поклон сразу после анамнезиса, поклонялись хлебу, а не Богу. Отсюда и название “хлебопоклонная ересь”.

[30] Чин избрания и постановления епископа является важнейшим документом догматического и канонического устройства церкви на определенном отрезке истории. Он определяет очень многое: вероисповедальную принадлежность новопоставляемого архиерея, его единство с богословской доктриной собора пастырей церкви, отрицание всех возможных «ересей», обещании подчиняться иерархическому священноначалию той поместной церкви, епископом которой он становиться, и, что весьма важно для нас, конкретизирует отношения церкви со светской властью (Живов, 2004, с. 133-134).

Той же цели служила и еще одна рубрика, добавленная Адрианом, касающаяся времени преложения Святых Даров[31], что было важнейшим богословским столкновением в правление патриарха Иоакима, в результате которого было достигнуто признание этого догматического определения и осуждения латинофильского учения украинским духовенством, придерживавшегося иной точки зрения. Данная рубрика утверждала авторитет московского патриарха, лишний раз дискредитировала киевскую ученость с характерной ссылкой, что так исстари богословствовали «восточные и наши российские» учителя. (Сменцовский 1899, с. 232).

Позиция Киевского митрополита Варлаама Ясинского, старавшегося остаться лояльным по отношению к Москве, но одновременно стремившегося сохранить и поддержать традиции киевского духовенства, явно не устраивала патриарха Адриана. Особенно ярко это проявилось в истории с Дионисием Жабокрицким, номинированным в Луцкие епископы, поддержанным малороссийским духовенством, но не допущенным до архиерейства патриархом Адрианом с помощью иерусалимского патриарха Досифея. Вместе с тем, это был завуалированный вызов, противодействие и светской власти в лице гетмана Мазепы, и царской в лице Петра, которые были заинтересованы в положительном решении данного вопроса. Димитрий (по принятию монашества Дионисий) Жабокрицкий, влиятельный православный шляхтич, едва ли не последняя надежда православных на Волыне, рассчитывавших с помощью связей Жабокрицкого при польском дворе сохранить луцкую епархию православной, был номинирован в епископы Луцкие в 1695 г. К концу XVII в. православие на Волыни находилось под постоянной угрозой, в особенности благодаря энергичным действиям склонного к унии Львовского епископа Иосифа Шумлянского. Западные украинские епархии входили в королевство Польское, а киевский митрополит, которому они номинально подчинялись, жил на территории, подвластной Москве. Однако, несмотря на то, что в соответствии с мирным договором между Россией и Польшей, права киевского митрополита в отношении западных епархий, а также права Москвы на защиту проживавших в этих епархиях православных, были признаны Польшей, реальных возможностей воздействовать на ситуацию не было, так что победное шествие унии продолжалось. Таким образом, Львовская епархия была практически потеряна, с Луцкой же дела обстояли немногим лучше. Московские светские власти были за-

[31] Еще один удар по «хлебопоклонной» ереси.

интересованы в возможности реализовать те права, что гарантировались договором 1686 г. и продемонстрировать русское влияние в делах польских православных подданных.[32] К этому же стремились и гетман Мазепа[33] и Киевский митрополит.

Сложность заключалась в том, что Жабокрицкий до пострижения в монахи был женат на вдове, с которой потом развелся, и это делало для него невозможным получение священного сана. Митрополит Варлаам Ясинский был вынужден считаться с каноническими препятствиями, поэтому он поручил рассмотреть данную проблему собору киевского духовенства. Речь шла о принятии икономического решения.[34] Его основанием являлись чрезвычайные обстоятельства, обусловленные бедственным положением православных в польских землях. Это решение собора и поддержка гетмана Мазепы побудило Варлаама Ясинского обратиться к патриарху Адриану.

Однако, для патриарха Адриана дело Дионисия Жабокрицкого представлялось реальной и фактически первой возможностью поставить на место малороссийское духовенство, указать ему на то, что московские церковные власти соблюдают чистоту канонических предписаний, а украинцы, прикрываясь своей ученостью, стараются их обойти. Заодно продемонстрировать и то, что, хотя украинские епископы поставляются киевским митрополитом (как это было и до переподчинения Киевской митрополии Москве), но контроль принадлежит патриарху, и изыскания киевской учености ему не указ. Вместе с тем это было и противодействие вмешательству светской власти в церковные решения. Вопрос был рассмотрен совместно с епископами Тихоном Сарским, Илларионом Суздальским и Никитою Коломенским 6 ноября 7204 (т.е. 1695) г., и был дан отрицательный ответ со ссылкой на нерушимость канонических правил.

Судя по всему на патриарха было оказано определенное давление со стороны светских властей, поскольку Адриан повторно

[32] Царская грамота от 13 августа 1695 г. – РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 1, № 241 (Статейные списки 16.2.1691 – 29.5.1695), л. 1597-1598.

[33] Грамота от 9 октября 1695 г. (Титов 1905, с.369-370).

[34] Икономия (oikonomia – греч.) – богословский термин, обозначающий обязанность решать отдельные вопросы в общем контексте замысла Божия о спасении этого мира, в тех случаях, когда строгости канонов иногда бывают неуместными в определенных ситуациях, когда оказывается, что они не охватывают всю полноту реальности и универсальности Евангелия. Сами по себе эти строгости не дают никакой гарантии, потому что их применение равносильно повиновению воле Божией. В латинском переводе этот термин (dispensatio) , имеет более узкое значение и трактуется, как исключение из Божьего закона, дарованное надлежащей властью.

возвращается к рассмотрению данной проблемы и дает уже более расширенный ответ и митрополиту Варлааму и гетману Мазепе, о том, что нарушение канонических правил не входит в полномочия патриарха и отступление возможно лишь с санкции вселенского собора. Вместе с тем, Адриан сообщает о своем решении обратиться за советом к восточным патриархам – константинопольскому Каллинику и иерусалимскому Досифею. Ответ Каллиника остался неизвестным, но Досифей, неустанно и ревностно вмешивавшийся в русские церковные дела, и также, как и Адриан недоброжелательно относившийся и к украинскому духовенству и к киевской учености, ответил в полном согласии с решением русского патриарха. Его аргументы не отличались особой изощренностью: нарушать канонические правила нельзя ни в коем случае, а о тех, кто их придерживается, заботится Бог, поэтому нужно изыскать другие возможности защиты православия в западноукраинских епархиях. В качестве дополнительного устрашения Досифей писал о последующей, в случае нарушения канонов, злобной реакции католиков, униатов, лютеран и кальвинистов на то, что восточная церковь попала под ересь.

Получив такую поддержку, Адриан вновь пишет Мазепе и Ясинскому, подтверждая свой отказ. Гетман продолжает увещевать патриарха, на основание того, что Жабокрицкий был уже посвящен в иереи и в архимандриты каким-то архиереем, присланным вселенским патриархом[35]. Вопрос назначения Жабокрицкого для Мазепы стал делом принципа, ибо традиционно, начиная с Петра Сагайдачного, восстановившего Киевскую митрополию в 1620 г., гетманы играли значимую роль в православной иерархии, и терять свои позиции он был не намерен.[36] Позднее, к хлопотам подключился даже польский король Август II, скорее всего с подачи того же Мазепы[37], но Дионисий так и не был правильным образом посвящен в епископы, что в конце концов привело,

---

[35] Возможно это был епископ Иосиф из Венгрии (Живов 2004, с. 244).

[36] Серьезное столкновение гетмана Мазепы и патриарха Адриана произошло еще чуть ранее в октябре 1690 г. при избрании монахами Киево-Печерской лавры настоятелем монастыря генерального судью Михаила Вуяхевича, прибывшего на выборы, в качестве представителя Мазепы. Патриарх расценил это, как грубое нарушение церковных канонов, поскольку выборы проходили без ведома высшей церковной власти и М. Вуяхевич не был монахом. Лишь после многочисленных обращений Мазепы в Москву кандидатура Вуяхевича была утверждена патриархом в ноябре 1691 г.

[37] Грамота Августа II Петру I от 16 июня 1700 г. – РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 4, №3.

как этого и опасалось украинское духовенство, к его переходу в унию в 1701-1702 гг., и к борьбе против русского влияния.[38] После Полтавы Дионисий попал в руки русского правительства, был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер. (Антонович 1885, с. 277, 318, 321).

Еще в начале 1690-х годов в подходе Петра I к церкви выделилось два направления: европеизация, которой мешали православные традиции и антиклерикализм, т.е. противодействие той церковной властной структуре, которая поддерживала эти самые традиции. В этом контексте Петр не выглядит поначалу радикальным реформатором. Он действует в соответствии со сложившимся еще в «нарышкинский» период царствования Алексей Михайловича порядком вещей – европейские инновации привилегия элиты, т.е. правящей верхушки, а в публичной сфере господствуют традиционные порядки. То есть, иноземное, как бы сочетается с царством, а национальное со священством, при этом церковная власть делается защитницей национальных традиций, придавая им религиозную значимость.

Но Петр быстро отходит от нарышкинского клана, опека которого не устраивала амбициозного царя, и его приверженность к иноземному быстро выплескивается наружу. Прежде всего в устройстве Всешутейшего и всепьянейшего собора, имевшего характер не просто пьяного развлечения, но и кощунственной церемонии, призванной дискредитировать церковную традицию вообще и патриаршество в целом. Первым «патриархом» был боярин Матвей Филимонович Нарышкин, которого князь Борис Куракин называл дураком и пьяницей (Куракин 1890, 71). После смерти Нарышкина в 1691 г. «патриархом» был поставлен Никита Зотов. Бесчинства Петра становятся публичными. В январе 1695 г. царь устраивает шутовскую свадьбу Якова Тургенева, когда «в поезду были бояре и окольничие, и думные, и всех чинов полатные люди, а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках» (Желябужский 1840, с. 39-40).

Еще более демонстративными и публичными были триумфальные празднества по случаю взятия Азова в 1696 г., хотя и предшествовавший им торжественный въезд войск, после неудачного первого похода 1695 г., уже нельзя было отнести и к категории допетровских возвращений войска во главе с царем: въезд Ивана Грозного в Москву в 1552 г. после взятия Казани, возвращение царя Алексея Михайловича в 1654 г. после

[38] Примечателен тот факт, что после перехода в унию Жабокрицкий подозревался польской шляхтой в связях с мятежными казаками Семена Палия, некоторые даже утверждали, что видели у Палия письма от Жабокрицкого. (АЮЗР Ч. 3 Т. II с. 407)

Смоленского похода и т.д. (Болтунова 2006, с. 166-167). Церемония триумфального въезда 1696 г. и сами триумфальные ворота, выстроенные по этому случаю, представляли собой западноевропейскую барочную модель с использованием римских атрибутов и мифологических персонажей. Чужеземные забавы превращались в демонстрацию нового образа жизни, но воспринимались большинством, как представление языческих идолов и поклонение им. Апелляция к победам императора Константина над римским Максентием, изображенная на шпалерах, должна была внушать концепцию царского единоначалия, как над светской, так и духовной жизнью подданных. Именно он, император, а не патриарх, должен стоять во главе христианского народа. Намек был более чем понятен.

Еще в начале своего правления патриарх Адриан очень осторожничал в отношениях с Петром, и ограничился тем, что публично осудил «иностранные обычаи», и в первую очередь брадобритие, как «блуднический эллинский обычай», но при этом, стараясь не задеть никого из важных представителей боярских родов. Адриан предает брадобрийцев анафеме и вопрошает у заблудших, где они располагают оказаться на Страшном суде – «с праведными, украшенными брадой, или с еретиками брадобрийцами» (Устрялов III, с. 192-194).

Петровские триумфы с римскими языческими идолами остались без ответной реакции патриарха, однако, как только царь отправился в свой длительный заграничный вояж, Адриан отлучил от церкви торгового человека гостиной сотни Матрына Орленка, который заключил с правительством подряд на откуп торговли табаком. Вместе с Орленком анафеме предали и все его семейство вместе с потомством, а на его доходы от продажи табака было наложено вечное проклятье (Соловьев, XIV, с. 1204). Курение табака было одним из нечестивых иноземных обычаев, так что анафема прежде всего осуждала европеизированное окружение царя и самого Петра. Однако, учитывая, что выпад был сделан против человека низкого происхождения, совершенно очевидна слабость позиций церкви, хотя и подтверждалось продолжающееся противостояние.

Возвращение Петра из долгого заграничного турне ознаменовалось резким разрывом со старинными, читай православными, традициями и обычаями и насильственным навязыванием европейской модели поведения и устройства общества. Что именно сподвигло молодого царя к столь решительным действиям однозначно сказать сложно. Толчком могло послужить стрелецкое восстание, вызвавшее ярость Петра, как самое яркое проявление будущего противодействия тем реформам, не-

обходимость которых созрела в его понимании и вытекала из его собственного заграничного опыта.

Но начало было символичным: 26 августа 1698 г., на второй день после своего возвращения, Петр собственноручно обрезает бороды у бояр, начиная с Шеина и Ромодановского, и издает распоряжение о запрете носить бороды всем служивым людям. Теперь каждый день человек, лишившийся бороды, будет помнить о том, что он служит новой власти и размышлять о словах патриарха и дне Страшного суда. Осенью того же года начались массовые казни мятежных стрельцов. Петр не только лично участвовал в казнях, но и заставил все свое окружение, за исключением иностранцев, чтобы через убийство, через кровь, через нарушение заповедей приобщить, таким образом, к новому порядку.

Патриарх Адриан, чьи выпады против брадобрития теперь были публично проигнорированы, решил воспользоваться старинным обычаем parhessia, который со времен Феодосия Великого служил для нахождения компромисса между царским гневом и христианским милосердием. Взяв икону Божьей Матери, Адриан отправился в Преображенское, где продолжались пытки стрельцов, в надежде умилостивить разгневанного царя. Однако, Петр никакой склонности к христианскому милосердию не испытывал и прогнал патриарха со словами: «К чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону н место! Быть может, я побольше твоего почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышляющих» (Живов 2004, с. 194).

Подобное отношение к первосвященнику уже четко определило представления царя о том, какую роль должна была играть церковь в перестраиваемой России. Его более не интересуют никакие традиции, он предрасположен их нарушать. В Вербное воскресенье Петр отменяет обряд шествия на осляти, который символизировал смирение царства перед лицом священства. Смирения больше не было. Царь начинает раздавать архиерейские места украинцам в пику московского священства. Первым, еще при жизни патриарха Адриана, был поставлен Стефан Яворский митрополитом Рязанским в апреле 1700 г. При чем это было сделано с явным нарушением канонического порядка, когда предшественник – митрополит Авраамий увольняется на покой «за старостию» без прошения с его стороны. Яворский не хотел занимать рязанский престол при живом архиерее, и это «духовное прелюбодеяние» было одним из мотивов его первоначального отказа

от хиротонии. Однако, он вынужден был подчиниться Петру. Для великорусского духовенства все это выглядело, как изгнание благочестивого святителя ради подозрительного малороссийского игумена (Введенский 1912, с. 892-898). Помимо вынужденного согласия на это поставление, патриарх должен был еще извиниться перед царем за то, что не отправил в монастырь царицу Евдокию до возвращения Петра из заграничного турне[39], и уплатить значительную сумму денег для смягчения царского гнева (Богословский III, с. 13-14).

За назначением Яворского следуют Палладий Роговский (великорус, но обучавшийся в Польше и Риме, т.е. сделавший типично украинскую церковную карьеру), Димитрий Тупало, Филофей Лещинский и т.д.

Поставление украинских архиереев с их латинской образованностью, западными культурными навыками и привычкой к католическому богословствованию было открытым вызовом великорусскому духовенству. Их просвещенность импонировала Петру, с другой стороны, он прекрасно понимал, что они не имели никакой поддержки в России, а значит, были неопасны для его реформ, само противостояние в церковной жизни создавало дополнительные возможности контроля над духовенством.

Между тем и украинское духовенство старалось продемонстрировать свою лояльность к царю. Фронтиспис к Панегирику, выпущенному Киево-Печерским монастырем в 1702 г., гравированный Леонтием Тарасевичем, повторял сюжет известной иконы Азовской Божьей Матери, посвященной взятию Азова и начинающейся войне со Швецией[40]. Однако, гравером были допущены некоторые изменения. Изо-

[39] До сих пор не ясно была ли в действительности тогда пострижена в монахини Евдокия или это произошло намного позднее. Гвардеец Г.Г. Скорняков-Писарев, посланный Петром расследовать связь бывшей царицы с майором Степаном Глебовым в 1718 г, письменно докладывал царю 10 февраля 1718 г., что пострижения не было. (РГАДА Ф.6, №110 л. 1-2). Если это было правдой, то брак Петра и Екатерины Скавронской должен был быть признан незаконным. Связь Евдокии с Глебовым имеет лишь косвенные доказательства, основанные на признаниях вырванных угрозами, под пыткой и на письмах, которые написаны не ее рукой, а старицы Каптелины, находившейся неотлучно с опальной царицей. Фигура самого майора Глебова не менее загадочна. При аресте у него был изъят «цыфирный» шифр, вполне допустимо, что он был причастен к масштабному заговору против Петра, а своим признанием «блуда» с Евдокией уводил следствие в сторону.

[40] Икона Азовской Богоматери по мнению ряда исследователей принадлежала к Московской школе иконописи. В центре иконы изображена Богоматерь, за спиной которой раскинул свои крылья двуглавый орел, таким образом создавая впечатление крылтой женской фигуры. Чуть выше располагалась надпись из Апокалипсиса: «И дана быша

бражение Богоматери значительно уменьшено и размещается на груди огромного двуглавого орла. Образ Св. Георгия представлен усатым казаком средних лет, а не юным всадником. Такие же казаки – воины сопровождают Петра I и царевича Алексея (Кондаков 1915, с. 103). Можно предположить, что Л. Тарасевич изображал конкретных людей, один из которых И. Мазепа.

Примечательна связь этой гравюры с другим, более ранним произведением Л. Тарасевича – гравюрой 1689 г., поднесенной царевне Софье по случаю завершения Крымских походов князя В. Голицына. Сама гравюра не сохранилась, т.к. была уничтожена в том числе и все оттиски) по приказу Петра I (Богданов 1982, с. 240). Описание ее известно из «расспросных речей» С. Медведева, подъячего Семена Надеина и Ахтырского полковника Ивана Перекрестова (Розыскные дела, с. 655-657, 660-661). Композиционная схожесть заключается в присутствии на гравюре Софии Премудрости Божией, символизирующей царевну Софью, князя В. Голицына в образе Св. Георгия и царей Петра и Ивана в образе Св. Мучеников Бориса и Глеба (Борин 1914, с. 2-12).

По мнению историка С. Плохия иконография того времени отражала высокую степень политизации украинского общества в ее отношениях с царской властью, как духовенства, так и казачьей элиты, их чаяния и надежды. Изображение на иконах, особенно Покрова Божьей Матери, царей, православных иерархов, монашества Украины и казачьей элиты в качестве паствы, на которую распространяется Покров – защита, покровительство Пресвятой Богородицы, должно было служить подтверждением их лояльности царской власти и, одновременно, отражением их «заслуг» и «отличия» от остального населения, так как иконы явились главными предметами поклонения. В тоже время, С. Плохий полагает, что позднее, вследствии измены Мазепы, практически отсутствуют (уничтожены) иконы периода его гетманства и мы можем судить об этом только по гравюрам. Иконы более позднего периода отобразят изменение в положении казачьей старшины Малой России, их непосредственную зависимость от царской власти, гораздо большую, чем от гетмана. Вместе с тем следует отметить и появление в послемазепинское время культа Б. Хмельницкого в иконографии,

жене два крыл орла великого» (Откр. 12,14). Внизу, слева помещен юный всадник в латах, убивающий змея (Турцию) – олицетворение Св. Георгия Победоносца. Справа – царь Петр с царевичем Алексеем, в сопровождении воинов, своим конем наступающим на льва (Швецию). В самом низу, под копытами всадников, размещались изображения двух турецких крепостей – Азова и Кизикермена. (Брюсова 1984, с. 181, илл. 39).

как напоминание об обещанных в Переяславле вольностей (Plokhy, pp. 1-3, 31, 57-62).

Важным символическим жестом было и введение нового летоисчисления, определенного указами от 19 и 20 декабря 1699 г. (ПСЗ, III, № 1735, с. 680-681, № 1736, с. 681-682). В глазах поборников старой православной традиции это означало то, что Петр взял на себя божественные права распоряжаться временем, т.е. действовал, как антихрист, ибо 7208 год по новому календарю продлился всего 4 месяца. Про Петра говорили, что он «осьмой царь», и что пришло «последнее время».[41] Распространителей слухов казнили жесточайшим образом, не считаясь ни с саном, ни с положением.[42]

При всем этом Петр вовсе не собирался переходить в какую-нибудь другую веру, православная догматика и основные обрядовые установления православной церкви никакого возмущения у него не вызывали, он интересовался богословием[43], и даже пел на клиросе. Петр считал, что церковь должна была приносить пользу государству и ни в коем случае не иметь, как католическая, каких-то собственных претензий на власть. Он весьма интересовался устройством англиканской церкви, а при посещении Виттенберга, увидев статую Лютера, произнес следующие слова: «Этот человек заслужил подобного (памятника). Он принес великую пользу многим государям, которые превосходили других ясностью мышления, и он мужественно противостоял папе со всем его воинством». В конечном итоге цель Петра была ясна – церковь должна полностью подчиниться светской власти (Будин 1999, с.83).

Можно сказать, что смерть патриарха Адриана была подарком для царя. При всем том малом влиянии, что институт патриаршества мог располагать, сама организация православной церкви представляла цельную систему администрирования, которая еще трудно подавалась контролю светских властей.

---

[41] Например, сочинения Григория Талицкого ок. 1700 г. «О пришествии в мир антихриста» и «Врата», где он высчитал, что Петр – «осьмой царь» – антихрист. «И зверь, который был и которого нет, есть восьмой царь» (Откр. 17:11). – (Есипов I, с. 4-5).

[42] Григория Талицкого приговорили к казни «копчением», замененой в виду покаяния на сожжение. Тамбовского епископа Игнатия (Шалгина Ивана Андреевича), который поддержал Талицкого – «плакал, поцеловал и дал 5 рублей», лишили сана и сослали в Соловецкий монастырь, в «Головенкову тюрьму, по смерть» (Есипов I, с. 7, 62-65, 84).

[43] В его личной библиотеке книги религиозного содержания составляли 28,2%. (Лупов 1973, с. 170).

Никакого стимула избирать нового патриарха у Петра не было, тем более, что испытав горечь Нарвского «конфуза», царь особенно нуждался в церковных средствах, необходимых для создания новой армии. 16 декабря 1700 г. он издает указ о передаче дел «в расколе, и в каких противностях церкви Божией и в ересях... Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому» (ПСЗ, IV, № 1818, с. 88), но утверждение о том, что он являлся местоблюстителем патриаршего престола официальными документами, не подтверждается, и появилось лишь в послепетровскую эпоху. На долю Яворского достаются лишь те функции, для выполнения которых необходимо духовное лицо (Живов 2004, с. 122-123).

Вместе с тем восстанавливается Монастырский приказ, уничтоженный при патриархе Иоакиме, для администрирования всех церковных дел, и в первую очередь, управления церковным имуществом. Главой восстановленного приказа назначается И.А. Мусин-Пушкин. Выбор царя не случаен. С одной стороны, Мусин-Пушкин был родственником по жене патриарху Иоакиму, т.е. не являлся совсем чужим человеком для московского духовенства, с другой стороны, входил в состав Всешутейского собора, занимая в нем место «митрополита Киевского и Гадицкого» (Живов 2004, с. 45).

Петр получает свободный доступ и право распоряжаться церковным имуществом и доходами. Ряд церковных владений подвергается прямой конфискации (см.: ПСЗ, IV, № 1926, с. 210-214 от 11 февраля 1703 г.; № 2462, с. 775 от 18 декабря 1711 г., № 2514, с. 824 от 4 апреля 1712 и т.д.), что уничтожает экономическую основу церковной автономии.

1.6. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ДО 1708 г.

В церковном отношении донское казачество подчинили напрямую Стефану Яворскому, передав от Воронежской епархии. Но сношения с митрополитом Рязанским и Муромским по-прежнему осуществлялись через Посольский приказ.

Первая братоубийственная война между казаками-староверами и приверженцами московской партии имела религиозную основу и надолго запомнилась на Дону. Количество явных сторонников старых обрядов значительно уменьшилось, по крайней мере, открыто они себя не проявляли, но очень многие продолжали сочувствовать староверам и поддерживать их. Тем не менее, это явилось одной из важнейших причин, почему донское казачество не поддержало в 1705 году

астраханский мятеж, провозгласивший своим лозунгом борьбу за старую веру от опасности, которую видели в тех порядках, что вводил Петр I.[44] Астраханцы, обратившиеся к грамотах к Войску Донскому, призывали восстать за веру, против немецкого платья, табака, брадобритья и непосильных податей.

Обращение астраханцев имело временный успех у гребенских казаков, но не на Дону. В своем ответе атаманы и казаки терских городков отписали: «...мы рады за веру Христову и за брадобритие, и за табак, и за немецкое платье, мужеское и женское, и за отлучение церкви Божьей стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христианство, не прогневайтесь на нас за то, что войска вам в помощь не послали, потому что живым Богом клянемся, невозможно нам войска к вам прислать: сами вы знаете, что нас малое число» (Брикнер 2004, с. 312).

С другой стороны, Петр I действительно не посягал на внешние отличия казачьей жизни, в том числе и на имеющие религиозную подоснову, например, ношение бороды. А внешняя сторона обрядности, как мы помним, была весьма символична для казаков, в отличие от канонических тонкостей самой церковной службы, в которых они особо и не разбирались. Сбривание бороды ассоциировалось среди казачества с мусульманством, в частности с тем, что позволяли себе азовские турки с казаками, попадавшими в плен – «Не позволим никому оскорблять себя! Сии неверные вздумали ругаться над нами: поймав на промыслах казаков, остригают у них бороды и усы» (Сухоруков 1903, с. 19)

Как объяснял атаман легкой станицы Кочетов в сентябре 1705 г., что «и тем-де они, донские казаки, пред иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по се число о бородах и о платье... указу не прислано, и платье они носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравится: иные-де любят носить платье по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить в русском стародревнего обычая... а немецкого-де платья никто из них, казаков, у них на Дону не носит...» (Сватиков 1924, с. 131)

Что касается курения табака, то этот вопрос не вызывал какого-либо неприятия в казачьей среде, ибо это было дело абсолютно добровольное[45]. Для запорожских казаков, а их проживало и на Дону зна-

[44] В астраханском мятеже приняли участие небольшое количество донских казаков, во главе с Елисеем Зиновьевым, выбранным атаманом, который после подавления мятежа был выдан Москве и колесован (Сватиков 1924, с. 132).

[45] О неприязни к табаку высказались лишь гребенцы в своем ответе на призыв астраханцев о помощи во время восстания (Брикнер 2004, с. 312).

чительное количество во все времена, люлька – курительная трубка, была вовсе предметом ритуальным еще задолго до того, как Петр I стал насаждать табакокурение (Алмазов 2008, с. 207). Среди донского казачества курение было распространено в меньшей степени, чем на Украине, казаки-старобрядцы, придерживавшиеся строго церковных канонов курение отвергали.[46] Тем не менее, на новой войсковой печати, выданной войску, был изображен казак, сидящий на пороховой бочке с ружьем в одной руке и с кальяном в другой. «Сделать печать Донскую серебряную, величиной такову, как при том письме вложен образец и вырезать подпись, как на нем подписано; а в середине вырезать во всем так, как у них водится на печати: мужика сидящего на бочке, держа в одной руке кальян и в сабле припоясана, только прибавить и вырезать в другой руке фузею; и взять для того из Оружейной палаты мастера Левкина, который печати резал» (Грамота на Дон 21 сентября 1704 г. Грамоты Прянишникова, с. 128). Казаки восприняли этот непонятный для них царский «дар», как насмешку над собой и говорили, что казак, сидит на бочке голый, что бочка эта с вином, а не с порохом, и в руках он держит чарку, а не кальян. Практически весь XVIII в. войско прикладывало жалованную печать лишь на отписки, которые отсылались в Москву, в войсковых же грамотах по-прежнему использовали старую печать с оленем, пронзенным стрелой (Савельев 1990, с. 400).[47] Их возмутил факт замены своей прежней печати на карикатурное изображения казака, но не присутствие на ней приспособления для курения табака.

Что касается ношения бороды и усов, то, повторюсь, казаков не принуждали к бритью, в противном случае, это вызвало бы, куда большее возмущение.

[46] Как известно, к курению Русская Православная Церковь всегда относилась отрицательно. До сих пор ее священникам запрещается курить, но для исповедующих Православие, курение грехом не считается. В тоже время, священнослужителям Греческой церкви курить разрешается. В среде старообрядцев курение считается грехом и категорически запрещается.

[47] Савельев связывает происхождение древней войсковой печати с древнегреческим мифом о охотнике Актеоне, который случайно увидел купающуюся богиню охоты Диану (Артемиду) за что был превращен в оленя и поражен смертоносной стрелой. Кстати, Запорожское войско имело схожую печать, где был изображен также олень, которого нагоняет стрела. По мнению историка, эти печати характеризовали казачество, как военный орден, высшими добродетелями которого были храбрость и целомудрие (т.е. обет безбрачия) – см. Савельев, с. 372. Таким образом, мы еще раз сталкиваемся с казачьим христианством, похожим на воинствующее монашество, но имеющим глубокие языческие корни. Если донское казачество с XVI в. стало все больше и больше обзаводиться семьями, то запорожцы так и оставались в безбрачии до конца своей истории.

Увеличивалось число церквей на Дону. Допетровская эпоха характерна тем, что в казачьих городках[48] были, в основном, часовни. Судя по описанию одной из таких часовен в Скородумовском городке, неподалеку от Черкасска, она больше походила на огромный амбар с шатровой крышей. При ней было даже кладбище (Бондарев 1906, с.154). Теперь же все часовни должны были превратиться в церкви. Особое внимание уделялось крыше – «а верх бы... был против всех деревянных церквей, а не шатровый,[49] и алтарь велеть сделать круглой... и освятить по исправному требнику, как о том напечатано в положении освященного антиминса...» (Бондарев 1906, с. 153-154).

Через Посольский приказ шли все челобитные, и уже приказ отписывал от себя митрополиту Стефану сделать соответствующие распоряжения. Подобные своеобразные отношения с высшей церковной властью, отдаленность от нее создавали массу конфликтных ситуаций, вызывали постоянное столкновения между казаками и церковью. Это же касалось и замещения священнослужителей на Дону. Духовенство было частично пришлое – из великорусских епархий, частично из местных казаков. Многие вдовые священники, стараясь избежать обязательного пострижения в монахи, уходили на Дон и искали себе место. Чтобы узаконить это, казаки обращались к войсковому кругу, а от него челобитные отправлялись в Москву с просьбой дозволить служить тому или иному священнику. Вот пример такой челобитной по поводу пришлого священника из Тамбова: «... а ныне, государь, приняли мы к той церкви (Алексея митрополита) в тот городок (Лютинский – А.Ш.) к себе на место умершего попа Алексея иного священника Тамбова города с Лысых гор Богоявленского попа Ермолая Ефимова, а он поп Ермолай человек добрый и не пьяница, и живет благочестиво, и к той церкви Божьей и в городке и в приход всем нам бы годен. А ныне он, поп Ермолай, у той церкви Божьей у нас в приходе всякие духовные потребы и священнодействовать без твоего государева указа и благословения Преосвященного Стефана митрополита Рязанского и Муромского без ставленой и без перехожей грамоты служить не смеет... просим дать ему попу Ермолаю свои грамоты...» (Харламов 1906, с. 36-37).

По-прежнему, казачество выдвигало претендентов из своей среды и посылало в Москву для поставления. «В нынешнем 1702 году Дека-

[48] Название «городок» с 1687 г. заменяется словом «станица», однако, входит в обиход лишь с 1704 г., хотя встречается и позднее (Савельев 1990, с. 368).

[49] Шатровая кровля – «новгородский» почерк в храмовом строительстве (Савельев 1990, с. 277). От него также избавлялись.

бря в 6-е писали к Великому государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу с Дона Донские казаки войсковой Атаман Лукьян Максимов и все войско Донское, в нынешнем же 1702 г. Ноября в 10-е били челом ему Великому государю ж их казаки реки Северского Донца Усть-Кундрюческого городка Атаман Парфен Якимов и все того городка, а в словесном своем челобитьи им войску сказали в прошлых де годах построили они на реке Донце на устье речки Кундрюче церковь, а в том городке священника у них нет, и многие жители помирают без покаяния, а младенцы многие времена бывают некрещены, потому что священника взять негде, а есть в Черкасском городке в Рыковском приходе церковный дьячок Федор Григорьев, и чтоб де ему Федору дать их войсковую отписку и с отпиской для поставления его в попы отпустить к Москве, а он де Федор человек добрый и смирной и не пьяница и во всем им Кундрюческим казакам годен, потому он церковного чина и в той цркви священнодействовать желает; и они де казаки по Его Великого Государя указу, а по челобитью из казаков Парфена с товарищи дав ему Федору отписку, отпустили для поставления его в попы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич указал того церковного дьячка Федора Григорьева из государственного посольского приказа отослать в патриарший духовный приказ и о поставлении его во священники на Дон Северского Донца в Усть-Кундрюческий городок свой указ учинить тебе Преосвященному Стефану, Митрополиту Рязанскому и Муромскому». Такие же челобитные подавали казаки из Бахмутского городка (1701 г.), Усть-Быстрянского (1711 г.), Скородумовского (1712 г.), Рыковского (1714 г.), Тютеревского (1714 г.) и др. (Харламов, с. 37-38). Что касается нижних чинов притча – дьячков и пономарей, то они поставлялись исключительно войсковой властью и зависели только от нее.

Безусловно, количество дошедших до нас челобитных по церковным вопросам в царствование Петра I, чрезвычайно мало. Однако, можно судить по более поздним документам XVIII в. насколько жизнь духовенства находилась в зависимости от общего начала, по которому каждый житель городка, станицы, кто бы он ни был, обязан был согласовываться с интересами общины, жить с ней одной жизнью. Священник для казаков был прежде всего членом их общества, который наравне со всеми участвует в решениях, принимаемых на круге, пользуется материальными выгодами от общественного достатка, но также и отвечает за интересы городка или станицы.

В первой четверти XVIII в., когда донские степи стали быстро заселяться пришлыми людьми, между городками очень часто возникали

споры о величине их земельных наделов[50]. Увеличение населения казачьих городков способствовало расширению границ старых юртов[51], а вновь образующиеся поселения захватывали незанятые места, принадлежавшие до этого другим. При возникавших конфликтах обычно избирали представителей, из числа старожилов, которые назывались «правдой» и поручали им произвести заново раздел юртов. Они клялись на Евангелии и, ориентируясь по памяти, с иконой в руках проходили по местам, где пролегала межа (Сухоруков 1903, с. 57). По окончании раздела составлялись «зарядные записи», которые свидетельствовались подписями священников. Всякое уклонение со стороны священнослужителей от участия в мирских делах социума, а тем более противодействие им, вызывало неудовольствие и жалобы, что священник ставить их «в презрение».

Это касалось и материальной стороны дела. Такса за совершения треб устанавливалась войском, но отдельные городки могли понижать ее. Это ставило духовенство в полную материальную зависимость и заставляло подчиняться даже самым притязательным требованиям казаков. Порой священников принуждали таким образом служить по старому, крестить и венчать по солнцу.

Городок, станица являлись и судьями над священником, так как местная власть действовала с одинаковым правом по отношению ко всем жителям. Маловажные проступки разбирались казачьим кругом и подлежали местному суду. Траилинского попа за самовольную порубку леса приговорили к штрафу, Нижне-Каргальскому запретили продавать водку, чтоб отучить от пьянства, Раздорскому выговаривали за драку с казаками, Терновского за убийство свиньи посадили в колодки, а затее отправили в Черкасск. Казачий круг мог устранить священника от должности и не допускать к служению в церкви (Харламов 1906, с. 42-45).

Несколько слов следует сказать и об участие казаков Дона, Яика и Терека в Северной войне. На первом этапе их численность в составе русской армии весьма ограничена. В 1701 в армии Шереметева, действовавшей в Прибалтике, находится полк Максима Фролова со старшинами Ефремом Петровым и Леонтием Поздеевым численностью в 430 чел. (Акты Лишина I, с. 266). Сведения о наличии этнических

[50] По картам Крюйса в 1699 г. насчитывалось 84 городка по Дону, по Медведице – 17, по Хопру – 8, а всего более 125 (Савельев 1990, с. 379).

[51] Юрт – земельные и водные пространства, принадлежащие конкретному городку, станице.

казаков в армии Апраксина в Ингерманландии сводятся к 113 запорожцам полка Матвея Темника. К концу 1703 г. численность казаков увеличивается до 3700 чел.[52] Однако, выяснить, сколько из них приходится на долю «вольного» казачества, а сколько на городовых, т.е. служивых, или слободских казаков, весьма сложно, ибо канцелярии того времени не выделяли и не разделяли казачество среди общей массы иррегулярной конницы, подсчитывая весьма приблизительно количество казаков, татар, башкир, калмыков, смешивая всех вместе.[53]

Здесь для нас интересны два эпизода. Первый, это отношение казачества к пленным христианам. Именно, в первые годы Северной войны отмечается значительный всплеск работорговли, как в самой России, так и за ее пределами – на рынках Кафы, Бахчисарая и Стамбула. Многие историки это связывают, прежде всего, с захватом в плен и насильственным уводом с собой большого количества мирных жителей прибалтийских провинций Швеции с последующей продажей в рабство. При этом основную вину возлагают на казачество.[54]

Среди донского, гребенского и яицкого казачества отношение к христианским противникам было однозначным и определялось, прежде всего, библейским принципом талиона – равномерного возмездия, т.е. возмездие должно было быть равным причиненному ущербу. Кроме того, мы уже рассматривали в главе 1-3. нежелание казаков участвовать в войнах против христианских государств. Их жизненной задачей была борьба с мусульманским Востоком. Христианина можно было убить в бою или казнить по приговору круга за преступления против

---

[52] Судя по имеющимся данным от Дона находилось 1000 казаков и 345 «юртовых» (т.е. включенных в состав казачества) калмыков. Е. Петров и Л. Поздеев с казаками были отпущены домой.

[53] Подробнее, см. Ч. 3, а также: *Шкваров А.Г.* Северная война 1700-1721 гг.: Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки. 2009.

[54] Финский историк Христер Кувая рекомендует следующие источники: Finlands svenska folkdiktning II. Sägner: Historiska sägner, utgivna av V.E.V. Wessman. (Helsigfors 1924). S. 70 (nr 375) (Кувая 2006, с. 199).; профессор В.Е. Возгрин предлагает обратиться к шведским источникам: Warhafftiger Bericht von der Muskowiter Unchristlichen und harten Verfahren gegen I.K.M-t von Schweden hohe und niedrige gefangene Officierer, Bedienten und Unterthanen samt ihren Weibern und Kindern. Und im Gegentheil, wie milde, hцfflich und gьtig die Russische Gefangene im Schweden bisher bequemt worden und annoch handtiert werden, nebst ddemjenigen, was insonderheit betreffend Auswechselung beyderseits Gefangenen vorgegangen- Stockholm, 1705.; Ett Udtog af negre ifra Stenau, den 20 Julii 1707 daterade bref om dhe Muskowitiske Callmuckers och Cosakers grufweliga fцrtfarande. Stockholm, 1707.; Wreech C. Fr. v. Wahrhaftige und umstandige Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725. (Возгрин 2005). Подробнее этот вопрос рассмотрен автором в отдельной монографии (Шкваров 2008).

Веры и Войска, но продавать в рабство было невозможно, ибо это уже являлось преступлением в соответствии с обычным казачьим правом. На Украине, прошедшей через кровавую череду польско-казацких войн XVII столетия этот правовой принцип потерял свою значимость. Помимо этого, появление зажиточной казачьей старшины, ставшей шляхтичами не без помощи иезуитов, способствовало приобретению ими рабов, для обработки значительных земельных угодий.

Самое большое количество рабов было приведено во время первого рейда Шереметева весной-летом 1701 г. – около 4000 чел. Сам фельдмаршал признавался, что «Чухну у Черкасс[55] отбирать не велел, дабы охочее были» (Устрялов, с. 122). Об этом же свидетельствует «История Харьковского слободского казачьего полка» – «и сами татары не могли бы лучше очищать страну от жителей и имущества» (Альбовский 1895, с. 101). Конкретный виновник увода в плен мирных жителей указан – украинские казаки, в основном, слободских полков. Профессор В.Е. Возгрин ссылается на письмо иерусалимского патриарха Досифея, который жалуется Петру I о недопустимости продажи пленных христиан на рынках Стамбула (Возгрин 1986 с. 102-103). Однако, патриарх ничего не говорит о казаках, а упоминает «неких купцов», и его упрек прозвучал уже значительно позже, нежели тот самый первый набег Шереметева. (Письмо Досифея Петру I от 15 ноября 1706 г. – Каптерев 1891, с. 59). Регулярная русская армия к этому времени уже давно преуспела в искусстве грабежа шведских провинций, и делиться с казачеством ей не было никакого смысла.

Возникает лишь вопрос о том, как удалось перегнать с берегов Балтики до Черного моря обращенных в рабов жителей шведских провинций? Учитывая расстояние, сделать это было весьма сложно – большинство людей погибло бы в пути. Скорее всего, украинские казаки продали по дороге домой «ясырь» перекупщикам. Возможно, это делалось неоднократно, из рук в руки, включая и русские невольничьи рынки – московский, ладожский и др. (Шкваров 2008, с. 94).

И еще один интересный случай, на котором хотелось бы остановиться. Весной 1705 г. на смену запорожцам и городовым астраханским казакам едут казаки с Дона, Яика и Терека. Количество их неизвестно, но свидетельства их прохождения в мае 1705 г. по жалобам крестьян архимандриту Иверского монастыря Аарону таковы: «Ехали

[55] Черкассы – обобщенное название всех украинских казаков. Иногда встречается разделение: «Черкассы и слободские казаки» (Масловский, с. 81), иногда «Черкассами» называют только запорожцев или только гетманских казаков.

с Олонецка, с Лодейного поля, донские и яицкие и гребенские казаки в Санкт-Петербург, и у нас, сирот, хлеб в житницах, и овес семенной лошадям брали, и животы и статки грабили, и животину, коров и овец, и свиней многих на полях в стаде побили, а по полям рожь прикормили без остатку, и подвод под них ставили, и тем подводам и доныне от них отпуску нет». (Архив СПбИИ РАН Ф. 181. Оп.1 Д. 6146. Л.7). Объясняется это просто, как и в самом начале войны, продовольствие казакам от казны отпускалось крайне нерегулярно, или вовсе не доходило до них, и чтобы не умереть с голоду, его брали у русских крестьян без малейшего угрызения совести. Подобное поведение вольных казаков в этом случае было абсолютно нормальным в их понимании, ибо они находились на той стадии исторического развития, когда привычный тон их жизни задавали скотоводы-кочевники, татары, калмыки, с которыми они вели непрерывные войны, когда угон стад или пленение людей, считалось военной доблестью. Исходя из умозаключения, что они, казаки, защищают местное население, Россию, с которой они себя абсолютно в тот момент не олицетворяли, от неприятеля, – казаки находили возможным питаться тем, чем располагали русские крестьяне. И это психологическое убеждение среди казачества существовало практически до XX века во всех войсковых группах. (Мануйлов 2007, с. 196-197.)

Но есть и еще одно объяснение. Иверский Валдайский монастырь был построен по личному благословению и под патронажем Патриарха Никона (в 1657г.), и занимался его возведением ни кто иной, а Иоаким, будущий Патриарх (с 1674 по 1690гг.), предшественник последнего Патриарха Андриана. Иоаким вошел в историю, как наиболее ревностный и жестокий борец с расколом, ратовавший за строгость во внешней обрядности церкви. Будучи еще Новгородским митрополитом принял самое деятельное участие в подавлении восстания монахов Соловецкого монастыря (1673г.), наиболее почитаемой обители среди казаков (Боголюбский 1895, с. 31-45).

Не знать об этом, как и о самом Иоакиме, казаки не могли. Тем более, что в основной массе, если не все, они были старообрядцы. Разорение крестьян монастыря, символизирующего для казаков никонианство, вполне укладывается в рамки принципа «талиона[56]», который всегда в психологии казачества стоял на самом первом месте, ибо полностью соответствовал тому, что было сказано в Священном

[56] Талион – лат. talion, от talio – возмездие, равное преступлению, от talis – такой же.

Писании: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Кн. Исхода, 21:24-26). Казаки прекрасно помнили не только восстание Степана Разина и волнения 1686-1688гг., главным лозунгом которых была борьба за старую веру, но и ту жесткость московского правительства, с которой они были подавлены. На Дону волнения не утихали, поскольку продолжалась экспансия России и на казачьи вольности, и на казачьи земли. Пока наиболее преданные Петру I старшины Фроловы, Поздеев и др. воевали со шведами, участвовали в подавлении Астраханского мятежа, напряжение на Дону возрастало.

1.7. УХОД С ДОНА СТАРООБРЯДЦЕВ ИГНАТА НЕКРАСОВА

Безусловно, восстание Кондрата Булавина имело политическую окраску, и было направлено против дальнейшего закабаления казачества и превращения некогда свободных граждан в подданных России, в защиту старинных казачьих прав и свобод.[57] Тем не менее, в качестве основного лозунга была выдвинута вера: «Всем старшинам и казакам за дом Пресвятой Богородицы, за истинную христианскую веру и за великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на нас умышляют, жгут и казнят напрасно, вводят нас в еллинскую (новую) веру и от истинной отвращают...» (Савельев 1990, с. 402). Для нас восстание Булавина интересно появлением такого феномена, как казаки-некрасовцы – крупнейшая община старообрядцев, не пожелавших отречься от веры отцов и дедов, предпочитая жизнь на чужбине и верную службу ярому врагу – Турции, ни много ни мало в течение 254 лет, начиная с 1708 г. «История казаков-некрасовцев является великолепным подтверждением сложности, многогранности процессов, происходивших в самой казачьей среде, не обязательно связанных с российскими интересами» (Сень 2004, с. 75). Парадокс и одновременно трагедия, когда, казалось, непримиримые борцы с мусульманским миром, «рыцари Православия», как иногда называют казаков, они вдруг оказались в стане врага и, сохраняя при этом всю чистоту древней веры, обрушились с величайшей ненавистью на христиан, в том числе и бывших своих товарищей.

Взяв Черкаск, Булавин обратился ко всем за помощью. На Кубань, где проживали старообрядцы, бежавшие еще в прошлом веке, Була-

[57] Подробнее о восстании Булавина в соответствующей главе Ч.2. наст. изд.

вин писал в грамоте от 27 мая 1708 г.: «...и стали было бороды и усы брить, так и веру христианскую переменить и пустынников, которые живут в пустынях, ради имени Господня, и хотели христианскую веру ввести в еллинскую..» (Брикнер 2004, с. 321). Обращение к кубанским староверам подтверждает то, что, несмотря на внешнюю конфронтацию войска с ними, сторонников на Дону они имели предостаточно[58].

Аналогичное послание было отправлено и в Запорожскую Сечь, однако, религиозных посылов и призывов постоять за «истинную» веру на Украину не было. Сказано только, что «в прошлом, 1707 г. совокупилися мы войском Донским и иными реками постоять за дом пресвятые богородицы, и за православную христианскую веру, и за святыя апостольския церкви». Запорожцев предостерегали и призывали «встать вкупе обще», что в случае нападения царских войск на Дон, «мы им будем противиться, чтоб они нас в конец не разорили напрасно, также б и вашему войску Запорожскому зла не учинили» (Отписка Булавина и войска Донского к войску Запорожскому 17 мая 1708 г. – РГАДА Ф. 124 №36 л. 1-2).

13 мая 1708 г. Войсковая Рада рассмотрела призыв Булавина, и готова была его даже поддержать, однако прибывшие в Сечь иноки Межигорского монастыря, вышли к запорожцам с крестами, Евангелием, хоругвями и принялись увещевать казаков не делать этого. В результате, большинство запорожцев осталось на месте, вновь разрешив последовать за Булавиным лишь добровольцам, которых набралось на этот раз до 1200 человек (Эварницкий III, гл. 8). Таким образом, Русской православной церкви удалось предотвратить выступление Запорожской Сечи – наиболее боеспособной части вольного казачества, в поддержку булавинцам.

Двинутая на Дон огромная русская армия, сопоставимая по численности той, что продолжала вести боевые действия против шведов, не оставляла никаких шансов восставшим. Окруженный предавшими его старшинами во главе с бывшим наказным атаманом Ильей Зерщиковым, Булавин по легенде застрелился в Черкасске 7 июля 1708 г. Факт самоубийства атамана вызывает серьезные сомнения, поскольку это являлось страшным грехом, и для казака было естественным погибнуть в бою, но не наложить на себя руки. Скорее всего, это была ложь, специально придуманная для того чтобы опорочить

[58] В прелестном письме атамана Никиты Голового сообщается о 2000 кубанцев, принявших участие в восстании (ЦГАДА, ф. 9, оп. 2, кн. 7, л. 748). Однако, эта цифра вызывает сомнение.

среди набожного казачества имя Булавина. Долгорукий в донесении Петру I прямо указывает на есаула С. Ананьева – «в убийстве вора Булавина, конечно ево... было радение». В письме Илье Зерщикову, возглавившему войско после смерти мятежного атамана, казаки-некрасовцы также спрашивают: «За какую вину вы убили Булавина и стариков ево?» (Половинко, с. 34-36).

Тело погибшего атамана отвезли в Азов, обезглавили, голову насадили на кол, а тело подвесили за ноги для устрашения. Позднее, сам Петр приказал доставить истлевшие останки Булавина в Черкасск, «пятерить» и на специально установленных колесах возить по городку. Сам факт непогребения останков, а также надругательства над ними, должен был иметь символический религиозный смысл.[59]

Долгорукий с армией шел вниз по Дону, истребляя поголовно население городков. Вешали, сажали на кол, женщин и детей забивали в колоды, священников, молившихся за восставших, четвертовали. Восстание Булавина было расценено, как военное преступление и виновные подлежали недавно введенной Петром децимации – казни каждого десятого[60], но число жертв было неизмеримо больше. На подавление были брошены калмыки Аюка-хана и украинские казаки – Острогожский, Изюмский, Ахтырский и Сумский слободские полки, Полтавский и компанейский Кожуховского гетманские. Активное участие малороссийского казачества в карательной акции окончательно вбило кол в отношениях с донскими казаками.[61]

Оставался последний оплот восставших – станица Есауловская, к которой стремительно приближался Долгорукий. По данным князя к есауловцам стремительно приближался большой отряд Игната Некра-

[59] По православным канонам самоубийцу запрещалось хоронить на кладбище, таким образом, обрекая его душу на вечные страдания. Ни Разин, ни Пугачев не покончили с собой, прекрасно понимая на какие муки они себя обрекают. Существует также легенда, что вместе с Булавиным сражалась и его дочь Галя. И якобы, также, как и отец покончила с собой, не желая сдаваться в плен. Скорее всего, Булавин убил ее сам, спасая от мучительной и позорной казни – такой обычай существовал среди казачества, а далее или погиб или был тоже застрелен в голову кем-то из соратников. Это подтверждает и то, что смертельный выстрел был сделан с левой стороны, а Булавин не был левшой.

[60] Это новшество, введенное Петром по примеру римских полководцев, позднее закреплено законодательно 97 артикулом, согласно которому в случае побега с поли брани или дезертирства рядовые «по жребию десятой (или как по изобретению дела положено будет) повешен, а протчие шпицрутенами наказаны будут, и сверх того без знамен вне обоза стоять имеют...» (*Российское* законодательство X—XX веков, с. 344).

[61] Позднее, при подавлении «колиивщины» на Украине и Польше, весьма значимую роль сыграли донские казаки Гурьева, потомки некогда казненных булавинцев (Антонович 1883, с. 250-276).

сова. Однако, как совершенно справедливо замечает историк Д. Сень, «среди тех, кто шел на помощь к осажденным находились женщины и дети, и мог ли этот фактор оказать существенную помощь при неотвратимом столкновении с царскими карателями?». По мнению историка, «парадокс заключался в том, что они не собирались «идти на выручку своим собратьям к Есаулову городку», а местом сбора была определена Нижне-Чирская станица в 35 верстах от Есауловской. Таким образом, можно сделать вывод о том, что появление на Правобережной Кубани отряда донских казаков, возглавляемого И. Некрасовым и некоторыми другими сподвижниками Булавина, в конце августа – начале сентября 1708 г. стало завершением плана, заранее подготовленного на Дону (Сень 2002, с. 19-28).

По поводу цифры ушедших с Некрасовым казаков существуют разночтения, но наиболее правдоподобной, на мой взгляд, является цифра в 8000 человек (Ригельман 1846, с. 95-96).[62]

Безусловно, свой выбор казаки И. Некрасова сделали не без помощи и участия первых кубанских казаков, ушедших с Дона после событий 1688 г. и уже снискавших покровительство Крымских ханов Гиреев. Можно себе представить в каком шоковом состоянии находились беглецы. Сам по себе переход под покровительство мусульманского владыки противоречил жизненной идеи существования казачества, как защитника христианского мира против ислама. Несмотря на давние угрозы казаков уйти «с реки» под давление Москвы оставались до сих пор пока что словами, за исключением переселения небольшой группы староверов после известных событий 1688г. (Пронштейн, Миненков 1983, с. 261). Помимо этого, дважды за ними организовывались погони, возложенные на калмыков Аюки-хана и князя П.П. Хованского, правда они вернулись ни с чем и «в вид тех воровских казаков нигде не угнали». Во-вторых, гарантий безопасности никто дать не мог, ни правивший в Крыму Девлет-Гирей, ни старые кубанские казаки. Петр неоднократно требовал у крымского хана выдать ему изменников-некрасовцев, но Девлет-Гирей заявил посланнику царя дворянину Василию Блеклому: «...что-де мне отдать, чего у меня нет. Я-де ему (Некрасову – А.Ш.) отказал и указ послал, чтоб он в Крыме и на Кубане не был, откуда и как пришел, так бы и ушел» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1 Л. 13.). Безусловно, крымский хан лукавил, но это не могло успокоить беглецов,

[62] Савельев говорит о 600 семьях (Савельев 1990, с.408), в послужном списке майора лейб-гвардии В. Долгорукова упоминается 2000 семей (Материалы по истории СССР, т. V., с. 528-530)., что позволяет согласиться с цифрой в 8000 чел., которую приводит и проф. Возгрин. (Возгрин 2008, с. 58).

ибо не давало 100% гарантий безопасности. Петр I, видя несогласие Девлет-Гирея, приказал действовать через турецкого султана Ахмеда III. Еще весной 1709 г. царь демонстративно стал вооружать свой флот в Азове и строить новые корабли, явно в нарушение Константинопольского договора. Стамбул, естественно обеспокоенный таким развитием событий, посылает в Азов для переговоров с царем кападжи-пашу, чиновника, представлявшего при Бахчисарае самого султана. И Петр приказывает сжечь на глазах у турка весь Азовский флот, а также передает ему 5000 рублей золотом и еще на 10 000 рублей соболей, тем самым обеспечив лояльность Турции накануне Полтавского сражения. Уже после Полтавы посланцы царя снова появляются в Крыму и предлагают выдать России и казаков и самого Карла XII (Возгрин 2008, с. 59-60).

Поселились некрасовцы, судя по оперативным данным, в междуречье Кубани и Лабы (РГАДА Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1 Л. 1. Л. 15 об.). Несмотря на то, что район проживания был несомненно согласован с крымским ханом, отношения с местным населением – ногайцами или их еще называют наврузовцами князя Аллават-мурзы, по крайней мере в первое время складывались не слишком дружелюбными. Это подтверждается и расспросными речами отдельных казаков-некрасовцев попадавших плен к русским, что «хотят их Кубанские владельцы выслать вон» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 23-24). Но, в целом, процесс адаптации некрасовцев прошел довольно быстро. Об этом свидетельствуют факты обеспокоенности русских властей развернувшейся в скором времени деятельностью некрасовских эмиссаров на Дону «для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к тамошним ворам побежать на Кубань» (РГА ВМФ Ф.233 Оп. 1 Д.28 Л. 16), а также то, что весьма скоро казаки стали уходить далеко от свих новых жилищ, оставляя семьи. В ходе походов на Украину и другие южные российские регионы некрасовцы захватывали полон, что свидетельствует об упрочении их положения на Кубани, а также то, что в основе их действий оставался принцип «талиона», т.е. справедливого возмездия. В 1711 г. по показаниям жителя деревни Леонтьевы Буераки (в 50-60 верстах от Троицкого[63]) некрасовские казаки в союзе с кубанскими татарами, разорили и сожгли деревню, а «полон, в том числе и его, Ивана, взяли ж и привезли на Кубань и роздали по разным аулам, а иных продали туркам на каторги» (РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1 Д. 19. Л. 374). Участвовали некрасовцы в совместном походе «кубанской

[63] Совр. Таганрог.

орды» на р. Куму в 1711 г., где и «стояли под пятью городами» (РНБ. Ф. 905. Д. Q-347. Л.1), а накануне Прутского похода генерал-майор Шидловский доносил Ф.М. Апраксину 28 января 1711 г.: «А все ведомости доносятся в Киев, что на наши полки Некрасов с ордою будет, так намерены не только наши полки, чтоб весь Белгородский разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить, за что многий презент получил» (Мышлаевский 1893, с. 40)

В свою очередь, ответным ходом Петра I был Кубанский поход П.М. Апраксина 1711г., который определялся необходимостью защиты от «татарев крымских и кубанских воровских казаков» (РГА ВМФ Ф.233 Оп. 1. Д. 16. Л. 8).

Показателен в свою очередь и Прутский поход Петра, когда донские казаки, отправившиеся вместе с русской армией и осуществлявшие, как водиться, разведку, впервые, вдруг не обнаружили многочисленного противника и царь оказался вместе со всем лагерем, окруженный огромной турецкой армией. Уничтоженная Запорожская Сечь, сожженные и разоренные казачьи городки верховьев Дона должны были быть отмщены. Так бы видимо и произошло, если б турки не согласились на выкуп и не позволили Петру вырваться из мешка (Алмазов 2008, 508-509).

Несмотря на отдельные случаи возвращения на Дон, основная масса переселенцев навсегда связала свою судьбу с кубанскими владениями крымского хана. Кубань стала новой родиной для казаков-некрасовцев. Крымские ханы, оказав им покровительство, на деле способствовали созданию единого Кубанского (ханского) казачьего войска, прототипа казачьего государства в мусульманской стране. Этот период пребывания казаков-некрасовцев на Кубани (до 1771 г.) – время расцвета Древлеправославной (старообрядческой) церкви. Здесь активизируется церковное строительство, возводится монастырь, и уже не Дон, а Кубань в глазах староверов становиться оплотом православия и святым местом.[64] Здесь закладывается сакрализация и образа самого Игната Некрасова, ставшего первым атаманом этой казачьей республики. Вытесненные в конце-концов с Кубани за Дунай, а позднее, после взятия Суворовым Измаила, и в Турцию, на берега озера Майнос, казаки-староверы сохранили весь свой кодекс общинного устройства, получивший название «заветы Игната». Это была «в полном смысле

[64] Священников даже в XIX в. «доставали от России», свидетельствовал в 1834 г. в своем письме на Родину казак Ефимов, выкупленный на невольничьем рынке в Стамбуле и вступивший в общину некрасовцев (Сень 2004, с. 74).

слова независимая республика вассальная султану, имеющая свое законодательство, с правом даже смертной казни». Предания гласят, что когда казаки уходили с Дона, Некрасов сказал им: «Глядите, идем в чужую землю, в Турцию. Соединяться с турками – не соединяйтесь, на турецких женщинах не женитесь, а кто нарушит мое слово, того казнить смертью». (Алмазов 2008, с. 487-488).

Православная Россия лишила в начале XVIII в. «изменивших» ей донских казаков-староверов условий для свободной, полноценной жизни, руководствуясь при этом государственными интересами превращения всей массы казачества в служивое сословие. Мусульманское же государство – Османская империя и ее Крымское ханство, исходя, в принципе, из тех же интересов, все эти условия казакам предоставило. И казаки Кубани в полной мере воспользовались всеми преимуществами нового подданства, служа верой и правдой Гиреям и Османам (Сень 2004, с. 75). В 1730 г. сотня некрасовцев во главе с А. Черкесом состояла в качестве личных телохранителей хана Менгли-Гирея. Турки доверяли им охранять казну, гаремы, обозы, военную добычу и пр.

1.8. ПОЧЕМУ КАЗАКИ НЕ ПОШЛИ ЗА МАЗЕПОЙ?

Фигура гетмана Ивана Степановича Мазепы сейчас настолько политизирована и вызывает бесконечные споры о том, кто он Мазепа – национальный «герой» независимой Украины или «антигерой»? Оставим на время в стороне политический аспект его личности, те причины, что побудили его принять роковое для себя решение, выгоды или, наоборот, проблемы ожидавшие Украину при положительном исходе его заговора. Попробуем рассмотреть главное – почему не удалось Мазепе привести в исполнение свой замысел, почему ему не хватило авторитета увести за собой всю Украину, почему за ним не пошли в основной своей массе казаки?[65] Потому что на примере Мазепы мы можем убедиться в том, насколько важное значение в жизни казачества имела религиозно-нравственная сторона. Малороссия благополучно избежала раскола Православия – этого страшнейшего события духовной жизни XVII-XVIII вв., вызвавшего жесточайшее противостояние некогда единоверцев. Но если у донских казаков-раскольников старая вера превратилась в знамя борьбы за независимость Дона от Москвы, то у Мазепы, стремившегося по сути к тому же в отношении

[65] Политические аспекты см. Ч. 2 наст. изд.

Украины, подобного символа не было. При этом, общий религиозно-нравственный кодекс казачества не претерпел изменений. Что в среде староверов, ушедших из под руки Москвы, или ее не признающих, как у запорожцев, что у казаков, присягнувших на верность русскому царю и принявших новые обряды, главными преступлениями оставались: против Войска и против Веры. К преступлениям против Веры относились не только «перемена Веры», но и действия, (а также и слова) оскорбляющие святыни и нарушающие православные обычаи. Последнее касалось не только внешней обрядности (староверы – никонианцы), но и каких-то внутренних устоявшихся веками традиций в отношениях человека с Богом и между собой.

Главным из таинств все абсолютно казаки – запорожские, гетманские, донские, яицкие, гребенские признавали крещение. До крещения, они полагали, у ребенка нет души, ее вдувает священник при купели, а дети умершие не крещенными не смогут предстать перед Страшным судом. При этом чрезвычайно важное значение приобретали «восприемники при купели» – крестные отец и мать – «их нужно почитать больше кровных родителей». В восприемники обычно приглашали или родственников или «тех кого любят». (Харузин 1885, 79-83).

Все, что связано с крестом или крещением имело очень важное, если не сказать, первостепенное значение. Можно вспомнить отказ донских казаков целовать крест в верности московским царям, обычай побратимства, который ознаменовывался обменом нательных крестов и т.д.

История отношений престарелого гетмана Мазепы и шестнадцатилетней дочери войскового судьи Кочубея Матрены описана в художественной литературе весьма романтично. Но вся беда заключалась в том, что Мазепа был... ее «восприемником», т.е. крестным отцом. Что произошло на самом деле, никто сказать не может. Или Мазепа воспылал любовью к юной девушке, или она к нему, или это чувство было обоюдным, но свершился факт кощунства по отношению к главному христианскому казачьему таинству – крещению. Вопреки Божьим установлениям Мазепа посватался к Матрене, чем поверг в шок не только ее родителей, но и все украинское казачество.

Почему Мазепа так поступил? Конечно, вполне допустимо, что хитроумного и многоопытного гетмана могла обуять всепоглощающая страсть любви. Но главное в другом – скорее всего, Мазепа не считал факт собственного участия в крещении Матрены Кочубей серьезным препятствием. Отчего? Мазепа происходил из старинного запорожского казачьего рода. Его отдаленный предок получил в 1544 г. от короля

Сигизмунда I шляхетство и село Мазепицы близ Белой Церкви. XVI век – время, когда Польшей руководили иезуиты и таким образом подкупая казачью старшину, обращали запорожцев на службу польской короне. Иван Мазепа получил хорошее образование в Киеве и Варшаве, его молодость прошла при польском дворе, затем в качестве войскового писаре при гетмане Правобережной Украины Петре Дорошенко[66]. Безусловно, он знал о тайном сговоре Дорошенко с Турцией, о его отношениях с гетманом Левобережной Украины[67] Брюховецким, которого Дорошенко заманил и убил, мечтая о создании независимого единого казацкого государства под протекторатом Турции. Предвидя падение Дорошенко, Мазепа переходит на сторону России и занимает должность войскового есаула при новом гетмане Левобережной Украины Самойловиче. Его польское воспитание, польское шляхетство, не позволяли ему чувствовать собственную близость ни к казачеству, ни к украинскому народу. На них он смотрел, как на собственных холопов. Хотя, ему и приписывают авторство нескольких очень популярных казачьих песен, но в нем все тянулось к польской, т.е. западной культуре.

Возвышению Мазепы послужил неудачный поход фаворита царевны Софьи князя Василия Голицына на Крым. Мазепа сразу убил двух зайцев – «обелил» Голицына, виновного в неудачном походе, заодно «свалив» гетмана Самойловича, возложив ответственность на своих же казаков, а также запорожцев.[68] Это еще раз свидетельствует о его отношении к казакам.

В результате, 25 июля 1687 г. Мазепа стал гетманом Левобережной Украины, дав присягу на Евангелие и кресте. Надо понимать, что гетманские казаки, несмотря на их четкую полковую организацию, семейственность, привязанность к земле, все-таки жили еще старыми традициями вольной Запорожской Сечи, в том числе и правом избрания гетмана. Под давлением князя Голицына собранная по случаю выборов нового гетмана Рада на р. Коломак избрала якобы добровольно Мазепу (Эварницкий III, гл.4). Однако, не обошлось без курьезов. Казаки цену Мазепе знали[69], и его клевета настолько возмутила их,

[66] Т.е. на польской службе.

[67] Т.е. земли, находящиеся под протекторатом России.

[68] Самойлович, как и запорожцы, был косвенно обвинен в пособничестве татарам, выразившемся в поджоге степи и мостов, с целью отложиться от Москвы. Но этого было вполне достаточно, чтобы оправдать неудачный поход В.Голицына.

[69] Хотя подписи Мазепы под старшинской челобитной на злоупотребления Самойловича и не было, но его причастность к этому для многих казаков была очевидна.

что въехать в гетманскую резиденцию Батурин ему удалось лишь при помощи русских войск (Алмазов 2008, с. 503). Ибо они помнили, что преступление против войска, а именно так можно было расценить клевету Мазепы, заслуживает смертной казни.

Гетманство Мазепы сопровождалось раздачей земель своим приверженцам и закабалением крестьян, а также расправами с неугодными, в основном сторонниками бывшего гетмана Самойловича, что в свою очередь, вызвало отток, как казаков, так и крестьян в Запорожскую Сечь.

Несмотря на то, что Петр I старательно избавлялся от тех, кто верно служил царевне Софье, Мазепа понравился ему, опять же благодаря удачным действиям казаков при взятии Азова, которые на этот раз Мазепа использовал в своих целях.

Гетман был прекрасно осведомлен о сложных отношениях патриарха Адриана с царем, а также его трениях с киевским духовенством. Традиционно гетманская власть на Украине имела значительное влияние и в церковной иерархии[70]. Мазепа славился своими щедрыми дарами церкви, а та, в свою очередь, не скупилась на похвалы.[71] Поэтому Мазепа так уверенно выступил в защиту хиротонии Дионисия Жабокритского в луцкие епископы на стороне митрополита Варлаама Ясинского. Тем более, что поддержка царя была четко обозначена в грамоте от 13 августа 1695 г. (РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 1, №24, л. 1597-1598). Однако, патриарху Адриану удалось отстоять запрет на хиротонию, сославшись на позицию остальных православных патриархов, прежде всего иерусалимского Досифея. Все это не лучшим образом сказывалось на авторитете гетмана и попытки добиться своего любым путем Мазепа не оставлял до самого начала Северной войны. Безусловно, не малые надежды гетман возлагал и на Стефана Яворского, формально заменившего умершего патриарха Адриана, и на союзника России – польского короля Августа II, но в связи с неудачным началом войны со

[70] Стефан Яворский, назначенный Петром I в качестве главного лица в церкви (но не местоблюстителя патриаршего престола) также не считал вмешательство царя в церковную жизнь недопустимым. Это воспринималось им, как часть московской традиции, не чуждой и гетманской Украине. (Живов, 2004, с. 122). Мать Мазепы, инокиня Маргарита была настоятельницей Киевского Фроловского монастыря.

[71] В 1705 г. Феофан Прокопович, преподававший риторику в Киево-Могилянской академии, написал трагикомедию «Владимир», в которой устами Св. Апостола Андрея Первозванного расточал «вернейшему вождю Иоанну» Мазепе неумеренные похвалы (Прокопович 1961, с. 205-206.). Тот же Феофан Прокопович одним из первых создал стихотворный образ Мазепы, как второго Иуды, сразу же после его измены в «Слове похвальном на победу...» при Полтаве (Прокопович 1961, с. 34).

Швецией, Петру I было явно не до луцкой кафедры. Не лучшим образом отразились на авторитете Мазепы в церковных делах и переход в 1700 г. в унию львовского епископа Иосифа Шумлянского[72], и аналогичный поступок так и не утвержденного Дионисия Жабокритского в 1702 г. (Живов 2004, с. 243-244). Несомненно, что иерархи православной церкви, предававшие анафеме Мазепу после его измены, припомнили его поддержку такого же изменника Жабокрицкого[73]. По крайней мере, в грамотах на имя кошевого Запорожской Сечи Константина Гордиенко в качестве одного из пунктов, составляющих измену Мазепы, было названо его намерение «церкви святые и монастыри превратить в римскую и униатскую веру», а сами они призывались не слушать «прелестей» Мазепы и твердо стоять за православную веру.[74] (Эварницкий III, гл. 14 с. 290-291).

Начало Северной войны ознаменовалось поражением русских войск под Нарвой. Образовавшуюся брешь заткнули гетманскими и слободскими полками. Как пишет А.Широкорад «казаки в походе терпели страшные лишения, и не столько от противника, сколько от воровства московских воевод... при этом казаки находились, куда в более худшем положении, нежели московские полки... оставалось жаловаться своему гетману... Мазепа бил челом Шереметеву, но тот ничего не сделал» (Широкорад 2001, с. 175-176).

Естественно виновным казаки считали Мазепу. Вернувшись на Украину, они поведали всем о тех лишениях, что пришлось им вынести. Недовольство гетманом усиливалось. Особенно волновался Полтавский полк Ивана Искры, располагавшийся на границе Малороссии и земель Запорожской Сечи.

В это время и случился тот самый казус с Мазепой и Матреной Кочубей. Связан ли донос царю отца Матрены Василия Кочубея с обидой

---

[72] Еще при короле Польше Яне Собесском с Мазепой пытались вести переговоры о его переходе под польскую корону через львовского православного епископа Иосифа Шумлянского. Мазепа сообщил об этом Петру, однако, без упоминания имени православного иерарха (Костомаров, с. 561).

[73] Хотя признавали его весьма значительные пожертвования православным церквям на Украине.

[74] Необходимо заметить, как запорожцы отреагировали на грамоты Петра, которые в Сечь доставили царские стольники Г. Кисленский и Г. Теплицкий в сопровождении архимандрита Межигорского монастыря Ирадиона Жураховского. Так как на собранной по этому случаю Раде победили сторонники кошевого Гордиенко – противника Москвы, то царских посланников хотели утопить, а Жураховского называли «шпигом» (шпионом) и грозились сжечь в смоляной бочке (Эварницкий III, с. 292). Духовный сан не служил архимандриту защитой.

на гетмана или это было сделано из преданности сказать сложно. Скорее всего, и то и другое. Историк казачества Б. Алмазов объясняет это столкновением европейского и азиатского мышления, отсюда и «азиатская этическая норма – преданность присущая Кочубею», который верой и правдой служил царю, исполняя долг генерального судьи. «Ему вменялось в обязанность следить за точным исполнением предписаний и законов, указов и распоряжений царя. Но ведь эта должность не мешала его преемнику Чуйкевичу служить не царю, а Мазепе... И мстил Кочубей совершенно в традициях азиатского менталитета» (Алмазов 2008, с. 499). Безусловно, Кочубей знал, или подозревал не без оснований, о некоторых тайных переговорах гетмана со сторонниками шведского ставленника Лещинского и с самим Карлом XII. Будучи азиатом по менталитету и православным по духу, Кочубей прекрасно понимал, что можно ожидать от католической Польши и лютеранской Швеции – в лучшем случае уния, т.е. возврат к XVI веку. Пренебрежительное попрание Мазепой одного из главных краеугольных камней казачьего Православия – таинства крещения лишь укрепило уверенность Кочубея в своей правоте, тем более, что этот поступок гетмана коснулся непосредственно самого генерального судьи и его дочери. Кочубей пишет один донос царю, за ним вдогонку отправляет второй уже совместно с полтавским полковником Искрой царевичу Алексею с просьбой донести свои опасения в отношении Мазепы до отца. Но Петр, зная о мятежности казачьей старшины, верит безоговорочно гетману, расценивает это все, как клевету, приказывает пытать доносчиков, те не смогли представить серьезные улики против Мазепы, под пыткой были вынуждены признаться, что солгали, и были переданы на расправу ему же. И здесь Мазепа совершает второй, с точки зрения казачьей православной философии, опрометчивый поступок – он казнит отца своей крестной. Мог ли Мазепа избежать личной причастности к казни? Думаю, что да. Только он особо и не размышлял на эту тему. Гетман прекрасно понимал, что донос справедлив, страх перед возможным возмездием царя был велик, поэтому он, не раздумывая, приказал отрубить головы и Кочубею и Искре, что и было сделано 14 июля 1708 г. в местечке Борщаговка неподалеку от Белой Церкви. Несчастная Матрена Кочубей выдается замуж за Семена Чуйкевича[75], и отец последнего принимает должность

[75] Старшая дочь Кочубея Анна была замужем за племянником Мазепы И. Обидовским, который скончался в Лифляндии в 1701 г. Сын генерального судьи Василия Чуйкевича – Семен, женившийся на дочери Кочубея, рассказывал, что Мазепа был против этой свадьбы и он якобы даже пострадал от гетмана, как зять обвиненного Кочубея, что вызывает определенные сомнения. Вряд ли Мазепа стал преследовать Семена, сына

казненного генерального судьи. Имения Кочубея конфискуются, а его вдова Любовь Кочубей содержится под стражей в Батурине.

А что же украинское казачество? Ведь, по шведским данным Мазепа привел в ставку Карла XII, размещавшуюся в Орловке, в 70 верстах от Батурина – резиденции гетмана, всего около 2000 человек (Григорьев 2006, с. 276-277)[76]. Где еще 58 000 украинских казаков?[77] Да и примкнувшая было к Мазепе, часть старшины вскоре покинула его.[78] Что остановило и старшину и казачество? Ответ современных украинских историков – Батуринская резня. Однако, и документы петровской эпохи и недавние археологические раскопки в самом Батурине этого не подтверждают. Так Меньшиков в письме Петру I от 24 октября 1708 г., т.е. еще за неделю до штурма сообщает о том, что он ведет переговоры с сердюками, охранявшими резиденцию Мазепы, а также необходимости лояльного отношения к малороссийскому населению (П. и Б. П.В., Т VIII, ч. 2, с. 864). Меньшиков прекрасно понимает, что в условиях измены гетмана и близкого присутствия шведской армии озлоблять местное население массовыми казнями неразумно. В ответном письме Петра от 2 ноября 1708 г., т.е. на второй день после взятия, рекомендуется город сжечь и отступить, так как шведы в 4-х милях (40 км – А.Ш.). Таким образом, выходит, что Батурин был сожжен уже после штурма. Что касается расправ над мирным населением и его поголовного истребления, то этим предположениям противоречит приказ нового гетмана Ивана Скоропадского батуринскому коменданту Даниилу Харевскому от 22 декабря 1708 г. разрешающий жителям вернуться в город и

своего генерального судьи накануне совместного ухода к шведам. Скорее всего, это была попытка избежать наказания, как родственника соратника Мазепы. Кстати, отец Семена принес повинную Петру, но после Полтавы, за что был отправлен в ссылку.

[76] Украинские историки называют цифру 1200 чел., а всего к Полтавской битве вокруг Мазепы собралось от 2500 до 3850 чел, не считая запорожцев.

[77] Скорее всего, больше этого, даже с учетом потерь. 60 000 это приблизительная реестровая численность гетманских и компанейских полков накануне Северной войны. К казачьим полкам Левобережной (русской) Украины присоединились казаки Правобережной (польской) Украины полковников Палея и Самуся.

[78] Среди них будущий гетман Даниил Апостол. В качестве другого яркого примера может служить личность бывшего запорожца и полковника кампанейского полка Игната Галагана. Позднее, доказывая свою верность Петру I, Галаган принял самое рьяное участие во взятии и разорении Запорожской Сечи, за что и получил от царя в командование Прилуцкий полк. Возможно, Галаган последовал за Мазепой с умыслом убедиться окончательно в измене гетмана. Кстати, тайный путь в осажденный Батурин русским показал сотник Прилуцкого полка Иван Нос, (по другим сведениям – Соломаха).

селиться.[79] По переписи 1726 г. в Батурине было 560 дворов, что соизмеримо с населением Полтавы (Лазаревский 1892, с. 111-115).

В отношении погибших при штурме Батурина сердюков, особого сожаления по ним никто не высказывал. Соловьев приводит письмо жителя Стародуба киевскому воеводе князю Баратынскому, где тот сетует, что в сердюках состоят одни лишь «поляки»[80], набранные за плату Мазепой (Соловьев XIV с. 597-598). Их участь казачеству Левобережной Украины была безразлична.

Безусловно, жертвы среди мирного населения были, как при любых военных действия. Некоторые были забраны в плен с подозрениями на измену, но впоследствии отпущены, остальные разбежались (Лазаревский 1892, с. 112). Удалось ускользнуть и командовавшему сердюками полковнику Чечелю – он был схвачен позднее, привезен в Глухов и там публично казнен.

Миф о батуринской резне родился в универсалах Мазепы, которые тот рассылал по Украине в надежде поднять ее на борьбу с Петром. Поверить в это было легко, ибо разгром недавнего казачьего бунта Булавина на Дону сопровождался массовыми казнями и сожжением городков, как царскими властями, так и малороссийскими казаками, отправленными туда по приказу Мазепы. Таким образом, гетманские казаки прекрасно были осведомлены о том, что их ждет в случае бунта или измены, и понимали, что царские солдаты церемониться с ними не будут, а донские казаки не упустят возможности отомстить. С другой стороны, еще до своего перехода на сторону шведов, Мазепа постоянно сообщал Петру о волнениях в собственных малороссийских казачьих полках, а также в Запорожье, усиливая в целом тем самым недоверие и подозрительность Петра к казачеству. Украинское казачество становилось фактически заложником в той сложной игре, что была задумана Мазепой. С одной стороны, недовольство Москвой было в некоторой традиционно и оправдано действиями русской администрации, в том числе и военной, не считавшейся с казаками ни на Украине, ни в действующей армии. Царские генералы смотрели на Украину, как на часть государства, и ничем особенным выделять ее жителей, в т.ч. и казаков, среди прочих областей России не собирались. В тоже время, гетман Мазепа, хоть и был внешне явным приверженцем московской

[79] Жива осталась и вдова казненного Кочубея – Любовь, содержавшаяся в Батурине. Это еще одно подтверждение того, что поголовного истребления жителей города не было.

[80] Имеются в виду выходцы с Правобережья, в т.ч. и шляхта, т.е. с польских земель.

линии, но тайно, на словах, ратовал за независимость Украины и, якобы, за вольности казачьи. Его богатые пожертвования на православные храмы, его выступления в защиту хиротонии Жабокритского, и тем самым оказание поддержки православному населению польских областей Украины, должны были уверить всех и укрепить его позиции. Участие казаков в расправе над своими братьями-донцами, казалось, кровью должно было связать их с Мазепой, а жестокость царских войск демонстрировала то, что будет с ними, если они не поднимутся, как один, за своим гетманом и за независимость Украины, которую несли якобы шведы. В качестве примера должен был послужить штурм Батурина. Таким образом, по словам Мазепы, у казаков не было иного выхода, как примкнуть к нему. Однако, суть определяют не слова, а реальные поступки. Поэтому с другой стороны для казаков вырисовывалась иная картина. Обиды от московских людей украинские казаки связывали или с бессилием гетмана противостоять царским генералам или от его нежелания заступиться за своих подчиненных. Участие казаков в братоубийственной войне на Дону также легло на совесть Мазепы. Личное обогащение гетмана, его личная охрана из преданных сердюков-поляков, раздача земель своим приближенным вместе с проживавшими на них, как крестьянами, так и казаками, усиливало ненависть к нему населения. Его предательство по отношению к своему предшественнику Самойловичу, к казачьему вождю Правобережной Украины Палею, его постоянные жалобы царю и обвинения в адрес Запорожской Сечи также характеризовали гетмана в глазах всего казачества. Ну и личное поведение в отношениях с семейством Кочубей – связь с крестной, казнь ее отца, выдача ее замуж за Чуйкевича и назначение последнего на должность казненного Кочубея, т.е. нарушение самых святых казачьих православных традиций, сыграло решающую роль в отношении всего малороссийского казачества к своему гетману. Переход в униатство львовского епископа Иосифа Шумлянского и несостоявшегося луцкого епископа Дионисия Жабокритского, анафема, которой его предал киевский митрополит вместе с черниговским и переяславским епископами в Глухове,[81] лишь укрепили нежелание Украины пойти за Мазепой.

Православная церковь после предания Мазепы анафеме обозначила его поступок, как повторение иудиного греха. Первым это осуществил Феофан Прокопович, некогда воспевавший гетмана, о

[81] Грамота о проклятии и отлучении Мазепы была развешена по всем церквям Украины.

чем уже упоминалось, но гораздо больше внимания изменнику было уделено в тексте службе в память Полтавской виктории, сочиненной еще одним видным украинским богословом Феофилактом Лопатинским, с 1708 г. возглавлявшим Московскую академию. Именно ему, также непосредственно знакомому с Мазепой, царь поручил составление службы и лично курировал исполнение заказа. Служба выдержала три правки, прежде чем обрела окончательный вид (Василик 2007, с. 64-65).

О крайнего неистовства и злобы!
Обретеся ныне последующий зле предыдущему Иуде,
Обретяся второй Иуда, раб и льстец,
Обретеся сын погибельный, диавол нравом, а не человек,
Трекляты отступник Мазепа,
Иже оставив страну православную,
И прилепися к супостату,
Совещая воздати злая за благая,
За благодеяния – злодейство,
За милость – ненависть... [82]

В обличении Мазепы Лопатинский опирался и на древнерусские традиции киевского периода, в частности на тропарь Св. Равноапостольному Князю Владимиру, где в основу сюжета положена притча Христа о купце, ищущем драгоценного жемчуга (Мф. 13, 45-46). Но если для Св. князя Владимира драгоценный бисер – Христос – становится предметом поиска и любви, то для Мазепы – продажи и предательства. Равноапостольный князь противопоставляется неблагодарному и лукавому рабу, исцеление одного является антитезой погибели другого. Видимо это связано с претензиями Мазепы быть малороссийским правителем, «князем Киевским», но из него получается не второй Владимир, а второй Иуда, закономерный конец которого – смерть.[83] Сочинение Лопатинского выражало не только и не столько его личную точку зрения, сколько общецерковную и общероссийскую, не только общероссийскую, но и малороссийскую (Василик 2007, с. 70-72).

[82] Минея. Июнь. Часть 2. М., 2002. С. 394.

[83] Несомненно здесь присутствует и выпад Лопатинского против Прокоповича, автора трагикомедии «Владимир» (1705 г.), где восхвалялся Мазепа, хотя Прокопович первым публично назвал Мазепу Иудой, после измены и присутствовал в Глухове при предании гетмана анафеме.

1.9. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КАЗАЧЕСТВО В КОНЦЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I

В первые годы XVIII столетия церковная политика была на периферии интересов Петра I, все внимание царя было приковано к тяжелейшей войне со Швецией. Роль митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского, по его собственному убеждению, сводилась к просветительской деятельности, вполне традиционной для украинского духовенства на московской службе. Яворский занят преобразованиями в Московской Славяно-греко-латинской академии, а также борьбой с расколом, поскольку он был убежденным противником старообрядчества[84]. Безусловно, ему пришлось приспосабливаться и к зависимости от царя, и к недоброжелательному и предубежденному собственному окружению, плохо понимавшему первое время намерения рязанского митрополита, и к ограниченности собственных возможностей. Негативное отношение к Яворскому со стороны и восточных патриархов, в первую очередь, иерусалимского Досифея, и московского духовенства, со временем было преодолено. Не в малой степени этому способствовало и то, что тяготы петровской деспотии он нес вместе со своими собратьями, и согласие с великорусским духовенством было достигнуто благодаря его критическому отношению к жизни и деятельности самого Петра. Однако, это не превращалось в мученическое противостояние самому царю, напротив, возникало даже неоправданное представление, что первоначально, в первом десятилетии XVIII в. между Петром I и Яворским царила полная гармония и царь неизменно благоволил к митрополиту. До какой степени Яворский в первые свои годы пребывания в Москве отдавал себе отчет в характере петровских реформ и до какой степени он был обольщен открывающимися перспективами просветительской деятельности, остается не ясным. В любом случае, по мнению историка церкви В. Живова, это обольщение было недолгим (Живов 2004, с. 122-125). В силу приоритетности военных расходов, получив неограниченный доступ к церковным богатствам, Петр распоряжается ими по своему усмотрению и отказываться или делиться с бывшими собственниками не обнаруживает ни малейшего желания. Кроме этого, в продолжение своей антиклерикальной культурной политики, царь предпочитает на церковные деньги строить театры, а не храмы. Но все-таки,

[84] В 1703 г. им написана книга «Знамения пришествия Антихристова и кончины века», направленная против Г. Талицкого (Живов 2004, с. 124).

главное заключалось не в этом, и не во вмешательстве царя при назначении епископов и настоятелей главных монастырей, а в личных бесчинствах монарха, дискредитирующих церковь, как хранительницу благочестия.

С 1708 г. Яворский пытается противостоять новым порядкам. На день Св. Иоанна Златоуста (13 ноября) Стефан подготовил проповедь, в которой говорилось о царе Валтасаре, пьющем из церковных сосудов, захваченных его отцом Навуходоносором из храмов Иерусалима, и тем самым осуждалось изъятие церковных имуществ, делались прямые намеки на неблагочестивые петровские ассамблеи (РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1592, л. 808). Для слушателей, владеющих языком библейских пророчеств, это было равносильно предсказанию гнева Господнего, который должен был обрушиться на Россию за грехи ее правителя. Если полагать, что эта проповедь была написана после ряда событий, сотрясших Россию – бунта в Астрахани, восстания Булавина, измены Мазепы, но до Полтавского сражения, это предупреждение было более, чем актуально. Однако, проповедь не была произнесена Яворским, как и другая, написанная в том же году ко дню Св. Николая (6 декабря), в которой осуждалось брадобритие и ношение париков: «Обрыет кто ус и браду, наложит накладные волосы, мнится быти по-видимому молодым, а он стар. Видите, какую лесть брытва сотворила. Глянешь на иного без усы, без бороды, в накладных волосах: мнится бытии немчин, а он русак» (Чистович 1867, с. 831).

А вот проповедь на день Св. Петра Митрополита (21 декабря 1708 г.) не осталась на бумаге, а была произнесена. В ней Стефан говорит о насильно подстриженных женах и живущих с разведенным мужем блудницах – прямой намек на царицу Евдокию, сосланную в монастырь и Екатерину, будущую императрицу. Яворский грозно восклицает: «О небо, како громы свои огненные на таких удерживаеши? О земля, како уста своя не отверзаеши и живо таких беззаконников... не пожираеши?» (Чистович 1867, с. 833). Нам не известна реакция Петра на эту проповедь Яворского, или царь не обратил внимания, или ему было просто не до этого – на Украине активизировались шведы и начали осаду Веприка.

Полтавская виктория успокоила на время обличительный пафос проповедей Яворского. Время и царь требовали от архиереев восхваления победы русского оружия, и они это исполнили, что в свою очередь свидетельствовало об огосударствливании церкви, ибо ни русская, ни византийская традиция не посвящали службы событиям

«светского характера».[85] Наиболее известно сочинение Феофилакта Лопатинского «Служба Богу в Троице Святой славимому, о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом вторым надесять и воинством его, содеянной под Полтавой в лето от воплощения 1709». Петр лично курировал составление службы и трижды правил ее. Особое недовольство царя вызвало упоминание войны со Швецией, как войны за веру. «Тогда речь шла не о вере, а о мере!», – писал Петр (Рункевич 1905, с. 223).

Царь преднамеренно избегал тезиса о религиозности войны. Этому есть ряд объяснений. Во-первых, в русской армии служило большое количество офицеров-протестантов, и Петру восстанавливать против себя всю протестантскую Северную Европу не было никакого резона; во-вторых, он абсолютно не хотел усиливать позиции православной церкви, которая в таком случае становилась бы знаменем в борьбе со Швецией; в-третьих, после Полтавы возможность заключения мира казалась очень близкой, при этом, как заведено, пришлось бы обсуждать и то, кто все-таки начал войну, нарушив прежний мирный договор, а соответственно и крестоцелование при его подтверждении. При всех своих диких, с точки зрения православной морали поступках, царь был глубоко верующим человеком. Но отказываясь от религиозности войны, не использовать весь потенциал церкви, в том числе и в отношении гимнографии, он не мог. В соответствии с пожеланиями царя Лопатинский сравнивает Карла XII с языческим богатырем Голиафом, хулившим Истинного Бога, а Петра с кротким и благочестивым Давидом, будущим помазанником Божьим, победившим Голиафа практически без оружия, силою Божией. Несмотря не царское мнение относительно войны за веру, Лопатинский представляет войну со Швецией, как апокалиптическую брань с дьяволом, как своеобразный крестовый поход. Определяя шведское лютеранство, как лжехристианство, Лопатинский основывается на протестантском иконоборчестве, которое проявилось в поведении шведов на православной земле. Россия отождествляется с Церковью, основанной Самим Христом на камне, а Швеция – с вратами адовыми и ее король Карл назван но-

[85] Византийская традиция знает всего две службы, посвященные не памяти святых, не освящению церквей и т.д. – 11 мая – день основания Константинополя и 26 октября – память землетрясения 740 г., русская литургическая традиция имела лишь одну службу, связанную с Куликовской битвой, т.н. Дмитриевскую родительскую субботу, память погибших воинов, совершаемая в канун праздника Св. Вмч. Дмитрия Солунского, но на ней используется традиционная служба мясопустной Родительской субботы (Василик 2007, с. 75).

вым Навуходоносором[86]. Как известно, по-гречески имя Петр означает камень, скала. Следовательно, под камнем, сокрушившим «здание умышлений» Карла XII вполне можно подразумевать и Петра I. Таким образом, в службе появляется тезис о главенстве императора (царя) над церковью, представление о нем, как о «христе», только с маленькой буквы. Вольно или невольно, но Лопатинский предрек тот самый параграф «Духовного регламента», окончательно уничтожившего патриархат в России, в котором император провозглашался «крайним судией Церкви»[87] (Василик 2007, с. 67-70).

Но гром победных салютов отзвучал, а войне конца еще не предвиделось. Стефан Яворский возобновляет свои попытки обличения Петра. Его знаменитая проповедь 17 марта 1712 г. «О соблюдении заповедей Божиих», произнесенная на день Св. Алексия, человека Божия, осуждает жизнь и нравы петровского общества. Стефан противопоставляет «порочные законы человеческие» закону Господню и угрожающе предупреждает, что пока в России разоряется закон Божий, она не получит мира. Яворский обращается к «законопреступному человеку», сравнивая его со «своевольным морем» и пророчит время, когда «волны... о песок грозный смертный разобьются», имея в виду берег закона Божия. Эта рукопись была доставлена Петру, и он отметил крестом все пассажи, касающиеся его лично. (Живов 2004, с. 33-34).

И в дальнейшем Яворский пытается противостоять церковной политике Петра. Он отстаивает независимость церкви и церковного суда в деле Д.Тверитинова[88], восстает против поставления

---

[86] Интересно, что лютеранские проповедники платили той же монетой и называли Петра незаконнорожденным сыном того же Навуходоносора (Вилкуна, s. 581)..

[87] Формально, в законодательном акте, российский император назван главою церкви только в Акте о престолонаследии 1797 г., где говорится, что «государи российские суть главою Церкви» (ПСЗ, XXIV, № 17910, с. 588).

[88] Тверитинов (наст. фам. Дерюшкин) Дмитрий Евдокимович — московский еретик, родом из Твери; был сначала стрельцом. Около 1692 г. Т. пришел в Москву и, чтобы снискивать себе пропитание, служил у иноземцев разных религий. Когда в Немецкой слободе в 1700 г. открыта была первая частная аптека Грегори, поступил «искать науки у дохтуров и лекарей». Обучаясь лекарскому искусству, усвоил многие из протестантских воззрений и впоследствии к ним прибавил свои домыслы. Он отрицал авторитет церковного предания, отвергал значение церкви с ее иерархией, соборами и св. отцами, говоря: «я де сам церковь, во Христе все — цари и иереи»; признавая единственным ходатаем Иисуса Христа, Отрицал всякое посредничество между человеком и Богом, ходатайство ангелов, Богоматери и святых, отвергал почитание их, равно как и молитву за умерших; отрицал таинства, под крещением разумея только крещение Духом, под евхаристией — только воспоминание о жертве Спасителя; отрицал чудеса,

в епископы Феофана Прокоповича, обвинив его в учении, «несогласном святой нашей апостольской церкви», и требуя публичного покаяния. Он выступает против расстрижения ростовского митрополита Досифея (Глебова), казненного по делу царевича Алексея, ссылаясь на то, что собор не может низложить митрополита, будучи лишен патриаршего возглавления. Российское духовенство под его влиянием высказывается и за помилование самого царевича. Однако, весь аппарат власти и принуждения оставался в руках царя, Петр им умело пользовался, а Яворскому приходилось уступать. Возможно, расчет рязанского митрополита основывался на желании хотя бы как-то сохранить каноническое церковное устройство и духовный авторитет русской церкви в надежде на то, что после смерти царя-реформатора, удастся восстановить полноценную церковную жизнь. Но установленный Петром порядок утвердился на весь оставшийся период имперской истории.

Недовольство Петра церковной администрацией накапливалось. Церковь, по его разумению, плохо поддавалась дисциплинированию в рамках государства. Иерархи готовности к сотрудничеству не проявляли, но упорно пеклись о собственных интересах: строили новые церкви и ставили к ним попов и дьяконов, не соблюдая установленные Петром ограничения, смотрели сквозь пальцы на то, что в монастыри принимались монахи сверх положенного числа и при этом переходили из монастыря в монастырь. Не выказывали большой ревности в борьбе со странниками и нищими, количество которых в условиях разорительной войны лишь возрастало. Все это не соответствовало идеям Петра, но более того, вызывало сложности с решением проблем военного мобилизационного характера. Именно это вызвало

обряды, почитание икон, креста, мощей, посты, монашество и другие установления церкви. От протестантизма учение Тверетинова существенно отличалось тем, что он не принял основного догмата протестантов — об оправдании одною верою, а напротив, говорил, что человек спасается единственно по своим делам и заслугам. Пользовался всяким случаем, чтобы распространять свои воззрения. Если больной просил у него лекарства от глазной или зубной боли, он с насмешкой советовал ему сделать серебряный глазок или зубок к образу св. Ипатия или Антипия чудотворца; если заставал больного за чтением церковной книги, то отговаривал от чтения, утверждая, что в Библии находится все нужное для спасения; при виде постной пищи вооружался против постов; встречаясь с людьми, интересовавшимися богословскими вопросами, заводил речь о догматах, отличавших православную церковь от протестантской, и, смотря по обстоятельствам, то прямо критиковал православное учение, то представлялся сомневающимся. Многие принимали его учение и в свою очередь распространяли его. В течение 10 лет приобрел не одну тысячу единомышленников в Москве, Серпухове и других местах. (Магницкий 1882, С. 1-ХП).

личное вмешательство Петра в «Чин поставления архиерея» в 1716 г. Это свидетельствовало об определенном повороте в церковной политике Петра. Если до середины 1710-х гг. царь отмахивался от внутрицерковных дел и был озабочен лишь тем, чтобы церковные институции не противодействовали ему в использовании экономических ресурсов церкви и в общей европеизации государства, то с середины 1710-х гг. он ставит задачу приспособления церковного управления к структуре государства, его дисциплинирования и превращения в одно из колесиков государственной механизма. Вмешательство в «Чин поставления...» было начальным этапом этого процесса, завершившегося созданием Духовной коллегии – Синода и других церковных реформ 1720-х годов.

Петром было внесено семь дополнительных пунктов, которые составили треть произносимого новопоставляемым епископом исповедания. Предавать анафеме, т.е. проклинать разрешалось лишь тех, кто «покажет себя явным преступником и разорителем заповедей Божьих или... еретиком» и после «трех увещеваний», поступая «незлобиво, с кротостью», и запрещалось действовать «по страстной воле или ради каких ссор» т.е. из личных неприязненных отношений[89]. Архиерею вменялось в обязанность искоренять странствующее монашество, определялась целая программа борьбы с юродством, кликушеством, обоготворением икон. Запрещалось строить новые церкви сверх потребностей и не поставлять лишних попов, дьяконов и прочих священнослужителей, а также ставить «для наследия», т.е. передавать приход сыновьям или зятьям, что давало возможность обеспечить семью священника или после его ухода на покой или после смерти. Однако, при этом потенциальный наследник должен был быть освобожден от воинской повинности. Запрещая наследование, Петр стремился перекрыть любую возможность уклонения от военной службы, не считаясь с социальными проблемами духовенства. И в завершении всего архиерею запрещалось вмешиваться в «мирские дела и обряды», тем самым обеспечивая не только не участие епископата в административных решениях, но и лишая его возможности протестовать против неблагочестивого или кощунственного поведения самого Петра и его приближенных, которое, естественно попадало под категорию «мирских обрядов», кроме случаев «явной неправды», т.е. преступлений против веры, о которых, опять же, следовало писать самому царю на его суд и решение.

[89] Явный намек на предание анафеме Тверитинова вопреки воле Петра.

Петр видел в подобных преступлениях ни антиправославный, а, скорее, антигосударственный характер. А раз так, то «все то, что вред и убыток государству приключити может, суть есть преступление», гласил указ царя от 24 декабря 1714 г. (Владимирский-Буданов 1915, с. 361). А согласно другому указу, наиболее эффективной мерой наказания для подданных является смертная казнь – «все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, – таких безо всякой пощады казнить смертию» (Указ от 24 апреля 1713 г. – ПСЗ V, № 2673).

Не случайно гл. 1 «Артикула воинского с кратким толкованием» 1715 г. – крупнейшего нормативно-правового акта петровской эпохи, определившего дальнейшее развитие уголовного права, как самостоятельной отрасли, называется «О страхе Божий». Законодатель подчеркивает особую защиту государством института церкви и особое наказание от имени Бога, которому подвергаются лица, посягнувшие на православие и церковь. Из восьми артикулов этой главы шесть артикулов предусматривают смертную казнь: за «идолопоклонничество, чародейство (чернокнижие)» (ст. 1), за подкуп чародея с целью причинения вреда «кому другому» (ст. 2), за хуление Божие, куда законодатель относит хулу «слова Божия», «святых таинств», а также поношение «службы Божьей» (ст. 3), за хулу деве Марии и святых (ст. 4), за «недоносительство о хуле на святых и Бога» (ст. 5), в случае если богохульство произошло из легкомыслия – «по простоте», то смертная казнь предусматривалась за третий подобный случай (ст. 6) (Российское законодательство X-XX вв., с. 329).

Соединение государственной светской и церковной власти в руках Петра привело к существенным идеологическим изменениям в обозначении смертной казни, как меры наказания, которая производилась не только от имени государства, но и Бога.

Не в состоянии более противодействовать Петру, полностью прибравшему к рукам все церковные дела, Стефан Яворский подает прошение отпустить его из Петербурга в Москву, сославшись на чрезмерное обременение делами, которые поступали из вдовствующих епархий, а также для лучшего управления Патриаршей областью и своей Рязанской епархией. Царь наложил резолюцию с рядом укоризненных замечаний, а в конце добавил: «А для лучшего впредь управления мнится быть Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно» (Карташев 1959, с. 347). Таким образом, приходил конец затянувшемуся периоду межпатриаршества, в смысле его полного упразднения. Проект создания новой Коллегии был пору-

чен Псковскому епископу Феофану Прокоповичу – ярому противнику Яворского и стороннику петровских реформ.

Вместе с тем, Дон был выведен из Патриаршей области, т.е. из подчинения Яворскому в духовном отношении и передан в Воронежскую епархию митрополиту Пахомию (Шпаковскому). Особое внимание царя к Донской области было связано с его пониманием того, что именно донские казаки остаются единственной реальной силой[90], защищающей государство с юга, а в преддверии планируемого царем Персидского похода и тем паче[91]. Вместе с тем, помня о нескольких бунтах на Дону, формальным лозунгом которых была защита старой веры, а также непрекращающейся агитации со стороны казаков-некрасовцев, указ от 8 марта 1718 г. о передаче области Дона в воронежскую епархию преследовал, как политические, так и полицейские цели. Петр указал: «церкви, монастыри и тех монастырей властей и монахов, от церквей священников и всех церковников по Дону и по другим рекам, которые были в патриаршей епархии, ради лучшего смотрения и близости, – ведать в Воронежской епархии для того: известно ему, Великому Государю, учинилось, что в казачьих донских городках при церквах, монастырях и часовнях, во многих местах есть, укрываючись от воровства, расстриженные и непосвященные старцы, которые чинят многие расколы и возмущения, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань, и за дальностью от Москвы таковых смотреть и наказывать невозможно...» (Сватиков 1924, с. 122).

Заодно, этим указом Петр преподал урок непокорному Стефану Яворскому. Пахомий Шпаковский был родом из Валахии и прибыл в Петербург вместе с господарем Д. Кантемиром. Исполнял некие поручения царя, связанные с Турцией, за что был обласкан, и его кандидатура была предложена в 1714 г. Стефану Яворскому в качестве епископа на пустующую воронежскую кафедру. Кроме царя Пахомий пользовался поддержкой адмирала Ф.М. Апраксина. Однако, Яворский отвергал Шпаковского, как иностранца, и предлагал присоединить воронежскую епархию к рязанской. Царь не соглашался и настаивал. После трех месяцев упорствования Яворский был вынужден уступить и хиротония Шпаковского состоялась. В ведение воронежской епархии переходили слободские казачьи полки – Изюмский и

[90] Запорожская Сечь была разгромлена, малороссийскому казачеству после измены Мазепы Петр I не доверял и в огромном количестве отправил их на строительство Петербурга и Ладожского канала в качестве землекопов (Летопись Левицкого, с. 306).

[91] С целью разведки еще в 1716 г. была отправлена экспедиция в Хиву и Бухару князя А. Бековича Черкасского. – (Очерки истории..., С. 91).

Харьковский. Теперь же и Донская область отнималась от Яворского и переходила в духовное управление Пахомия (Скворцов 1877, с. 656–670). Царь более не доверял рязанскому митрополиту[92]. Главная цель этой реформы была осуществлять контроль за донскими старообрядцами с точки зрения недопущения возможного повторения бунтов.

Войско Донское отрицательно отнеслось к указу и открыто игнорировало новопоставленного владыку. Парадокс заключается в том, что войсковая старшина рассуждала фактически в соответствии с изменениями «Чина поставления архиерея», которые были внесены самим Петром и касались невмешательства епископа в «мирские дела». Церковная жизнь казачества была неразрывна с жизнью войска, была ее неотъемлемой составляющей, а значит подчиненной войсковой власти, кругу, т.е. «мирской». Это подтверждал и сам Петр, напрямую вмешиваясь абсолютно во все вопросы, даже касающиеся, внутренней, хозяйственной жизни монастырей. Пример того, одна лишь грамота от 7 февраля 1718 г. « о розыске монастырских досок, приготовленных на бударное строение[93]». Суть ее заключается в том, что монахи одного монастыря Спасского Медведицкого по приказу своего игумена Феодосия взяли в Донецком Успенском монастыре доски, предназначенные для строительства лодок, и царь по челобитной обиженного игумена Иоасафа требует от атамана Василия Фролова и всего Войска Донского допросить виновного и «розыскать» похищенное (Акты Лишина, I, №179, с. 281).

О нежелании подчиняться было прямо заявлено митрополиту Пахомию, во время его поездки на Дон в 1720 г. Вместе с этим, казаки хлопотали перед царем о зачислении их церквей в непосредственное подчинение Святейшему Синоду – Духовной коллегии, которая возникла на смену патриаршества и в глазах казачества ассоциировалась с самим царем. Но Петр не желал сохранять за Доном особые привилегии в этом вопросе. Митрополит Пахомий подал челобитную с жалобой на казаков и через Иностранную коллегию последовал царский указ от 21 декабря 1720 г., гласивший: «в духовных делах Войску Донскому быть у него, Митрополита, в ведении, и попов, от него свиде-

[92] Петр перестал даже советоваться с Стефаном, давая единоличные распоряжения, не заботясь, чтоб им придать вид каноничности. В письме от 31 декабря 1720 г. он просто приказывает: «Честнейший отче! Епископу Псковскому (Феофану Прокоповичу) архиепископство объявить, а архимандрита Невского Феодосия (Яновского) наречь архиепископом Новогородским. Сие изволь завтра учинить» (Живов 2004, с. 212).

[93] Бударa – разновидность речного судна, грузовой лодки, распространенной на Дону, грузоподъемностью 15-25 пудов. – (Даль I. С. 135).

тельствованных, принимать и без ведома от него, Митрополита, оных собою от приходов не отлучать, и от места к месту не переводить, и без его Митрополичья ведения и без его данных от него, Митрополита, письменных свидетельств собою никаких попов и старцев отнюдь ни в какие города и места не принимать и не держать..., чего надобно войсковому Атаману самому смотреть и предостерегать...» (Сватиков 1924, с. 122).

Несмотря на это Войско фактически не подчинялось этим указам и более ста лет (до 1829 г.) вело борьбу с воронежскими епископами. К сожалению, документов, касающихся внутренней церковной жизни казачества, практически не сохранилось. Столица Дона – Черкасск полностью погиб в огне пожара 12 августа 1744 г., а вместе с городом сгорела и вся канцелярия Войска (Доношение Военной коллегии Сенату о пожаре в Черкасске от 10 сентября 1744 г. – РГАДА, ф. 48, оп. 113, е.х. 234). Но из документов более позднего времени явственно видно, что войсковая власть являлась по-прежнему высшей инстанцией для донского духовенства. «Значение войскового правительства по отношению к духовному основывалось и вытекало из единства власти в Войске и всестороннего его применения... Войско заботилось об исполнении казаками религиозных обязанностей, предписывало правила церковного благочиния и благоустройства, преследовало уклонения от православной веры и т.д.» (Харламов 1906, с. 46).

Например, в церкви станицы Маноцкой имелись иконы старообрядческого письма, на которых было изображено двуперстное сложение. Станичный атаман на замечания епархиального правления отвечал, «что де мы и вашего Архиерея не боимся, для того, что у него не в команде, а имеем де у себя своего главного командира – войскового атамана, – и ежели де будет послан от него старшина, то готовы слушать». Войсковая канцелярия распорядилась переписать иконы и направила иконописца Алексея Павлова.

Священник станицы Бурацкой пожаловался в Черкасск, что его прихожане неисправно говеют. От Войска был прислан старшина Алексей Илларионов, который «в Успенский пост с натурою их принудил исповедаться, а особенно причаститься, о чем они не радели».

Принимая во внимание, что большинство священников было из казаков, и дети их оставались казаками, то власть войскового правительства была близка и незыблима для них. Она решала споры прихожан с духовенством, защищала в необходимых случаях, как от казаков, так и от епархиального правления, наблюдала за поведением священников и призывала к ответу в случае каких-либо проступков.

Если епархиальная власть, действуя даже справедливо и законно, допускала посягательства на права Войска, то войсковая власть энергично защищала свое духовенство, и наоборот, преследовала, если духовенство поступало в разрез взглядам Войска на свои права и пыталось найти защиту у архиерея.

Весьма примечательная длительная тяжба между Войском и архимандритом кафедрального собора казачьей столицы Федором Олимпиевым, продолжавшаяся почти десять лет. Свою службу на Дону Олимпиев начал в 1705 г. и по рекомендации Войска был рукоположен из священников в настоятели собора (РГАДА, Ф. 111, 1718, Д. 1, Л. 520). Отношения с казаками испортились после восстания К. Булавина, когда священник посмел без ведома Войска письменно обратиться к князю В.В. Долгорукому, извещая о некоторых самоставленных священниках, остававшихся в городках. Письмо было перехвачено и зачитано на кругу. Разъяренные казаки посадили священника на цепь, правда, не надолго, и со временем Олимпиев был прощен. (РГАДА, Ф. 111, 1718, Д. 1., Л. 53).

Очередное размолвка произошла после 1712 г. В одной из схваток с кубанскими татарами в плен попал его зять, и Олимпиев обратился к войсковому атаману Петру Емельянову с просьбой оказать помощь в выкупе, при этом письменно гарантировал возврат суммы выкупа в войсковую казну. История довольно темная и запутанная. В своих челобитных Олимпиев сообщал, что П. Емельянов запросил со священника 1000 руб., а когда тот отказался платить столь высокую цену, то выкуп не состоялся и зятя увезли обратно на Кубань. Тогда священник купил трех пленных татар, добавил еще 200 руб. и передал ясырь вместе с деньгами атаману, обмен-выкуп состоялся, но долговую расписку Емельянов не вернул (РГАДА, Ф. 159, Оп. 2, Д. 5164, Л. 12-13). По мнению Олимпиева войсковой атаман получил возможность в любой момент запросить со священника еще денег. Посчитав себя обманутым, Олимпиев самовольно отправился в Москву к высшему церковному руководству искать помощи и защиты от произвола войскового атамана. П. Емельянов опередил священника, послав в Посольский приказ письмо с обвинениями Ф. Олимпиева в финансовых махинациях. В ходе короткого разбирательства донос Емельянова был оставлен без рассмотрения по причине смерти атамана, а Олимпиеву повелевалось вернуться на Дон.

Сменивший П. Емельянова Максим Кумшацкий вызвал на круг вернувшегося Олимпиева, где священнику было запрещено заниматься духовными делами и конфронтация возобновилась с новой силой.

Опальный Олимпиев вновь отправляется в Москву, обращается к Апраксину, получает указ о своем восстановлении, но к моменту его возвращения на Дону там был уже новый атаман Василий Фролов. Отношение Войска к священнику, осмелившемуся встать против казаков, а точнее власти атамана, не изменилось, он снова был обвинен в финансовых злоупотреблениях. Конфликт вышел на высший уровень – началось новое расследование под руководством статс-секретарей Г.И. Головкина и П.П. Шафирова.[94]

Протест Ф. Олимпиева, начавшийся с его противостояния с атаманом П. Емельяновым, перерос в обвинение всей казачьей старшине, в том числе М. Кумшацкого, А. Лопатина. Священник свидетельствовал о нарушениях ими царских указов, укрывательстве беглых, поборах с простых казаков. Донские атаманы, имевшие серьезных покровителей среди царского окружения, добились того, что расследование сошло на нет. Ф. Олимпиева сослали в один из северных монастырей (Boeck 2009, P.199). Вместе с тем, царское правительство решило приблизить церковные власти к казачеству и усилить тем самым контроль. Это послужило еще одной из причин передачи Войска Донского в духовном отношении в Воронежскую епархию и упоминавшийся уже указ от 8 марта 1718 г. в определенной степени отразил устремления Ф. Олимпиева и даже можно сказать, что цитировал отрывки из его многочисленных челобитных.

Подобное располагало донское духовенство жить в согласии и в подчинении Войску. Надеясь на защиту, священники часто открыто выступали против епархиальной власти и ее вмешательства. Священник Верхне-Чирской станицы заявлял архиерею: «Ты к нам в управители определен без нашего выбора, нам ты не угоден, делай по нашему, что нам угодно, а не по твоему. Нет, здесь Дон, донщина». Кременской станицы поп Пахомий Филиппов выгнал приехавшего к нему из Воронежа сборщика денег на Воронежский соборный штат со словами: «по какому де указу Архиерей на них донских попов ту дань накладывает, понеже де та их река Дон жалованная и никаких пошлин с ней собирать не велено» (Харламов 1906, с. 46-48).

Отношение рядовых казаков к духовенству тоже было как к равным членам общины, без малейшего признака подобострастия, напротив, священник в их глазах должен был являться примером благочестия. Болезненным всегда вопросом оставалась плата за совершение треб.

---

[94] Материалы расследования составляют значительную часть Ф. 111, 1718, Д. 1, Л. 5-806 Российского государственного архива древних актов.

Казачья община считала, что поскольку священник наделен наравне с остальными станичниками долей в юрте – землей, покосами, угодьями, церковь содержится усердием и пожертвованиями прихожан, то и стоимость ритуальных услуг должна быть чисто символической или вовсе бесплатной. Казачество, помимо общинного владения землей и рыбными промыслами, получало царское жалование, которое делилось на всех, включая и священников. Несение какой-либо службы, например, дежурной или караульной, в мирное время не оплачивалось дополнительно, это было долгом, обязанностью, которую возлагал на казаков станичный атаман, соответственно, и священник выполнял свои обязанности, возложенные на него обществом, получая за это долю из станичной собственности. Часто случались споры именно на эту тему, что Войско было вынуждено определить таксу на совершение треб: за крещение младенца – 2 коп., за свадьбу – 10 коп., за погребение взрослого – 10 коп., младенца – 3 коп., исповедь и причастие – бесплатно. В некоторых станицах, (Бурацкой), плата была даже ниже установленной Войском, и священник Василий Исаев жаловался, что ему обещают «переломать ребра», если будет запрашивать лишнее (Харламов 1906, с. 44). Излишняя настойчивость священников в этом вопросе порождала порой презрительное отношение к ним – «Дюже сребролюбивы они!» (Харузин 1885, с. 281).

Иногда встречается излишняя идеализация отношения казачества к своим священникам. Б. Алмазов утверждает, что «в казачьем фольклоре нет ни одной сатирической сказки, высмеивающей церковь или священнослужителей» (Алмазов 2008, с. 355). Что касается Православия, т.е. Веры, этот вопрос свят и не обсуждаем для казака, но в отношении к церкви, как канонической организации, так и к священникам, требования предъявлялись такие же, как и ко всем членам казачьего сообщества. И если они заслуживали насмешки, то сия участь их не миновала. В качестве примера приведем побасенку, записанную Харузиным: «Два беса, прогуливаясь по берегу Дона, заметили раздувшийся рыболовный снаряд. Достали его, заглянули, а там пусто. Вернули на место, а он снова раздулся. Опять достали, заглянули, там пусто. Один из них догадался: «Это же попово брюхо! Сколько не вкладывают туда православные, все исчезает!» (Харузин 1885, с. 281).

Вместе с тем следует отметить, что отказывая казакам в привилегии подчиняться напрямую высшей церковной власти – т.е. Стефану Яворскому, позднее Св. Синоду, царь поощрял массовое строительство церквей на Дону, что запрещалось им на остальной территории России и было внесено в «Чин поставления архиерея». До 1708 г. на Дону было постро-

ено 24 храма, а с подчинением казачьих земель Воронежской епархии количество их еще более увеличилось. (Картины... с. 161). Нормализация отношений с центральными церковными властями наметилась лишь с 1829 г., когда была учреждена отдельная Донская епархия.

Яицкое казачество было одним из самых удаленных, заброшенным на азиатском рубеже и во многом предоставленным здесь самому себе, прикрывая границы России и лавируя между интересами сходившихся на «уральском» стыке Европы и Азии степных народов — казахов, башкир и калмыков. Реформы Никона просто не добрались сюда из-за изолированности яицких казаков отделенных частью Великой степи с ее воинственными племенами от остальной России. Казаки оставались верны дониконовским обрядам православной церкви. Даже в 30-е годы XIX в. В.И. Даль писал: «Русь, современная Алексею Михайловичу, дониконовский быт, со всеми странностями, радушием и закоренелыми предрассудками процветает здесь нерушим и неизменен». С разгромом старообрядческих монастырей и скитов на Дону и Медведице, Яик приютил бежавших оттуда староверов. Требование Москвы о выдаче осталось невыполненным, Войско ограничилось отпиской, что раскольников у них нет (Сватиков 1924, с. 129). В войсковой столице – Яицком городке возникает Шацкий монастырь, и казаки молятся только там. Духовное управление Казанской епархии, на которую должно было замыкаться Яицкое войско, располагалась слишком далеко от них, и старообрядцев никто не трогал. Не приняв исправленных при Никоне богослужебных книг и обрядов, казаки не порывали окончательно и с православными архиереями, посылая к ним для посвящения своих ставленников. В 1721 г. атаман Федор Рукавишников привез из Петербурга древнюю икону Пресвятой Богородицы, которой его благословил греческий игумен Пимен: «1721 года, октября в 13 день домового Воскресенского монастыря, что на Едесском острову, игумен Пимен благословил сим образом детей своих атамана Яицкого Войска Федора Михайловича со всем его войском».

Но уже в петровское царствование «долгие руки» Москвы дотянулись и в этот «медвежий угол». В 1720 году яицкое казачество, ведавшееся в начале царствования в Посольском и Казанском приказах, было передано под управление Военной коллегии. На Яик был послан полковник Захаров для переписи казаков и сыска беглых — реакцией на первое ограничение автономии стал серьезный конфликт с казаками. Найденные виновными «иные казнены, другие сосланы, третьи жестоко наказаны...»; как и на Дону, правительство перешло от выборов к назначению атамана – вместо казненного Рукавишникова, указом царя был поставлен Григорий Меркурьев (Левшин 1823, с. 22).

Политика «жесткой» интеграции и в Петербурге была воспринята тогда неоднозначно. Во время правительственного кризиса 1722 года она стала одним из ее орудий в руках Шафирова, который остро критиковал за «яицкую акцию» Меншикова: «...из Военной коллегии ... предложено ... послать для розыску на Яик полковника с двумя роты ... и велеть тому притом переписать казаков всех, и выслать всех пришлых с 203 года, и велеть им отвозить оных на своих подводах до Казани... И я, ведая из уст самого князя Меншикова, что та посылка чинится более для того, ...что тамо его мужиков будто с 500 человек слишком, и я, опасен, чтоб тем казаков ... не подвигнуть к возмущению, предлагал, чтоб силою того не чинить...» Но победил репрессивный курс, спаянный с личными меншиковскими интересами, и, возможно, именно успех «яицкой» операции привел к массовому сыску начала 1720-х на Дону (ибо Меншиков с самого начала замечал: «...а буде то все совершится, и то ж бы учинить с донскими казаками») (Соловьев IX, 447). На самом же Яике во время «розыска Захарова» была произведена перепись. Оказалось 3595 человек, из них 54 из донцов, 51 из поляков, 17 запорожцев, 7 мордвинов, 4 шведа, 2 немца, 2 турка, 1 итальянец, 1 черемис и 1 чухонец. Заодно было положено начало «регулярству»: определен штат войска в 3196 человек и размеры жалования ему (Первухин 2004, с. 79).

Вместе с переписью была осуществлена попытка борьбы со сторонниками старой веры. М. И. Семевский, например, приводит случай осуждения Ивана Орешникова родом из яицкого городка Турьева, которого за богохуление и «неважных слов» против царского величества осудили по Уложению (гл. 1, ст. 1; гл. 2, ст. 1) и по Воинским артикулам (гл. I, арт. 3, 4; гл. III, арт. 20). В итоге ему всемилостивейше Петр заменил смертную казнь через сожжение на казнь через отсечение головы, что и совершилось на Красной площади в Москве 5 июня 1722 г. (Семевский 1884, с. 84).

Можно отметить, что на этом активная борьба со старообрядчеством завершилась. Правительство и духовные власти смирились с этим и из-за удаленности территорий, а более по причине, как и Тереке, иметь надежную военную силу в Северном Прикаспии от набегов кочевников из Средней Азии в Нижнее Поволжье[95]. Правда, в 1741 г. был разорен Шацкий монастырь, но вместо него возникли Иргизские

[95] Интересный факт, что на Яике, в отличие от Дона, имя Степана Разина никогда не пользовалось популярностью, а наоборот было словом ругательным. Правительство всегда опасалось возможности повторения «разинщины» или «булавинщины», непопулярность имени главного бунтовщика успокаивала. Правда, зато позднее, Яик отметился «пугачевщиной».

монастыри, и под влиянием монастырской братии раскол на Яике только упрочился.

Ряд историков рассматривают яицкое казачество, как единую этноконфессиональную группу, подобную некрасовцам или беспоповцам, т.е. отрицающим священство, что позволяло совершение таинств мирянами[96]. С эти можно согласиться лишь отчасти. Старообрядчество признавали большинство казаков, но «согласий» было несколько: большую часть составляли те, которые в последствии были названы «единоверцами», т.е. принимающие священников, поставленных православными архиереями, затем шли беспоповцы – благословенцы, их еще называли «крутоверы», наиболее упорные и последовательные ревнивцы старой веры, живущие своим замкнутым миром, беспоповцы «бессвященской веры», признающие воцарение антихриста, «беглопоповцы» или «Московской веры», принимающие «беглых» из церквей священников и т.д. Позднее, в XIX в., часть беглопоповцев стала т.н. «австрийцами» – старообрядцами Белокриницкого согласия, называемого по городу Белая Криница в Австро-Венгрии.

В 1756 г. по ходатайству Оренбургского губернатора И.И. Неплюева Военная коллегия приказала «всякие розыски и преследования раскольников на Яике прекратить» (Витиевский 1878, с. 220). После восстания Пугачева Екатерина II официально узаконила право уральских казаков употреблять старопечатные книги и старые обряды. При Павле I был найден еще один компромисс в виде организации единоверческих церквей. В 1916 г. 96% уральских казаков оставалось староверами. (Алмазов 2008 с. 351).

Религиозная обстановка среди гребенского казачества была схожей с яицким. До 1738 г. в Гребенском (Терском) войске была одна единственная церковь во имя Св. Николая в Курдюковском городке, в остальных (Старогладовском, Новогладовском, Червленном и Щедринском) – существовали молитвенные дома без алтарей, ничем не отличавшиеся от обычных домов, за исключением креста на них. Несмотря на распоряжение Астраханского епископа Иллариона, ссылавшегося на указы Петра I и Святейшего Синода, пристроить алтари, говеть и причащаться, попам совершать «правильные» литургии, а казакам креститься тремя перстами, выполнение задерживалось, что повлекло за собой арест священников до тех пор, пока алтари не будут пристроены. На это ушло три года, но и в новых уже церквях, казаки наотрез отказались изменить «изображение

[96] Данилко сравнивает яицких казаков с некрасовцами (Данилко 2006, с. 5); Рознер называет беспоповцами (Рознер 1966, с. 6-11).

креста на троеперстное сложение» (Попко 1880 с.139-140). Гребенцы грозились покинуть Терек, пострадать и даже умереть. В этом случае все войско выступило единым старообрядческим монолитом. В дальнейшем церковное давление вызвало побеги казаков на Кубань, Куму, так как «здесь житье несносно: принуждают к кресту» (Юдин 1915, с. 29) Атаман И. Иванов предупреждал, что если давление усилиться, то гребенцы от принуждения разбегуться. (Михайловский 1877, с. 97-98) Имели место случаи избиений и убийств, по-видимому, присланных священников (Попов 1912, с. 18-20). Епископ Илларион счел возможным разрешить двуперстное знамение, «понеже у них, кроме креста иного расколу никакого нет». Но казаки уже отшатнулись от священников и обратились к самозванным пастырям (Попко 1880, с. 144). Построенные храмы опустели, выбывшие православные священники не замещались, а те, что остались бедствовали, поскольку гребенцы прекратили посещать храмы. Это противостояние длилось очень долго и правительство смотрело на все сквозь пальцы. Даже такой «официально-православный» император, как Николай I допускал исключения в отношении терского казачества. Их старообрядство не содержало «хулы» на государство и церковь, двоеперстие не мешало присягать российскому престолу и верно нести службу. Боевые заслуги гребенских казаков были неоспоримы, а раздражать их, имея примеры некрасовцев и тех староверов, кто открыто переходил на сторону Шамиля было опасно. В 1915 г. в Кизлярском отделе насчитывалось 25200 старообрядцев, что составляло 73,4% всех таковых, живущих на Кавказе. Позиции старообрядчества на Тереке были так сильны, что многие церкви существовали и при Советской власти (Великая 2003, с. 42-43).

В целом, и отношение Петра I к староверам было вполне терпимым с религиозной точки зрения. Царя интересовал лишь административный аспект, т.е. безоговорочное подчинение и выполнение надлежащих функций – военных, в случае с казачеством. Поголовная перепись – учет и контроль плюс двойная подать, которая казаков не касалась. Лозунг «За старую веру!» звучал для царя лишь в антигосударственном смысле, тем более, что он нарушал «регулярный» порядок, привлекал к себе беглых. К тому же множество старообрядческих толков, а отсюда отсутствие единого канонического устройства, создававшего сложности в контроле за ними и их намерениями, вызывало его нетерпимость к староверам, но лишь с точки зрения «регулярства», т.е. государственной пользы, которая для Петра была основой всего. Лояльность староверов и их согласие участвовать в общегосударственной жизни на тех условиях, что выставлял царь, означало компромисс, который Петра вполне устраивал.

ЧАСТЬ II.
ЗА ВОЛЮ!

2.1. ЗА НЕЗАВИСИМУЮ УКРАИНУ

2.1.1. Войско запорожское или Запорожская сечь?[97]

Если для донских, гребенских, яицких казаков эпоха Петра Великого была переломным моментом истории, завершением лишь «вольного» периода, то для малороссийского казачества тот же временной промежуток означал начало общего конца. Вхождение Малороссии в состав Московского государства состоялось немногим ранее области Войска Донского, а завершился полным уничтожением казачества, и как субэтноса и как сословия, растворившегося среди обычного населения или влившегося в существующие, (вновь созданные) казачьи Войска на территории Великороссии. В чем причина столь радикальной разницы исхода судеб, казалось, столь схожих по своим обычаям, вере, образу жизни и даже наименованию общностей людей на Днепре, Дону, Яике и Тереке?

Вопрос чрезвычайно важный особенно в условиях современности, когда история то и дело становится заложницей чьих-то политических интересов, в угоду которых она фальсифицируется. Хотя, если рассматривать с точки зрения именно общности уклада жизни на Дону[98] и в Малороссии, то из всей массы украинского казачества необходимо выделить лишь Запорожскую Сечь, фактически независимое государство, республику, весьма схожую с Войском Донским.

Главная ошибка заключается в терминологии. На протяжении многих веков всю массу мужского населения Украины, точнее Малой России[99], бравшуюся когда-либо за оружие, называли Запорожским

---

[97] Слово «Сечь» в украинском языке пишется как «Січ» и читается, как «Сичь». Мы будем придерживаться в полном наименовании русской транскрипции, но применять украинскую, в отношение самих казаков – «сичевиков».

[98] Донское Войско в дальнейшем стало «базовым» с точки зрения развития законодательства для всех остальных казачьих Войск, поэтому в дальнейшем автор будет для сокращения сравнивать процессы на Дону и на Украине, подразумевая, что яицкие и гребенские (терские) казаки шли по пути аналогичном донским казакам.

[99] Ю.А. Мыцык в статье «Малая Русь» пишет, что это название на официальном языке Московского государства понималось, как «меньшая», а значит «второстепенная». В статье «Украина» тот же автор утверждает, что название «Малороссия» было навязано украинцам (УКМЭ, с. 306, 490). Однако, авторитетный украинский историк П.П. Толочко

Войском. Отсюда вытекает заблуждение, связанное с отождествлением этой вооруженной массы, именуемой запорожским казачеством, с самой Запорожской Сечью. Имя собственное «Запорожская Сечь» стало знаменем, символом, которое гордо веяло над Малой Россией, олицетворяя собой Свободу и Православие, как вековую мечту народа жаждавшего освободится от Польши, защититься от мусульманского Востока в лице Крыма и Оттоманской Порты, а позднее и от колонизации Россией, после добровольного вхождения Украины в будущую империю. Однако, в реальности, Запорожская Сечь была всегда сама по себе, оставаясь вплоть до окончательного уничтожения, независимой республикой, а остальное украинское, правильнее малороссийское, казачество, находившееся в подданстве польской короны или московских царей, само по себе. Это заблуждение прочно засело и в документах XVI-XVIII вв., на которые принято ссылаться. Авторы этих документов не утруждали себя выявлением или выделением этой разницы, но сами прекрасно ориентировались и представляли о ком конкретно идет речь.

Мы не будем останавливаться на истории возникновения самой Запорожской Сечи, ибо это выходит за рамки нашего исследования, отметим лишь безусловный факт участия запорожцев-«сичевиков» практически во всех войнах на стороне Польши и против Польши, против Турции и на ее стороне, за Россию и против нее. В так называемом Запорожском Войске, олицетворяющем казацкую силу Украины, реальных запорожцев – вольных граждан Сичевой республики было от пяти до десяти процентов не более. В тоже время, необходимо заметить, что стать запорожским казаком, и выйти из Сечи, было относительно просто. Само ядро запорожцев – «лыцарство» или «сичевое товаритство», представляло из себя подобие военно-монашеского ордена, прием в который осуществлялся при соблюдении непременных условий: православное вероисповедание, принесение присяги на верность Сичи, знание русского языка, отсут-

опровергает это мнение. Он пишет, что «вся совокупность свидетельств указывает на то, что название «Малая Русь» было местного происхождения». Термин «Малая Русь» «этимологически связан не с размерами страны, а с ее территориальной основой. Он равнозначен термину Константина Багрянородного «Внутренія Русь» и искать здесь что-то унижающее национальное достоинство современных украинцев бессмысленно. В тоже время, продолжает П.П. Толочко «анализ... Ипатьевской летописи, где употребляется слово «Украина», убедительно свидетельствует, что речь идет об окраинных территориях Переяславского, Галицкого и Волынского княжеств». Т.е. является не собственным названием территорий, а носит географически ориентированный, пограничный характер. (Толочко 1997, с. 27-29)

ствие брачных уз, и прохождение полного курса воинской выучки. Вместе с тем существовала категория и женатых запорожцев, которых называли «зимовиками», «гнездюками» или «сиднями». Жить в самой Сичи они не имели права. В случае войны «сичевики» становились ядром армии, которая могла моментально пополнится за счет в первую очередь «зимовиков», а затем и всего населения Украины, как казацкого, так и крестьянского. Таким образом, «сичевики» составляли не только гвардию, но являлись и знаменем для всей армии, получавшей наименование Войска Запорожского. При этом, инициатива сбора такой армии могла исходить не из Запорожской Сечи, но по ее согласию. Так поступил Богдан Хмельницкий, получивший титул гетмана Войск Запорожских обоих сторон Днепра[100], в тоже время глава Запорожской Сечи именовался кошевым Славного Войска Запорожского Низового. Обращаясь к вождю Запорожского Войска – гетману, правители Польши и России, т.е. тех государств в чьем подданстве поочередно официально находилось указанное Войско как бы подразумевали и саму Запорожскую Сечь, хотя сношения с ней осуществлялись напрямую. С одной стороны это поднимало статус гетмана, с другой – возлагало на него ответственность не только за него самого, но и за действия запорожцев-«сичевиков», которые могли быть с ним абсолютно не согласованы, поскольку ему и не подчинялись.

Точно также в Уставе о служебном старшинстве бояр Московского государства 1682 г. Иван Самойлович именуется «обоих сторон Днепра гетман со всем Войском Запорожским». Спрашивается, какое отношение Правобережье Днепра имело к Москве, являясь на тот момент территорией Польши?[101] Ответ прост – для повышения статуса самого гетмана, а соответственно и царя, «верным подданным» которого являлся Самойлович.

В-третьих, в целом, Запорожское войско, «Низовое» ли, или «обоих сторон Днепра», олицетворяло, что для Польши, что для России, некую вольницу, которую всегда было необходимо держать каким-то образом в узде. Хотя бы посредством смешивания всех в одну кучу.

А что же запорожцы-«сичевики»? В «Росписи перечневой ратным людям» 1681 г., которая велась Разрядным приказом, ведавшим военными силами государства, указано: «Черкас в 4-х полках 14865 чел.,

[100] Эварницкий Т. 2, с. 179-180

[101] Правильнее «ничьей» территорией в соответствии с Бахчисарайским (с Турцией) договором 1681 г. и Московским (с Польшей) 1686 г.

Черкас гетманского полка 50000 чел.»[102] (Бескровный, 1947, с. 112). Первые, это слободские казачьи полки, о которых речь пойдет дальше, вторые – то самое гетманское Запорожское Войско, но отнюдь не Запорожская Сечь, которую никак не могли включить в «роспись» поскольку неизвестна была ни численность запорожцев, ни их внешнеполитическая позиция – чаще союзническая, но временами враждебная Москве. Учитывая реальную связь гетмана Украины и Запорожской Сечи, правительство стремилось и к тому, чтобы обязать гетмана воздействовать на настроения запорожцев-«сичевиков» в нужном русле, формально подчиняя свободное казачество, не являвшееся подданным Москвы, передавая через гетмана ему свою царскую волю.

Таким образом, в оборот вводится еще одно наименование малороссийского казачества – «Черкасы» или «Черкассы», имеющее происхождение от города Черкасс и соответственно от народности – «черкасов», уходящее своими корнями в глубокую древность и подтверждающую тюркскую ветвь в сложной родословной казачества. Хотя, по мнению автора, появление в начале XVI в. данного названия в документах связано не с происхождением казачества, а с именем Дмитрия Вишневецкого – князя из знатного литовского рода Гедеминовичей, старосты[103] Черкасского и Каневского. Как и большинство из польско-литовских шляхтичей, занимавших значительные должности, Вишневецкий обладал собственными вооруженными отрядами из свободного местного населения, называвшимися также казаками[104]. При этом казаки, жившие в Черкассах, именовались или «Черкасы» или просто: «козаки князя Вишневецкого». (АЮЗР Ч. 3. Т. 1. С. XXVI, 1-2). Польское правительство поощряло дворянство, возглавлявшее подобные казачьи формирования, задачей которых была охрана южных границ. Собственно население тех польских территорий, которые мы называ-

[102] К данным цифрам следует относиться весьма настороженно. Малороссийские полки являлись еще и территориальной единицей, поэтому говорить о реальной боевой силе полков очень сложно. Данные цифры могли отражать численность тех, кто был приписан к казачеству. Фактически, в поход выходило обычно меньшее количество людей.

[103] Староста – глава «повята» – уезда, средней административной единицы Речи Посполитой, объединяющей несколько городов. В данном случае Черкасс и Канева. Повяты подчинялись воеводству.

[104] Наряду с Дмитрием Вишневецким такими же мощными казачьими отрядами командовали и другие знатные шляхтичи – Прецлав Лянцкоронский и Евстафий Ружинский. Ряд историков называют их в числе первых казачьих гетманов, однако, документального подтверждения этому нет. Военная энциклопедия сообщает, что предводителям малороссийских казаков именоваться гетманами разрешено королем Стефаном Баторием (1575-1586 гг.) ВЭ Т. VII С. 305.

ем Украиной, состояло из свободных людей – казаков и несвободных крестьян, находившихся в крепостной зависимости от шляхты. Жили все вперемешку, однако, казаки сохраняли общинный строй и вечевое управление, называемое радой и управляемые собственной старшиной. Фактически они были подданными польской короны, (в отличие от запорожцев-«сичевиков», обитавших в низовьях Днепра), и нанимаясь на службу шляхте, участвовали как в походах против Турции и Крыма, так и в междоусобицах, которыми всегда славилась Польша. Очень часто шляхтичи со своими казачьими отрядами спускались вниз по Днепру, соединялись с запорожцами, жили у них, участвовали в совместных боевых действиях. Не был исключением и Дмитрий Вишневецкий, получивший у запорожцев прозвище «Байда»[105], и первым озвучивший возможность перехода Украины под власть русского царя Ивана Грозного. Поскольку он являлся Черкасским старостой, то вместе с ним в документах, составляемых московскими дьяками, появляются и его Черкасы. Со временем это наименование прочно входит в деловую переписку, как название всех малороссийских казаков.[106]

Вместе с тем наличие на Украине столь мощной вооруженной силы, постоянно бурлящей и используемой своими вождями, как в интересах Польши, так и против нее, не говоря о внутренних постоянных распрях шляхты, побудило королевское правительство создать реестр, т.е. осуществить попытку привлечения казачьих масс на официальную службу. В общем-то это был единственный выход, поскольку казачество не вписывалось ни в одно из трех сословий Речи Посполитой: шляхта, хлопы и мещане.[107]

Усилиями Евстафия Ружинского осуществляется перепись и вводится полковая организация всего казачьего (естественно за исключением запорожцев-сичевиков) населения Украины.[108] Полк становится не только боевой единицей, но и территориальной. За казаками закрепляются земли в местах их компактного

[105] Байда, байдак – название лодки на Днепре, байда по-тюрски утка, возможно подобное прозвище Вишневецкий получил за раскачивающуюся походку.

[106] Например, в конце XVII в. в Пензе из 630 конных и пеших городовых казаков значительную долю составляли «Черкасы» – 82 и 118 соответственно (Малов, 2004, с. 18)

[107] Все население Польши фактически было разделено на дворян-шляхтичей и их крепостных. Мещане были весьма малочисленным сословием и проживали в городах, на которые распространялось Магдебургское право, т.е. право на самоуправление. (Антонович АЮЗР с.XXXIII)

[108] Образовано всего 20 полков, не только под непосредственным командованием Е. Ружинского, но по всей Украине.

проживания, сохраняется право на выборность старшин, право на собственный суд. При этом оказалось, что казачьи земли располагаются среди имений шляхты – Лубенский, Каневский, Переяславский полки в вотчинах князей Вишневецких, Брацлавский полк – в имениях Лянцкоронских, Киевский – Олельковичей и т.д. (Антонович АЮЗР, с. XXIX) Это не могло не вызвать протеста со стороны шляхты, но король Сигизмунд I подтвердил эти права, признав данные земли по обе стороны Днепра казачьей собственностью, тем самым поддержав реестровую реформу Ружинского (Летопись Грабянки, с. 21).

Уния 1569 г. окончательно соединившая Литву и Польшу вновь подняла вопрос о сословной принадлежности казачества. Поскольку этих сословий была фактически два – дворянство (шляхта) и крепостные крестьяне (хлопы), мещан, ввиду их малочисленности, не рассматривали, особого выбора не было. Превратить казаков в несвободных людей – крепостных не представлялось возможным, это вызвало бы массовое восстание, поэтому король Сигизмунд II Август (1548-1572) решил постепенно причислить казачество к шляхетству, осуществляя это целыми селами, начав с северной части Киевского и Волынского воеводств, где население было немногочисленным, чтобы не вызвать одновременно яростное сопротивление шляхты, возмущенной тем, что к ним будут приравнены и казаки.

Подтверждение тому, что казаки считали себя «дворянами», мы можем прочитать у Гоголя: «Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, как не зайти к Солохе, не поесть жирных со сметаной варенников и не поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это заходить по дороге».[109]

Одновременно с раздачей шляхетства малороссийскому казачеству, таким же образом королевская власть поступала и с некоторыми вольными казаками-запорожцами. Надо отметить здесь старание иезуитов, имевших весьма значительное влияние на католическую Польшу. Несмотря на то, что все православные для них были схизматики, т.е. уклонившиеся от истинной веры, в казаках Малороссии и в Запорожской Сечи иезуиты видели мощную силу, некое подобие

[109] Гоголь Н.В. «Ночь перед Рождеством». Родовая фамилия Гоголя – Яновский, от хутора Янов, которым был пожалован его предок вместе со шляхетством.

военно-монашеского ордена, которая может противостоять мусульманскому Востоку. Вместе с тем, по их мнению, раздача шляхетства вносила определенный раскол в казачью массу, выделяла в первую очередь старшину, становившуюся землевладельцами и, соответственно, позволяло контролировать и направлять энергию казаков в нужном направлении, устраняя тем самым возможность стихийного выступления.[110]

Новый король, сменивший Сигизмунда Августа, Стефан Баторий решил действовать более радикально, чем предшественник, и одним махом постановил выделить из 40 000 семей, определенных еще Евстафием Ружинским в 20 казачьих полков, только 6 000, внеся их в тот самый реестр с одновременным возведением в дворянство и утвердив для них выборную должность гетмана[111]. Соответственно количество реестровых полков уменьшилось до шести: Черкасский, Каневский, Переяславский, Чигиринский, Белоцерковский, Корсунский. Во главе каждого полка стоял полковник, полк делился на десять сотен. Каждому казаку полагался земельный надел в собственность, освобождение от повинностей и жалование – тулуп и червонец. Это вызвало бурю возмущения, как среди шляхты, не желавшей равенства с казаками, которых они воспринимали почти, как хлопов, так и среди массы казачества, в миг превращавшейся в нереестровых казаков, т.е. в крепостных той же шляхты или своих же бывших товарищей, ставших новоиспеченными дворянами (Антонович АЮЗР, с. XXXV-XXXVII). «Как козел не станет бараном, так схизматик не будет защищать вольности шляхетские» – презрительно отзывалось польское дворянство о казаках (Костомаров, с. 520). Какова же была жизнь хлопов лучше всего свидетельствует иезуит Скарга: «владелец или королевский староста не только отнимет у бедного холопа всё, что он зарабатывает, но и убивает его самого когда захочет и как захочет. И не кто не скажет за это ему дурного слова» (Ульянов 1996, стр. 33).

---

[110] Извечное устремление казаков воевать с Турцией или Крымом соответствовало планам католической Польши и ордена иезуитов, однако, военные действия или набеги казаков должны были отвечать внешнеполитическим интересам государства и производится тогда, когда это было нужно, а не по решению казачьей рады, повлиять на которую можно было через старшин.

[111] Польский (от нем. Hauptmann) военачальник над всеми вооруженными силами. Гетманов в Польше было два – коронный великий гетман и его заместитель – польный гетман. С введением реестра для казачества появляется должность малороссийского гетмана, избираемого казаками, и с 1590 г. подчиняющегося коронному гетману. (РЭ, VII, с. 305)

Желание внести польский порядок, основанный на шляхетстве, в общинный строй казаков породило серьезный раскол в некогда монолитное казачество и Украины и Запорожской Сечи, заложило основу для мощнейших казацко-польских войн XVII в.. Часть запорожцев покинула Украину и ушла на Дон, образовав городок Черкасский. Оставшиеся вне реестра казаки составили будущую движущую силу всех казацких восстаний, наряду с крестьянами, запорожцами, бедными шляхтичами и их слугами. Соответственно, у казаков, не вошедших в реестр, появляются собственные гетманы, не признаваемые правительством (Антонович АЮЗР, с. XXXIX). Запорожская Сечь остается символом казацкой свободы и королевская власть делает все от нее возможное, чтобы пресечь связи малороссийских казаков с запорожцами. (Универсал от 1 сентября 1596 г. АЮЗР с. 131-132). Оставшееся в реестре казачество также не является абсолютно надежной и преданной королю силой, сохранив в себе природное стремление к свободе и независимости, а во-вторых, ощущая неприязнь и враждебность польской шляхты к новоиспеченным дворянам, и, в-третьих, не желая порывать связи с «сичевиками», поскольку сами не раз вступали в «сичевое братство». Будущая война Богдана Хмельницкого, завершившаяся присоединением Левобережной Украины к России, прекрасно продемонстрирует «ненадежность» реестрового казачества, в первом же сражении у Желтых вод, переметнувшегося на сторону восставших. Безусловно, немалую роль в разжигании войн сыграла и религиозная уния, означавшая наступление на православие и сопровождавшаяся разорением непокорных церквей и монастырей.

2.1.2. Гетманщина или к вопросу о независиомй Украине

Необходимо подчеркнуть, что главной причиной всех последующих казацких войн с Польшей было одно единственное желание вступить в реестр, тем самым добиться равноправия с польским дворянством при сохранении демократического самоуправления и возможности участвовать в войнах. Ни о какой независимости Украины от Польши речи не шло. Точно также, как и не интересовало казачество положение украинского посполитого крестьянства. Переход под подданство русского царя вселял надежду, что вольности казацкие будут восстановлены в том виде, в котором их представляли сами казаки. И, безусловно, русский царь виделся главным защитником православия. Это сыграло определяющую роль. Хотя, как показали последующие

события, подобные мечты были наивными. Возможно, малороссийским казакам следовало изучить опыт Дмитрия Вишневецкого, который также хотел когда-то видеть Украину в составе Московской Руси, но в качестве своей собственной вотчины, княжеского удела. Однако, побывав в Москве, и даже получив в виде царской милости город Белев «на кормление», Вишневецкий убедился, что в условиях полного абсолютизма власти Ивана Грозного ни о каких удельных привилегиях идти речи не может.

Несколько слов стоит сказать еще о появлении в украинских городах «казацких хоругвей», состоящих из крестьян, которых записывали в казаки для усиления гарнизонов. Поскольку желания воевать у крестьян не было, то их наделяли определенными привилегиями – по 4 волока (76 десятин) земли в собственность на каждого, право строить дом в городе, освобождение от повинностей. Возглавляли эту «хоругву» польские офицеры (Летопись Самовидца, с. 20-21). Естественно ничего общего с казачеством эти «хоругви» не имели.

Оставляя за рамками нашего повествования весь период польско-казацких войн, обратимся к цифрам, касающимся численности казацкого войска Богдана Хмельницкого, которые отлично продемонстрируют интересы малороссийских казаков в борьбе за свои права и свободы, но не за свободу населения Украины.

С мая 1648 года, т.е. прибытие Хмельницкого в Запорожскую Сечь и получение от нее согласия на поход против поляков, по август 1649 года, т.е. заключение Зборовского соглашения, численность казацкого войска увеличивалась стремительно. В самом начале, по польским данным Хмельницкий располагал лишь 2000 запорожцев, перед сражением у Желтых Вод 8 мая 1648 г. на его сторону от поляков перешло от 4-х до 6-ти тысяч реестровых казаков. Под Корсуневым 15-16 мая 1648 г. в его распоряжении было 15 000 казаков и т.д. (Разин, Т. 3, с. 305-310).

Летом следующего года, по различным данным, в его распоряжении было от 70 000 до 300 000 тысяч войска.[112] К этим цифрам мы вернемся чуть позднее.

Результатом окружения королевской армии под Зборовым было заключение 9 августа 1649 г. трактата, по которому «число Войска

[112] 70 000 называет Разин (Т. 3., с. 317), при этом он полагает, что цифра завышена, так как в распоряжении Хмельницкого было 30 полков от 500 до 1000 чел. в каждом. Широкорад приводит цифру в 80 000 человек, включая 6000 татар и турок, а также отряд донских казаков.(Широкорад 2008, с. 150-151), называются цифры в 60 000 казаков и 100 000 татар (Бущик Л.П. Иллюстированная истории СССР XV-XVII вв. М., 1971, с. 303) и т.д. до 200 000 и даже до 300 000 чел.

Запорожского будет простираться до 40 000 человек» (Костомаров, с. 551[113]), т.е. численность реестра значительно была увеличена до 17 полков. В остальном, статьи Зборовского трактата гарантировали казачьи привилегии, вопрос «об унии, церквях и их имениях» должен был обсуждаться на сейме, куда приглашался и киевский митрополит. О напутствии, полученном митрополитом Сильвестром Косовым перед поездкой на сейм в Варшаву, уже упоминалось в части, посвященной вопросам веры. Обратим внимание лишь на то, что так с православными иерархами мог позволить обращаться себе лишь, пожалуй, Иван Грозный. Прибыв к королю Яну Казимиру, гетман подобострастно заявил: «Я с войском запорожским при избрании вашем желал и теперь желаю, чтобы вы были более могущественным королем, чем блаженной памяти ваш брат» (Костомаров, с. 517), намекая на поддержку казацкого войска.

Ничего в отношении каких-либо послаблений малороссийскому крестьянству – хлопам сказано не было. Их судьба Хмельницкого и его казаков просто не интересовала. Между тем, Самовидец пишет, что столь стремительный рост армии Хмельницкого был возможен только благодаря массовой поддержки украинского крестьянства. В селах трудно было найти семью, где кто-нибудь «сам не пошел или сына не послал» (Летопись Самовидца, с. 18).. И ведь по сути, благодаря им, были успешно проведены все военные операции Хмельницкого. Но дело в том, что теперь восставшие крестьяне стали полностью отождествлять себя с казаками. Ведь стать казаком, означало избавиться от панской неволи и превратиться в вольного человека. Они на казачий манер брили себе бороды, волосы, надевали шаровары (Ульянов, с. 43). Создавалось впечатление, что Малороссию теперь населяли сплошь одни казаки. Но о крестьянах Хмельницкий не собирался думать.

Русский гонец дьяк Григорий Кунаков, следовавший из Варшавы в Москву, писал: «И к Богдану де Хмельницкому приходили хлопи, собравши больши 50 000 человек, и хотели его убить: для чего без нашего совету с королем помирился» (Разин, т. 3, с. 323). Хмельницкий выхлопотал реестр для 40 000 казаков, исходя из этого, можно предположить, что крестьянство составляло более половины его армии, не считая татар. Широкорад пишет о факте присутствия донских казаков в армии Хмельницкого (Широкорад, 2008, с. 150), что имело место, но в весьма незначительном количестве. Дон не одобрял союз каза-

[113] АЮЗР. Т. III. № 303. С. 415—416.

ков Хмельницкого с татарами и в тоже время организовывал вместе с Москвой непрерывные набеги на Крым. Что в свою очередь вызвало гневное и угрожающее письмо запорожского гетмана с требованием прекратить тревожить хана, иначе «за нелюбовь отдадим вам нелюбовью». Но Войско Донское ответило: «Не прилично христианину восставать на единоверцев своих в защиту басурман» (Савельев 1990, с. 342)[114].

Хмельницкий жаловался и русскому посланнику Григорию Неронову на донских казаков, которые его ссорят с Крымом. В запале гетман разошелся и даже пригрозил Москве: «Вот пойду и изломаю Москву и все московское государство»[115] (Костомаров 2008, с. 519). Неронов осадил гетмана: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашивая государя, а между ними много запорожских казаков. Тебе гетману, таких слов не только говорить, и мыслить о том не пригоже». Хмельницкий опомнился и извинился: «Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его. Такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские казаки, а государева милость ко мне и всему Запорожскому Войску большая».

Переговоры Хмельницкого с Москвой начались еще с 1648 г. Правда, речь шла первоначально о совместных действиях против Польши, с тем, чтобы в результате «православный государь... был и ляхам и нам государем и царем». Польская сторона пыталась представить казацкое восстание, как татарский набег, в котором приняли участие мятежные казаки, ранее состоявшие в реестре. Шляхтич православного вероисповедания Адам Кисель, представлявший в Московском государстве Речь Посполитую, сообщил путивльскому и севскому воеводам о первом сражении на Желтых Водах, где казачье войско называлось шайкой, а татарский отряд – вторгшейся в Малую Россию ордой. Алексей Михайлович распорядился «сходится с литовскими людьми и с ними заодно промышлять над татарами», поскольку угроза татарских набегов существовала постоянно, и часто их путь лежал через Малую Россию на Тулу и Москву. Однако, следующее поражение поляков под

---

[114] Некоторое количество донских казаков (и даже московских стрельцов) присутствовало в армии Б. Хмельницкого. Это доказывается археологическими исследованиями И.К. Свешникова на месте битвы при Берестечко (Свешников 1993, с. 158, 266-269). Однако, это могли быть казаки Динского куреня Запорожской Сечи, непосредственно связанные с Доном. Официально Войско Донское в войне Б.Хмельницкого не участвовало.

[115] Многие из историков отмечают склонность Б. Хмельницкого к алкоголизму и его резкие суждения и поступки объясняются именно этим.

Корсунью разъяснило Москве положение вещей. Тем более, что посланников севского воеводы Плещеева неоднократно перехватывали казаки и Богдан Хмельницкий посылал через него грамоты царю от себя, излагая свою позицию и видение событий.

Москва вела себя осторожно, отвечая, что мира с поляками она нарушить не может, но «если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

В Москве традиционно смотрели на западные и юго-западные русские земли, захваченные в XIV в. Польшей и Литвой, как на свои владения, временно отторгнутые противником и подлежащие возвращению своим законным владельцам. Еще великий князь Иван III, сбросив тяготевшее над северо-восточной Русью татаро-монгольское иго, открыто высказал свои притязания на русские земли, пребывавшие к тому времени под властью Польши и Литвы, и поставил задачу объединить под властью Москвы все территории, находившиеся ранее во владении династии Рюриковичей. Послам короля польского и великого князя литовского Александра так было передано мнение Ивана III, «Божьею милостью государя всея Руси и великого князя»: «Государь наш велел вам говорити: Ино то он правду к нам приказал, что каждому отчина своя мило и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему Александру королю и великому князю, что Русская земля вся, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская: и нам чего деля тех городов и волостей, своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев, и Смоленск и иные городы, которые он за собою держит к Литовской земле, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».

Добровольно возвращать захваченные русские земли Литва и Польша не собирались, а наоборот, стремились к дальнейшему расширению своих владений за счет Руси. В 1492-1595 гг. произошло семь войн между Русским государством и Литвой-Польшей. В особенно тяжелом положении Русское государство оказалось в начале XVII в., когда после почти пятнадцатилетней борьбы с польско-литовскими захватчиками, в 1618 г. согласно Деулинскому перемирию русское правительство вынуждено было уступить Речи Посполитой отвоеванный ранее Смоленск, а также черниговские и новгород-северские земли. С другой стороны, после того как на малороссийских землях казачество превратилось в грозную силу, его представители неоднократно обра-

щались к Москве с просьбами о принятии казацкого войска на государеву службу. Так же и представители украинского духовенства в своих посланиях к русскому царю сообщали о готовности православных в Малой России признать над собой власть царя. Однако московское правительство не располагало в то время достаточными силами для практического осуществления своих замыслов относительно возврата захваченных Литвой и Польшей земель, и не могло удовлетворить обращенные к нему из Малой Руси просьбы.

Впрочем, в 1632 г. была начата война с целью вернуть территории, утраченные в 1618 году, но она оказалась неудачной и завершилась заключением в 1634 г. Поляновского мира, подтвердившего в основном условия Деулинского перемирия.[116] Поражение в войне 1632-1634 гг. наложило отпечаток на внешнюю политику Русского государства последующих двух десятилетий. В то время русское правительство, не отказываясь от стратегической задачи возвращения былых владений русских князей, тем не менее, опасалось конфликта с Речью Посполитой и старалось избежать войны с ней.

Со своей стороны, Б.Хмельницкий, изначально поднимая восстание против поляков, господствовавших в Малой Руси, совершенно не имел намерения отрывать малорусские земли от Польши ради того, чтобы воссоединить их с Великой Русью, а желал всего лишь добиться от властей Речи Посполитой гарантий соблюдения «прав и вольностей» реестрового казачества, и, по возможности, расширить эти права. Идеалом же казацкой старшины тех времен было получение статуса польской шляхты. Только в религиозном вопросе руководители казачества выходили за рамки чисто сословных интересов, добиваясь от польского правительства ликвидации церковной унии и прекращения гонений на

[116] Напомним, что Дон категорически отказался участвовать в этой войне, поскольку она предполагала союз с турецким султаном против христианского государства. Донских казаков абсолютно не интересовали территориальные проблемы Москвы, в т.ч. и возврат «отчин». Они прекрасно понимали разницу между вольной, как и они сами, Запорожской Сечью, и остальной Малой Россией, ставшей ареной выяснения территориальных претензий. Казачьи интересы Сечи им были близки и понятны, но не интересы реестрового казачьего населения, формально являвшегося подданным Речи Посполитой. Их отношение к казачьему реестру в Польше, скорее всего, было таким же, как и к городовым казакам на Руси, т.е., как к служивым московским или польским людям. В отношении Сечи донские казаки были вольны в своих решениях – поддерживать или нет. В период войны 1632-1634 гг. России и Польши запорожцы продолжали совершать набеги на Турцию, в чем им помогали донские казаки, в то же время некая часть запорожцев (но неизвестно каких, из-за вечной путаницы между малороссийским реестровым казачеством и «вольными» казаками»), принимала участие в войне на стороне поляков (Маркевич 1842, I, с. 131)

православную веру, что отвечало чаяниям всех православных жителей Малой Руси.

Уже в начальный период восстания Б.Хмельницкий предлагал русскому правительству совместные действия против Польши, надеясь, что русские войска отвлекут на себя часть польских сил, и это облегчит ему, гетману, борьбу за достижение своих собственных целей.

Продолжившаяся после Зборовского соглашения война потребовала напряжения всех сил Украины. Вновь гетманскими универсалами поднимали все крестьянство. Если же крестьянское пополнение медлило, то гетман даже угрожал: «а хто де не пойдет в полки наспех к гетману, и тем быть в смертной казни». С одной только Стародубщины к Хмельницкому ушло 30 000 крестьян (Лазаревский 1888, Т.I, с. 5).

Поражение казаков под Берестечком привело к новым договоренностям с Польшей, подписанным в Белой Церкви 28 сентября 1651 г., в которых достижения предыдущего соглашения значительно уменьшались. Реестр, а этот пункт всегда стоял первым, сокращался в два раза, с 40000 до 20000 казаков (Соловьев, V, 577). Однако, было совершенно понятно, что польскую шляхту и это не устроит, а значит, война продолжится.

Хмельницкий всерьез стал взывать о помощи, и по мере ухудшения ситуации просил уже не просто о военной поддержке, а о принятии в подданство русского государя, настаивал на этом и заявлял, что иначе ему останется только пойти в подданство турецкого султана.

Москва оказывала гетману материальную помощь, предлагала ему со всем войском переселиться в пределы Русского государства, однако непосредственно ввязываться в войну не желала. Лишь только когда положение Б.Хмельницкого стало критическим, и возникла угроза, что он с казацким войском действительно перейдет под власть турецкого султана, в Москве, наконец, решили принять в подданство Войско Запорожское с городами и землями, что было равнозначно объявлению войны Речи Посполитой.

Принципиальная готовность царя Алексея Михайловича принять Войско Запорожское в свое подданство была выражена в грамоте, адресованной гетману и датированной 22 июня 1653 г., в которой русский царь мотивировал такое свое решение стремлением защитить христианскую веру: «И мы великий государь, возревновав о Бозе благою ревностию и возжелав по вас, чтобы християнская вера в вас не пресеклась, но паче преисполнялась, и великого пастыря Христа Бога нашего стадо умножалось, якоже глаголет: и будет едино стадо и един пастырь, — изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку...».

Затем для рассмотрения вопроса о войне с Речью Посполитой и о принятии в подданство Войска Запорожского был созван Земский Собор. В качестве предлога для объявления войны Польше послужили факты нарушения польской стороной заключенных ранее с Русским государством договоров. В решении Земского Собора от 1 октября 1653 г. приводился подробный перечень таких нарушений, после чего было сказано: «И выслушав, бояре приговорили: за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии, и за честь сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Русии, стояти и против полского короля война весть...».[117]

По поводу просьбы гетмана Б.Хмельницкого Земский Собор постановил: «А о гетмане о Богдане Хмелницком и о всем войске запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Русии, изволил того гетмана Богдана Хмелницкого и все войско запорожское, с городами их и с землями, принять под свою государскую высокую руку...».

Таким образом, позиция Москвы в отношении будущей принадлежности Малой России с самого начала была вполне однозначной — малороссийские земли должны были перейти во владение русского государя. Предполагать то, что в Москве могли решиться на войну с Речью Посполитой ради создания некоего суверенного Украинского государства, нет ни малейших оснований. Если русское правительство, столь опасавшееся вооруженного столкновения с польско-литовским государством, все-таки отважилось вступить с ним в борьбу, то целью этой борьбы могло быть только осуществление давних намерений, выраженных еще Иваном III, — возвращение захваченных ранее Польшей и Литвой русских земель.

При этом русский царь мог считать равным себе польского короля, но никак не его мятежного подданного Б.Хмельницкого, который теперь просто менял свое подданство с королевского на царское. Б.Хмельницкий не имел оснований претендовать на равное с царем положение не только по своему формальному статусу, но и фактически, находясь в состоянии войны с польским правительством, он не мог собственными силами удерживать под своим контролем территорию Малороссии. Если согласно Зборовскому соглашению 1649 г. реестровое

[117] Текст постановления Земского собора полностью приведен в приложении. Цит. по: Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т.Т.3. Акты Земских соборов. Отв. ред. А.Г.Маньков. М., Юридическая литература, 1985.с.550-558.

казацкое войско численностью 40 тысяч человек могло размещаться на территории трех воеводств: Киевского, Черниговского и Брацлавского, то условия Белоцерковского соглашения 1651 г., заключенного после поражения казацкого войска под Берестечком, ограничивали численность реестра 20 тысячами человек, а территорию его размещения одним Киевским воеводством, но и эти договоренности не были ратифицированы сеймом Речи Посполитой. Война продолжалась. Силы казацкого войска исчерпывались. Когда в конце августа 1653 г. король двинулся в поход против повстанцев, Хмельницкий объявил мобилизацию казацких сил, но она на этот раз происходила вяло, без всякого воодушевления, много казаков дезертировало за московскую границу. Туда же, за московскую границу, уходили, ища спасения, и тысячи жителей Малороссии.[118]

Единственный союзник Б.Хмельницкого, которым являлся крымский хан, и ранее неоднократно изменявший гетману в решающие моменты борьбы с поляками, в конце 1653 г. под Жванцем помирился с польским королем Яном Казимиром, что обрекало Б.Хмельницкого на неминуемое поражение. В сложившейся ситуации гетману не оставалось ничего иного, как возлагать все свои надежды только на Москву.

Следовательно, к концу 1653 года и Б.Хмельницкий и русское правительство пришли к единому мнению о переходе Малороссии под государеву «высокую руку», руководствуясь при этом, однако, совершенно различными соображениями. Если в Москве имели в виду возвращение русских земель, то Б.Хмельницкий, отчаявшись в возможности добиться желаемого обеспечения «прав и вольностей» реестрового казачества под властью польского короля, решил достичь той же цели под властью русского царя.

Для приведения к присяге гетмана Б.Хмельницкого, Войска Запорожского и жителей Малороссии на подданство царю Алексею Михайловичу в Малороссию были отправлены послы: боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольничий Иван Васильевич Алферьев и думный дьяк Ларион Дмитриевич Лопухин. 7 января 1654 г. в Переяславе состоялась встреча царских послов с гетманом Б.Хмельницким, во время которой были обсуждены вопросы о ходе и порядке соответствующей церемонии, назначенной на воскресенье 8 января.

Сведения о событиях, происходивших тогда в Переяславе, содержатся в так называемом «статейном списке» царских послов, из которого следует, что утром 8 января 1654 г. гетман провел с казацкой

[118] Именно в это время началось массовое заселение т.н. Слободщины.

старшиной тайную раду, и по ее завершении писарь Иван Выговский сообщил послам, что «и полковники де и судьи и ясаулы под государеву высокую руку подклонилися».

Затем была собрана общая рада, где Б.Хмельницкий произнес свою знаменитую речь, в которой заявил, что «нелзя нам жити боле без царя» и предложил выбрать себе государя из четырех перечисленных: султана турецкого, хана крымского, короля польского, четвертым же был назван «православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Русии самодержец, восточной, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим», и вслед за этим добавил: «тут которого хотите избирайте». Сам же гетман высказался в пользу «царя восточного», особо отметив, что «православный християнский великий государь царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона единого исповедания, едино есмы тело церкви православием Великия Росии, главу имуще Исуса Христа». Свою речь гетман заключил словами: «А будет кто с нами не согласует, теперь куды хочет волная дорога».

Как сообщается далее в «статейном списке»: «К сим словам весь народ возопил: волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову поганину достати! Потом полковник переяславский Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал, вси ли тако соизволяете? Рекли весь народ: вси единодушно. Потом гетман молыл: буди тако; да Господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою. А народ по нем вси единогласно возопили: Боже утверди, Боже укрепи, чтоб есми во веки вси едино были! И после того писарь Иван Выговский, пришедши, говорил, что де казаки и мещане все под государеву высокую руку подклонились».

Затем гетман со старшиной и царские послы отправились на съезжий двор, где боярин В.Бутурлин вручил Б.Хмельницкому царскую грамоту, которую писарь И.Выговский зачитал вслух перед присутствующими, после чего гетман заявил, что он и все Войско Запорожское готовы служить государю, принести ему присягу на верность и «во всем по его государеве воле быть готовы».

В своей ответной речи боярин В.Бутурлин сказал, что «великий государь наш, его царское величество... под свою высокую руку вас гетмана Богдана Хмелницкого и все войско запорожское с городами и землями от королевского подданства... свободных приняти велел».

Таким образом, на рассмотрение общей рады в Переяславе был вынесен вопрос, по существу уже решенный предварительно как казацкой

старшиной, так и русским правительством, — вопрос о переходе Малороссии (Войска Запорожского с землями и городами) в подданство русского государя. И рада вполне определенно сделала свой выбор в пользу «царя восточного православного».

Однако гетман и старшина, принимая решение о переходе под государеву «высокую руку», делали это не потому, что ставили своей целью воссоединение русских земель, или, как говорилось в советские времена, — воссоединение Украины с Россией, а потому, что хотели оградить свои сословные привилегии — «права и вольности», а также свои имения — «маетности» от тех посягательств, которым они подвергались в условиях Речи Посполитой со стороны польской шляхты. Поэтому гетмана и старшину, естественно, заботил вопрос о получении на сей счет определенных гарантий от царских послов.

Со съезжего двора гетман, старшина и царские послы поехали к соборной церкви Успения, где должно было состояться принесение присяги на верность государю. И вот здесь гетман, озабоченный указанным выше вопросом, предложил царским послам, чтобы они от имени государя также принесли присягу, «что ему государю их гетмана Богдана Хмелницкого и все войско запорожское полскому королю не выдавать и за них стоять, и волностей не нарушеть, и кто был шляхтич или казак и мещанин, и кто в каком чину наперед сего и какие маетности у себя имел, и тому всему быть по-прежнему; и пожаловал бы великий государь, велел им дать на их маетности свои государевы грамоты».

На это боярин В.Бутурлин «с товарищи» гетману ответили, что присягу государям приносили («веру чинили») их подданные, «а того, что за великого государя веру учинити, николи не бывало и впредь не будет; и ему гетману и говорить было о том непристойно, потому что всякой подданной повинен веру дати своему государю». В то же время В.Бутурлин заверил гетмана, что «великий государь учнет их (т.е. гетмана и войско запорожское) держать в своем государском милостивом жалованье и в призренье и от недругов их в оборони и в защищенье, и волностей у них не отымает и маетностями их, чем кто владеет, великий государь их пожалует, велит им владеть по прежнему».

Выслушав такой ответ, гетман пошел посоветоваться с полковниками, и те также изъявили желание, чтобы царские послы присягнули от имени государя, ссылаясь на пример польских королей.

«И боярин Василей Васильевич с товарищи говорили полковникам: что полские короли подданным своим чинят присягу, и того в образец ставить непристойно, потому что те короли неверные и не самодерж-

цы; а на чем и присягают, и на том николи в правде своей не стоят». «Да и тепере было гетману и им полковникам, — продолжали царские послы, — говорить о том непристойно, потому что государское слово пременно не бывает».

Убедившись в непреклонности царских послов, гетман и старшина заявили, «что они во всем покладываютца на государеву милость, и веру, по евангельской заповеди, великому государю вседушно учинить готовы», «а о своих делех учнут они гетман и все войско запорожское бить челом великому государю».

После этого в церкви Успения «гетман Богдан Хмелницкой и писарь Иван Выговской и обозничей и судьи и ясаулы войсковые и полковники веру государю учинили на том, что быти им с землями и с городами под государевою высокою рукою на веки неотступным».

Таким образом, вынесенное на обсуждение казацкой рады и ею одобренное решение о переходе Малороссии (Войска Запорожского с землями и городами) в подданство русского царя «на веки», 8 января 1654 г. было закреплено присягой гетмана и казацкой старшины.

Столь быстрое принятие данного решения, состоявшееся на второй день после встречи гетмана и старшины с царскими послами, без предварительного согласования во всех подробностях и документального оформления условий такого перехода, объясняется тем, что и для царских послов, и для руководителей казацкого войска было очевидным, что Малая Россия будет находиться под властью русского царя в целом в таком же положении, в каком она находилась под властью польского короля; смена подданства должна была только обеспечить соблюдение тех прав, которые были предоставлены отдельным сословиям малороссийских жителей польской властью, а также устранить гонения, которым подвергалась в Польше православная вера.

Хотя царские послы и отказались принести присягу от имени государя, но они заверили гетмана и старшину, что государь будет держать Войско Запорожское в своей милости, а также сохранит в неприкосновенности казацкие вольности и имения, объяснив также, что пожелания гетмана и старшины по интересующим их конкретным вопросам следует оформить в виде прошений — челобитных — на имя государя и направить на его рассмотрение.

Об этих своих пожеланиях гетман и старшина вели разговор с царскими послами в Переяславе 10 января 1654 г. Гетман говорил: «Чтоб великий государь, его царское величество, указал с городов и мест, которые поборы наперед сего собираны на короля и на римские кляшторы и на панов, сбирати на себя государя», прося при этом, чтобы

государь сохранил за монастырями и церквами принадлежащие им имения.

Совершенно очевидно, гетман полагал, что русский царь по отношению к Малороссии должен был занять то же место, какое прежде занимал польский король, и налоги, которые собирались ранее в королевскую казну, а также в пользу католических монастырей и панов, шли бы теперь в казну царскую.

Далее гетман говорил: «в запорожском де войске кто в каком чину был по ся места, и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин мещанином; а казаком бы де судитца у полковников и у сотников». Следовательно, Б.Хмельницкий предполагал сохранить в неизменном виде сложившуюся в польские времена социальную структуру общества. Затем гетман выражал пожелание, чтобы имения казаков после их смерти оставались за их семьями, а не так как было при польских королях: «покаместа казак жив, потаместа за ним и маетность; а как умрет, и паны де те маетности обирали на себя, а жон и детей высылают вон».

Царские послы заверяли, что государь учтет эти предложения. На пожелание гетмана, чтобы государь установил численность казацкого войска в 60 тысяч человек, послы ответили, чтобы «они послали о том бити челом к государю, сколко укажет государь войску запорожскому быть казаком».

Гетман говорил: «то де ему государю к чести и к повышенью, что у него государя войска будет много... а жалованья они у царского величества на тех казаков не просят».

Далее «гетман же Богдан Хмелницкой говорил: учнет де он бити челом великому государю, его царскому величеству, чтоб великий государь его пожаловал, велел ему гетману дати на булаву чигиринский полк. А писарь Иван Выговской говорил же, что де и он царскому величеству бити челом будет же, чтоб государь его пожаловал, велел ему маетностями его владети по прежнему; а к тому бы пожаловал государь, велел ему дати и иные именья». То есть предполагалось, что в распоряжение царя перейдут все имения в Малороссии, причем не только принадлежавшие польским панам, но и казацкой старшине, и для получения права на владение тем, чем они и так уже прежде владели, гетман и старшина должны были «бить челом» государю. Заметим, что гетман Б.Хмельницкий не выступает здесь как единовластный правитель Малороссии, уполномоченный распоряжаться находящимися на ее территории имениями, ибо подчиненный гетмана И.Выговский говорит о своем намерении обратиться с просьбой о пожаловании ему

прежних и новых имений не к своему прямому начальнику — гетману, а к царю.[119]

Писарь Иван Выговский также внес предложение: «как де государь изволит прислать воевод в городы, и чтоб доходы на государя сбирать их началным людем и отдавать воеводам, для того, что де люди здесь к вашим обычеем не признались». Это значит, что во время переговоров в Переяславе предусматривалось, что царь пришлет в малороссийские города своих воевод, и будет производиться сбор налогов в царскую казну. И.Выговский же просил о том, чтобы непосредственно собирали эти налоги местные начальники, лучше знающие здешние условия, и затем отдавали воеводам.

Вопрос о сохранении своих сословных привилегий и имений продолжал волновать представителей казацкой старшины, и они хотели все-таки добиться от царских послов если уже и не присяги от имени государя, то хотя бы письменного подтверждения данных ими заверений. 14 января 1654 г. писарь И.Выговский, а также войсковой судья с группой полковников пришли к царским послам «и говорили: не изволили де вы присягать за великого государя нашего, его царское величество, и вы де дайте нам писмо за своими руками, чтоб волностям их и правом и маетностям быть по-прежнему, для того, чтоб всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк».

Послы напомнили им: «А говорили вы о том, что хотели послать бить челом к великому государю нашему, к его царскому величеству, и ныне надобно вам делать так, чтоб Божие и государево дело во всем совершить по его государскому указу».

Представители старшины посовещались с гетманом, после чего пришел к царским послам миргородский полковник Григорий Сохнович и сказал: «гетман де и полковники положили во всем на государеву волю; и велел де гетман и полковники говорить, чтоб к ним прислали роспись столником и дворяном, которому в которой город ехать».

Таким образом, была достигнута договоренность о проведении всеобщей присяги и в малороссийские города отправились уполномоченные русского правительства для осуществления приведения к клятве на верность.

---

[119] Следует обратить на это внимание. Таким образом, заранее подтверждалось царское право жаловать казачью старшину независимо от гетмана, что по мнению ряда современных украинских историков, при рассмотрении причин измены гетмана Мазепы, ставилось в вину Петру I, распоряжавшемуся отдельными «маятностями» через голову гетмана и тем самым ущемляло его права.

Следовательно, в январе 1654 г. в Переяславе никакого договора между гетманом Б.Хмельницким и русским царем в лице его послов заключено не было, как не было подписано и вообще никакого документа с изложением взаимных обязательств сторон. Принесение присяги на верность государю не обставлялось никакими условиями, а царские послы дали только словесные обещания, что государь учтет пожелания гетмана и старшины относительно соблюдения казацких «прав и вольностей», а также сохранит за ними принадлежащие им «маетности». Отказываясь давать какие-либо письменные обязательства, царские послы упорно настаивали на том, чтобы гетман и старшина все свои желания изложили в виде челобитных и подали их на рассмотрение государя. Поэтому, введение в научный оборот самого понятия «договор» при рассмотрении проблематики вхождения Малороссии в состав московского государства абсолютно неправильно. Никакого договора не могло быть по определению. Заключение письменных соглашений между двумя сторонами подразумевает определенный паритет этих сторон даже при вассальной зависимости, т.е. хотя бы право одной из сторон на расторжение договора при определенных обстоятельствах, например, несоблюдении условий другой. Чем присяга отличается от договора, думаю, что пояснять не требуется. Освобождение от присяги дает лишь смерть монарха или его добровольный уход с трона и передача власти преемнику, что влечет за собой повторное принесение клятвы на верность.

Гетман и старшина составили перечень своих просьб к государю в виде так называемых «просительных статей», которые вместе с письмами гетмана повезли в Москву его посланцы — войсковой судья Самойло Богданович-Зарудный и переяславский полковник Павел Тетеря. Они прибыли в Москву 12 марта 1654 г. и на следующий день были приняты на царской аудиенции, а 14 марта передали боярам изложенные на письме пожелания гетмана и старшины, состоящие из 23 статей.[120]

19 марта послам было сообщено решение государя по предложенным статьям. Большинство статей получило положительные резолюции: «Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью», но в ряде случаев резолюции сопровождались определенными оговорками. Поэтому 21 марта послы гетмана направили боярам новую челобитную, состоящую из 11 статей. Резолюции, наложенные государем на эти статьи, были уже окончательными.

[120] Статьи еще называются «мартовские», по месяцу, когда они были представлены царю Алексею Михайловичу.

Статьи, поданные 14 марта и не встретившие возражений государя, не повторялись в петиции 21 марта, и впоследствии их содержание было отражено в специальных «жалованных грамотах».

Так о чем же просили государя гетман и старшина, и какие резолюции были даны на их «просительные статьи»?

Перечню статей, поданных 14 марта, предшествовало следующее обращение к государю: «Божиею милостию, великий государю царю и великий княже Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя Русии самодержче, и многих государств государю и обладателю, твоему царскому величеству, мы Богдан Хмелницкий, гетман войска запорожского, и все войско запорожское и весь мир християнский росийский до лица земли челом бьем. Обрадовався велми с пожалованья великого и милости неисчетные твоего царского величества, которою нам изволил твое царское величество показать много челом бьем тебе государю нашему, твоему царскому величеству, и служити прямо и верне во всяких делех и повелениях царских твоему царскому величеству будем во веки. Толко просим велми, яко и в грамоте просили есмы, изволь нам твое царское величество в том всем пожалованье и милость свою царскую указати, о чем посланники наши от нас твоему царскому величеству будут челом бити».

Обратим внимание на то, что гетман называет царя самодержцем не только Великой, но и Малой Русии, и говорит о своей готовности служить царю «во веки».

Далее идут сами статьи, и в первой из них гетман обращается к государю с просьбой о подтверждении прав и вольностей Войска Запорожского, то есть реестрового казачества:[121]

«1. В начале, изволь твое царское величество подтвердити права и волности наши войсковые, как из веков бывало в войске запорожском, что своими правами суживалися, и волности свои имели в добрах и в судах; чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старшин своих чтоб товарищество сужены были: где три человека казаков, тогда два третьяго должны судить». Эта статья получила следующую резолюцию: «Сей статье указал государь и бояре приговорили быть так, по их челобитью».

«2. Войско запорожское в числе 60.000 чтоб всегда полно было. Указал государь и бояре приговорили быти, по их челобитью, 60.000 человек».

---

[121] «Мартовские статьи» по тексту: Воссоединение Украины с Россией. Т. III. М., 1953. № 245. С. 560—565

В статье 3-й говорилось о правах шляхты, которая принесла присягу на верность царю, «...чтоб при своих шляхетских волностях пребывали, и меж себя старших на уряды судовые обирали и добра свои и волности, как при королех полских бывало; чтоб и иные, увидя таковое пожалованье твоего царского величества, клонилися под область и под крепкую и высокую руку твоего царского величества со всем миром християнским». Далее было сказано о сохранении прежнего порядка судопроизводства и имущественных прав шляхты: «Сим статьям указал государь и бояре приговорили быть по их челобитью».

«4. В городех урядники из наших людей чтоб были обираны на то достойные, которые должны будут подданными твоего царского величества исправляли или урежати, и приход належачей, в правду, в казну твоего царского величества отдавати. Указал государь и бояре приговорили быть по их челобитью; а быти б урядником войтам, бурмистром, райцам, лавником; и доходы денежные и хлебные и всякие на государя сбирати и отдавать в государеву казну тем людем, которых государь пришлет, и тем людем, кого для тое сборные казны государь пришлет над теми сборщиками смотрить, чтоб делали правду». Этот пункт повторялся в перечне статей от 21 марта только под номером 1-м.

«5. На булаву гетманскую, что надано со всеми принадлежностями староство Чигиринское, чтоб и ныне для всего ряду пребывало. Указал государь и бояре приговорили быть по их челобитью.

6. Сохрани Боже, смерти на пана гетмана, — понеже всяк человек смертен, без чего немочно быти, — чтоб войско запорожское само меж себя гетмана избирали, и его царскому величеству извещали, чтоб то его царскому величеству не в кручину было, понеже тот давный обычай войсковой. Государь указал и бояре приговорили быть по их челобитью.

7. Именей казацких чтоб никто не отнимал: которые землю имеют и все пожитки с тех земель, чтоб при тех имениях добровольно владели. Вдов, после казаков осталых, чтобы и дети их такие ж волности имели, как предки и отцы их. Быть по их челобитью».

В статьях с 8-й по 11-ю говорилось о выделении денежного содержания и мельниц «для прокормления» соответственно писарю войсковому, полковникам, судьям войсковым, есаулам войсковым и полковым.

В статье 12-й речь шла о выделении средств «на поделку снаряду войскового и на пушкарей и на всех людей работных у снаряду», а также на обозного. Этим вопросам были посвящены пункты 2-й, 3-й и 4-й в перечне статей от 21 марта.

«13. Права, наданные из веков от княжат и королей, как духовным и мирским людем, чтоб ни в чем не нарушены были. Государь пожаловал, велел быть по тому.

14. Послы, которые из века из чюжих земель приходят к войску запорожскому, чтоб пану гетману и войску запорожскому, которые к добру были, волно приняти, чтоб то его царскому величеству в кручину не было; а штобы имело противо его царского величества быти, должны мы его царскому величеству извещати. Государь указал и бояре приговорили: послов о добрых делех принимати и отпускати; а о каких делех приходили и с чем отпустили, и о том писати ко государю. А которые послы присланы от кого будут с противным делом государю, и тех задерживати и писати об них государю, а без государева указу их не отпускати. А с турским салтаном и с полским королем без государева указу не ссылатца». Этот пункт повторялся в перечне статей от 21 марта и получил подобную резолюцию.

В статье 15-й содержалась просьба о том, чтобы сбором налогов занимались местные начальники. «Сей статье государь указал и бояре приговорили быть по тому, как выше сего написано: сбирать войтам и бурмистром и райцам и лавником, и отдавати в государеву казну тем людем, кого государь пришлет; и тем людем над сборщики смотреть, чтоб делали правду».

В статье 16-й гетман просил, чтобы присланные воеводы не нарушали бы местных прав и установлений, и предлагал, чтобы старшие были из «тутошних людей». На сей счет была дана резолюция: «О правах государев указ и боярский приговор написан в иных статьях».

Следующая статья интересна тем, что в ней, по существу, говорится о причинах, побудивших гетмана и казацкую старшину перейти в подданство русского царя:

«17. Прежде сего от королей полских никакова гонения на веру и на волности наши не было, всегда мы всякого чину свои волности имели, а для того мы верно и служили; а ныне, за наступленье на волности наши, понуждени его царскому величеству под крепкую и высокую руку поддатца: прилежно просити имеют послы наши, чтоб привилья его царское величество нам на хартиях писаные, с печатьми вислыми, един на волности казацкие, а другой на шляхетцкие дал, чтоб на вечные времена непоколебимо было. А когда то одержим, мы сами смотр меж себя имети будем, и кто казак, тот будет волность казацкую иметь, а кто пашенной крестьянин, тот будет должность обыклую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего. Такоже и на люди всякие, которые его царскому величеству подданные, на каких правах

и волностях имеют быти. Государь приказал и бояре приговорили быть по их челобитью».

Как видим, верхушка казачества, переходя в подданство русского царя, заботилась только об обеспечении своих сословных привилегий, и намеревалась при этом оставить наиболее многочисленную часть малорусского населения — крестьянство — в его прежнем состоянии.

«18. О митрополите помянути имеют, как будут разговаривати, и о том послом нашим изустный наказ дали есмо. Государь указал и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми ныне владеет, дать жаловалную грамоту».

Статьи 19-я и 20-я касались чисто военных вопросов и содержали просьбы о высылке войска к Смоленску, а также, чтобы «намного люду» по рубежу «от Ляхов» было с 3000, или, по воле царя, и больше. Этим пунктам соответствует статья 8-я от 21 марта.

В статье 21-й говорилось о выплате жалованья Войску Запорожскому, на что была дана резолюция «Отговаривать», и подробные разъяснения на сей счет приводились в статье 9-й от 21 марта.

В статье 22-й речь шла о действиях на случай вторжения крымской орды.

Статья 23-я содержала просьбу о снабжении «кормами и порохом» крепости Кодак.

Этим двум последним статьям соответствуют статьи 10-я и 11-я в редакции от 21 марта.

В перечне статей, представленных войсковыми посланниками боярам 21 марта, первой шла статья с просьбой о том, чтобы власть в городах и сбор налогов в царскую казну осуществлялись местными людьми. Эта статья получила резолюцию, по существу аналогичную той, что была дана на статью 4-ю в перечне, поданном 14 марта. Просьба была удовлетворена с оговоркой, что сбор налогов в государеву казну будет проводиться под надзором присланных царем чиновников.[122]

В статье 2-й предлагались на утверждение государю размеры денежного содержания чинам казацкой старшины: «Писарю войсковому чтоб, по милости царского величества, 1000 золотых полских для подписков давать, а на судей войсковых по 300 золотых полских, а на писаря судейского по 100 золотых полских, на писаря да на хоружего полкового по 50 золотых, на хоружего сотницкого 30 золотых, на бун-

[122] Это будет постоянно оспариваться, вплоть до первой четверти XVIII в. в период наказного гетманства Полуботка.

чужного гетманского 50 золотых». Государь утвердил предложенные суммы, при условии, чтобы давать те деньги из «тамошних доходов».

В статье 3-й говорилось о выделении писарю, судьям войсковым, полковникам, есаулам войсковым и полковым по мельнице «для прокормленья, что росход имеют великий». Государь пожаловал, «велел быть по их челобитью».

В статье 4-й шла речь о выделении средств на «поделку наряду войскового и на пушкарей» и т.п. Государь велел давать из «тамошних доходов».

Статья 5-я была посвящена вопросу внешних сношений, которому украинские авторы уделяют особое внимание, ибо наличие этого пункта, по их мнению, свидетельствует о межгосударственном характере Переяславских «соглашений» 1654 г. Приведем полностью эту статью и резолюцию, данную на нее в редакции от 21 марта: «Послы, которые издавна к войску запорожскому приходят из чюжих краев, чтоб гетману и войску запорожскому которые к добру были, волно приняти; а толко чтоб имело быть противно царского величества, то должны они царскому величеству извещати. По сей статье царское величество указал: послов о добрых делех принимать и отпускать; а о каких делех приходили и с чем отпущены будут, о том писать к царскому величеству подлинно и вскоре. А которые послы присланы от кого будут царскому величеству с противным делом, и тех послов и посланников задерживать в войске и писать об них о указе к царскому величеству вскоре ж, а без указу царского величества назад их не отпускать. А с турским салтаном и с полским королем без указу царского величества не ссылатца».

Таким образом, гетман получал ограниченное право дипломатических сношений с другими государствами. Ограниченное в том смысле, что он мог только принимать послов, приезжающих к нему из других стран, но не мог посылать в другие страны своих послов (об этом гетман, впрочем, и не просил), а кроме того, он не получал права самостоятельных сношений с противниками Русского государства — Турцией и Польшей. Предоставленное гетману в обозначенных рамках право внешних сношений не являлось обстоятельством, исключительным для тогдашнего Русского государства. Учитывая огромную территорию и плохое состояние дорог, приграничные воеводы имели право принимать и отпускать послов из соседних стран с последующим извещением об этом государя, если дела, с которыми приезжали эти послы, не являлись делами государственной важности, и могли быть решены на месте. Поэтому на основании отдельно взятой статьи «соглашений»

1654 г., дающей гетману ограниченное право внешних сношений, нельзя делать вывод о том, что эти челобитные имели характер договора между двумя суверенными государствами.

В статье 6-й говорилось: «О митрополите киевском посланником изустный наказ дан. А в речах посланники били челом, чтобы царское величество пожаловал, велел дать на его маетности свою государскую жаловалную грамоту. Царское величество пожаловал: митрополиту и всем духовного чину людем на маетности их, которыми они ныне владеют, свою государскую жаловалную грамоту дать велел».

В статьях 7-й и 8-й речь шла о высылке войск против поляков.

Вопрос о выплате жалованья Войску Запорожскому (статья 9-я) так и не получил разрешения. По этому поводу давались разъяснения, что, вступив в войну, государь и так уже несет большие расходы на содержание войска, к тому же гетману напоминали, что во время «разговоров»[123] в Переяславе он, гетман, предлагая установить численность казацкого войска в 60 тысяч человек, уверял, что жалованья у государя для этого войска просить не будет. Также разъяснялось, что пока царскому величеству неведомо, какие в Малой России доходы, и только когда посланные царем дворяне «доходы всякие опишут и сметят, и в то время о жалованье на войско запорожское, по розсмотренью царского величества, и указ будет»[124].

В статье 10-й говорилось о действиях против крымской орды, а в статье 11-й о снабжении крепости Кодак.

Итак, вышеприведенные статьи вошли в историю под названием «мартовских статей 1654 г.» Кроме того, 27 марта был издан ряд царских жалованных грамот, главными из которых были жалованные грамоты «Войску запорожскому о правах и вольностях войсковых» и «Малороссийской шляхте, православной веры, на их шляхетские права».

В жалованной грамоте Войску Запорожскому, в частности, говорилось: «...И мы великий государь, наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмелницкого, гетмана войска запорожского и все наше царского величества войско запорожское пожаловали, велели им быти под нашею царского величества высокою рукою, по прежним их правам и привилиям, каковы им даны от королей полских и великих

---

[123] Вот каким словом обозначалось предварительное обсуждение условий вхождения малороссийских земель в Московское государство.

[124] Подтверждение об изначальном отсутствии в т.ч. и экономической независимости Малой России.

князей литовских, и тех их прав и волностей нарушивати ничем не велели, и судитись им велели от своих старших по своим прежним правам (а наши царского величества бояря и воеводы в те их войсковые суды вступати не будут)».

Из приведенного текста со всей очевидностью следует, что царь смотрел на гетмана как на своего подданного, а на Войско Запорожское как на свое войско, а не войско союзного государства. Отдельные украинские авторы заявляют, что в соответствии с Переяславскими «соглашениями»[125] 1654 г. русский царь, говоря о подтверждении «прав и вольностей», утверждал то состояние, которое сложилось уже в ходе восстания Б.Хмельницкого. Но из содержания указанной Жалованной грамоты явствует, что в царском подданстве за Войском Запорожским сохранялись прежние права и привилегии, данные от королей польских и великих князей литовских. А кроме того добавлялись те, которые были предложены царю в «просительных статьях» и получили утверждение государя. В жалованной грамоте говорилось, что гетману и всему «войску запорожскому быти под нашею царского величества высокою рукою, по своим прежним правам и привилиям и по всем статьям, которые писаны выше сего».

Со своей же стороны, гетман и Войско Запорожское обязывались служить государю и всем его наследникам, находясь в их воле и послушанье навеки: «И нам великому государю и сыну нашему, государю царевичю князю Алексею Алексеевичю и наследником нашим служити и прямити и всякого добра хотети и на наших государских неприятелей, где наше государское повеленье будет, ходити и с ними битись и во всем быти в нашей государской воли и послушанье на веки».

В жалованной грамоте малороссийской шляхте было, в частности, сказано: «Божиею милостию, мы великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя Росии самодержец (полный титул), пожаловали есмя нашие царского величества отчины Малые Росии жителей, людей стану шляхетцкого... поволити шляхте благочестивой християнской веры, которые в Малой Росии обретаютца и веру нам великому государю на подданство учинили, быти при своих шляхетцких волностях и правах и привилиях». Здесь русский царь прямо называет Малую Россию своей отчиной, рассматривая малороссийскую православную шляхту, принесшую присягу на верность государю, как своих подданных, и подтверждая ее прежние

[125] Мы оставим в тексте слово «соглашения», взяв его в кавычки, подразумевая устную договоренность – «разговоры» между русскими послами и казацкой старшиной.

права и привилегии. «И по нашему царского величества жалованью, нашие царского величества отчины Малые Росии жителем шляхте, быти под нашею царского величества высокою рукою, по своим прежним правам и привилиям, в волностях шляхетцких свободно безо всякие неволи, во всем по тому, как в сей нашей государской жаловалной грамоте написано...».

Кроме указанных двух грамот, утверждавших права сословий — казачества и шляхты, были выданы также грамоты на пожалование имений лично Б.Хмельницкому, о чем он просил государя в своих челобитных. «...и били челом нам великому государю, нашему царскому величеству, он гетман Богдан Хмелницкий: что наперед сего от королей полских дано было войска запорожского на гетманскую булаву староство чигиринское со всеми к нему приналежностями... И мы великий государь... пожаловали, староству чигиринскому со всеми приналежностями велели быти войска запорожского при гетманской булаве по прежним правам и привилиям непорушимо».

Также государь «подданного нашего Богдана Хмелницкого, гетмана войска запорожского, за православную християнскую веру и за святые Божии церкви крепкое и мужественное стоянье, и к нам великому государю и ко всему нашему царского величества Росийскому государству многие и верные службы: что в нынешнем 162 году (т.е. 7162 г. от «сотворения мира», — 1654 г. от Рождества Христова), как, по милости Божии, учинились под нашею государскою высокою рукою он Богдан Хмелницкой, гетман войска запорожского и все войско запорожское и вся Малая Русь, и веру нам великому государю и нашим государским детем и наследником на вечное подданство [126]учинили...», пожаловал, дав гетману и его потомкам во владение город Гадяч.

Также государь пожаловал «подданному нашему Богдану Хмелницкому», «прежними своими вотчинами, Суботовым и Новоселками владеть по прежнему, как за ним было наперед сего и по сей нашей государской жаловалной грамоте, свободно». Кроме того, государь пожаловал гетмана «маетностями его Медведовкою и Борками и Каменкою велели ему владети во всем по тому, как об них в королевских привилиях написано».

Итак, если в Переяславе в январе 1654 г. не было составлено никакого документа, касающегося условий перехода Малой России в подданство русского царя, то в марте 1654 г. в Москве такие условия

[126] Вот краткое резюме по всем дискуссиям, связанным с «государственностью» Украины в ее отношениях с Россией накануне 1554 г .

были оформлены, но не в виде договора или соглашения, заключенного между равными сторонами, а в виде «челобитных», в ответ на которые государь вынес свои решения, выраженные в резолюциях, наложенных на «просительные статьи», и в жалованных грамотах, удовлетворив при этом, следует заметить, почти все, за немногим исключением, пожелания, высказанные гетманом и казацкой старшиной.[127] Эти пожелания прежде всего сводились к подтверждению и расширению прав того сословия, к которому принадлежали сам гетман и старшина, а именно — реестрового казачества. При этом на утверждение государя выносились даже такие детали, как суммы должностных окладов для чинов казацкой старшины, тогда как о правах других сословий говорилось в самых общих чертах, в том смысле, что им подтверждаются прежние права. Для самого многочисленного сословия — для крестьянства, принимавшего активнейшее участие в восстании, поднятом Б.Хмельницким, это означало, что крестьянство, не имея никаких прав раньше, не приобретало вообще ничего, и должно было остаться в прежнем состоянии, что не просто подразумевалось, а и непосредственно оговаривалось в статье 17-й от 14 марта.

Из содержания утвержденных в Москве в марте 1654 г. документов видно, что трактовать Переяславские «соглашения» 1654 г. как некий временный военный союз или договор равных сторон, как это пытаются делать некоторые современные украинские историки, можно только при условии сознательного извращения исторических фактов. Потому что и в «мартовских статьях», и в жалованных грамотах последовательно проводится мысль о том, что Малая Россия как «отчина» русского царя, переходит в подданство государя и всех его наследников на вечные времена. Само понятие «договор», используемое историками, введено в оборот в политическом памфлете «История руссов или Малой России»[128], авторство которого приписывают архиепископу Белорусскому Георгию Конисскому, что однако, вызывает у многих историков сомнения. Там же говорится и о «договорных статьях», ссылаясь на письмо царя Алексея Михайловича с которым его представители прибыл к Хмельницкому: «...А что Ты пишешь про договоры и обовязки, то мы готовы все исполнить верою и правдою, как закон Христианский и совесть повелевают. Одначе чтобы впредь

[127] Абсолютное отличие условий хождения Малороссии в состав России от Дона (не только до 1671 г., но и после 1721 г.) отмечает и казачий историк Сватиков, ссылаясь именно на эти «статьи» Б. Хмельницкого, а не подразумневая некие «соглашения», которых просто не было. (Сватиков, с. 82)

[128] Конисский Г. История руссов или Малой России. М., 1846.

не было разнодумья и шатостей с обеих сторон, то хорошо бы соединиться и укрепиться нам на вечныя времена, как единоверным и единокровным, и чтобы враги наши не помевались о нас; а договоры об том и уставы суть права старые Малоросийские н Козацкие, которые мы за ними укрепим и подпишем за себя и наследников наших, и не будут они нарушимы вечно..». (Конисский 1846, с.118-120). Но понятия «договор» и «договорные статьи» здесь все-таки применены с иным смыслом, нежели в отношениях между государствами, и эта позиция русского царя была четко изложена Бутурлиным и отражена в последующих документах.[129] Безусловно, можно рассуждать о хитрости и вероломстве московских дьяков, обманувших таким образом «простодушных» малороссийских казаков во главе с гетманом, но условия, выставленные царем для принятия в подданство, были приняты другой стороной и оформлены в виде челобитной, что уже исключает возможность иной трактовки данного юридического прецедента. Понятие «договор» или «соглашение», в современном восприятии этого термина, сторонами не рассматривалось, ибо все международные акты того времени и ранее назывались «трактатами», а «договариваться» означало обсуждать предварительные условия.[130]

При этом русский царь становился по отношению к Малой России в такое же положение, какое перед тем занимал польский король, если не выше. В распоряжение царя передавались все имения, находившиеся на малороссийской территории, и царь получал право раздавать их по своему усмотрению. Гетман и представители казацкой старшины должны были обращаться к государю с просьбами не только о пожаловании им новых имений, но и о подтверждении прав на те «маетности», которыми они владели прежде. Уже сам по себе этот факт не оставляет камня на камне от утверждений украинских историков, заявляющих о том, что в Переяславе в 1654 г. был заключен только военный союз, что гетман выступал как «равный царю», и царь не по-

[129] Договор в понимании московской стороны можно рассматривать в данном случае, только как обсуждение предварительных условий принятия малороссийского народа в подданство. (Даль, Толковый словарь, т. I, с. 450)

[130] Например: «Вечный мир» с Польшей 1686 г. имеет название в польской историографии «Трактат Гжимултовского»; тоже самое можно сказать о Столбовском мире 1617 г., Ништадтском 1721 г., Абовском 1743 г. и т.д. Исключение, пожалуй, составляет Верельский мир 1790 г., названный «мирным договором» (ПСЗ Т. XXIII, № 16893). Даже на протяжении XIX в. большинство международных актов имело название «трактат». См. например: Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию/ Сост. И.А. Овчинников. СПб, 1901, 813 с.

лучал никакого права вмешиваться во внутренние дела Украины как суверенного государства.

Можно ли полагать, что глава суверенного государства стал бы обращаться к главе другого государства, являющемуся всего лишь его военным союзником, с просьбами о пожаловании имений, размещенных на своей же собственной территории, да еще при том, что часть этих имений ему и так уже принадлежала?

Переяславские «разговоры» и составленные на их основании «статьи», утвержденные в Москве, предусматривали, что в малороссийские города будут посланы царские воеводы, и в Малороссии будут собираться налоги в царскую казну. Непосредственным сбором этих налогов должны были заниматься представители местных властей, но над ними предполагалось установить контроль со стороны присланных царем чиновников.

Русский царь подтверждал и жаловал права отдельным сословиям — казачеству, шляхте, мещанству, духовенству, но нигде в «мартовских статьях» и в жалованных грамотах 1654 г. не сказано о правах Малороссии как особой политической единицы. В соответствии с этими актами на малороссийской территории сохранялись органы сословного управления и суда — свои для казачества, свои для шляхты. Вслед за тем некоторым малороссийским городам, по их просьбам, было подтверждено царскими грамотами магдебургское право, ранее им предоставленное.

К примеру, в то время, когда в Москве находились посланцы гетмана, туда же прибыла депутация от города Переяслава с просьбой к государю о подтверждении их городу прав и привилегий, данных польскими королями. С отдельной просьбой о подтверждении своих прежних прав обратились к царю и представители переяславских цеховых ремесленников. Государь велел выдать и тем, и другим жалованные грамоты, подтверждающие их прежние права и привилегии.

Также малороссийскому духовенству был выдан ряд царских жалованных грамот. Непосредственно к царю обращались с просьбами о подтверждении своих прав на прежние имения, а также о пожаловании новых, и просто отдельные лица. Кстати, посланцы гетмана — войсковой судья Самойло Богданович и полковник Павел Тетеря, находясь в Москве, обратились к царю с просьбами о выдаче жалованных грамот: «мне судье на местечко Имглеев Старый, с подданными, в нем будучими и со всеми землями, издавна до Имглеева належачими, а мне полковнику на местечко Смелую, також с подданными...» (АЮЗР, т. 10, № 8, XI, с. 445—52; № 8, XXI, с. 489—502)

Создания какого-либо общего для всей Малороссии органа власти акты 1654 г. не предусматривали. Гетман оставался тем, кем он и был раньше — предводителем казацкого войска, тогда как верховной властью для всех жителей Малороссии, для всех ее сословий становился русский царь.

Поэтому представлять утвержденные в 1654 г. права Войска Запорожского, то есть реестрового казачества, как права всей Малороссии, а гетмана изображать в виде главы правительства или даже главы государства, значит искажать саму суть Переяславских «разговоров» и «мартовских статей».

Как известно, в украинской литературе много говорится о нарушении Переяславских «соглашений» со стороны царского правительства. Но здесь необходимо учитывать, что прежде всего эти «соглашения» были нарушены со стороны гетмана, а произошло это главным образом потому, что в реально сложившейся ситуации оформленные в марте 1654 г. в Москве статьи, уже в момент их заключения не могли быть выполнены в полном объеме.

Поскольку Б.Хмельницкий, поднимая восстание в 1648 г., намеревался только обеспечить гарантии «прав и вольностей» реестрового казачества, и с той же целью перешел в подданство к русскому царю, он, гетман, видел будущее состояние Малой России в царском подданстве в целом таким же, каким оно было под властью польского короля, добиваясь лишь определенного расширения прав, увеличения количества реестрового казачества, при сохранении всей прежней структуры общества, где шляхтич остается шляхтичем, казак казаком, а крестьянин выполняет свою обычную повинность. Но восстание, охватившее массу южнорусского населения, фактически уничтожило эту структуру. С одной стороны, представители шляхты, уцелевшие во время восстания, примкнули к казачеству, а с другой стороны, была стерта грань между крестьянством и казачеством. Отделить теперь крестьян от казаков было делом весьма затруднительным, почему и реестр казацкого войска, численность которого определялась в 60 тысяч человек, так и не был составлен. В условиях начавшейся войны с Польшей не удалось наладить сбор налогов в царскую казну, и собранные с населения Малороссии подати стали оседать в гетманской казне. Ссылаясь на те же военные условия, гетман отговаривался от присылки царских воевод в малороссийские города. Фактически гетман стал не только главой казацкого войска, но и обладателем всей власти в Малороссии, что отнюдь не подразумевалось изначально.

Русское правительство не предпринимало решительных мер для выполнения статей 1654 г., предоставив гетману самому разбираться в отношениях между казачеством и крестьянством, оставив в его распоряжении собираемые в Малороссии налоги, и во внутренние малороссийские дела практически не вмешивалось, что позволяет говорить о Малороссии в этот период как об автономной территории в составе Московского государства. Но такое состояние, возникшее стихийно, ни в коей мере не было обусловлено Переяславскими «соглашениями» 1654 г., и никогда не получало юридического оформления. Москва, хотя и была вынуждена на время смириться с таким положением вещей, однако никогда не брала на себя обязательств сохранять такое положение в неприкосновенности. Следовательно, изменение в дальнейшем со стороны русского правительства этого стихийно создавшегося состояния нельзя расценивать как нарушение Москвой Мартовский статей 1654 г.

Главное заключается в том, что никакой «украинской государственности» Москва никогда не признавала, и Переяславские «разговоры» 1654 г., оформленные в «мартовских статьях» и жалованных грамотах того же года, никакой «украинской государственности» не создавали, а поэтому всякие упреки в адрес русского правительства по поводу уничтожения этой «государственности» являются абсолютно беспочвенными.

Приняв в 1654 г. Малую Россию в подданство на вечные времена, вступив из-за нее в войну с Польшей, русский царь уже не был намерен отдавать эту свою «отчину» кому бы то ни было. Но при этом русское правительство не стало, используя как повод нарушение И.Выговским статей 1654 г., коренным образом менять сложившееся положение, а вело свою политику в Малороссии достаточно осторожно — лишь постепенно, шаг за шагом, укрепляя здесь свою власть.

Подводя итог сказанному, мы можем сделать вывод, что все рассуждения о каком-либо «временном военном союзе» или о «договоре» равных сторон, якобы заключенном в 1654 г. между гетманом Б.Хмельницким как главой суверенного Украинского государства с одной стороны, и русским царем с другой, являются всего лишь плодом фантазии отдельных украинских историков.

Кроме того, эти «соглашения» были полностью разорваны гетманом И.Выговским в 1658 году, что освободило Москву от обязанности их соблюдения, и поскольку затея Выговского с возвращением Малой Руси в состав Речи Посполитой провалилась, то командующий царскими войсками воевода князь Трубецкой принудил нового гетмана Юрия

Хмельницкого к подписанию в октябре 1659 г. в Переяславе новых статей, устанавливающих более широкие прерогативы царя в отношении Малороссии, чем это предусматривалось соглашениями 1654 г. В дальнейшем каждый новоизбранный гетман приносил присягу на верность государю и подписывал перечень статей, которые последовательно и неуклонно усиливали связь Малороссии с Великой Россией.

А что же Запорожская Сечь? Кошевой и старшина поддержали позицию Хмельницкого: «...мысль вашу об отдаче всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавного и пресветлейшего монарха российского принимаем за достойную внимания и даем вам войсковой совет, не оставляя этого дела, привести его к концу, к наилучшей пользе нашей малороссийской отчизны и всего запорожского войска» (Эварницкий Т.2, с. 187). Сами запорожцы от присяги увильнули, хотя боярская дума специально запрашивала Хмельницкого об этом в марте 1654 г. Гетману ничего не оставалось, как отписаться: «... запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего».

Смерть Хмельницкого положила начало гетманской чехарды. Первая рада после его смерти избрала гетманом бывшего генерального писаря Ивана Выговского. О своем избрании новый гетман сообщил в Сечь, однако, запорожцы каким-то образом осведомленные о польской ориентации Выговского сразу предупредили его, что если гетман пожелает «отторгнуться от высокой державы царя Алексея Михайловича, и по-прежнему отдать до польской короны нашу малороссийскую отчизну, то ведайте заранее, что мы, войско низовое запорожское, в том воле вашей следовать не будем и звание изменников на славное имя еавлекать не желаем» (Эварницкий т. 2, с. 195). Предупреждения запорожцев Выговский оставил без внимания, по этой причине они решили известить о его измене Москву. На Украине вспыхнула гражданская война, оставшимися верными Москве казаками был выбран «параллельный» гетман Иван Беспалый, и в помощь ему было выдвинуто русское войско князя Алексея Трубецкого. За полгода до этого, 6 сентября 1658 г. Выговский тайно подписал с поляками т.н. Гадячский трактат, по которому все Запорожское войско вновь переходило под власть польской короны.[131]

27-29 июня 1659 г. состоялась битва при Конотопе, 350-летие которой широко отмечалась в нынешнем украинском государстве. Указ

[131] Поляки были готовы на любые условия и даже согласились на 60 000 реестра. «Гадячский трактат» по тексту: Volumina Legum. T. IV. Petersburg, 1859. S. 597—600

президента Украины В. Ющенко № 207/2008 от 11 марта 2008 г. «О праздновании 350-летия победы войска под руководством гетмана Украины Ивана Выговского в Конотопской битве» был принят, по мнению авторов, «с целью восстановления исторической правды».[132] Какую историческую правду имеет в виду президент В. Ющенко?

Малороссийские казаки сражались и с одной и другой стороны. Потери русских войск составили согласно российским архивным данным: «Всего на конотопском на большом поле и на отводе (т.е. при отходе армии к Путивлю – А.Ш.): полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи московского чину, городовых дворян и детей боярских, и новокрещеных мурз и татар, и казаков и рейтарского строю начальных людей и рейтар, драгунов, солдатов и стрельцов побито и в полон поймано 4769 человек» (Новосельский 1994 С. 68). Попавшие в плен были все казнены. Русская армия организовано отошла к Путивлю. Малороссийские села подверглись грабежу крымскими татарами, и большое количество жителей было угнано. В тоже время запорожцы-сичевики совместно с донскими казаками нанесли несколько ударов по Крыму и вынудили хана вернуться с большей частью орды назад[133].

Казаки, оставшиеся верными русскому царю совместно с запорожцами Ивана Серко провели раду в селе Гармановцы под Киевом и избрали нового гетмана Юрия Хмельницкого. Здесь же были зарублены послы от Выговского – Сулима и Верещака, которые пытались зачитать казакам статьи ратифицированного польским сеймом Гадячского трактата о возврате малороссийских земель Польше. Избранный гетманом Юрий Хмельницкий подписал так называемые «Переяславские статьи»[134] с Москвой, по которым казачьи «вольности» были отныне значительно урезаны. Какая еще нужна историческая правда президенту Ющенко? Осталось добавить, что в сражении при Конотопе изменивший присяге гетман Выговский сражается с русским войском и побеждает его, но как подданный польской короны в соответствии с Гадячским трактатом и в условиях незавершенной русско-польской войны. Таким образом, Конотопская битва это один из эпизодов войны между Россией и Польшей 1654-1667 гг.

---

[132] Официальный сайт президента Украины – www.president.gov.ua

[133] В сражении под Конотопом принимали участие и донские казаки, за что были вознаграждены Москвой – по 50 четей муки и по 3 рубля (Акты Моск. Гос-ва., III, с. 95)

[134] Эти статьи опять ряд историков называют очередным «Переяславским договором» – См. АЮЗР, Т. IV. № 115. С. 264—269

Чехарда с изменами продолжается. Выбранный гетманом Юрий Хмельницкий, поддавшись уговорам поляков и Выговского, через год изменяет присяге. Новым гетманом 18 июля 1663 г. избирается кошевой Запорожской Сечи Иван Брюховецкий. Андруссовское перемирие 1667 г. определило границу между Россией и Польшей по Днепру, разделив Украину на русское Левобережье и польское Правобережье[135], где тут же появляются свои гетманы – Павел Тетеря, Степан Опара, Петр Дорошенко. Мир с поляками возмутил Запорожскую Сечь[136], и казаки убили царского посланника к крымскому хану стольника Ефима Лодыженского, проезжавшего через них. Однако, царь простил им это преступление. В свою очередь мятеж поднял Брюховецкий, рассчитывая устранить правобережного гетмана Дорошенко и объединить казачьи силы. Но Дорошенко разбил конкурента. На левом берегу в Глухове 3 марта 1669 г. избирают нового гетмана Демьяна Многогрешного, который подписывает т.н. «Глуховские статьи», частично повторившие «Мартовские» Хмельницкого. В результате интриг казачьей старшины Многогрешный обвинен в тайных сношениях с Турцией, арестован, сослан в Сибирь и 17 июня 1672 г. в Конотопе гетманом избран Иван Самойлович.

Запорожская Сечь продемонстрировала свою самостоятельность перед Алексеем Михайловичем. В начале 1673 г. у запорожцев объявился самозванец, выдававший себя за царевича Симеона.[137] Москва немедленно затребовала его выдачи. Способствовать этому должен был Самойлович. Но ни царским послам, ни посланникам гетмана не удалось уговорить сичевиков выдать самозванца. Кошевой Сирко специально выдерживал паузу и отправил сперва в Москву собственных послов, которые подали челобитную, где называли государя «Божьим помазанником, многомилостливым светом и войска запорожского дыханием» и сообщали, что (будто и не было царских грамот – А.Ш.) появился у них какой-то «молодик, называющий себя царевичем Симеоном Алексеевичем, который будто бы от обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бежал из Москвы, долго скитался по России, а затем приехал в Запорожье, где содержится под крепким караулом и впредь будет содержаться, пока войско не услышит царского слова»

[135] Юридическое закрепление присоединения украинских земель за Россией.

[136] По условиям Андруссовского мира Запорожская Сечь объявлялась «под послушанием обоих государей», т.е. и Польши и России одновременно, при этом запорожцам запрещались самовольные набеги на Крым и Турцию.

[137] Настоящий царевич умер в возрасте 4-х лет 6 октября 1669 г. и был похоронен в Архангельском соборе Кремля.

(Эварницкий Т.2, с. 352-353). Получив после этого царскую грамоту, запорожцы выдали лжецаревича, которого быстро четвертовали в Москве. А кошевому Сирко по его челобитной был пожалован городок Келеберда, Сечи же – Переволочна.

Таким образом, вслед за «Мартовскими статьями» 1654 г. между российскими самодержцами и украинскими гетманами было подписано немало договорных актов. Последние не отличались особым разнообразием, а были лишь дополнением к предыдущим документам. Так, «Переяславские статьи» 1659 г., подписанные Юрием Хмельницким, ощутимо сузили полномочия гетмана и ограничили казацкие вольности: отныне казакам запрещалось избирать гетмана без разрешения царя, а сам гетман терял право назначать казаков на должности, карать их за провинности. «Московские статьи» 1665 г., подписанные левобережным гетманом Иваном Брюховецким, ликвидировали финансово-экономическую самостоятельность Украины и увеличили военное присутствие царской России на территории Левобережной Украины. «Глуховские статьи» 1669 г., подписанные Демьяном Многогрешным, возвращали гетману его прежние полномочия, в том числе его выборность, а функции российских воевод сводились лишь до командования гарнизонами. Названным документом обуславливалось обязательное участие украинских делегатов в дипломатических делах Москвы, сокращалась численность российских воеводств – местами дислокации российских войск стали города Киев, Чернигов, Переяслав, Нежин и Остер.

В целом весь период гетманщины от Богдана Хмельницкого до Мазепы можно охарактеризовать, как сплошную политическую игру казачьей верхушки Украины, колебавшейся между Россией, Польшей и Турцией, интриговавшей исходя из своих личных интересов и амбиций, использовавшей все методы, включая и прямую измену. Сюда же было втянуто не только Левобережье, ставшее российским, но и территории правого берега Днепра, находившееся под польским владычеством, сюда же примешивалось и суверенная Запорожская Сечь, именем которой прикрывались все. Левобережные гетманы (Самойлович) вели борьбу за фактическое присоединение польских земель правого берега Днепра, чтобы оправдывался титул гетмана «обоих берегов», правобережные (Дорошенко) – русской Украины, нередко и кошевые Запорожской Сечи выступали с такими же требованиями.

На фоне вышеупомянутых документов принципиально новыми по духу были «Коломакские статьи» 1687 г., подписанные Иваном Мазепою во время его избрания гетманом. Отныне гетману было доверено

реализовывать доктринальные задачи российского самодержавия – способствовать укреплению государственной мощи путем усиления централизованной власти царя.

Согласно документу, гетману пришлось выполнять несвойственные ему ранее полицейские и демографические функции, а именно: отслеживать факты нарушений царских запретов в области торговли, денежного обращения и т. д., а также способствовать украинско-российским бракам, приводя «в неразорванное и крепкое согласие» «народ малороссийский» с «великороссийским». «Коломакскими статьями» 1687 г. фактически разрушалось некое подобие автономного статуса Гетманщины в составе России: отныне Украина лишалась возможности поддерживать сношения с иноземными державами (ранее под запретом были только сношения с Турцией и Польшей) и обязалась принимать участие в военных экспедициях России.

Серьезные изменения в гетманском правлении произошли во время Северной войны, когда гетман И. Мазепа неожиданно для Петра I перешел на сторону врага, шведского короля Карла XII. Следует заметить, что Петр I, безгранично доверяя И. Мазепе, в то же время воспринимал его как своего подданного. В свою очередь, И. Мазепа, рассчитывая на паритетные отношения с российским царем, внутренне отвергал подданство и потому не мог по достоинству оценить особое расположение монарха.

Конфликт Петра I и Ивана Мазепы выходил за рамки межличностного: это был конфликт, порожденный противоречиями в подходах к малороссийскому гетманству как форме регионального правительства в России. Гетманы стремились укрепить свои властные полномочия в рамках широкой автономии, так что на первый план выступали идеи децентрализации общегосударственного управления. Это было неприемлемо для российского самодержавия. В результате, правление всех последовавших за Мазепою гетманов (И. Скоропадского, П. Полуботка, Д. Апостола, К. Разумовского) было всецело подконтрольным царю.

2.1.3. Петр, гетманы и запорожцы

Личность Ивана Самойловича первая гетмана Украины эпохи Петра I также не отличается своим постоянством во взглядах. Был ярым сторонником Брюховецкого, после падения которого пристал к Многогрешному, присягнул на верность царю и получил от него прощение. Затем принял участие в свержении Многогрешного и был избран Конотопской радой 17 июня 1672 г. в гетманы. Вел непрерывную борь-

бу с правобережным гетманом Дорошенко, стремясь подчинить себе земли за Днепром. При Самойловиче осуществлялось массовое переселение казаков и жителей Правобережья в русские пределы Малой России. В первую очередь заселялась т.н. Слободщина, о которой речь пойдет в отдельной главе, но это было вызвано несколькими причинами. Первая, заключалась в том, что простой народ – «поспольство и чернь козацкая» сознавал, что казацкая старшина и, безусловно, гетман в первую очередь, стремятся к образованию из своей среды нового шляхетства по образу и подобию польского. Начиная с Хмельницкого, все гетманы подтверждают право на владение землями тем шляхтичам, которые поддержали казаков во время их борьбы с Польшей, и раздают другие села старшинам за войсковые заслуги. (Лазаревский 1866. С. 15-19). Иных законов кроме Литовского статута[138] старая и новоиспеченная шляхта не знала, т.е. опиралась на ту юридическую норму, против которой народ боролся в лице Польши. Исходя из этого, население стремилось на земли, где русское правительство разрешало свободное поселение и гарантировало сохранение казачьих вольностей, а также массу других льгот – освобождение от податей, повинностей и т.д. – в Слободщину. Самойлович способствовал этому, одновременно предлагая передать слободские полки под его власть, так как сюда устремлялись жители не только Правобережья, но и с гетманщины. Однако, московское правительство имело несколько другую точку зрения на этот вопрос и не собиралось выводить слободские полки из фактического подчинения белгородского воеводы.[139] Но с образованием последнего из слободских полков – Изюмского, занявшего последние свободные земли по реке Орели, всем остальным оставалось размещаться лишь на левом берегу Днепра, в гетманщине.

Земли Левобережья в период вхождения в состав Московского государства, как и будущая Слободщина, расположенная вдоль Белгородской черты, были относительно малонаселенными и участки занимались по принципу «займанщины», т.е. свободного заселения. Но при постоянном притоке новых переселенцев запас пустопорожних земель истощился и вновь прибывшие вынуждены были селиться на занятых участках, вступая в определенные отношения со старожилами. Между тем крупные землевладельцы, в число которых вошли и казацкие старшины по сути превратились в помещиков. С одной стороны

[138] Литовский статус 1529 г. – основной свод законов Великого княжества Литовского, в состав которого входила большая часть земель Малой России.

[139] Формально слобожане подчинялись Посольскому приказу.

они стремились привести в повиновение населявших отписанные им гетманами села крестьян, которые после Хмельницкого, считались свободными землевладельцами, с другой стороны, они старались обратить в крестьян казаков, пользуясь неточностью в разграничения сословий. Но так как это было связано со сложностями и вызывало естественное сопротивление населения, то пришлось прибегнуть к уловке. Они стали любыми способами притеснять крестьян и казаков, заставлять их покидать села, а затем, заручившись гетманскими универсалами, дающими право на захват и присвоение опустевшего участка земли, селить на нем вновь пришедших, но уже совершенно на других условиях и на определенный срок, по истечению которого новоселы превращались в тягловых людей, правда, с правом свободного выхода из села (Антонович АЮЗР, с. 26-27). Желая точно обосновать свои отношения с тягловыми людьми старшины – землевладельцы обращались вновь к литовскому статуту, ибо других юридических норм они просто не знали. Все это вызывало ощущение возврата к старым польским порядкам от которых ушли и к которым вернулись. Что не могло не сказаться на социальной напряженности в регионе.

Сам Самойлович по свидетельству современников был человеком гордым, самовластным, любящим богатство и не гнушавшимся любых способов его приобретения, в том числе и злоупотреблявшим властью. При переселении правобережных полков, он старался удовлетворить в первую очередь старшину, чью влияние на радах ему было необходимо. Кое-как еще он заботился о рядовых казаках, размещая их среди левобережных полков или нанимая к себе на службу за жалование, в качестве т.н. «компанейцев» или «компанейских полков»[140]. Их появление связывают с гетманом Демьяном Многогрешным, который в своих статьях оговорил право иметь при себе компанейский полк в 1000 человек, поэтому датой рождения этих полков официально принято 30 августа 1668 г. Компанейцы должны были «унимать своевольных людей», которые «забыв страх Божий и всякое обещание, затевают ссоры и смуты и чинят всякие беды». Таким образом, первоначальное назначение компанейских полков заключалось в исполнении полицейских функций. Охочекомонные полки, называвшиеся так потому, что в ряды их вступали люди по своей охоте и служили на конях, нельзя смешивать с обыкновенными малороссийскими казачьими полками. Они набирались непосредственно самим гетманом из охочих людей, не были закреплены за какой-то конкретной территорией и содержа-

[140] Их называли еще охочекомонными или охотницкими.

лись за счет всего края, не имели собственного самоуправления или подобия этого – т.е. рады.

Правда, при избрании Самойловича старшина подала челобитную в Москву о том, чтобы «компании более не быть», т.к. «от таких компаний малороссийских городов и местечек и сел жителям всякое чинится разорение и обиды». Однако, сам гетман имел свое собственное мнение на этот счет и отказываться от личной гвардии не собирался. По крайней мере, на момент избрания преемника Самойловича – Мазепы, под его «обещаниями» стоят подписи двух компанейских полковников – Пашковского и Новицкого, соответственно существовавших уже до него. (ВЭ, т. XIII, с. 83).

На посполитых Самойлович смотрел, как на рабочую силу, необходимую для содержания казачьей шляхты. «А здырства вшеликими способами вымышляли, так сам гетман, яко и сынове его; зостаючи полковниками, аренды, стацие великие, затяговал людей кормлением – барзо на людей трудность великая была от великих вымыслов – не мог гетман насытится скарбами» (Летопись Самовидца, с. 78).[141] Продолжая распределять села между казацкой старшиной, Самойлович, чаще чем его предшественники, упоминает в своих универсалах о том, что «державцам» (владельцам земли – А.Ш.), кроме земли и угодий, должно принадлежать и «послушенство» тягловых людей, а это «послушенство» во времена Самойловича начинает приобретать конкретные формы: оно состояло в праве помещика требовать крестьянина на работу: «до правования гребли, до вожения дров, до кошения и прятания сена и до иншых своих потреб». Сверх того крестьяне должны были платить своему «державцу» довольно значительный денежный «чинш» (польк. Czynsz – оброк), отдавать «осепщину», т.е. часть посеянного хлеба в зависимости от количества рабочего скота, десятину от домашних животных и птицы, а также плодов, ягод и т.п.

С другой стороны, Самойлович стремится четко разграничить казаков от поспольства, преграждая крестьянам таким образом путь к освобождению и переходу в казацкое сословие. Гетманские универсалы запрещали старшине вносить крестьян и мещан в «компуты» – полковые списки (Антонович АЮЗР, с. 28-29).

Кроме всего Самойлович наложил руку и на торговлю. При нем были введены «оранды» – т.е. откупы права винной, дегтярной и табачной торговли сроком на один год.

---

[141] Самовидец пишет о ненасытности гетманской казны, о грабежах (здарства) и поборах на нужды войска (стацеи), чинимых им самим и его сыновьями – полковниками.

Гетман держал себя высокомерно не только с казаками и посполь-ством, но и со старшиной. Самойлович окружил себя раболепствующими сторонниками, возвышал их, а от его имени они творили уже что хотели. Гнет налогов все увеличивался, суды без взяток не рассматривали ни одно дело, попытки жаловаться на гетмана были безрезультатны, благодаря дружбе Самойловича с белгородским воеводой князем Г.Г. Ромодановским.

Не складывались отношения Самойловича и с Запорожской Сечью. Честолюбивый гетман вынашивал планы не только объединения Правобережья с левым берегом Днепра, но и полного подчинения запорожской вольницы себе. Самойлович старался всеми способами скомпрометировать Сечь, постоянно отсылая клеветнические доносы в Москву и обвиняя запорожцев в постоянной готовности изменить.

Здесь впервые в историческом плане возникает фигура Ивана Мазепы, служившего на тот момент ротмистром в войске правобережного гетмана Дорошенко. 11 июня 1674 г. он был захвачен в плен запорожской заставой при весьма щекотливых обстоятельства. Мазепа направлялся гетманом Дорошенко с письмами к крымскому хану и передвигался по степи с татарской охраной. В качестве «подарка» хану с ним были 15 пленных казаков забитых в колодки. Этого было вполне достаточно для предания Мазепы лютой казни, к чему он и был приговорен радой. Мазепу спасло вмешательство кошевого Ивана Сирко (Серко), пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди «лыцарства». Серко также, как и Самойлович, мечтал об объединении двух половин Украины, при безусловном сохранении независимости Сечи. Красноречие Мазепы убедило кошевого, что последнего можно использовать именно для этой цели, отправив лично в Москву с донесением. Однако и здесь Сирко еще раз продемонстрировал Москве свою самостоятельность, отказавшись по первому требованию белгородского воеводы Ромодановского выдать Мазепу. Князю пришлось взять в заложники жену Сирко[142], а его зятя – казака Харьковского слободского полка Ивана Артемова отправить в Сечь для переговоров с тестем. Таким образом, Мазепа попал сначала в Батурин, к Самойловичу, где изложил свою версию событий и попросился служить под высокую руку гетмана. Самойлович, как уж говорилось, был падок на лесть, а Мазепа прекрасно владел этим искусством, поэтому после возвращения из Москвы он был обласкан гетманом и назначен вос-

[142] Здесь мы имеем отступление от общих запорожских обычаев. Кошевой Сирко имел семью и иногда жил с семьей, но вне Сечи.

питателем детей гетмана. Так началась карьера будущего преемника Самойловича.

В тоже время у Самойловича не складывались отношения с фактически первым лицом государства, (естественно после царей Петра и Ивана, и царевны Софьи), князем Василием Голицыным. Самойлович был крайне негативно настроен против предлагаемого поляками мирного договора с Россией, одновременно предусматривающего совместные военные действия против Турции. Причиной этого была все та же правобережная Украина, которая по мнению Самойловича в случае победоносной совместной войны окажется в руках поляков. Однако, всемогущий князь В.В. Голицын был сторонником Польши и христианского союза в борьбе с неверными, судьба Правобережья его интересовала меньше. Отчаявшийся Самойлович решился на необдуманный поступок и обратился с письмом к польскому королю, предлагая от своего имени участие всего Запорожского войска в войне с Турцией, и прося взамен правый берег Днепра. Польская сторона не замедлила проинформировать об этому Москву, откуда гетману был выслана грамота с выговором за «противенство». Испуганный Самойлович немедленно запросил прощения, а Россия заключила мирный договор с Польшей и стала готовиться к большому походу на Крым.

Своими действиями Самойлович навлек на себя гнев князя В.В. Голицына и дал возможность свалить на него вину за неудачу первого похода на Крым 1687 г. Между тем не дремала и казачья старшина, недовольная своим гетманом. Поскольку она имела право подавать челобитные царю напрямую, начиная с Выговского, выпрашивавшего у Алексея Михайловича имения, то и в случае с Самойловичем поступила именно так, тем более это было на руку В.В.Голицыну и вполне вероятно, что все пункты обвинения гетмана были согласованы заранее с ним. Вот текст старшинской челобитной: «Все Войско Запорожское чрезвычайно грустит от неудачного похода Крымского, на какой весь мир христианский свел глаза: единый же виновник этого – гетман.

1) К заключению вечного мира с Польшей он всегда желал, чтобы государь поддерживал перемирие с турками и татарами, а с поляками не мирился.

2) Когда состоялся последний договор, чрезвычайно огорчился и говорил воинским старшинам, что Москва за свои деньги купила себе бедствие и т.п..

3) Не разрешал молебнов в церквях по этому поводу.

4) Никогда не радовался победам христиан над неверными.

5) Семья его говорила женам генеральных лиц, что он намеревается направляться по следам Брюховецкого.

6) На погибель русских войск настоял, чтобы их вывели в Крым весной, а не осенью.

7) Во время похода отсоветовал боярину посылать передовые полки для выявления противника, не узнавал о местном положении и, когда горели степи, не велел их гасить.

8) Жаловался в то время на болезнь глаз и говорил: лучше бы Москве сидеть в покое дома и оберегать границы, чем заводить ненадежную войну с Крымом и лишать меня тем самым последнего здоровья.

9) Насоветовал боярам, на вечный позор русских и казацких войск, возвратиться назад, вместо того, чтобы придумать, каким бы способом вредить врагу, хотя бы с меньшими силами.

10) Самовольно владеет Малороссией, делает, что хочет, и города малороссийские не государевыми, а своими называет, приказывая казакам верно служить ему, а не монархам.

11) Сын гетманский Григорий и прочие говорили много дерзких слов про государей при гетмане, и он не только их от того не сдерживал, а и сам то же делал.

12) Июля 4, перейдя со своими полками через мосты, сооруженные россиянами на речке Самаре, гетман приказал их сжечь, оставив боярину, который был на той стороне с всем войском, лишь два моста.

13) Когда сообщали ему о том, что много больных в русском лагере, он говорил: хотя бы и все сгинули, то я бы о том не сокрушался.

14) Один русский полковник поссорился с лубенским полковником Гамалеей, который, явным образом надеясь на гетмана, сказал при нем: что ты мне ставишь в укор? Нас не саблей взяли.

15) Продает за большие деньги полковничьи правительства.

16) Прижимает старших воинских заслуженных людей, а с мелкими обходится ласково.

17) Забирает себе все, что ему понравится; что же не возьмет сам, отбирают дети.

18) Генеральные старшины от его гнева и нахальных слов становятся мертвенными и не живут в покое.

19) Четыре года не определяет никого на судейское правительство, требуя за него большие деньги, от чего угасло право, обиженным людям нет управы и многие плачут.

20) Больше занимается домашними делами, чем выполнением монаршеских обязанностей.

21) Запретил, вопреки указу Великих государей, отпускать в Польшу хлебные запасы, в то время как велит возить их в Крым и турецкие города.

22) Будучи мелкого происхождения, гнушается всеми и не только не считает равным себе в Малороссии, а даже и за великороссиянина не хотел выдать свою дочь, для которой заманил из-за границы князя Четвертинского, а все это делает для того, чтобы образовать с течением времени в Украине удельное княжество.

23) Чего же от его сыновей терпят Черниговский и Стародубский полки, того и описать нельзя.

Через эти причины и его неспособность все Войско Запорожское желает и слезно Господа Бога молить, чтобы великие государи, для лучшего управления Малороссией и прекращения многих слез, указали снять его с гетманского правительства и на его место велели избрать, свободными голосами, другого – бодрого, верного и исправного мужа. И за то просит все Войско Запорожское, чтобы после устранения его от гетманского правительства он не оставался в Украине, а взятый был с все своим домом в Москву и, как предатель, наказан. Если же на эту просьбу не поступит монаршее решение, Войско Запорожское, из меньших чинов, придерживаясь верной службы, вынуждено будет поступить с ним согласно своим воинским правилам и обычаям, как с откровенным к великим государям недоброжелателем» (Бантыш-Каменский Д., История Украины. От водворения славян в сей стране к уничтожению гетманства. Киев-Петроград (без года). – С. 821 – 823.).

Как видно из текста челобитной, в ней отразились и все просчеты самого князя Голицына, в которых теперь обвинили гетмана, и недовольство обиженной старшины не только самим Самойловичем, но и его окружением, в первую очередь сыновьями.[143]

27 июля 1687 г. на реке Коломак состоялась рада, которая избрала «вольными голосами малороссийских казаков и генеральной старшины» гетманом Мазепу. Первым делом Мазепа отблагодарил князя В.В. Голицына 10 000 рублей из казны Самойловича и, приняв булаву, принес присягу царям Петру и Ивану, заодно подписав ряд статей – обязательств. В своей основе «Коломакские статьи» повторяли аналогичные

[143] В современной историографии можно встретить мнение, что обвинение против Самойловича было полностью сфабриковано окружением В.В. Голицына, однако, как мы видим из текста челобитной, более половины пунктов связаны напрямую со внутренними проблемами Малороссии, касающимися в первую очередь недовольной гетманом старшиной.

документы 1669 и 1672 годов, подписанных при избрании гетманов Демьяна Многогрешного и Ивана Самойловича. Однако при избрании гетмана Мазепы российская сторона внесла в текст новые статьи, которые существенно ограничивали государственные права Гетманщины и одновременно обеспечивали усиление царской власти на ее территории. «Коломакские» статьи декларативно подтверждали казацкие права и вольности, сохраняли 30-тысячное реестровое казацкое войско и компанейские полки. В тоже время московские представители внесли ряд статей, которые существенно ограничивали права гетмана и казаков. Так гетману запрещалось без согласия российского царя освобождать казацкую старшину от занимаемых должностей, а старшине и казакам запрещалось без согласия царя переизбирать гетмана. Были внесены статьи, которыми обязали старшину следить за действия гетмана и доносить об этом царю, ограничивали права гетмана по распоряжению землями Войска Запорожского, гетману запрещалось вести самостоятельную дипломатическую деятельность с другими государствами, обязывали всячески способствовать смешанным русско-украинским бракам, запрещалось всем говорить о том, что Гетманщина — это «Малороссийский край гетманского регимента» и требовалось говорить «Их царского пресветлого величества самодержавной державы».

Две статьи относились непосредственно к Запорожской Сечи. Первая касалась обязанности запорожцев по-прежнему оборонять малороссийские и русские города от татар и турок, за что гетману надлежало отправлять им ежегодно жалование в том же размере, что и при Самойловиче, но при этом вести свою самостоятельную политику с Крымом, т.е. воевать или замиряться, без санкции Москвы запрещалось. Принципиальных возражений против этого у запорожцев не было, ибо война с мусульманским миром была делом их жизни, а на запрет сношений с Крымом, реагировать запорожцы не собирались. А вот вторая статья их возмутила, поскольку предусматривала строительство крепостей (шанцов) на землях, традиционно считавшихся вотчиной Сечи, однако, до начала каких-либо строительных работ запорожцы решили молчать, во-первых, присягал в этом Мазепа, а не они. А во-вторых, в царской грамоте, направленной в Сечь в связи с избранием нового гетмана, об этом не было ни слова, зато подтверждалась передача запорожцам Переволочны и право получения сборов с перевоза в их казну, что не исполнялось Самойловичем.

В ответ запорожцы отправили в Москву взятого в плен татарина, а Мазепе отписали поздравления и напомнили, чтоб не смел «хирхе-

лёвать на искоренение войска, як начал хирхелёвать над ним зрадцы попович[144]».

Однако, свидетельствует Эварницкий, которого трудно упрекнуть в необъективности суждений, двадцать лет гетманства Мазепы представляли из себя сплошную борьбу с Запорожским Кошем.[145]

Сразу после избрания гетманом Мазепа не пропускает в Москву запорожскую делегацию – аналог донской зимней станицы, из 40 казаков, ссылаясь на царский указ, и дозволяет отправиться лишь десятерым. Напомню, что донцы посылали ежегодно зимой сотню человек и запорожцы безусловно об этом знали.

Тон их писем к Мазепе пронизан иронией и сарказмом: «Вельможный пане гетман... пришло на мысль поздравить вашу вельможность с постом святым...». При этом запорожцы не забывают подчеркнуть, что он гетман «войска их царского пресветлого величества запорожского», а они – «войско... запорожское низовое». Напоминают они и о Переволочне, пожалованной им вместе с доходами, о ежегодном царском жаловании, обращают внимание, что по сравнению с наемными компанейскими полками, пользы от сичевиков несоизмеримо больше, а платят гораздо меньше.

Первое серьезное столкновение с запорожцами произошло в 1688 г. из-за начала строительства крепостей на границе Запорожья. Мазепе было приказано «собрать 20 000 человек малороссийского войска для строения самарских крепостей». Сечь немедленно отреагировала и отписала гетману, что « ни кошевой атаман Григорий Сагайдачный, ни все войско низовое» не позволят ставить никаких городов на реке Самаре. Запорожцы писали: «На каком основании, каким способом, чьим советом и поводом это делается, мы немало тому дивимся... от века никто не ставил никаких городов, не было этого даже и тогда, когда мы находились под владением... ляхов»[146].

Лишь царская грамота с уверениями о том, что «та на Самаре крепость в тяготу и в отнятие пожитков... ни в чем бытии не имеет... а лишь на защищение малороссийских и великороссийских городов, а паче и самих вас, от нашествия поганых басурман», на время успокоила Сечь. И запорожцы ответили, что перечить воле царской они

[144] Попович – прозвище Самойловича, поскольку он был сыном священника.

[145] У Мазепы было достаточно и личных причин ненавидеть запорожцев за тот самый инцидент, когда он был захвачен ими в плен 11 июня 1674 г. и приговорен к смертной казни.

[146] Здесь хитрые запорожцы, которые никогда себя не считали подданными польской короны, отождествляют себя со всем населением Украины.

не смеют. Крепость, названная Новобогородицкой, была возведена в кратчайшие сроки.

Запорожцы не удержались и написали Мазепе, что вместо того, чтобы строить крепость, лучше бы отправились в совместный поход против «врагов православной веры». Еще более в резкой форме было составлено письмо к воеводе Григорию Косагову, что остался в новой крепости с гарнизоном. Помимо этого запорожцы в ультимативной форме отказались сноситься с Косаговым по военным вопросам и передавать ему пойманных татарских языков.

Очередной неудачный поход князя В.В. Голицына 1689 г. никаких перемен не принес, за исключением закладки еще одной крепости – Новосергиевской (Вольный городок), опять вызвавшей негодование запорожцев. В отместку, демонстрируя свою фактическую независимость от Москвы и гетмана, Сечь самостоятельно заключила перемирие с Турцией, и лишь путем долгих увещеваний согласилась разорвать его.

Отношение к присяге у запорожцев совершенно отличное от донцов: если для последних присяга первоначально являлась чрезвычайным и страшным знамением, и лишь в петровские времена превратилась по сути в простую формальность, из-за частоты совершения ритуала, то для первых она и вовсе особого значения не имела, поскольку определяющим было решение войсковой рады, исходившем от большинства голосов и настроений основной массы вольного казачества. Безусловно, мнение кошевого атамана и старшины учитывалось, но абсолютно не в такой степени, как на Дону, где старшина и наказной атаман научились направлять мнение круга в нужное им, а соответственно и царю, русло.

Такое положение вещей сохранялось, в принципе, на всем протяжении истории Запорожской Сечи, что привело, в конце концов, к закономерному итогу в условиях полной централизации власти в России – ликвидации вольного казачества. Терпеть какое-либо свободолюбие в пределах государства или вблизи его границ, которое могло угрожать тому грандиозному замыслу Петра о создании империи, государь не желал. Предоставить определенную степень внутренней свободы, включая и вопросы веры, при беспрекословном подчинении главной воле монарха, на это он еще мог согласиться, что и произошло с Донским войском. Но никак не иначе. Зависеть от настроения или «куража» запорожцев правительство не собиралось. Поэтому финал был очевиден. Действия же Мазепы, его увещевания и прямой подкуп Сечи, вызывали полное одобрение у Москвы.

Гетман всецело и искренне поддерживал все начинания Петра. Мазепа, служивший при польском дворе, на Правобережье у Дорошенко, на Левобережье у Самойловича, видел всю пагубность с точки зрения государственности и единовластия правителя любых проявлений вольности[147], что в дрязгах польской шляхты, что в ненадежности казацкой старшины, что в шатаниях Запорожской Сечи. Следствие Хмельнитчины – появление огромного количества «черни козацкой», в большинстве своем состоявшей из «показаченных» крестьян. По мнению автора, замысел Мазепы состоял в том, чтобы: во-первых, создать новое малороссийское дворянство, отличное от польской шляхты, с ее вечными раздорами – «бунчуковых товарищей» (Бантыш-Каменский, Т. III, с. 224). Новое дворянство должно было отличаться и от существующей старшины, которая, безусловно, была недовольна избранием Мазепы в гетманы, считая его выскочкой, и это подразумевало определенное противодействие с их стороны, включая и доносы, которые официально были разрешены и поощрялись подписанными при избрании Коломакскими статьями. Поэтому политика Мазепы в отношениях с действующей старшиной была очень осторожна – гетман тщательно выбирал тех, кого можно приблизить к себе, расположить и превратить в верных и преданных ему единомышленников. В ход шло все: и задабривание, путем не только раздачи поместий и должностей, но и проявлением определенного терпения и милосердия даже к тем, кто писал доносы на Мазепу[148], возвращение к власти некогда отстраненных, и репрессированных, прежних сторонников Брюховецкого и Дорошенко и т.д. (Павленко 2004, с. 18-22). Не забывал Мазепа и об укреплении связей со старшиной путем породнения в той или иной форме, как в пресловутом эпизоде с семейством Кочубей[149].

Во-вторых, продолжить закабаление посполитых крестьян, и постепенно превратить в это же сословие простых казаков. Он поощряет старшин приписывать казаков в число своих тяглых людей и отнимать у них землю. Это приводит к колоссальному сокращению численности полков – «из которого села выходило на службу по полтораста козаков, теперь

[147] Недаром любимой книгой Мазепы был «Государь» Н. Макиавелли.

[148] В 1699 г. на него был отправлен донос от старшин Забелина (Забилы) и Солонины. Их выдали гетману, судили, но проявив милосердие, оставили в живых. (Бантыш-Каменский Источники 1858, кН. 1, т. 2, с. 23-24)

[149] Вся левобережная старшина имела очень тесные родственные связи, и это представляло серьезную опасность для Мазепы. Его племянник Обидовский был женат на старшей дочери Кочубея – Анне (Ганне), сам Мазепа был крестным другой младшей дочери Матрены (Мотри), с которой и разыгралась позднее любовная драма.

выходит человек по пяти или шести» (Антонович АЮЗР, с. 74). Налицо уменьшение почти в тридцать раз! Закономерный вопрос: А зачем это нужно было гетману? Да он прекрасно видел разницу в боевых качествах профессиональной наемной армии – компанейцев, запорожцев-сичевиков или донских казаков, живущих лишь одним ремеслом – войной, получающих за это в награду помимо военной добычи еще и царское жалование, в отличие от полупрофессиональной гетманской армии – малороссийских казачьих полков, объединявших в себе одновременно и воинов и землепашцев[150]. Наличие постоянной угрозы с востока подразумевало постоянное ведение боевых действий, что было под силу лишь истинным профессионалам. А бесконечная война обеспечивала солдат вознаграждением и с другой стороны позволяла содержать их в постоянной готовности, а значит и в дисциплине, преданности своему военачальнику, ибо одно от другого неотделимо. Сокращение численности казачьих полков можно было компенсировать увеличением количества компанейцев. Время Мазепы – расцвет компанейских полков. Здесь он, как бы продолжает линию своего предшественника Самойловича, однако, от полицейских функций, которые были закреплены особой статьей при присяге на Коломаке – укрощать «своевольных», которые «оставя свои работы, производили в крае шалость и измену», компанейцев начинают использовать и с чисто военными целями – «для употребления... во всяких военных оказиях, ибо покамесь казаки передовые и реестровые с полков выберутся от долгов своих, охотницкие всегда готовы на скорые подъезды для добытия языков, для первой стражи и в час баталии первый фрунт против неприятеля выдерживают». Помимо двух существовавших компанейских конных полков – Пашковского и Новицкого, Мазепа создает охочепехотный или «сердюцкий» полк, а также личную гвардию «компанию надворной хорогви»[151]. Во главе всех компанейских полков Мазепа ставит полковника Илью Новицкого, характеризуя его «яко в делах искусного мужа». Боевое крещение компанейцы получают в

[150] Длительная Северная война вызвала явное неудовольствие и протест малороссийских казаков и их родных, что используется некоторыми историками, как одно из объяснений измены Мазепы. В тоже время упоминаний о подобном в среде донского или яицкого казачества мы никогда не встретим.

[151] Видимо ее имел в виду Величко и называл «гетманскими дворянами», поскольку состояла она из шляхтичей, скорее всего православного вероисповедания, ибо католиков в таком количестве вряд ли бы терпели на Украине. Утверждения Антоновича со ссылкой на Соловьева о том, что все наемные полки состояли из одних поляков, представляются малоубедительными, скорее всего речь шла именно о «надворной хорогви». Хотя «поляками» могли называть и компанейцев, поскольку в большинстве своем они комплектовались из выходцев с левого берега Днепра, т.е. формально подданных Польши.

1688 г. в деле против татар у реки Тясьминя. К концу XVII в. количество компанейцев увеличивается до 7 полков, а к 1709 г. до 5 охочекомонных (конных) и 5 сердюцких (пехотных) полков. (ВЭ, т. XIII, с. 83-84). Сокращение же численности малороссийских казачьих полков приводило одновременно и к уменьшению самой старшины, в первую очередь настроенной оппозиционно, реальному ослаблению ее позиций, так как уменьшалась и находящаяся в ее подчинение военная сила.

В-третьих, обуздать Запорожскую Сечь, являвшуюся пороховой бочкой для любого гетмана и всей Гетманщины в целом. Мазепа прекрасно понимал, что Сечь является знаменем для любого свободомыслия, ориентиром для возмущения всего населения. Недаром он писал Петру: «не так страшны запорожцы, как целый украинский посполитый народ, весь проникнутый своевольным духом, не желающий быть под гетманской властью и ежеминутно готовый перейти к запорожцам» (Грушевский 2001, с. 371). Ликвидация Сечи полностью, (или превращение в компанейцев[152]), в принципе соответствовала бы планам Мазепы, однако, осуществить подобное в реальности было невозможно.[153] Оставался один выход – найти им постоянное занятие, т.е. войну, и здесь история помогла гетману, обеспечив все последнее десятилетие XVII века непрерывными войнами с Турцией и Крымом.

Естественно, что не дремала и оппозиция. Много неприятностей доставило Мазепе выступление бывшего канцеляриста войсковой канцелярии, а заодно и зятя генерального судьи В. Кочубея, Петро Иваненко (Петрика)[154]. Большинство историков совершенно основательно

---

[152] Среди компанейцев было немало бывших запорожцев, например, Игнат Галаган, которому суждено будет разорить саму Сечь.

[153] Когда в 1703 г. опять начались «шаткости» запорожцев, Мазепа открыто предлагал «несколько десять бомб бросить» (ПиБ ПВ т.3, с. 364-365, т. 2 с. 213 и т.д.)

[154] Петрик, старший канцелярист при генеральной войсковой канцелярии, был женат на племяннице генерального писаря В. Л. Кочубея – Анне (Ганне). В происхождении самого Петрика много неясностей. Эварницкий именует его Петром Ивановичем Иваненко или Петричевским, Павленко приводит ссылку на свидетельство подъячего Василия Айтемирова из Крыма, что фамилия его была Сулима (Павленко, с. 131). Нет прямых доказательств связи происхождения Петрика с казацким родом Сулима, служившем, как и Степан Мазепа (отец гетмана) при Яне Казимире, но это позволяло его акцию, интерпретировать, как угодно, с одной стороны, связать с именем гетмана, чтоб обвинить его в заранее и задолго до 1708 г. спланированной измене, с другой, отвести подозрения от Кочубея. Вполне вероятно, что и сам Петрик, выбрав эту фамилию, стал самозванцем для поднятия собственного авторитета, как среди запорожцев, так и в глазах крымского хана, который дал ему «гетманство». Оглоблин считает его внуком

полагают, что за спиной Петрика стояла оппозиционная левобережная старшина во главе с В.Л. Кочубеем.

Информатор Мазепы Рутковский, находившийся в Сечи, писал гетману: «Чтобы ваша вельможность был осторожен по отношению к некоторым своим близким», открыто высказывая сомнение по поводу Петрика – «его ли это головы смысл и замысел». Кошевой И. Гусак просил передать гетману: «... как де не отсечет голов трем тамошним: первому – Полуботку, другому Михаилу[155], третьему – что всегда при нем живет[156]; сам додумается кто, тогда никогда ему не будет покоя в гетманстве, да и добра не будет в Украине» (Эварницкий Т. 3 гл. 6).[157]

Призывы Петрика были чересчур популистские – побить панов и арендаторов, вернуть запорожскому войску вольности, что были при Богдане Хмельницком, а слободские полки переселить на правый берег Днепра в район Чигирина.

Несмотря на лозунги, надежды Петрика на всеобщее восстание Левобережья не оправдались, как и попытка опереться на Запорожскую Сечь, откуда к нему прибыло всего 500 человек. Втянув в свою игру татар, которые пришли с ним на Украину в августе 1692 г. он натолкнулся на враждебное отношение населения, а Мазепе вместе с русскими войсками легко удалось их отбить. Петрик попытался повторить тоже самое в 1693 и 1696 гг., но также неудачно. В конце концов, Мазепа предложил тысячу рублей за его голову и под городом Кишенкой Петрик был убит. Таким образом, подавив антирусское восстание, к 1700 г. Мазепа только усилил свои позиции в глазах Петра I и был на вершине славы. Оставался еще один очень важный вопрос с Правобережьем Украины.

2.1.4. Правобережье

Заключение Андруссовского мира 1667 г. вызвало массовое переселение жителей Правобережной Украины на левый берег Днепра, на территории, отошедшие России. Надежды и казаков и крестьян

(по матери) полтавского полковника Ф. Жученко, другие дочери которого, т.е. сестры, были замужем за В.Кочубеем и И. Искрой.

[155] Михаил Васильевич Самойлович, племянник бывшего гетмана, Гадячский полковник.

[156] Полагают, что речь идет о Кочубее.

[157] Личные отношения кошевых Сечи и Мазепы, отнюдь не означали хорошего отношения самой Сечи к гетману.

освободиться от ненавистного польского шляхетского владычества в одночасье рухнули. Все население Правобережья понимало, что сейчас вернуться поляки и возмездие неминуемо за долгое время ожесточенных войн. Вместе с поляками вернутся как католические, так и униатские священники, снова будут отбирать церкви и обращать в свою веру. Те статьи Андруссовского договора, что на бумаге декларировали личную свободу и свободу вероисповедания, на деле никто исполнять не собирался, и сами поляки это сразу же продемонстрировали действиями полковника Махновского явившегося на территорию Брацловского полка и принявшегося приводить огнем и мечом местных жителей в повиновение. На защиту России рассчитывать не приходилось. В ответ на жалобы казаков Правобережья из Москвы отписали «чтобы они, для блага Украины, по Андрусовскому постановлению, находились в верном подданстве короля Польского» (Бантыш-Каменский 1822 II, с. 134).

Гетман Правобережья Петр Дорошенко, в качестве единственного выхода из сложившийся ситуации, решил разыграть турецкую карту. Он предложил Турции принять Украину в подданство. При всей непопулярности среди населения этой меры, учитывая извечную вражду между Украиной и Турцией, в этом был определенный смысл: с помощью Турции отстоять Правобережье от поляков, вынудить Польшу отказаться от своих притязаний в пользу Турции, а затем вновь обратиться к России, которая была не связана никакими обязательствами с последней.

Однако, реакция казачества и всего населения была крайне негативной. Лишь с помощью митрополита Иосифа Нелюбович-Тукальского, пользовавшегося чрезвычайной популярностью на Украине, удалось преодолеть недоверие местных жителей. Спохватившиеся поляки срочно рассылали универсалы по всем полкам с требованием выбрать другого гетмана и щедро раздавали обещания, в первую очередь, строго соблюдать условия Андруссовского мира. Одновременно польский посланник в Стамбуле старался убедить турок в том, что в лице Дорошенко они имеют дело с потенциальным изменником. Опираясь на войска, располагавшиеся в землях брацлавского и уманского полка, полякам удалось избрать альтернативного гетмана бывшего уманского полковника Михаила Ханенко. Правда, сами они осознавали, что «едва несколько тысяч казаков признают власть Ханенко, но своим титулом он будет импонировать Дорошенко и Татарам» (Антонович 1885, II с. 6).

Разразившаяся в 1672 г. война завершилась, как и предполагал Дорошенко, быстрой победой Турции и заключением Бучацкого договора.

Таким образом, первая часть его плана была выполнена. Гетман обращается к Алексею Михайловичу с просьбой принять в подданство Правобережье, естественно рассчитывая при этом сохранить гетманскую булаву. Но Москва не дает пока что никакого ответа, а на Левобережье в том же году избирается гетманом Иван Самойлович, который также мечтает о воссоединении разорванных частей Украины, но под своей властью.

Война между Турцией и Польшей вспыхивает с новой силой, и тогда в дело вступает Самойлович. С разрешения царя в самом начале 1674 г. значительная казацко-русская армия переправляется через Днепр, возглавляемая лично Самойловичем, а также русскими воеводами Григорием Ромодановским и Петром Шкуратовым. Популярность Самойловича на Правобережье растет не по дням, а по часам, казаки Дорошенко полк за полком переходят на сторону русских. Разгромлены союзники Дорошенко – татары. Посланные против Самойловича казаки во главе с генеральным судьей Яковом Улезкой и корсуньским полковником Михаилом Соловьем перешли на сторону левобережного гетмана. Дорошенко остался один, окруженный преданными ему сердюками в своей столице Чигирине.

Самойлович срочно собирает в Переяславле раду, где предлагает выбрать единого гетмана для двух берегов Днепра. Сюда же приглашается и Дорошенко, который отказывается принять участие в раде, пытаясь выиграть время и прося отсрочку на полгода. Самостоятельно прибыл и третий гетман – Михайло Ханенко, добровольно сложив полученную от поляков булаву. Рада единогласно провозглашает Самойловича гетманом обоих берегов Днепра. Дорошенко вынужден признать свое поражение, Чигирин сдается и принимает русский гарнизон воеводы Ржевского. Однако, на этом все и заканчивается. Гетман Самойлович уходит с войсками обратно, не испытывая желания силой оружия отстаивать Правобережье ни от турок, ни от поляков. Даже осада Чигирина турками в 1678 г. осталась без помощи Самойловича, несмотря на то, что он вновь переправился через Днепр вместе с князем Григорием Ромодановским и большой армией. Вступить в боевые действия с противником Самойлович не решился и оставил Чигирин без помощи, что привело к сдаче города.

На десятилетие Правобережье превратилось в пустыню, разоренную противоборствующими поляками и турками. Гетманы назначаются и одной и другой стороной, но власть их призрачна и формальна. Турция выдвигает сначала Юрия Хмельницкого, затем молдавского господаря Александра Дука, после Яна Драгинича, судя по фамилии серба,

а далее и вовсе отказывается от назначения гетманов. Польша в свою очередь после отречения Ханенко, долго не может найти подходящую кандидатуру. Наконец, выбор короля Яна Собесского падает на подольского полковника Евстафия Гоголя. Но под ударами турецкой армии казаки отступают на польские земли, где их никто не ждал, и они предпочли переправится на левый берег Днепра, а Евстафий Гоголь умер 5 января 1679. После его смерти гетманов более не назначали.

Начался массовый исход и казаков и жителей Правобережья на русские территории. В 1674 г. переселились полки Уманский и Брацлавский, в 1675-м – Корсуньский и Черкасский, в 1678 г. – Каневский и другие. Превращенная в пустыню местность становится уже никому не нужной. Однако, стороны заинтересованы в нейтралитете этих земель, который должен был быть подтвержден третьей стороной, гарантирующей этот нейтралитет, т.е. Россией. Это отмечено и в Бахчисарайском договоре 1681 г. между Россией и Турцией, и в Московском 1686 г. между Польшей и Россией. Особенно отчетливо это просматривается в русско-польском договоре «что те места[158] оставатись имеют пусты, как ныне суть» (ПСЗ II, с. 776).

Со временем правый берег Днепра начинает заселяться разным гулящим людом, появляются отряды удальцов, промышляющих беспрерывными набегами на татар и турок. Возникает прообраз второй Запорожской Сечи. Возникающие паузы в борьбе с татарами заполняются походами в пределы польского королевства или в Молдавию. Вследствие многочисленных жалоб со стороны шляхты Варшаве не раз приходилось отправлять отряды для очистки пустынных областей Правобережья. Подобные экспедиции были трудны и зачастую безрезультатны. Тогда король Ян Собесский решил попытаться собрать эту вольницу и определить ее на службу короне. Однако, это кончилось неудачей. Сначала в качестве гетмана был избран с подачи короля люблинский шляхтич Куницкий, но действовал он неудачно, казачий отряд был разгромлен, сам Куницкий бежал, собравшаяся рада в Немирове приговорила его к смерти и избрала новым гетманом казака Андрея Могилу (Мигулу), перебежавшего с левого берега. По мнению современников, в частности Мазепы, его характеристика заключалась в том, что «оный глупец не только пьяный, но и трезвый, разума не имеет» (Антонович АЮЗР, с. 36).

---

[158] «От местечка Стаек, вниз Днепра по реке Тясмину суть, именно: Ржищев, Трехтемиров, Канев, Люшны, Сокольня, Черкасы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин»

Создаваемые казачьи полки приносили больше проблем, чем помощи Собесскому в его упорной борьбе с турками. Шляхтичи, которые также получили от короля право набирать казаков, использовали их в собственных междоусобных жестоких конфликтах с соседями, что вызывало массу жалоб, судебных тяжб и т.п.

Но процесс продолжался, и путем естественного отбора, среди казачьей вольницы, поселившейся в пустынных областях Правобережья, стали выдвигаться лидеры, которые понимали, что организовавшись, усилившись и наведя порядок прежде всего у самих себя, можно отказаться от зависимости Польше и примкнуть к Левобережной Украине. Среди них: Захарий Искра, Самусь (Самуил) Иванович[159], Андрей Абазин и Семен Палий (Палей). Они отличились в походе Яна Собесского на Вену, и немедленно после возврата на Украину получили право набирать казачьи полки: Абазин – Брацлавский[160], Искра – Корсуньский, Самусь – Богуславский, а Палий – Фастовский[161]. В 1692 г. король назначает наказным гетманом Самуся, вручив ему булаву, знамя и прочие знаки отличия. Однако, наиболее популярной фигурой на обоих берегах Днепра становится Палий.

О происхождении Семена Ивановича Палия известно немного. Родом он с Черниговщины по одним данным из города Борзны, по другим из Батурина. Настоящая фамилия Гурко. Палий – прозвище данное ему по обычаям Запорожской Сечи, куда он отправился после того, как овдовел. От первого брака у него была дочь Прасковья, которую в 1677 г. он выдал замуж за Антония Танского, будущего полковника Белоцерковского и Киевского. По поводу прозвища «Палий» существует несколько легенд. Одна из них говорит о том, что якобы Семен не мог добиться расположения у запорожцев и, рассерчав, подпалил курень, за что и получил соответствующее прозвище. По другой, он встретил на берегу реки ухмыляющегося черта, выстрелил в него и нечистый вспыхнул пламенем и разлился смолой – «бо вин чорта зпылав». Бывший при этом кошевой Сечи сказал ему: «Иди в Украину и истребляй всяку нехристь, я вижу, что ты человек угодный Богу» (Антонович АЮЗР, с. 63).

---

[159] Фамилия этого казачьего полковника не известна. Иногда его называют Самойло Самусь.

[160] Андрея Абазина называют еще «подольским» полковником. Его казаки обживали территории бывших полков Хмельницкого – Брацлавского и Кальницкого.

[161] Семена Палия называю еще Белоцерковским полковником, поскольку его казаки занимали территории этого полка, но резиденция была в Фастове.

Из Запорожья, Палий отправился в поход на Вену, откуда вернулся уже полковником в Фастов. Здесь он вторично женился. Из его родственников, кроме дочери, упоминаются еще пасынок – Семашко и племянник Чеснок (Летопись Величко, III, с. 182).

Его размещение на землях Белоцерковского полка имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, эта местность примыкала к Киеву, что позволяло без проблем связываться и с Россией и с малороссийским гетманом, с другой, здесь располагалась одна из польских крепостей – Белая Церковь, которая считалась поляками важным стратегическим пунктом и держали значительный гарнизон[162].

Популярность Палия была настолько велика, что к нему стекались люди отовсюду, в том числе и с левого берега Днепра, отчего Мазепа обеспокоенно доносил царям Петру и Ивану: «Палий меж военными людьми имеет честь и многие ходят за его поводом... будучи здешним родимцем, в такую уже меж товариством увойшол значность... что от него малороссийским порядкам учинится помешка... многих он людей отселяя к себе потягнет и в предбудучое время тут заведет меж народа смущение» (Летопись Величко, III, с. 127-128).

Первые годы размещения полка Палия никаких проблем с поляками у него не возникало. Он в точности соблюдал условия, по которым он получил право заселения – в польские пределы не вторгался, в распрях шляхтичей его казаки участия не принимали, напротив, удачно отражали все набеги татар и наносили ответные удары. Однако, в 1688 г. Палий предпринял попытку через Мазепу связаться с царем Петром о возможности перехода в русское подданство. Москва ответила отказом, но о переговорах узнали поляки, Палий был схвачен и посажен в тюрьму в Немирове.

Одновременно в Фастов явились католические священники в сопровождении сильного польского отряда с целью перевода православных церквей в униатство. До разорения этих областей в период войн Богдана Хмельницкого Фастов считался оплотом католицизма, в нем даже располагалась иезуитская коллегия и польская типография, печатавшая богословские и политические трактаты. По преданию Палий восстановил множество церквей, при нем в Фастове действовали сразу 17 православных храмов, из них одна греческая и одна армянская церковь. Казакам удалось отстоять церкви, но изгнать поляков из города они не сумели. Весной 1689 г. Палий бежит из Немирова в Фастов, предлагает католическим священникам удалиться, когда они

[162] Второй крепостью в крае был Немиров.

отказываются выполнить его требование, по решению собравшейся рады, их казнят.

Палий вновь при посредничестве Мазепы просить принять его в русское подданство и повторно получает отказ. В качестве возможного решения этой проблемы ему предлагают перейти со всем полком на левый берег Днепра, но сделать это через Запорожскую Сечь, как нейтральную территорию, дабы формально соблюсти условия договора с поляками. Но Палий предлагал России принять полк, как территориальную единицу, а не только в качестве вооруженного отряда. Тогда Палий предложил некий новый компромисс войти полком под начальство гетмана Мазепы, принять участие в действиях против Турции, подразумевая, что после похода ему, наравне с остальными участниками войны, будет выдано царское жалование, таким образом, его полк станет частью русской армии. Это ему удается, и в 1690-1691 гг. совместно с левобережными полками – Переяславским, Лубенским и двумя охочекомонными совершал удачные походы к турецким крепостям Кизекермену и Очакову. Мазепа также хлопочет перед Петром I о принятии Палея в подданство, рассчитывая, как расширить подвластные ему территории, так и взять под свой контроль чрезвычайно популярного среди казачества полковника. Москва вновь отвечает отказом, не желая нарушать договоренности с Польшей. Тогда Палий использует уже ставший привычным аргумент возможности его перехода под протекторат крымского хана. Мазепа вновь пытается убедить Петра об опасности, предупреждая о том, что за казаками Палея, к татарам могут последовать и запорожцы. В качестве оправдания перед поляками гетман предлагает представить объяснения, что Палий по происхождению русский подданный и перевести его казаков на территорию Переяславского полка. Москва не соглашается, но поручает Мазепе тайно передать щедрые подарки Палию, чтобы отвратить его от перехода к татарам. Палий взывает о помощи, говоря, что Польша угрожает ему вторжением. Реакция прежняя. Тогда Палий решается на последнее средство: тайную передачу ему подарков, жалования и знамен он делает всеобщим достоянием, тем самым стремясь дискредитировать русское правительство в глазах поляков, вызвать конфликт между государствами. Безуспешно. В 1694 г. он совершает последний совместный поход с полками Мазепы на Кизикермен и Очаков, еще раз просит принять его в подданство, и опять получает отказ.

Тогда Палий начинает войну с мелкопоместной шляхтой, разоряя их имения и раздвигая границы своих территорий. При этом Палий ведет очень искусную политику, сохраняя самые теплые отношения

с польскими магнатами – Любомирскими, Сапегами, Замойскими и др. , понимая, что под их влиянием правительство Польши не будет обращать внимание на жалобы мелкой шляхты. На все упреки коронного гетмана Палий отвечает, что он выполняет свое предназначение, и каждый год воюет с татарами. Тем не менее, начинаются безуспешные операции по усмирению непокорного полковника. Против него отправляют польские хоругви вместе с наемными казацкими полками. Однако, последние переходят на сторону Палия. Его силы постоянно увеличиваются за счет казаков полков Самуся, Абазина, Искры, беглых крестьян и перебежчиков с левого берега Днепра. Но в открытое противостояние с Речью Посполитой Палий вступать не намерен, не чувствуя за собой поддержку Москвы. Он пишет покаянное письмо королю Яну Собесскому с обещанием, что «на самого короля (а не на тех, которые будут на меня наступать) он не подымет руки» (Антонович АЮЗР, с. 99). Это удовлетворило Варшаву, и мятежный полковник был обласкан и получил разрешение пользоваться теми территориями, что казаки самовольно присоединили. Противостояние Палия и Польши длилось почти десять лет. В 1696 г. умирает Ян Собесский и королем становится саксонский курфюрст Август II. Турецкая война завершается подписанием Карловицкого мира в 1699 г. и вал жалоб от шляхты, потесненной казаками обрушивается на польское правительство. Собранный в августе 1699 г. сейм постановляет «распустить и упразднить все полки, как пешие, так и конные, восстанавливая в полной силе закон 1646 г[163].... на гетмана великого коронного возлагается... объявить приказом своим всему казацкому войску о том, что Речь Посполитая отказывает ему в дальнейшей службе...» (Антонович АЮЗР, с. 103).

20 августа 1699 г. коронный гетман Яблоновский издает универсал, в котором предписывает всем казакам разойтись, освободить занимаемые квартиры и распустить полки. В противном случае им угрожает поголовное истребление. Понимая, что главной фигурой казацкого противостояния является Палий, но отдавая себе отчет в том, что совладать с ним не так-то просто, Яблоновский поручает коменданту Белой Церкви Брандту заманить полковника в засаду и тем самым обезглавить казаков.

---

[163] Закон 1646 г. «О вербовке нового войска» гласил: распустить все наемные полки, обязать короля не нанимать впредь войска без разрешения сейма и считать врагами отечества, лишенными чести и подлежащими конфискации имуществ, все лица, принимающие от короля «приповедные листы» на вербовку полков без сеймового на то согласия.

Неподалеку от пасек принадлежащих Палию размещается засада, а к полковнику отправляют еврея, который обычно покупал у него мед, с тем, чтобы он выманил Палия в лес для осмотра товара. Однако Палий ехать сам отказался, а вместо себя отправил с евреем пасынка Семашко. Но крестьяне вовремя заметили засаду польских солдат и успели предупредить казаков. Противник был окружен и уничтожен, а еврея казнили.

Яблоновскому ничего не оставалась более, как силой оружия исполнять постановление сейма. В сентябре 1700 г. отряд из 4000 чел., включая панцирные и гусарские хоругви, немецкую пехоту и сильную артиллерию двинулся к Фастову и ненадолго осадил его. Через некоторое время поляки отступили. В качестве причин выдвигаются разные версии. Казацкие летописи утверждают, что Палий организовал удачную вылазку, напал на польский лагерь с двух сторон и вынудил отступить. Польские источники говорят о возможном подкупе Яблоновского Палием, передавшим ему несколько бочонков с деньгами. В качестве причины отступления был распущен слух о движении на помощь осажденным с левого берега Днепра 10 000 войска гетмана Мазепы. Так или иначе, но поход закончился неудачей.

Вместе с тем начавшаяся война со Швецией и вторжение Карла XII в польские пределы заставила всех позабыть о казаках. Польско-саксонская армия терпела поражение за поражением от шведов, Карл XII требовал от Речи Посполитой свержения Августа II и избрания нового короля, по всей стране заседали сеймы и сеймики, каждый рассчитывал на личные выгоды, склонялся то на одну, то на другую сторону.

Палий посчитал, что наступил самый удачный момент для отторжения Правобережья от Польши. С этой целью он начал объединение всех сил. В Фастове по его приглашению собрались полковники Искра, Самусь и Абазин.[164] Отправлены воззвания и в Запорожскую Сечь и ко всему населению, кто только желает вступить в казаки. Мазепа доносил в Москву Головину: «По все дни приумножается к ним гультяйство, особенно из Запорожья» (Антонович АЮЗР, с. 110). Но помимо «гультяев» и запорожцев у восставшим присоединились хоть и немногочисленные православные шляхтичи. Среди них особо стоит

[164] Поляки знали о приготовлениях казаков и не оставляли попыток внести раскол в их ряды. Так в 1701 г. полковнику Искре и его сыновьям Ивану, Клименту и Григорию было предложено шляхетство, однако вследствие протестов остальной шляхты и равнодушия к этому предложению самого Искры, пожалование не состялось (Антонович АЮЗР, с. 59).

выделить Даниила Братковского, автора воззваний к православным жителям Польши с призывами единодушно восстать за угнетенную веру.

Первым в августе 1702 г. восстал полк Самуся. В Богуславе и Корсуни по его приказу перебили всех поляков, евреев. Самусь присягнул Петру I и объявил, что он находится в подчинении гетмана Мазепы. Из Богуслава Самусь направился к Белой Церкви и, уничтожив посады, осадил крепость.

Мазепа срочно писал царю: «Сдается мне, что нам эта война не очень противна, потому что господа Поляки, увидевши из поступка Самуся, что народ наш Малороссийский не может под их игом жить, перестанут о Киеве и Украине поминать ... Рассуждаю и то: не знаю, смел ли Самусь приняться за такое дело один, потому что человек он простой, писать не умеет: не подучен ли он королем встать против Яблоновских, как неприятелей королевских? Если Самусь обратится ко мне за помощью – что мне делать?» (Широкорад, 2001, с. 197-198). Тайно Мазепа переправил Самусю порох и свинец – «Чтобы его вовсе не отогнать от своего регименту».

В помощь Самусю подошли 1500 казаков Палия. Вожди восстания решили разделиться. Палий остался у Белой Церкви, а Самусь отправился и взял Бердичев, где вырезал всех поляков и евреев, после ушел у Немирову и взял эту крепость. Палий попытавшись штурмовать Белую Церковь был отбит, изобразил отступление, но оставил в посадах сильный отряд казаков. Поляки поддались на хитрость, выехали из крепости во главе с комендантом, но были отрезаны и спасаясь попали в плен к Палию. Коменданту Галицкому было предложено на выбор: или смертная казнь или сдача крепости. Галицкий согласился, выторговав единственное условие, что гарнизону сохранят жизнь. Белая Церковь сдалась.

Поднялась вся Правобережная Украина. Поляки и евреи в ужасе разбегались, распространяя панические слухи, что вернулись времена Хмельницкого. Центральная польская власть была бессильна. Их обращения к русскому посланнику Долгорукому о том, что казаки восстали вследствии русского влияния были отвергнуты. Август II лично обратился с письмом к Петру I и просил взять на себя усмирение казаков. 28 декабря 1702 г. Петр послал грамоты «конному охотницкому полковнику Семену Палею и конному охотницкому полковнику Самусю Иванову», где предлагал им прекратить военные действия, о своих обидах бить челом королю, и вместо того чтобы тревожить Речь Посполитую, обратить оружие против общих врагов шведов. В ответном

письме на имя гетмана Мазепы казаки ответили, что война произошла по вине Польши и отказаться от своих успешных действий они не могут.

Коронный гетман Любомирский даже представить не мог где он может взять войска для усмирения казаков. Он предложил договориться с Крымом, однако, на это нужны были деньги, которых катастрофически не хватало. Вместе с тем вечная вражда шляхты, усиленная разделением на сторонников Августа и Карла, сыграла свою роль. Любомирского чуть ли не открыто обвиняли в давней дружбе с Палием, что действительно имело место, и в подстрекательстве казаков к восстанию. В результате было решено снять войска с войны со шведами и под командою польного гетмана Сенявского направить на усмирение казаков. В январе 1703 г. польская армия вошла в охваченные восстанием районы Украины. Сенявскому удалось выбить Самуся из Немирова, рассеять мелкие отряды, разбить и захватить в плен Абазина. На этом Сенявский успокоился, начал суды и казни над захваченными мятежниками[165]. Палий срочно укреплял Белую Церковь, Самусь – Богуслав, Искра – Корсунь, никто и не помышлял об окончании борьбы. В свою очередь и Сенявский не стремился продолжать свой поход, поскольку польный гетман понимал, что впереди его будут ожидать главные силы противника и исход абсолютно не ясен. Поэтому он предпочел объявить, что «на Украине все тихо и спокойно, шляхте доставлена полная безопасность» и война со Швецией намного важнее, нежели возврат Белой Церкви (Антонович АЮЗР, с. 152-153)[166].

Практически на полтора года наступило затишье. Палий использовал это время на укрепление собственных сил, к нему подходили дополнительные отряды запорожцев, велось обучение крестьян, формировались полки. Если Самусь с Искрой продолжали заваливать Мазепу письмами с просьбой принять в русское подданство, то Палий понимал, что во время войны со Швецией, Польша и Россия является союзниками, момент для этого не удачный, и оставил на время эту затею. Шляхта удостоверившись, что военной помощи больше не будет, принялась снова просить вмешаться Петра I. Царь объяснял в письме Августу II от 25 февраля 1703 г., что подвластные ему казаки к вос-

[165] Абазин был посажен на кол, многих казаков постигла такая же участь, население городов и местечек, поддержавших восстание, вырезалось почти поголовно, крестьянам, заподозренным в сочувствии отрезали ухо. Сообщали о 70 000 «клейменных», что безусловно завышено.

[166] Сенявский избегал столкновений и со шведами, тайно вел переписку с Карлом XI, предлагая свою кандидатуру на польский трон вместо Станислава Лещинского.

станию не причастны, что им запрещено под страхом смертной казни переправляться на правый берег Днепра, что Палий и Самусь – подданные польской короны и он не имеет права отдавать им приказы, тем не менее он вновь им отправил в тот же день повторные увещевательные грамоты (Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Моск. Университете. 1859, Кн. 1 Отд. 2., с. 39-40).

Начинался период политических игр Мазепы. Гетман прекрасно понимал, что вмешательство русского правительства, так или иначе, неизбежно, и в конце концов предстояло сделать какой-то выбор – или принять Палия под свое покровительство, или изгнать в угоду полякам, поскольку этого требовали интересы военного союза против шведов, однако, здесь существовала опасность оттолкнуть от себя симпатии всего народа Малороссии, что на правом, что на левом берегу Днепра. В первом варианте, Палий поступал был под начало Мазепы, что гетмана также не устраивало, ибо он просто уже опасался чрезвычайно возросшей популярности фастовского полковника. Во втором, Мазепа не желал передаче Правобережья Украины Польше, да еще и силой русского оружия. Мало того, что его титул «гетмана обоих берегов Днепра» терял всякий смысл, так и вся идея объединения Украины отодвигалась на неопределенный срок. Поэтому, по мнению Мазепы наилучшим исходом было отстранить Палия, занять спорные территории под видом вмешательства в правобережные дела по просьбе поляков, а затем их можно было бы просто не передавать польской стороне и со времен привести к формальной уступке их России. Гетман начинает свою игру. Первым делом через Головина он внушает царю мысль о том, что после казней осуществленных Сенявским невозможно даже думать о подчинении Правобережной Украины полякам. В отношении Палия он сообщает откровенную ложь о явных намерениях последнего передаться Польше, в то время как Самусь и Искра по прежнему настаивают на принятии их в русское подданство. При этом Мазепа пугает еще и тем, что учитывая популярность Палия за ним может последовать и Запорожская Сечь. Поэтому, суть предложения Мазепы заключалась в следующем: вызвать под каким-нибудь предлогом Палия в Киев, задержать его там, занять Белую Церковь и пообещать полякам, что вопрос ее возвращения будет рассмотрен после завершения Северной войны.

Правда надо отметить, что какая-то доля истины в отношении Палия в словах Мазепы присутствовала. Палий вел себя очень осторожно и его ответы всем досаждавшим были весьма уклончивы. Мазепе он действительно рассказывал своих колебаниях – раз его не берут

в русское подданство, не подчиниться ли ему Польше. Полякам он объяснял, что он уже присягнул царю Петру и без его ведома не может осуществить передачу крепости, то он говорил, что сберегает ее для Речи Посполитой от возможного завоевания шведами. В любом случае, Палий умышленно тянул время, стараясь понять истинные намерения сторон и при этом соблюсти интересы казаков и жителей Правобережья.

Интересен факт визита в Белую Церковь Иоганна Паткуля, лифляндского дворянина, приговоренного в Швеции к смертной казни и находящегося на службе сразу у двух государей – Петра и Августа. Возвращаясь из Вены, куда он ездил с поручениями от Петра I, Паткуль случайно встретился с польным гетманом Сенявским, который просил его заехать в Белую Церковь в качестве посланца царя и провести переговоры с мятежным полковником, а заодно проведать его силы. Переговоры закончились безрезультатно. Палий попросил Паткуля представить ему письменный царский указ и судя по всему щедро одарил хитроумного лифляндца, поскольку вернувшись из Белой Церкви, неудавшийся переговорщик заявил Сенявскому, что с изменниками он договариваться не может, сам Палий человек бездарный, не умеющий даже мыслить, днем и ночью пьяный, но при этом войск у него достаточно, и поэтому он не рекомендует Сенявскому продолжать военные действия, а лучше обратиться против шведов. Вопрос с наказанием Палия Паткуль предложил передать на рассмотрение Петра I. Позднее Паткуль признавался, что Палий был «единственный человек, который в это время мог бы еще оживить упадшие силы Речи Посполитой» (Антонович АЮЗР, с. 164).

В феврале 1704 г. Петр I направляет Палию еще одну увещевательную грамоту, требуя передать Белую Церковь полякам, угрожая, в случае отказа, заставить казаков силой. Но уже в апреле Мазепа получил царский указ переправится через Днепр и выступить против шведов через польские земли. В начале мая гетманские полки перешли на правый берег у Киева и Мазепа призвал к себе всех трех полковников – Палия, Самуся и Искру, для обсуждения совместных действий. Переход русских войск был расценен населением Правобережья, как сигнал к восстанию, и первыми тут же поднялись района только что испытавшие на себе всю жестокость расправ Сенявского. Это абсолютно не устраивало Мазепу. Возобновилась его переписка с Головиным, где он постоянно обвинял Палия в разжигании крестьянских бунтов, которые разоряют поляков вместо совместной борьбы со шведами, сам фастовский полковник «постоянно пьян и день и ночь...

ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной и никогда никакой власти над собой иметь не хочет». В довершении всего Мазепа сообщил Головину о якобы имеющихся уликах, подтверждающих связи Палия со шведами. Головин предложил или направить Палия в Москву или арестовать на месте. В качестве доказательств Мазепа привел показания некоего еврея из Фастова, сообщившего, что он исполняя поручение Палия ездил к бывшему коронному гетману Яблоновскому, с которым Палий был хорошо знаком, и тот обещал полковнику жалование от Карла XII и передачу в потомственное владение всей Белой Церкви. Заманив Палия к себе в лагерь на пиршество Мазепа арестовал его вместе с пасынком Семашко и переправил поскорее в свою резиденцию в Батурин. Фастовские казаки были окружены, часть их командиров была подкуплена. Так зять Палия Антоний Танский получил от Мазепы села Яхны и Микитинцы в Корсуньском повете, его племянник Карп Чеснок – село Кривое и пасеку в Уманщине, казакам были розданы лошади, скот и хозяйство арестованного полковника. (Черниговские епархиальные ведомости, № 7, с. 266). Белоцерковский полк принял родственник Мазепы Михаил Омельянович[167].

Мазепа тут же сообщает Головину свое мнение о занятых территориях Правобережья: «Изволите вы желать, чтоб я сообщил вам свое мнение об уступке полякам сей стороны Украины... предлагаю, что много есть трудностей и препон в осуществлении сего... главное же неудобство: близкое в таком случае соседство поляков с запорожцами и Крымом... города сии должны оставаться непременно за Великим Государем, ибо, если они отойдут во владение поляков то, кроме многих других затруднений, все малороссияне перейдут на сию сторону Днепра, избегая повинностей, особливо из порубежных полков: Переяславского, Лубенского и Миргородского, которых жители имеют многие старинные грунты и угодия на сей стороне (Бантыш-Каменский III, с. 50).

Зная обо всем уже свершившимся, т.е. занятие Мазепой Правобережья, Петр подписывает с поляками сразу после взятия Нарвы соглашение о продолжении совместных действий, в котором оговаривается специально, что раз «светлая Речь Посполитая, по причине нынешних обстоятельств, сами против непослушного своего подданного, Палия, права изобрести никак не могут, потому... Его Царское Величество

[167] После измены Мазепы ни один из правобережных полковников не последовал его примеру. Однако, Омельянович был подозрителен, как родственник гетмана, поэтому по соглашению между Скоропадским и князем Голицыным он был отстранен в апреле 1709 г. и арестован.

принимает то на себя, что Палий, добрым ли или худым способом, принужден будет крепости и города, взятые во время бывших недавно в Украине замешательств, возвратить оные... как найскорее быть может, а по крайней мере до преъидущей кампании, отдать, обещая Палию вечное забвение, если... добровольно отданы будут» (ПСЗ IV с. 266).

Мазепой Палий был уже нейтрализован, так что первую часть обещаний русская сторона выполнила, соответственно был запас по времени до кампании следующего 1705 г. Совершенно ясно, что Мазепа возвращать что-либо полякам был не намерен. Первым делом он успокоил шляхту, разослав универсалы, объявляющие его приход на Правобережье, как союзника Польши в борьбе с общим врагом шведами (АЮЗР с. 632).

Из казаков Правобережья окончательно формируется семь полков: Белоцерковский – Омельяновича, Богуславский – Самуся, Корсуньский – Искры, Чигиринский – Галагана[168], Брацлавский – Иваненко, Могилевский – Волошина и Уманский – Кандыбы. Казакам запрещалось притеснять и грабить имения шляхты. Но если своих казаков Мазепе удавалось удерживать, то бывших «палиевцев» с трудом. Да и чрезвычайно остро встал вопрос снабжения всей армии. Гетману самому пришлось то накладывать контрибуции на имения шляхты, стараясь делать это выборочно, в основном сторонников партии Лещинского, то собирать деньги с католического духовенства, то порой даже силой отбирать провиант, необходимый для содержания армии. Посыпались жалобы не только самому Мазепе, но и выше – Петру, Меншикову и другим русским вельможам.

Опальный Семен Палий был сослан в Енисейск, но как только вскрылась измена Мазепы, фастовский полковник был немедленно возвращен, в конце марта 1709 г. прибыл в Воронеж, где был «зело изрядно принят и награжден его Царского Величества милостью». Имеются сведения, что Палий принимал участие и в Полтавском сражении, однако, полковник был уже в весьма преклонном возрасте, годы, проведенные в ссылке, подорвали его здоровье. Поэтому он ограничился ролью свидетеля. Ему было разрешено вернуться в Белую Церковь и снова принять полковничью должность, однако, в грамоте Петра он именуется не Белоцерковским полковником, а охотницким. Царь оття-

[168] И. Галаган до этого возглавлял компанейский полк из запорожцев, на Чигиринский в 1708 г. был поставлен К. Мокиевский, свояк Мазепы, ранее снятый с Киевского полка, однако полк остался верным Петру I и был передан И. Галагану после разгрома Сечи.

гивает обещанное полякам возвращение Правобережья, сперва ссылаясь на неурядицы в самой Польше, связанные с наличием враждебной партии Лещинского, затем, уже после Полтавы на эти территории начали вторгаться сторонники самопровозглашенного гетмана Филиппа Орлика, преемника Мазепы и изгнанные из Сечи запорожцы.

Семен Палий умирает в начале 1710 г. и его место занимает зять Антоний Танский, когда-то пожалованный Мазепой несколькими селами за измену своему тестю. На следующий год на Правобережье вторгаются татары, несколько польских хоругвей из сторонников Карла XII, запорожцы К. Гордиенко и казаки Орлика. Организованного сопротивления не было, за исключением полков Галагана и Танского. Это объяснялось тем, что и казаки и жители Правобережья устали от своего неопределенного положения – не принимаемые Россией в подданство и находящиеся в постоянной угрозе передачи их Польше. Но и силы нападавших быстро расстроились – татары, награбив, развернулись обратно в Крым, поляки проследовали дальше, поднимать сторонников Лещинского, казаки Орлика и запорожцы попытались штурмовать Белую Церковь, но были отбиты и вынуждены отступить. Этот набег явно показал русскому правительству всю значимость Правобережья в предстоящем турецком походе, и при его удачном завершении не могло быть и речи о возврате этих земель Польше. Однако, в результате Прутского договора, Петр был вынужден отказаться от этой мысли и очистить правый берег Днепра. 23 сентября 1711 г. последовал царский указ: «оставить заднепровскую Украину полякам, тамошним полковникам с полковой, сотенной и рядовой казацкой старшиной, с казаками и прочими, в подданстве нашем верно быть желающими, с женами и детьми, с их движимыми пожитками, на жилище перейти в малую Россию...» (АЮЗР с. 756). Переселение на самом деле началось еще раньше, сразу после набега Орлика и запорожцев. Скоропадский обратил внимание царя на ту легкость, с которой Орлику удалось взять города и местечки, намекая на ненадежность жителей Правобережья. После измены Мазепы Петр легко верил подобным утверждениям и его отношение явно видно из письма к Меньшикову от 3 мая 1711 г.: «Заднепровская Украина вся была к Орлику и к воеводе Потоцкому пристала, кроме Танского и Галагана, но оную изрядно наши вычистили и оных скотов иных за Днепр к гетману, а прочих, чаю, в подарок милости вашей, в губернию на пустые места пришлем» (АЮЗР с. 192). Царь легко превращал подданных польской короны в крепостных, неважно были это казаки или крестьяне. Для него – скоты, раз на них пало подозрение в пособничестве изменникам-мазепинцам и запорожцам.

Переселение было довольно масштабным и завершилось к концу 1714 г., когда Белая Церковь была передана польским комиссарам. Сразу после этого на Правобережье с юга вторглись запорожцы и сторонники Орлика, с севера вошли поляки краковского воеводы Юрия Любомирского. Однако, силы были неравны, и казаки отступили под давлением польских хоругвей. Снова, как и тридцать лет назад Правобережье превратилось в пустыню. Вернувшаяся в свои владения шляхта обнаружила брошенные, разоренные города и местечки. Со временем крестьяне стали появляться, заманиваемые щедрыми посулами, но своего отношения к населению шляхта изменить в корне не могла, что и привело во второй половине XVIII столетия к новой форме протеста, получившей название «гайдамачество».

2.1.5. Слободщина

На южных рубежах Московского государства в 1636-1640 гг. воздвигается целый ряд укрепленных городков, получивших название Белгородская черта, и протянувшаяся на 300 верст между реками Ворсклой и Доном. Эта черта представляла из себя сплошной земляной вал, охраняемый двенадцатью крепостями – Вольное, Хотмыжск, Карпов, Белгород, Нижегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск и Коротояк[169]. Именно здесь, Муравским и Изюмским шляхом татары прорывались на Русь. Южнее черты лежали дикие заповедные никому не принадлежащие земли.

Непрерывные казацко-польские войны первой половины XVII в. на Украине вынуждали местное население покидать родные села и в поисках более безопасных мест, селится поближе к российским рубежам, надеясь на защиту и покровительство русского царя.

Москва изначально поощряла такое переселение, поскольку тем самым усилилась и охрана пограничных рубежей. Берестецкая битва и поражение Богдана Хмельницкого с последующим подписанием Белоцерковского договора, сводившего на нет все прежние его достижения, вызвали еще более массовый отток населения Украины. Царь Алексей Михайлович распорядился: «Не препятствовать ни в чем поселяющимся народам и не делать никаких затруднений в расположении и устройстве их поселений и объявить им Его Царского Величества милость, обнадежив, что и впредь царской милостью они жалованы

[169] Ныне города и села Белгородской, Курской (Яблоново) и Воронежской обл. (Верхососенск, Ольшанск и Коротояк).

будут» (Филарет 1857, с. 37). Следует отметить интересную деталь: на Слободщину принимали только семейных, «а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать, сказывать, чтобы шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти...» (Сватиков 1924, с. 33).

Первыми в 1652 г. переселилась на Белгородчину тысяча казаков Острогожского полка Ивана Дзинковского. Правда, их поселение было не самовольным, а по «зазывной» грамоте воронежского воеводы Арсеньева. Казаки просились в Путивль или Белгород, но им было определено место на берегу реки Тихая Сосна, где они заложили город Острогожск.

В том же 1652 г. основан город Сумы, давший имя еще одному полку, на год или два позднее еще два города – Ахтырка (Ахтырск) и Харьков. Изначальное отличие будущих казачьих полков, как территориальных единиц, от левобережной и правобережной Украины, заключалось в том, что наряду с казаками здесь присутствовал обязательно московский воевода и служивые люди. Несколько непонятен был их статус по отношению к казакам, поскольку формально воеводе «тех черкас ведать ни в чем не велено», а лишь заниматься «городовым строением... посоветовавшись с черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами». Естественно сразу возникли недоразумения. Московские воеводы, привыкшие к безусловному повиновению местных жителей своей власти, точно также стремились подчинить себе казаков, тем более что их силами должны были быть возведены крепостные укрепления. Казаки отказывались, мотивируя это следующим: «Мы людишки бедные, голодные, еще пашни не распахали, хлебом не обзавелись и дворами не построились... делать де нам такой острог не в мочь» и даже грозились «от такого острожного дела разбрестись» (Альбовский 1895, с. 28). Кроме того, «черкасы учинились непослушны» и отказались нести сторожевую службу в степи и исполнять другие наряды. Воеводам было не по нраву, что казаки свободно занимают земли, не несут никаких повинностей, не признают никаких законов, кроме своего «обыкновения», при этом все время поминая царский указ о милости к ним и запрете на какие-либо «затруднения» для них. Они пытались жаловаться на казаков, но их жалобы оставались без внимания Москвы, правительству была гораздо важнее безопасность южных рубежей, которую дополнительно обеспечивали переселенцы. Так или иначе, но крепости возводились. Например, Харьков представлял из себя четырехугольное укрепление с дубовым тыном общей длиной периметра в версту, десятью башнями, окруженное рвом, перед которым был установлен частокол из кольев, вбитых в дубовые колоды.

Население стали называть слобожанами, а весь край Слободской Украиной. Происхождение этого слова объясняется историками слободских полков тем, что на украинском наречии «свободное поселение и занятие земли» звучит как «поселиться слободно», т.е. свободно. С другой стороны, русское слово «слобода» означает пригородное поселение, что в принципе соответствовало полковому территориальному устройству – город, он же главная квартира полка и сотенные местечки, расположенные неподалеку. Поэтому, ни с чьей стороны возражений по такому названию не было.

Назвать конкретную дату образования слободских казачьих полков представляется сложным. Историк Харьковского полка Альбовский предполагает, что до 1668 г. правильного деления на полки еще не было. Царские грамоты обращались к «нашим, Великого Государя, служивым и всяким жилецким людям, именно черкасам», а начиная с 1668 г. они уже шли на имя конкретных полковников.

Помимо упомянутых уже Острогожского, Сумского, Ахтырского и Харьковского полков, встречается еще название Балаклейского[170] полка Якова Черниговца, управлявшего им до 1673 г., а затем соединившегося с Харьковским полком. В 1685 г. из Харьковского полка выделился Изюмский слободской полк.

Примечательно то, что все историки слободских полков очень ревниво относились к Острогожскому полку, выделяя его из всех остальных тем, что он был образован по «зазывной грамоте», а не самовольно,[171] службу нес совместно с московскими служивыми людьми, находился на удалении от прочих слобожан, во всех военных походах также действовал отдельно, и к слободским его причислил только Петр I в 1700 г. Кроме того, грамотой Алексея Михайловича 1668 г. этим трем полкам было повелено находится в ведении Посольского приказа, тем самым подчеркивая союзнические отношения. Острогожский полк видимо остался в подчинении Белгородского воеводы.[172]

В своем административном отношении слободские полки ничем не отличались от малороссийских, за исключением одно, но весьма важной особенности. Во главе каждого полка стоял полковник, из-

[170] г. Балаклея Харьковской обл. Украины.

[171] Имеется в виду, что остальные казачьи полки сначала самовольно заселились, и лишь потом присягнули московскому царю.

[172] См. Багалей 1887, с. 421; Квитка 1883, с. 26; Головинский 1865, с. 57, Альбовский 1895, с. 18-19. На самом деле, автору кажется, что здесь закралась ошибка, так как в «Росписи ратным людям» 1681 г. числится 4 слободских черкасских полка, а Изюмский полк сформировался и отделился лишь в 1685 г.

бираемый полковой радой пожизненно, что делало его чрезвычайно самостоятельным и наделяло очень большой властью, вплоть до права смертной казни. Официально полковник не подчинялся воеводам, но в реальности дело обстояло несколько иначе.

Так же, как в Малой России, полк являлся административно-территориальной единицей и делился на сотни, представлявшие из себя значительный участок земли со всеми городками, селами и хуторами, находящимися на нем. Именовалась сотня по главному месту расположению ее старшины.

Полк состоял из выборных (сотенных, ранговых, реестровых или регистровых, позднее компанийцев) казаков, которые кроме военной обязанности, других повинностей не несли. Кроме них имелась еще собственная гвардия полковника – хорунжевые казаки, состоявшие при прапоре – штабе. Из старшинских детей набиралась команда полковых казаков, предназначенных для выполнения отдельных поручений, но из них назначались сотники на открывающиеся вакансии.

Семейства казаков также разделялись на две группы. К первой относились те семьи, из которых выбирался казак способный нести строевую службу, ко второй, не выставлявшие казака, но содержавшие его. Иногда их еще использовали в походах, как погонщиков. Вторая группа казаков носила наименование «подпомощники». Если они не имели собственного хозяйства, то бы обязаны работать на ту семью, которая выставила казака на службу. В этом случае их назыали «подсоседками». (Альбовский 1895, с. 88-89).

Так же как и в Малой России в слободах имелось крестьянство – поспольство – владельческое, отрабатывавшее на хозяина земли барщину, максимальный размер которой составлял 2 дня в неделю; монастырское и свободное. Главным их преимуществом было право свободного перехода с места на место.

Вторым лицом после полковника был полковой обозный, в обязанности которого входило заведование артиллерией и крепостями. Кроме него к старшине относились: полковой судья, два полковых есаула, хорунжий, два полковых писаря. Все эти лица составляли полковую раду, где они имели равные голоса, кроме полковника, который имел два голоса. Управление сотней также осуществлялось старшиной, состоявшей из сотника, атамана, есаула и хорунжего.

Вооружение казаков состояло из сабли, преимущественно турецкой, пистолетов и ружей («пищали, ручницы»), также по большей части турецкого производства, хотя встречались немецкие и тульские, боевые припасы носились в рогах, лядунках и барашах (мешках для

пуль). Лошади были самых разнообразных пород под высокими польскими или черкесскими седлами с короткими, по-татарски, стременами, что уродовало посадку и не делало ее крепкой, зато позволяло всаднику легко отклоняться в любую сторону в сабельной схватке с противником.

Одежда казака состояла из черкески с откидными рукавами, нижнего полкафтанья, широких шаровар, заправленных в сапоги. Цвет ее выбирался самим хозяином. Слободские казаки носили меховые шапки, преимущественно из смушки.

Волосы стригли обыкновенно в кружок, носили огромные длинные усы, а бороды брили.

Период гетманских измен в слободских полках прошел довольно спокойно. Попытки мятежного гетмана Выговского привлечь слобожан на свою сторону были неудачны. Сумский полк в который был направлен «прелестный» универсал мятежного гетмана, заявил, что «слобожане – не гетманцы, и за бесчестие считают равняться с ними после их измены царю и присяге» (Голодалинский 1902, с. 35)

Также, несмотря на то, что в одно время следующий мятежный гетман Брюховецкий пользовался поддержкой Сечи во главе со знаменитым кошевым Серко, слобожане не подчинились ему. Попытки правобережного гетмана Дорошенко развязать антимосковское восстание имели некоторый успех в Харьковском полку – были убит полковник Репко и сотник Федоров, но в целом полк остался верен присяге, за исключением небольшой группы казаков – «Ивашка Кривошлык да Степка и Тарас – человек с двадцать» (Филарет 1857, с. 53).

Восстание Степана Разина относительно миновало казачьи слободские городки, хотя и были отмечены ряд волнений в Чугуеве, Царевоборисове, Балаклее и Мерефе, которые были быстро подавлены. Серьезнее обстояло дело в Острогожском полку, где восстание поддержал полковник Дзинковский, за что был казнен.

Для отражения постоянных нападений татар слобожане возводили протяженные оборонительные валы, под защитой которых строились новые городки и села. Это приводило к укрупнению отдельных полков и в 1685 г. появляется новый слободской полк – Изюмский, получивший 8 сотенных местечек от Харьковского полка.

Слободские полки жили в непрестанной опасности татарского налета, который представлял из себя следующее: при нападении летом, когда высокая трава примятая большим количеством всадников, (татары уходили в поход, имея по две-три лошади каждый, что увеличивало зрительно численность орды), могла легко выдать численность

нападавших, за двадцать-тридцать миль до незримой границы орда делилась на четыре части, три из них расходились вперед, вправо и влево, а четвертая отступала немного назад и оставалась в качестве резерва. Каждая из трех ушедших дальше, делилась в свою очередь еще несколько раз на три отряда, доходя всего до десятка человек. Естественно, что трава примятая копытами лошадей быстро поднималась и скрывала какие-либо следы. В тоже время «сторожи», высланные вперед для наблюдения за противником обнаруживали лишь малочисленные отряды, что часто вводило в заблуждение слобожан и царских воевод. Татары, проделав этот маневр на крупной рыси в течении полутора часов, сходились в условленном месте и нападали в гораздо большем числе, чем предполагалось. Штурмовать укрепленные городки они избегали, ограничиваясь грабежом окрестных сел, убийством и уводом в плен жителей, которые не успели спрятаться за укреплениями. Залог успеха своих набегов татары видели во внезапности нападения, а также непрерывной разведке, которую постоянно вели небольшие партии, а то даже и одиночки.

Жители сел обязательно ставили на возвышенном месте своеобразные смоляные маяки, которые немедленно поджигались при нападении, тем самым извещая об опасности и позволяя собрать силы для погони. Обремененные награбленной добычей и пленными татары уходили гораздо медленнее, обнаружив погоню, часто бросали награбленное, и это был, пожалуй, единственный шанс как-то спасти в первую очередь людей. Если попавших в плен мужчин еще можно было выкупить или обменять на пленных татар, то женщины обычно назад не возвращались. В набеге 1680 г. на Харьковский полк уведено в плен 337 человек и почти 13 000 голов скота, в 1693 г. потери составили 1915 чел. (из них большинство пленными – 838 мужчин и 1009 женщин) и угнано 4902 головы скота и т.д. (Альбовский 1895, с. 73-78).

Помимо собственных действий против татар слободские полки начинают привлекать и к совместным походам с русскими войсками. Так, в 1678 г. Сумский (300 чел.) и Ахтырский (1200 чел.) участвуют в обороне Чигирина, позднее в Крымских походах В.В. Голицына, где также наибольшие потери выпали на долю Сумского и Ахтырского полка. В Азовские походы Петра I все слободские полки входили в армию Шереметьева, за исключением Острогожского, ушедшего под Азов.

Интересны цифры численности полков. Например, Харьковский полк состоял в 1677 г. из 7773 казаков, в 1691 г. – 7005 казаков (вследствие отделения Изюмского полка), в 1698 г. – 7939 казаков (Багалей 1887, с. 561). Однако, эти цифры несколько искажают общую картину

полка, как боевой единицы, ибо представляют общую численность лиц, принадлежавших к казацкому сословию. Исходя из того, что на каждого выборного казака, т.е. находившегося на службе, приходилось от 2 до 8 «подпомощников».[173] Приблизительный подсчет не устраивал и правительство Петра, по этой причине было установлено штатное расписание. Грамота от 28 февраля 1700 г. определяла, что выборных казаков, их назвали теперь компанейцами, в полках должно быть: в Харьковском – 850 чел., (а всего чинов, со старшиной, пушкарями, писарями и т.д. – 1011 чел.), в Ахтырском – 820 чел., в Сумском – 1200 чел., в Изюмском – 250 чел., в Острогожском – 350 чел. (ПСЗ IV №1771). Вместе с этим исчезает и выборность командиров полка, их теперь назначает царь. Справедливости ради, надо заметить, что рассматривались челобитные казаков с просьбой назначить того или иного старшину, но скорее всего подобные назначения совпадали с пожеланиями царя. Так после смерти в 1706 г. полковника Ф.Г. Донца-Захаржевского, командовавшего Харьковским слободским полком, казаки подали «полковую заручную челобитную» с просьбой назначить им в полковники Изюмского полковника Федора Владимировича Шиловского, являвшегося зятем покойному. Царь Петр утвердил его кандидатуру и даже произвел в бригадиры. Последний факт, между прочим, весьма примечательный – казачьим полком командует армейский чин, что говорит о совершенно другом отношении военного командования к слободским полкам – как к регулярным. Острогожским полком с 1680 г. и вовсе командовал иностранец – Iones Sasones, который не мог по-русски подписать даже свою фамилию. А после его смерти, полковником вновь назначают иностранца Буларта[174]. (Багалей 1918 г. – С. 78.).

Челобитные казаков о назначении себе полковников безусловно отражали внутреннюю конкуренцию среди старшин, стремившихся занять высшую ступень власти. И переход от выборности полковников к их назначениям Петром I обострил борьбу внутри полковой стар-

[173] По «Росписи перечневой ратным людям» 1681 г. значится: По Белгородскому разряду – в Белгороде в подчинении у полковника Григория Горюшкина 8086 черкасс (без Харьковского и Острогожского полков); в Усерде, у полковника Микиты Дромонта Острогожский полк – 1725 чел.; в Чугуеве, у генерала Григория Косагова Харьковский полк – 5055 чел. Всего: 14566 чел. (Роспись перечневая ратным людям, которые в 189 году росписаны по Разрядам. М. 1842 г.) Все это несколько не сходится с цифрами представленными Д.И. Багалеем. С другой стороны, здесь четко прослеживается подчиненность слободских полков начальным ратным московским людям.

[174] С 1711 г. Харьковским полковником также был назначен молдавский дворянин П.В. Куликовский, прибывший в Россию вместе с князем Кантемиром накануне Прутского похода.

шины. Так например, в Ахтырском полку наказной полковник Андрей Прокофьев, поддержанный частью казаков писал доносы на командира полка Ивана Ивановича Перекрестова, оставшиеся казаки писали челобитные в его защиту. Позднее, та же борьба развернулась между Романом Кондратьевым, сыном сумского полковника, и Перекрестовым. Но тут решающее слово осталось за белгородским воеводой Борисом Петровичем Шереметьевым, благоволившим к ахтырскому полковнику. В присутствии многочисленных свидетелей Шереметьев «бил смертным боем» Кондратьева (Твердохлебов 1887 г., с. 152—170).

Гетманская Украина также пыталась переподчинить Слободские полки себе и во времена Самойловича и при Мазепе. Оба гетмана стремились распространить власть своего «регименту» на Слободскую Украину, куда перешла значительная часть согнанного из исконных земель населения Правобережной Украины. Переговоры по данному вопросу проводили в конце 1690 года представители Ивана Самойловича – гадяцкий полковник Михаил Самойлович и Иван Мазепа, тогда еще только знатный войсковой товарищ. Московское правительство отнеслась к этому негативно.

Будучи уже гетманом Иван Мазепа повторно поднял вопрос о передаче слободских полков под свою власть. Это было связано с тем, что в 1696 году слободские полки, за исключением Острогожского, временно переходят под командование гетмана Мазепы и под его командованием входят в состав армии Шереметьева. В задачу этой армии входила охрана границ в районе Коломака от нашествия татар.

В 1698 году слободские полки вновь переходят под командование гетмана Мазепы и принимают участие в походе князя Долгорукого к Перекопу, а также в осаде этой крепости русскими войсками. Воспользовавшись этим, Иван Мазепа снова ставит вопрос о передаче этих полков под свою власть и снова московское правительство отказывается это делать (Альбовский, с. 91-93).

Отношение слободской старшины к этим планам было двойным. Старшина Сумского и Ахтырского полков, тесно связанная родственными отношениями с Гетманщиной, в целом эти планы поддерживала, тогда как старшина Харьковского, Изюмского и Острогожского полков хотела оставаться под непосредственной властью царя, требуя для себя больше автономных прав.

Слободские полки изначально обладали значительными привилегиями: право занятия свободных земель, устройства мельниц на реках; устройство казацкого самоуправления, с запретом воеводам вмешиваться в его функционирование; беспошлинное занятие рыбной

ловлей, винокурением и продажей вина; освобождение от податей и повинностей, за исключением воинских; право взимания таможенных сборов при проезде через мосты и перевозы. Подобные льготы не раз пытались отменить, но казаки посылали челобитные, ссылаясь на грамоту царя Алексея Михайловича 1665 г.[175] В 1697 г. Петр I приказал обложить подушной податью в 1 рубль всех подпомощников, но в 1700 г. отменил ее, введя четкое штатное расписание полков и возложив все обязанности на содержание полка на подпомощников – «чтоб скудности им никакой не было» (ПСЗ IV, №1771).

В Северной войне слободские полки приняли участие на первом ее этапе в 1701-1702 гг. Вплоть до зимы 1708-1709 гг. они находились в своих городах и селах. Однако, именно в это период и случился знаменитый конфликт по поводу Бахмутских солеварен, явившийся прологом к восстанию К.Булавина на Дону.

На рубеже XVII-XVIII вв. разгорелись споры между донским казачеством и населением Изюмского слободского казачьего полка по поводу земельных массивов в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная. Украинские переселенцы, направлявшиеся на реки Айдар, Деркул, Евсуг и Калитву, остановились на Изюмской Луке, на Торских озерах, реках Береке и Осколе, встретив противодействие со стороны татар и донских казаков. Возникший при этом спор имел не столько территориальную, сколько политическую подоплеку. Москва считала нужным окружить Земли Войска Донского землями, подконтрольными государству. Исключение составляли территориальные массивы северной части Донецкого бассейна, еще не заселенные по причине татарской опасности.

Влияние царского правительства на ход событий усилилось в связи с конфликтом из-за территориальных массивов, расположенных по рекам Бахмут, Красная и Жеребец, возникшим между населением северо-западной окраины Донской Земли и Изюмским слободским полком. Причиной конфронтации и последовавшего обращения противных сторон к Москве за её прекращением стали Бахмутские солепромыслы. В этот район устремились переселенцы с Дона и Слобожанщины, и, начиная с 1703 г., начались взаимные оскорбления, грабежи и убийства. К тому же проблемная ситуация накалялась в связи с тем, что существовала постоянная угроза нападения татар. Несмотря на то,

[175] С 1665 по 1669 гг. Белгородский разряд, которому подчинялись в это время слободские полки, попытался обложить оброком шинки, таможни и мосты, но царская грамота от 5 мая 7177 г. (1669) вновь освободила их от налогов и даже вернула уже уплаченные в казну деньги. Тогда же полки и были переведены в Посольский приказ.

что конфликты провоцировались, главным образом, изюмским слободским полковником Ф. В. Шидловским, правительство Московского государства изначально приняло сторону украинских переселенцев, что вполне соответствовало его политике в отношении донцев, формально забрав солепромыслы в казну, и в довершении поставила укрепление Бахмут, даже образовав Бахмутский казачий полк, состоящий их городовых казаков. Дальнейшие события привели к масштадному выступлению донских казаков.

Ф. Шидловский, ставший бригадиром, к этому времени возглавивший Харьковский[176] и Изюмский полки, со своими полками принял самое деятельное участие в подавлении и расправе с восставшими. По окончании бунта Петр I прислал бригадиру Ф.В. Шидловскому и «прочей тамошней старшине и казакам» грамоту из Лебедина (от 12 декабря 1708 г.), где «милостливо похвалял» харьковских и изюмских казаков за их верную службу, которые они «действом показали» (Альбовский, с. 107-108).[177]

С января 1709 г. слободские полки действуют против шведов под Веприком и Ахтыркой. Затем, после отхода войск Карла XII обратно на Гетманщину, отбивают нападения отдельных отрядов запорожцев, перешедших на сторону шведов. С 1710 г. начинаются набеги татар, вместе с которыми действовали и остатки мазепинцев во главе с Филиппом Орликом. Разорены Водолаги, Мерефа, Валки, Перекоп и другие местечки. С жителями Водолаг, прельстившимися посулами Орлика и перешедшими на сторону мятежников, поступили, как с дезертирами. Нагнавший их отряд малороссийских казаков полтавского полкового судьи П. Кованько захватил в плен, переправил в Полтаву, где был казнен каждый десятый. Помимо набегов татар и запорожцев, продолжавшихся до 1720 г., в 1718-1719 гг. Слободскую Украину посетила моровая язва, от которой умерло много казаков.

Продолжалось и постепенное уравнивание Слободщины с остальными областями России. Одной рукой Петр подтверждал привилегии слободских полков, но другими указами неуклонно обрезал. В 1708 г. Слободская Украина вошла наравне со всеми землями России в Киевскую и Азовскую губернии, а значит, на нее должно было распространится и налоговое бремя. Однако, Петр поступил несколько иначе:

[176] Наказным (походным) полковником Харьковского полка при этом был племянник бригадира Ф.В. Шидловского – Лаврентий Иванович Шидловский.

[177] 23 апреля 1711 г. бригадир Ф.В. Шидловский был арестован, приговорен к лишению чинов и конфискации имений из-за ссоры с А.С. Меншиковым. Позднее оправдан, возвращен в армию с чином генерал-майора, но без возврата конфискованного.

начиная с 1709 г. здесь размещается т.н. Украинская дивизия русских войск, ответственность за постой которой легла на слободские полки с их подчинением русскому генералитету. Мало того, что это легло тяжелым бременем на слободчан, так еще значительно ограничило полномочия и власть полковников. Отныне и полковая старшина стала назначаться русскими генералами начальниками дивизии. Помимо русских войск на плечи слободских полков возложили обязанность содержать и шведских пленных, в огромном количестве оказавшихся здесь после Полтавы.

С 1711 г. в Слободской Украине расселяют молдаван и сербов, передавая им полковые села и деревни, и сразу освобождая от всех податей. Это сразу вызвало столкновения между коренным населением и пришельцами.[178]

Указом 29 мая 1719 г. всем слободским полкам по судебным и уголовным делам велено быть под ведомством белгородской провинциальной канцелярии Киевской губернии (ПСЗ т. V, №3380). Это серьезно понизило роль полковников, как единых вершителей жизни слободчан. Теперь любой мог обжаловать их действия белгородскому воеводе и даже дальше, в Курский надворный суд.

Слободские полки стали привлекать и к работам мало связанным с военной службой. В 1713-1714 гг. казаки принимали участие в размежевании границ между Россией и Турцией по окончанию войны, а в 1718 г. было велено от каждых семи дворов направить одного человека в Петербург, на строительство Ладожского канала сроком на 8 месяцев (ПСЗ т. V, №3233). На каждых трех работников полагалось взять с собой заступ, лопату, кирку и топор. Остальные шесть дворов, которые не выставляли работника, обязывались заплатить в казну из расчета полтора рубля на первый месяц и по рублю на остальные семь для закупки продовольствия – казна за свой счет этого делать не собиралась. Всего было собрано 50 362 рубля, отсюда можно определить число слободских казаков, направленных на работу – 5925 чел.

Тяжелые работы, непривычный климат, плохие условия проживания служили причиной высокой смертности среди казаков. Точных данных по всем полкам нет, но имеются сведения по Ахтырскому полку: в 1719 г. умерло 260 казаков, а командировки продолжались с 1719 по 1723 гг. Таким образом, можно предполагать, что несколько тысяч казаков погибло на работах.

---

[178] Например, князю Кантемиру были пожалованы все конфискованные имения Шидловского, пришедшим с ним волошским дворянам 710 дворов в слободских полках.

При Петре была произведена и первая поголовная перепись слободских полков в 1722 г., повторенная в 1732 г. Постепенно, но неуклонно шло реформирование слободских полков и превращение их по сути в регулярную армию. В 1731 г. из состава полков были выделены по одной регулярной роте в составе 100 чел. с офицерами, а не старшинами, в 1736 г. было предписано создать вторую такую же роту, превращая казаков в ланд-милицию (ПСЗ Т. IX, №6610, №7451). Чин слободского полковника был приравнен к армейскому премьер-майору. Вместе с тем, наряду со слободскими полками из числа их казаков был создан отдельный драгунский полк, содержание которого также легло на плечи слобожан. Переподчинение слободских полков Военной коллегии в 1725 г. было пустой формальностью, так как уже давно, с 1709 г., реальная власть перешла к начальнику Украинской дивизии.

Некоторые послабления были допущены в царствование Елизаветы Петровны, но уже в 1756 г. на Слободской Украине начал формироваться первый слободской гусарский полк, содержание которого опять было возложено на казаков, а в дальнейшем, уже при Екатерине II, манифестом от 28 июля 1765 г., учреждалась Слободская Украинская губерния, области каждого полка назывались провинциями, а слободские полки переформировывались в гусарские с сохранением прежнего наименования (ПСЗ, т. XVII, №12440).

Таким образом, слободское казачество, сыграв свою роль в истории, прекратило существование.

2.1.6. К Полтаве

Полтавская виктория это лишь кульминационный момент гигантской военно-политической операции развернувшейся на Украине в 1708-1709 гг., начало которой ознаменовалось тем, что враждебно относившиеся друг к другу Мазепа и запорожцы оказались в одном лагере противников Петра I.

Отношения Запорожской Сечи с Мазепой (а, значит, с царем) начали стремительно ухудшаться еще в петровский период русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг.[179] В 1695 г., в первый Азовский поход Петра I, армии Шереметева, казакам Мазепы и запорожцам кошевого Максима Самойленко предстояло взять штурмом турецкие крепости

[179] Война началась еще в период «триумвирата» (цари Петр и Иван, царевна Софья). Ее наиболее яркие события это Крымские походы князя В.В. Голицына и Азовские – Петра I.

на Днепре: Кызы-кермень (Казы-кермень), Мустриткермень, на острове Тавань, Аслам – кермень (Ислам-кермень) и Муберек-кермень[180]. Русская армия и малороссийские казаки занялись Кызы-керменем, а запорожцы, поскольку в поход они вышли на лодках, «промышляли» остров Тавань. Пятидневная осада Кызыкерменя завершилась сдачей крепости, вслед за ней сдалась и Тавань, гарнизоны и жители остальных двух крепостей, бросив пушки, бежали в Крым. Кызы-кермень была разрушена, а в Тавани осталось несколько сотен русских ратных людей и 600 запорожцев. Последним было приказано покинуть Тавань и занять две других крепости – Аслан-кермень и Муберек-кермень, но запорожцы уже расположившиеся на зимовку, отказались подчиниться. В последующие годы запорожцы то покидали крепость, то возвращались, участвовали в ее обороне от татар, но кончилось все серьезными столкновениями с ратными людьми русского воеводы Ивана Опухтина (Апухтина) и сердюками Якова Покотило. Отправка в Сечь очередного жалования конфликт не погасила, при этом запорожцы, забыв о Тавани, вспомнили зато о своих «обидах» на р. Самаре – построенных крепостях при князе В.В. Голицыне, а также селитренных промыслах на той же реке, ведомых без согласия войска. В довершении всего, по условиям перемирия между Россией и Турцией, подписанного 3 июля 1700 г. в Карловичах, казакам запрещалось ходить в набеги на турецкие и крымские города, а также повелевалось срыть вышеупомянутые крепости, в т.ч. и Тавань, которую запорожцы считали своей собственностью, поскольку взятие ее было осуществлено только ими. С другой стороны казаки не понимали зачем стоило захватывать, оборонять от татар и турок несколько лет эти места, чтобы потом разорить и оставить. Но настоящий взрыв негодования у запорожцев вызвало строительство новой русской крепости, уже в непосредственной близости к Сечи – «в урочище, у гор, у Каменного Затона, в пристойном месте, у реки Белозерки, против Никитиного Рога»,[181] возведение которой было поручено князю Ивану Михайловичу Кольцо-Мосальскому с 3558 ратными людьми «Белогородского и Севского полков» с 6000 малороссийских казаков Мазепы.

В ответ запорожцы принялись чинить всевозможные препятствия строителям крепости, естественно, единственно доступными им способами. Из Сечи уходили «ватаги» – одна захватили капитана Суховольского, везшего в крепость царскую казну, офицера и солдат,

[180] В районе совр. Каховки (Украина).

[181] Неподалеку от совр. гор. Никополя Днепропетровской обл. Украины.

охранявших деньги убили, другая угнала лошадей, третья разгромила «промышленных людей» Полтавского полка на пасеках и рыбных промыслах. Запорожцы грозились разорить всю добычу селитры по р. Самаре, так как добытчики ценного сырья отказались им платить пошлину в размере 100 злотых с котла.[182] И, наконец, ограбили купцов из Стамбула, что было прямым нарушением только что заключенного мира с Турцией.

Начавшуюся Северную войну запорожцы встретили с неудовольствием. Воевать так далеко от родных мест желания у них не было, жалование призрачное, в результате, они добрались лишь до Смоленска и то только к масленице 1701 г. В дальнейшем в боевых действиях принял участие лишь полк Матвея Темника, остальные повернули обратно, по пути нанявшись на «работу» к литовскому гетману Казимиру Сапеге, начавшему очередную свару между шляхтой. Позднее, когда Польша вся разделилась на сторонников Августа и его противников – партию шведского ставленника Лещинского, Сапега оказался на стороне последнего, а вместе с ним и часть запорожцев.[183]

Первое время Петр I смотрел сквозь пальцы на художества запорожцев, однако, выходка с греческими купцами серьезно осложнила отношения с Турцией. Царю не нужны были проблемы на юге, особенно после сокрушительного поражения под Нарвой. Петр приказал срочно разыскать воров и разбойников виновных в обидах, нанесенных грекам и учинить им «жестокую казнь по указу великого государя, по войсковым правам...» (Эварницкий, 3 с. 215).

Запорожцы ссорится с царем не хотели и вернули часть награбленного в Переволочну, а то, что уже было не вернуть компенсировали деньгами, правда, в мизерном размере. Вместе с тем они отправили в Москву делегацию за жалованием во главе с Герасимом Крысой, которая была немедленно в полном составе арестована. Царь потребовал вернуть все награбленное, в противном случае посланникам Сечи грозила смертная казнь.

Запорожцы обвинили во всем кошевого Петра Сорочинского, скинули его и избрали Константина Гордиенко. В войсковой отписке

---

[182] Гетманским универсалом в мае 1702 г. Мазепа разрешил строительство селитренных заводов Прилуцкому полку Д. Горленко, что вызвало возмущение запорожцев. См. Універсал Мазепы Д. Горленко // Сіверянський літопис. 1998. №2, с. 42.

[183] Помимо запорожцев к Сапеге перебежала часть малороссийских казаков из гетманских полков. Сторонники независимости Литвы от Польши писали, что «не токмо де их, Речь Посполитую, бьют они сапежане, но и подданные царского величества казаки, и чтоб Речь Посполитая учинила союз против царского величества с свейским королем» (Королюк 1954. X, с. 245).

объясняли, что купцы виноваты сами в происшедшем, так как отказались платить пошлину за проезд через их территории, и просили царя простить их.

Гетман вычел из запорожского жалования необходимые суммы для компенсации пострадавшей стороны, казалось, инцидент должен был быть исчерпан. В Сечь отправилась грамота с требованием не препятствовать людям князя Кольцова-Мосальского добывать камень и обжигать известь для строительства Каменного Затона. Это вызвало новое возмущение запорожцев. Гонца привезшего грамоту приковали к пушке и написали царю: «...мы не знаем живы ли наши товарищи, поехавшие за монаршей казной... в присланной грамоте ваше царское величество ничего не упоминаете о наших товарищах, а только изволите приказывать нам, войску запорожскому низовому, о строении города Каменного Затона, дабы мы людям, посланным от генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского, не возбраняли брать на будущий 1703 год камня, извести, где они найдут ее годной на сожжение и на стенное строение. На это все единогласно вашему царскому величеству объявляем, что совершенно не хочем онаго города близ нас на Днепре иметь и камня брать на его строение не дозволим: еще города того не построили, а мы уже терпим большие неправды и убытки в вольностях козацких наших, чего наперед сего ни от кого не видали по данным нам древними монархами грамотами... Всегда открыто становясь перед очи басурман, мы были во всем послушны вашему царскому величеству, во всякое время находились на своем посту, всегда доставляли вам всякие вести, и теперь все это согласны делать, но приказания о построении города не будем слушать и против князя Мосальского или другого кого, кто в предбудущий 1703 год явится в Каменный Затон, изготовимся и встанет к военному бою со всем нашим всепоспольным товариством... из Сечи запорожской 23 октября 1703 года». В довершении всего запорожцы связались с крымским ханом и получили от него ответ о готовности придти на помощь со всей ордой.

Петр направил на Украину дьяка Курбатова для исследования дела на месте. По рекомендациям Мазепы были отпущены из заключения Герасим Крыса с казаками, доставлено жалование, однако, гетман советовал добиться сначала покорности запорожцев и, лишь потом, выдавать деньги. Предпринимать какие-либо решительные меры про них, по его мнению было неразумно – в таком случае, они могли переметнуться к татарам, а учитывая недостаточное количество войск отбить это нападение будет сложно, для этого потребуется минимум дополни-

тельно два-три «добрых полка пехоты», но и в случае удачи, запорожцы могут уйти во владения хана и «пущее разорение будут чинить».

Запорожцы жалование приняли, но присягать отказались, предъявив грамоту царей Петра и Ивана о том, что Новобогородицкая крепость возводилась лишь на время войны с турками для хранения «хлебных и военных запасов», и на словах пояснив, что «ныне у царя с турским султаном перемирие...а вышеписанный город Новобогородицкий стоит, а кроме него строится еще город в Каменном Затоне... а потому, когда те вышеписанные города будут снесены, то запорожцы немедленно учинять присягу великому государю». Помимо этого, запорожцы предъвили жалованные грамоты – «привилеи» от польских королей на реку Самару. Курбатову пришлось уезжать ни с чем, увозя с собой очередные жалобы запорожцев.

Мазепа пояснял в письме Петру, что ссылки запорожцев на польские грамоты не имеют значения, поскольку р. Самара была во владениях Хмельницкого, без дозволения польских королей, таким образом, они не могут числиться за Сечью, а должны быть приписаны к Гетманщине. На это письмо последовала резолюция: «В грамоте на владение речкой Самарой запорожцам отказать!».

Действуя где подкупом, где увещеваниями, Мазепе удалось добиться того, чтобы непредсказуемая запорожская рада скинула таки кошевого Гордиенко и поставила Герасима Крысу.[184] Новый кошевой стал железной рукой наводить порядок, истребил несколько гулящих ватаг, но среди запорожцев опять вскипели волнения, не без участия смещенного К.Гордиенко, и они разорили несколько селитренных заводов по Самаре. Мазепе ничего не оставалось, как придвинуть поближе к запорожским владениям один сердюцкий полк и Полтавский малороссийский полк.

Одновременно началась работа комиссии по размежеванию границ России и Турции в соответствии с мирными соглашениями сторон. С русской стороны ее возглавлял думный дьяк Емельян Украинцев. Графу Ф.А. Головину, ведавшему всеми внешнеполитическими вопросами России, а также Малороссийским приказом, необходимо было обеспечить работу этой комиссии. При этом он понимал, что размежевание вызовет новое возмущение запорожцев, не привыкших что-либо измерять, подсчитывать и т.д., полагаясь лишь на свои древние права

[184] Герасим Крыса со своими казаками находился в Москве почти два года под домашним арестом в Посольском приказе, но не в тюрьме. На обратном пути он был принят гетманом в Батурине, где Мазепа, судя по всему, провел с ним переговоры, увенчавшиеся избранием Г. Крысы в кошевые атаманы.

и обычаи, которые всегда трактовались ими в свою пользу. К тому же Головину поступили жалобы от запорожцев полка Матвея Темника, оборонявших новую столицу от шведов, на очередные притеснения со стороны русского военного командования.

Под влиянием Головина Петр изменил свое решение о самарских землях и в грамоте от 27 ноября 1703 г., вместе с очередным жалованием, отдал запорожцам «самарские грунты»[185] и повелел «все вольности хранити цело», а воеводам городков было строго указано «под смертною казнью», что «задоров никаких не чинили».

Но запорожцев это не устроило, очередная рада скинула Герасима Крысу и вновь избрала Гордиенко. Столкновения с жителями и ратными людьми из Каменного Затона продолжились.

Между тем приступила к работе комиссия по размежеванию земель между Россией и Турцией, что опять вызвало недовольство запорожцев, полагавших, что устройство сухопутной границы в районе Днепра существенно ограничит их владения, так как стороны, естественно в первую очередь, они указывали на турецкую, будут устанавливать пограничные крепости и с их помощью медленно продвигаться вперед, перемещая и границу. Казаки считали, что последняя точка их владений это урочище Сто Могил у правого берега реки Буга и левого берега лимана,[186] включая морское побережье «пока конь (дно – А.Ш.) копытами достанет».

Трехлетнее дело по размежеванию закончилось лишь на бумаге, да и то по правобережью Днепра, от польской границы вниз по Бугу до Ташлыка, затем через степь, через реки Б. Ингул и М. Ингулец до впадения реки Каменка в Днепр.

Москва по-прежнему терпеливо смотрела на недовольства запорожцев поскольку к юго-западным рубежам уже приближались шведы, а в Астрахани вспыхнул бунт. В июле 1706 г. Петр прибыл в Киев и лично заложил там крепость под Печорским монастырем. В это же время он посылает грамоту в Сечь и призывает запорожцев «прислать некоторое число добрых казаков в случение велико- и малороссийских войск».

Добровольцев нашлось немало, и большой отряд запорожцев выступил из Сечи под командою Игната Галагана. Первым делом они затребовали себе жалование, Мазепа отказал на основании того, что

---

[185] Правда, в этом же указе говорилось о предстоящем размежевании земель по Самаре между запорожцами и полковыми (городовыми) казаками, т.е. гетманскими.

[186] Ныне нас. пункт Парутино Очаковского района Николаевской обл. Украины.

«войско сперва служит, а потто ишь требуют оплату», но при этом просил Ф. А. Головина услать запорожцев куда-нибудь подальше в Польшу. Все кончилось тем, что отряд вернулся назад в Сечь.[187] В очередной раз сменились кошевые – Гордиенко заменил Лукьян Тимофеенко, а его Петр Сорочинский. В это же время в Сечь за помощью приезжает Кондрат Булавин. Сорочинский воспротивился этому, и произошла в очередной раз смена кошевых, опять избрали К. Гордиенко. Все завершилось уходом нескольких партий добровольцев к Булавину[188] и призывами разгромить российские городки по Самаре.

Сразу же после ухода Мазепы Петр незамедлительно шлет грамоту запорожцам, где призывает ни в коем случае не переходить на сторону гетмана, и приглашает выборных от Сечи в Глухов, для избрания нового гетмана. Сверх того им было увеличено жалованье, которое незамедлительно повезли в Сечь. В ответ запорожцы вставили ультимативные требования, заранее неприемлемые для царя:

«1. Чтоб малороссийским полковникам не быть, а быть по всей Украине вольнице, как на Сечи.

2. Чтоб все мельницы по речкам Ворскле, Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочны[189] запорожцам отдать.

3. Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть».

5 ноября 1708 г. в Глухове состоялась театрализованная казнь чучела Мазепы, с лишением его гетманства и знаков достоинства ордена Св. Андрея Первозванного. На следующий день, была совершена казнь коменданта Батурина компанейского полковника Чечеля и еще нескольких человек. В тот же день новым гетманом был избран стародубовский полковник Иван Ильич Скоропадский. Ряд украинских историков причисляют его к соратникам Мазепы, в основном, ссылаясь на письма гетмана к полковнику, отправленные уже из ставки шведского короля, но перехваченные русскими (Павленко, с. 48-50)[190]. Но сослагательное наклонение в истории неприемлемо, и

---

[187] Игнат Галаган в Сечь не возвратился, сперва командовал компанейским полком у Мазепы, ушел с ним к шведам, но тут же вернулся назад, от Скоропадского получил Чигиринский полк и остался на Правобережье.

[188] Около 3000 запорожцев в общей сложности.

[189] Формально запорожцы получали лишь арендную плату от Переволочны. Сам перевоз охраняли и обеспечивали казаки Мазепы – «дозорца».

[190] Но с другой стороны, это подтверждает то, что Скоропадский не знал о точных планах Мазепы, и его переход к шведам был неожиданностью. Лучше всего выразился полтавский полковник И. Левенец: «Кто к нам придет первым, тому и служить будем!»

Скоропадский принял гетманскую булаву. Безусловно, бывший стародубовский полковник неуютно себя чувствовал первое время на новом поприще. Об этом свидетельствует и слова жены Скоропадского Пелагеи сказанные ей Даниле Забиле: «Мы и гетманству сему не рады, що еще Мазепа – в живых гетман и никто не силен у него булаву взять и скинут из гетманства, а мы с нужды хоть взяли, то нам сие прощено будет» (Лазаревский 1888 Т. 2. С. 400). Были подозрения и со стороны отдельных русских военачальников. Однако, высшая власть на это внимания не обращала, списывая это на сложность отношений гетмана и киевского губернатора Д. Голицына, а также те письма, что слал ему преемник Мазепы Орлик.

Да, выборы нового гетмана были формальностью. Кандидатур было всего две – стародубовский полковник И. Скоропадский и черниговский П. Полуботок[191].

Запорожцы в Глухов не явились, но известие об избрании Скоропадского восприняли спокойно, получив также письма и от Мазепы. Сечь колебалась, и в ответ на послание Мазепы ответили уклончиво, что готовы выслушать то, что им могут пообещать короли польский шведский, а также предложили прислать им военную помощь в уничтожении пресловутых российских городков, после чего «скоро поспешим до обозов ваших».

Но старшина во главе с К.Гордиенко уже приняла решение. 1 марта 1709 г. запорожцы во главе с кошевым вышли в числе 1000 человек из Сечи к Переволочне. Оставшийся наказным кошевым атаманом Михаил Симонченок сообщил воеводе в Каменный Затон, что войско вышло в поход не для «измены великому государю», а для устранения притеснений со стороны малороссийских городов. В Переволочне к Гордиенко присоединился т.н. Переволочанский полк Федора Нестулея.[192] Отсюда запорожцы отправили посланников к шведскому королю, а затем, решили и сами выдвигаться в ставку Карла XII в Великие Будищи. Наперерез им выдвинулся полковник Кампель с тремя драгунскими полками. Столкновение произошло у Царичанки, где 800 запорожцев смогли опрокинуть 3000 драгун, захватив при этом 90 человек в плен,

(Павленко 2004, с. 319). Это достаточно характеризует настроение среди казачьих старшин.

[191] Павленко причисляет и Павла Полуботка к соратникам гетмана Мазепы, основываясь лишь на том, что он старался выгородить своих племянников Петра и Якова Мировичей, детей своей сестры Анны (Ганны) (Павленко 2004,с. 184)

[192] Переволочна числилась за Полтавским полком. Судя по всему Ф. Нестулей возглавлял запорожцев зимовавших в этом районе (Павленко 2004, с. 237).

из которых несколько человек отправили в подарок крымскому хану (Эварницкий, III с. 320-326).

27 марта состоялась встреча К.Гордиенко с Карлом XII. На следующий день был составлен договор между малороссийскими и запорожскими казаками о совместных действиях против русских, а также статьи для шведского короля, которые были им утверждены и Карл XII обещал взять Мазепу и Гордиенко под свое покровительство со всеми их войсками, он объявил публично, что «не положит оружия перед царем до тех пор, пока Украина и Запорожье не будут изъяты совершенно от власти москалей», а казаки будут и впредь пользоваться теми правами, что имели с древнейших времен. Кроме того, жителям малороссийских городов и сел повелевалось вернуться к себе и обеспечить шведское войско провиантом, солдатам же короля под страхом смерти запрещалось творить какое-либо насилие. После всего состоялась присяга запорожцев.

Однако, настроение среди них было неважным. Многие не хотели быть заодно с Мазепой, других смущало то, что воевать придется против русского царя, третьи были недовольны, что шведский король сразу не выплатил им жалование, а от Сечи они были уже отрезаны русскими войсками, и вернуться обратно не представлялось возможным. Запорожцы стали потихоньку разбегаться. Об этом свидетельствует и сам Гордиенко в письме наказному атаману Симонченко в конце марта 1709 г., где извещает его о том, что с ним осталась лишь половина. В Сечи опять начался разброд и шатание. Победила партия сторонников русского царя – Гордиенко заочно скинули с кошевых и избрали Петра Сорочинского. Однако, удачное дело против русских войск под Соколками 12 апреля 1709 г. опять перевесило чашу весов в пользу шведов и Гордиенко.

И тогда терпение царя лопнуло. Из Киева Днепром в Сечь отправляется три пехотных полка полковника Петра Яковлева. По берегу идут донские казаки и казаки Игната Галагана.[193] Приказ Яковлеву был разорять все запорожские городки до самой Сечи. Первым на пути был Келеберда.[194] Как пишет Голиков: «на него напала партия донцов, и переколов немалое количество запорожцев, самое местечко предал огню» (Голиков III, с. 83).[195] Следующей на очереди был Переволочна,

[193] К.Гордиенко ненавидел И.Галагана и стремился отомстить за уход к русским. Соответственно было отношение и Галагана к бывшему кошевому и его сторонникам.

[194] Ныне одноименное село Кременчугского района Полтавской обл. на реке Орели.

[195] Вот месть за Булавина, хотя она и вылилась на запорожцев, но сама Келеберда была сотенным местечком Полтавского полка, который участвовал в подавлении Булавинского бунта.

которая подверглась такой же участи, причем были сожжены и се суда, что сыграло свою роковую роль после Полтавской битвы.

Далее, Яковлев разорил Старый и Новый Кодак[196] и прибыл к Каменному Затону, где получил подкрепление из крепости в 772 солдата. Отсюда он послал казака Сметану с увещевательным письмом к запорожцам. Сечь в это время была без кошевого Сорочинского, который срочно уехал в Крым договариваться с ханом о подмоге. За него оставался некий Яким Богуш. Присланного казака казнили, тогда Яковлев отправил им письмо от себя, на что запорожцы ему ответили, что они не считают себя бунтовщиками, признают над собой власть русского царя, но никого к себе не впустят, заодно просили время на раздумья, ссылаясь на отсутствие кошевого.

Яковлев выжидал три дня и внимательно обследовал Сечь. Вода в Днепре стояла очень высоко и получилось, что Сечь стала фактически островом. Штурмовать ее можно было только с воды. Русские попытались возвести шанцы и обстреливать укрепления запорожцев, но расстояние было слишком большим и ядра не причиняли никакого вреда обороняющимся. Попытка штурмовать Сечь на лодках также была неудачна. Запорожцы подпустили атакующих поближе, а затем дружными залпами убили около 300 человек (Эварницкий III с. 327).

14 марта к Сечи подошла конница Игната Галагана. Запорожцы приняли его за возвращение кошевого Сорочинского с татарами и пошли на вылазку, что позволило Галагану со своими казаками и драгунами ворваться в Сечь. Далее последовала расправа с защитниками. Части запорожцев во главе с Якимом Богушем удалось вырваться (Павленко 2004, с. 238)[197]. Таким образом, закончила свое существование Запорожская Чартомлицкая Сечь.

Все события происшедшие на Украине до и после Полтавской битвы большинством историков рассматриваются с точки зрения международных политико-правовых отношений, которые сложились к тому времени на европейском континенте, забывая о том, что подобным образом можно было бы оценивать союз, скажем, Литвы и Польши, но не Украины и России.

Именно так определяет свою позицию Институт истории Украины НАН Украины, представленную в выступлении проф. Т. Чухлиба

---

[196] Район совр. Днепропетровска.

[197] Яким Богуш ушел вниз по Днепру, где в урочище Алешки основал новую Сечь, просуществовавшую 19 лет. Ныне Цюрупинск Херсонской обл. Украины.

на недавно состоявшейся в Москве конференции «Полтавская битва: взгляд через столетия», опубликованное на сайте украинской ежедневной общественно-политической газеты «День»[198].

С самого начала автор акцентирует внимание на следующем положении, что «между государствами-суверенами и государствами-вассалами существовал общественный договор, который состоял из взаимных прав и обязанностей... и предусматривал... в обмен на «защиту и уважение» со стороны своих властителей... «покорность, службу и верность». Такие договоренности состояли из взаимных добровольных обязательств, а их основными элементами со стороны суверенов — королей, царей и императоров – должно было быть уважение и обеспечение «старинных прав и привилегий» своих подданных, необходимость их воинской защиты и т.п. В случае невыполнения протекторами своих обязанностей относительно протежированных правителей меньших государств – князья, графы, бароны, курфюрсты, хозяева, гетманы и др. – имели законное право на выступление против властителя, или же смену своего патрона на более лояльного».

Мы снова сравниваем отношения Украины с Россией на примере Франции и герцогства Бургундского, являвшегося вассалом французской короны и отчаянно воевавшего с ней! Чем закончилась война герцога Карла Смелого и короля Людовика XI, несмотря даже на поражение Франции? Тем, что Бургундия стала частью королевства. Однако, никому из историков не придет сейчас на ум обосновывать необходимость, закономерность и своевременность отделения Бургундии от Франции, ибо с абсолютизацией королевской власти история реальных вассальных отношений ушла в далекое прошлое и не является предметом дискуссий. Однако, о какой вассальной зависимости Украины от России может идти речь?

Имеет место лишь попытка рассмотреть отношения Украины и России с точки зрения «патриотичности» или «оправданности» измены части казачьей старшины во главе с гетманом Мазепой царю Петру, которая обосновывается «государственными» интересами Украины. Ошибка состоит в одной единственной фразе, которую употребляют историки, как защитники, так и противники в оценке ситуации – «нарушение Россией договоров или договорных статей»! Не смогла избежать этого и профессор Т.Г. Таирова-Яковлева, автор прекрасных и объективных исследований, посвященных личности гетмана Мазепы,

[198] Т. Чухлиб. Накануне Полтавской битвы: почему Мазепа отказался от верховенства Москвы? (http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=274769&mainlang=rus)

рассматривая «измены» Ю.Хмельницкого, Выговского, Брюховецкого и Мазепы, при всем разнообразии обстоятельств, с точки зрения единственной причины толкнувшей их на это, что «условия ради которых заключался договор (с Москвой – А.Ш.), переставали выполнятся» [199]. О каком договоре или договорах идет речь? О т.н. «Переяславском договоре 1654 г.», что опальный магнат г-н Б. А. Березовский приобрел в одном из лондонских антикварных магазинов в 2006 г. за 460 тыс. долларов и что так рекламировалось украинской «желтой» прессой? Но это же из области анекдотов...

Слово «договор» означает совместные действия сторон, т.е. союз, на каких-то условиях, и подразумевает расторжение при их не соблюдении. Но переход под руку Москвы означал лишь одно: превращение в «подданных», что являлось синонимом слова «холопы», ибо на Руси все себя называли «холопами» великого князя или царя и таковыми по сути и являлись, вне зависимости от того был ли это крестьянин или боярин.[200] И иностранцы это прекрасно знали и понимали. В качестве примера можно вспомнить инцидент со шведском посольством, ожидавшим разрешения Ивана Грозного проследовать из Новгорода в Москву для заключения мира после войны 1554-1557 гг. Получив царское соизволение, шведы на радостях напились, и кто-то из слуг растопил печку иконами, что являлось, безусловно, страшным преступлением, карой за которое могла быть только смертная казнь. Единственным заслуживающим внимание аргументом для отсрочки наказания явился тот факт, что в московском государстве лишь царь распоряжается жизнями своих холопов, и это убедило новгородцев, которые отпустили шведов, а Грозный позднее простил им это.

Отсутствие договорных отношений, по определению невозможных с русским царем, заменялось присягой, челобитными, как единственным способом общения с монархом, и его милостью в виде пожалований. Но что царь дал, то мог и отнять! Если на Дону казаки так долго отказывались от присяги царям, считая это «страшным знамением», поскольку она сопровождалась целованием креста или Евангелия, то на Украине присягали легко, легко и изменяли присяге, точно, как поступала порой и русская знать, особенно в период Смутного времени.

---

[199] Повторение истории с Б. Хмельницким и его «договором». См. Т.Г. Таирова-Яковлева. Мазепа. М., 2006. , Т.Г. Яковлева. Мазепа – гетман: в поисках исторической справедливости / / Новая и Новейшая история. 2003., №4.

[200] Даже вольные донские казаки себя называли «холопами» еще до 1671 г.

Профессор Т. Чухлиб приводит ряд объяснений поступку части украинской старшины, пошедшей за Мазепой. Приведем их здесь полностью:

«Во-первых, Московское царство не желало решать дело объединения Украины путем возвращения под гетманскую власть Правобережья». Проф. Чухлиб совершенно справедливо отмечает, что идея воссоединения «двух берегов» Днепра существовала давно и с началом Северной войны, а также благодаря удачным действиям фастовского полковника С. Палия виделась гетману вполне осуществимой. Далее, Т. Чухлиб пишет: «Несмотря на это, в Нарвское соглашение Речи Посполитой с Московским государством 30 августа 1704 года внесли пункт, в котором отмечалось, чтобы Палий «вернул добрым или злым способом» Польше все занятые казацким войском правобережные крепости». Однако, решение вопроса затягивалось. В 1707 г. Петр пишет Мазепе о том, что на самом деле не собирается отдавать полякам Правобережье, так как планирует в дальнейшем войну с Турцией и не желает иметь враждебные тылы (Матеріали з Стокголмського архіву до історіі Украіны к. XVII – поч. XVIII. Украінский археографічний збірник т. III Кіев 1930 с. 28-29). По этой же причине Петр рекомендует тянуть время (ПиБ ПВ т. VI №2067, с. 158).

Изменение военной ситуации привело к тому, что поляки вновь стали давить на Петра с возвращением Правобережья. Царь пообещал им это сделать как только вернется король Август,[201] и приказал писать Мазепе, что разрешает отдать полякам Белоцерковский уезд, но при условии «если он усмотрит, что не может произойти какой ис того опасности и в Малороссийском народе смятения...» (ПиБ ПВ Т. VII, вып. 2. с. 709, 715, 772). После Полтавской битвы на Правобережье был возвращен из ссылки С. Палий, а передача этих земель Польше была осуществлена намного позднее смерти фастовского полковника, в 1714 г. после неудачного Прутского похода 1711 г. и условиям заключенного с турками мира, а также... по совету нового гетмана И. Скоропадского, так как в связи с изменой Мазепы эти территории стали объектом постоянных вторжений Филиппа Орлика, запорожцев и татар, по сути, со временем опять превратившись в пустыни. Так ли уж не желала Москва воссоединить два берега Днепра?

Второй причиной измены гетмана проф. Т. Чухлиб считает, что «царь Петр I и его окружение начали активно ограничивать политические

[201] Хорошее обещание. Король Август Сильный вернулся на престол в 1709 г. после Полтавской битвы.

права украинского гетмана». В качестве подтверждения этого историк приводит обиды гетмана на подчинение его в военном отношении Меншикову, а также на его отдельные распоряжения по казачьим полкам, минуя гетмана. Кроме того, в качестве аргумента используются слова княгини А. Дольской, чрезвычайно заинтересованного лица в переходе Мазепы на сторону короля Станислава Лещинского, о намерениях того же Меншикова стать гетманом вместо Мазепы.

Были ли у Александра Даниловича серьезные намерения относительно занятия места Мазепы, или это все-таки была провокация со стороны княгини Дольской, сказать сложно. По крайней мере, после Полтавы, речь об этом не шла, хотя «конкурент» – Мазепа уже устранился сам.[202] В военном отношении, раньше Мазепа спокойно мог находиться в подчинении князя В.В.Голицына во время Крымских походов, и Б.П. Шереметева во время Азовских, что касается Меншикова, то здесь взыграли амбиции старого гетмана, вдруг оказавшегося в подчинении худородного «выскочки». Петр же исходил из стратегической целесообразности, определяя подчиненность того или иного генерала. Наверно было бы удивительным, если бы царь подчинил, наоборот, армейские части с их командирами начальнику иррегулярной конницы, коим фактически являлся гетман с точки зрения военной иерархии. В данном случае обиду гетмана можно было бы назвать «местничеством» по подобию боярской Руси, когда должность в походе определялась родовитостью боярина, а не его качествами.

Третьей причиной, считает украинский историк, стало то, что «Москва начала радикальные изменения административного устройства Украинского гетманата. 18 декабря 1707 года Петр I издал указ об основании Киевской губернии, которая бы охватывала территорию радиусом в «сто верст» от Киева. Киевская губерния становилась одной из восьми новых административных единиц, среди которых также были: Московская, Ингерманландская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская. При этом Киевской губернии должны были принадлежать такие города, как Переяслав (центр Переяславского полка Украинского гетманата), Чернигов (центр Черниговского полка), Нежин (центр Нежинского полка) и др. Полномочия киевского губернатора были такими: «велено им в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему, Великому Государю, о тех губерниях готовым быть». Вскоре

[202] В качестве награды Меншиков получил принадлежавший ранее Мазепе город Ямполь (ныне населенный пункт в Сумской обл. Украины), но не титул.

русским губернатором Киевской губернии был назначен Голицын. В цитированном выше «закличному листі» к Скоропадскому гетман Мазепа так оценивал изменения в административном устройстве Украинского гетманата в пользу Московского царства: «...коли без жодної з нами згоди почала (Москва) міста малоросійські в свою область відбирати...».

Однако, текст присяги Мазепы – Коломакские статьи, содержал следующий абзац: «Народ Малороссийский всякими мерами и способами с великороссийским народом соединять... чтобы были под одной... Державою обще... и никто б голосов таких не испущал, что Малороссийский край гетманского рейменту» (Летопись Величко, с. 49). Мазепа согласен был с Петром, он понимал его реформы и всеми силами выполнял все пожелания царя в течение долгих лет своей службы. Но он не понимал главного – своего места в будущей новой России, создаваемой Петром, которая поглощает Украину. Награда в виде непонятного для гетмана титула князя Священной Римской империи ничего не проясняла, а лишь добавляла горечи, что тем самым у него хотят «гетманство забрать» (Письмо Орлика Яворскому // Основа. Лето 1862, с. 162). И Мазепа наверняка понимал, что он не лишится богатств, напротив, царь был благосклонен, уважителен и щедр с ним, впрочем, как и со всеми, кто рьяно служил на благо Отечества. Но гетман не мог войти в ту самую плеяду «птенцов гнезда Петрова», в ближний круг царя, по многим причинам – он не вписывался в нее, он был там чужой. К тому же все те, кто окружали Петра, и в первую очередь, все набиравший и набиравший силу Меншиков, этого бы не позволили. Да и сам царь никак не вписывался в тот образ «государя», каким должен был быть монарх по разумению Мазепы. Петр был царем, плотником, матросом, драгуном, палачом, бомбардиром, зубодером одновременно, не гнушаясь ничем – ни стучать топором, ни рубить им головы. Любой успех вызывал восторг царя и награду, но и любой промах, ошибка, вызывали дикую ярость, гнев и кару, вне зависимости от прошлых заслуг. Вот это Мазепа чувствовал постоянно. Примеров было предостаточно – гетман знал, к примеру, как проигравший шведам при Головчине князь Голицын чудом избежал смертной казни и встал в строй рядовым при Лесной. Мазепа понимал, что если он со своими полками, не получив помощи русской армии, не удержит Украину, а это было совершенно очевидным, то реакцию Петра на это предположить он не мог. Вот тогда можно было лишиться всего и головы в том числе. Жить в таком напряжении становилось просто невыносимо. Поговорить с царем напрямую, поторговаться, выпросить

себе лично какие-то гарантии, наконец, должность, соответствующую уровню гетманства, учитывая и условия тяжелейшей войны и характер царя, не приемлющего подобное, было просто невозможно. Царь был беспощаден и к себе самому, и к другим, неприхотлив, не стяжателен, и требовал того же от остальных. Отчаяние и толкнуло Мазепу на безрассудный поступок.

«В-четвертых, московское правительство урезало права гетмана в сфере экономики и финансов, предоставлении земельных владений казацкой старшине. Кроме того, 20 февраля 1704 года Петр I издал грамоту ко «всему Войску Запорожскому» о введении на украинских землях в обращение только российских денег, хотя до этого здесь долгое время пользовались разновидностями европейской монеты».

Что здесь нового увидел украинский историк? Эти «права» были уезаны с 1654 г. Матровскими статьями. Еще Богдан Хмельницкий и его генеральный писарь Выговский, а за ним и прочая старшина, били челом Алексею Михайловичу и он жаловал их городами и селами. Мазепу задевало то, что царь иногда осуществлял пожалования, забыв поставить в известность гетмана.[203] Да, безусловно, это имело место, но разве гетман не знал характер молодого царя? В отношении хождения любых денег[204] на территории Украины, как территории России, и введении там единой валюты – российского рубля, с точки зрения экономики и финансов шаг абсолютно верный. Он вполне мог бы показаться спорным, если Украина до этого чеканила свою монету, как один из признаков ее суверенитета, но эти территории никогда не были независимыми и при поляках основной денежной единицей являлся злотый. Между тем Россия пыталась ввести некую «региональную» валюту под названием «севские чехи» в 1686-1687 гг., которая не прижилась.[205] Особо возмущались запорожцы: «... в грошах великий барзо стал брак, так что за чехи ни в коем случа нельзя купить борошна: это чехи находят гладкими, а потому негодными... У нас ходит монета подобная той, какая ходит на Руси, и мы иной не имеем монеты

[203] Мы уже говорили об этом, обсуждая проблематику вхождения Украины в соств России в 1654 г.

[204] Документы того времени пестрят упоминаниями дукатов, левов, злотых, ефимков, рублей и т.д..

[205] Чехи чеканили на монетном дворе в Севске в 1686-1687 гг., на аверсе изображался русский двуглавый орел с тремя коронами и надпись, содержавшая начальные буквы титулов и мена царей Петра и Ивана, на реверсе обозначалась дата и место чеканки – Севск. Монеты вышли плохого качества, по сравнению с польскими – «слишком гладкие и потому негодные», как заявляли запорожцы.

– ни талеров, ни червонных золотых». В целом, финансовая и экономическая самостоятельность Украины ликвидировалась еще Московскими статьями 1665 г., подписанными Брюховецким.

Следует отметить и налоговые льготы, которыми была облечена вся Малороссия. «Можем нестыдно рещи (сказать), что никоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостью похвалится не может, как по Нашей Царского Величества милости Малороссийский, ибо не единого пенязя в казну Нашу во всем Малороссийском крае, с них брать мы не повелеваем, но... своими войсками обороняем...» (Грамота 9 ноября 1708 г. ПСЗ № 2212).[206]

«В-пятых, Москва всячески ограничивала политико-административные полномочия украинской старшины. Во время пребывания Петра I и его членов правительства в Киеве в 1706 году Меншиков требовал от гетмана Мазепы ограничить властные полномочия генеральной и полковой старшины. «Иван Степанович, пора теперь приниматься за тех врагов», — неоднократно говорил московский князь гетману, понимая под «врагами» казацких полковников».

Разве это не совпадало с намерениями самого Мазепы создать новое украинское дворянство?

«В-шестых, Петр I начал «реформирование» казацкого войска, а его члены правительства начали руководить украинскими военачальниками. В 1705 году из-под Гродно казацкий старшина И. Черныш прислал в Батурин копию царского указа о направлении в Пруссию каждому пятому казаку Киевского и Прилуцкого полков «для обучения и устройства их в регулярные драгунские полки». Кроме того, позднее П. Орлик свидетельствовал, что Мазепа получил «указ Царского Величества об устройстве казаков, подобно Слободских полков, в пятаки[207], который так напугал и рассердил было всех полковников и старшину, что они ни о чем не говорили, только, что тот выбор пятаков — для устройства их в драгуны и солдаты». А в 1706 году по приказу Петра I было образовано специальное воинское формирование — Украинская дивизия, которая была соединением «городовых» и охотницких полков Левобережной и Слободской Украины. Командующий этой дивизией назначался царским

[206] Обычно на этот указ ссылаются, чтобы показать, как себя повел Петр I после измены Мазепы с целью популяризовать самого себя и облегчить ярмо налогов, собиравшихся гетманом. Но действительно, все налоги, собиравшиеся в Малороссии при Мазепе, оседали в ней самой.

[207] Имеется в виду, что каждый пятый казак в слободских полках записывался в драгуны, из них формировался отдельный драгунский полк, подчиненный начальнику Украинской дивизии. Содержание же всего полка возлагалось на те же слободские полки.

указом и во время походов принимал на себя строевое и полевое управление всеми казацкими полками и русскими подразделениями, которые находились на территории Украины. В мае 1708 года на должность командира Украинской дивизии был назначен майор лейб-гвардии Преображенского полка Долгоруков, которому предписывалось «быть со всеми москвичи, с столники, с стряпчими, с дворяны, с царедворцами, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и с слобоцкими Черкасскими, и с кумпанейскими полками, и гетманскими многими регементами на Украйне командиром». А общее руководство над Долгоруковым и всем украинским войском должен был осуществлять киевский русский воевода Голицын. Под его власть в ноябре 1707 года Мазепа передал «новоустроенную» Печерскую крепость вместе с казацким гарнизоном. Угрозу традиционным формам политико-войскового устройства Украины в начале XVIII века ее элита (видимо казацкая старшина – А.Ш.) небезосновательно расценивала не только как потерю контроля над войском и преобразование его в составляющую русской армии, но и как начало изменения всей модели традиционной власти и общественных отношений вообще».

Мазепа прекрасно понимал, что малороссийские полки, состоявшие из казаков-хлебопашцев, отживают свой век. Недаром, при его гетманстве и по его инициативе так быстро развивались компанейские полки – прообраз регулярной профессиональной казачьей армии. Северная война показала, что одолеть лучшую армию в Европе оказалось не под силу. Шведы это не татары и не турки, с которыми казакам воевать было привычно. Петр также подчеркивал что «войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стоять не может» и «из нынешних присланных некумпанейских ничего добра, разве худа есть, понеже, не имеючи определенного жалования, толко на грабеж и тотчас домой уйдут». Исчерпывающая характеристика! Что-то о донских казаках такого у Петра не встречается в переписке... Царь требует преобразования гетманских полков в компанейские полки, и в этом его устремления совпадают с видением Мазепы: «о кумпаниях, во всех Малороссийских полках конечно нынешней осенью и зимой определение учинили и неотложно к будущей кумпании оные готовы были». Но и нагрузки, которые возложил Петр на Украину были неимоверны, и Мазепе приходилось очень сложно, хотя соглашается, что «о устроении во всех рейменту (гетманщине – А.Ш.) моего полках компании с всяким тщательным прилежанием буду старатися». Единственное о чем просил Мазепа через Г.И. Головкина, что зимой будет сложно «войско перебрати, хто годен, а хто не годен до компанейской служ-

бы», и «лучше б было, когда б весною повеленное устраевалося» (ПиБ ПВ, т.VI, с. 44, 287-289).

«В-седьмых, Московское царство не обеспечило надлежащей обороны Украины от шведского наступления. Во время воинского совещания в Жовкве в 1707 году гетман Мазепа попросил у Петра I предоставить ему для обороны границ Украины 10 тысяч русских солдат. На это сюзерен ответил своему вассалу (вот опять подчеркивание якобы существующих отношений – А.Ш.): «не только 10 000, но и десять человек не могу дать; как можете сами обороняйтесь». Кроме того, царь подчеркнул, что будет изматывать армию Карла XII непринятием решающего боя и отступлением своих войск вглубь Московского царства. При этом на пути шведов должны были уничтожаться поселения, продовольственные припасы для солдат и фураж для коней. Предусматривая возможное нападение на Киев шведско-польских войск во второй половине 1707 — 1708 годов Петр I приказывал в 4-м пункте, чтобы «во время неприятельского прихода, осадя и управя Печерский монастырь, уступит за Днепр, а старый Киев оставит пуст».

Позволю себе не согласиться. На просьбу Мазепы Петр ответил обещанием выслать корпус Шереметева «итить на оборону Украины с поспешением» и заверял, что народ малороссийский «во всяких неприятельских наступлениях не оставим» (ПиБ ПВ т. VII, с. 697-698). В июне 1707 г. Петр направил грамоту, в которой выражал сожаление по поводу тяжкой службы и бедствий, обрушившихся на Украину, ставшую театром военных действий, но заявлял при этом, что в «таком ныне с неприятелем нашим, Королем Шведским, военном случае, того весьма обойтить не возможно, и того ради надлежит вам... то снесть», а «по окончании сея войны те понесенные трудности и убытки... награждены будут» (Бантыш-Каменский. Источники, ч. 2., с. 56-57).

В-восьмых, русские военачальники и солдаты проявляли самоуправство в отношении украинцев. Одно из первых писем к Петру I от Мазепы, в котором гетман жаловался на самоуправство русских подразделений в отношении украинского населения Левобережья, датируется 16 июня 1703 года. На протяжении 1705 года в Западной Белоруссии находились Киевский и Прилуцкий полк во главе с приказным гетманом Д. Горленко, которые совершали совместные воинские операции наряду с русской армией. В письме к Мазепе Горленко жаловался на «численні образи, поношення, приниження, досади, грабунок коней і смертні побої козакам від великоросійських начальних і підначальних». Дошло даже до того, «що приказного гетьмана коварно

з коня зіпхали і насильно з під нього і з під інших йому підлеглих начальних людей коні і підводи забрали».

Учитывая то, что с 1706 года началось активное строительство Печерской крепости в Киеве, казацкая старшина неоднократно жаловалась в Батурин на то, что московские «пристави у тієї справи фортифікаційної козаків палками по головах б'ють, вуха шпадами (шпагами) обтинають і всіляке поруганння чинять, що козаки залишивши хати свої, косовицю і жнива, поносять на службі Царської Величності тяготу днів і вар, а там великоросійські люди хати їхні грабують, розбирають і палять, жонам і донькам їхнім насилля чинять, коні, бидло і всіляку худобу забирають, старшину б'ють смертними побоями». Очевидцы утверждали, что в ответ на такие обиды с боку московских членов правительства, Д. Горленко говорил Мазепе: «Як ми за душу Хмельницького завжди Бога молимо й ім'я його блажим, що Україну від іга лядського свободив, так противним способом і ми і діти наші у вічні роди душу і кості твої будемо проклинати, якщо нас за гетьманства свого по смерті своїй в такій неволі (російській) зоставиш».

Действительно, факты самоуправства российского генералитета и иных начальствующих людей над малороссийскими казаками имели место. Но государственные интересы для Петра I стояли превыше всего, поэтому на жалобы Мазепы он внимания не обращал. Опять же здесь сказывался невысокий военный потенциал малороссийских полков, что позволяло царю использовать их так, как он считал нужным и целесообразным. Если было необходимо выполнять земляные или строительные работы, то, по мнению царя, его солдат должен был быть универсален. Разве не участвовали драгунские и пехотные полки в строительстве Петербурга? Разве не строил Мазепа со своими казаками крепостей на Днепре по приказу князя В.В. Голицына? Понятно, что царя не интересовал принцип комплектования казачьих полков с его конкретным разделением на казаков, которые должны были только воевать, и казаков, обеспечивающих первых – «подпомощников» или «подсоседков». Для него они все были одной массой, которая должна была выполнять первостепенные задачи, диктуемые временем и боевой обстановкой. Стоит отметить, что использование донского, яицкого казачества на земляных или строительных работах, было редкостью и не принимало такие масштабы, как в случае с малороссийским казачеством, что говорит в их пользу с точки зрения боевого использования. Хотя, в самом конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. огромное

количество людей было брошено на строительные работы – драгун и казаков, в т.ч. и донских.[208]

«В-девятых, московский царь перегружал казацкое войско постоянными воинскими походами. Начиная с 1700 года украинское войско ежегодно активно использовалось Москвой в далеких походах в земли Прибалтики, Саксонии, Севера России, Литвы, Польши, Белоруссии, Казани и Дона. Хотя по выводам современного московского историка В. Артамонова, русская война за Балтику выходила за сферу национально-украинских интересов. Есть свидетельства, что в июне 1706 года к гетману Мазепе обратились женщины казаков Стародубского полка с просьбой вернуть своих мужей домой, ведь они уже больше пяти лет находились в воинских походах против шведов. Учитывая это Мазепа просил Петра I издать соответствующий указ о возвращении Стародубского полка в Украину на отдых Кроме того, постои и действия российских войск в Украине приводили к его опустошению. Сам царь в грамоте к гетману от 24 июня 1707 года писал: «... Что войску Нашему Запорожскому от непрестанных нынешних трудных служб и походов, так наипаче жителям Малыя России от переходов Наших Царского Величества великороссийских и Низовых, от провозу на Киев и сюда в главное войско всяких военных припасов и казны, наносятся немалыя тягости...»

На самом деле, этот пункт трудно прокомментировать. Война – суть жизни казачества. И здесь тогда возникает парадокс – с одной стороны малороссийское казачество именует себя запорожским, исповедующим единственный образ жизни – военный поход, тем самым приобщая себя к этой «вольнице», и в тоже время требует мирного труда и отдыха от войны. Этакий симбиоз воина-пахаря, подтверждающий то, что большая часть населения, в том числе служивого в малороссийских полках, по сути являлась «оказаченным» крестьянством. К примеру, летом 1694 г. гетман Мазепа высылает в поход к р. Кальмиус Полтавский и Гадячский полки, пехотный Кожуховского и кампанейский Ростковского «делать там нападение на азовских басурман». К посланному отряду присоединилось какое-то количество запорожцев в главе с бывшим кошевым Федором (Федько, возможно Степанов – А.Ш.). Общая численность отряда составляла около 10000 «добрых людей». «Но тут «непостоянная и дерзостная чернь» (т.е. казаки – А.Ш.), не уважая ни имени царей, ни не понимая собственной пользы

[208] Например, грамота от 3 марта 1719. – о наряде донских казаков на построение линии и крепостей между Царицыным и Паншиным. (Акты Лишина I. С. 282).

своей, стала толпами возвращаться назад, отговариваясь тем, что ей неудобно ради военных промыслов ходить в такие далекие места, потому что дома у нее наступили жатвенные и сенокосные работы в полях, и если она пропустит это дорогое для себя время, то в таком случае дойдет по полной нищеты. Оттого вся эта толпа дальше... не пошла». Полковникам пришлось встать лагерем на р. Орели и послать вперед, «чинить промысл» лишь кампанейцев с «выборным товариством всех полков» (добровольцев – А.Ш.) (Эварницкий, III, гл. 7).

Если обработка земли у донского казачества запрещалась под страхом смертной казни, а у запорожцев для этого были крестьяне, которыми руководили «гнездюки», то здесь мы наблюдаем явную тягу к созидательному труду, а не к военному ремеслу, которым можно заниматься лишь от случая к случаю. В конечном итоге, это было совершенно верно подмечено и царским правительством, что привело к переводу всего малороссийского казачества в крестьянское сословие, тем самым поставив точку в их истории.

«В-десятых, карательные действия армии Московского царства в Украине приводили к разорению и уничтожению ее населения. Российский историк В. Возгрин утверждал, что Украина в 1708 — 1709 годах стала даже объектом своеобразного геноцида: «Отходившие к югу русские войска выжигали территории, прежде всего, днепровского Правобережья. При этом уничтожались населенные пункты, запасы продуктов у населения и лесные массивы не только на пути шведов, но широкими (по 40 — 45 км) полосами справа и слева от их предполагаемого маршрута. Кроме того, сжигались города, заподозренные в поддержке казаков-сторонников Мазепы, а их жители подвергались тотальной ликвидации. Эти карательные меры стоили украинскому народу огромных жертв». Другой известный ученый Е. Тарле подтверждал, что Мазепа «боялся полного разорения Украины от наступающего Карла и отступающего или параллельно идущего русского войска».

Надо для начала разделить и карательные действия и геноцид? Указы Петра о разорении касались всех территорий, как Украины, так и России: «от границ на двести верст поперег, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских городов...» (ПСЗ т. IV, №2155, с. 383-384). Во-вторых, подразумевалось хлеб прятать, скот выводить в леса и на болота, а уничтожать лишь при необходимости. В случае неисполнения этого, предупреждалось, что «войска будут все жечь без остатку», и чтобы «жители потом не жаловались» (Масловский 1891, с. 114). Такие радикальные меры, отмечает тот же Масловский, применялись впервые. Обычно «уездных людей предупреждали о набеге неприяте-

ля, были приказания идти в «осадное сидение» с семьями и имуществом, но предупреждений об уничтожении огнем в допетровскую эпоху не было» (Масловский 1891, с. 114). Естественно, что Украине, ставшей военным театром, выпадала участь быть разоренной дважды – от собственных рук, волей Москвы, и от противника. Геноцидом, как мы знаем, именуется «истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно, как и меры по предотвращению деторождения в их среде».[209] Разве хоть один указ Петра говорит об уничтожении населения на Украине, или о разорении местности для тех же целей? Карательные акции имели место, но в таких ли масштабах? Мы уже говорили о явно раздутом кровавом штурме Батурина, который использовался и одной и другой стороной явно в пропагандистских целях. Лишь часть захваченных в плен с оружием в руках мазепинцев была казнена, децимация (казнь каждого десятого) применялась к жителям тех городов и местечек, которые добровольно сдались шведам или сторонникам Мазепы, большая часть старшины и их родственников, добровольно вернувшиеся, были помилована, и лишь несколько семейств отправились в ссылку.[210]

2.1.7. После Полтавы

Силы шведов под Полтавой оцениваются в 19 700 чел. по данным шведских историков, плюс к этому 10-12 тыс. казаков Мазепы и запорожцев. Кровавые потери шведов при Полтаве составили 9334 чел. и в плен сдалось 2977 чел. При отступлении потери увеличились до 13281 чел.[211] В Переволочне капитулировали (по последним уточненным данным шведского историка П. Энглунда): 1 генерал, 2 генерал-майора,

---

[209] Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 1948 г. – БЭС. М., СПб., 1998, с. 263.

[210] Семьи Бутович, Гамалия, Герцик, Ломиковские, Максимович, Мирович. Децимация (казнь каждого десятого) была применена, например, судьей Полтавского казачьего малороссийского полка П. Кованько по отношению к жителям и казакам слободского полкового местечка Водолаги в 1710 г., перешедших на сторону крымского хана, остальные вместе с семьями были отправлены в ссылку (Альбовский 1895, с. 108-109). Децимация применялась к восставшим булавинцам, а также к жителям тех малороссийских местечек, которые добровольно переходили на сторону шведов и Мазепы.

[211] (Порфирьев 1959, с. 10-11). Павленко разницу между погибшими на поле боя и общим числом погибших относит на долю павших в сражении или казненных после него казаков, что маловероятно. (Павленко 2004, с. 336)

11 полковников, 16 подполковников, 23 майора, 256 ротмистров и капитанов, 304 лейтенанта, 323 корнета и прапорщика, 18 полковых квартирмейстеров, 27 адъютантов, 12 575 унтер-офицеров и рядовых, из которых 9152 кавалериста , 3286 пехотинцев и 137 артиллеристов. Сюда можно добавить еще 3402 человека нестроевых и штатских, в том числе 1657 женщин и детей. То есть всего 16958 человек из них – 13556 военных.

Отступавший к Переволочне Карл XII прибыл в сопровождении 2-3 тыс. шведов. На ту сторону Днепра переправилось 1300 шведских солдат и до 3-4 тыс. казаков.[212] Эварницкий сообщает о том, что на берегу оставалось 220 запорожцев, часть из которых была захвачена в плен и казнена самыми жесточайшими способами (Эварницкий т. 3, с. 347). Однако, несмотря на все старания украинских историков, не идет речи о тысячах казненных. Часть казачьей старшины вместе с казаками и компанейцами сдалась после сражения русским, полк А. Маламы был в полном составе принят на службу и позднее отправлен под Ригу и Ревель. Костомаров говорит о 2700 казаках, переведенных в крестьянское сословие (Костомаров 1882 с. 313), Эварницкий сообщает о 15 000 казаках, вернувшихся и сдавшихся к 7 июля, которых постигла та же участь. Если соизмерить с числом казаков сторонников Мазепы, включая запорожцев, то потери среди них, в том числе казненными, весьма невелики.

Узнав о бегстве Карла XII и Мазепы, Петр I приказывает немедленно организовать погоню. Меншиков отправляет два драгунских полка – Ярославский и Тверской под командованием князя Г.И. Волконского со следующей инструкцией:

«Идти с Божьей помощью с определенной партией за Днепр, переправиться через оную реку в удобном месте, где можно больше судов сыскать.

Тот поход свой править тем трактом, которым король шведский пошел, проведывая о том его тракте, как можно накрепко и идти со всяким поспешением денно и ночно, не смотря ни на какие трудности, и по крайней мере трудиться его короля шведского догнать.

Буде же Бог поможет, что он господин генерал-майор его короля догонит, и тогда его взять и привести к нам, где мы обретаться будем, а между тем обращаться с ним яко с монархом честно и учтиво.

Ежели при нем, короле, будет изменник Мазепа, и его взять, везти под крепким караулом, и смотреть того, чтобы он каким способом сам себя не умертвил.

---

[212] Григорьев пишет о 1500 казаках. (Григорьев с. 371).

Для скорого поспешания брать лошадей по дороге в малороссийских городах, и по местам у всех жителей, а в тоже время оствлять им драгунских присталых и садненных лошадей, тако же и провиант на драгун брать у них же что доведется с нужды по рассмотрению, а излишнего ничего, кроме того, у них не брать, и ни каких своевольств и насилия никому не чинить, и о том во всей своей команде под смертною казнью заказать крепко.

Продолжать тот свой поход до того времени, как его короля шведского нагонит, к чему всягое тщание прилагать, не жалея себя, понеже за то, ежели сие учинить, высокая его царского величества милость ему господину генералу обещается.

Впрочем против сих пунтов чинить, как честному и верному офицеру надлежит. Дано при Переволочне июля 1 дня 1709 года.

P.S. О своем поведении давать нам надлежит почасту» (Волынский 1902, I, Кн. 1, с. 78-80).

2 июля Ярославский и Тверской драгунские полки достигли Кременчуга. Некоторую путаницу внес посланец генерала Боура подпрапорщик Московского полка Герасим Рогозин, доставивший устное распоряжение генерала князю Волконскому следовать обратно к армии. Ординарец Боура настиг полки еще на середине пути к Кременчугу. Пока выясняли, пока разобрались, пока нашли необходимое количество судов для переправы через Днепр, драгоценное время уходило, а вместе с ним, уходил от погони и шведский король. Помимо драгун в погоне участвовали и малороссийские казаки. Полковник Переяславского полка С.Томара (Тамара)[213] передал Волконскому несколько человек офицеров и солдат, захваченных из отряда Карла XII. На допросе пленные показали, что король имеет намерение соединиться с войсками Лещинского и Крассова, а Мазепа двигается к Бендерам.

В дальнейшем, эти данные не подтвердились, король уходил вместе с Мазепой к туркам. Погоня проходила в тяжелых условиях, не хватало продовольствия и фуража. Несмотря на указание Меншикова брать и лошадей и провиант в «городах и по местам у всех жителей», Волконский жаловался, что «ничего нет и достать негде». По этой причине, часть «худоконных» драгун князь оставил на другом берегу Днепра вместе с полковником Рожновым, командиром Тверского полка. Не было и ожидаемой реальной помощи от малороссийских казаков.

[213] С. Томара был наказным полковником Переяславского полка. После гибели в плену в 1707 г. И. Мировича Мазепа так и не назначил на его место другого.

Волконский писал, что они «у дела не надежны», просил прислать из Киева донских казаков и калмыков, жаловался на «малолюдство» и большое количество «худоконных». Тем не менее, Ярославскому и Тверскому полку удалось настичь шведов и мазепинцев при переправе через Днестр 27 июля. Сюда же подошли малороссийские казачьи полки – Корсуньский, Переяславский и Богуславский. Увидев русскую конницу, король в сопровождении Мазепы и нескольких сотен солдат переправился на другой берег, оставив заслон из 400 человек. В бою шведы потеряли половину, в плен сдались 4 офицера и 209 рядовых.[214]

На самом деле, если бы не расторопность Станислава Понятовского, сопровождавшего шведского короля, то у Волконского были все шансы догнать Карла XII. Бендерский паша медлил, ожидая распоряжений из Стамбула. Но поляк договорился с Очаковским пашой и тот, за две тысячи дукатов обеспечил переправу шведам, благодаря чему они ускользнули от погони. Отсюда, из Очакова, Карл первым делом шлет своего представителя О. Клинковштрёма в Бахчисарай, опять надеясь на помощь крымского хана. Король не без оснований полагал, что хан первым пойдет ему на встречу в дальнейшем: ведь Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, чьи интересы в отношении России полностью совпадали со шведскими. Карл не ошибся: хан оставался на тех же позициях и после Полтавы, в противоположность Стамбулу, предоставившему королю без армии приют, но всячески затягивавшему дальнейшие переговоры. Уже в августе 1709 года Девлет-Гирей предлагал в обход Турции все свое войско, чтобы помочь Карлу пробиться в Померанию, где стояли войска Стенбока.

Князь Волконский, видя, что Карл XII достиг турецких владений, отступил в урочище Французская Крыница, откуда отправил донесение Меншикову. Кроме этого, Волконский отправил письмо и Бендерскому паше с просьбой выдать изменника Мазепу, а шведского короля задержать до тех пор, пока Петр I не решит его судьбу с турецким султаном. Однако, вскоре было получено известие, что в Бендерах Карл XII был принят с почестями. Таким образом, Стамбул показал свои намерения сохранить хорошие отношения со Швецией и ее королем. Полкам Волконского было приказано возвращаться (Волынский 1902 Т. I, Кн. 1, 78-98).

---

[214] По воспоминаниям гвардейца К. де Турвиля более 300 шведов было захвачено в плен, а около 500 запорожцев или были порублены или утонули.

22 августа 1709 г. умер Мазепа. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы. 5 апреля 1709 г. собралась казацкая рада, на которой Карл XII был признан протектором всего казацкого войска. По подсчетам С. Павленко численность казаков в изгнании была около 5000 чел. (Павленко, с. 338). Бывший генеральный писарь Филипп Орлик был избран новым гетманом. Во время казацкой рады 5 апреля был принят документ: «Договор и Установление прав и вольностей Войска Запорожского и всего свободного народа Малороссийского между Ясновельможным гетманом Пилипом Орликом и между Генеральной старшиной, полковниками, а также названным Войском Запорожским, которые по давнему обычаю и по военным правилам одобрены обеими сторонами свободным голосованием, и скреплены ясным гетманом торжественной присягой».[215]

Документ состоял из вступления и 16 статей. Содержание этих статей было следующим: провозглашалась независимость Украины от Московии и Речи Посполитой; обусловливались протекция шведского короля и союз с Крымским ханством; территория Украины определялась Зборовским договором 1649 г.; казакам возвращались их традиционные территории в Поднепровье; при гетмане создавалась Генеральная рада с законодательной властью, состоявшая из генеральной старшины, полковников, выборных депутатов от каждого полка и из делегатов от запорожцев; рада собиралась трижды в году — на Рождество, Покрову, Пасху; дела о несправедливости гетмана и проступках старшины рассматривал Генеральный суд, в действия которого гетман не имел права вмешиваться; государственная скарбница (казна) и имущество подчинялись генеральному подскарбию, на содержание гетмана назначались отдельные земли; устанавливалась выборность полковников, сотников с последующим их утверждением гетманом; специальная комиссия должна была осуществлять ревизию государственных земель, которыми пользовалась старшина, а также повинностей населения; гетману вменялось в обязанность защищать казачество и всё население от чрезмерных налогов и повинностей, помогать казацким вдовам и сиротам» (Бантыш-Каменский Источники. Т. II, с. 245-254).

Следует добавить, что окружением Орлика разрабатывался и т.н. «хазарский» миф об этническом происхождении казачества, по образу и подобию «сарматского», популярного среди польской шляхты. Тем

[215] В украинской историографии его называют еще «Бендерской конституцией» или «Конституцией Пилипа Орлика».

самым подчеркивалась казачья идентичность, совершенно отличная от русской или славянской. Что в свою очередь вступало в полное противоречие с идеями, которые отстаивали киевские богословы – сторонники малороссийской идентичности еще с середины XVII в. – о единой общности восточных славян, ведущих свою родословную от Мешеха (Мосоха) шестого сына Иафета и внука самого прародителя человечества – Ноя (Plokhy, p.12).

Последующие годы ознаменовались русско-турецкой войной, в которой запорожцы и остатки мазепинцев приняли самое деятельное участие. По итогам заключенного с Турцией мира, Россия обязалась оставить «запорожских казаков в полном покое и не вступаться» в них. «Его царское величество весьма руку свою отнимает от козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороны вышеупомянутой реки» (Эварницкий, т. III, с. 374).

Русские выводили войска и с правого берега Днепра. Кошевой Гордиенко попытался захватить эти земли, но поляки коронного гетмана Адама Сенявского со временем изгнали их обратно в турецкие пределы.

После столкновения Карла XII с турками, получившего название «калабалык», король был вынужден покинуть Турцию. За ним потянулись и бывшие соратники Мазепы. Орлик осел в Стокгольме, а Федор Мирович в Варшаве. Оставшиеся не у дел запорожцы промышляли отдельными нападениями на малороссийские села, иногда грабили купцов, нападали даже на своих «благодетелей» татар, за что те сурово с ним спрашивали. И непрерывно слали письма то гетману Скоропадскому, то миргородскому полковнику Д. Апостолу, считая его вторым после гетмана лицом на Украине.

Теперь надо представить какими полномочиями обладал И. Скоропадский на Украине. Свое гетманство стародубовский полковник традиционно начал с подачи царю статей, однако, это было уже после Полтавской битвы, 17 июля 1709 г. в Решетилове. Приводим эти статьи вместе с резолюциями Петра I[216]:

«1. По превеликой милости своей, Ваше Царское Величество обещали утвердить и сберечь все наши права, вольности и порядки войсковые; теперь просим о милостивом пожалованьи тех статей.

[216] Резолюции выделены курсивом.

Права, вольности и порядки прежние, а особливо те, на которых приступил Богдан Хмельницкий с народом под Высокодержавную руку Царя Алексия Михайловича, при наставлении господина Гетмана в Глухове на Гетманский уряд, Государь в грамоте, им подписанной, подтвердил уже генерально, и ныне ненарушимо содержать их, по милости своей, обещает. А статьи обстоятельные дадутся Гетману после; ныне же это не возможно по неимению времени и по случаю похода Государева в Польшу.

2. В случае не генерального похода, а выступления части Малороссийского войска на службу, кто будет над этой частию войска Наказным Гетманом, тот да будет, по Вашей Царской милости и повелению, независим от Генералов и Офицеров, чтоб они не возили впредь козаками дров, сена и не заставляли бы их пасти рогатый скот и коней как то бывало прежде.

Чтоб Наказным не быть под командою Великороссийских Генералов, того сбыться не может; но Генералам будет приказано строго не употреблять козаков никуда, кроме дела войскового; буде они, в противность приказа, еще станут так поступать, то Наказные обязаны доносить о том Государю, и преступники подвергнутся жестокому гневу Царскому.

3. Просим Ваше Величество войсковую артиллерию, взятую по измене Мазепиной из Батурина и ныне находящуюся в Севске, войску нашему возвратить.

Часть ее возвращена прежде, по Гетманскому прошению; а остальные, употребленные против Государя изменниками, в память Батуринской измены, будут отвезены в Московский цейхгауз, по обычаю всего света; везде признается добычею все, что ни было в руках неприятельских, хотя двадцать четыре часа.

4. Просим, чтоб тем же указом повелели Ваше Величество возвратить нам пушки, взятые из разных сотен полка Гадячского и в Харьков увезенные. То же чтоб Котельва, всегда принадлежавшая к полку Гадячскому, ныне опять была к нему причислена.

Его Величество прикажет отдать взятые из некрепких мест пушки, но взятые из мест приличенных в измене Государя не будут отданы. А Котельва, которой жители сами просили быть причисленными, по близости и по удобству, к Ахтырскому полку, не может быть причислена к Гадячу. На то был Государев указ, и этого указа отменить уже невозможно.

5. Чтоб господа Воеводы, где они на прежних местах останутся, ни в какие распорядки и дела градские и полковые не вмешивались, чтоб

только присматривали за замками; да Малороссиян рассвирепевших и законной власти непокорных к себе на службу не принимали б; не обижали б обывателей, и расправы, без нашей Старшины, сами себе не чинили. Также гарнизоны, в некоторых городах Малороссійских вновь помещенные, ныне, когда неприятель побежден и в отчизне нашей уже не обретается, были б из тех городов милостивым Вашего Царского Величества повелением выведены.

Воеводам будет дано повеление, чтоб они, без указу, до Малороссиян притязаний не имели, вольностей их не нарушали, в суды и расправы не вмешивались; а если будет какое важное дело к Малороссиянину, то розыск и справедливость чинили б с согласия Полковников и Старшин, не включая в это постановление государственных дел, измены и тому подобного. Что касается до гарнизонов,— они выведены, кроме из Полтавы , откуда гарнизон не может быть выведен, потому что большая часть городов Полтавского полка были вмешаны в бунт Запорожский.

Чтоб на козацких дворах никто из Великороссиян не становился самовольно, если же и остановится Посланник, то чтоб квартиру указали ему Старшина городовая или сельская. Бо чрез тое вольность козацкая, за которую едино тылько служат, нарушается.

Это будет строго запрещено. В противном случае жаловаться будущему при Гетмане Ближнему Стольнику Андрею Петровичу Измайлову; а в Киеве и вблизи оного Воеводе Князю Дмитрию Михайловичу Голицыну.

Чтоб не брали самовольно подвод; чтоб лошадей, взятых в подводу, не уводили, как это случалось несколько тысяч раз: их уводили и хозяевам не отдавали. Чтоб не вымышляли допросов на Ратушах, бьючи и мордуючи людей; и чтоб Великороссийские войска, при переходах, не обижали обывателей.

Государь даст повеление, чтоб постою без крайней нужды у козаков не было. А что в шестой статье к лицу Государя выражено, что козаки служат за одну козацкую вольность, того писать не надлежало. Весь народ довольно имел Царских милостей, он пользуется и ныне привилегиями и вольностями, к тому ж Государь освободил его от Шведов, от Мазепы и от тиранства, погибели и разорений Польских, Турецких и Татарских.

Нашествием Шведов, изменой проклятого Мазепы, походами козаков, обыватели крайне разорены: просим на несколько лет от военной службы, пока поусилится народ, увольнения.

Государь, милосердуя к народу увольнил на нынешнее лето козаков от походу; кроме крайней нужды и некоторого числа, по требованию случая.

То хорошо, что проклятые Запорожцы чрез измену утратили Сечь; но Малороссияне пользовались оттуда солью и рыбою и зверями; и так просим, чтоб позволено было, нам ездить туда за таковою добычею, и чтоб ни Каменно-Затонский Воевода, ни гарнизон не чинили промышленникам обид и препятствий.

На этот счет дастся распоряжение после, а теперь нельзя, чтоб под этим предлогом бунтовщики Запорожцы не возгнездились на прежних местах и не учинили собраний бунтовщицких.

11. Один проклятый Мазепа с малым числом единомышленников изменил Вашему Величеству, а на всех нас непоколебимых в верности лежит досада и порок: нас называют изменниками. ***О том уже было запрещение, и ныне оно строго подтвердится.***

12. Войска охочие, которые верно служили и служат Вашему Величеству, как то: Компанеи Хведкова, Ковбасына и Чучына, также Сердюцкий полк Бурляев, по причине разорения мест, в которых они прежде стояли, невозможности дать им жалованье и по причине увозу Мазепиного скарба, — просим Ваше Величество принять в милостивое призрение.

Эти полки поставить в тех местах, которые менее разорены; а для удовлетворения их жалованьем, необходимо, чтоб господин Гетман немедленно прислал Государю известие: какие при прежних Гетманах и при изменнике Мазепе были наложены на Малороссиян налоги и подати с чего; какие приходили в войсковый скарб и на другие издержки доходы. Тогда Государь учинит определение без отягощения народного.

13. В Чернигове и за городом постройки на тридцать сажень от крепости перед неприятельским нашествием поломаны. Ныне просим позволения хозяевам тех мест их снова застроивать, ибо они куплены дорогою ценою.

Эти дома сломаны для безопасности и крепости Черниговских укреплений, и потому вновь строиться на тех местах не возможно; а отвесть иные места бывшим хозяевам.

14. Бьем челом, чтоб указы не от многих в Малороссию были посылаемы, и не в полки; а единственно от Вас Великого и всенадежно милостивого Государя и к одному только Гетману; он же будет их рассылать куда следует.

Указы будут посылаться в Малороссию прямо на имя одного Гетмана и не от кого иного, как из Приказа Малыя России и от Министров Его Величества.

15. Просим определения о том, за чьим подписом быть подорожным на взымание подвод в Малороссии.

Из Москвы, за подписом Судей Малороссийского и Ямского Приказов; из похода, за подписом Фельдмаршалов, Министров Посольских дел и Корпусных Генералов; из городов, за подписом Комендантов и Воевод. **(Маркевич 1842, Гл. L)**

Примечательно, что статьи подписал не царь, а Головкин.

Однако, И. И. Скоропадский не был полновластным правителем. С 30 июля 1709 г. при нем был назначен состоять, в звании ближнего стольника Андрей Петрович Измайлов, для участия в управлении, причем тайной инструкцией ему было особенно предписано наблюдать, чтобы гетман не изменил. В остальном его полномочия состояли: «в стараньи о сохранении тишины и благоустройства в Малороссии, посредством поимки всех возмутителей. Он должен был вооруженною рукою препятствовать Запорожцам селиться Сече, или где бы то ни было; принимать вместе Гетманом иностранных посланцов, доставлять к Государю привозимые ими письма и без Высочайшего соизволения не ответствовать, равно и козацких посольств никуда не отправлять; не позволять Гетману без Царского указа отставлять Старшин и Полковников; избирать их вновь не иначе, как с общего совета и с Царского утверждения; не допускать приема Поляков и других иностранцев в службу Малороссийскую; наблюдать, чтоб без воли Государя Гетман никого не казнил; описать все имущества изменнические; прислать об них ведомости; не позволять Гетману давать и отбирать земли и маетности без воли Государевой; назначать, с общего согласия, Генеральных Старшин и потом представлять о них Государю; не допускать Гетману иметь местопребывание где-либо, кроме Глухова; взыскать с городов Полтавского полка, замешанных в измене Мазепиной, по два ефимка со двора и, буде не могут дать, раззорить их до основания, подобно Батурину; истребовать от Гетмана и Полковников подробную ведомость о войсковых доходах».

Столицей Гетманщины становится Глухов, где приказано было жить и Измайлову. Царь, однако, остался недоволен его действиями при гетмане и отозвал его в Москву, в сентябре 1710, а на его место прибыли А.А. Виниус и Ф. Протасьев.

Добронамеренный, но безвольный, не блещущий особенным умом, Скоропадский находился под башмаком и в полном подчинении своей

жены, гетманши Насти, урожденной Маркевич. Население это знало и пело песни, что «Иван носит очинок (женск. головной убор), а Настя булаву...». Неудивительно поэтому, что его 14-летнее гетманство особыми достижениями похвалиться не может. Находясь под неусыпным надзором представителей Петра, ему не доверявших и проявлявших нередко самоуправство и даже самодурство, Скоропадский, с другой стороны находился под давлением своей жены и алчной старшины, буквально вырывавшей у него универсалы на потомственное владение разными имениями, бывшими раньше «ранговыми» (связанными с занимаемыми должностями).

Скоропадский выдал универсал на огромные имения в стародубовском полку любимцу Петра Меньшикову и отказался от денег, которые из Москвы были присланы в Гетманскую казну за постой и содержание русского войска за один год.

В результате, Москва вообще перестала присылать деньги за постой войск, а Меньшиков, которому полученные имения очень понравились, пошел их «округлять», увеличив в несколько раз за счет сотенных местечек, и самовольно захватил то, что хотел еще. Скоропадский пожаловался Петру, царь, разобравшись, захваченные земли приказал вернуть в распоряжение Гетмана. Но за это Скоропадский в лице всемогущего Меньшикова нажил лютого врага, который старался при каждом возможном случае причинить неприятность и Скоропадскому лично и управляемому им краю.

Тотчас же после ссоры с Меньшиковым из Петербурга начали поступать приказы о посылке казаков на работы и в походы. В 1716 г. 6000 казаков под командой генерального хорунжего Сулимы были отправлены на рытье канала между Волгой и Доном; в 1720 г. 12000 казаков отправлены на работы на Ладожский канал и 5000 на постройку Киевской крепости; в 1721 г. 10000 участвовало в Персидском походе; в 1722 снова 10000 отправлено на Ладогу. Работы эти были, очень тяжелы и изнурительны; казаков косили болезни, и значительная часть их погибла на этих работах. Сохранились сведения, что только в 1721 г. на работах Ладожского канала умерло 2461 человек.

Были ли эти командировки казаков результатом интриг Меньшикова или общей политики Петра утверждать нельзя. Вернее всего, и то, и другое. Население же от этого страдало и изнемогало под тяжестью этих «натуральных повинностей», от которых, разумеется, не были избавлены и другие территории Российской Империи. Только там они имели другие формы, ибо там не было территориального войска, как на Украине, а население предоставляло солдат в регулярную армию,

неся при этом не мало и других повинностей, в том числе, выполняя и такие же работы, на которые посылались казаки.

С другой стороны, малороссийское население немало терпело и от собственной старшины, традиционно быстро превращавшейся в строгих помещиков, с которыми не мог совладать безвольный гетман. Находившийся при гетмане Ф. Протасьев в своем рапорте за 1720 год пишет: «в Малороссии самые последние чиновники добывают себе богатство от налогов, грабежа и винной торговли. Если кого определит гетман сотником, хотя из самых беднейших и слуг своих, то через один или два года явится у него двор, шинки, грунты, мельницы и всякие стада и домовые пожитки». Надо полагать, что подобные рапорты Ф. Протасьев подавал и раньше, ибо в архивах, еще за 1715 год сохранился приказ ему Петра, «строго смотреть за полковниками, чтобы они не обременяли народ взятками и разными налогами». А в 1722 году в инструкции Вельяминову, сменившему Протасьева, Петр (в §4) пишет: «препятствовать, с гетманского совета, Генеральной Старшине и полковникам изнурять работой казаков и посполитых людей».

Эти исторические факты находится в противоречии с утверждениями ряда украинских историков о том, что Россия вообще угнетала весь малороссийский народ, а Петр был его «катом» (палачем). Однако, получается, что на самом деле «катами», как говорят документы, были, или пытались быть, свои же казачьи старшины, а защитником от них порой выступал «москаль» – Петр I.

Это не значит вовсе, что жизнь населения Левобережья в эпоху Петра была легкой, и оно не ощущало на себе его тяжелой руки. Но если ту глубокую ломку всех сторон жизни, которую вызвали Петровские реформы, сравнить на Левобережье украины и в остальной России, то нельзя не признать, что в Великороссии она была гораздо глубже, резче и болезненнее.

Бесчисленные казни стрельцов, жестокие расправы со старовера-ми, введение нового летоисчисления, гражданского алфавита вместо церковно-славянского, насильственная ломка семейного быта, изменение древней одежды на иноземную, принудительное бритье бород, лишение боярства и дворянства прежнего влияния и значения и их пожизненный принудительная служба государству и много других насильственных мероприятий Петра испытала на себе Великороссия.

На Украине же за этот самый период ломки жизни и быта практически не было. Веками установившиеся обычаи никто насильственно не менял: усы, чубы с «оселедцем» остались в неприкосновенности и никто на них не посягал, как на великорусские бороды; пышные одеж-

ды старшин никто не перекраивал на «немецкий» лад; детей старшины не забирали принудительно для обучения и на царскую службу, а их жен и дочерей не заставляли проводить время на «ассамблеях», с пьяными иностранными матросами. Администрация оставалась такой же, какой она установилась во времена Хмельницкого, тогда как старшина, имевшая при поляках власть только над весьма ограниченным числом реестровых казаков, распространила ее на все население, заменив собою и гражданские суды, и всех остальных представителей власти. Поэтому петровские нововведения коснулись только старшины.

Полковники и сотники представляли всю полноту власти. Это позволяло им совершать самые разнообразные злоупотребления, с которыми Петр повел борьбу со свойственной ему твердостью, имея в виду интересы «регулярного» государства и самого населения и не рассуждая ограничивал самоволие и самоуправство старшины, прикрывавшейся словами о «вольностью козацкой». Царь назначил к гетману комиссара, который, не стесняясь, вмешивался во все дела, вызывая этим неудовольствие старшины, с одной стороны, и частые выговоры гетману из Петербурга, с другой. В архивах сохранилось немало любопытных документов, относящихся к этому вопросу. Так в 1719 году Петр делает строгий выговор Скоропадскому за самовольную раздачу земель; в 1720 г. – за медлительность в исполнении распоряжений; в 1721 г. за беспорядки в гетманской канцелярии, где его канцеляристы все решают сами, не спрашивая гетмана и даже «прикладывают гетманскую печать»; в том же 1721 г. – за попустительство старшине, неправедно накладывающей разные повинности на казаков и посполитых.

Но в то же время Петр строго оберегал авторитет гетмана, как представителя его власти и безжалостно наказывал всякие проявления к нему неуважение, не только украинцами, но и великороссами. Так, например, сохранилось дело о том, как в 1712 году воевода калужский Зыбин при проезде через Калугу посланца Скоропадского Константина Геваровского не дал ему подвод и «непристойно говорил о гетмане». За это Петр приказал сместить Зыбина, лишить его всего имения и послать его к Скоропадскому «головой» (т. е. выдать на суд гетмана). Как решил Скоропадский, сведений об этом нет.

Когда же гетман приезжал в Москву или Петербург, ему оказывали знаки особого внимания. В сохранившемся дневнике, сопровождавшего гетмана в поездках канцеляриста Ханенка, описывается, как в 1722 г. во время торжеств по случаю заключения Ништадтского мира и провозглашения Российской Империи «карете Гетмана было дозволено

подъезжать к придворному крыльцу. Гетманше Императрица пожаловала свой портрет; в Сенате Гетман сидел между Канцлером и Генерал-Адмиралом; а за столом рядом с Государем».

Одновременно, по инициативе казачьей старшины, осознавшей свою полную зависимость от царской власти, от вельмож из окружения Петра I, развивается культ Б. Хмельницкого. Это утверждение может показаться парадоксальным. В нашем привычном восприятии истории кажется, что Б. Хмельницкий всегда был настолько популярен, что говорить о каком-то создании его культа в 1710-1720-е гг. не приходится, ибо он существовал всегда. Однако, это не совсем так. Среди казачества второй половины XVII в. гораздо большей популярностью пользовался образ Ивана Подковы (Пидковы)[217], нежели Хмельницкого. Создание образа героического гетмана – защитника казачьих свобод началось еще при Мазепе, как напоминание об обещаниях царя Алексея Михайловича хранить вольности и продолжилось... после его измены, превратившись в культ анти-Мазепы, т.е. подчеркивалась верность в отличие от предательства[218]. Это отчетливо прослеживается по т.н. «Летописям». Созданная в 1703 г. «Летопись Самовидца» ограничивается лишь рассказом о нем, без выделения какого-то особенного культа гетмана. «Летопись Грабянки» (1710 г.) начинает его прославление и провозглашает Хмельницого ключевой фигурой истории Украины. Около 1728-1729 гг. появляется «Летопись Величко», которая завершает формирование культа национального героя. Если Летописи исходили из «верности» Б. Хмельницкого одновременно и Москве и Малой России, то эмигранты-сторонники Ф. Орлика, которые также поддерживали культ гетмана, напротив, искали в нем оправдание союза со Швецией из-за предательства Москвы. (Plokhy, pp. 48-50). Поскольку царское правительство благосклонно и поощрительно относилось к культу Хмельницкого, то для казачьей старшины это была возможность еще раз напомнить о своих привилегиях.

Но одновременно с этим Петр неуклонно проводил мероприятия в духе создаваемой им централизованной Российской Империи. Находя недостаточной деятельность комиссаров (Протасьева-Виниуса и Измайлова), 29 апреля 1722 г. он издает указ: «Для прекращения

[217] Иван Подкова (Підкова) – (? – 1578), народный украинский и молдаванский герой, один из предводителей запорожцев, которому удалось на некоторое время стать молдавским господарем.

[218] Как вы понимаете «верность» Хмельницкого весьма условна. Достаточно напомнить о его переговорах со Швецией в то время, когда Россия находилась с ней в состоянии войны.

возникших в малороссийских судах и в войске беспорядков быть при Гетмане бригадиру Вельяминову и шести штаб-офицерам из украинских гарнизонов». 7 мая того же года было приказано: «Малой России вместо Коллегии Иностранных дел находиться в ведении Правительствующего Сената».

А 16 мая учреждена была Малороссийская Коллегия. Обязанности ее были следующие:

Надзирать за скорым и безпристрастным производством дел во всех присутственных местах и обиженным оказывать законное удовлетворение.

Иметь верную ведомость о денежных, хлебных и других сборах и принимать оные от Малороссийских Урядников и Войтов.

Производить из сих денег жалованья с Гетманского совета Сердюкам и Компанейцам. Иметь приходные и расходные книги, и ежегодно представлять их Прокурору в Сенат.

Препятствовать, с Гетманского совета, Генеральным Старшинам и Полковникам работами изнурять козаков и людей посполитых.

Смотреть, чтоб драгунам отводимы были квартиры, без всякого исключения, даже в Гетманских поместьях, кроме двора, где он имеет жительство и дворов Старшин, Священников и церковнослужителей.

Рассматривать вместе с полковыми Командирами имеющие поступать жалобы от нижних чинов и Малороссиян.

Наблюдать, чтоб присылаемые к Гетману Указы от Государя и Сената были записываемы в Генеральной Канцелярии, и в свое время доставлять рапорты. Также препятствовать Писарям Гетманским подписывать, вместо его, универсалы и отправлять оные из Коллегии.

При этом Вельяминову была дана длинная и подробная инструкция, которая определяла его деятельность. Общее направление этой инструкции – упорядочение всех сторон жизни и администрации Левобережья, строгая регламентация прав и обязанностей, как населения в целом, так и отдельных его классов и групп и их взаимоотношений и проведение во всем принципов централизованного государства.

Так постепенно за 14-летнее правление Скоропадского вводился новый порядок и ограничивалась власть гетмана и старшины. «Упадком Гетманщины» называет М.Грушевский этот период и говорит, что это было время ликвидации «вольности, прав и привилегий Украины». Правильнее бы было этот период назвать периодом обуздания своеволия и самовластия старшинской верхушки. Немалую роль при этом сыиграла и безвольная, бесцветная личность Скоропадского. При умном и волевом Мазепе, умевшем

поддерживать порядок, Российское Правительство почти не вмешивалось во внутренние дела Малороссии.

Хаотическое ведение дел Скоропадским требовала или замены его другим лицом, более твердым и способным, или непосредственного вмешательства правительства. Опасаясь возможности повторения измены, по примеру многих гетманов – предшественников Скоропадского, Петр выбрал второе решение, оставляя Скоропадского гетманствовать и оказывая ему всяческие знаки внимания и почета, но особо не доверяя.

Еще при выборе Скоропадского была кроме него выдвинута кандидатура умного и волевого Черниговского полковника Павла Полуботка, но Петр, зная одного и другого, поддержал Скоропадского и тем предопределил исход выборов. Надо полагать, уже тогда у него был план «подобрать Малую Россию к рукам», а это было легче сделать при Скоропадском. Покорность же Скоропадского шла так далеко, что он запросил Петра, за кого ему выдать единственную дочь Ульяну. Петр посоветовал выдать за одного из великорусских начальников, пребывающих на Украине – и Ульяна была выдана за Петра Толстого, который вскоре после этого стал полковником Нежинского полка. Это был первый случай, когда во главе малороссийского казачьего полка встал великоросс. Впоследствии таких случаев было немало.

При Скоропадском же появились и первые помещики-великороссы. Кроме Меньшикова, о котором уже упоминалось, гетманские универсалы на потомственное владение имениями получили: Шафиров, Головкин и ряд других влиятельных вельмож Петра.

3 июля 1722 г. гетман Скоропадский скончался, поручив дела черниговскому полковнику Павлу Леонтьевичу Полуботку, который уже давно рассматривался всеми в Малороссии, как первый претендент на гетманскую булаву. Единственный реальный конкурент Полуботка – Даниил Апостол находился вместе с царем в Персидском походе.

Однако, Полуботок тут же вошел в конфликт с бригадиром Вельяминовым, назначенным президентом Малороссийской коллегии, который прекрасно будучи осведомлен о повсеместных злоупотреблениях казачьей старшины, и, в первую очередь, был решительно настроен привести в должный порядок сбор всех налогов[219]. И здесь Вельяминов действовал через голову Полуботка, так как не мог добиться от него конкретных сведений, и вынуждено отправляя по полкам своих

[219] Что соответствовало еще Матровским статьям 1654 г.

собственных сборщиков[220]. Этим распоряжением сводились к нулю все привилегии старшины. Согласиться с этим Полуботок не мог. Он подает жалобу в Сенат, отправив заодно и личные письма к отдельным влиятельным лицам государства, в основном имеющим владения в Малороссии – Меншикову, Шафирову, Головкину и др. Именно благодаря покровительству Меншикова, желавшего к полученному от Скоропадского Почепу присоединить Мглин и Баклань, жалоба Полуботка была удовлетворена. Тот же Меншиков обещал Полуботку, что по возвращению царя из Персидского похода сразу же будет решен вопрос с избранием его гетманом.

Но дальнейшие события развивались совсем не так, как рассчитывал Полуботок. Меншиков попал в очередную опалу у царя, и сенату было приказано разобраться с законностью получения им от покойного Скоропадского прав на владение Почепом. Неразбериха со сборами (налогами) Петра I абсолютно не устраивала и новый указ (от 16 апреля 1723 г.) фактически передавал всю власть от гетмана Малороссийской коллегии, а сама коллегия «во всем том, что будет касаться воинских отправлений» подчинялась князю М.М. Голицыну, который становился главным начальником над всеми малороссийскими казаками. Казачья старшина обязывалась наравне со всеми платить сборы, ей запрещалось устанавливать дополнительные налоги для народа, в города назначались коменданты, фактически подменявшие собой полковников. Но самым ужасным для Полуботка был следующий указ от 23 июня 1723 г., который заключал в себе решительный отказ царя в избрании нового гетмана. Поводом к этому, как говорилось в документе, было то, что начиная с Хмельницкого и до Скоропадского, все гетманы являлись изменниками, от чего претерпело Московское государство, а особенно Малая Россия, почему для выбора верного человека в гетманы, его нужно еще сыскать, а до этого устанавливалось правительство (Малороссийская коллегия), – «и для того в сем деле докучать не надлежит».

Чтобы не вызвать волнений, инициированных недовольной старшиной, М.М. Голицыну было приказано вывести всех казаков в «поле» под видом опасности нападения татар, часть казаков должна была отправиться вновь в Персидский поход, часть – на Ладожский канал.

[220] Вельяминову удалось составить приблизительный свод малорусских приходов и расходов лишь после ареста Полуботка и другой казачьей старшины. Оказалось, что в Малороссии с разных статей в прежнее время собиралось деньгами 72 128 рублей 24 копейки, а не собиралось, по разным причинам, 42 366 рублей 95 копейки. Всех денежных сборов числилось 114 495 рублей 20 копеек. (Сборник Русского Исторического Общества, Т. 63, стр. 486).

Самому Полуботку было приказано явиться к царю. Наказной гетман заготовил новые челобитные, но добиться единства среди казачьей старшины ему не удавалось. Ряд полковников, назначенных прямыми указами царя – Маркович, Милорадович, Галаган и Танский, вели себя абсолютно независимо и подписывать ничего не собирались. Исходя из этого, Полуботок в челобитных ограничился несколькими подписями второстепенных казачьих старшин, в том числе и наказных полковников Стародубовского и Переяславского – Петра Корецкого и Ивана Кирпича.

И здесь на сцену выходит миргородский полковник Даниил Апостол, старейший и наиболее заслуженный человек во всем Войске[221]. Полуботок отправился в столицу, а миргородский полковник написал собственного сочинения челобитные Петру но от имени всего Войска, воспользовавшись тем, что все казаки вышли в поле вместе с ним, в отличие от тех, что подавал и собирался подать Полуботок, заручившись лишь поддержкой отдельных старшин. Д. Апостол также, как и Полуботок, просил царя отменить сборы со старшин, а кроме того, просил не избирать гетмана, но пожаловать именно его, Апостола, за долгую и верную службу.

Петр принял Полуботка благосклонно, но как только наказной гетман попытался вручить царю челобитные, это сразу вызвало его гнев.[222] В распоряжении Петра были донесения бригадира Вельяминова о противодействии казачьей старшины во главе с наказным гетманом ранее данным указам. В результате Полуботка и сопровождавших его старшин отправили на допрос в Тайную канцелярию, а в Малороссию был срочно послан бригадир А.И. Румянцев с целью разузнать истинное положение дел, а также выяснить насколько народ участвовал в составлении челобитных. Допрос в Тайной канцелярии был довольно легким, поскольку ориентировался лишь на вспышку гнева царя и не располагал серьезными обвинениями против старшины.

Но в этот момент в Петербург прибывает посланец Д. Апостола канцелярист Иван Романович с новыми челобитными. Царь прочел их и тотчас «с великим гневом яростью» приказал генерал-майору А.И. Ушакову арестовать всех малороссийских казаков, кто был в столице.

---

[221] Д. Апостол занимал полковничий уряд с 1682 г. – уже 41 год.

[222] Ободренный ласковым обращением царя, Полуботок быстро набросал еще одну челобитную об уничтожении вовсе Малороссийской коллегии, поскольку у него имелись чистые бланки с подписями ряда старшин.

Между тем, бригадир Румянцев прибыл в Малороссию и начал ее объезд со Стародубовского полка. Следствие длилось до начала февраля 1724 г. Бригадир получил множество жалоб от народа на притеснение старшин, выяснилось, что к челобитным Полуботка никто, кроме некоторых старшин, отношения не имел. Дополнительный донос псковского епископа Феофана Прокоповича на Полуботка о сношениях с Ф. Орликом и изменниками-мазепинцами не был подтвержден. Для дальнейшего разбирательства в Петербурге были арестованы Апостол, Журавский, Лизогуб, Галецкий и др.

Результаты следствия несколько успокоили Петра I. Царь убедился, что население Малороссии спокойно и благожелательно относится к его нововведениям, и челобитные отражали лишь протест казачьей верхушки, которая ко всему была разъединена. Доказательств прямой измены налицо не было, этим и объясняется отсутствие каких-либо крутых мер в отношении арестованных. Безусловно, неизвестно чем бы все закончилось, но Полуботок не дождался решения своей участи, и скончался в Петропавловской крепости 17 декабря 1724 г., а чуть более месяца спустя умер сам император. Вступившая на престол Екатерина I повелела выпустить миргородского полковника Д. Апостола со старшиной из крепости, но не Украину не отпустила, «для того, чтобы малороссийскому народу впредь от них обид и разорения не было». Вскоре, им было позволено вернутся на родину, но до вступления на престол Петра II всеми делами на Украине заведовала Малороссийская коллегия. В 1726 г. Верховный тайный совет постановил вновь избрать гетмана, и несмотря на 70-летний возраст им стал Даниил Иванович Апостол. По его смерти в 1734 г. начался период Междугетманства, завершившийся назначением последнего из малороссийских гетманов Кирилла Григорьевича Разумовского (1750-1764 гг.).

В целом, эпоха Петра I кардинально изменила всю жизнь малороссийского казачества. Процесс ликвидации «вольностей» казачьих пошел полным ходом от фактической ликвидации, как таковой гетманщины со смертью И.И. Скоропадского до превращения малороссийских полков в регулярные армейские кавалерийские части, комплектующиеся уже на совершенно иной основе при Екатерине II. Немалая вина в этом лежит и на гетманах и на казачьей старшине, которым царь, после измены Мазепы, просто перестал доверять. Целью существования государства, по мнению Петра должно было быть «общее благо» его граждан. Но, гарантировать такое «благо» могло лишь государство, устроенное по западноевропейской «регулярной» модели, в которую никак не вписывалась Малороссия с ее постоянными внутренними проблемами,

которые не решались, по мнению царя, без вмешательства центральной власти, и которые угрожали целостности всего государства. Измена Мазепы лишь подтвердила опасения Петра и укрепила его решимость превращения Малороссии в рядовую губернию России.

2.2. ДОНСКИЕ СТРАСТИ

2.2.1. Присяги на Дону

Будущий первый русский император Петр Алексеевич родился 30 мая (9 июня) 1672 г. менее чем через год, как донскими казаками была принесена первая присяга на верность его отцу царю Алексею Михайловичу. Именно с 1671 г. начинается процесс превращения вольного казачества Дона, Терека и Яика в служивых людей московского государства, занявший ближайшие 50 лет – до 1721 г., совпав, таким образом, практически полностью с годами жизни Петра Великого (1672-1725 гг.). Немногим спустя, в 1682 г. казаки принесут присягу уже непосредственно самому Петру, ставшему царем в десятилетнем возрасте.

Задавленное царскими войсками после восстания Степана Разина донское казачество тем не менее отчаянно сопротивлялось. Вновь с них потребовали страшное знамение – «целование креста» и перепись,[223] вместо устного обещания «служити, как прежним государям».

Прибывший в августе 1671 г. на Дон царский стольник Григорий Косогов в сопровождении 1000 стрельцов объявил казачьему кругу о жаловании денег, хлеба и пушечных запасов, а также о том, что старшина, выдавшая Разина Москве, в лице атамана Корнилы Яковлева и Михаила Самаренинова уже присягнула втайне от Войска: «Великому Государю в верных своих службах пред Св. Евангелием обещались, так же бы и они, казаки, ему, Великому Государю, пред Св. Евангелием веру учинили ж».

И трижды казаки отвергали присягу, говорили, «что они Великому Государю служить ради верно и без крестного целования, а креста де им в том целовать не для чего» (Сватиков 1924, с. 106). Лишь на четвертый день согласились «учинить обещание», что и было сделано 29 августа 1671 г. в Черкасске, на соборной площади. Вместе с присягой была впервые произведена перепись в особую книгу, присланную из Посольского приказа, помимо первой книги был заведена и вторая,

[223] 122 года до этого казаки отказывались присягать, т.е. начиная с Ивана Грозного.

которая должна была храниться в Войске, и в нее следовало вносить тех, кому предстояло записываться в казаки. Таким образом, государство получало возможность контролировать пополнение рядов казачества, еще не запрещая принимать беглых, но устанавливая первые ограничения, касавшиеся подданных враждебных по мнению Москвы государств.

Основные положения присяги заключались в том чтобы: «старшинам и казакам все открывшиеся на Дону возмущения и тайные заговоры против Великого Государя в тож время укрощать,, главных зачинщиков присылать в Москву, а их последователей по войсковому праву казнить смертью; ежели кто из них, в нарушении этой присяги, изменяя государю, начнет ссылать с неприятелем, или с поляками, немцами или татарами, с таковыми предателями, не щадя живота своего сражаться; самим к таковым злоумышленникам не приставать и даже не помышлять о том; с калмыками дальнейших сношений не иметь, кроме увещеваний служить государю с казаками вместе; скопом и заговором ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всех делах ни на кого ложно не показывать. На здравие Государя и всей его царской фамилии не посягать и, кроме царя Алексея Михайловича, другого государя, польского, литовского, немецкого и из других земель царей, королей или принцев иноземных и российских на царство московское не призывать и не желать, а ежели услышат или узнают на Государя или всю его царскую фамилию скоп или заговор или другой какой умысел, возникший у русских или иноземцев, и с такими злоумышленниками, не щадя жизни биться» (Сватиков 1924, с. 107).

Внешне присяга виделась, как естественное стремление Москвы обезопасить себя от всякого рода посягательств на Государя, попыток свергнуть правящую династию, заменив ее на другую. Имелись в виду и различные русские самозванцы, памятные со Смуты, и иноземные претенденты на престол – польские и шведские с тех же времен. Вместе с тем исключалась возможность бунта, такого как разинский.

Но главное было в другом. Во-первых, Войско теряло свои права, служащие основным признаком государственности – право собственных дипломатических отношений с кем бы то ни было, даже калмыков можно было только увещевать «служить вместе» и право объявлять самостоятельно войну, а значит, и заключать мир. Необходимо отметить, что принадлежащий Турции Азов – этот казачий Иерусалим, к которому они всегда так стремились, и столько раз воевали, упомянут не был. В тоже время другие вассалы турецкого

султана – татары оговаривались. Во-вторых, казаки теряли частично право собственного суда, обязуясь выдавать главных зачинщиков Москве. И, в-третьих, как уже упоминалось, они были все переписаны, что означало утрату еще одной из основных казачьих вольностей – «число на Дону не живет», а для многих, недавно вышедших из московского государства, это символизировало подати и потерю личной свободы, вместе с тем было началом превращения всего казачества из вольницы в служивых людей.

Вместе с тем, присяга данная казаками Алексею Михайловичу, отличалась от той, что приносили остальные подданные царя. Но лиха беда начало, и следующему царю Федору Алексеевичу – старшему брату Петра в 1676 г. казаки присягнули наравне со всем: «служити и прямити и во всем всякого добра хотети безо всякой хитрости, и бытии им в Нашем царском повелении так же, как были при Отце Нашем» (Сватиков 1924, с. 113).[224] Шаткость царской власти и неуверенность в полном согласии казаков присягать царям проявлялась в том, что для присяги на Дон из Москвы отправлялся особый человек, как правило, стольник, что было излишним в России. Мало того, в его распоряжение Войско должно было выделить «для верности» 3-4 человека из числа старшины для сопровождения при посещении казачьих городков «вверх по Дону», население которых традиционно было настроено против царской власти. При объявлении о воцарении Федора Алексеевича сочли необходимым впервые публично объявить, что новому государю присягнули «все люди, а также Донские Атаманы и казаки», но в тоже время оговорили, что «жалование и милость к... Атаманам и Казакам, и ко всему войску Донскому, будет прежней, как было при Отце Нашем» (Грамота 3 февраля 1676 г. ПСЗ II № 622).

С 1682 г. царем становиться единолично Петр, а затем на престол возводится и его сводный брат Иван, и хотя фактически власть переходит в руки царевны Софьи до 1688 г., грамоты на Дон идут от имени двух царей.

В 1688 г. «по случаю» выдачи Москве вождей староверов Лаврентьева, Чекунова, Сергеева и др. вновь состоялось «крестное целование» (Грамота от 25 декабря 1688 г. Акты Лишина I, с. 118).

---

[224] Точно также казаки присягали в 1682 г. сначала Петру I, в том же году Петру I и Ивану V. 27 апреля 1682 г. стараниями Нарышкиных был единолично венчан на царство Петр, а спустя три месяца, стараниями царевны Софьи, Милославских и восставших стрельцов, 25 июля патриарх Иоаким венчал повторно двоих Ивана и Петра, при фактическом правлении Софьи (ПСЗ II №№ 932, 977).

Несмотря на запрет прямых дипломатических связей Войска Донского с другими государствами, отношениями с казаками ведает Посольский приказ, т.е. они остаются формально на дипломатическом уровне, что подтверждает определенную независимость или автономию. С Дона по-прежнему ежегодно отсылаются в Москву зимовые станицы – посольства, которые прибывали в столицу зимой и проводили там по три месяца полностью за казенный счет. За время пребывания казаки трижды удостаивались чести присутствовать на царском приеме – по приезду, на праздник Богоявления (Крещения) и перед отъездом. В состав зимовых станиц входило 100 человек – атаман, есаул и 98 казаков, которым от казны жаловалось оружие, серебряные ковши, соболя, деньги, материи, помимо этого для проезда туда и обратно им выделялось 103 подводы: 3 атаману, 2 есаулу и по одной каждому казаку (Дружинин 1889, с. 50-54). Кроме зимовых станиц, являвшихся по сути официальными делегациями Войска, в Москву присылались легкие станицы по срочным, требующим безотлагательного решения, вопросам, состоящие из атамана, есаула и десятка казаков.

Казаки, прибывавшие в Москву со станицами до 1671 г., пользовались определенным дипломатическим иммунитетом, однако позднее, это правило распространялось лишь в отношении бывших беглых крестьян, которые не подлежали возврату владельцам, но неприкосновенности, как таковой уже не было. Могли арестовывать и даже казнить по политическим мотивам. Особенно это проявилось в период старообрядческих выступлений на Дону.

Со временем легким станицам было указано ограничиться прибытием зимой в Валуйки,[225] летом в Воронеж для передачи войсковых отписок местным воеводам.

Обычно, возвращаясь на Дон, казаки уводили с собой десятки, а то и сотни беглых, теперь же воронежскому воеводе было указано на пограничной заставе в Коротояке[226] обыскивать станицы и изымать беглых.

Помимо ограничений государственности Войска правительство намеревалось начинать экспансию на казачьи земли путем возведения собственных крепостей на Казачьем ерике и на Каланчинской

[225] Валуйки – город в Белгородской области, в 225 км от Белгорода. Был построен, как пограничная крепость на Муравском шляхе. Маршрут движения казачьих станиц в Москву был определен следующим образом: в столицу через Валуйки, обратно на Дон через Воронеж.

[226] Коротояк – город (в н. время – село) в Воронежской губернии на правом берегу Дона в 60 км от Воронежа.

протоке.[227] Казачий круг отказал в этом Москве, несмотря на угрозы: «И к вам нашей государской милости... не будет... и о не пропуске к вам на Дон всяких запасов наш... учинен будет крепко под смертною казнью». Настаивавшего на выполнении требований Москвы атамана Корнилу Яковлева казаки просто свергли. Гнев царя сменился на милость за удачный поход на Крым в том же 1675 году: «И что вы по нашему указу... городков не построили... за что вы были достойны нашей... немилости и опалы. И те ваши вины за... службу жалуем, отпущаем, а впредь те ваши вины вспомянованы не будут» (Исторические Описания С. 304-305).

В 1684 г. 200 казаков и 70 калмыков отправились с позволения круга в Польшу, чтобы воевать с Турцией по просьбе польского короля (Акты Лишина, I, с. 129). В 1685 г. в нарушение присяги[228] казаки вновь воевали с Крымом, хотя московская грамота гласила, что «не только чинить, но и мыслить о том не годилось». Войсковой атаман Фрол Минаев доносил в Москву, что «он со слезами донских казаков унимал, чтоб перемирия с турским султаном и крымским ханом не разрушали, только де они его не послушали...» (Исторические описания с. 333).

В следующем году, по условиям подписанного с Польшей «Вечного мира», Москва сама обязалась начать новую войну с Турцией и Крымом и повелела войсковому атаману Фролу Минаеву выступить в поход. Однако, Войску не понравилось, что не круг, а царь назначает того, кто должен отправиться на войну, и вместо Минаева походным атаманом был избран Иван Семенов. «А Фрола Минаева мы войском в поход... не пустили, потому что у нас в войску осталось малолюдно... Мы, войском Донским, надеясь на вашу государскую милость, его, Фрола, оставили силой...» (Дружинин 1889, с. 27). Правда, в связи с обострившимся противостоянием староверов и промосковски настроенных казаков на самом Дону, Минаева тут же направили в Москву с зимовой станицей, а по возвращению из столицы, весной следующего 1687 г. избрали походным атаманом.

Вернувшись из первого Крымского похода, Ф. Минаев восстанавливает свою власть, выдает Москве пришлых староверов, и приводит войско вновь к присяге на верность царям Петру и Ивану. 1688 г. про-

---

[227] Протока Каланча находится в дельте Дона, неподалеку от Азова, Казачий ерик искусственная протока, вырытая казаками выше Каланчи ок. 1617 г.

[228] В 1681г. в Бахчисарае было заключено между Турцией и Москвой перемирие на 20 лет.

ходит на Дону в междоусобных стычках в результате которых староверы разгромлены и частично ушли на Кубань. Минаев еще раз заставляет Войско целовать крест и присягать царям (Савельев, с. 385-386, 388).

Создается такое впечатление, что присяга для казаков превращается уже в некий обыденный ритуал, утративший всякое «страшное знамение», позволяющим им ее легко нарушать. Вероятнее всего, многие из них, оставаясь в душе приверженцами старой веры, клятву на новых церковных книгах и крестах не воспринимали, считая ее формальной и ни к чему не обязывающей. В 1705 г., получив «воровские прелестные письма» от восставших астраханских стрельцов, Войско вновь «целовало Евангелие и Крест», присягая на верность Петру I. После разгрома части булавинцев на Хопре в феврале 1708 г. атаман Л. Максимов обязал присягать верховые городки – Донские, Хоперские, Бузулукские и Медведицкие, после чего «учинены приговоры» о смертной казни для «воров», а за попустительство им со стороны остальных «по приговору Войска Донского войсковая пеня (штраф – А.Ш.) без пощады». Даже мятежный Булавин, избранный на круге в Черкасске войсковым атаманом тут же сообщает царю, что «желаем служить... и в том... крест всем войском целовали»[229] (Сватиков 1924, с. 140-142).

Эти присяги «на случай» только усугубляли недоверие казачества к ним. Словно подтверждалось их убеждение еще со времен Смуты, что присягу дает тот, кто «старины не помнит», т.е. не соблюдает казачьих обычаев. Тем более, что для бояр, столь ненавистных казакам, изменить присяге дело было привычным, таким образом, все это становилось пустым звуком.

В 1700 г. Петр I указывает переселить часть казаков верховых городков по Хопру и Медведице на новые почтовые шляхи, связывающие центральные района России с вновь присоединенным Азовом: «...одних до Валуйки, других от Рыбного к Азову ж, по урочищам, по речкам – по Кундруче, по Лихой, по Северскому Донцу, по Каменке, по Белой Калитве, по по Черной, по Березовой, по Тихой, по Грязной, по сколко семей и в котором месте пристойно...» (Акты Лишина, I, с. 191).

В 1703 г. Петр I возлагает на азовского губернатора Толстого все вопросы взаимоотношений Войска с соседями, будь то калмыки или турки. Тем же указом донские казаки подчинены ему, на случай войны,

[229] Присяга Булавина не спасла от царского гнева.

и в военном отношении. Следующему губернатору Апраксину Петр поручает разбирать и земельные споры донцов с соседями, в частности спор Войска с Изюмским слободским полком по поводу соляных варниц в Бахмуте. Таким образом, с 1703 г. право самостоятельных внешних сношений Войска было окончательно утрачено. Правда, необходимо заметить, что после поражения России в Прутском походе и неудачном для нее завершении очередной войны с Турцией, оставлением Азова и уничтожением флота, турецкая сторона самостоятельно возобновила отношения с Войском, наряду с российской властью в лице коменданта крепости «Транжемент» (позднее Св. Анны).

Игнорируя демократическое устройство Войска, Петр постепенно приходит к выводу о необходимости назначения атаманов и старшин. Лукьян Максимов избранный кругом в 1700 г. был «утвержден» царем. Сватиков полагает, что уже тогда Петр умел оказывать неофициальное давление на ход выборов атамана. Получая поддержку самого царя, атаман и старшины становились все более и более независимыми от общего круга. При отправлении Гордона в первый азовский поход, Петр писал: «а сей бы наш указ был у вас тайно и кроме тебя, войскового атамана, и старшин, кому надлежит, иным был не ведом» (Сватиков 1924, с. 119). Т.е. самый важный жизненный вопрос для казаков, для всего Войска – отправление на войну, должен был решаться без участия круга.

Собрание старшин определяло вопросы, которые должны были решаться на круге, и их значение возрастало. Обращения к Войску, например, восставших астраханцев, попадали в руки старшин, а они « войсковой атаман Лукьян Максимов с знатною и разумною старшиною старшиною и с прочими добрых сердец казаками... тех посыльщиков оковав, и с прелестными письмами прислали к Москве, к великому государю». «И они, войсковой атаман и знатная старшина, с доброго и усердного радетельного своего совета, во все донские верховые городки с низу послали того ж времени к станичным атаманам и казакам крепкие войсковые указы с нарочными посыльщиками, чтобы... отнюдь никто к тому злому делу не приставали...» (Сватиков 1924, с. 119).

Также на Дон неоднократно отправлялись царские посланцы для сыска беглых. Так, в 1703 году были отправлены стольники Максим Кологривов и Михайло Пушкин, затем несколько воронежских дворян-сыщиков под начальством Никиты Бехтеева, но казаки сумели предупредить и «ухоронить» беглых.

Кологривов и Пушкин, побывав в пятидесяти донских городках, пришлых ратных и всяких чинов служилых людей и беглых боярских

холопей и крестьян не изыскали ни одного человека. Поиски Бехтеева тоже окончились безрезультатно. Однако все эти уловки казацкой старшины не могли обмануть царя Петра. Ему стало ясно, что добиться повиновения донских казаков можно только силой.

2.2.2. Булавин против Петра I

Ход самого восстания К. Булавина достаточно подробно и полно освещен в исторической литературе. Остановимся на некоторых подробностях, по мнению автора, заслуживающих определенных пояснений. Дореволюционная историография, посвященная бунту, возводила его в ранг официального сообщника и даже соратника гетмана Мазепы. Вот что сообщает нам Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в соответствующей статье, выражая общее мнение: «Булавин Кондрат – походный атаман донских казаков, сообщник гетмана Ив. Мазепы. В надежде сделаться независимым владетелем, Мазепа изыскивал средства к привлечению на свою сторону донских казаков. Не смея еще действовать открыто, он тайно избрал в сообщники Кондрата Булавина, который в то время охранял границы близ р. Донца и г. Бахмута, где Донское войско имело соляные варницы». Историография советского периода связь Булавина с Мазепой отрицает, поскольку измена гетмана Петру I остается очевидной, а связь с предателем, как бы бросала тень на «героическую фигуру» мятежного атамана, провозглашенного продолжателем дела С. Разина. Современные украинские исследования вновь поднимают вопрос о том, что Булавин действовал в согласии с малороссийским гетманом.[230] Попробуем разобраться в истоках самого восстания и в фигуре Кондрата Булавина.

Сведения о происхождении и родственниках Булавина довольно скудны и противоречивы. На допросах казак Семен Кульбака показал, что «вор Булавин природою подлинно салтовец». Салтов это сотенное местечко Харьковского слободского казачьего полка, основанное в 1639 г. казаками гетмана Якова (Яцко) Остряницы (Острянина)[231].

---

[230] См: *Петров (Бирюк) Д.* Кондрат Булавин. М., 1951; *Задонский Н.А.* Кондрат Булавин. М., 1959; *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина 1707—-1709. М., 1962. *Буганов В.И.* Булавин.М., 1988; *Усенко О.Г.* Повод в народных выступлениях XVII – перв. пол. XIX в. в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 1992. N 1. *Половиненко Г.Г.* Бунтівный Булавін. Луганск, 2007., и др.

[231] Яков Остряница родился в казачьей семье на Киевщине. В молодости служил на соляных промыслах на границе Дикого Поля. В 1629 г. бежал на Запорожье. В 1630 г. принимал участие в восстании под руководством Трясило. В 1633-1634 гг. как полков-

Предположительно на месте Салтова прежде было укрепление половецкого хана Кончака, известное под названием «Салтановское городище» (Альбовский 1895, с. 40).

Исходя из этого, можно предположить, что отец Булавина – Афанасий был слободским казаком Харьковского полка и по каким-то причинам оставил Салтов. Данные о дате рождения самого Кондрата расходятся (от 1659 г. до 1671 г.), однако, в месте его рождения разночтений нет – указывается территория Войска Донского, станица Трехизбянская[232] (Большой Русский Биографический словарь). Вполне вероятно, что семья Булавиных покинула Слободщину в период малороссийских смут и междоусобиц 1658-1669 гг.[233], т.о. дата рождения Кондрата, скорее всего, приходится на 1671 г. [234]

Известно, что у Кондратия были родные братья – Антип и Иван, жена Анна (Ульяна) Семеновна, а также сын Никита (Никифор) и дочь Галина, принимавшие участие в восстании на Дону. После поражения весь род Булавиных был истреблен[235]. (Половиненко 2007, с. 6).

Кем же был в начале XVIII в.[236] Кондрат Булавин? В различных источниках, мы находим несколько наименований «должности» этого казака: 1) походный атаман; 2) сотник бахмутской казачьей сотни; 3)

ник реестровых казаков принимал участие в войне Польши против Московского царства на Черниго-Северщине. После поражения восстания 1637 г. под предводительством Павлюка, Острянин прибыл на Запорожскую Сечь, где в начале 1638 г. был избран гетманом. В марте 1638 г. он возглавил новое восстание против польских угнетателей. Руководимые Острянином повстанцы заняли Кременчуг, Хорол, Омельник, а 1 мая разбили польские силы под Голтвой. В июне произошло крупное сражение с войсками Потоцкого под Жовнином. Повстанцы потерпели поражение, и Острянин с частью казаков отступил на Слободскую Украину, где основал несколько поселений, в т.ч. г. Чугуев и г. Салтов. Погиб в 1641 г. во время казачьих волнений (Фиров 2005, с. 30).

[232] Ныне село Трехизбенка Славяносербского района Луганской обл. Украины.

[233] Период измен гетманов И. Выговского и И.Брюховецкого.

[234] Называется даже более точная дата – 6 июня 1671 г. – день казни Степана Разина. По мнению автора, это связано с попытками создать образ героя – мятежного атамана, продолжателя дела Разина.

[235] Упоминается еще старший брат Булавина – Петр, переселившийся задолго до описываемых событий на Кубань. Накануне восстания Булавин отправил свою беременную жену к сестре под Белгород, где позднее она была арестована вместе с младенцем – третьим ребенком мятежного атамана. 4 апреля 1708 г. киевский губернатор Голицын доносил царю Петру: «Булавина жена с сыном, которому полгода, привезена в Белгород. И о ней, что ваш указ повелит?» Царский ответ на этот вопрос не известен. Однако, в июле месяце среди белгородских заключенных «Ульяна Булавина с младенцем при ней» продолжала еще числиться. Их дальнейшая судьба неизвестна.

[236] Казачий словарь-справочник в статье, посвященной К. Булавину, сообщает, что первые упоминания о нем датируются 1705 г. (Казачий словарь-справочник, Т. I)

атаман бахмутского городка; 4) атаман бахмутских соляных промыслов; 5) атаман бахмутской казачьей соляной кампании.

На рубеже XVII-XVIII вв. разгорелись споры между донским казачеством и населением Изюмского слободского казачьего полка по поводу земельных массивов в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная. Украинские переселенцы, направлявшиеся на реки Айдар, Деркул, Евсуг и Калитву, остановились на Изюмской Луке, на Торских озерах, реках Береке и Осколе, встретив противодействие со стороны татар и донских казаков. Возникший при этом спор имел не столько территориальную, сколько политическую подоплеку. Москва считала нужным окружить Земли Войска Донского землями, подконтрольными государству. Исключение составляли территориальные массивы северной части Донецкого бассейна, еще не заселенные по причине татарской опасности.

Влияние царского правительства на ход событий усилилось в связи с конфликтом из-за территориальных массивов, расположенных по рекам Бахмут, Красная и Жеребец, возникшим между населением северо-западной окраины Донской Земли и Изюмским слободским полком. Причиной конфронтации и последовавшего обращения противных сторон к Москве за её прекращением стали Бахмутские солепромыслы. В этот район устремились переселенцы с Дона и Слободской Украины, и, начиная с 1703 г., начались взаимные оскорбления, грабежи и убийства. К тому же проблемная ситуация накалялась в связи с тем, что существовала постоянная угроза нападения татар. Несмотря на то, что конфликты провоцировались, главным образом, изюмским слободским полковником Ф. В. Шидловским, правительство Московского государства изначально приняло сторону украинских переселенцев, что вполне соответствовало его политике в отношении донцев, формально забрав солепромыслы в казну, и в довершении поставив укрепление Бахмут, даже образовав (в 1701 г.) Бахмутский казачий полк или Бахмутскую казачью кампанию, состоящие из слободских казаков (ВЭ, XI, с. 275). Однако, стоит отметить, что прямого подчинения этого полка Изюмскому полковнику Шидловскому не было определено. Скорее всего, Бахмутский гарнизон замыкался или на белгородского или, возможно даже на азовского воевод.[237]

[237] Фактически Бахмутский конный казачий полк был образован указом Сената от 27 октября 1748 г. : «...и для того содержать оной полк в числе, кроме старшины, одних рядовых казаков 300 человек... В показанное трехсотное число рядовых казаков к имеющихся ныне наличным 254 человекам, 46 человек набрать тех же бахмутских, торских и мояцких казаков из казацких детей и свойственников к казацкой службе годных; и

Е. Савельев также четко разграничивает бахмутских казаков, (как и чугуевских), и донских. Историк отмечает, что это были казаки, «жившие в окрестностях города Бахмута, соприкасавшегося с территорией Донского Войска, которое имело в этом городе и в окружности его соляные варницы, послужившие печальной причиной открытого бунта атамана Булавина... Бахмутские казаки также жили слободами и небольшими хуторками и не несли никакой службы, кроме случайных разъездов по степи от татар и отсиживания вместе с Донскими казаками за стенами Бахмута, спасавшего горожан от басурманских налетов. Почти в той же местности, при городах Торе и Мояке, жили весьма загадочного происхождения Торские (не от Узов-Торков ли?) и Мояцкие казаки, которых насчитывалось в общем немного» (Савельев 1913, с. 2-3)

Четкой границы между территориями Войска Донского и Изюмского полка не существовало. Река Северский Донец являлась фактической границей и Слободской Украины и Войска с землями, подконтрольными татарам. Правый южный берег Донца и, соответственно, левый берег Бахмут, впадающего в Донец, назывались ногайским берегом. На левом берегу Донца впадали реки Жеребец и Красная, где столкнулись две волны колонизации этих земель. Поскольку донские казаки отчаянно сопротивлялись топографическому описанию собственных земель, то данный спорный район был описан по приказу Петра I за исключением тех территорий, куда казаки не пустили посланного царем поручика П. Языкова. В качестве иллюстрации приведем описание Бахмута и его окрестностей из царской грамоты от 14 октября 1704 г.:

«...И апреля в день 1-й прошлаго 703 года к нам великому государю писали из Белгорода генерал наш князь Иван Михайлович Кольцов-Мосальской с товарищи, что посылали де они из Белгорода на речку Бахмут поручика Петра Языкова, и тому книги и сказки и чертеж прислали к Москве в Разряд. А в описных книгах писано: на новопоселенном месте, на речке Бахмуте, жителей русских, торских и маяцких и иных разных городов, – 36 человек; черкас Изюмскаго полку, торских и маяцких жителей, – 112 человек; донских козаков – 2 человека, в

впредь убылыя места людьми комплектовать из тех же казацких детей и свойственников, как и прочия казацкия команды, яко Чугуевской, Азовской полк, також гребенские и волжские казаки комплектуются. И оным бахмутским, торским и мояцким казакам наличному числу и кои в трехсотное число в комплект определены будут, жалованье до рассмотрения о всех нерегулярных войсках штата получать по прежним окладам их соляной суммы, откуда и ныне получают...» (ПСЗ,1830,Т.12, С.912-914).

том числе один сказал -- Черкасской станицы, живет на речке Бахмуте в курени прикащиком у донского ж козака наездом, для варения соли; другой – Дурновской станицы, на Бахмут пришел для варения соли. У тех всех жителей: 20 солеварных колодязей, 49 дворов, 49 изб, 11 анбаров, 48 куреней и землянок... А в описных книгах Белгородскаго жилаго солдатскаго полка капитана Григория Скорихина написано: по наезду его на речке Бахмуте, и Красной, и Жеребец...явилось: на речке Бахмуте построен город по обе стороны речки Бахмута стоячим дубовым острогом. В нем двои проезжие вороты. По мере того городка в длину через речку Бахмут 61 сажень, попереч – 17 сажень, а жилья в том городке никакого нет. Подле того городка, вверх по речке Бахмуту, с правой стороны, на посаде построена часовня. Близ часовни построены полковые Изюмского полку для пошлиннаго сбору, из Семеновской канцелярии для мостового проезду таможенная изба и ратуша Изюмскаго полку. Да около той таможни и ратуши в разных местах построены для торгового промыслу Изюмскаго полку козаков и торских и маяцких жителей всяких чинов людей 15 анбаров, 9 кузниц. Близ города на речке Бахмут построена торговая баня и отдана на оброк. В том же городке построились и живут дворами: Изюмского полку козаков – 54 чел., разных городов всяких чинов русских людей -- 19 человек. Да на речке Бахмуте устроены у соловарных колодезей Изюмскаго полку козаков и разных городов 140 сковород соловарных, да разных городов всяких чинов -- 30 сковород. А по реке Бахмуту лесов и рыбных ловель и распашной земли нет, а сенных покосов малое число, только вверх той речки Бахмуту и по вершинам есть малые буераки. А по осмотру на Крымской стороне речки Северскаго Донца городов, кроме Изюма, и Маяцкого, и Тору, и Бахмута, никакого поселения нет. А речка Черный Жеребец впала в реку Донец с Ногайской стороны, ниже устья речки Бахмута с версту. А по осмотру на той речке Жеребце от устья вверх до соловарных мойданов, которые соловарные мойданы были наперед сего на речке Жеребце от устья ввверх по левую сторону, торских жителей, русских людей и черкаских: Ивана Клушина, Емельяна Сазонова с товарищи, на которые мойданы подали они, Иван с товарищами с указов списки, каковы им даны в прошлых во 189 и в 199 годех. А по осмотру в тех местах явилось бывших соловарных колодязей ям с 30 и больше, а от тех соловаренных колодязей вверх по Жеребцу в дву верстах с правыя стороны явились другие соловарные колодязи, их же торских жителей, ям 40 и больше (20), которыми владели они ж, Иван Клушин с товарищи, по вышеписанным указам. И от тех вышеписанных соловарных колодязей вниз

по речке Жеребцу, по обе стороны до реки Донца верст на десять леснаго угодья, а от вышеписанных же соловарных колодязей вверх по речке Жеребцу сенных покосов многое число и леса с яругами, и в тех яругах Изюмскаго полку козаков разных городов пасеки, да и к тем же соловарным колодязям к речке Жеребцу подошли пахотне поля села Ямполя (21) жителей, а по переписи в том селе явилось: Изюмскаго полку козаков 117 дворов. И в том селе построена часовня, а построено де то село Ямполь по вашему великаго государя указу и по отписке из Белгорода боярина нашего и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова с товарищи, с которой отписки подали они ямпольские жители, атаман Павел Рубан с товарищи, список. Да на той же речке Жеребце построены три мельницы. Одна на усть речки Жеребца донскаго козака сухаревскаго жителя Петра Чумакова, вблизи той мельницы -- двор его Петров. Выше той мельницы верстах в трех вверх по речке Жеребцу -- другая мельница донскаго ж козака сухаревскаго ж жителя Федора Крамчаникова, да подле той мельницы – двор его Федоров. Выше той мельницы на речке ж Жеребец, в дву верстах, мельница Изюмскаго полку козака ямпольскаго жителя Павла Рубана, подле той мельницы -- двор его Павлов. Выше той мельницы в версте и больше по левой стороне той речки Жеребца -- пасека Изюмскаго полку козака, маяцкаго жителя Ивана Гугиенка. А по сказке старожилов Тараса Долголовскаго с товарищи, что-де та пасека как занята будет лет с 50 и больше. От пасеки Ивана Гугиенка вблизости пасечное место маяцкаго жителя Григория Куницкаго. От того пасечнаго места вблизи пасека твоя, а наперед-де сего та пасека была цареборисовскаго жителя Тимофея Кривошея. Да на правой стороне речки Жеребца пасека донскаго козака сухаревскаго жителя Емельяна Бирюкова. А от вышеписанных соловарных ям вверх по речке Жеребцу, с левой стороны, в разных местах пасека Изюмскаго полку козаков -- пасека Тимофея Кривошеи, пасека села Радковки жителя Федора Неронова, пасечное место цареборисовскаго жителя Степана Бородавкина, пасека Красного атамана Федора Кириленка. По той же вышеписанной речке Жеребцу от устья и до верховья лесов и броду по смете будет верст на десять и больше. Да около той речки многия яружки, и сенных покосов и земли и дикаго поля многое число, а рыбных ловель малое число. Да по осмотру ж явилось: на речке Красной урочище, у Малого броду, построено село Красное, а в нем жителей Изюмскаго полку козаков 241 двор, да в том селе построена часовня. Да на той же речке Красной близ того села построена мельница Изюмскаго полку гороховскаго сотника Данила Быстрицкаго; да от того села вверх

против речки Красной Изюмскаго полку козаков разных городов в Сватове-Пристани пасека сеньковских жителей Игната Константиненка, Ивана Степаненка, а по сказке их, что-де они тою пасекою владеют лет тридцать и больше; паека сеньковскаго жителя сотника Семена Осипова, а по сказке его, тою пасекою владеет лет с двадцать и больше; пасека радковскаго жителя Павла Дябченка, а по сказке его тою пасекою владеет лет сорок и больше; а выше Кабаньева-Броду, в Сватове-Пристани и по Хариной Долине, их донских козаков поселения никакого нет. А от того Меловаго-Броду вниз по речке Красной распашною землею и сенными покосы и рыбными ловлями и всякими угодьи до Орловой пристани, версты на две, владеют Изюмскаго полку козаки, села Красного жители, а от Орловой пристани по той речке Красной, до Кабанья-Броду, версты на три, владеют пахотною землею и сенными и рыбными ловли и всякими угодьи, новопостроеннаго козачья юрту Кабанья жители, а в том новопостроенном юрте Кабаньем живут куренями русских людей человек с 50 и больше; а кто именно в том юрте живут, тех людей, они челобитчики переписывать не дали, А тот Кабаней юрт построен в прошлом 702 году. А по сказке сторонних людей и старожилов от Кабанья-Броду вниз по речке Красной до козацкого города Краснянского верст с 20 и больше; а которыя пасеки по речке Красной ниже Кабанья – Броду цареборисовских жителей, и тех пасек они, донские козаки, описывать не дали...» (Грамота Петра I от 14 октября 1704г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1844. – Т.1. – С. 352-372[238]).

Попробуем прокомментировать документ, составленный поручиком Петром Языковым. Город Бахмут[239], расположенный на правом одноименном притоке Северского Донца, представлял из себя укрепленное место – острог, обнесенное дубовым частоколом, размерами приблизительно 130х36 м, т.е. около 4700 м2. В окрестностях Бахмута проживало всего два донских казака, прочих жителей – 221 чел., большинство из которых относились к Изюмскому полку (166 чел.). Основное занятие жителей – производство соли. Западнее р. Бахмут и южнее Северского Донца, на т.н. Крымской или ногайской стороне, поселений не было.

---

[238] Описание земель и их чертеж был сделан по указу Петра I белгородскому воеводе И.М. Кольцову-Мосальскому – «те места описать в чьих они дачах и учинить чертеж», чтобы потом принять решение, это и было произведено, т.е. солеварни переданы в казну, а земли Изюмскому полку. (Акты Лишина I, с. 208)

[239] г.Артемовск, Луганской обл. Украины.

По правому берегу Донца в реку впадали два притока – Жеребец и Красная.[240] По течению Жеребца располагалось много пасек, сенных покосов и пахотных полей, записанных, в основном, за Изюмским полком. Здесь же размещалось 3 мельницы, две из которых числились за донскими казаками.

Восточнее, приблизительно в 25 км, в Донец впадает р. Красная. Вверх по Красной, в 10 км, располагалось село Красное,[241] в 241 двор, а еще дальше, в 40 км, городок Сватова-Пристань. И тот и другой место заселено казаками Изюмского полка. А вот между ними имелся еще один населенный пункт – Кабаний брод[242], имеющий прямое отношение к донским казакам, восточнее которого вдоль реки Мечетной расположен уже казачий городок Краснянский[243].

Соль на Бахмуте добывали издавна «всяких чинов люди» – русские, черкасы, донские казаки. К началу XVIII столетия здесь поселилось много слободских казаков Изюмского полка. Соль, в первую очередь, пасеки, покосы, черноземные пашни привлекали сюда всех. Исходя из описания П. Языкова, граница реального расселения донцов проходила с юга на север по линии рек Бахмут и Красная. Насколько западнее, по мнению донских казаков, должны были простираться земли Казачьего Присуда сказать сложно. Возможно мирное освоение этих довольно пустынных земель, да еще подвергающихся постоянной опасности татарских набегов, продолжалось бы и дальше, если б соседом не оказался слободской полк, естественной потребностью которого было приращение земель, поскольку полк это территориальная единица. Наличие свободных для заселения земель позволяет увеличивать и численность полка. Изюмский полк образовался отделением от Харьковского слободского полка, численность его намного уступает «старшему брату», соответственно нужны новые поселения. И здесь возникает конфликт.

В 1701 году изюмский полковник Ф. Шидловский обратился к царю с просьбой приписать всех живущих на Бахмуте и определить их на службу в Изюмский полк. Не дожидаясь царского указа начинаются столкновения с донцами. Слобожане ставят на Бахмуте ратушу[244].

---

[240] В районе населенных пунктов Ямполь (р. Жеребец) и Кременная (р. Красная) в Луганской обл. Украины.

[241] Скорее всего, совр. с. Червонопоповка Луганской обл. Украины.

[242] Совр. Краснореченское.

[243] Совр. Новокраснянское.

[244] Полковая управа.

В качестве обоснования своим действиям полковник Ф. Шидловский использует безотказный для царя аргумент – он доносит Петру, что, «чугуевцы, харьковцы, золочевцы, змеевцы, моячане, служилые и жилецкие люди многие, оставляя дома свои, с женами и детьми, а иные оставляя жен своих, явно идут на Дон и в донецкие казачьи городки». Ему вторит белгородский воевода белгородский: «Полковые и городские всяких чинов люди и их крестьяне, покинув свои поместные земли и всякие угодья и дворы и животы, не хотя его великого государя службы служить, и податей платить, и устроения морских судов, и у стругового дела, и у лесной работы, и в кормщиках, и в гребцах, и у сгонки на плотах быть, бегут на Дон».

Тогда же Войско Донское жалуется царю на Шидловского, на его слободских казаков, которые их разоряют и грабят на Бахмуте: «он, полковник, им, казакам, в урочищах на речке Бахмуте селиться не дал и новопостроенный их казацкий городок с жилищами разорил до основания, и пожитки их, казацкие, от полчан его разграблены, и соляными их, казацкими, заводами завладел, и их, казаков, с того поселения с бесчестьем и ругательством согнал, похваляясь смертным убийством, без указу, самовольством своим. И на рубежной речке Жеребце[245], на дачах их, донских казаков, также и на Красной речке мельницы и пасеки и всякие селитебные заводы он, полковник, и полчане его заводят самовольством, а их, казаков, стесняют, и луга и сенные покосы и всякие угодья отбивают... и в те угодья выезжать им, казакам, не велят и похваляются на них смертным убийством»

По итогам поездки поручика П. Языкова был издан указ Петра I, предписывающий живущих на Бахмуте русских служилых людей «ведать Торскому приказному человеку, слободских казаков изюмскому полковнику». Этот указ запрещал впредь селиться на Бахмуте донским, слободским казакам и любым пришлым людям без соответствующих царских указов и грамот из разряда. Однако, конфликт этим указом разрешен не был.

В 1703, 1704 годах донские казаки продолжают жаловаться на действия изюмского полковника Ф. Шидловского, а тот в свою очередь на казаков, которые «без его, Государева, указу из тех угодий с поселения Изюмского полку казаков выгоняют и чинят им многие обиды и бьют, и грабят, и сено косить не дают, и похваляются смертным убийством и

[245] Вот подтверждение того, что границей своих владений Войско Донское считало р. Жеребец. Таким образом, четко вырисовывается «спорная» территория между реками Жеребец и Красная.

разорением». 5 февраля 1704 года Петр I решил покончить с ссорами между слободскими и донскими казаками и указал: «В Торском уезде на речке Бахмут у всяких чинов людей соляные промыслы отписать на себя, великого государя». Однако и этот шаг царя не положил конец борьбе за соляные промыслы на Бахмуте. Проблема была и в посягательстве на земли, которые донцы считали своими, и в том, что теперь главный жизненно важный продукт солеварен, отошедший в казну, как стратегическое сырье по мнению царя, донским казакам предстояло покупать.

Своим указом от 13 октября 1704 года Петр I передал спорные земли по реке Бахмут старшинам и казакам Изюмского полка. Этот указ подтверждал отписку соляных промыслов «на великого государя», но управление ими по-прежнему поручалось Изюмскому полковнику Федору Шидловскому. Однако этот указ не заставил донских казаков отказаться от притязаний на Бахмутские соляные промыслы.

Именно в этот момент на исторической сцене появляется фигура Кондрата Булавина. Несомненно, что его последующие действия во многом были согласованы с казачьей старшиной из Черкасска и ее же руководились. Сдавать свои позиции по Бахмуту Дон не собирался. Почему выбор старшины пал на Булавина сказать сложно. До 1705 г. повествование о его жизни относится к разряду легенд. В соответствии с ними Булавин участвовал в Азовских походах, одним из первых ворвался на стены крепости, где его приметил сам царь Петр. Насчет Петра неизвестно, но то, что на него обратила внимание казачья старшина, совершенно очевидно. Это подтверждает Ригельман: «Сей злодей Кондрашка Булавин был Войска Донского казак, жительства из бывшей Трехизбянской станицы, при Северном Донце. Он определен был от бывшего войскового атамана Ильи Григорьева, сына Зерщикова, ведомства их, Войска Донского, в Бахмуте к соленому заводу, над работными людьми солеварами атаманом. Где будучи, имел он при себе набранных гультяев, запорожцев, черкес и прочих людей сот до пяти человек». Таким образом, с согласия казачьей старшины К. Булавин назначается походным атаманом с отрядом из 500 казаков для восстановления справедливости и защиты интересов Войска на Бахмутских солеварнях.

В октябре 1705 года К. Булавин с казаками захватил солеварни, разогнал жителей, занимавшихся выварокой соли, захватил всю имеющуюся в наличии соль, как казенную, так и принадлежащую частным лицам, и занял Бахмутский острог. Сделано это было, как уже отмечалось, с ведома войскового руководства по указанию из Черкасска.

Изюмский полк пытался вернуть солеварни. В декабре 1705 года наказной полковник Шуст во главе отряда слободских казаков осадил Бахмут. Но, разобравшись в ситуации, понял, что К. Булавина поддержат соседние городки, снял осаду и ушел. Интересную подробность столкновения донских казаков со слободскими подметил Б.Алмазов: «запорожские казаки, что малым числом служили в Изюмском полку..., действия полка... парализовали, поскольку были согласны с законностью требований Булавина и не хотели ни кровопролития, ни ущемления прав донских казаков» (Алмазов 2008, с. 471-472).

Донские казаки, перейдя р. Бахмут, уничтожили имеющие все там варницы, принадлежавшие изюмцам, забрали соль и продали ее на месте. Завладев соляными промыслами, они сами занялись выварокой соли, не допуская к этому никого из посторонних. Полковник Шуст направил жалобу на действие донских казаков в адмиралтейство.

Правительство с целью разрешения конфликта послало на Бахмут дьяка Алексея Горчакова в сопровождении небольшого отряда солдат под командованием капитана Трунева. Перед Горчаковым была поставлена задача описать имущество изюмцев, разоренное и разграбленное донскими казаками, и не допустить новых столкновений до разграничения земель. Отряд Горчакова прибыл в Бахмутский городок 4 июня 1706 года. К. Булавин не допустил царского посланника описывать имущество, сообщил об его появлении в Черкасск. И до получения ответа от войскового руководства восемь дней продержал дьяка под арестом. Круг одобрил действия Булавина, постановил не допускать А. Горчакова к описанию соляных варниц, отнятых у изюмцев на том основании, что варницы были поставлены на землях, принадлежащих Войску Донскому. Дьяк отбыл в Воронеж, не выполнив возложенных на него поручений, а войсковая старшина направила правительству отписку, в которой уверяла, что казаки Горчакову никаких препятствий не чинили.

На этом всё могло закончиться, но в 1707 г. Петр I направляет в верховые городки по Хопру отряд князя Ю. Долгорукого в 1000 солдат все с той же миссией – сыскать беглых в продолжение указа о рекрутском наборе. Инструкция князю Ю. Долгорукому гласила: «Господин Долгорукий. Известно нам учинилось, что с русских порубежных и из иных наших городов, как с посадов, так и с уездов, посацкие люди и мужики розных помещиков и вотчинников, не хотят платить обыкновенных денежных податей и оставя прежние свои промыслы, бегут в розные донские городки, а паче ис тех городков, на коих работные

люди бывают по очереди на Воронеже и в иных местах. И забрав в учет работы своей улишние наперед многие деньги, убегают и укрываются на Дону с женами и с детьми в розных городках. А иные многие бегают починяя воровство и забойство. Однако ж тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домах своих. И того ради указали мы ныне для сыску оных беглецов ехать из Азова на Дон вам без замедления. Которых беглецов надлежит тебе во всех казачьих городках, переписав, за провожатыми с женами их и с детьми выслать по-прежнему в те ж города и места, откуда кто пришел. А воров и забойцев, если где найдутся, имая отсылать за караулом к Москве или в Азов. Также при том разыскть бы вам подлинно про налоги и обиды, которые починены прежде бывшему Изюмского полка полковнику и бригадиру Федору Шидловскому и полчанам его Бахмуцкой и иных станиц от казаков. И для чего те ж казаки посланному с Воронежа дьяку Алексею Горчакову описывать и осматривать спорных земель и угодий на Бахмуте не дали и держали его за караулом, понеже оный дьяк был послан с Воронежа и по нашему указу и по наказу из приказа Адмиралтейских дел ради лучшего о тех спорных землях разводу. И для того велено ныне того дьяка и с прежними о тех спорных местах обысками послать с Воронежа к тебе ж. Того ради надлежит вам оные спорные земли и угодья меж донскими казаками и изюмскими жителями розвести, соглашаясь с теми ж прежними обысками и освидетельствовав о том, подлинно старожилыми сведущими людьми по правде, чтоб междо ими ту заходящую их вражду успокоить и искоренить. А грамота о том послана к донским казакам при сем за отверчатою печатью. А наипаче надлежит трудиться о высылке беглых людей. Писан из Люблина в 6 день июля 707 года».

Долгорукий, не мешкая, выступил из Азова в Черкасск. Донская старшина, не заинтересованная в выдаче беглых, убедила князя, что в столице и в нижнедонских городках их нет. Искать советовали в верхнедонских городках, при этом старшина надеялась вовремя известить атаманов о прибытии царского отряда. Для демонстрации своей преданности от Войска вместе с Долгоруким отправляются старшины: Ефрем Петров, Абросим Савельев, Никита Саломат, Григорий Матвеев и Иван Иванов (Савельев 1990, с. 402).

Царю Петру князь Долгорукий, сообщил: «По тому твоему, Великий Государь, именному указу и по грамоте, сего сентября во второй день приехал я холоп твой на Дон в городок Черкасской и войсковому атаману Лукьяну Максимову и всему войску донскому твой, Великий Государь, имянной указ сказывал, чтобы они войском мне в вышепи-

санном городку Черкасском и в иных городках беглых всякие чинов людей сыскивать велели. И они войском в том городку Черкасском всяких чинов людей сыскивать мне не дали, о том они войском дали мне сказку за рукою и за войсковою печатью. И с той их сказки список к тебе, великий государь, послал я под сей отпиской. А выше того Черкасского городка во все по Дону и по иным рекам стоящим донские городки послали они войсковые письма к атаманам и казакам, чтобы тех городков атаманы и казаки в сыске и в отдаче беглых всяких чинов людей были мне и посланным от меня офицерам во всем послушны И для того послали они войском со мною холопам твоим старшин своих, знатных людей».

Но, в одних городках все явные беглые разбежались, в других, казачьи круги постановили не выдавать никого. В Герасимовой Луке (на р. Деркул)[246] был обнаружен лишь один старый дед, остальные разбежались, в Обливенском городке, местный атаман объявил Долгорукому, что беглых было 20 человек, но они ушли, узнав о приближении царских войск. Естественно, подобное абсолютно не устраивало Долгорукова и он приступил к сыску. В результате дознания выяснилось, что в Обливенском городке (Обливы на Деркуле) всего 6 казаков-старожилов, 10 беглых из Малороссии, 200 из русских провинций. Та же ситуация повторилась в Ново-Айдарском городке: 12 старожилов, 20 малороссийских беглецов, 150 русских. В Беловодском и Евсужском городках[247] были одни беглые. Это вывело из себя надменного потомка Рюриковичей и Долгоруков приступил к карательным акциям. В самые сжатые сроки солдаты разорили множество казачьих городков, пытали, били кнутом, рвали ноздри, насиловали женщин, убивали младенцев и стариков. Арестовывали даже тех женщин, чьи мужья находились в составе полков действующей армии в Польше. В общей сложности около 3 тыс. человек было схвачено, заковано в цепи и отправлено в Россию. Столь быстрая расправа была обусловлена тем, что Долгоруков не ожидал встретить какого-либо серьезного сопротивления, а потому раздробил свои силы на несколько отрядов. Это его и погубило.

Жестокость карателей не могла не вызвать адекватного ответа. Булавин собрал верных казаков в Ореховом байраке[248] неподалеку (в 3-х верстах) от Нового Айдара. Вполне вероятно допустить, что на

[246] Село Герасимовка Луганской обл. Украины.

[247] Села Беловодск и Евсуг Луганской обл.

[248] Байрак – сухой неглубокий овраг, заросший широколистным лесом.

первом этапе казачья старшина была заинтересована в том, чтобы Булавин расправился с Долгоруким без особых последствий для Дона, рассчитывая на занятость Петра в войне со шведами и возможность позднее оправдаться перед царем чрезмерной жестокостью князя от которого пострадали даже те семьи, мужья которых находились рядом с Петром. Это подтверждается и тем, что во время нападения Булавина на Шульгин городок не погиб никто из казаков и старшин, сопровождавших Долгорукова, да и большинство солдат были отпущены на волю. Позднее, оправдываясь перед Москвой, старшина сообщала в отписке царю: «А как был с розыском князь Юрий Владимирович и при нем будучие офицеры и старшины наши в Явсужском городке, и в то время Шульгинского городка атаман Фома Алексеев, уведав о таком злом совете, что собираются воры и изменники в некоем тайном месте и хотят-де князя Юрия Владимировича убить, и о том написал письмо, и послал той же своей Шульгинской станицы с казаком Панькой Новиковым в Явсужскую станицу к нашим старшинам Абросиму Савельеву с товарищами... И тот казак Панька с тем посланным от Фомы письмом не поехал в Явсужскую станицу, а поворотя, поехал в то место, где собирались оные воры и изменники, и им-то письмо объявил»[249]. Исходя из письма, доставленного Панькой Новиковым Булавину, Долгоруков накануне находился в Евсужском, но никем не предпрежденный, переехал в Шульгинский городок. Судя по всему меры, предосторожности были приняты, но это не спасло, и нападение было удачным. В ночь с 8 на 9 октября 1707 г. князь Долгоруков, разместившийся в избе у атамана Фомы Алексеева, был убит. Вместе с ним погибли офицеры: князь С. Несвицкий, М. Булгаков, В. Арсеньев, подьячий И. Дровнин и 17 солдат. Всем остальным, включая казачью старшину, удалось ускользнуть... или они были отпущены. Естественно, что позднее Ефрем Петров излагал собственную версию происшедшего: «... учинился у станичной избы крик и оружейная стрельба. А я сам и другие старшины, услыша это, ружья схватили и кинулися на крик. По пути встретился нам сержант и три конных станичника в крови все, крича нам поворотитца и предупредя, что воры уже убили князя и спрашивают меня Ефрема... Устрашись того, пометались мы на лошадя верхами без седел и побежали в степь все врозь... Так в одних рубахах выскоча, еле от забойцев ушли...». Таким образом, количество жертв было минимальным – 22 чел. Тело убитого Долгорукого обезглавили и зачем-

[249] После разгрома булавинцев на Айдаре Панька Новиков был схвачен и отправлен в Москву, где погиб в Преображенском приказе.

то княжескую голову переправили в Черкасск, откуда ее войсковой атаман Лукьян Максимов отослал азовскому воеводе И. А. Толстому. Но мятеж разрастался. К Булавину примкнули казаки и беглый люд из верховых городков: Шульгинского, Старого и Нового Боровского, Нового Айдара, Трехизбянного, Евсужского, Теплянского и многих других. Прозвучал знаменитый призыв атамана встать за старую веру, на который откликнулось около 2 тыс. чел..[250]

Теперь перед казачьей старшиной в Черкасске стояла задача собственными силами погасить восстание, ограничившись наказанием отдельных «виновных» лиц. С одной стороны, старшина хотела продемонстрировать Петру I свою верность, с другой, ясно намекнуть, что силовыми методами покойного князя Долгорукова, читай самого царя, играть с Доном чревато, а заодно и показать, что они являются реальной властью на Дону и могут справиться с любым конфликтом, касающимся их внутреннего уклада.

Лукьян Максимов собирает походное войско и, приказав «положить на себя знаки – перевязатца платками через плечо», чтобы можно было отличить себя от мятежников, срочно выступает к верховым городкам. 18 октября повстанцы были разбиты на р. Айдар, в 2-х верстах от Закатного городка.[251] Некоторое количество мятежников было захвачено в плен, десяток казнили на месте, столько же отправили в Черкасск и в Москву «для розыска». Ни Булавин, ни один из его ближайших соратников, схвачены не были. За голову атамана был назначена награда в 200 рублей. От Войска в Москву была отправлена зимовая станица во главе с Ефремом Петровым, которая доложила о разгроме восстания и наказании виновных.

Царь был доволен и отписал Меншикову: «О донском деле объявляю, что конечно сделалось патрикулярно, на которых воров сами казаки, атаман Лукьян Максимов ходил и учинил с ними бой, и оных воров побил, и побрал, и разорил совсем – только заводчик Булавин с малыми людьми ушел, и за тем пошли в погоню; надеются, что и он не уйдет; итак, сие дело милостью Божией все окончилось». Войску была выражена благодарность, выдана награда – «жалование Войску Донскому 10 000 рублей за победу под Закатным городком», отдельно «200 рублей было дано калмыцкому тайше Батырю», что поддержал Л. Максимова в походе против Булавинцев. Достались подарки и старшине Е. Петрову, который доставил в Москву радостное известие и пленных.

---

[250] Подробнее, см. Ч. I.

[251] с. Закотное Новопсковского р-на, Луганской обл. Украины.

Но, Булавин объявился в Запорожье, встав лагерем на р. Вороньей, чуть ниже Звонецкого порога. Обращение Булавина к запорожцам уже не содержало призывов встать за старую веру – «Атаманы, молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чистому полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черны вершины самарские» (Эварницкий III с. 278)[252]. Атаман открыто призывал к разбою, и при этом, обещал еще и жалование. Комендант крепости Каменный Затон сообщал: «Приехали в Сечу от вора Булавина три человека с прелестным письмом, а в том письме написано, чтоб запорожцы к нему, вору, приходили, а он-де, вор, будто станет им давать на месяц по десяти рублей денег[253]. И по тому письму идут многие запорожцы... А из Каменозатонских солдатских полков в разных числах бежало солдат двадцать два человека...».

Запорожцы поддержали Булавина, но вновь избранный кошевой К. Гордиенко разрешил ему набирать лишь добровольцев, формально Сечь не поддержала донцов, поскольку в Москве находилось посольство из 88 казаков, и их судьба волновала кошевого. Это встревожило Петра I, и тут же последовал указ гетману И. Мазепе: «Декабря 20-го числа 1707 года будучие из Сечи казаки сказывали: приезжали-де в Сечу из Кадака вор Булавин с товарищами, и для того их приезду была в Сече рада, и в раде читали письмо. И просил он, Булавин, войско запорожское себе в споможение, чтоб учинить бунт в великороссийских городах... И тебе нашего Царского Величества верному подданому Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичу от себе в Сечу к кошевому атаману и ко всему поспольству по рассуждению своему писать, дабы они вышеписанного вора велели поймать, а поймав прислали б его за крепким караулом к тебе. Также, чтоб к возмущению бунта свою братью запорожских казаков они не допустили. И которые к тому злу обще с ворами явятся, и они б тем людям чинили наказание по войсковым правам. А когда тот вор Булавин с товарищами пойман будет, его прислать, оковав, за крепким караулом в Москву».

---

[252] Это же обращение цитируется и С.М. Соловьевым. Н.А. Задонский полагает, что допущена ошибка и слово «черны» следует читать, как «Терны» – запорожское урочище на р. Самаре. Судя по документам, Булавин все время перемещался – р. Вороная, урочище Терны, Кодак.

[253] Г. Половиненко сообщает о 7000 руб. обещанных запорожцам (Половиненко 2007. с. 18). Интересный вопрос – откуда у Булавина была такая огромная по тем временам сумма.

Мазепа исполнил приказание, но Сечь упрямилась. Киевский воевода Д. Голицын доносил царю:

«Января 20-го дня 1708 года писал Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Степанович Мазепа. Посылал он нарочного посыльщика с письмом в Сечу к кошевому атаману и ко всему посполь-ству, повелевая им, дабы они выдали из фортеции Кадацкой донского бунтовщика Кондратия Булавина с его единомышленниками, и, сковав их, прислали с тем же его посланным. И когда с тем его письмом посланец в Сечу приехал, и в общей их войсковой раде по обыкновению то письмо было чтено, тогда все единогласно хотя и постановили того бунтовщика выдать, а на другой день собралися в другой раз на раду и первое свое постановление о выдаче тех преступников неистовые голоса пьяниц и гультяев переменили, понеже они большим числом превосходят добрых и постоянных людей. А сказали-де, что в Войске Запорожском никогда того не бывало, дабы таковых бунтовщиков выдавать. В одном только явили будто свою верность: послали есаула с коша в Кадак к полковнику тамошнему с письмом, дабы он все гультяйство, которое почал к себе прибирать тот бунтовщик Кондратий Булавин, разогнал. И ему, бунтовщику, приказал бы, чтоб он в Кадаке смирно жил, гультяйство к себе не собирал и ничего враждебного и вредительного против его, Великого Государя, не починал».

За действиями Булавина наблюдали со всех сторон. Из Москвы сообщали Мазепе: «Острогожский полковник Иван Тевяшов писал к изюмскому полковнику, чтобы он послал от себя в Терны, в Кадак и в Запорожье тайным обычаем для проведывания вора и бунтовщика Булавина... И января 29-го дня нынешнего 1708 года посыльные его возвратились в Изюм, а в расспросных их речах написано: ездили-де они тайным обычаем на вершину Самарскую в урочище Опалиху, и вниз той рекою Самарою проехали все курени севрюков запорожских, и сказывали они, что Булавин пошел в Сечу. А товарищей его в тех самарских Тернах не видали... А потом пришли в Кадак и объявились кадацкому полковнику, и просили, чтобы они приняты были в его курень, и сказывали, что пойдут с Кадаку в Запорожье казаковать. И он, полковник, в свой курень принял, и были они в том курене три дня и видели на лицо изменника Булавина дважды, а товарищей с ним, донских казаков, двенадцать человек. И при них он, Булавин, с полковником казацким в курене сидел поодаль, слушали челобитчиков. И в то число явились из Новобогородицкого с воеводским письмом три человека, жаловались на кадачан, что у них пограбили рыбу. И письмо воеводское читали, и он, Булавин, тех людей бранил и письмо ругал.

А полковнику кадацкому говорил: вы-де не знаете, что они в письмах своих все плутуют да стращают. И в то время тем людям запорожцы за его словами справедливости не учинили».

И вновь царю доносил Голицын: «Из Киева февраля 28-го дня 1708 года. Донской казак бунтовщик Булавин жил немалое время в запорожском городе Кадаке, и приехало к нему с Дону сорок человек таких же воров, и поехал с ними в Сечу и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту, в разоренье Ваших Государевых великороссийских городов. И кошевой атаман к бунту не поступил, а за то его с атаманства скинули, а ныне выбрали нового атамана Константина Гордеенко, о котором ко мне господин гетман Мазепа писал, что древний вор и бунтовщик. И позволил ему вору охотников набирать, и оный вор несколько сот таких же воров собрав, через Днепр переправился, и ныне стоит на речке Вороновке, от Новобогородицкого верстах в двадцати, и многие к нему такие же шаткие люди пристают».

Наконец, терпение царя истощилось, и Мазепе поступил приказ уничтожить гнездо мятежников. В поход отправляется Полтавский полк И. Левенца и кампанейский Кожуховского. После стычки с гетманскими казаками К. Булавин и примкнувшие к нему запорожцы были вынуждены уйти на Дон. О реальном боевом столкновении малороссийских казаков с булавинцами свидетельствует царская грамота, награждающая участников этой акции: «Ныне нашему царскому величеству известно, что те посланные твои два полка, полтавский да компанейский, сойдясь с вором Булавиным с восемьсот человеками, с божьей помощью учинили над ними, ворами-булавинцами, поиск, тех воров разбили и языков многих побрали. И мы, великий государь, тебя подданного нашего гетмана и кавалера Ивана Степановича за посылку тех регименту твоего двух полков ратных людей жалуем милостиво и премилостиво похваляем. И за ту службу указали мы послать полковнику полтавскому Ивану Левенцу и полковнику компанейскому Кожуховскому по паре соболей, по двадцати рублей пара, да по кафтану объяринному на лисьих бурых мехах. Сотникам двадцать одному человеку по поставу камок по паре соболей, по пяти рублей пара». Таким образом, утверждения о некой помощи со стороны гетмана И. Мазепы Булавину и его делу, а тем паче об их союзнических отношениях, не более чем вымысел.[254]

[254] Легенда родилась благодаря Петру I, желавшему возвести на Мазепу все грехи после его измены, в т.ч. и содействие К. Булавину, которому удалось отступить обратно на Дон (Грамота Петра I гетману И.И. Скоропадскому от 26 мая 1709 г. ПСЗ. Т. IV ст. 2233)

Между тем, несмотря на поражение повстанцев в октябре 1707 г. и уход К. Булавина в Запорожье, верховые городки продолжали волноваться. Из Черкасска повторно на их усмирение отправляется отряд под командованием старшин Тимофея Федорова и Матвея Матвеева. 8 февраля 1708 г. на р. Хопре булавинцы вновь разбиты. Схвачен казак Беляевской станицы Кузьма Акимов, выдававший себя за Булавина. Акимова, с 5 товарищами и «пойманных пущих бунтовщиков и забойцев Старо-Айдарской станицы Ивана Пожара и Святолуцкой станицы знаменщика Ивана Емельянова» отправили в Москву в Преображенский приказ (Сватиков 1924, с. 140). Войско в награду ожидало очередное жалование «против прошлых лет без убавки».

В марте в верховьях Дона появляется и сам К. Булавин с запорожцами, вытесненный казаками Мазепы из Малороссии. Восстание разгорается с новой силой. Его ближайшими соратниками становятся: атаман Старо-Айдарского городка Семен Драный с сыном Михаилом, атаман Есауловского городка Игнат Некрасов[255], атаман Ново-Айдарского городка Лукьян (Лука) Хохлач, казаки Григорий Банников и Иван Лоскут[256].

Верным царю казакам во главе с атаманом Лукьяном Максимовым на помощь приходит Азовский конный полк Николая Васильева[257]. 9 апреля 1708 г., на реке Лисковатке, близ Паншина городка, противодействующие стороны встречаются. Однако пока до боя дело не доходит, часть казаков требуют от Л. Максимова переговоров – «пересылки с ворами». Пока Ефрем Петров, собрав круг, пытался убедить казаков в бесполезности этого, булавинцы нанесли удар и одержали победу. Старшины бежали в Черкасск и Азов, повстанцам досталась артиллерия, которой снабдил верных царю казаков азовский губернатор Толстой, а также войсковая казна – 8 тыс. руб.

За Булавина встали почти все городки – 99.[258] Восставшие двинулись к Черкасску. Сама столица состояла из 11 станиц.[259] Центральная часть

[255] Кем был Игнат Некрасов рассмотрим далее.

[256] Иван Лоскут в молодости участвовал в восстании Степана Разина.

[257] Из городовых казаков.

[258] Надо отметить, что единства не было. Многие городки присоединялись вынужденно, под угрозой.

[259] Черкасская (запорожская), станица, четыре донских: Средняя, Павловская, названная в честь атамана Павла Федорова, Прибылянская и Дурновская. С увеличением населения поставили Скородумовскую иТютеревскую станицы, за ними три Рыковских станицы (Верхнюю, Среднюю и Нижнюю). Кроме этого была образована татарская или Базовая станица. (Картины былого Тихого Дона. С. 99)

городка, обнесенная стеной, которую защищало 44 пушки, включала в себя 5 станиц – Черкасскую, Дурновскую, Среднюю, Прибыльскую и Павловскую. Ниже их располагались Тютеревская, Скородумовская и три Рыковских станицы, атаманом Средней Рыковской был родной брат Булавина – Антип.

Атаманы нижних станиц обратились к Булавину с просьбой: «От 5-ти станиц, от 3-х Рыковских, от Стародумовской, от Тютеревской, атамана Дмитрея Степановича, от Антипа Афанасьевича, от Ивана Романовича, от Обросима Захарьевича, от Якова Ивановича и от всех станиц Кондратью Афанасьевичу челобитье. И всему войску походному челом бьем! Пожалуй о том у тебя милости просим, когда ты изволишь к Черкасскому приступать, и ты пожалуй на наши станицы не наступай. А хотя пойдешь мимо нашей станицы и мы по тебе буде бить пыжами из мелкова ружья. А ты тако ж де вели своему войску на нас бить пыжами. И-буде скоро управишься. И ты скоро приступай к Черкасскому. Потому зто на наши станицы будут из Черкасского мозжерами (мортирами – А.Ш.) палить. Ты пожалуй нас не подай...» (Половиненко 2007, с. 24).

После двух дней безуспешной осады Булавину помогли те же нижние станицы. Ночью они обратились к защитникам гарнизона с просьбой открыть ворота и спасти их от «злодейств» восставших. Их впустили, а вместе с ними вошли и булавинцы. Далее последовал созыв войскового круга[260], на котором, во-первых, постановили казнить Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова и еще 4-х старшин, во-вторых, избрали Булавина новым атаманом. Большинству старшин удалось ускользнуть в Азов.[261]

Булавин тут же посылает несколько грамот. Первым делом атаман пишет Петру и «его царского величества в полки полководцам» – «в нынешнем 1708 м году, Мая во 2-й день, пришед мы войском походным в Черкасской, собрався по Дону, по Донцу, по Хопру, по Бузулуку и по Медведице и со всех заполных рек для перемены и выбору иных старшин, атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова с товарищи, видя мы Войском Донским за ними атаманами и старшинами многие к нам неправды, и разорение, и всякие нестерпимые налоги... и которое его, великого государя, присылается к нам, войску, годовое денежное

[260] На круге присутствовали представители 110 казачьих городков и станиц (в т.ч. 11 Черкасских) – (Савельев 1990, с. 404)

[261] Следует отметить малое количество жертв, что с одной, что с другой стороны. Казаки не хотели проливать братскую кровь.

и хлебное жалование, также за Астраханскую службу двадцать тысяч рублев, также и в нынешнем 1708 году присланные же десять тысяч рублев, и того... денежного жалования, нам они, старшины, в дуван ничего не давали. Да они ж, неправые старшины, Лукьян Максимов с товарищи против прежних... великого государя указов... о неприятии новопришлых с Руси людей, и они, старшины, с Руси людей многое число принимали и о заимке юртов без нашего войскового ведома письма многие давали, и за те письма многие к себе взятки брали... и по великого государя указу и по грамотам велено новопришлых с Руси всяких людей с 203 года (1695 г.) выслать в Русь попрежнему в старыя их места, откуда кто пришел, и они неправые старшины, Лукьян Максимов с товарищи, не одних пришлых с Руси людей, многое число и старожилых казаков, которые пришли лет по двадцати и больше, и тех всех неволей в Русь выслали, и в воду, ради своих взятков сажали, и по деревьяи за ноги вешали женска пола и девичья, тако же и младенцев меж колод давили и всякое ругательство над нашими женами и детьми чинили, и городки многие огнем выжгли, а пожитки наши они, старшины, на себя отбирали, и то они чинили не против (т.е. не по...) его, великого государя, указу» (Сватиков 1924, с. 141-142).

Далее сообщалось в отписке, что «также мы войском и своих старшин, за неправду, Лукьяна Максимова с товарищи шесть человек, казнили смертью, а вместо их, по совету, всем Войском Донским иного атамана, Кондратья Афанасьева, и старшин, кто нам, войску годны и любы, выбрали... и от него, великого государя, не откладываемся и желаем ему... всем войском и всеми реками всеусердно по прежнему непременно служить... и в том ныне... крест всем войском целовали...».

Таким образом, Булавин попытался представить все происшедшее внутренним делом Войска, обвинившего собственную старшину в нарушении казачьего права, и за это казненную по суду. При этом, в качестве обоснования вынесенного приговора было приведены не только их действия против Войска, но и против самого Петра – т.е. нарушения царских указов. По этой же причине и «с ведома общего... со всех рек войскового совета» оправдывалось убийство князя Долгорукого, который также действовал вопреки царского указа.

В отписке Войско просило Петра не посылать армию на Дон, в противном случае, «мы... реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем, а будем мы войском ему, великому государю, на реке годны и в винах наших милосердно простить, а на реке жить по прежнему укажет, и о том, мы ожидать премилосердного указу желаем» (Акты Лишина, I, с. 264-267). Т.е. Булавин еще надеялся на царскую милость.

Но все было бессмысленно. Уже 12 апреля, за три недели до того, как Булавин занял Черкасск, был отдан приказ другому князю Долгорукому – Василию, родному брату убитого булавинцами в прошлом году Юрия Владимировича[262]:

«Min Herz, понеже нужда есть ныне доброму командиру быть, и того ради приказываю вам оною. Для чего по получению сего письма, тотчас поезжай к Москве и оттоль на Украину... А кому с тобою быть и тому о сем посылаю роспись. Также писал я сыну своему, чтоб посланы были во все украинский городы грамоты, чтоб были вам послушны тамошние воеводы все. И по сему указу изволь отправлять свое дело с помощью Божьей не мешкав, чтоб сей огонь зарань утушить.

Piter

Из Санкт-Питербурха в 12 день апреля 1708

Рассуждение и указ что чинить:

Понеже сии воры все на лошадях и зело лехкая конница, того для невозможно будет оных с регулярной конницей и пехотою достичь, и для того только за ними таких же послать по рассуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням, которые пристают к воровству и оные жечь без остатку, а людей рубить, а завотчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи унята не может быть. Протчее располагается на рассмотрение господина маеора ...» (Дополнения к деяниям Петра Великого. VIII. С. 45-59).

Царь и сам порывался отправиться на Дон руководить подавлением восстания. В письме Меншикову от 27 мая 1708 г. он делился своими мыслями: «необходимая мне нужда месяца на три туда ехать, дабы с помощью Божией безопасно тот край сочинить, понеже сам знаешь, каково тот край нам надобен...» (Елагин, История русского флота. Приложения, т. II, 1864, с. 68-69). Однако, сложная оперативная обстановка на основном театре Северной войны не позволила царю бросить армию и отправится на Дон.

Какие же силы были собраны против Булавина? Руководствуясь инструкциями царя со стороны Украины действовали все слободские полки – Харьковский, Изюмский[263], Острогоженский, Сумский и Ахтырский, два малороссийских полка – Полтавский и кампанейский Кожуховского.

---

[262] Отписка Булавина была переправлена царю из Воронежа 16 мая 1708 г., т.е. В.В. Долгоруков уже начал действовать против мятежников (Акты Лишина, I, с. 264)

[263] Из казаков Харьковского и Изюмского слободских полков дополнительно был сформирован драгунский полк бригадира Ф. Шидловского.

Гарнизоны Азова, Таганрога, Новотроицкой крепости составляли: солдатские полки Владимира Жаворонкова, Александра Блудова, Степана Верховского, Венедикта Янгрека, Ивана Старкова, Федора Скобельчина, Михаила Жданова, Григория Сухотина, Новотроицкий драгунский полк С.И. Кропотова, полки конной службы Афанасия Калошина и Николая Васильева.

Из Москвы направлены: солдатский полк царевича Алексея Петровича (командовал майор Иван Гаврилович Давыдов)[264], Федора и Василия Полочаниновых (Полчениновых), драгунские полки Ивана Головина (Голованова), Ефима Андреевича Гулица (Гулца), Юрия Виллимовича фон Дельдена (Делдена),[265] Сводный драгунский полк Ивана Михайловича Денисова, Енисейский драгунский полк.[266]

Кроме того: стрелецкий полк А. И. Колпакова, солдатские полки – П. В. Григорова, Смоленский И.Я. Бильса, И.И. Рыдера (Ридера), К.Б. Неклюдова, Василия Мещерякова, Г.С. Титова, Д.И. Титова, полк морского флота Ф.А. Рыкмана (Рихмана), князя А.Д. Дмитриева-Мамонова, И.П. Бернера, Петра Левистона, Семена Норова, Н.А. Анненкова, «Синбирский» А.К. Гулица, А.Г. Яновского, Петра Хохлова, Андрея Ушакова, драгунские – Астраханский, Ингерманландский, Белгородский, Ярославский, Петра Ивановича Яковлева; драгунские шквадроны – Раненбургский, Козловский, Воронежский и генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. В Воронеж прибыл батальон гвардейского Преображенского полка под командованием майора Глебова. Отдельные команды создавались «из царедворцев», дворян и др. сословий, например, отряд стольника Степана Петровича Бахметева из 590 чел. Долгорукий доносил, что в его непосредственном подчинении состояло 22 366 чел., в т.ч. 15176 драгун и казаков, а всего было задействовано 32 817 чел. (О подавлении народного восстания. С. 194-195).

Таким образом, для подавления восстания Булавина предназначалось не менее 53-54 полков[267], что соизмеримо с количеством войск,

---

[264] Сформирован из недорослей набора Преображенского приказа.

[265] Драгунские полки входили в состав московской ландс-армии, два первых были направлены еще в 1707 г. в Воронеж для охраны флота.

[266] Помимо этого были срочно сформированы из недорослей набора Преображенского приказа и подготовлены к отправке против Булавина драгунские полки А.Н. Артемьева, Алферия Сомова и Ивана Кошаева.

[267] Это то, что подтверждается документально. Отдельные гарнизоны, дворянские и городские ополчения, собранные для борьбы с восставшими, а также тысячи калмыков, учету не поддаются. Данные о полках, участвовавших в боях с булавинцами, взяты из: Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1698-1725. Краткий справочник под ред. Л.Г.

задействованным в Полтавском сражении[268]. Направление в самый тяжелый период Северной войны фактически целой армии на усмирение мятежа, говорит о чрезвычайной важности этой операции для Петра I.

Любое сопротивление власти вызывало гнев царя, даже несмотря на его внешнее кажущееся согласие с внутренними порядками среди донского казачества. К нетерпимости проявления неподчинения царской воле прибавлялись серьезные обоснованные опасения за Воронеж и судьбу флотских верфей. Еще до вступления Булавина в Черкасск, отдельные отряды повстанцев, под командованием Лукьяна (Лучки) Хохлача действовали на Хопре, Битюге, т.е. на юге воронежской губернии. Казаки заявляли: «если побьем царские полки, пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустить, судей, дьяков, подьячих и иноземцев побъем...». В конце апреля 1708 г. Лукьян Хохлач был разбит на реке Курлак, в 60 верстах от Воронежа полковником Ф.А. Рихманом, командовавшим полком морского флота.

Вызывала опасение судьба Азова и Таганрога. Азовский губернатор И. Толстой сообщал о намерениях булавинцев идти на крепости и освободить пленных шведов (Отписка из Азова от 21 апреля 1708 г. Акты Лишина, I, с. 261). «Смотри неусыпно, чтоб над Азовом и Таганрогом оный вор не учинил прежде вашего приходу» – указывал царь Долгорукому. Отписка Булавина Петра не успокоила: «..сему в подкопе лежащему фитилю верить не надобно» – писал он Меншикову (Брикнер, с. 322) . Все вкупе вынуждало царя действовать быстро и жестоко.

Но и Булавин не особо рассчитывал на царскую милость, отослав ему войсковую отписку. В казачью столицу поступали известия о концентрации царских сил с нескольких направлений. Уже 13-го мая навстречу царским полкам из Черкасска выступили три походных войска – на Хопер, на Волгу и на Слободскую Украину. Сил явно было недостаточно.

Булавин обращается за помощью к запорожцам. 17 мая 1708 г. он пишет кошевому К. Гордиенко, напоминая об обещании – «чтоб всем вам с нами, войском Донским, быть в соединении и друг за друга радеть единодушно... А ныне нам, войску Донскому, слышно чинится, что-де собранием государевы полки пришли разорять наши казачьи

Бескровного. М., 1977.; Н. Зезюлинский. К родословию 34 пехотных полков Петра I, Пг., 1915)

[268] По данным А.А. Васильева в составе русской армии под Полтавой, (включая гарнизон крепости), находилось 40 пехотных и 27 драгунских полков, 3 эскадрона. (Васильев 1989. С. 61-62).

городки и... хотят итить под Черкасской и мы всем войском Донским просим у вас... у всего войска Запорожского милости, если вам слышно про приход царевых полков на наше разорение, и вы нам дайте помощи, чтоб нам стать вкупе обще, а в разорение нам себя напрасно не отдать... Если государевы полки станут нас разорять, и мы им будем противится, чтоб они нас в конец не разорили напрасно, также б и вашему войску Запорожскому зла не учинили...» (Сватиков 1924, с. 143). Как известно, запорожцев от выступления удержали монахи, и никакой помощи от них Булавин не получил.

Посылались «прелестные» письма в Азов и Таганрог, где значительную часть гарнизона составляли солдатские полки из бывших стрельцов – участников прежних бунтов, в расчете вызвать новый мятеж. Однако, и эти усилия не оправдались.

Но самая интересная информация содержалась в грамотах, отправленных 27 мая 1708 г. Булавиным на Кубань, казакам-староверам Савелия Пахомова. Это было не просто обращение за помощью, хотя позднее с Кубани и прибыло около тысячи казаков в армию Булавина. Эти грамоты раскрывают, как намерения Булавина, его план ухода «с реки», так и его собственное понимание обреченности восстания. Чаще всего в историографии упоминается основная причина поражения Булавина – раздробленность его отрядов. Но, во-первых, у атамана не было другого выхода, поскольку требовалось обеспечить безопасность всей области войска Донского одновременно с нескольких направлений, во-вторых, расчет строился и на вероятной поддержке – на Слободской Украине как от казаков и посполитых, так и от Запорожья, в Поволжье – от местного населения, бывших стрельцов и солдат, в Воронежской губернии и Азове от тех же стрельцов, от согнанных со всей страны каторжников, трудившихся на верфях и строительстве, и первые успехи, как мы увидим далее, должны были это подтверждать. Но Булавин предвидел поражение и заранее готовил пути к отступлению. Выстоять против царских войск ему тогда уже казалось невозможным.

Булавин был прекрасно осведомлен о действительном положении донских казаков-староверов Савелия Пахомова, об их отношениях с местными народами, с турецкой администрацией на Кубани[269]. В письме от 27 мая 1708 г. он как бы обозначает пока только возможность ухода с Дона, видимо еще надеясь на царскую милость, «...есть

[269] Как уже упоминалось, имеются сведения о его старшем брате Петре, который жил на Кубани.

ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов», но в тоже время видит ее, как единственный выход из ситуации – «а если наш царь на нас с гневом поступит...». При этом он просит С. Пахомова «...с ачюковским Хасаном пашой и с Кубански владельцем Сартланом и с иными большими мурзами учинить между собою совет...». Таким образом, речь идет не о временном пристанище, а полном переселении всего донского казачества и переходе под власть турецкого султана. В качестве возможной цены называются Азов и Таганрог, которыми «будет турский царь владеть». Т.е. донские казаки могут обещать посильную помощь в возвращении этих городов прежним владельцам, а пока они сообщают, что «... никаких припасов не пропущаем» (Булавинское восстание. С. 464-465). Если раньше и бывало, что донские казаки грозились московским царям уйти с Дона, то впервые прозвучал скрытый призыв к турецким властям вмешаться в конфликт с Россией. Тем более, что Булавин сообщал турецкому султану о прямой угрозе со стороны Петра I: «А нашему государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что многие земли разорил, за мирным состоянием и ныне разоряет, также и на твое величество и на царство готовит корабли и каторги, и иные многие воинские суды и всякой воинский снаряд готовит» (Там же).

Следует отметить «коллективность» письма Войска Донского на Кубань. Булавин пишет не только от себя: «...я-ж, Кондратей Афонасьев, поимянно милости вашей пишу Савелью Пахомовичу, Федору Васильевичу, с Донца Луганской станицы Мирону Никитичу, да брату ево, Сидору Никитичу, да Луганской же станицы Сидору Зиновьевичу, да Трех-избянской станицы Ивану Остафьевичу, Горбун прозвище, да Митякинской станицы Карпу Ертеаристу и всем, что есть атаманам молодцам слезно милости прошу и челом бью, пожалуйте, который-нибудь, хотя Мирон или Сидор, или Афонасей, приедте ко мне на слово», но и от родственников кубанских казаков-староверов: Антона Ерофеева – «Я же, Антон Ерофеев, тебе, дядюшка Савелей Пахомович, и сыну твоему Гарасиму Иванову и Гавриле и всему дому твоему, слезно милости прошу и челом бью; а я, государь дядюшка, по се писание дал Господь Бог жив, и впредь уповаю на всещедраго Бога своего и прочим моим приятелем Савостьяну Васильевичу, Мартыну Роздорскому и Евментьевым детем и Панфиловым детем, Максиму Кривому с детьми Кобылскии станицы. И чтоб тебе, Максим, прислать ко мне котораго нибудь сына своего, и всем приятелем, с которыми мы зиму зимовали и нужду терпели, в вчинах челобитье и поклон до земли»; Дмитрий и Андрей Игнатьевы – «К Савелью Пахомовичу шурин твой... милости

прося и челом бьет; а ныне я живу на Медведице, в Черногонской станице, а прошу у тебя и молю животворящим Богом, чтоб тебе, буде возможно, самому приехать, а буде невозможно и ты пришли сына своего, а моего племянника, а им худа никакова у нас по крестному целованию, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей вправду, никакой вреды им не учинится и о том нашим душам верьте, только милости вашей мы желаем, что вам с нами о всяких душевных, искренних делах...» (Булавинский бунт. С. 478-479).

Отдельно посылаются письма «...Ачюевскому владетелю Хосяну паше, и кубанския орды владетелю Сартлану мурзе и всем кубанским мурзам. От донских атаманов молодцов, от Кондратья Афонасьевича Булавина и ото всего великаго войска донскаго, ачюевскому владетелю Хосяну паше поздравление в нынешнем ..... (1708) году, мая в... день. Ведомом войском донским вам чиним: собрався мы, войском донским, казаки с Дону, из севернаго Донца, с Хопра, Бузулуку и с Медведицы, и со всех заполных рек, также Днепра из-за порогов казаки, пришли под Черкасской для того: приговорили мы войском, чтоб переменить на острову в Черкасском прежде бывших своих войсковаго атамана и Лукьяна Максимова и старших за их неправду и всякое на нас разоренье, потому что они, старшины, нам и вам многое разорение неправды чинили и за мирным состоянием юртовых своих калмык и казаков, без ведома нашего войсковаго, под ваши жилища посылали и ясырь у вас также и конные табуны к себе брали. И мы, войском, за такое их разоренье и неправду войсковаго атамана, Лукьяна Максимова с товарищи шесть человек, казнили смертью. А ныне у нас, войска, в Черкасском, все дал Бог по прежнему в состоянии, смирно. А с вами мы, войском донским, хотим жить по прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии. А буде вы с нами, войском, хотите жить в дружелюбии по прежнему и вы к нам, войску, знатных своих старшин от себя с писмами для договору и мирнаго между юртов крепкаго состояния и разделки пришлити, и ни в чем не опасайтеся, и душам нашим и сему писму верте. А вы на нас, войска, не подивите, что с сим писмом своих казаков никово к вам не послали, для того, что за умножением своих неправедных старшин, заводящих ссор между вами и нами, послать поопаслись и послали мы войском сие писмо к вам в Ачюев с вашими людьми и своим казаком Василием Борисовым. И вы с нами, войском, живите по прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии, из своей стороны всяких людей с товары и со всякими промыслами к нам, войску, присылайте безопасно; а у нас, войска, вашим торговым людем никакова озлобления не будет, и будут они у нас торговать по прежнему; а мы,

войском, в вашу сторону своих казаков будем посылать для всяких промыслов також. А что которые люди побраны за мирным состоянием наши казаки к вам, а ваши—к нам в ясырство, и мы, войском, с вами меж себя в том ясыре розмену и всякой договор о всяких делах чинить будем. А если вы похотите, за многие к нам и к вам, от калмык обиды и многое разорение на них идтить войною и вы с нами, войском, согласясь за едино, в поход за Волгу пойдем и о том к нам, войску, отпишите ведомость вскоре. (Булавинский бунт. С. 480-481). Примечательно, что Булавин не обращается на прямую к турецким чиновникам с просьбой о переходе под власть султана или переселении на Кубань. Скорее всего, атаман предполагал сначала обсудить подобные вопросы с кубанскими старшинами, которых он настоятельно приглашал в Черкасск и обозначил это в письме, адресованном им. Возможно, он рассчитывал на то, что кубанские казаки, которых он просил передать оригинал султану, сопроводят его соответствующими комментариями и ходатайствами.

Во избежание перехвата писем, Булавин отправляет их всем упомянутым лицам, а кубанских казаков просит также снять копии для себя и турецких чиновников и татарских мурз, оригинал же переправить султану в Стамбул. Предосторожность оказалась не лишней. Один из посланцев Булавина был захвачен 5 июня 1708 г. и доставлен к азовскому губернатору И.А. Толстому, который тут же донес Петру, что «оного вора воровские... замыслы явно открылись» (Булавинское восстание. С. 258). Толстой немедленно распорядился послать команду верных ему казаков Василия Фролова отогнать от Черкасска табуны лошадей, «чтоб вору бежать было не на чем». Письмо в Запорожье также было написано не в одном экземпляре. Одна из копий была перехвачена казаками Полтавского полка в «Терновых кустах» (вероятно, в Терках, где в прошлом году размещался лагерь Булавина на Украине – А.Ш.) (О подавлении народного восстания. С. 184).

В завершении Булавин повторно просит приехать в Черкасск кубанских казаков, «чтоб вам с нами о всяких душевных искренних делах договоритца и о всем пересоветывать» (Там же, с. 466).

Между тем события продолжали развиваться. Семен Драный 8 июня 1708 г. (5 тыс. донских казаков и 2 тыс. запорожцев) нанес поражение Сумскому слободскому полку – авангарду отряда бригадира Шидловского на речке Уразовой, в 15 верстах от Валуек. Повстанцы ворвались в лагерь, перебили сотников, захватили обоз и артиллерию, пленных слобожан отпустили. Погиб командир Сумского полка Ан-

дрей Кондратьев (О подавлении народного восстания 1707-1708 гг. с. 186).

Весь июнь отряд С. Драного действовал в районе Изюма и Бахмута, осаждал Тор, но взять не смог. По приказу Булавина Драный отправляет 500 запорожцев к Азову, тем самым ослабив свой собственный отряд. 2 июля 1708 г. у Кривой Луки на Северском Донце его настигают основные силы Шидловского. В упорном бою царские войска разгромили повстанцев, четверть отряда погибла в бою, многие утонули в реке при отступлении. Погиб и сам Семен Драный.

Одновременно был разгромлен отряд повстанцев в Бахмуте, где «было воровское собрание с запорожскими казаками для перестерегания посланных государевых полков в Азов». Взяты в плен и казнены «бахмуцкий атаман Харитошка Абакумов и есаул Мишка Скоробогатов с товарищи» (О подавлении народного восстания. С. 185).

Игнат Некрасов действовал в Поволжье. 26 мая он осадил Саратов, но зашедшие ему в тыл калмыки вынудили снять осаду. Была взята Дмитриевка (совр. Камышин), 17 июня 1708 г. пал Царицын. В Дмитриевке гарнизонный солдатский полк Данилы Ивановича Титова полностью перешел на сторону восставших.

Булавин направляет еще один отряд против Азова. 5 июля произошло первое столкновение повстанцев с гарнизоном крепости. Запорожец Лукьян Хохлач атаковал Азовский конный полк и даже захватил предместье Азова – Матросскую слободу. Надежды на восстание гарнизона не оправдались. Мощнейшая крепостная артиллерия и огонь корабельных пушек, поддержавших атаку пехоты, завершили разгром булавинцев. Данные о погибших разнятся от 423 до 1023 чел., утонувших – от 400 до 2500, взятых в плен – от 60 до 600 (Половиненко 2007, с. 31-32). В любом случае это было полное поражение.

Вместе с отпиской Булавина к Петру попала челобитная казачьих старшин, бежавших из Черкасска после избрания последнего войсковым атаманом. Они также просили Петра отозвать посланные войска, предупреждая о возможности ухода большого количеств казаков на другую реку – Кубань. Петр заколебался и даже приказал Долгорукому остановиться и не идти дальше. Но стремительное развитие наступления шведов, поражение Шереметева и Репнина под Головчиным, доводы Долгорукова о том, что колебания и мягкость с «лживым и грубым народом» бесполезны, склонили Петра предоставить князю полную свободу действий, так как за дальностью расстояний нельзя было давать более подробных указаний – «ибо издали так нельзя знать, как там будучи» (Савельев 1990, с.406-407).

После поражения булавинцев под Азовым и Кривой Лукой в самом Черкасске возник заговор. Новым войсковым атаманом избрали Илью Зерщикова[270]. Булавин был окружен и погиб в бою 11 июля 1708 г.[271] Известие о смерти мятежного атамана вместе с пятьюдесятью его схваченных соратников[272] немедленно отправилось в Азов и к Долгорукому.[273]

Кандидатура И. Зерщикова не внушала доверия Долгорукому. Князь писал царю по пути в Черкасск 15 июля 1708 г.: «Ваше величеству известно какие они шаткие люди и нынешний атаман какого он состояния... все изменили сплошь... в лице выберут дураков, а сами из за них воруют, так как в Черкасском, так и во всех станицах первые люди все сплошь воровству причастны... надобно определение с ними сделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать, и мыслить и вольность у них убавить...»

Петра I согласился с мнением князя. Это ясно видно из приказа отданного царем Долгорукому 19 июня 1708 г.: «Как будешь в Черкасском, тогда добрых обнадежь, и чтоб выбрали атамана доброго человека». Далее следовала конкретная инструкция о карательных мерах: «по совершении оном (т.е. фактическом назначении нового атамана), когда пойдешь назад, то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук; по Донцу сверху по Луган; по Медведице – по Усть-Медведицкой, что на Дону. По Бузулуку – все. По Айдару – все. По Деркулу – все. По Калитвам и по другим Задонным (за Северским Донцом) рекам – все. А по Иловле, по Иловлинской, по Дону до Донецкого надлежит быть так, как было... заводчиков пущих казнить, а иных на каторгу, а прочих высылать в старые места... Сие чинить по тем городкам, которые велено вовсе искоренить, а которые по Дону старые городки, в тех только в некоторых, где пущее зло было, заводчиков только казнить, а прочих обнадеживать, а буде где какую противность ныне вновь сделают, то и всех под главу...» (Сватиков 1924, с. 145-146).

---

[270] Илья Зерщиков был и видным вождем раскольничей партии на Дону в 1688 г., и войсковым атаманом в 1700 г.

[271] О версиях гибели К.А. Булавина рассказано в Ч. I.

[272] Среди них были брат Булавина Иван, его сын – Никита, сын С. Драного Михаил, атаманы «Ивашка Чайкин, Лупка Хохлач, Кирюшка Каштанов» и др.

[273] Число оставшихся верными царю казаков 1835 чел. , из них 1478 относились к низовым городкам. Это количество смог собрать Долгорукий для приведения к очередной присяге на верность (Чаев 1935, с. 356).

Из Черкасска навстречу Долгорукому отправляют старшину Петра Емельянова сына Рамазана с повинной (О подавлении народного восстания. С. 189).

27 июля 1708 г. Долгоруков вошел в Черкасск, где его встречал атаман И. Зерщиков. Князь доносил царю: «Все сплошь черкасские в том воровстве равны, и сам атаман Илья, и есаул Соколов, будучи у меня сказали, что они все этому делу виновны... А что ваше величество изволил ко мне писать, чтоб выбрать атамана человека доброго, – и ручаться по них невозможно... Одно средство – оставить в Черкасске солдатский полк[274]...». Зерщиков вместе со старшиной Тимофеем Соколовым были обвинены в содействии мятежникам, арестованы и после пыток казнены.[275]

Но борьба еще не окончилась. В районе Донецкого городка оставался Никита Голый, с Волги возвращался отряд Игната Некрасова.

В августе 1708 г. Долгорукий отправляет Острогожский слободской полк Тевяшева и драгунский фон Дельдена разорить Донецкий городок. Но в результате удачных действий оборонявшихся во главе с атаманом Микулой Колычевым нападение было отбито.

В том же месяце Долгоруков получает известие о сборе всех мятежников в районе Есаулова городка, в т.ч. и Н. Голого. Туда же приближается и отряд И. Некрасова, возвращающийся с Волги. Князь немедленно выступает к Есаулову городку с одной драгунской конницей и верными казаками и 22 августа начинает осаду.[276] Через два дня подходит пехота и защитники городка, понимая, что помощь не успевает, сдаются на милость победителей. «Милость» заключалась в следующем: атамана Есауловского городка Василия Телного с двумя «чернцами» – раскольниками четвертовали, к остальным применили децимацию – казнь каждого десятого. Приговоренных, числом более 200, повесили на плотах, которые спустили вниз по Дону. Позднее, в

---

[274] Был оставлен полк Гулица.

[275] В.В. Долгорукий позднее, видимо, не без оснований полагал, что в первоначальном заговоре против его брата Юрия, была замешана вся казачья верхушка Дона, во главе с казненным восставшими атаманом Л. Максимовым, т.е. К. Булавин действовал если не по указке, то с согласия и Л.Максимова и И. Зерщикова, который также принадлежал к высшей старшине и был, по разумению князя, причастен к убийству не только его брата, но и к казни Максимова, не говоря уже о старых грехах 1688 г. Выдача бунтовщиков и убийство Булавина было не что иным, как попыткой уйти от ответственности. (О подавлении народного восстания 1707-1708 гг. С. 194).

[276] Исходя из росписи полков В.Долгорукого в его распоряжении было около 6000 драгун и 1000 казаков. Защитников Есаулова было около 3000 чел. (О подавлении народного восстания. С. 180-182).

1724 г., в своем послужном списке Долгорукий сообщал, что казнил все трехтысячное население городка, за исключением 50 чел. «за малолетством» (О подавлении народного восстания. С. 194-195)[277].

Стремительность действий Долгорукого объяснялась приближением отряда Игната Некрасова. Однако, как совершенно справедливо замечает историк Д. Сень, «среди тех, кто шел на помощь к осажденным, находились женщины и дети, и мог ли этот фактор оказать существенную помощь при неотвратимом столкновении с царскими карателями?». По мнению историка, «парадокс заключался в том, что они не собирались «идти на выручку своим собратьям к Есаулову городку», а местом сбора была определен Нижний Чир – городок в 35 верстах от Есаулова. Таким образом, можно предположить, что появление на Кубани отряда донских казаков, возглавляемого И. Некрасовым и некоторыми другими соратниками, в конце августа – начале сентября 1708 г., стало завершением плана, заранее подготовленного Булавиным в Черкасске и обозначенного в тех самых письмах, что отправлялись на Кубань 27 мая 1708 г. (Сень 2002, с. 19-28).

Вполне вероятно, что Есаулов городок действительно отвлекал на себя внимание карателей, жертвуя собой ради тех, кто еще мог спастись. На момент взятия Есаулова Долгорукий уже знал о том, что Некрасов переправился с людьми через Дон (О подавлении народного восстания. с. 190)[278]. Значит, об этом знали и осажденные.

По поводу цифры ушедших с Некрасовым казаков существуют разночтения, но наиболее правдоподобной, на мой взгляд, является цифра в 8000 человек (Ригельман 1849, с. 95-96).[279]

Несколько слов следует сказать и о фигуре Игната Некрасова. В большинстве исследований и документов его называют атаманом Еса-

---

[277] Сложно определить где правда, а где вымысел Долгорукого. В том же документе, датированным 19 сентября 1724 г., князь указывал о потерях повстанцев: под Решетовым – 15 тыс. чел «побито и перевешано», под Тором – 8 тыс., что было явным преувеличением.

[278] А.П. Пронштейн и Н.А. Миненков называют 22 августа 1708 г. датой переправы И. Некрасова через Дон в районе Нижнего Чира, т.е. одновременно с подходом конницы Долгорукого к Есаулову (Пронштейн А.П. Миненков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. Ростов-на-Дону. 1983. С. 275)

[279] Савельев говорит о 600 семьях (Савельев 1990, с.408), в послужном списке майора лейб-гвардии В. Долгорукова упоминается 2000 семей (Материалы по истории СССР, т. V., с. 528-530)., что позволяет согласиться с цифрой в 8000 чел., которую приводит и проф. Возгрин. (Возгрин 2008, с. 58).

уловского городка[280]. Однако, имеются сведения о том, что он являлся уроженцем Голубинского городка (совр. – ст. Голубинская Волгоградской обл.). Об этом сообщил на допросах казак Семен Кульбака, что «тот Игнатка был в Голубых рядовым казаком...» (Материалы о восстании на Дону. Ч.5. С.125). И. Зерщиков писал Петру I: «... июля ж в 29 день ведомо нам... учинилось, что де вор и изменник Игнатна Некрасов с реки Волги, с Царицына города на Дон в свой Голубинский городок... перешел...» (Булавинское восстание. С.322.). Был ли он атаманом Есауловского городка, или же выдвинулся в походные атаманы из рядовых казаков Голубинского городка в период восстания, достоверно сказать сложно. Но то, что Игнат Некрасов являлся одной из ключевых фигур неоспоримо – «А с ним вором (Булавиным – А.Ш.) первые в замыслех... вор Игнатка Некрасов да Сенька Драный...» (Булавинское восстание. С.239.)

Оставался последний очаг сопротивления. В конце сентября или в первых числах октября отрядом Н. Голого был разгромлен Смоленский пехотный полк «небрежением оного командира» полковника Ильи Яковлевича Бильса, направлявшийся из Ингерманландии на Дон, и дальше к Азову. Спускаясь вниз по реке, Бильс потерпел крушение в 2-х верстах от Донецкого городка: от непогоды «будары все разбило и многие нанесло на мель». Н. Голой стал звать Бильса к берегу «слушать царский указ».[281] Как только они выполнили требование атамана и пристали к берегу, казаки «бросились на будару, самого Бильса и офицеров перевязали и утопили, казну и офицерские пожитки между собой раздуванили, а солдат забрали к себе в таборы». Погибли: «оного полка полковник Илья Бильс, подполковник Франц Ниц, поручик Егор Чабуков, лекарь Дидль Валбум посажены в воду (утоплены). Прапорщик Иван Мартынов убит, урядников и солдат побито и в воду пометано и без вести пропало 106 человек». В плен попали: «1 майор, 6 капитанов, 7 поручиков, 6 прапорщиков, 729 урядников и солдат».

[280] Короленко П.П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по архивным и печатным материалам Екатеринодар, 1899. С.16.; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Дон. 1958. №8. С.136; Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. 1986. Серия 8. №4. С.45. и др.

[281] В. Долгоруков несколько по-другому описывает происшедшее со слов спасшихся капитанов Якова Зернова и Антипа Шипова. Первая встреча полковника Бильса с Н. Голым произошла за два дня до описываемых событий и носила мирный характер. Лишь после того, как будары потерпели крушение, полк был взят в плен. (О подавлении народного восстания. С. 191)

Узнав об этом, Петр I отписал Долгорукому 12 октября 1708 г. из Смоленска: «Господин майор! Письма ваше я получил, в чем зело печально, что дурак Бильс так изрядный полк дуростью своею потерял, однако же, как будут являться из солдат (понеже не все пропадут), опять помалу оный полк устроить потщися, понеже о жалованье его и о всем уже я господину Стрешневу указ дал, чтобы вам посылал» (Зезюлинский, с. 33-34).

Примечателен факт уверенности царя в том, что большинство солдат не пострадает от рук мятежников. Так оно и произошло. Через два месяца, 13 декабря 1708 г. из Сум Петр писал в Москву князю М.П. Гагарину: «...на бывший Бильсов полк, который послан был в Азов и за небрежением оного командира от воров-Булавинцев разорен, отпусти на Воронеж ружья вновь, фузей и шпаг на 1200 человек». Известно, что в Воронеж прибыло 728 чел., отпущенных казаками, т.е. практически все те, кто сдались в плен (Там же, с. 34).

Карательные отряды действовали без всякого милосердия. В конце сентября Долгорукий вновь выступает с 4-тыс. отрядом к Донецкому. Городок обороняла тысяча казаков во главе с есаулом Тимофеем Щербаком (Щербаковым) и Никитой Колычевым, сыном местного атамана. Как доносил князь Петру I, 28 октября 1708 г. во время приступа Донецкого «милостью Божией их, воров, разбил... и многие метались и потопились, а драгуны побили их воров, на воде и живьем взяли с полтораста человек, тех всех повесили... А Донецкий, государь, весь выжгли...» (Королев 1991. С. 89).

Н. Голый пытался собрать силы для отпора, но 4 ноября потерпел сокрушительное поражение под Решетовым городком. Из 7.5 тыс. повстанцев, по данным В. Долгорукого погибло около 3000, Н. Голый вырвался «сам третей», т.е. с 2.5 тыс. чел., остальные были пленены и казнены. «В 708-м же году ноября в 4 день в приход лейб-гвардии маеора князя Василья Володимировича Долгорукова великого государя с ратными людьми, с конными и пехотными полками под Решетовым, во время приступу у воров у Микитки Голова с товарыщи в воровском их собрании 5 знамен, которые знамена они, воры, взяли на розгроме полковника Билса, две пушки медные, которые взяли они ж, воры, на розгроме Сумского полковника, да их воровских казацких 16 бунчюков и значков, и те вышепомянутые знамена отданы по прежнему в тот же Билсов полк» (О подавлении народного восстания. С. 189). Потери царских войск был минимальны: убитых – 17, раненых – 57, сбежавших и пропавших без вести – 2 чел. (Там же). Позднее, Никита Голый был схвачен и казнен.

На этом восстание закончилось. Что потерял Дон в результате выступления Булавина?

Список донских городков и юртов, уничтоженных по указу Петра I :

По Дону:

Бабей.
Траилин.
Нижний Михайлов.
Нижние Каргалы.
Быстрый.
Перелышный.
Голубые.
Паншин.
Новый.
Решетов.
Дмитриев.
Старый Сиротин.
Донецкой.

По Донцу и притокам:

Бахмут.
Боровской.
Закотнов на Айдаре.
Воровской.
Новый Айдар на Айдаре.
Старый Айдар на Айдаре.
Теплынский.
Краснянский.
Святолуцкий.
Трех-Избянской.
Сухаревской.
Яблоновской.
Каширский.
Средне-Калитвянской на Белой Калитве.
Худояров.
Обливы на Деркуле.
Ново-Краснянский Юрт.

Осинов Юрт (Ревенек) на Айдаре.
Беленький на Айдаре.
Шульгин на Айдаре.
Старо-Боровский.

По Бузулуку:

Лукъянов.
Карпов Юрт.
Мартынов.
Черный.
Березов.

По Медведице:

Тетерев.
Заполянской.
Муравский.

По Хопру:

Остроухов.
Тежкин.
Бесплемяновской.
Левикин.
Пристанской.
Кабаний – на Красной реке.
Красный Яр (Красноярской).

Общее количество погибших историки оценивают от 7 тыс. (Савельев 1990, с. 408) до 37 тыс. чел. (Половиненко 2007, 37). Последняя цифра чересчур завышена. По мнению историков Н.С. Чаева и К.М. Бибиковой все население Дона составляло в период Булавинского восстания 28 570 чел. в 127 городках (Чаев 1935. С.11)[282]. Имеется весьма приблизительное описание городков и их населения, составленное в 1698 г. тамбовскими дьяками, описывавших леса для нужд

[282] Скорее всего эта цифр относится к казачьему населению, которое в верховых городках составляло явное меньшинство, по сравнению с пришлыми. Это четко видно из переписи, что успел сделать убитый Булавиным князь Ю. Долгорукий.

флота. Например, по перечисленным 5 уничтоженным городкам на Хопре насчитывалось 620 куреней[283] (в среднем по 124) (Попов 1914, с. 186-199).

А.М. Савельев приводит следующие данные средней численности населения: на Донце по 390 чел., на Дону – 217, на Хопре – 141, на Медведице – 106, на Бузулуке – 93, общую же цифру определяет в 27 тыс. чел. (Савельев 1867. С.2, Савельев 1870, С. 57).

Если принять, что население верховых городков в среднем составляло 250-300 чел., (исходя из переписи Ю. Долгорукого и с учетом «пришлых»), то общая цифра по верховьям Дона должна была составить от 12 до 15 тыс. чел., из которых 3 тыс. он успел выслать. С И. Некрасовым ушло около 8 тыс. чел. Если полагать, что половина из этих людей, не являлась «старожилыми» казаками, то потери составили около 7-8 тыс. человек, что совпадает с предположениями Е.Савельева. В сражениях погибло около 10-12 тыс. повстанцев (Решетов, Кривая Лука, Азов, Бахмут, Донецкий, Паншин, Есаулов), в число которых, помимо донских казаков, входили запорожцы (2-3 тыс.), а также крестьяне, бурлаки[284] и т.д., составлявшие значительную часть отрядов. Остальные были истреблены карательными отрядами. В любом случае, Дон лишился от половины до двух третей своего населения (Boeck, p. 184). При этом, безусловно, жертвы среди «пришлых» людей исчислению не поддаются, как неизвестны потери повстанцев в великорусских губерниях.

Помимо людских потерь, в результате восстания, следовал и территориальный передел – бассейн Северского Донца отошел к Бахмутской провинции, Айдара – к Острогожскому слободскому полку, верховья Хопра – к Воронежской губернии. Таким образом, земли Войска Донского сократились на треть.

19 апреля 1709 г. в Черкасск прибыл лично сам царь Петр. После устрашающего представления с водворением на колья голов Булавина, Зерщикова и Соколова, царь объявляет Донскому Войску свою волю: назначить «в войсковые атаманы Петра Емельянова сына Рамазанова

---

[283] Казачий курень — донской славянский дом с очагом в центре, четырехугольный в плане и, по-видимому, с четырехскатной низкой кровлей, Это было автохтонное жилище, выросшее из степной культуры и резко отличавшееся от продолговатых славянских землянок, полуземлянок и древнерусского сруба с двускатной крышей. Затем местом обитания донских жителей стала пойма Дона, и дома были возведены на столбы, а еще позднее (не ранее XVII в.) появились и каменные подклеты. (Вареник 1996. ,С. 124,125,169,178)

[284] Бурлаками часто называли беглых.

по смерть его». Таким образом, было нарушено еще одно из главных прав донского казачества – выборность войскового атамана.

Следует отметить, что после смерти Емельянова, донским казакам еще удавалось несколько раз избрать атаманов: в 1715 г. – Максима Кумшацкого; в 1716 г. – Максима Фролова ; в 1717 г. – Василия Фролова. 26 февраля 1718 г. Петр I повелел быть В. Фролову атаманом «без перемены до указа». В 1723 г. Василий Фролов умер и круг в последний раз избрал атаманом Ивана Матвеева Краснощекова, но кандидатура не была утверждена царем из-за опалы во время Персидских походов[285]. Атаманом был назначен Андрей Лопатин (Савельев 1990, с. 411-412). Фактически с 1723 г. выборность атаманов была отменена и узаконена, хотя прецедент был создан именно по итогам восстания К. Булавина. Высшая власть Дона теперь назначалась и контролировалась царским правительством.

А что же казаки, которые все это время находились в действующей армии, в Польше, Прибалтике, Ингерманландии?[286] Их реакция на трагедию, происшедшую на Дону нам неизвестна. Для завершения приведем один документ – прошение калмыков, причисленных к Войску Донскому отпустить их из Польши домой на Дон: «Светлейший князь, милостивейший государь, государь всепокорнейши Александра Данилович. Бьют челом сироты ваши войска донскаго походнаго юртовые донские калмыки города Черкасскова, которые на службе великова государя в Польше. А вышли из Черкасскова города .... (1707) году и служим великому государю по нынейшей ..... (1708) год в Польше не выезжаючи, и нам ведомо учинилось, которые калмыки кочуют за Волгою, и они забрали на Дону наших жен и детей в полон и домы наши разорили и что было пожитков, то все забрали, и мы о том просим вашего светлейшаго и милостивейшаго указу, чтоб нас, сирот своих, отпустить домой на Дон и отыскать бы нам у тех (калмыков) жен своих и детей, хотя на окуп выкупить и чтоб они, калмыки, не запродали наших жен и детей в дальныя страны. Светлейший и милостивейший князь государь! смилуйся над нами, сиротами своими, и не дай в конец разориться, а мы, сироты ваши, и впредь ему, великому государю, рады служить и всегда готовы будем. Смилуйся, пожалуй!» (Булавинский бунт. 1708 г. С. 484).

---

[285] Подробнее в Ч. III.

[286] Савельев говорит о 15 тыс. донских казаках и «юртовых» калмыках в действующей армии.

2.2.3. Что выиграл Дон и что проиграл?

Профессор Сватиков совершенно справедливо замечает, что по донскому казачеству «не было издано ничего подобного тем пунктам, которые с 1654 г. подтверждались царями в отношении Малой России»[287] (Сватиков 1924, с. 157). Присоединение к владения царя Малой России означало прежде всего переход не только жителей в подданство, но и всех земель в распоряжение Москвы, которая в лице Алексея Михайловича жаловала их определенными правами, в том числе и наделами, городами, льготами и прочим.

Что касается Дона, Яика и Терека, то ситуация складывалась совершенно иначе. Еще Иван Грозный писал крымскому хану в 1572 г., что «казаки живут на Дону не по моей воле...», а их территории называл одним словом «Поле»[288], подчеркивая тем самым, что земли эти не относятся к пределам Московского государства.[289] Присяга 1671 г. также не означала пожалование донских и других казаков их же землями.[290]

Таким образом, все территории, которыми владели казаки в бассейне Дона – городки, земли, реки, являлись их исконной собственностью, и право распоряжаться ими, включая, безусловно, любые промыслы, охоты, ловли и т.д., также неоспоримо принадлежало Войску. Отсутствие каких-либо противоречий или споров по данному вопросу объяснялось довольно просто: между пограничными городами России и теми территориями, которые Донским Войском считались «своим Присудом» лежали сотни верст ничейной земли. Такое положение вещей сохранялось в течение почти двух столетий – XVI и XVII. Нет ни одного документа, в котором бы обсуждались вопросы землепользования или казачьих угодий. Все царские грамоты, отправлявшиеся на Дон в это время, касались вопросов войны и мира, похвалы или, наоборот, угрозы казакам за непослушание, определяли размеры жалования

---

[287] Т.н. «статьи» – Переяславские, Московские, Коломацкие и т.п. Примечательно то, что для историка «царской» школы, этот вопрос был очевиден.

[288] Иногда в документах того времени встречается прилагательное «польский» («полский), относящееся к Полю, а не к Польше. Т.е. «живущий в Поле».

[289] Равно как и запорожцы и Запорожская Сечь находились вне сферы Польско-Литовского государства.

[290] Официально казаки были пожалованы собственными землями только в царствование Екатерины II с приложением карты. Размежевание земель осуществлено было в 1766 г., пределы Войска Донского определены в 1786 г., а в 1793 г. вместе грамотой передана карта земель, «коих владением казаки Донские издревне спокойно пользовались...» (Сватиков 1924, с. 165)

за их службы и т.д. Единственные, пожалуй, упоминания о городках верховья Дона, касались расселения раскольников и содержали требования разорить их (Акты Лишина, I, с. 88). В отличие от Малой России казачья старшина также не могла запросить у царя никаких личных земельных пожалований, как это делали, к примеру, Б. Хмельницкий и другие при подаче Мартовских статей, ибо это противоречило всем устоям и обычаям Войска.

Однако, последнее десятилетие XVII в., т.е. начало царствования Петра I, вызвало ускоренную колонизацию «ничейных» земель и окружение территорий Войска русскими поселениями и крепостями. Вплотную приблизились к Дону земли, подконтрольные воронежскому, белгородскому воеводам, слободские малороссийские полки, появились новые крепости в низовьях, включая отвоеванный Азов[291]. Фактически формировались новые границы государства, со всеми вытекающими отсюда особенностями для пограничных областей, что вынуждало выстраивать все отношения с казаками по другому (Boeck, pp.134-158).

Права на владения землями и реками со всем их богатством неразделимые с другими правами Войска – права личной свободы каждого казака, выборности власти, собственного суда, финансовой и хозяйственной независимости, вероисповедания и т.д., не могли не вступить в противоречие с имперским правом, которое изначально царь Петр сделал главной доктриной своего царствования и потребовал его соблюдения, вторгшись абсолютно во все внутренние и личные дела своих поданных, в т.ч. и казаков, ломая древний уклад казачьей жизни.

Главной основой имперского права Петра была идея о том, что целью существования государства отныне становилось «общее благо» его граждан, в том смысле, как он понимал его. Проблема заключалась в том, что гарантировать «общее благо» могло государство не всякое, а лишь «регулярное», устроенное по новейшей западноевропейской модели. Это «регулярное государство», эту «машину для производства счастья народов», необходимо было создать в России, в т.ч. и на Дону, который по мнению царя ничем особым не должен был отличаться от великорусских губерний. (Сыромятников 1943. С. 152).

Утверждение в первые годы XVIII в. в качестве цели государства «общего блага» означало категорический разрыв с православной традицией, которая была естественной и для казачества. Целью древне-

[291] До Петра, как уже упоминалось, все попытки возвести крепости на землях Войска провалились, встретив ожесточенное сопротивление казаков.

русского государства, как убедительно показал П. В. Верховской, являлось спасение души граждан (Верховской 1916. Т. 1. С. 10-42). Тоже самое можно сказать и о вольных казачьих сообществах – Войсках.

Имперское право подразумевало абсолютное самодержавие, централизацию власти и фактически крепостное закабаление всех подданных. Основами казачьего права были народовластие, самоуправление, свободное использование всех природных ресурсов, политическая, религиозная и гражданская свобода (Сватиков 1924, с. 158).

И если реформы Петра встретили, как явное, так и пассивное сопротивление в массах великорусского населения, то в среде казачества – профессиональных воинов также никто так просто сдаваться не собирался.

При этом для казачества, в целом, было характерно благоговение перед царской властью, как олицетворением высшей правды на земле, исходящей от Божьего помазанника. Савельев это связывает якобы с благодарностью казаков за то, что все цари, начиная с Ивана Грозного, признавали священное казачье право на свободу (Савельев 1990, с. 416). По мнению автора, вера в царя и готовность ему служить и называть себя «холопи ваши прирожденные», лежит гораздо глубже, именно в православном восприятии монарха, как оплота Православия после падения Константинополя – Византии, без малейшего отождествления с Россией, Москвой, как третьим Римом и т.д. Правда, следует оговорить, что эта вера всегда была связана с понятием «доброго» царя. Божественностью царского происхождения объясняется неприятие казаками Бориса Годунова – «не царского рода, татарского племени», соответственно восторг от Лжедмитриев I и II (Сватиков 1924, с. 52). Вера в «доброго» царя приводила к появлению других самозванцев, например, царевича Симеона Алексеевича в 1673 г. Однако, фигура последнего была воспринята лишь в Запорожье, Дон отказался рассматривать подобную кандидатуру. Начиная с 1683 г. в среде раскольников, проживавших среди верховых донских городков, поползли слухи о том, что царя Ивана Алексеевича «на Москве бояре не почитают, извести хотят». Подобные разговоры велись и гораздо позднее. Из допросных листов Преображенского приказа, куда попали в 1701 г. несколько казаков, арестованных за слова: «...от государя тесно становится», выясняется, что слухи продолжаются, что «царь Иван Алексеевич жив, и живет в Иерусалиме для того, что бояре воруют. Царь Петр полюбил бояр, а царь Иван чернь полюбил» (Сватиков 1924, с. 131).

Когда же Петр уехал за границу, то на Дону тут же заговорили о том, что он не вернется, а тогда «... боярам мы служить не будем и

царством им не владеть, и Москву нам очищать – воевод будем рубить» (Там же, с. 130). Но тот же Булавин взяв власть на Дону в свои руки сразу же заверил Петра, что ему «...крест всем войском целовали...» (Там же, с. 142).[292]

Следует напомнить еще о об одной из легенд казачьей истории – спасении безымянным донским казаком царя Петра под Выборгом в 1706 г. (Картины... с.145-146).

Убедившись в том, что царь не остановится ни перед чем для достижения государственных целей, т.е. «общего блага», и любое сопротивление порождает ответную жесточайшую реакцию, казачья старшина старалась лавировать среди начинаний Петра всеми доступными ей способами. Спор из-за земель с приблизившимися к окраинам Войска великорусскими жителями и служивыми людьми вызвал необходимость постоянного обращения казаков к Петру с просьбами закрепить («пожаловать») их собственными землями и угодьями, получив на руки в результате письменный документ, подтверждающий их исконные права[293]. Однако, даже наличие подобной грамоты или указа не гарантировало неприкосновенность прав казачества. Петр во всем руководствовался высшей целью, но при этом мог исходить и из сиюминутной выгоды или настроения. Иногда они противоречили друг другу, поскольку менялось мнение царя, а во-вторых, большинство грамот, отправлявшихся на Дон, составлялось не лично царем, а дьяками того или иного приказа (позднее, коллегии).

Так грамотой от 26 февраля 1703 г. ловля рыбы разрешается «опричь тех вод, которые по нашему великого государя указу отведены на прокормление азовским жителям и зимовым солдатам, а именно: что вверх по Дону до устья Мертвого Донца на десять верст, да вниз от города Азова до взморья на четыре версты и на сто на пятьдесят сажень» (Акты Лишина, I, с. 207). То есть у казаков отобрали в пользу Азова самые богатые промысловые места. Грамота от 2 мая 1703 г. уже разрешала их совместное использование (Там же, с. 214).

[292] Уже после смерти Петра I, в 1732 г., объявлялся еще один самозванец, выдававший себя за сына императора – царевича Петра Петровича – казак Яменской станицы Ларион Стародубцев (Сватиков 1924, с. 156).

[293] Это было вызвано также и тем, что несколько пожаров в Черкасске уничтожили всю войсковую канцелярию, и необходимо было постоянно восстанавливать документы. В этом помогают царские грамоты, которые в своем тексте сначала воспроизводят суть обращения казаков, а после излагают резолюцию монарха. А поскольку Петр принимал решение исходя из сложившейся оперативной обстановки, то его мнение менялось соответственно с ней. Это также вызывало необходимость повторного обращения к царю по одному и тому же вопросу, добиваясь нужного для казаков распоряжения.

За период с 1700 по 1725 гг. вышло более 2000 царских указов, из которых почти 400 имели уголовно-правовой характер. Кроме указов и грамот воля царя отражалась и в частных письмах к тому или иному исполнителю как надлежит поступать в решении какого-то вопроса, подобные распоряжения также приобретали силу царского указа.

Помимо отписок царю с просьбой о пожаловании казачья старшина осуществляла политику пассивного (относительно, конечно, в силу своего воинственного и свободолюбивого менталитета) сопротивления. Это проявлялось и в неподчинении царским указам, затягивании исполнения, со ссылками на ошибочное трактование их царскими слугами, а отсюда нарушения ими прав Войска, ранее дарованных самим же Петром. Или же небольшое (с малой кровью) явное сопротивление властям, которое должно было с одной стороны продемонстрировать свободолюбие казачества, его военный дух, (последнее ценилось царем), с другой стороны, возможность его подавить собственными силами, опять же показывая кому принадлежит реальная власть на Дону, когда с этим не справились царские служивые люди. Характерный пример этого – самое начало выступления Булавина, безусловно согласованное с казачьей старшиной в Черкасске, разгром отряда Ю. Долгорукого.

Но процесс колонизации Дона, включения его в сферу общегосударственных интересов был уже необратим. Первая присяга 1671 г. означала удар по праву политического убежища – «с Дона выдачи нет!», в 1688 г. были разгромлены старообрядцы, что нанесло удар по религиозной свободе казаков. Об отношении царя к казакам, как к собственным стопроцентным подданным свидетельствуют заявления русских послов в Стамбуле в 1699 г. : «...если во время мира казаки пойдут войной на турецкие и крымские места, то вольно их побивать, как злодеев, а когда из похода возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь» (Сватиков 1924, с. 110). Казаки, безусловно, не прекращали набеги, и за это их не казнили, но интересна грамота от 5 марта 1703 г. разрешающая обмен пленных татар на казаков, попавших в плен еще во время Азовских походов, но предупреждающая, что за тех казаков, которые «в прошлых годах под крымские города и на Кубань для добычи ходили охотою своею, а не по указу, и были взяты в полон... на размен татар никогда давано не будет» (Акты Лишина, I, с. 210-211). Вопрос в том, что или турки запросили персонально выдать «на размен татар два человека Бакия и Утекая Карманова», или Москва полностью контролировала всех пленных, а Дон был вынужден их передавать. В противном случае, разве властью войскового атамана (или Круга) не мог быть произведен обмен?

Поражение в Прутском походе 1711 г. обернулось для Дона строительством укрепления – транжемента на Монастырском Яру в 4-х верстах ниже Черкасска, со значительным гарнизоном и артиллерией.[294] Цель возведения крепости заключалась не только в наблюдении за турками, а, главным образом, за положением дел на Дону. Фактически все Войско поступило в подчинение коменданту транжемента, не имея права без его ведома предпринимать каких-либо походов (Савельев 1990, с. 411). Да и сама столица донского казачества отныне именовалась, как «фортеция Его Императорского Величества Черкасский» (Сватиков 1924, с. 111).

Претерпела изменения и вся система народовластия и выборности. Высшим органом Войска Донского всегда был Войсковой Круг, участие в котором имели право принимать все казаки.[295] Все дела решались по большинству голосов и на основании старого казачьего права – обыкновения. В Войсковом Кругу решались вопросы, касающиеся всего Войска: проводились ежегодные выборы войскового атамана, есаулов, писаря, духовенства для главного войскового собора; объявлялись походы, осуществлялся прием в казаки, принимались царские послы, делилась добыча и царское жалование, рассматривались дела по преступлениям против Войска и Веры. Войсковой Круг именовал себя до конца первой половины XVIII в. Всевеликим Войском Донским (Савельев 1990, с. 368).

В каждом казачьем городке собирался свой круг, также избиравший атамана и есаула и решавший уже все вопросы внутренней жизни юрта. Недовольные решением круга могли обратиться в Войско, но такое случалось очень редко.

Войсковой атаман, как и вся избранная старшина, являлись фактически исполнителями лишь воли Круга, поскольку ежегодные выборы могли сместить любого. Однако, еще с конца XVII в. власть старшины значительно усиливается. Опираясь на поддержку царского правительства она начинает обеспечивать выполнение всех указаний из Москвы, и получая за это дополнительное жалование[296] формирует обществен-

[294] Позднее, по требованию турок, транжемент был перенесен выше Черкасска, а в 1730 г. на правый берег Дона и назван крепостью Св. Анны (с 1761 г. Св. Дмитрия Ростовского).

[295] Исключение составляли т.н. «пенные», т.е. проштрафившиеся в чем-то перед Войском, но для решения наиболее важных вопросов, как правило связанных с серьезной опасностью, призывались и они.

[296] Например, за подавление бунта Булавина Василий Фролов получил 1400 руб., атаманы Извалов и Федосеев по 100 руб.

ное мнение Круга из «добрых» казаков в свою пользу, чаще всего обходясь без участия верховых городков, настроенных против сближения с Москвой. При этом, естественно избираясь на высшие войсковые должности вновь и вновь. Атаман Корней Яковлев избирался 7 лет подряд, а любимец Петра I Фрол Минаев 20 лет. С 1705 г. «знатная старшина» практически вытесняет Круг. Войсковые круги собираются все реже и реже: 1 января – для выбора старшины, и в мае – для распределения жалования. Участие в круге принимают казаки 11 черкасских станиц, да станичные атаманы и старики из ближайших к столице станиц.

С разгромом восстания Булавина фактически исчез институт выборности главного лица Войска – атамана. Атаманы, назначаемые царем, становятся уже практически независимы от Круга. Под стать им ведет себя и старшина, правда, ее выборность сохраняется еще до 1754 г. С одной стороны, казачья старшина выступала, как хранительница казачьих прав и традиций, сохраняя политическое равенство всех членов сообщества, с другой, учитывая изменяющиеся экономические условия – переход от охотничьего быта к скотоводству, а затем к земледелию, следовательно, накоплению богатств, стремилась обезопасить себя и отделиться от основанной казачьей массы.

С 1722 г. образуется Войсковая Канцелярия, которая заведует всей огромной перепиской Войска с центральной власть. Оборот бумаг возрастает в несколько раз. Если раньше казаки имели сношение только лишь с Посольским приказом (с 1718 по 1721 гг. Иностранной коллегией), понимая под этим царя, то уже на первом этапе Северной войны Петр указал, чтобы обращались не к нему, «а в Москву», не указав конкретного адреса, но подразумевая, что Войско разберется само куда и по какому вопросу следует писать[297].

В церковном отношении Донское Войско было подчинено Воронежской епархии, несмотря на просьбы казаков замкнуть их на Священный Синод[298]. И последняя точка была поставлена 3 марта 1721 г. – «Донским и Яицким казакам во всех управлениях быть в ведении Военной Коллегии» (Сватиков 1924, с. 112). С юридической точки зрения это означало окончательный переход от «союзнических» отношений, о которых еще формально можно было рассуждать, рассматривая период с 1671 по 1721 гг., как некую государственную автономию вольного казачества, к положению «слуг государевых».

---

[297] Указ от 14 июля 1707 г. (Сватиков 1924, с. 114).

[298] Грамоты от 2 июня 1718 г. и повторная от 28 января 1724 г. – Акты Лишина, I, с. 306.

Предваряя это, Петр уже давно не церемонился с казаками, переселяя их по необходимости или направляя на работы. В основном это касалось столь ненавистных ему мятежных верхних городков. В 1719 г. он распорядился «...из верховых городков по Паншин, всем...» отправляться на построение линии и крепостей между Царицыным и Паншиным вместе с 4 драгунскими полками бригадира Кропотова, слободскими и гетманскими казаками. При этом донские казаки должны были явиться со «своими запасы... что от той работы их жилища в близости» (Грамота от 3 марта 1719 г. Акты Лишина, I, с. 282). В 1721 г. поступает новое распоряжение: «Донских казаков с реки Бузулука свести за дальностью и поселить ниже Паншина по казачьим прежним городкам сколько где пристойно...» (Сватиков 1924, с. 156). В 1724 г. 1000 семейств[299] переселяется волей царя на Кавказ – 500 семей на р. Аграхань и 500 на Гребни для охраны от набегов горцев (Грамота от 20 февраля 1724 г. Акты Лишина, I, №198, с. 308-309) и т.д.

Переход казаков из Посольского приказа (Иностранной коллегии) в ведение Военной коллегии был частью гигантской бюрократической реформы, проводимой Петром I по всей стране. Четких инструкций относительно сути прошлых и настоящих отношений с казаками царский указ не содержал, поэтому с первого же месяца завязалась оживленная переписка между коллегиями. Новый управленческий аппарат интересовало буквально все – от имен атаманов, старшин и казаков, до порядка комплектования полков и выплат жалования (Записка от 23 арта 1721 г. – РГАДА, Ф. 111, Кн. 25, Л. 10-10об). Примечательно, что впервые прозвучало слово «привилегии», которыми были наделены казаки. Это был шаг к провозглашению их отдельным сословием внутри государства, наделенным особыми привилегиями.

Бюрократическая неразбериха, связанная с незнанием дел, касающихся казаков, привела к тому, что зимовая станица, прибывшая в Москву зимой 1721-1722 гг., обнаружила, что Военная коллегия не подготовила ежегодное жалование для Войска и казакам пришлось самим метаться между различными инстанциями. В довершение всего Военная коллегия объявила, что отныне донским казакам разрешается посылать лишь одну станицу в год, а при необходимости отправлять все донесения почтой, так как содержание станиц обходилось слишком дорого казне (РГВИА, Ф. 20, Оп. 1/47, Д. 1, Л. 185). В ответ Войско Донское категорически потребовало восстановления прежних

[299] Вновь из верховых городков – Донецких, Хоперских, Бузулукских и Медведицких. Несмотря на требования царя выселять оттуда казаков, они постоянно возрождались.

порядков. Сложно сказать, что повлияло на Военную коллегию, или вмешательство сиятельных покровителей, или намечающаяся война на Кавказе, но требование казаков было удовлетворено.

Но, тем не менее, следуют отметить и сохранившуюся определенную самостоятельность Войска. Санкт-Петербург диктовал какое количество казаков и в какое время куда направить, право назначения конкретных людей и походных атаманов оставалось за войском, что в целом называлось «особым служением» казачества и просуществовало фактически до конца империи. Сохранилась и выборность низового звена – станиц, при усилении власти наказных атаманов и старшин. Донское Войско обладало и целым рядом льгот в финансовом и хозяйственном отношениях.

Никаких налогов в казну Войско не платило, а, наоборот, получало жалование. Попытка воронежского епископа брать деньги с казаков за «венечные памяти» – свидетельства о браке не удалась – грамотой 21 декабря 1720 г. было установлено что «на казаков денежного сбора накладывать не велено, что де с них не только никаких государевых податей и сборов не было, но еще и жалование им повсягодно платится...» (Сватиков 1924, с. 179).

Беспошлинно содержались мельницы, перевозы через реку, кузни, торговые лавки, бани. Освобождены они были и от почтовой повинности, а за содержание почтовой линии, появившейся со взятием Азова получали плату. Приближение к естественным границам Войска российских губерний вызвало массу споров по поводу торговых пошлин, но казакам удалось отстоять и это право. Сюда же можно отнести еще права на «свободное изготовление вина и беспошлинное добывание и потребление соли» (Сватиков 1924, с. 184).

Вместе с тем разорение, выпавшее на долю Дона после разгрома восстания Булавина, привело к развитию земледелия, что раньше казалось просто немыслимым и запрещалось под страхом смертной казни по свидетельству большинства историков. Однако, следует отметить, что в 1685 г. тамбовские помещики сообщали, что «напред сего по р. Хопру и по Медведице отнюдь пашню не пахивали и никакого хлебы не сеивали, а важивали хлеб из русских городов... а ныне – де в тех городках они завели пашню, и слыша то, что они казаки пашню пашут и хлеб сеют... крестьяне и бобыли и боярские холопи к ним, казакам, бегают...» (Там же, 27). Речь идет о верховых городках, где был наиболее высок процент новопришлого казачества в недавнем прошлом крестьянства. Войско отреагировало на это приговором: «бить до смерти!», но реально никого не наказывало (Там же, с. 99). По-прежнему на Дон устремлялись бе-

глые крестьяне, по-прежнему их прятали и скрывали от царского правительства. В результате длительного процесса организации слияния, как военной службы, так и крестьянского труда, получился сложнейший симбиоз воина и пахаря, что не удалось сделать в Малой России, и привело к уничтожению малороссийского казачества, но вдохнуло новую жизнь в донское, яицкое и терское.

Несмотря на мощнейший удар по политическим правам вольного казачества, значительное уменьшение их демократии и включение казаков в число «государевых слуг», последнее оставляло им огромное количество привилегий и возвышало над массой неслуживого тяглового населения. Вместе с тем вчерашние вольные казаки оказались в социально-политическом и экономическом плане на более высокой ступени и над солдатами регулярной армии и над бывшими городовыми казаками,[300] превратившимися или в солдат или в крестьян. Это не коснулось лишь Чугуевских, Торских, Маяцких, Новохоперских служивых казаков, а также находившихся в ведении Сибирского приказа и приказа Казанского дворца. (Сватиков 1927. с.7).

Основное направление той политики, что проводил Петр I в отношении казачества заключалось в законодательном оформлении их прав и обязанностей, как служивого сословия, при включении их в общую систему государственного управления, при сохранении части привилегий и свобод. Если до Петра I казачество принимало участие в войнах Российского государства лишь тогда, когда это было ему выгодно, то начиная с Азовских походов, оно участвовало уже во всех без исключения войнах, что вела Россия, независимо от удаленности театра военных действий – в Прибалтике, Польше, Финляндии, Швеции, на Дунае, Балканах, Средней Азии, на Кавказе. Подтверждать данные нему привилегии казачество должно было отправляясь на войну. Эту же политику продолжали и преемники первого русского императора. Вместе с тем шло превращение казаков и в консервативную силу, нацеленную не только на внешнюю защиту государства, но и поддержание порядка внутри его.

[300] Как мы помним грань между «вольным» и «служивым» городовым казачеством всегда была очень зыбкой. Многие «служивые» казаки (особенно из приграничных крепостей) уходили «казаковать в поле», тогда как «вольные» казаки, что донцы, что запорожцы, нанимались на государеву службу.

ЧАСТЬ III.

В ВОЙНАХ «ЗА ГОСУДАРСТВО ПЕТРУ ВРУЧЕННОЕ...»

3.1. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1686-1700 гг.

В целом, русско-турецкая война 1686-1700 гг. это часть масштабного европейского конфликта: войны Священного союза – Австрии, Польши, Венеции и России против Османской империи. Наиболее активные фазы этого военного противостояния России и Турции это Крымские походы князя В.В. Голицына (1687-1689 гг.) и Азовские походы Петра I (1695-1696 гг.).

Формально, вся война приходится на время царствования Петра I[301], но, как известно, реальная власть до 1689 г. находилась в руках царевны Софьи и ее фаворита князя Василия Голицына. Единолично, царь Петр начал править фактически с первого Азовского похода 1695 г., а юридически с 1696 г. с момента смерти сводного брата Ивана Алексеевича.

Поскольку к этой войне до Азовских походов Петр I никакого отношения не имел, то на первом этапе ограничимся лишь обзором участия в ней казачества.

Оба похода князя В.В. Голицына были неудачны и повлекли за собой многочисленные жертвы среди русских войск. В походе 1687 г. принимали участие 9 малороссийских и 3 кампанейских полка[302] гетмана И. Самойловича, общей численностью 50 000 чел. Цифра вызывает определенные сомнение и, скорее всего, сюда относятся и слободские казачьи полки,[303] и несколько тысяч запорожцев кошевого атамана Филона Лихопоя. Степной пожар, недостаток кормов и воды, вынудили Голицына повернуть обратно. В неудаче был обвинен гетман И. Самойлович, что привело к его смещению и выборам И. Мазепы.

Второй поход князя В.В. Голицына был опять безрезультатен. Войско выдержало трехдневное сражение 14-16 мая с большими силами

---

[301] До 1696 г. совместно с Иваном V.

[302] Из них один пехотный сердюцкий.

[303] Слободские Харьковский и Изюмский полки приняли участие в половинном составе (Альбовский, с. 83).

татар[304], дошло до Перекопа, но вернулось назад[305]. Несмотря на триумф, устроенный царевной Софьей своему фавориту, Петр I открыто обвинил Голицына в «нерадении» во время походов. Этот факт был началом открытого противостояния Петра и Софьи.

Азовские походы

Это была первая война, которой руководил и в которой участвовал сам Петр I. Разрешение проблемы выхода страны, в первую очередь, к Черному морю, ему виделось возможным благодаря сложившемуся союзу России, Польши, Австрии и Венеции против Турции. Для осуществления намеченный цели было избрано два направления военных действий: устье Дона – турецкая крепость Азов (главное) и низовья Днепра – крепости Казикермен, Аслан-Ордек и Очаков (вспомогательное). Оба направления были обеспечены водными коммуникациями, что имело важное значение для передвижения войск с учетом отсутствия дорог.

Война была объявлена 20 января 1695 г. В Белгороде и Севске начала формироваться армия под командованием Б.П. Шереметева для похода в низовья Днепра. В ее же состав входили и малороссийские казаки, как гетманские – Мазепы, так и запорожцы.[306] Общая численность должна было составить до 120 000 чел.

Поход на Азов готовился тайно, для того чтобы захватить противника врасплох, в то время, как Шереметев должен был оттянуть на себя основные силы противника, главным образом, крымских татар. Войско собралось в Тамбове, откуда весной двинулось на р. Хопер и правой стороной Дона к Черкасскому городку. Войсковому атаману Фролу Минаеву было приказано сохранять цель похода в тайне, но по мере приближения к казачьей столице казаки должны были присоединяться к армии (Грамота на Дон от 16 марта 1695 г. Савельев 1990, с. 391).[307]

---

[304] 16 мая при урочище Черная долина большие потери понесли Сумский и Ахтырский слободские казачьи полки – потеряли все пушки, знамена, в полках осталось по 150 чел. (Альбовский 1895, с. 85).

[305] Во втором Крымском походе принимали участие 500 донских казаков Фрола Минаева и 2000 калмыков Чаган тайши (Акты Лишина, I, с. 148-151).

[306] В армию Шереметева входили и 4 слободских полка, Острогожский вошел в Азовскую армию.

[307] Петр I старался сохранить в тайне перед донским казачеством поход к Азову, однако, Мазепа писал в январе 1695 г. в Запорожскую Сечь «отовсюду собрать свои силы

Весь русский корпус был разделен на три отряда – Гордона, Головина и Лефорта. Единоначалия не было, командование осуществлялось военным советом – «консилией» из трех названных генералов, их приказания утверждал царь, который присутствовал в армии в качестве «бомбардира».

Плохое вооружение, недостаток опыта, разногласия между военачальниками, отсутствие опытных военных инженеров для ведения осадных работ, необеспеченность лошадьми и провиантом всё это заранее обрекало первый поход к Азову на неудачу[308]. Парадоксально, но и казаки отнеслись к этой затее с явной прохладой, несмотря на то, что испокон века Азов был для них главной целью всех их войн. Во-первых, они с недоумением встретили огромное московское войско на своей земле, явившееся сюда без предупреждения, так как атаману и старшине было запрещено заранее оповестить об этом казаков. Во-вторых, всех донских казаков (4000 чел.) подчинили генералу Гордону – иностранцу, что отнюдь не вызвало с их стороны восторга. В-третьих, их просто не привлекали к активным действиям, поручив лишь охрану русского корпуса, не использовали их опыт постоянных войн с азовцами, не воспользовались их легким флотом.

Словно в насмешку, казаки согласились за вознаграждение взять штурмом две турецкие башни – каланчи, построенных по обеим сторонам Дона выше Азова. Это было единственное удачное дело всей русской армии за кампанию 1695 г.[309]

Оставив в захваченных башнях, (получивших наименование крепости Каланчи, позднее Новогеоргиевской), а также вновь построенной крепости Сергиевской, трехтысячный гарнизон во главе с воеводой Акимом Ржевским, армия отступила. Казакам было поручено оказывать помощь этому гарнизону и отражать нападения азовцев до следующей весны, поскольку неудача Петра I не смутила, а наоборот, заставила деятельно и уже более обстоятельно готовиться к новому

и ждать предпринимаемого царями похода под турецкий город Азов», поэтому фактор «внезапности» нападения на крепость был явно утрачен. И без этого, азовцы, как показали захваченные языки, были извещены еще в прошлом году о задуманном походе от калмыцкого тайши Аюки и деятельно готовились к обороне – увеличена численность гарнизона, отремонтированы стены, углублен ров. Такие же сведения были получены от захваченных в плен в самом конце зимы 1695 г. донских и слободских казаков. Абсолютно не понятна степень секретности похода на Азов.

[308] Гордон после одного из совещаний в своем дневнике записал: «По обычаю ничего дельного не решено. Все идет так медленно и неудачно, точно нам оно совершенно не важно» (Савельев 1990, с. 392).

[309] Еще была захвачена одна «турская» галера (ПиБ ПВ т. I. С. 70).

походу (Грамота на Дон от 4 февраля 1696 г. Акты Лишина, I, №114, с. 175).

Шереметев и Мазепа, соединившись у Переволочны, вышли к 24 июля 1695 г. под крепость Кызыкермень. Параллельно с малороссийскими и русскими полками, по Днепру двигались запорожцы на своих чайках во главе с кошевым Максимом Самойленко.

Сразу по прибытию русские возвели шанцы и начали непрерывный обстрел крепости, одновременно под одну из угловых башен осуществлялся подкоп. В результате пятидневного обстрела были уничтожены практически все турецкие пушки, располагавшиеся на стенах, утром 30-го июля взорвана башня, в городе начались пожары и взрывы. Через образовавшийся пролом внутрь ворвались русские войска и малороссийские казаки. После 5 часов боя гарнизон капитулировал.

В это же время запорожцы на своих лодках блокировали другую крепость – Мустрит-Тавань (Тавань), расположенную на одноименном острове посреди Днепра, напротив Кызыкерменя. Гарнизон Тавани убедившись, что главная крепость пала, также капитулировал. Жители еще двух турецких крепостей, находившихся неподалеку – Асламкерменя и Мубереккерменя бежали заранее.

Кызыкермень была разрушена по приказу Шереметева, так как не было никакой возможности собственными силами быстро устранить значительные повреждения стен и башен, полученных при штурме. В Тавани оставлено несколько сотен московских ратных людей и сердюков, с ними 600 запорожцев. Все остальные силы двинулись в обратный поход: русские и малороссийские полки к Переволочне, запорожцы, обремененные добычей и большим количеством пленных, к себе в Сечь. Судьба этих людей печальна. Многие умерли от болезней. Тех, кто согласился принять христианство, оставили в живых и отпустили в великорусские и малороссийские города[310]. Остальных, предложили выкупить крымскому хану, но получили ответ, что он сам придет в московские города, возьмет сколько угодно полону, и тогда обменяет одних на других. Получив такое известие, запорожцы вывели оставшихся за пределы Сечи и перебили всех.

Возвратившись в Батурин, Мазепа в соответствие с приказанием Петра I, распорядился, чтобы запорожцы покинули Тавань и разместились на зиму в крепостях Асланкермень и Мубараккермень, вместо них он направил по 500 казаков Лубенского и Гадячского полков. Помимо этого, он приказал Лубенскому полковнику Леонтию Свеч-

[310] Возможно, продали.

ке в течение зимы подготовить еще 1500 казаков и направить их по возможности в низовья Днепра, дабы усилить оборону захваченных турецких крепостей, а заодно и укрепить их. Для этой цели было приказано использовать все подручные средства, в том числе и простые телеги, заполненные песком.

Запорожцы отказались покидать Тавань, объяснив это тем, что другие города разорены и не приспособлены для зимовки. Гетману пришлось согласиться с их доводами, и Мазепа отправил к ним царское жалование по 10 золотых (польских злотых – А.Ш.), а также теплые кожухи (тулупы).

Предпринятые походы русских и малороссийских войск в низовья Днепра и под Азов вызвали ответную реакцию Турции и Крыма. В первых числах января 1696 г. азовцы попытались отбить Сергиевскую крепость, но воевода Аким Ржевский с помощью 400 казаков атамана Григория Матвеева отстояли ее (Акты Лишина, I, с. 145). В середине января татарские орды хлынули на Украину. Разорению сначала подверглись территории Полтавского полка (Китай-город, Кишенка, Келеберда), затем Миргородского полка. Мазепа срочно бросил против татар 3 кампанейских полка, к которым присоединилось около 700 запорожцев. Но силы были настолько неравны, что вылазка казаков против татар закончилась неудачно, в результате почти все запорожцы погибли. Татары отвернули обратно в земли Полтавского полка, разорили Нехворущу и Спасский монастырь, расположенный неподалеку, после этого ушли обратно в Крым.[311]

Потерпев неудачу в первом походе, Петр I не отказался от приобретения выхода к Черному морю. Он убедился в том, что действуя лишь сухопутными силами овладеть приморской крепостью, получавшей подкрепления и запасы с моря, невозможно. Нужен был флот, и немедленно приступили к его созданию. В Преображенском строили галеры и брандеры, которые затем переправили в Воронеж для сборки, в самом Воронеже были заложены два 36-пушечных корабля – «Апостол Павел» и «Апостол Петр». Помимо кораблей в огромном количестве строились струги, лодки и плоты для перевозки армии и ее обозов.

Одновременно со строительством флота готовилась и армия. Ее численность была увеличена до 75 тыс. человек, по-прежнему разделенных на три дивизии (Гордона, Головина, Регемана), но с единым

[311] С татарами приходил небезызвестный Петрик и был убит под Кишенкой.

командованием в лице боярина А.С. Шеина, получившего звание генералиссимуса.

Второй армии – Шереметева и Мазепы ставилась прежняя задача: действиями в низовьях Днепра отвлекать на себя противника. Не дожидаясь общего сбора войск, в апреле месяце 500 запорожцев с атаманом Яковом Чалым вышли в море, взяли на абордаж в общей сложности 17 турецких судов, после чего вернулись в Сечь. (Бантыш-Каменский 1822, III, с. 30).

К концу марта 1696 г. Азовская армия сосредоточилась у Воронежа, и 23 апреля головной отряд Гордона (5 полков) начал движение к Азову, через два дня за ним отправился Головин (2 полка) и главнокомандующий Шеин. Остальная армия двинулась сухопутным путем (Боевая летопись русского флота. М., 1948, с. 41).

От донского казачества было выделено под Азов 5120 чел., на остальных казаков возлагалась задача не допустить нападения на армию татар, ногаев, черкесов и враждебных калмыков.[312]

250 казаков с атаманом Леонтием Поздеевым осуществили разведку – вышли в Азовское море на лодках, атаковали два турецких судна. Здесь имеются разночтения о результатах этой схватки. «Боевая летопись русского флота» говорит о том, что «встреченные артиллерийским огнем турок, (казаки – А.Ш.) принуждены были отступить» (Боевая летопись, с. 41). Савельев сообщает, со ссылкой на Дополнения к деяниям Петра Великого (т. IV, с. 157), что «несмотря на страшную пушечную пальбу с кораблей, казаки ухитрились сцепиться с ними, прорубить им бока и потопить, без потерь в людях» (Савельев 1990, с. 393). Так или иначе, но разведка боем имела место, кроме того Поздеев донес царю, прибывшему в Черкасск, о том, что вблизи Азова появился и целый турецкий флот, состоявший из 15 кораблей, 13 галер и 13 полугалер. Петр располагал 2 кораблями, 23 галерами, 4 брандерами и множеством стругов и лодок.

Царь немедленно приказал атаковать турецкий флот и попытался с 9 галерами пройти в Азовское море Кутерминским гирлом Дона. Однако, из-за спада воды, этого сделать не позволила осадка судов. Тогда было решено разрешить атаку турецкого флота 40 казачьим лодкам. В бумагах Петра I это описывается следующим образом: «Сего месяца (мая – А.Ш.) в 15 день приехали мы в Черкасской и стояли 2 дни; и собравшись з галерами, также и на Турскую, что взята, посадя

[312] В предыдущую кампанию в результате неожиданного налета татар был уничтожен целый полк из отряда Гордона.

людей пошли в 18-м числе к каланчам в 9 галерах и пришли того же дни часу в 2-м ночи к каланчам. И наутрея пошли на море, при чем и казаков было несколько лодок; и той ночи и наутрея за мелиною устья пройти было невозможно, потому ветер был северный и воду всю в море збил; аднакоже, увидев неприятельских судов, в мелких судах на море вышли[313]. А неприятель из кораблей, которых было 13, выгружался в 13 тунбас, для которых в провожание было 11 ушколов[314], и как неприятель поровнялся с Каланчинским устьем, и наши на них ударили и помочию Божиею оные суда разбили, из которых 10 тунбасов взяли, и из тех 9 сожгли; а корабли, то видя, 11 ушли, а один утопили сами, а другой наши сожгли; а в Азов ушли ушкола с три, и то безо всякого запасу. На тех тумбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по пять, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 языков и иного всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесю[315], масла и рухляди многое число, а больше сукон; и все, что к ним на жалование и на сидение прислано, все нашим досталось» (ПиБ ПВ, I, с. 70-71).[316] За победу казакам были пожалованы захваченные ценности и сукно, боеприпасы, оружие и продовольствие передали в армию.

К концу мая у Азова сосредоточилась вся русская армия и началась осада крепости. К армии присоединились малороссийские казаки во главе с наказным гетманом Яковом Лизогубом. Всего прибыло 15 тыс. казаков Гадячского, Лубенского, Прилуцкого, Черниговского и двух охотничьих полков (Богословский 1940. Т. I, с. 320).[317]

Подъем воды позволил флоту пройти мимо Азова и загородить доступ со стороны моря. Через месяц в армию прибыли иностранные (в основном, австрийские) инженеры, которые организовали правильно осадные работы – «около города Азова земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно привалили и из-за того валу, ров заметав и заровняв, тем же валом через тот ров до неприятельского валу дошли и валы сообщили столь близко, что возможно было с неприятелем

[313] Т.о. галеры не прошли, только казачьи лодки.

[314] Ушкол, ушкуй – лодка, тунбас – турецкое парусное грузовое судно, часто используемое для десантных операций.

[315] Бекмес – виноградный сок.

[316] Есть некоторые отличия в перечне захваченной добычи. Савельев говорит о 70 медных пушках, 3000 бомб, 4000 гранат, а также 50 тыс. червонцах. Отличается и количество пленных – «взяли 270 чел. и одного агу» (Савельев 1990, с. 394).

[317] В составе армии был еще и Остроженский слободской казачий полк, а также 500 яицких казаков атамана Андрея Голованя.

и кроме оружия, едиными руками терзатися, уж и земля за их вал метанием в город сыпалась» – отписывал главнокомандующий армией А.С. Шеин царю Петру, который находился постоянно на головной галере «Принципиум» (Лифшиц 1959, с. 160). Но оптимистичный тон письма воеводы не вполне соответствовал положению дел. Несмотря на возведение фортификационных сооружений, приблизивших осаждающих к крепости, решающего штурма не получалось.

Между тем, как и в прошлом году, начались проблемы с провиантом для осаждающей армии – «а которые мяса и рыб поставили, и те самые худые и гнилые» (Путятин 1892. С. 248). Армию беспокоили и непрекращающиеся нападения татар и ногайцев.[318]

События, происшедшие 17 июля 1696 г. излагаются несколько по-разному. Казаки объясняли это таким образом: «Не могли де мы дождаться от шатру указу, когда нам идти на приступ, а гуляем де слишком две недели даром, и многие де из них гладом тают (голодают – А.Ш.), для того не дождавшись указу, и пошли на приступ собою» (Богословский 1940, с. 330). Очевидец сообщал следующее: «В 17 числе июля, как черкасские казаки земляным своим валом к одной турской башне подошли, и тогда они толь жестоко на нее нападение учинили, и, несмотря на то, хотя Турки их больше шти часов непрестанною стрельбою и каменным метанием отбить хотели и трудились, однако ж крепко и неподвижно остоялись; последующие ночи еще мужественнейше того 4 пушки у турок с башни они сволокли» (Устрялов, с. 494). Это подтверждает в своем дневнике генерал П. Гордон: «Черкассы завладели частью углового бастиона. После полудня они попытались выволочь три небольших пушки, которые они привязали веревками; при этом возникла шумная стычка между ними и турками, так что мы принуждены были, чтобы воспрепятствовать туркам обрушится на них со всей силою, сделать вид, как будто мы хотим предпринять штурм или общую вылазку... Ночью мы снарядили гренадеров поддержать черкасс» (Богословский 1940, с. 330).

Таким образом, выходит, что казакам надоело дожидаться решения командования на общий штурм крепости, и они решили действовать на свой страх и риск.[319] Савельев сообщает о том, что 18-го июля

[318] Шеин сообщает о непрерывных атаках крымских и кубанских татар с 10 июня по 15 июля. (Лифшиц 1959. С.160)

[319] Правда, историк Г.М. Лифшиц ставит под сомнение факт, того, что казаки совершили вылазку по собственному почину, заметив открывшуюся возможность захватить часть оборонительного бастиона без приказа, на основании донесения А.С. Шеина Пе-

татарами было совершено очередное нападение на русский лагерь, и помочь чем-либо казакам, удерживающим захваченный бастион, возможности не было, за исключением гренадер, отмеченных в дневнике П. Гордона. Тем более, что новый, общий штурм крепости был назначен самим Петром I на следующий день – 19 июля (Савельев 1990, с. 395).

Решающее слово было за Петром I: «Сего же настоящего июля месяца 17 числа, в пяток (в пятницу – А.Ш.), малороссийские наши войска, по жребию своему в тех трудах пребывающие, при которых неотступно пребывал муж в добродетели и в военных трудах искусный гетман наказной Яков Лизогуб... предварили неприятельский роскат подкопать, и на него мужественно взойтить, и с неприятелем бились довольно, и тем роскатом овладели, и дождався ночи, с того роската четыре пушки стащили; а в 18 числе, в субботу о полудни, неприятели, азовские сидельцы, видя войск наших на грал наступление и промысл радетельный, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена преклонили и выслали для договора от себя двух человек знатных» (Павленко 2004, с. 94).

Всего сдалось 3700 чел. из состава гарнизона и 5900 жителей на условиях свободного выхода из крепости. Вслед за Азовым капитулировала небольшая крепость Лютик с гарнизоном в 200 чел., располагавшаяся напротив, на Мертвом Донце. Отпустив «сидельцев», немедленно приступили к восстановлению поврежденных в ходе осады крепостных сооружений, заодно заложили еще одну крепость – Троицкую на Таганроге. В Азове был оставлен сильный гарнизон в 8000 чел. во главе с воеводой князем П.Г. Львовым.

Этим завершилась осада Азова, и Россия получила выход к морю на юге. Вместе с тем исполнилась и мечта донских казаков, неоднократно захватывавших этот город, а потом отдававших назад туркам по воле Москвы, не желавшей войны.

Савельев пишет, что донские «казаки за свои подвиги не получили ничего от Москвы, кроме требований «чинить промыслы под ногайские улусы, под Темрюк и оказывать всеми силами помощь Азову, Сергиеву, Каланчам и Лютику». Однако, в той же грамоте сказано,

---

тру I, что «и твои, великого государя, ратные люди на турецкий вал Азова города многие взошли. А малороссийские войска в то ж время на тот же роскат взошли ж и с неприятели бились довольно и многих из них побили, и тем роскатом овладели, и с того ж роскату 4 пушки взяли», подразумевая, что и казаки и московские войска вышли на турецкий вал одновременно (Лифшиц 1959, с. 157-158). Однако, сам царь придерживался другого мнения.

что Войску выдается прежнее жалование в 5000 руб., 430 «половинок сукна», 230 пудов пороха, 115 пудов свинца, а сверх того еще 500 руб. (Акты Лишина, I, №115, с. 179). Не стоит забывать и о том, что царь отдал казакам всю добычу, за исключением воинских припасов, с захваченных в бою 19 мая грузовых судов.

На Крымском направлении особой активности не проявляли ни Шереметев, ни Мазепа. Все свелось к действиям одних запорожцев. Сначала Яков Чалый с 500 казаками уходил на промысел в Черное море, затем в Днепровский лиман отправилась новая партия запорожцев (1740 чел.) с атаманами Яковом Морозом и Яковом Чалым. Одновременно, несколько сотен запорожцев с бывшим кошевым Иваном Гусаком промышляли в степи.

В помощь Морозу и Чалому был отправлен Киевский полк Константина Мокиевского, выделив часть своих казаков на усиление гарнизона Тавани. Но среди остававшихся тут же произошли волнения, Мокиевского скинули с полковничьего уряда и избрали вместо него Сергея Солонину. В результате, Киевский полк повернул обратно.

Выйдя в Днепровский лиман, запорожцы разделились – Чалый пошел к Козлову (тат. Гёзлов, совр. Евпатория), а Мороз остался в море. Неподалеку от Козлова запорожцы разорили две деревни, затем подошли к Очакову, были атакованы турецкими кораблями, высадились на берег и отбивались два дня. После этого ночью снова сели в лодки и поднялись вверх по Днепру. Вновь высадились и пошли пешком левым берегом. Здесь были атакованы татарами и гнавшимися за ними от Очакова янычарами. Бой длился весь день 27 августа, но под конец, казаки решили сдаться. В плен попало 340 запорожцев. Атаман Яков Чалый был казнен.

Отряд Якова Мороза был более удачлив. В море казаки взяли на абордаж 3 турецких корабля, а затем вернулись в Днепр, затопили свои челны и благополучно миновав татарские дозоры вернулись в Сечь.

Армия Шереметева и Мазепы простояла все лето на реке Берестовой, ожидая возможного нападения татар. Впрочем, не проявляли активность и последние – орда простояла под Сивашом.

Последующие годы прошли в непрерывных стычках с турками и татарами, что на азовском направлении, что в низовьях Днепра, вплоть до заключения тридцатилетнего перемирия в 1700 г., закрепившего за Россией крепость Азов – главное приобретение этой войны.

3.2. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700-1721 гг.

3.2.1. Казаки в Лифляндии 1700-1704 гг.

Готовясь к началу боевых действий в 1700 г. против Швеции, Петр I начал стягивать к Новгороду и Пскову все имеющиеся у него в наличие войска, в том числе и казаков, в первую очередь с Украины. Донское, гребенское (терское) и яицкое (уральское) казачество было оставлено на месте, в качестве заслона от возможного нападения татар или турок.

Какими силами располагала Украина в лице гетмана Ивана Мазепы (Колядинского)? Более двух десятков гетманских полков: Чигиринский, Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Уманский, Браславский, Калнинский, Киевский, Переяславский, Кропивенский, Миргородский, Полтавский, Прилуцкий, Нежинский, Черниговский, Корсуньский, Винницкий, Подольский, Переволочский, Торговицкий, Стародубовский, Гадячский, Лубенский и т.д.. На момент присоединения Украины к России в состав казачьих войск входило первые 17 из перечисленных полков (АЮЗР Т. X. №8). Установить точно наименование всех полков, подчинявшихся в 1700 г. непосредственно гетману Мазепе сложно, так как полки часто переформировывались, сливались или, наоборот, разъединялись. Численность казачьих полков, согласно реестра, колебалась от 991 чел. (Нежинский полк) до 3291 чел. (Чигиринский полк), а сотни – от 34 чел. до 467.) – (Чернов. С.213)

Кроме того, в распоряжении Мазепы были т.н. «охотничьи» («охочеконные») или «компанейские» полки, т.е. наемные, собранные из добровольцев, не имеющих постоянного места жительства в полковых слободах, деревнях и т.д. Служившие в этих полках именовались не казаками, а «товарищами», хотя отношение казаков к ним было, как к равным. (Чернов. С. 215).

Помимо конных наемных полков, имелись еще и «охочепехотные» или сердюки, представлявшие из себя личную гвардию гетмана. По различным данным их насчитывалось 3 или 4 полка. Сердюки, как гетманская пехота, упоминаются с 1674 г. (Самовидец Левицкого. С. 277-278). Присутствие наемных полков в армии малороссийского гетмана объяснялось их постоянной боевой готовностью, в отличие от гетманских полков, которым требовалось определенное время, чтобы собраться по тревоге и подготовиться к походу[320].

[320] Всего, конных и пеших кампанейских полков к 1700 г. было 7, к 1709 г. – 10. (ВЭ, т. XIII, с. 83-84). Практически все историки сходятся на том, что средняя численность

Общая численность гетманского войска составляла около 50 000-60 000 казаков, включая и наемные полки.

Запорожское войско, представлявшее из себя отдельную военную силу, могло вставить около 5000 человек. (АЮЗР Т. V. №№ 97, 98, 127, 132.)

Согласно «Самовидцу...» украинские казаки вышли в поход в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 1700 г.[321]. Вперед ушел Полтавский полк полковника Ивана Искры (3000 казаков) и был сразу направлен к Нарве, куда стягивалась вся русская армия. (Летопись Самовидца С. 163). Л. Мельник сообщает несколько другие цифры по трем первым полкам, которые должны были отправиться к Нарве – Полтавский, Киевский, Нежинский – 7290 казаков, откуда можно сделать вывод, что численность Полтавского полка составила 2290 чел (Мельник 1999 с. 107-109)[322].

Вслед за ним, гетман Мазепа направляет еще 13500 казаков (Киевский, Прилуцкий, Черниговский, Нежинский, Миргородский, Стародубовский и охотничьи полки) под командою собственного племянника полковника Ивана Обидовского (Нежинского полковника), которые не успели к сражению под Нарвой. Помимо собственных казаков, Мазепе предписывалось отправить и запорожцев, однако, последние отказались двигаться вместе с Обидовским, и лишь к масленице (т.е. конец февраля 1701 г.) добрались до Смоленщины. При этом, по донесениям Мазепы, причинили столько бед и грабежей жителям русских сел, что гетман просил скорее бросить их в бой во искупление вины.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что отряд полковника Искры (Полтавский полк) составлял 2290 чел. (2441 чел. по реестру – АЮЗР Т. X. №8). В составе отряда нежинского полковника Обидовского было: Нежинского полка (И. Обидовский) – 4000 казаков, Черниговского (Е. Лизогуб) – 4000, Киевского (К. Мокиевский) – 1000, Миргородского (Д. Апостол) – 1000, Стародубовского (М. Миклашевский) – 1000, Прилуцкого (Д. Горленко) – 500 (Бантыш-Каменский 1822, с. 564), остальные 2000 казаков приходились на долю «охотничьих» полков – Пашковского, Ф. Степановича,

каждого полка была около 500 чел., т.о. можно говорить о 3500 чел. к 1700 г.

[321] сам праздник 14/27 сентября, но празднуется целую неделю, т.е. с 13/26 сентября по 21 сентября/4 октября.

[322] Мельник пишет, что эти три полка должны были составить авангард, численность Киевского и Нежинского полков 5000 чел. Позднее было решено, что Полтавский полк уйдет один, а остальные двинутся, собрав дополнительные силы.

Д. Чечеля, Л. Шульги. В общую цифру (15790 казаков) запорожцы не входили, так как они отправились в поход отдельно.

Согласно Военно-полевого журнала Б.П. Шереметева, зимовавшего возле Новгорода, Пскова и Печерского монастыря с «Новгородской и Черкасской конницей» (Волынский 1902. С. 1-2), в русской армии присутствовали и пять украинских слободских казачьих полков – Ахтырский, Сумский, Изюмский, Харьковский, Остроженский (Альбовский 1895. С. 101-102).

В военной историографии и документах канцелярий военачальников того времени, чаще всего, малороссийские полки, подчинявшиеся Мазепе именовали «Запорожскими», без разделения на настоящих запорожцев и гетманских казаков, а вот при упоминании о слободских казаках, чаще встречается название «Черкассы». Хотя могли и всех вместе называть и «Запорожцами» и «Черкассами». Путаница в терминологии и типологии присутствует во всех документах этого периода, поэтому в исследовании приходится, при возможности, ориентироваться по именам командиров казачьих полков и соединений.

Численность слободских полков можно предположительно определить, исходя из царской грамоты от 28 февраля 1700 г. – в 3470 чел (ПСЗ IV №1771).[323] Однако, в боевых действиях, предшествовавших Нарвскому разгрому слободские полки участия не принимали.

Единственным представителем казачества в первые дни Северной войны был Полтавский полк И. Искры, который принял участие в неудачном столкновении русской кавалерии Шереметева со шведами под Нарвой 17 ноября 1700 г. и после отошел на зимовку к Новгороду.

«Самовидец» говорит в общей сложности о 20 000 казаков сосредоточившихся после Нарвы в декабре 1700 г. у Печерского монастыря, Изборска и Гдова. (Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого... С. 164-165). Это утверждение недалеко от истины, если сложить численность казаков Обидовского – 13500, Искры – 2290, слободских – 3500 и запорожцев, добравшихся, наконец, до псковских земель. Кстати, Петр I простил их прегрешения на Смоленщине, с условием

[323] Согласно «Росписи...» на 1681 г. численность слободских полков составляла 14566 чел. Но напомню, что полк еще был и территориальной единицей, а причисленные к казачьему сословию разделялись на непосредственно несущих службу (выбонах, сотенных, реестровых, ранговых и т.д.) и прочих – «подпомощников», «подсоседков» и т.д., которые обеспечивали первых. Из-за этого общая численность отдельно взятого полка иногда выглядит черезчур внушительно, «боевая» же намного меньше. Помимо определенных грамотой 28.02.1700г. 3470 чел., сюда следует добавить старшину, пушкарей, писарей и т.д. Например, по Харьковскому полку еще 161 чел. на 850 казаков. Т.о. можно говорить о 3500-4000 слободских казаков.

не делать больше таких «злодейственных дел». (Бантыш-Каменский 1822. III, С. 50).

16 декабря 1700 г. казаки участвовали в бою с пятитысячным отрядом шведов в 30 верстах от Дерпта и первоначально вынудили его отступить, однако, на следующий день были отражены противником. После Нового года казаки участвовали в действиях возле Нейгаузена[324], в обороне Гдова[325], совершали набеги на Мариенбург и Сыренск[326]. (Мельник 1999, с. 107-109).

В начале 1701 г. произошла серьезная ссора между наказным гетманом И. Обидовским, племянником Мазепы, и киевским полковником К. Мокиевским, приходившимся свояком гетману[327]. Из анонимного старшинского доноса следует, что напившись, Мокиевский «пана Обидовского вельми лаял и блазном (молокосос, дурень – А.Ш.) называл и як хотел обезчестил, до шабли порываючися, от того пан Обидовский вельми плакал, а и перед тим на розних мисцах перед всеми многократно пана стольника Обидовского зневажил и лаял, що ревне бувало плаче и тужит» (Источники Бантыш-Каменского, Ч. II, с. 29). Заодно досталось от Мокиевского и всем остальным полковникам, которых в запале он называл «изменниками государскими» (Там же). Амбициозный киевский полковник был явно недоволен тем, что его поставили под начало гораздо более молодого и менее опытного, по разумению Мокиевского, племянника гетмана.[328] «А когда отозвался пан Обидовский против него, – сообщает далее доносчик, – так он почал больше кричать и молвить: «Так не тилько полковники, але и сам пан гетман изменщик» (Там же).

В конце января 1701 года И. Обидовский скончался от простуды, и начальство над малороссийскими казаками действительно перешло к К. Мокиевскому.[329] Однако между полковниками начались беспрестанные ссоры, и последовал очередной донос, где сообщалось, что

---

[324] Нейгаузен (в русск. летописях – Новогородок Ливонский) ныне нас.пункт Ватселиина, расположенный неподалеку от Тарту, Эстония.

[325] Скорее всего, имеется в виду рейд генерал-майора Магнуса Стенбока с 600 кавалеристами, который удалился, обнаружив большое количество войск, в т.ч. и казачьих (Григорьев, с. 115).

[326] Мариенбург – совр. Алуксне, Латвия; Сыренск (Сыренец) – рыцарский замок Васкнарва (нем. – Нейшлосс), деревня Васкнарва в обл. Ида-Вирумаа, Эстония.

[327] Мать Мазепы Мария был из рода Мокиевских.

[328] К. Мокиевский был полковником с 1691 г., а И. Обидовский с 1698 г.

[329] Умершего И. Обидовского сменил наказной полковник Лукьян Жураховский, с 1708 г. назначен на уряд Нежинского полка.

киевский полковник беспрестанно оскорблял И. Обидовского, а по смерти его «вельми радовался». Очевидно, вернувшиеся на Украину полковники это подтвердили Мазепе, и гетман лишил Мокиевского полковничьего уряда.[330]

27 февраля – 3 марта 1701 г. состоялась встреча Петра I и короля Августа в Биржах, где выработался план дальнейших совместных действий против шведов. (Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах).

Как пишет «Самовидец...» «того же часу» гетманским полкам было разрешено вернуться в свои города[331], вместо их с Украины отправили 7000 казаков Гадячского полка во главе с Михаилом Боруховичем (Бороховичем), в т.ч. 2000 запорожцев. Цифра в 7000 чел. была бы завышенной, так как средняя численность гетманских полков не превышала 3000 казаков, но скорее всего в отряд Боруховича, направленного в корпус Репнина на помощь саксонцам, входили и охочеконные полки. **(Летопись Самовидца. С. 165-166)** Вслед за гетманскими полками Шереметев отпустил и запорожцев, за малым исключением, по причине «кривд, учиненных московским людям», а также большими затратами на их содержание. (Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого... С. 166). Исключение составил запорожский полк Матвея Темника, который был переброшен под Ладогу в корпус Апраксина, начинавшего боевые действия в Ингерманландии. (***Голиков.*** С. 149).

Отряд Боруховича, отправленный к Репнину, в сражении участия не принимал и вернулся обратно в распоряжение Шереметева, за исключением запорожцев, которых вновь отпустили от греха подальше.

---

[330] Константин Мокиевский всегда отличался сварливостью характера и невыдержанностью в речах. Его казаки хотели сместить с полковничьего уряда еще в 1696 г., написали донос о том, что Мокиевский польский шляхтич. В том же году Мазепа направил К. Мокиевского с гадячским полковником М. Боруховичем в Москву, чтобы в столице убедились в лживости доноса и Мокиевский малороссиянин, а не лях. В Посольском приказе произошла ссора между Боруховичем и Мокиевским. Киевский полковник показал Боруховичу инструкцию, полученную от гетмана, «что говорить и что добывать словесно». На это Борухович сказал: «Нам что, мужикам, говорить...» Мокиевский отозвался: «Если ты мужик, то я козак». Борухович ответил: «Ты шляхтич, а не козак!». Тогда Мокиевский взорвался: «Если я шляхтич, то ты перехрист, жидовский сын!».

[331] Остался черниговский полковник Ефим Лизогуб с небольшим количеством своих казаков и двумя охотницкими полками. Отражали нападение шведов под Печорским монастырем, где якобы сердюком Свиридом Перебенди был убит некий шведский генерал, что является вымыслом. Согласно шведским источникам в начале 1701 г. к Печорам были осуществлены рейды полковника В. Шлиппенбаха – неудачный, и генерал-майора Якоба Спенса, напротив, удачный для шведов. (Григорьев, с. 115). В 1702 г. Ефим Лизогуб действовал в Ингерманландии (Павленко 2004, с. 95).

К этому времени сюда же прибывает и казачий полк с Дона под командованием Максима Фролова, пожалованного в полковники, с атаманами Ефремом Петровым и Леонтием Поздеевым, «да 430 казаков с ними». (Картины былого Тихого Дона. С.145) Есть отдельные упоминания об подходе уральских казаков, но документальных подтверждений этому, мной пока не обнаружено. Помимо казаков на прибалтийский театр прибыли также калмыки и башкиры, учет которым не велся. Цифры здесь абсолютно приближенные – от 1000 до 3000 чел.

Новая регулярная русская армия, взамен разгромленной под Нарвой, только-только начинала собираться. Срочно набираются драгунские полки из «охочих людей, записанных по вольному найму. Из этих вольных людей самое большое число составляли рейтары, недоросли из дворян и казаки». (Волынский, 1902. С.3). Вот мы снова встречаем слово казаки... А какие? Здесь имеются в виду городовые казаки, находившиеся на регулярной военной службе и подчинявшиеся Стрелецкому приказу, и донские, оказавшиеся на Волге, и просто «гулящие люди», назвавшиеся казаками, которых еще со времен Степана Разина было полным полно в этих краях. Однако, собранные драгунские полки абсолютно не обучены и ни к чему не пригодны. Получив известия о том, что Карл XII отправился в Польшу, оставив против русских незначительные заслоны в Лифляндии – Шлиппенбаха и в Ингерманландии – Кронгиорта, Петр I принимает решение о начале «малой» войны, т.е. разорения территорий противника на его оперативных направлениях.

Весной 1701 г. в распоряжении Шереметева имеются слободские украинские полки и донской полк Максима Фролова. Гетманские и запорожские или уже ушли или (Гадячский полковника М. Боруховского) находятся еще в распоряжении Репнина у Динабурга. Общая численность казаков не превышает 4000 чел., не считая татар и калмыков. Вторжение казаков в Лифляндию сопровождалось разорением жилищ и уводом в плен около 4000 мирных жителей. Шереметев «Чухну у Черкасс отбирать не велел, чтобы охочее были...» (Устрялов. С. 112). Фельдмаршал конкретно указывает на виновников разорения и захвата пленных, для дальнейшего обращения в рабство – «Черкассы». К тому же, о том, как вели себя слободские казаки красноречиво свидетельствует «История Харьковского слободского полка»: «...и сами татары не могли бы лучше очищать страну от жителей и имущества». (Альбовский. 1895. С. 101). Про донцов документальных источников нет, но сообщается в песне о деле 6 июня 1701 г. при мызе Красной[332]:

[332] Где-то в районе совр.города Хуммули (Hummuli), Эстония.

«Вокруг Красного мыса становились, казаков посылали грабить город Илтаворы. Они Красный мыс разорили, в полон шведского майора посадили». (Картины былого Тихого Дона. С. 144)

Из гетманских полков с Украины возвращают Миргородский полк Д.Апостола и подходит из корпуса Репнина Гадячский полк Боруховского с ними 2 охотничьих полка. Вместе с корпусом Михаила Шереметева – сына Бориса Петровича они уходят к Юрьеву Ливонскому (Дерпту, совр. Тарту) для разорения. С ними отправляются все слободские полки и донские казаки. Таким образом, общая численность казаков в корпусе Михаила Шереметева должна была составить около 8 000 – 9 000 чел., однако, на 15 августа 1701 г. Масловский сообщает о 5500 «Черкасс и слободских казаков[333]» (Масловский 1891. С. 81). Возможно, Гадячский полк был сразу же отпущен. 4 сентября состоялась стычка у Рапиной (Ряпиной) мызы – староверческой деревни на берегу Чудского озера.

В начале декабря 1701 года сам Б.П. Шереметев предпринимает поход в направлении мызы Эрестфер (прибл. 50 км от Тарту). Русские источники – «полковые сказки» называют цифру в 6045 чел., но это численность драгун, современные исследователи называют численность русской армии в 17 539 чел. (Артамонов. 2006. С 154.),, из них 6045 драгун, 5000 пехоты, т.о. на долю казаков остается 6500 чел., что почти совпадает с данными приведенными Масловским по этому походу – 6000 казаков. (Масловский.1891. С. 84)

Из документальных источников можно видеть, что в бою 29 декабря 1701 г. близ Эрестфера принимали участие гетманские полки – Миргородский, Полтавский, Лубенский (Д. Зеленский), Переяславский, 2 охотничьих полка, 5 слободских и донской полк Фролова. Гадячский полк Боруховича (около 3000) к этому времени уже покинул прибалтийский театр. В бою погиб полковник Григорий Пашковский, командир одного из охотничьих полков. Через пять дней после сражения все гетманские полки покинули Прибалтику, оставив два охотничьих полка. За отличия был награжден командир Ахтырского слободского казачьего полка Иван Перекрест (из крещеных евреев – прим.автора) – (Летопись Самовидца С. 166-167.; Летопись Левицкого. С. 299.; Альбовский 1895. С. 102; Михайленко 2001. С.6). Интересно то, что даже такое уважаемое издание, как Энциклопедический словарь Брокгауза

[333] Кого подразумевает под «Черкассами» Масловский? Скорее всего гетманские и охотничьи полки Апостола, которые могли состоять и из запорожцев. Если добавить сюда еще 400 донских казаков, то общая цифра составит около 6000 чел.

и Эфрона в статье «Эрестфер» упоминает лишь миргородского полковника Апостола с тремя казачьими полками[334], и ни слова не говорит об охотничьих, слободских полках и донских казаках.

К лету 1702 года Прибалтику покидают все слободские полки. (Альбовский 1895. С. 103.). В распоряжении Шереметева остается 3000 казаков, калмыков и татар, т.е. донской полк и охотничьи украинские полки. Военно-походный дневник Шереметева пестрит названиями населенных пунктов, подвергшихся разорению – Смельтин (совр. Смельтине), Ракобор (совр. Раквене), Вольмар (совр. Вальмиера), Мариенбург (совр. Алуксне). Во главе идут командиры драгунских полков – Игнатьев, фон Верден, Мещерский, Волконский и др. Пленные исчисляются тысячами, не считая «розданных ратным людям» (Волынский 1902. С. 6-7, 9, 11). «Отяготились по премногу ясырем и скотом... больше того неприятельской земле разорять нечего» – так писал Шереметев Петру I 25 августа 1702 г. (П. и Б. П.В. № 452). Здесь на свой счет казаки записали 600 разоренных мыз, однако о пленных не сказано ни слова, и одновременно про Лифляндский поход сказано, что донцы несли преимущественно дозорную и разведывательную функцию. (Картины былого Тихого Дона. С. 145.) Цифра «600» скорее относиться к общему числу разоренных русской армией дворов в мызах и деревнях, ибо к этому моменту драгуны преуспели в «искусстве» грабежа. За это говорит характеристика Дениса Девгерина, одного из командиров Вятского (позднее Белгородского) драгунского полка, данная ему Петром Апраксиным в 1701 г.: «... думает только о грабежах и своих прибытках». Однако, это не помешало Девгерину прослужить в полку до 25 декабря 1705 г. и быть «взятым к Москве». (Червинский 1901. С. 14, 23). Военный историк Бобровский приводит общую цифру в 12000 «латышей», которых пригнали в качестве пленных русские войска. (Бобровский 1886. С. 14).

В продолжение военных действий военно-полевой журнал Шереметева фиксирует, что появились «донские, яицкие, уфимские (городовые) казаки[335], а также башкирцы, астраханские мурзы и татары». (Волынский 1902. С. 14). Упоминаются, так называемые «низовые»[336]

---

[334] Д. Апостол был назначен наказным гетманом.

[335] Городовые уфимские казаки ведут свою родословную с 1574 г., когда воевода Федор Нагой с отрядом пеших стрельцов и конных казаков по указу Ивана IV основал Уфу. (Стариков 1890. С. 15-17). Скорее всего это был полк стольника Степана Петровича Бахметева, уфимского воеводы.

[336] Понятие «низовые» города в начале XVIII в. весьма расплывчато. Оно могло применяться как к городам, расположенным в низовьях рек (чаще всего), а также к городам, расположенным просто ниже (по карте) другого центра, например Новгорода.

полки Моисея Мурзенко и Ивана Назимова. Они и раньше уже встречались то, как рейтарские, то как... казачьи. Под команду Мурзенко постоянно придавались башкиры и татары, тут «сам Бог велел» называть их казачьими. Масловский сообщает о 1205 казаках, опять же, в основном полка Мурзенко (500 чел.). (Масловский 1891. С. 82, 84). Впоследствии число иррегулярных войск увеличивается до 3700 чел., в основном, за счет прибытия дополнительного контингента донских казаков[337], (Материалы Военно-учетного архива Главного штаба под редакцией А.Ф. Бычкова. Т. I С. 75-106), хотя 5 декабря 1703 г. 430 донских казаков Максима Фролова, Ефрема Петрова и Леонтия Поздеева были отпущены царским указом на Дон. (Акты Лишина. Ч. I. С. 266).

Считаю необходимым дать некоторое пояснение по составу отдельных конных полков, состоявших в армии Шереметева и относящихся к регулярной кавалерии, но зачастую именующихся «казачьими».

Полк Мурзенко сформирован, как рейтарский из смоленской шляхты, смоленских «грунтовых»[338] казаков и городовых казаков Новгорода. Позднее полк Мурзенко был переименован в Олонецкий драгунский и действовал в 1714 г. в Финляндии в районе Вазы. (РГАДА Ф. 20. Д. 16. Ч. 1. Л. 250-292; РГВИА. Ф.33. Оп. 1/41. Д.8. Л. 5 об. Д. 11. Л. 440.)

Полк сводный конной службы ертаульный[339] стольника и полковника Ивана Назимова сформирован в 1701 г. из московских чинов и служилых людей полковой и сотенной (казачьей) службы Новгородского разряда. Преобразован также в рейтарский полк. (РГАДА Ф.9. Д. 2. Л. 795-796; РГВИА Ф.ВИА Д. 1434. Л. 32, 225;)

Интересен состав и других полков: Рейтарские полки Федора Протасова, Самуила Станкевича, Степана Аршиневского набраны из казаков Смоленского разряда, полк конной службы Михаила Хиленского из луцких (городовых) казаков и т.д. (РГАДА Ф.20 Д. 56 Л. 6-20; Ф.210. Д. 246. Л. 71, 74; Ф. 1210. Д. 18670. Л. 271; РГВИА Ф. ВИА Д. 1434 Л. 30., 32 об, 34.; Ф. 490. Д. 1. Л. 151, 161; Д.33. Л. 41;).

---

[337] С Дона прибыло 1000 казаков и 1200 калмык, из них «юртовых» т.е. приписанных к Войску 345 чел. (Шовунов 1991. С.129)

[338] «Грунтовый» казак это смоленское выражение, существующее с 1625 года, когда город находился под Польшей и городские казаки Смоленска были пожалованы польской короной землей («грунтом»). Подобная привилегия существовала до XX века. Фактически это были городовые казаки и естественно ничего общего эти казаки не имели с украинскими, донскими, яицкими и пр.

[339] Передовой, разведывательный. – (*Даль*. С. 522.)

Кто такие городовые казаки? Появление их на службе отмечено в начале XVI в. Они состояли из «вольных» донских и украинских (запорожских) казаков, временно нанявшихся на службу в том или ином городе, в основном на южных окраинах Русского государства.(Чернов 1954. С.30).

В конце XVI в. правительство начало применять при увеличении состава городовых казаков те же способы комплектования, какие практиковались в отношении других служилых людей «по прибору», в частности стрельцов. Казаки, как и стрельцы, набирались из «вольных охочих людей», и требования к тем и другим предъявлялись одинаковые. При поселении казаки получали от правительства одинаковую со стрельцами помощь на постройку дворов.

Ряды городовых казаков пополнялись и путем набора из тяглого населения. В 1590 г. с деревень Спасо-Прилуцкого монастыря было взято в «ратные» казаки 400 человек. Все эти способы комплектования постепенно оттесняли городовых казаков от вольных и сближали городовых казаков с другими служилыми людьми по «прибору».

За службу правительство расплачивалось с казаками денежным жалованьем и земельными наделами, поселяя их преимущественно в пограничных городах. Размещенные по городам казаки получали название того города, где были поселены.

Внутреннее устройство городовых казаков было таким же, как у городовых стрельцов. Казаки находились «в приборе» у своего головы, который и набирал их на службу. Казацкий голова непосредственно подчинялся городовому воеводе или осадному голове. Нормальный состав прибора исчислялся в 500 человек. Приборы делились на сотни, которые находились «в приказе» у сотников. Сотни в свою очередь подразделялись на полусотни (во главе с пятидесятниками) и десятки (во главе с десятниками). Права и обязанности должностных лиц соответствовали функциям таких же должностных лиц у стрельцов.

Управление всеми городовыми казаками на территории государства в XVI в. находилось в ведении Стрелецкого приказа. В южных городах управление казаками Стрелецкий приказ разделял с Разрядом, ведавшим пограничной охраной. Стрелецкий приказ набирал казаков на службу и отставлял от нее, выплачивал денежное жалованье, перемещал по службе из одного города в другой, назначал в походы и являлся для казаков высшей судебной инстанцией. Через приказ проходило назначение начальствующих лиц над казаками (голов, сотников), которые во время службы у казаков также подчинялись приказу.

Общее число городовых казаков источники определяют в 5–6 тыс. человек. (Чернов 1954. С. 87-89)

Интересен состав городовых казаков: например, в Пензе, в конце XVII в., из 630 конных и 232 пеших казаков, значительную долю составляли «Черкассы», т.е. выходцы из Малороссии – или из слободских полков, или из Запорожья, – 82 и 118, соответственно. В самом городе 358 конных и 232 пеших казака, в уезде по деревням 192 конных, 69 записанных в казаки татар, 11 конных казаков «лебединой ловли (т.е. охотники за лебедями – А.Ш.)»(Малов 2004. С.14). Интересно вооружение городовых казаков в 1663 г. Из Оружейной палаты в мае того же года им выдано 100 шпаг английской работы (РГАДА Ф. 396. Оп.1. № 8509 Л. 1-1об.). Возможно ли представить себе «настоящего» казака со шпагой в руках?

Следует отметить, что наименование «городовой» казак встречается также в малороссийской историографии посвященной периоду Гетманщины и относится к гетманским реестровым казакам, поскольку наименование полков было связано с конкретным городом, кроме того полк являлся еще и административно-территориальной единицей на Украине. Иногда их называли еще «полковыми» казаками, в отличие от наемных кампанейцев и сердюков.

1704-1705 гг. ознаменованы значительными успехами русской армии в Прибалтике. Взяты Дерпт, Нарва, Ивангород, Митава. В историографии Северной войны упоминаний о казаках уже практически нет. Вся слава достается регулярным полкам. Лишь иногда записывали следующим образом: «В поход пойдут... (следует перечисление драгунских полков)...; с ними полки Мурзина (Мурзенко – А.Ш.), Дмитрия Бахметева и Ивана Бахметева[340], состоявшие из легкой конницы, Татар, Казаков, Калмыков и Башкирцев». (Военно-походный журнал Шереметева 1701-1705. Волынский. С. 18). Отсюда видно, что для Шереметева калмыки, татары, башкиры и казаки были одной массой.

Тем не менее, следует отметить, что в походе на Курляндию участвовали 2 гетманских полка – Прилуцкий и Киевский, а с ними племянник Мазепы Андрей Войнаровский. Количество казаков оценить сложно, по реестровым данным – около 4000 чел.

В завершении можно подвести итог участию «настоящего» казачества в боевых действиях на территории Лифляндии. Наибольшее

[340] Полка Ивана Бахметева (Бахметьева) в перечне полков русской армии обнаружить не удалось. О Дмитрии Бахметьеве речь пойдет далее о действиях в Ингерманландии – А.Ш.

количество казаков присутствовало в самом начале войны, т.е. зимой-весной 1700-1701 гг., до 25000 чел.: гетманские, включая «охотничьи» до 17000 чел., запорожские (количество неизвестно), слободские до 4000 чел., донские до 500 чел., об яицких и гребенских казаках сведений не имеется. Вся эта огромная масса фактически бездействовала и в большинстве своем была распущена по домам в начале весны.

В 1701 г., в первом рейде Шереметева в Лифляндию принимают участие около 4000 казаков – донских и слободских, затем, во втором рейде, число их увеличивается, (за счет возвращения гетманских и охотничьих полков), до 6000-6500 чел.

В начале 1702 года большинство из них покидает театр военных действий, в дело вступают полки из «городовых» казаков, остаются в строю донские казаки – общая численность до 1200 чел. Здесь можно отметить несовпадение данных журнала Шереметева (3000 чел.) и цифр, приведенных Масловским. Однако, более приближенными к истине мне кажутся сведения предоставленные Масловским. Разница приходилась на татар и калмыков, которые для Шереметева ничем не отличались от казаков.

К 1703 г., т.е. к третьему походу Шереметева в Лифляндию, количество казаков увеличилось до 3700 чел. при 8000 драгун.

«Функции» казачества, в первую очередь разорения, с успехом перенимают на себя драгунские и прочие конные полки регулярной армии, многие из которых сформированы из бывших «городовых» служивых казаков, оставив первым лишь ведение разведки и боевое охранение.

3.2.2. Казаки в Ингерманландии. 1701-1708 гг

Первые годы Северной войны на прибалтийском театре характеризуются массовым разграблением территорий противника и насильственным уводом в плен не только солдат, но, главным образом, мирных жителей. Многие из угнанных были проданы в рабство на рынках Москвы, Воронежа, Ладоги, Азова, о чем свидетельствуют очевидцы, а также розданы по частным дворам, например, князям Б.И. Прозоровскому, М.И. Лыскову, М.Н. Львову и другим. (РГАДА. Ф. 96 Оп. 1. 1702г. Д.4; 1703г. Д. 11; Архив СПбИИ РАН Ф.83. Оп.1. Д. 894. Л. 1-8; Де Бруин. С. 99)

Профессор В.Е. Возгрин сообщает о крупном контингенте рабов (лифляндских и ингерманландских) появившихся в Крыму в начале XVIII в. (***Возгрин В.Е.*** Проблемы работорговли Нового времени),

считая их добычей петровских казаков (***Возгрин В.Е.*** Россия и европейские страны... С. 102-103). Петербургский историк ссылается и на письмо Петру I от патриарха Иерусалимского Досифея от 15 ноября 1706 г. в котором православный иерарх сетует на недопустимость продажи шведских пленных на невольничьих рынках Стамбула. Появление христианских рабов, выставленных на продажу, патриарх связывает с «некими купцами». (Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством С. 59).

В какой мере виновны настоящие[341] этнические казаки в работорговле? Наибольшее количество казаков (до 4000 чел.), участвовавших в захвате мирных жителей в полон, приходится на весну-лето 1701 г., когда они привели около 4000 полона, а Шереметев «Чухну у Черкасс отбирать не велел» (***Устрялов.*** С. 112.). Из этих 4000 большую часть составляли слободские казаки. Донских было около 500, и несли они в основном разведывательную службу.

Перегонять куда-либо на такие большие расстояния рабов казаки не умели, ибо не были профессиональными работорговцами. Скорее всего, захваченный полон был перепродан тут же на местных невольничьих рынках Северо-Запада России, как уже упоминалось. С конца 1701 г. количество казаков в армии Шереметева постоянно уменьшается, а все функции грабежа, захвата пленных перенимают на себя драгунские полки. Начиная с 1702 г. казаки несут только разведывательную и охранную службу, добывая по приказу языков, но уже не распоряжаясь ими. Что касается упрека патриарха Досифея, он относится к концу 1706 года, когда боевые действия шли на огромном театре, не только в Прибалтике, а в Литве, Польше, Белоруссии. В Стамбул и Кафу рабы попадали, возможно, через Азов посредством профессиональных торговцев – «неких купцов». В целом, мнение Досифея о казаках, скорее всего, запорожских, было отрицательным: «Хотя и исповедуем казаков бытии православными, однако, многие из них имеет нравы растленные и нравы сии не подобает от них перенимать тамошним

[341] Так назвал их французский офицер Жак Маржерет (Margeret), находившийся на службе у Б.Годунова, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Цит. по: Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., Институт истории РАН. 1982. С. 181. Впервые, его записки были переведены и изданы в России при непосредственном участии Н.Г. Устрялова в 1830 г. и выдержали несколько изданий. Например: Состояние Российской державы и Великого княжества Московского с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех государей, с 1590 года по сентябрь 1606. Сочинение капитана Маржерета. Перевод с французского. СПб., 1830 и др.

(т.е. украинским – А.Ш.) православным». (Свщм Илларион (Троицкий). С. 154.)

Еще в самом начале войны, 18 июня 1701 г., в разведку «к Канцам[342] и Орешеку» засылались отряды городовых казаков Бахметьева и Сокирина. (Письма Шереметева. С. 265). Какого из Бахметьевых установить сложно, но скорее всего Степана Петровича Бахметьева с уфимскими и «низовых городов» казаками (РГАДА Ф.243. Д.21. Л. 145)). А вот по фамилии второго участника разведывательного рейда – Сокирина можно сделать некоторые предположения. Село Сокиринцы (Сокыринцы) районного центра Сребного (укр. – Срібне) к северо-востоку от Прилук было «сотенным местечком» Срибранской сотни Прилуцкого гетманского полка (Реестра. С.269-270), которым впоследствии командовал небезызвестный Гнат Галаган, и которому, уже в бытность командиром Прилуцкого полка в 1716 году за разгром Запорожской Сечи было пожаловано это село, ставшее его родовым поместьем. В той же «Реестре...» встречается и казачья фамилия Сокиринский. Правда, к этому времени Прилуцкий полк покинул прибалтийский театр, но оставались «охочекомонные» или компанейские казачьи полки. Возможно, что кто-то из малороссийских казаков, или по фамилии Сокиринский, или родом из Сокиринец, ходил в эту разведку к Неве.

Боевыми действиями русских войск в Ингерманландии, а позднее в Финляндии, руководил Ф.М. Апраксин. Выступив из Старой Ладоги в начале августа 1702 года Апраксин действовал также, как и Шереметев в Лифляндии. «По указу твоему, – доновил Апраксин царю, – я рекой Невой до Тосны и самой Ижорской земли прошел, все разорил и развоевал от рубежа верст на сто...». (П. и Б. П.В. Т. II. Прим. к № 448. С. 393. Прим. к № 444. С. 389-390).

Вместе с Апраксиным действовал и будущий губернатор Ингерманландии А.Д. Меншиков. В результате рейда в марте 1703 г. «в неприятельскую Свейскую землю к Канцам» в окрестных мызах «латышей мужеска и женска полу в полон взято с 2000 человек». Пленных было так много, что в Шлиссельбурге продать их не смогли и отправили захваченных крестьян на рынок в Старую Ладону. (Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп.1 Д. 894. Л. 1-8)

К моменту взятия Ниеншанца в мае 1703 г. главное командование принял на себя Б.П. Шереметев, прибывший сюда из Пскова и завершивший опустошение Лифляндии. Разорять же Ингерманландию

[342] Канцы – швед. Ниеншанц, будущий Петербург.

Петром запрещалось. Апраксину было сделано внушение, а от Шереметева царь требовал особое внимание уделить иррегулярным частям – «ибо ведаешь, какие люди казаки и калмыки», писал он ему, строго указав, чтоб «не жгли и не разоряли от Шлотбурга[343] за 50 верст или больше». (П. и Б. П.В. Т. II. №527 С.166)

Петр I смотрел на Ингерманландию, как на территорию, которая безоговорочно войдет в состав России. Его требования были подкреплены в августе 1703 г. указом: «Его царское величество накрепко заказал всем высоким и низким воинским людям, чтоб в Лифляндах и Ингерманландах впредь никто ничего не жег, и для содержания указа, иным на образец, неких калмыцких татар, которые противно указу чинили, казнить велел» (Ведомости. Вып. 1 С. 71)

Шереметев пытался оправдываться в письме от 23 мая 1703 года: «Чухны не смирны, чинят некие пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно; и русские мужики к нам не приятны; многое число беглых из Новгорода и с Валдай, и ото Пскова, и добры они к шведам, нежели к нам» (П.и Б. П.В. Т. II. Прим. к №532. С. 555.).

Какими же силами, в том числе и казаками, располагала русская армия в Ингерманландии? В корпус Апраксина первоначально входили два драгунских полка Девгерина и Морелия (Вятский и Нижегородский), рейтарские полки Ивана Кокошкина, Михаила Франка, Федора Ушакова, сводные конные полки астраханских стрельцов и городовых низовых казаков Бориса Кареитова и Михаила Зажарского, полк конной службы из казаков и башкир стольника Степана Бахметьева[344], а также запорожцы полка Матвея Темника, переброшенные сюда из армии Шереметева, после того, как все остальные запорожцы ушли в Сечь. Есть сведения о казаках черниговского полковника Ефима Лизогуба, а также о двух охотницких малороссийских полках, состоявших также под его началом и принимавших участие в столкновение с отрядом генерала Кронгиорта на реке Ижоре в 1702 г.[345]

---

[343] Шлотбург, (голл. *Slotburg — Замо́к-город,* т.е. замок, открывающий дверь в Балтику) название, первоначально данное царем Петром I взятому Ниеншанцу (по-русски Канец, Шанец, Канцы и т.д.), в 1703-04 иногда использовалось для обозначения всех поселений и строек вниз от него по Неве. Заложенную на Заячьем острове крепость уже именовали Санкт-Петербург. (П. и Б. П.В. СПб., 1893-1900. Т. 3-4).

[344] В полку уфимского воеводы стольника С.П. Бахметева было 200 стрельцов и городовых казаков, а также 1000 башкир.

[345] Имеется упоминание и об участии черниговских казаков Е. Лизогуба во взятии Орешека, после чего их отпустили на Украину. Ефин Лизогуб после столь трудного

Положение запорожских казаков в Петербурге было тяжелым. Они по-прежнему были для великороссов наполовину чужеземцы, в дележе добычи имевшие последнюю долю, в получении провианта – нередко никакой доли. Матвей Темник жаловался, что, состоя третий год на государевой службе он никогда не нес такой нужды. Пока стояли под Печерами и Быховым казакам выдавали в месяц по рублю, куль муки на четверых, сухари, крупу, свинец и порох, а ныне выдают лишь куль муки на шестерых и четверик крупы на 4 человека. (Эварницкий. Т.3. Гл. 13). С взятием Ниеншанца началось быстрое возведение укреплений новой крепости – Петербурга. На фортификационные работы были брошены все силы, включая и запорожцев, откуда они посылали жалобы в Сечь, что их заставляют копать землю и не дают ни круп, ни сухарей, а жить приходиться на одном хлебе и «того дают половину против положенного». (Там же). Многие из полка Матвея Темника самовольно снялись и ушли на Украину. Историк А.Б. Широкорад утверждает о том, что на земляных работах использовались тысячи запорожских казаков, (Широкорад. 2001. С. 229), но это явное преувеличение, не имеющее подтверждений. Речь может идти о нескольких сотнях человек, обобщенно называемых историографией того времени «казаками».

Необходимо заметить, что в «Истории Императора Петра Великого, сочиненной его повелением. Первого чернения». (т.е. первый черновик, первый проект, представленный на рассмотрение – А.Ш.), приведенной в приложениях к «Запискам по истории военного искусства в России в 1-й половине XVIII столетия» Масловского, присутствуют следующие данные от 29 апреля 1701 года, что направлены Апраксину «...на помощь два полка пехоты, полк драгун (заменено лично Петром на «нерегулярных»), донских казаков и калмыков...» (Масловский, 1891. Приложения. С. 5). Однако, более точных сведений установить пока не представляется возможным. Предположительно Петр имел в виду перечисленные ранее полки, состоящие из низовых, т.е. городовых казаков Кареитова, Зажарского и Степана Бахметьева или малороссийских Черниговского полка Якова Лизогуба вместе с кампанейскими.

После взятия Ниеншанца главные русские силы покинули невские берега и вернулись к Пскову. В Петербурге осталось не более 6000 человек, в том числе два полка низовых конных стрельцов и казаков полковников Степана Бахметьева и Михаила Зажарского (около 1000),

---

похода вернулся из-под Орешека в Чернигов и скончался 30 мая 1703 г. (Лизогубский литописец, с. 42-44)

а также 113 запорожских казаков полка Матвея Темника. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 894. Л. 1-8).

1704-1705 гг. стали самыми тревожными, поскольку решалась судьба русского присутствия в Приневье. Оставшимся здесь русским войскам противостояла финляндская армия генерал-лейтенанта И.Г. Майделя, насчитывавшая по разным источникам от восьми до десяти тысяч человек. Поэтому особенно важным было не допустить внезапного нападения. Казачьи разъезды патрулировали выборгскую дорогу и берега Невы до Шлиссельбурга, доходили и до Кексгольма (Корелы), доставляли языков, не брезговали промышлять грабежом.

3 января 1704 года запорожцы доставили в Петербург 40 крестьян, 11 пахотных лошадей и 14 коров из двух деревень в 60 верстах от Корелы. (Архив СПбИИ РАН Ф. 276. Д. 96. Л.6).

9 июля 1704 года, когда Р.В. Брюс – обер-комендант Ингерманландии получил известие о подходе шведских судов, он «Бахметева и Зажарского и запорожского полковника (т.е. Матвея Темника – А.Ш.) со всей конницей да с ними из гарнизонных полков с майором Болховским 200 человек пехоты на казацких лошадях к Выборгу в поход отправил». (Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп. 1. Д. 307. Л. 1-1. Об.). Интересный факт, свидетельствующий во-первых, об отношении к казакам, у которых можно забрать лошадей, а во-вторых, о том, что скорее всего казаки имели не по одной лошади, а по две. Но подобные акции привели к тому, что и казаки остались практически безлошадными. Из рапорта коменданта Петербурга Р.Брюса в 1706г., видно какие были серьезные потери в конском составе у регулярных частей – 71%, и в казачьих – 90% (***Мышлаевский 1893.*** С.331). Выдвинувшись в направление Выборга, казаки обнаружили передовой отряд шведов, взяли несколько пленных, перебрались было через Черную речку, но при острове Валкисаари наткнулись на основные силы генерала Майделя, сумели оторваться и известить русское командование в Петербурге и Шлиссельбурге. (***Устрялов.*** Т. IV. Ч. I. С. 256, 261, 270.)

В этом же году завершается служба запорожских казаков Матвея Темника и они уходят на Украину. Уходит в Астрахань и сводный конный полк Михаила Зажарского из стрельцов и городовых низовых казаков.[346] В окрестностях Петербурга остается лишь полк конной службы Бахметьева.

---

[346] Позднее, в 1706 г. полк примет участие в астраханском мятеже – (РГАДА. Ф. 371. Д. 398/1148. Л. 2; Д. 396/1146 л. 2-8.)

На смену запорожцам и городовым астраханским казакам прибыло некое количество казаков с Дона, Яика и Терека. Обстоятельства инцидента с крестьянами Иверского монастыря мы рассказывали в части I.

В 1706 году Петр I предпринимает первую неудачную попытку взять Выборг. О количестве участвовавших в походе казаков документальных свидетельств не обнаружено. Зато существует легенда, как донской казак спас Петра, поднявшегося на высокий валун в окрестностях Выборга, чтобы лучше осмотреть укрепления, заслонив собой его от ядра. (Картины былого Тихого Дона. С. 145-146). Этот гигантский валун, именуемый теперь «Казак-камень» расположен в районе нынешнего поселка им. Калинина, неподалеку от развилки дорог на Хельсинки (раньше называли ее Фридрихсгамнская) и Лааперанту (Вильманстрандская дорога) и на нем даже установлена памятная табличка.

Из донесения А.Д. Меньшикова Петру I в ноябре 1706 г. видно, что одна из причин отступления русских от Выборга – отсутствие каких-либо разведданных о противнике, сбор которых обычно возлагался на казаков. Отсюда можно сделать вывод, что количество их было минимально. (П. и Б. П.В. Т. IV. Вып.2. Прим. к №1391. С. 1134.) Тем более, что пребывавший в Санкт-Петербурге полк Степана Бахметьева был в этом году расформирован. (РГВИА Ф. Военно-учетного архива. Д. 1434. Л. 133). Причина расформирования проста – ушедший до этого конный полк Зажарского принял участие в Астраханском восстании, теперь же на Дону начинался бунт Булавина, и казаки не считались благонадежными. Сам Степан Бахметьев был направлен на Дон для подавления восстания, но с другим полком[347] (Броневский 1834. С. 255).

В дальнейшем, основные военные действия сдвигается в Белоруссию и на Украину. Упоминаний об участии в войне казаков становиться все меньше и меньше и в немалой степени этому способствовал бунт К. Булавина.

Большая часть донского казачества в этот момент находилась в армии Шереметева в Белоруссии и Литве с атаманами Максимом и Василием Фроловыми и Кутейниковым. Это объяснялось главной угрозой со стороны шведской армии Карла XII и необходимостью присматривать за южными рубежами. Функции донского казачества на прибалтийском театре сводились к разведке, добыванию языков

---

[347] Был сформировано временное подразделение из 590 чел. «царедворцев», дворян и пр., которое возглавил стольник С.П. Бахметев, действовавший против булавинцев от Воронежа (О подавлении народного восстания. С. 194)..

и охране обозов. Количество донских казаков здесь минимально и ограничивалось несколькими сотнями. Даже карательные меры, применяемые Апраксиным по отношению к местному населению Ингерманландии возлагались или на «городовых» казаков Бахметьева или на драгун Монастырева или Манштейна (Мышлаевский 1993. С. 46, 57 и др.). Представляется естественным, что Фроловы держали рядом с собой верных казаков, отправляя подальше тех, кто казался им ненадежными, т.е. сторонников старой веры.

Зима в Ингерманландии в 1706-1707 гг. выдалась очень тяжелой. Особенно большие потери были в конском составе. В одном Ингерманландском драгунском полку пало 803 лошади, т.е. практически все. (Геништа, Борисевич 1904. Ч. I. С.6). По гарнизону Петербурга 3188 драгун были безлошадными (из 4446), казаков – 820 (из 908)[348].

В 1707 году в Петербург прибывает низовой (т.е. вновь из городовых казаков) полк стольника Дмитрия Ефремовича Бахметьева[349], («Боярские списки»), который действовал до этого в составе армии Шереметева в Прибалтике.

И сухопутная и прибрежная линия обороны, возложенной на Апраксина, имеют огромную протяженность и требуют проведения непрерывной разведки и сбора данных о противнике и его намерениях. Вместе с тем возросло сопротивление местного населения, которое нападало на курьеров, обозы и даже небольшие воинские команды. Оставлять подобные действия без адекватного наказания было чревато. Если со стороны Пскова, где находился обер-комендант Кирилл Нарышкин эти функции выполняли Олонецкие драгуны Мурзенко[350] (Мышлаевский 1893 С. 77-85), то от Нарвы и Дерпта (Тарту) в Ревельском (Таллиннском) направлении и от Санкт-Петербурга в сторону Выборга без казаков было не обойтись и одним полком Бахметьева (около 400-500 чел.) было явно не справиться. Отсюда вывод, что некое незначительное количество донских или яицких казаков присутствовало в Ингерманландии. Но их катастрофически не хватало. Это подтверждает Апраксин в письме Петру I от 26 февраля 1708 года, где сообщает об отправке в Финляндию конного отряда генерал-майора Шамбурга «в 2000 коней». «Разорение было не широко... понеже с ним казаков и калмыков не было». (Мышлаевский 1893. С.5)

---

[348] Данные до расформирования полка Степана Бахметьева. Кстати, еще одна из причин к роспуску полка – перевод в пехотные гарнизонные части.

[349] Однофамилец или родственник Степана Бахметьева.

[350] Бывший полк конной службы из городовых казаков.

В это же время, в связи с обострившейся обстановкой и на западном направлении, где действовал сам Карл XII, Петр I приказывает Апраксину выселить 4000 местных жителей из Ингерманландии, опасаясь, и не напрасно, их содействия шведам (Масловский 1891. С.115).

В 1708 году жители Копорского уезда, помимо снабжения припасами шведской армии, пытались дать вооруженный отпор русским войскам. Финны собирались группами по сто человек и с оружием ходили по лесам вблизи дорог, нападая на небольшие русские отряды. (Базарова 2007 С.251-252.). Тоже самое происходило и на выборгском направлении. В июле 1708 года тот же Ф.М. Апраксин снова писал царю, что под Выборгом «шиши[351] учинили бой... Великую чинят нам обиду, и не можем таких бездельников поймать». (Мышлаевский 1893. С. 12-13.)

Казаки по-прежнему занимались разведкой и взятием языков. Апраксин доносил: «29 июля (1708г.- А.Ш.) отрядил казацкого полка адъютанта Ащерина со 100 казаками в поиск по Ревельской дороге из Нарвы. 8 августа взяли поручика Штакельберга с ним 5 рейтар, 20 побили. (Мышлаевский 1893. С. 12-13)

В августе 1708 г. казаки Бахметьева (500 чел.) в составе отряда полковника Монастырева (1000 драгун) имели столкновение со шведами на реке Семь в миле (10 верстах) от Ракобора (совр. Раквене). Противник был разбит, казаки преследовали отступавших шведов две мили, в плен было захвачено 244 чел., убито 916. Казаки потеряли 4-х убитыми и 8 ранеными. Апраксин особо отмечал действия Бахметьева и просил царя «дабы хотя бы малой милостью был награжден». (Мышлаевский 1893 С. 15-17).

В том же августе 1708 году 12-тысячная шведская армия под командованием генерала Любекера (Либикера) предприняла поход от Выборга к Санкт-Петербургу. До столкновений с русскими не дошло, однако плохая погода – непрерывные проливные дожди и отсутствие продовольствия – русские разорили территорию, сделало свое дело за них. Измотав собственные войска, Любекер форсировал Неву в районе реки Тосно, обошел Петербург и к октябрю добрался до Копорского залива, где его ждала шведская эскадра. Однако, вторжение Любекера вызвало очередную активизацию местного населения.

---

[351] «шиши» – лазутчики. См. Даль Т. IV С. 636.

Описывая ситуацию, Ф.М. Апраксин из Петербурга доносил царю: «Пребезмерное нам чинят разоренье латыши Капорского уезду и неприятелю, как возмогут, чинят вспоможение провиантом и лошадьми и, ходя по лесам близ дорог, побивают до смерти драгун и казаков». Они часто перехватывали почту, и появилась опасность, что «оная чухна» могла вовсе пресечь сообщение между русскими отрядами. Ф.М. Апраксин высказал намерение переселить местных жителей за Ямбург ближе к Нарве. Однако крестьяне успели укрыться в лесах. Казаки Д.Е. Бахметева задержали нескольких местных жителей, пятерых из которых сочли шпионами и по указу Ф.М. Апраксина повесили «по дорогам в разных местах». Остальных, «бив», отпустили в леса, велев переселиться за Копорье, чтобы под угрозой казни «близ своих деревень не жили и всем о сем сказывали». (Мышлаевский 1893. С.23.)

По состоянию на 8 сентября 1708 г. в Санкт-Петербурге числилось 400 казаков. (Мышлаевский 1893. С. 46)

К 12 октября рекогносцировочные партии русских показали, что погрузка шведов на корабли осуществляется у Сойкиной Мызы, рядом с деревней Криворучье. Казачья разведка установила, взяв языка, что посадку прикрывали шесть батальонов. Апраксин срочно выдвинул пять пехотных батальонов, батальон гренадер, 2000 драгун и казаков. Шведский арьергард отчаянно защищался, но был сброшен в воду и по большей части уничтожен – 900 убитыми, 157 пленными. (Из донесения Ф.Апраксина Петру I от 26.10.1708 – (Мышлаевский 1893. С. 34). На этом боевые действия были завершены.

В следующем году казаки занимались тем же самым. 24 апреля партия казаков «в ста конях» взяли капрала, двух пасторов, одного мызника (хуторянина) и капитанского сына. (Мышлаевский 1893. С. 54-55). В июне 1709 подполковник Манштейн (700 драгун и 300 казаков) совершил рейд к Ревелю (Колывани). Взят в плен полковник Врангель (Мышлаевский 1893. С.57)

Однако к осени полк Бахметева по непонятным причинам был расформирован. По состоянию на 17 сентября 1709г. в гарнизоне Санкт-Петербурга не числилось ни одного казака, как следует из донесения обер-коменданта Р.В. Брюса А.Д. Меньшикову. (Архив СПбИИ РАН Ф. 83. Оп.1 Д. 3378. Л. 1-2.).

Тем не менее, при начале Выборгской операции в марте 1710 г. казаки присутствуют в корпусе Апраксина – осуществляют разведку и охраняют обозы с провиантом, хотя в расписании войск, занятых осадой крепости упоминания их нет.

Тем не менее, 22 апреля отправлена «казацкая партия» до «Веклолакса»[352], которая привезла языков – 2-х рейтар и 14 посадских. (Мышлаевский 1893 С.100). 22 мая снова рейд до «Веклолакса», но с драгунским поручиком. Взято еще 2 языка (Там же С.108).

Подтверждение того, что это были, скорее всего, донские казаки, находим в сведениях о подвозе продовольствия к Выборгу: «от Донецкого полка с поручиком Крюковским прибыло 952 четверти хлеба». (Там же. С. 128)

После взятия Выборга к Кексгольму направляется дивизия генерал-майора Р. Брюса, коменданта Санкт-Петербурга, в составе Луцкого, Вологодского и Нарвского драгунских полков, Архангелогородского, Апраксина пехотных полков, 2-х гренадерских рот и казаков, общей численность 3050 чел. В официальной реляции о взятии Кексгольма казаки не упоминаются, но мы встречаем их в ведомости на получение хлеба. (Там же С. 123 – 128). Учитывая то, что, скорее всего, указанные регулярные полки были половинного, или чуть больше, от штата состава, численность казаков в дивизии Брюса не превышала 100-200 чел.

Подводя итог действиям казаков в Ингерманландии в 1701-1710 гг. можно с достаточной долей достоверности предположить, что их количество не превышало 1000-1200 человек, из которых этнических, настоящих казаков было всего несколько сотен. Основная боевая работа – разведка, добыча языков, охранная служба, участие в отдельных сражениях, где, как правило, им поручалось преследование отступавшего противника, иногда выполнение полицейских и карательных функций. Необходимо отметить, что недостаточное количество казаков или их отсутствие моментально сказывалось на эффективности действий регулярной армии, ибо достоверных данных о противнике не было, а страх перед боевой мощью шведов испытывали многие русские военачальники, не исключая ни Шереметева, ни Апраксина, вплоть до самой Полтавы. Неудача похода к Выборгу 1706 г. также напрямую связана с отсутствием разведданных, что подтверждалось Меншиковым. Зато допросы пленных, доставленных казаками, изобилуют столь ценной и точной информацией о дислокации и численности шведских полков, что мы имеем столь же ясное представление о них, как и о русских регулярных частях. (Там же С. 19-20, 27-30, 57-58 и др.) Добытые казаками языки дали возможность определить чрезвычайно важные для русского командования планы шведов, например, четко

[352] фин. Вехкалахти или швед. Веклакс в районе совр. г. Хамина (Финл.)

контролировать движения корпуса Левенгаупта, ожидавшегося в Ингерманландии. (Сборник Военно-исторических материалов. Выпуск 1-й. Северная война. Документы 1705-1708 гг. С. 50, 61, 65; Мышлаевский 1893. С. XII).

Именно здесь, в Ингерманландии, предопределена была в течение ближайших 50 лет (до Семилетней войны) тактическая роль казачества в боевой организации русской армии на европейском театре – разведка и охрана. И лишь к концу Семилетней войны было признано необходимым «определенно иметь большее число донских казаков и при назначении последних в отряды не дробить, а передавать казаков массой, придавая им конницу драгунского типа». В командиры таких отрядов рекомендовалось назначать наиболее опытных офицеров из регулярных войск «за неподготовкою к тому офицеров Донского войска». В отношении малороссийского казачества, чья история неумолимо приближалась к завершению, было сказано, что они годятся лишь «как вспомогательный вид конницы для ординарческой службы или полевой службе при пехоте, подобно дивизионной кавалерии», т.е. кавалерии, приданной пехотным дивизиям, а не действующей самостоятельно отдельными соединениями. (Масловский 1891. С. 345-346).

3.2.3. Казаки в Литве, Польше, Украине. 1701-1709 гг.

Пока шведский король Карл XII рассуждал куда ему направиться после Нарвы, в Речи Посполитой начинали разгораться страсти. Государство, кишевшее партиями, группировками, конфедерациями, где свобода была доведена до абсурда, а общественные интересы подчинялись частным, постепенно катилось к своему развалу, до которого оставалось около 70 лет. Составная часть Речи Посполитой – Литва уже была объята гражданской войной. С одной стороны магнаты Сапеги Бенгт и Казимир, с другой – князья Григорий Огинский и Михаил Вишневецкий.

Часть запорожцев, отпущенных в 1701 г. из Лифляндии, пристала к сторонникам Сапеги, и приняла участие в междоусобицах. Чуть позднее, партия Огинского – Вишневецкого становиться на сторону короля Августа, соответственно Сапеги взывают к шведской помощи, и гражданская война перерастает в международный конфликт.[353]

[353] До этого Речь Посполитая старалась представить войну, как конфликт Саксонии со Швецией, но не Польши.

По просьбе короля Августа Петр приказывает Мазепе оказать помощь мозырскому старосте Михаилу Халецкому в осаде одной из лучших крепостей Белоруссии – Быхов, являвшейся серьезным стратегическим пунктом и оплотом сторонников Сапеги. Гетман направляет к Быхову 12000 казаков во главе со стародубовским полковником М. Миклашевским, в том числе 1500 запорожцев во главе со знатным войсковым товарищем Тимофеем Радичем.

12 октября 1702 г. крепость пала, в основном, стараниями гетманских казаков, однако, Миклашевский передал ее полякам и вернулся на Украину, приведя с собой пленных запорожцев, что состояли в гарнизоне Быхова. Это вызвало гнев Мазепы. Гетман писал царю: «Зело гневен есм на полковника стародубского наказного моего, что не усыпкою денною и ночною войск его величества регимента моего малороссийских работаю и трудами и уроном людей, которых больше 200 человек, меж которыми и сотников 2 человека убито, а столько же и раненых учинилось самих только при нем будучи людей (понеже при Халецком регименте мало было людей, и то конные, которые только на речи смотрели),[354] склонив ту Быховскую крепость к подданию, допустил Халецкому на имя королевского величества польского и Речи Посполитой осадити, а на имя великого государя нашего своих людей ни мало не оставил, рушился к рубежу..., а он бы Халецкий хотя бы и 10 лет стоя добывал бы той крепости, то не возмог бы достати оной, как и сами быховцы в осаде будучи говорили и писали, что не сдались бы Халецкому, да и ныне тоже твердят, что не Халецкому, и не ляхам сдалися» (Эварницкий, Источники Т. 1, с. 944).

Миклашевский оправдывался тем, что осажденные сдались лишь на условиях передачи крепости полякам, а поспешный отход объяснил начавшимся среди казацких полков голодом (Там же с. 947). 1500 запорожцев, состоявших при войске в штурме участвовать отказались, видимо по той причине, что среди гарнизона крепости находились их товарищи, и разбрелись по округе, где промышляли грабежом, отказавшись повиноваться и Тимофею Радичу и польскому воеводе Халецкому. По приказу Мазепы зачинщиков казнили, а остальных отослали в Смоленск и превратили в крестьян. Гетман хотел казнить и тех запорожцев, что были на стороне Сапеги, но старшина, участвовавшая в походе отговорила Мазепу не делать этого, поскольку им была обещана жизнь.

Затем произошла некая странная история, где Миклашевский был замечен в сношениях с литовской прошведской партией. Сложно ска-

[354] У Михаила Халецкого было 6000 чел.

зать было ли это провокацией, направленной на раскол среди казачьей старшины или политической игрой, рассчитанной на привлечение самого Мазепы к лагерю противников Москвы, но Миклашевского затребовали в Москву и гетман стал его выгораживать, хотя и признал, что «простого и неписьменного» стародубовского полковника, что «по взятии города Быхова ныне возгордился», но «Литва в чем не прельстила». Мазепа просил царя не отсылать Миклашевского в Москву: «Не пристойно ли бы было его по войсковым правам наказать за его преступление, подержать в Батурине в вязенье, от полковничьего уряду отставить, из Стародуба перевести в Глухов на старое господарство, чтобы жил, нежели посылать к Москве, чтоб таковым поступком иных полковников не ожесточить сердца и не привести в отчаяние».

Опала Миклашевского продолжалась недолго. 16 декабря 1704 г. Петр I в ответ на просьбу Мазепы распорядился: «Доносил ты наш верноподданный, нам Великому Государю нашему царскому величеству, что регимента твоего в пяти полках полковников ныне нет. А прежде бывший полковник стародубовский Миклашевский, у которого за некоторое преступление полковничество отнято и довольно смирен, клялся пред тобой верноподданным нашим пресвятым евангелием в церкви, что нанесено на него ложно и обещался нам Великому Государю нашему царскому величеству служить верно, и что тебе верному нашему подданному указ учинить мочно ли ему привратить полковничество. И Мы, Великий Государь, наше царское величество, указали тебе... о помянутом Миклашевском учинить по своему рассмотрению и по верной своей к нам Великому Государю службе... велеть ему в том полку быть... по прежнему в полковниках, и сказать... дабы он ту нашу царского величества милость к себе видя, верностью и службою нам... оказался паче прежнего, дабы себя истого подозрения весьма вывесть мог...» (Павленко 2004, с. 56-57).

17 февраля 1704 г. «генеральная конфедерация» в Варшаве, сколоченная Арвидом Хорном заявила об отмене присяги Августу II и отрешила его от польского трона, еще через полгода, 12 июля, был избран новый король познаньский воевода Станислав Лещинский.

Король Август II, оставшийся без польского трона, отступает ко Львову (Лембергу), имея 17 000 саксонцев и поляков, а также 6000 русских пехотинцев. Тут же следует приказ Петра гетману Мазепе переправится на правый берег Днепра, соединится с казачьими полками С. Палия и выдвигаться на Волынь и к Львову. Отправленный на помощь Августу II миргородский полковник Д. Апостол не успевает – шведы, опередив всех, силами трех драгунских полков 6 сентября 1704 г. захватывают Львов. Казаки отходят обратно.

Чуть ранее, 19 августа, под только что взятой Нарвой, Петр I подписывает новый договор с Августом II, по которому обязуется воздействовать на непокорного полковника С.Палия, а также вернуть Правобережье, занятое казаками Мазепы. Тем временем, саксонская армия уходит от шведов на север от захваченного Карлом XII Львова. К ней присоединяется 10 000 малороссийских казаков под командой наказного гетмана переяславского полковника Ивана Мироновича. Неожиданно Август поворачивает и захватывает Варшаву. Произошла своеобразная рокировка – Карл XII устремился из Варшавы к Львову, Август II наоборот, покинул Львов и занял Варшаву.

Саксонский курфюрст, оставшийся без польского трона, уезжает в Краков, часть войска отправляется осаждать Познань, другая часть остается в Варшаве в качестве гарнизона. Карл XII вновь возвращается и захватывает Варшаву и тут же устремляется в погоню за отступившими из столицы саксонцами. Преследуемым удалось ускользнуть в австрийскую Силезию, потерпев очередное поражение при Пунитце (польск.- Poniec Понец), но сохранив при этом остатки своего отряда. Зато шведская кара обрушилась на 2000 малороссийских казаков возле деревни Белч[355], которых союзники лишили лошадей. По шведским источникам все казаки были уничтожены (Григорьев, с. 186).

После этого наступило затишье на всем театре военных действий. Ключевым пунктом стратегии русской армии на ближайшие кампании становится Гродно. Все пути, отходившие от этой крепости были ключевыми для оборонительной тактики, избранной Петром I и позволяющей предугадать замыслы противника. От действий основной шведской армии Карла XII Гродно прикрывало южное направление, к Киеву – через Брест и Луцк (540 верст) или через Пинск и Луцк (700 верст); северо-восточное, к Петербургу и только что завоеванной Ингрии, через Полоцк и Витебск; и восточное, к Москве, – через Минск и Смоленск.

Важным было также северное направление, к Риге и Полоцку, как коммуникационная линия, сообщавшая шведскую армию в Польше с гарнизонами Лифляндии, (в первую очередь с Ригой, а значит и с самой Швецией).

Фельдмаршал Огилви занимает Гродно, Меншиков с авангардом – Тыкоцин[356], Мазепе приказано направить к Львову 15 000 казаков. (Масловский 1891, с. 96-100).

---

[355] Скорее всего это населенный пункт Пелчин юго-западнее г. Равич (Rawicz).

[356] Местечко близ Белостока, приблизительно в 100 км юго-западнее Гродно.

В конце декабря 1705 г. Карл XII неожиданно поднимает свои войска, расположившиеся на зимние квартиры в окрестностях Варшавы, и стремительно двигается на Гродно, прорвав польско-саксонские заслоны на Буге, отрезав и вынудив отступить Меншикова. Начинается осада Гродно. Ввиду отсутствия артиллерии, шведский король не решается на штурм, а предпочитает обойти блокировать русскую армию, расположившись в 70 верстах восточнее Гродно, в местечке Желудок.

Петр I создает опорные пункты для снабжения осажденной в Гродно армии в Бресте и Слуцке. В Минске формируется резерв из новобранцев 1705 г., драгун Меншикова. Гетману Мазепе приказано направить сюда казаков, а в Слуцк транспорты с продовольствие. Узнав о поражение саксонцев под Фрауштадте (Вшов) 2 февраля 1705 г., царь приказывает оставить Гродно и отступать в направлении Волыни. Мазепе поручается выйти на встречу и поддержать войска Огильви.

Начавшийся 24 марта ледоход на Немане снес мосты и не позволил шведам своевременно организовать погоню. Карл XII смог начать движение лишь 3 апреля, а русская армия, отступившая из Гродно, 4 апреля была уже в Бресте и продолжила путь к Киеву.

Переправившись через Неман шведская армия вошла в Полесье. Помимо весенней распутицы, и необозримых болот шведам противостояли малороссийские казаки, начавшие действовать от Слуцка. По русским данным силы шведов составляли 36 000 чел. и 8 000 волохов. Переяславский полк И. Мировича преградил путь шведам в местечке Ляховичи.[357] 15 апреля 1706 г. казаки осуществили вылазку, в которой было убито 30 солдат противника, 50 ранено и несколько человек взято в плен (Бантыш-Каменский 1822, с. 368).

Мазепа попытался оказать помощь И. Мировичу, направив отряд миргородского полковника Д. Апостола от Клецка, однако он был разбит шведами, а И. Мирович сдался в плен в Ляховичах. Вот что гетман доносил царю в конце преля 1706 г.: «Когда полковник переяславский, по многих прошениях и присылках своих, прислал до меня, гетмана, с фортеции Ляховицкой[358] едного казака, через мур спустивши, з крайним и последним своего освобождения прошением и таковым донесением, что над еден тиж день болш не могут там в фортеции одержатися,

[357] По шведским данным Ляховичи осаждал 2000 отряд шведов полковника Кройца, а защищалось в крепости 1500 казаков Переяславского полка. Оставив небольшое число людей продолжать осаду, Кройц с основными силами двинулся навстречу отряду Неплюева – Апостола, отправленного на помощь осажденным (Григорьев, с. 198)

[358] В Ляховицах находился замок XVI в. принадлежавший Сапегам.

поневаж и борошна не стало и коне (кони – А.Ш.) все едны выздыхали, а другие з голоду облеженцы повыедали, теды, по таковым слезных его, полковника Переяславского, прошениях, ординовал (приказал – А.Ш.) я, гетман, думного дворянина Семена Неплюева[359] и полковника Миргородского Данила Апостола, з которыми так много было войск Великороссийский и Малороссийских, як много тут числом изображается:

Думного дворянина Семена Неплюева драконей (драгун) 800
Его ж салдатов 600
Столника и полковника Григория Анненкова стрельцов 200
Столника и полковника Василия Кошелева стрельцов.....250
Салдацкого нововыборного полку Севского розряду.....300
Два полка сердюцких пеших, в которых выбрано было сердюков 600
З полковником Миргродским комонника, компанеи и сердюков конных,
а также его полку товариства.....1900

З тими прето войсками он, думный дворянин Семен Неплюев, и полковник Миргородский когда по приказу моему наодсеч Ляховицким облеженцам ишли и реку Неман и иные речки переправили, теды войска неприятельские, известившися о том, зайшли им дорогу к Клецку, где когда себе дали баталию, тогда наши войска, Божьими судьбами, не выдержавши наступлению и огню неприятельскому, едны трепом там же пали, другие в полон достались, а третьи розбеглися; и любо еще тое росполошенное войско совершенно не исчислялося и число избегших в баталии людей подлинно неизвестно, однак мощно порозумети, что на осмсот (800) пехоти Великороссийской и Малороссийской, а коминника сотце з лишком убито, в полон зас пятьдесят человека Великороссийских, а тридцать Малороссийских взято. По таковым прето войск вашего царского пресветлого величества рейменту моего поражении одолетелном, когда силы неприятельские возвратилися з Клецка до Ляхович и презентовали облеженцам так знамения, яко и полковника охочекомонного, прозываемого Прийму, з иными полоняниками, в том погроме побранными, мзвещаючи им, что войска тые, якие наодсеч фортеции Ляховицкой, все разгромлены зостали, тогда полковник Переяславский з полчанами своими, едно, сердце и надею свобождения своего стративши другое, крайним голодом погибаючи (бо последнее число коней уже доедали, не меючи от килка недель хлеба, соли и неякого борошна) здалися 1 мая. По осмотрении теды фортеции Ляховицкой, 3 мая ездил он

[359] Семен Протасьевич Неплюев – думный дворянин, воевода Севского разряда, Серпуховской наместник, находился в подчинении у гетмана Мазепы. (Из семейных бумаг С.Г. Боборыкина / Мазепа И.С. Письмо к С.П. Неплюеву // Русская старина, 1875. Т. 12. № 3. С. 627-628.)

же, король Шведский, и до Клецка, хотячи видети местце, на котором бой был, и труп з обеих сторон побитых, наших и своих людей. А який лист полковник Переяславский до мене писал, той я для ведома вашему царскому пресветлому величеству посылаю и покорнее прошу себе монаршего вашего царского пресветлого величества указу, если треба мне до кого з войск Шведских о свобождении з неволе полковника Переяславского и полчан его писати и який мею ответ самому полковнику на тот лист учинити, чтоб ему хоч малую отраду желаемой свободы принести, для чего нарочно удержалем тых его, полковника Переяславского, посланных» (ПиБ ПВ. СПб, 1900. Т. IV, Вып. 2. С. 861-863).

Если верить шведским данным, то 2000 каролинов противостояло 2150 русских солдат и 2500 малороссийских казаков, не считая 1500 казаков, осажденных в Ляховичах, из которых около 900 погибло, почти 2500 взято в плен, остальные, можно предполагать, разбежались.

Автору неизвестен ответ Петра I на цитируемое письмо гетмана Мазепы, да и был ли он вовсе, однако известно то, что практических мер по освобождение из плена полковника И. Мировича и казаков Переяславского полка предпринято не было и, как следует из челобитной в Сенат вдовы Мировича Пелагеи, он скончался в 1707 г. в плену, находясь в Швеции – «увезен за море, в Готтембург (видимо, Гетеборг – А.Ш.) и тамо в полоне умре» (Об отказе на челобитную Мировичей // Сенатский архив. СПб, 1910, Т. XIV, с. 189).[360]

Однако, Петр уже убедился в невысоких боевых качествах малороссийских казачьих полков и, как сообщает проф. Т. Чухлиб, у него созревает решение начинать постепенно привлекать гетманских казаков на службу в драгунские полки, а также переводить их в разряд компанейцев, т.е. наемников-профессионалов. Так, еще из Гродно в начале года писал в Батурин один из казачьих старшин И. Черныш прислал в Батурин копию царского указа о направлении в Пруссию каждому пятому казаку Киевского и Прилуцкого полков «для обучения и устройства их в регулярные драгунские полки».[361]

[360] Единственное, что следует отметить, так это согласие Меншикова после победы при Калише 18 октября 1706 г. на предложение Августа II, уже заключившего со шведами тайный сепаратный мир, передать ему шведских пленных офицеров с тем, чтобы король договорился с обменом их на русских, находящихся в плену в Швеции. (Артамонов В.А. 2007, с. 273) Неизвестно, подразумевался ли возврат в таком случае переяславского полковника И. Мировича, но весьма сомнительно, чтобы Меншиков помнил о нем, и без малороссийских полковников достаточное количество высокопоставленных русских офицеров находилось в плену еще с Нарвского поражения.

[361] Видимо в составе корпуса Огильви, находившегося в Гродно присутствовали малороссийские казаки, хотя в ведомостях войск их нет. Возможно, это был отряд наказного

Тем временем, Карл XII убедился в невозможности догнать русскую армию, вышел на Волынь, где отдыхал до июля, а затем развернулся и пошел назад, через Польшу, в направлении Саксонии.

В 1706 г. в значительном количестве на западном белорусском направлении появляются донские казаки (до 6 000 чел.) и калмыки. До этого, как мы уже убедились, лишь небольшое их число действовало в Лифляндии и Ингерманландии. Завершение Астраханского бунта, в подавлении которого участвовали донцы, позволило привлечь их в действующую армию.

Удостоверившись в малой боевой эффективности гетманских казаков Петр приказывает Мазепе направить все силы на укрепление обороны Украины и в первую очередь Киева. 15 августа 1706 г. закладывается Печерская крепость, представлявшая из себя комплекс дополнительных укреплений Киево-Печерского монастыря с трех сторон (западной, южной и восточной) земляной оградой бастионного очертания, а также теналью[362], соединяющей монастырь со старой частью Киева, также имевшей земляную ограду.

Русская конница Меншикова в составе 8756 драгун в конце июля выступает от Фастова к Люблину. Сюда же прибывают 6000 донских казаков, 4000 калмык и польско-саксонская армия Августа II. В то время как Карл XII отправился в Саксонию, в Польше им был оставлен наблюдательный корпус генерала А.А. Мардефельта в составе 4538 чел. и около 14 000 поляков (112 легких хорунгвей) великого коронного гетмана Юзефа Потоцкого, назначенного новым королем Станиславом.

Первым делом Меншиков решил рассеять поляков и выслал против них 3000 драгун и всю иррегулярную конницу. 3 октября поляки были разбиты, потеряв около 600 человек убитыми и несколько десятков пленными. В бою участвовали только донские казаки и калмыки.

После поражения, Ю. Потоцкий стремясь реабилитировать себя, уговорил Мардефельта дать бой русско-саксонской армии. 13 октября 1706 г. шведский генерал, расположившийся у Калиша, получил ин-

---

гетмана Д. Горленко, состоявший из Прилукского и Киевского полков и действовавший в 1705-1706 гг. совместно с основными силами русской армии.

[362] Теналь (от фр. tenaille, букв. «клещи») – укрепление или его часть, расположенная входящим углом иак, что местности перед укреплением можно обеспечить перекрестную оборону. В бастионной системе тенали – земляные или каменно-земляные укрепления, расположенные перед куртинами и, как правило, продолжающие линии, образованные внешними фасами соседних бастионов. Обычно были слишком узкими для размещения артиллерии и предназначались для ведения ружейного огня, а также снижали риск разрушения куртин артиллерийским огнем противника.

формацию от Карла XII о подписанном тайном мире с Августом II, а также с рекомендациями пехот отойти к Познани, а кавалерии в Саксонию. Но было уже поздно. С севера тыл Мардефельта и город Калиш блокировали казаки с калмыками.

Центр шведской позиции составили войска, набранные из германских провинций Швеции, фланги заняли поляки.[363] Нет смысла описывать сражение, так как казаки, по словам Меншикова, «оставались в бездействии... но оказали большую помощь в преследовании врага».[364]

1707 год ознаменовался знаменитым советом в Жолкве 20 апреля, на котором было принято ряд решений кардинально меняющих устройство Гетманщины. Еще в конце марта в Малороссийский и Посольский приказы были отданы царские указы о передаче всех дел, касающихся Гетманщины в Разряд «Киева и прочих Малороссийских городов», правда, окончательно исполнение его откладывалось «покамест по приезде в Жолкву гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы» (Бантыш-Каменский Источники Т. V, с. 581-582). Предположительно, свое окончательное решение Петр I высказал Мазепе именно в Жолкве. Вместе с тем ему напоминалось о необходимости фактического преобразования гетманских полков в компанейские.

Еще с конца января начальство над всеми крепостями Украины и ее гарнизонами было передано князю Дмитрию Голицыну, который кроме постройки новых укреплений должен был еще заниматься заготовкой провианта (на 70 000 чел.) и фуража (на 55 000 лошадей)[365]. Петр I остался недоволен работами в Печорском монастыре и приказал срочно переделывать и исправлять, опять же силами казаков.

К принципиальным спорам с русскими военачальниками по поводу главенства в Малороссии прибавились и личные обиды гетмана. Сразу после совета в Жолкве Меншиков, командовавший всей русской конницей, приказал компанейскому полковнику Танскому присоединится к его корпусу. Мазепа был крайне возмущен: «Как Танский может идти без моей воли с моим полком, которому я плачу? Да если б он пошел, я б его велел, как пса, расстрелять» (Письмо Орлика Яворскому. / / Основа, лето 1862, с.8).

---

[363] Единственным «природным» шведским полком был Северо-Сконский кавалерийский полковника Г. Хорна.

[364] Из донесения английского посланника Ч. Витворта 13(24) ноября 1706 г. (Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 329).

[365] Фураж должен быть взят за счет Украины.

Кроме того, Мазепе необходимо было постоянно наблюдать за настроениями Запорожской Сечи, где беспрестанно менялись кошевые и Сечь все время грозилась войти в союз с крымским ханом. Запорожцы, с момента возвращения последних своих казаков из Петербурга, практического участия в Северной войне не принимали. Летом 1706 г. ими был образован полк, командовал которым Игнат Галаган. Однако, запорожцы запросили оплату себе вперед и на Украине, вместо того, чтобы отправляться в Польшу. Тогда Мазепа распорядился, чтобы пехота возвращалась назад в Сечь, а конница шла по назначению. Запорожцы отказались подчиниться, и гетману для их успокоения пришлось выдвинуть один сердюцкий полк к Чигирину, а два компанейских к Богуславу, Корсуни и Белой Церкви. Игнат Галаган с частью конных запорожцев перешел на службу к Мазепе в качестве компанейского полковника, остальные вернулись в Сечь. Поступок Галагана был расценен, как предательство «товарищества», и он стал отныне их врагом.

В целом на кампанию 1707-1709 гг. театр предполагаемых военных действий увеличился по сравнению с Гродненской операцией в южном направлении до Днепра и Запорожья. Рассматривался возможный вариант вторжения Карла XII из Саксонии прямо на Украину, но при этом не забывались и два других направления – на Петербург и Москву, оставаясь по разумению Петра I наиболее предпочтительными и опасными. В целом, эти опасения подтвердились.

Основной план шведского короля, выступившего из Саксонии в самом конце 1707 г., заключался в движении основными силами на север, соединившись с корпусом Левенгауптом из Лифляндии, захвате Пскова (был составлен план осады), освобождении Ингерманландии и Нарвы, уничтожении Петербурга и, если русский царь откажется подписать мир, продолжении наступления на Москву. На Украину должна была наступать польская армия короля Станислава.

Выйдя все к тому же Гродно, Карл XII сходу захватил его и вышел к Сморгони. Здесь шведская армия остановилась на месяц.

Петр I распределил силы следующим образом:

Главная армия Шереметева и Меншикова прикрывала самое опасное белорусское направление – 38 100 чел. пехоты и артиллерии, 33 000 кавалерии. Здесь же находились донские казаки – 6000 чел. и калмыки 4000 чел.

Драгунский корпус генерала Баура перекрывал рижское направление – 6500-7000 чел.

Армия Апраксина в Ингерманландии и Пскове – 50 000 чел.

Украину защищали войска Д. Голицына – гарнизоны Киева, Чернигова, Нежина и Переяславля.

Итого: около 140 000 чел. (не считая войск Балтийского флота) (Масловский 1891, с. 115)

От Мазепы требовалось направить в Литву и Белоруссию – Стародубский, Черниговский, Нежинский, Переяславский и 4 компанейских полка – 9100 казаков, а также в Польшу, действовать против сторонников Лещинского – Киевский, Гадяцкий и Белоцерковский полки – 5000 казаков. В связи со вспыхнувшим на Дону бунтом Булавина туда был направлен Полтавский полк И. Левенца и два компанейских.

Можно предположить, что с учетом значительных потерь полков за 7 лет войны, в распоряжении гетмана оставалось около 15 – 17 тыс. казаков, а также 2000 чел. бригады генерала Анненкова, подчиненных Мазепе.

Общая численность имеющихся войск составляет около 175-180 000 чел. Главные силы шведской армии состояли из 35 000 чел., корпус Левенгаупта 16 000 чел., финляндская армия Любикера 12 000, резерв генерала Крассау, оставленный в Польше, 8 000 чел. Итого: чуть более 70 000 чел. [366]

В Сморгони Карл XII узнал о волнениях на Дону и восстании башкир. Это повлияло на короля, и он меняет план кампании, решив идти на Москву через Смоленск, одновременно отдав приказ выдвигаться к нему на соединение корпусу Левенгаупта из Лифляндии. Главная русская армия маневрирует в направлении Могилева и прикрывает смоленское направление.

Здесь происходит первое столкновение со шведами под Головчиным 3 июля 1708 г., где удар противника пришелся по центру русской позиции – дивизии Репнина (9 пехотных и 3 драгунских полка). Левый фланг защищала дивизия Гольца (10 драгунских полков и 4000 донских казаков и калмыков), правый – Шереметьев с 13 пехотными и 11 драгунскими полками.

В ночь с 3 на 4 июля Карл XII лично возглавил атаку 5 пехотных полков в обход дивизии Репнина. После упорного боя дивизия Репнина бежала, потеряв всю артиллерию, 675 чел. убитыми и столько же раненными, 630 попало в плен. По этому поводу Петр писал: «многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бились, а

[366] Соотношение сил шведской и русской армии впечатляюще, даже если Мазепа совершенно оправдано не надеялся на собственных казаков, и если их не принимать в расчет, то и так превосходство регулярной русской армии над шведами в 2 раза.

которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем». Что царь понимал под «казацким боем» сказать сложно. Или таким образом пытался ему объяснить свое поражение Репнин, т.е. использование казачьего приема «вентерь» с заманиванием противника ложным отступлением на заранее подготовленные позиции пехоты или артиллерии? Но никаких позиций не было. Или Петр имел в виду низкую боевую эффективность малороссийских полков, которые они продемонстрировали в кампанию 1706 г. при Ляховицах и Клецке? На это вопрос ответить сложно.

Однако, и шведам победа при Головчине далась нелегко – 255 убитых и 1219 раненых. Армия Карла XII заняла Могилев и оставалась там несколько недель. По расчетам королевской ставки Левенгаупт должен был делать приблизительно 15 верст в день, соответственно его прибытие ожидалось к 22-25 августа 1708 г.[367]

Бесцельное стояние шведской армии в районе Могилева сопровождалось непрерывными налетами казаков и калмыков. Участник того похода гвардейский полковник К.М. Поссе отмечал их действия в своем дневнике: «4 августа... переправились через Днепр и украли 30 битюгов... 5 августа... опять переплыли через реку и увели 12 лошадей...» и т.д.

Застоявшийся в ожидании Левенгаупта Карл приказывает начать движение на восток в направлении Мстиславля, имеет ряд довольно неудачных столкновений с русскими, и видит повсюду зарево горящих деревень, уничтожаемых по приказу русского царя.

Здесь Карл XII принимает решение в третий раз изменить план кампании и повернуть на Украину. Его уговаривают вернуться к Могилеву и подождать Левенгаупта, но шведский король расценивает это, как отступление, что не приемлимо для него и приказывает ускоренным маршем идти на Украину, где по его расчетам шведов уже ожидает Мазепа, там же можно будет получить подкрепления из Польши и соединиться, наконец, с Левенгауптом. Приблизительно 4 сентября 1708 г. уходит в Северскую землю отряд Лагеркроны, за ним следует и вся шведская армия (Масловский 1891, с. 122-124).

Историография, как и источниковая база, которые и так не могли похвастаться обширностью материала, становиться крайне скудной в отношении участия казачества в Северной войне в 1708-1709 гг. С русской стороны это объясняется тем, что по мнению историков имен-

[367] Фактически скорость движения Левенгаупта составляла 6-8 км в день. 600 км пути от Лифляндии до Приднепровья заняли 2.5 месяца. (Артамонов 2008. С. 36)

но сейчас главную и решающую роль во всем сыграла армия – любимое детище Петра, оставив на долю казачества лишь бунт Булавина и измену Мазепы с запорожцами. В тоже время походные канцелярии Меншикова и Шереметева – ключевых фигур русской армии не отличались дотошностью в освещении ежедневных событий, как скажем, канцелярия Апраксина, действовавшего на финляндском театре. Шведские документы того же периода отмечают лишь налеты казаков и калмыков, не особо разбираясь в нападавших, зачастую смешивая их в одну кучу. После присоединения малороссийских, а позднее и запорожских казаков к шведской армии, они по-прежнему воспринимались шведами, как одной дикой массой, не особо отличавшейся от тех казаков или калмыков, что они видели до этого. Тем более, и здесь мнение шведов совпало с мнением Петра, все они не отличались высокими боевыми качествами и способностями противостоять регулярной армии. С точки зрения Карла XII союз с Мазепой давал ему возможность обеспечить снабжение собственной армии, но привыкший к железной дисциплине и безукоризненной выучке своих солдат, обеспечивающих стойкость и стремление к победам, король смотрел на казаков, как и на союзников-поляков, с легким оттенком презрения, видя в них азиатские по сути орды, уровня петровской армии образца 1700 г. Однако, Карл не мог не учитывать, что любое ослабление противника, т.е. Петра I, ему на руку. Обещания Мазепы не только обеспечить шведов всем необходимым, но и поднять всю Украину против Москвы, вместе с крымским ханом Девлет-Гиреем II, успешные переговоры с которым были осуществлены еще весной 1708 г. и который обещал склонить к совместным действия турецкого султана Ахмеда III, укрепляли решимость шведского короля. Таким образом, осень 1708 г. шведская армия двинулась на Украину.

Участие казаков (и каких!) в сражении при Лесной 28 сентября 1708 г., где был разгромлен корпус Левенгаупта, которого так и не дождался Карл XII в Могилеве, остается под вопросом. Масловский сообщает о калмыках, присутствовавших при «легком корпусе» Петра I, устремившемся на поиски Левенгаупта, которые «не могли осветить местность», т.е. обеспечить разведку (Масловский 1891, с. 125).[368] Это подтверждается и тем, что русские действительно очень долго плутали по лесам, не в состоянии обнаружить противника, и лишь случайность помогла им

[368] В составе «легкого корпуса» или «корволанта» было 5149 пехотинцев, посаженных на коней, и 7792 драгуна. Численность нерегулярность войск неизвестна. (Артамонов. 2008, с. 36)

напасть на след шведов. Разведка традиционно возлагалась на донских казаков, ее отсутствие по причине отсутствия самих казаков, делала армию слепой. Мы уже приводили свидетельство самого Меньшикова, объяснявшее именно этим неудачу похода к Выборгу в 1706 г.

Возможно, некоторое количество казаков было при корпусе Р.Х. Баура, подошедшего из Прибалтики[369]. Приводятся сведения о том, что 300 драгун и 500 казаков из его отряда сожгли Могилев, дав один час его жителям на сборы, за десять дней до выхода Левенгаупта к Днепру[370] (Артамонов 2008, с. 36). Боур выделил 900 человек драгун и казаков во главе с Ф.И. Фастманом, которому было поручено стоять насмерть у Сожа и «держать неприятеля до последнего человека под потерянием живота» (ПиБ ПВ, Т. 8, Вып. 1., с. 168).

Левенгаупт позднее писал, что «казаки и калмыки» ожидавшие его авангард (700 чел.) на Соже, а также кружившие вокруг лагеря, и вынудившие оставить 1600 чел. на охрану, были приняты за главные силы противника. Это вызвало необходимость, по его мнению, усиления авангарда, что и было выполнено посылкой крупного отряда в 2806 чел. Таким образом, из первой части сражения было выведено около 4500 человек, что подтверждается шведскими источниками (Артамонов 2008, с. 40-42).

Во второй, к шведам подошли вызванные из авангарда 1377 чел. и резерв от повозок 1429 чел., к русским присоединился корпус Баура – около 4000 чел. Последний удар русских сломил каролинцев. Началось отступление и от полного разгрома спасла лишь наступившая темнота. Воспоминания шведских офицеров однообразны: «...добрую миля нас преследовали калмыки, которые начали грабить обоз...», «... кто хотел следовать за своим знаменем и ротой, тот пошел, кто не хотел, тот засел в лесу и остался. Под утро многие были переколоты калмыками, когда спали и были пьяны...» и т.д. Выйдя к реке Сож и снова обнаружив авангард Ф. Фастмана, который накануне был принят за главные силы русских, шведы не рискнули вступать в бой, несмотря на численное преимущество и стали уходить дальше по берегу, настигаемые еще одним отрядом генерала Г. Пфлюга. Многие начали переправу самостоятельно и погибли под казачьими саблями[371].

---

[369] В корпусе Баура был Чугуевский казачий полк из казаков и калмыков – 500 чел. (Шовунов 1991, с. 130).

[370] Левенгаупт переправлялся через Днепр 21-22 сентября 1708 г., соотвественно Могилев был сожжен русскими войсками около 10 сентября.

[371] В «Истории русов» говорится о малороссийских казаков, принимавших участие в сражении при Лесной, точнее, в преследовании противника и в качестве... заградительных отрядов. (История русов, с. 205)

Преследование продолжалось по приказу царя не далее 2-х миль, Петр ошибочно опасался, что впереди их могут ожидать главные силы Карла XII. Левенгаупт смог переправиться через Сож в 6 милях от места сражения и через несколько дней встретил авангард основной шведской армии. Потеряв все обозы, артиллерию, порох, Левенгаупт не усилил, а обременил лишь главную армию заботой о пропитании и вооружении спасшихся от разгрома людей, заодно принесших в ряды остальных каролинов синдром поражения (Артамонов 2008 с. 42-44).

18 октября к Карлу XII прибывает и личный посланник Мазепы Иван Быстрицкий,[372] с просьбой ускорить движение шведской армии, поскольку по его данным армия Шереметева форсированным маршем идет к Новгороду-Северскому. Однако, шведы чуть-чуть опоздали и 20 октября Новгород-Северский был уже занят русским гарнизоном. Это следует из допроса войта[373] местечка Шептаки, куда прибыл шведский авангард и где он сам видел Быстрицкого. Надо отметить, что Мазепа и здесь подстраховался, по свидетельству английского посланника Чарльза Витворта, отправив донесение Петру I в Глухов, объявив Быстрицкого изменником.

24 октября шведская армия вышла к местечку Горки, чуть южнее Новгорода-Северского. Русская армия стояла на другом берегу Десны между Пироговкой и Погребками. Южнее на линии Десны был отряд малороссийских казаков (ок. 3000) у Коропа и пехотная бригада Анненкова (2000) около Сосницы.

Быстрицкий вернулся к Мазепе с известием, что шведы вот-вот переправятся через Десну. Одновременно гетман отправляет в Глухов канцеляриста Данилу Болбота (Золбота), который вернувшись привозит тревожные известия о том, что против гетмана что-то затевается в царской ставке.[374] Это окончательно повлияло на решение Мазепы.

На следующий день, 25 октября, Мазепа переправляется через Десну с 1200 казаками и старшинами. От Карла XII его отделяет 50 верст или 1.5 дня пути.

Сложно сказать, когда именно русские узнали об измене гетмана. Скорее всего, на следующий день, от тех казаков, что оставались у Коропа – около 1800 чел. – Миргородского, Прилуцкого и Лубенского полка, которыми командовали наказные полковники Левон Герцик,

---

[372] Родственник гетмана, был женат на тетке Войнаровского.

[373] Старосты.

[374] Позднее, по свидетельству Ф. Орлика, в 1714 г. Д. Болбот подстригся в монахи в Бухаресте, а перед этим признался, что слух о возможном аресте Мазепы был ложью.

Иван Нос и Антон Гамалия. «История руссов» это подтверждает: «собравшись все чины и Козаки по своим полкам, поднялись одного утра до разсвета из лагеря своего, оставив в нем Гетмана с двумя Компанейскими полками и всех Старшин Генеральных, со многими чиновниками, к полкам не принадлежащими, кои как бы были под стражею у Компанейцев» (История русов, с. 206)[375]. Кроме того, как сообщает С.Павленко, 26-го октября была стычка шведов с русскими, в которой малороссийские казаки отказались участвовать. Вполне возможно, что их присутствие в шведской армии также было замечено, что подтвердило факт измены.

Большая часть казаков, находившихся у Коропа, вернулась в Батурин, видимо исполняя приказ Мазепы. Кроме них в Батурине находилось 4 сердюцких полка – Чечеля, Покотилова, Денисова и Максимова.[376] Численность наемных полков обычно составляла около 500 чел., таким образом, гарнизон Батурина насчитывал около 3500-4000 чел.

Встреча Мазепы и Карла XII состоялась лишь 29 октября, а на следующий день Мазепа оправляет письмо к Скоропадскому с требованием сдать шведам Стародуб и присоединяться к нему. Письмо было перехвачено. И Мазепа и Карл XII все время опаздывали.

31 октября в первой половине дня к Батурину прибыл киевский воевода Д. Голицын с указом от главы Посольского приказа Г. Головкина в котором было сказано: «понеже ведомость имеем о сближении неприятельском к Десне и о намерении его, переправясь через оную, идти к Батурину, того ради указал великий государь в оной замок для лучшего отпору неприятелю в тот гарнизон прибавить к малороссийским ратным людям полк великороссийской пехоты, как тоже для лучшего отпору неприятельского и в Стародуб и в Новгород-Северский наши великороссийские ратные люди посажены были. И для того оных неприятель и добывать не стал. И того ради надлежит господину полковнику Чечелю в тот замок немедленно великороссийских людей впустить и обще с оным в наступление неприятельское отпор чинить, к которому замку на выручку сам великий государь со всем войском

---

[375] Правда, надо отметить, что в «Истории руссов» временные рамки указаны ошибочно и отказ казаков следовать за Мазепой в соответствии с приведенным текстом датируется месяцом ранее фактического перехода гетмана на сторону шведов, т.е. накануне сражения при Лесной 28 сентября, что абсолютно неверно.

[376] Как сообщает «История русов» полк Чечеля был расквартирован в Новгород-Северском и уничтожен русскими войсками при занятии этого города. (История русов, с. 207)

особою своей быть изволит» (РГАДА, Малорос. Дела 1708, №60, Л. 1). Гарнизон ответил отказом, сославшись на то, что хоть и изменил Мазепа, но подчинится они могут только приказу нового гетмана, которого надо тогда избирать, а пока шведы не уйдут с Украины, то выборы проводить нельзя.

Прибывший вслед за Д. Голицыным Меншиков[377] отправлял в Батурин посланца за посланцем[378], надеясь на мирный исход переговоров, но Чечель старался выиграть время и отвечал, что им необходимо 3 дня на раздумья, при этом они сохраняют верность Петру I.

История взятия Батурина довольно туманна, и в ней фигурируют имена прилуцкого наказного полковника Ивана Носа, а также переводчика Мазепы – Степана Зертиса[379], выступивших против сопротивления крепости московским войскам. Еще 31 октября они открыто заявили об этом, за что были прикованы к пушкам. Это является еще одним подтверждением того, что в тайну заговора против Петра I был посвящен очень ограниченный круг старшины, последовавшей за Мазепой. Для казаков Прилуцкого полка, чей командир Д. Горленко ушел с Мазепой, а возможно и для двух других, вернувшихся от Коропа в Батурин – Миргородского и Лубенского (их полковники Д. Апостол и Д. Зеленский также ушли с гетманом), этот шаг был не понятен и не приемлем[380]. С. Павленко пишет, что для Ивана Носа предательство (или сохранение верности присяге? – А.Ш.) было единственным шансом не только сохранить себе жизнь, но и занять место полковника в Прилуцком полку, что, в общем-то, абсолютно понятно и без комментариев (Павленко 2004, с.309-310). Но имеется еще одно свидетельство о настроениях гарнизона Батурина, это показания бывшего сотника Нежинского полка[381] Андрея Кандыбы, который сообщил, что

---

[377] Меншиков привел 15 драгунских полков, помимо 5000 чел. Д. Голицына и двух пехотных полков бригады Анненкова. Т.о. можно предполагать, что численность русских войск была около 20-25 тыс. чел.

[378] Первым был отправлен Андрей Маркович, зять И. Скоропадского, вторым некто Зажарский, третьим Федор Стожок, казак Кролевецкой сотни Нежинского полка. Это подтверждает версию «Истории русов», что в составе корпуса Меншикова были малороссийские казаки, принимавшие участие в штурме Бутурина (История русов, с. 205-206).

[379] Отец известного Московского архиепископа Амвросия убитого жителями во время вспышки чумы в царствование Екатерины II за запрет поклоняться (целовать) иконам для нераспространения заразы.

[380] См. выше.

[381] Сам Батурин относился к территориям Нежинского полка.

надежными (для Мазепы – А.Ш.) можно считать лишь два пехотных сердюцких полка (Ригельман 1847, Ч. III, с. 35). В любом случае, достоверным является то, что 2 ноября 1708 г. московские войска проникли в Батурин через подземный ход, открытый для них казаками Прилуцкого полка, а также через участок стены, который защищался казаками того же полка при одновременном штурме крепости[382] (История руссов, с. 206).

Задержанный русскими на переправе через Десну Карл XII, а с ним и Мазепа, опоздали на помощь Батурину на 5 дней. В ответ на обращение гетмана к населению Малороссии Петр I выпустил универсал, в котором заклеймил изменника, призвал всех встать на защиту Отечества от шведов, а также объявил значительные налоговые послабления, в частности отмену т.н. «оранд». Новым гетманом 6 ноября в Глухове был избран стародубовский полковник Иван Скоропадский. Кандидатура давно уже была согласована Петром I. Приблизительно 20 октября, получив от Меншикова известие о тяжелой болезни Мазепы, которое гетман отправил, маскируя свой переход к шведам, царь написал Головкину: «не худо чтоб Скуропацкой недалеко был» (ПиБ ПВ Т. 8 с. 251).

В один день с избранием Скоропадского состоялась казнь коменданта Батурина Чечеля и нескольких других сторонников Мазепы. 12 ноября в Глухове и в Москве одновременно состоялась процедура предания изменника гетмана анафеме.

Результаты не замедлили сказаться: многие из приведенных к шведам казаков либо разбежались по домам, либо вернулись к русской армии, а малороссийское население, в основной своей массе, оказывало шведам и пассивное и активное сопротивление. Возвращалась и старшина: 21 ноября ушли от Мазепы полковник Д. Апостол и генеральный хорунжий Иван Сулима (Костомаров. Мазепа. С.266). Одновременно с ними увел свой кампанейский полк Игнат Галаган, заодно прихватив в плен 60 шведских кавалеристов (Бантыш-Каменский 1822 III с. 104).

17 ноября шведы заняли Ромны, которые стали резиденцией Карла XII. Вся его армия расположилась на зимние квартиры от Ромен до Гадяча, от Лохвиц до Прилук. Выманивая шведов, русская армия на-

---

[382] «...на котором разположен полк Прилуцкий, где сам Полковник будет сидеть на пушке, окованный цепями, под видом арестанта, а войско его положится ничком около валу; и се был знак или лозунг для пощады сих предателей при всеобщем губительстве граждан» (История русов, с. 206).

несла удар по Гадячу, и тем самым вынудила самого короля броситься на помощь своим частям. 16 декабря король выступил из Ромен во главе гвардии и трех полков, русские моментально (18 декабря) захватили Ромны и уничтожили весь город. Мазепе, остававшемуся в городе, еле удалось скрыться. В местечке Пирятино отчаянное сопротивление шведам оказали казаки Лубенского полка под руководством знатных войсковых товарищей Лукьяна и Василия Свички. Казаки не только не отжали свой город на разграбление шведам, но очистили от них всю свою местность (Григорьев, с. 283-284).[383]

Карл XII был вынужден зимовать дальше в Гадяче. В эти дни наступили ужасные морозы, и шведская армия потеряла от 3 до 4 тыс. человек.[384] 27 декабря король поднял войско на захват Веприка, занимавшего выгодную позицию на пути шведов, желавших закрепиться на линии рек Псел и Ворскла. Веприк оборонялся 1400 солдатами полковника Ю. Фермора и 400 казаками Гадячского полка. Осада столь незначительной крепости продлилась до 7 января 1709 г. и стоила шведам 400 убитыми и 600 ранеными.

В конце января Карл XII устремляется на Слободскую Украину. Краснокутск, Городня, Куземин, Олешня, Мурафа, Колонтаев, Коломак и другие населенные пункты на семь миль в окрест были сожжены. Жителей Краснокутска за отпор шведской армии поголовно взяты в плен. Участник похода, шведский юнкер Р. Петре записал в свой дневник: «Больше всего было жалко малых детей, вынужденных брести со своими матерями по глубокому, по конское брюхо, снегу, и бедные жители... смотрели на свои горящие дома и рыдал так, что даже камни не могли оставаться равнодушными к их горю» (Григорьев, с. 289).

Наступившая весна из-за распутицы парализовала любое движение войск. Шведская армия расположилась по правому берегу Ворсклы с резиденцией короля в Великих Будищах.

26 марта к шведам и Мазепе присоединились запорожцы К. Гордиенко. Это подняло настроение Карла XII, который теперь всерьез рассчитывал на союз с Крымом и Турцией. «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут с нами», – такие письма шли в Стокгольм из шведской армии весной 1709 г. (Возгрин, 2008, с. 58-59). Но султан Ахмед III занял нейтральную

---

[383] Сыновья бывшего Лубенского полковника Леонтия Свички, которого С. Павленко причисляет к сторонникам Мазепы. (С. Павленко 2004, с. 63)

[384] Согласно шведским документам за декабрь-январь армия потеряла около 8000 чел. (Григорьев, с. 287)

позицию, и запретил крымскому хану предпринимать какие-либо действия против России.[385] Приближался день Полтавы.

Описание самого сражения выходит за рамки нашего повествования. Свидетельства об участии казаков, что с одной, что с другой стороны, в Полтавской баталии, противоречивы. В шведском лагере насчитывалось около 8000 запорожцев, 3000 мазепинцев – кампанейцев и сердюков, и каким-то образом приставший к ним Полтавский полк (3000 чел.), который «заплутовал и пристал к запорожцам», как значится в донесении генерала Ренне Меншикову, еще задолго до Полтавы[386]. Данное утверждение весьма сомнительно, поскольку шведы осаждали Полтаву, и в обороне крепости принимали участие такие же казаки Полтавского полка. Таким образом, весной 1709 г. казаков в армии Карла XII насчитывалось от 13 до 15 тыс. чел. К началу сражения их численность уменьшилась до 10-11 тыс.[387] Популярность войны с Россией неуклонно снижалась среди сторонников Мазепы, тем более, что их вновь использовали на земляных работах при осаде Полтавы. Особенно это не нравилось запорожцам.

С русской стороны перед сражением насчитывалось 8-10 тыс. малороссийских казаков И. Скоропадского – Нежинский, Стародубовский, Переяславский, Лубенский и Миргородский казачьи полки, кампанейцы Федора Степановича, Андрея Ковбасы и Василия Чуги.[388] Сведений о присутствии донских казаков нет, и все казачьи историки отрицают факт участия донских казаков в Полтавском сражении, объясняя это тем, что они просто не успели. По мнению автора, уход казаков с малороссийского театра на Дон связан с обострением отношений с Крымом и Турцией весной 1709 г. Когда же обстановка прояснилась, после энергичного вмешательства царя, о чем уже указывалось ранее,

---

[385] Петр I совершил весной 1709 г. поездку в Азов, где встречался с представителем султана, передал ему крупную взятку, а также сжег на его глазах свой флот и вернул значительную группу пленных янычар. Посланник в Стамбуле П.А. Толстой подкупил визиря Чорлулу-Али-пашу и ряд других вельмож.

[386] Письмо К. Ренне А. Меньшикову от 25 марта 1709 г.//Труды ИР ВИО. СПб., 1909. Т. III (Документы Северной войны. Полтавский период). С. 130.

[387] По оценкам А.Г. Сокирко: от гетманских полков оставалось от 300 до 1500 чел., кампанейцев и сердюков – около 2000 чел., надворное войско – 250-300 чел., запорожцы – 5000-7000 чел. Сокирко А.Г. Тезисы доклада «Войска украинских гетманов в Полтавской битве 27 июня 1709 г.» Международная научная конференция «Полтавская битва и ее международное значение» Москва. 17-19.11.2009.

[388] Сокирко А.Г. Там же; «История русов» сообщает о 20000 малороссийских казаках, которых повел в бой легендарный С. Палий, что представляется маловероятным. (История русов, с. 215-216).

казачьим полкам было приказано вновь отправляться на Украину, но к сражению они не успели. Помимо малороссийских казаков у Полтавы находились калмыки, но их численность неизвестна. Е. Тарле приводит данные на 6 июля 1709 г., когда Петр I представил уже плененным шведским военачальникам всю мощь русской армии – 83500 регулярных войск и 91000 нерегулярных (Тарле, с. 419). Однако, последняя цифра вызывает большие сомнения[389].

О роли казаков в самом сражении мнения участников также расходятся. Даниэль Крман рассказывает в своем дневнике, что пехота была помещена между конницей, а казаков разместили на флангах. На левом находились запорожцы, которые были атакованы несколькими тысячами калмыков, и начали отступать. Но, по свидетельству Д. Крмана, несколько шведов «своими острыми мечами повернули их назад и восстановили порядок» (Крман 1996 с. 92-94). С. Павленко приводит воспоминания другого участника сражения шведского офицера Вейге, который пишет о том, что «наши запорожцы застрелили из своих ружей большое количество московских пехотинцев, так что те, увидев подмогу отступили в заросли, и король смог повернуть к Полтаве» (Павленко 2004, с. 336).[390] А вот, еще один участник сражения – фон Вайе записал в своем дневнике совсем другое: «Не думаю, что из казаков гетмана Мазепы в бою участвовало более трех человек. Пока мы сражались, они находились сзади, а когда все побежали, то оказались далеко впереди нас. Впрочем, они оказали нам услугу тем, что показали путь к обозу» (Григорьев, с. 341). Сам Мазепа с частью казаков по приказанию Карла XII находился в лагере в Пушкаревке и действительно оказал помощь отступающим шведам тем, что отбил атаку казаков Скоропадского около 14.00 27 июля 1709 г. (Григорьев, с. 352; Павленко 2004, с. 336).

Русская историография лишь мельком упоминает об участии казаков Скоропадского в Полтавском сражении, отведя всей

[389] Если в начале Северной войны Малороссия могла выставить до 60 тыс. казаков, то с учетом погибших, разбежавшихся или примкнувших к Мазепе, численность их явно уменьшилась в 2 раза, т.е. 30 тыс. (на последующую русско-турецкую войну И. Скоропадский смог выделить лишь 20 тыс. казаков); донских казаков могло подойти к Полтаве после сражения около 10 тыс., слободских – 5 тыс., итого 45 тыс. но при этом надо учитывать, что часть полков оставалась в местах своей дислокации или участвовала в погоне за Карлом XII и Мазепой; Оставшиеся 46 тыс. чел., если исходить из цифры предложенной Тарле, приходились на долю калмык, башкир и татар, что выглядит довольно сомнительным.

[390] Скорее всего имеется в виду некий эпизод финальной части сражения, когда перед шведами стояла задача спасти Карла XII.

иррегулярной коннице место на правом фланге, между населенными пунктами Тахтаулов и Жуки, откуда они беспокоили соответственно левый фланг шведской армии и позднее преследовали отступавших к лагерю. Принц Максимилиан Эммануил Вюртембергский[391] даже приводил численность преследовавших: две тысячи казаков и калмыков (Григорьев, с. 355).

29 июля около 18.00 через Днепр у Переволочны переправилось 1300 шведов во главе с Карлом XII и от 1500 до 3000 казаков.[392] Вместе с русскими драгунами в преследовании беглецов приняли участие несколько малороссийских полков – Переяславский, Корсунский, Богуславский.

3.2.4. Русско-турецкая война 1710-1713 гг.

Мы сознательно включаем эту войну в общий обзор военных действий между Россией и Швецией, т.к. фактически она явилась частью цепи событий Северной войны после Полтавы и Переволочны, и велась на основе договоренностей между Турцией и Карлом XII с союзниками – сторонниками польского короля Станислава Лещинского, гетмана Мазепы и запорожцами.

Крымский хан Девлет-Гирей II уже в начале 1709 г. обещал помощь шведам собственными войсками, включая казаков-некрасовцев, нашедших приют в его владениях после разгрома Булавинского бунта. Крым остался верен своему слову и после Полтавы, предлагая помочь Карлу XII пробиться в Померанию, где стоял крупный контингент шведских войск. В качестве эскорта планировалась 40 000 армия татар (Возгрин 2008, с. 61).

Мало того, Девлет-Гирей еще до Полтавы вывел свою армию из Крыма и двинулся на Правобережье, где встал лагерем в районе Кобыляк,[393] где ожидал до августа 1709 г., не зная о размерах катастрофы постигшей Карла XII и Мазепу.

Хан отказался от переговоров с Россией, когда представители Петра I, прибывшие в Бахчисарай в августе 1709 г., предложили «...с присущей этой нации дурацкой дерзостью... выдать Его Величество (т.е. Карла XII) и казаков, находящихся в Крыму. Шведские

---

[391] Любимей Карла XII по прозвищу «Маленький Принц».

[392] Григорьев называет цифру в 1500, Павленко – 2000, Эварницкий – 3-4 тыс. казаков.

[393] Село Звенигородского района Черкасской обл. Украины.

источники сообщают о письме Петра, где он обещал хану: «... я тебя облагодетельствую, я поставлю тебя начальником над великой Тартарией в земле Казани, многочисленным народом, над которым ты будешь полновластным правителем». Хан отказался, а петровским посланникам «тут же заткнули рот и отослали назад» (Возгрин 2008, с. 60).

Однако, Стамбул придерживался по-прежнему нейтралитета. Если до разгрома шведов возможность союза с ними против России обсуждалась при условии категорического запрета заключать Карлу XII сепаратный мир с Петром I, но при этом, главным аргументом для турок было наличие мощной шведской армии, то после Полтавы, 14 января 1710 г. султан Ахмед III ратифицировал Константинопольский мир 1700 г., а относительно шведского короля обещал выслать его через Польшу «только со своими людьми», т.е. без запорожцев и мазепинцев и, тем более, без татар.[394]

В мае 1710 г. Девлет-Гирей заключает военный союз с преемником Мазепы Филиппом Орликом и запорожцами, схожий по своему содержанию с тем договором, что заключал в 1648 г. Богдан Хмельницкий. Основные положения договора заключались в следующем:

Хан обязался быть союзником запорожцев, но при этом не брать их в подданство;

Девлет-Гирей обещал добиться освобождение Малороссии от московского владычества, но при этом не разорять православный церквей и не брать пленных.

Хан обещал всеми силами способствовать объединению Левобережья и Правобережья в независимое государство. (РГАДА. Ф. 89 (Малороссийские дела). Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 4 об.)

К лету 1710 г. отношения между Турцией и Россией стали ухудшаться. Первым эпизодом, обострившим положение дел, стал разгром шведского отряда на территории Турции в районе Черновцов в конце сентября 1709 г. вторгшимися туда русскими войсками.

Карл XII направил 500 чел. под командованием генерал-квартирмейстера А. Юлленкрука на поиск корпуса фон Крассова и короля Станислава Лещинского, которые к этому времени уже ушли в Померанию. Отряд был окружен русскими, частично уничтожен, частично взят в плен, и лишь несколько человек из него

[394] Русскими планировался захват Карла XII на обратном пути – или в Венгрии при содействии союзного России князя Ференца Ракоци, ведущего борьбу с Габсбургами, или в Польше силами Августа II.

смогли вернуться в Бендеры. Б. Григорьев приводит мнение шведского историка Б. Лильегрена о том, что Карл XII специально рекомендовал Юлленкруку держаться поближе к русским границам с тем чтобы спровоцировать нападение русских, а тем самым разжечь конфликт между Турцией и Россией (Григорьев, с. 390).

Посланник России при дворе султана П.А. Толстой оправдался тем, что русский отряд действовал без ведома царя Петра и его командир будет строго наказан. Однако, укрепление позиций России в Европе после Полтавы серьезно обеспокоили, наконец, и Блистательную Порту. Масло в огонь подливал крымский хан, постоянно твердивший о «русской опасности», а также распространившиеся в Европе слухи о планах русского царя создать на обломках Османской империи «Ориентальное цесарство» под скипетром российского монарха (Артамонов 1990, с. 68-70).

Планы Девлет-Гирея о выделении 40 тыс. эскорта для сопровождения шведского короля в Померанию стали известны Петру I и царь отправил в Стамбул протест, подкрепленный ультиматумом, что если король не будет удален в ближайшее время с территории Турции, (безусловно, без такого огромного эскорта), то русские войска тут же придвинутся к турецким границам и начнут возводить новые крепости. В результате, все это было расценено султаном Ахмедом III, как оскорбление, и 9 ноября было объявлено о начале войны с Россией.

Крымский хан наносил сразу два удара с общим направлением на Киев. На Правобережную Украину наступало войско его сына Мехмед-Гирея из 40 тыс. татар, 7-8 тыс. запорожцев и мазепинцев (орликовцев), 3-5 тыс. поляков И. Потоцкого и 700 шведов полковника Цюлиха. Сам Девлет-Гирей во главе 40 тыс. войска и 2 тыс. запорожцах при 40 шведских офицерах устремился на Левобережье через Слободскую Украину, с намерением также разорить судостроительные верфи Воронежа.

В течение первой половины февраля 1711 г. татары и казаки Орлика легко овладели Брацлавом, Богуславом, Немировым, немногочисленные гарнизоны которых не оказали сопротивления (Расспросные речи ногайских татар 13 враля 1711 г. (Мышлаевский 1898 С. 221). Немалую роль в этом сыграл универсал Ф. Орлика с призывом бороться против «московской неволи, сломания прав и вольностей войсковых, несказанных тягостей, налогов и мучительства» (Там же, с. 228). Орлику вторил и Мехмед-Гирей, заявивший, что крымцы идут на помощь «всем стонущим под игом неволи» короля Августа и царя Петра

(Артамонов, 1990, с. 52)[395]. При этом татарам было приказано «черкесам разорения не чинить, и в полон их не имать, и не рубить» (Мышлаевский 1898, с. 222). Отсутствие сопротивления жителей, казаков и гарнизонов указанных городов Антонович объясняет неопределенностью положения края – вопрос о принятии их в подданство России так и не был решен положительно и все находились в ожидании неизвестно чего. В тоже время, воспользовавшись смертью С. Палия, Август II уже начинает раздавать отдельные деревни своей шляхте (Антонович АЮЗР, 184-188). Посланный И. Скоропадским казачий отряд под командованием кампанейского полковника Бутовича был разбит под Лисянкой и сам Бутович еле спасся (Мышлаевский 1898, с. 54).

Но между нападавшими возникли серьезные разногласия. Орлик и запорожцы стояли за независимость Малороссии, поляки во главе с киевским воеводой Иосифом Потоцким за возврат Правобережья Польше, татар больше интересовала возможность грабежа и увода «полона». И. Потоцкий настаивал на скорейшем движении в Польшу против Августа II, Орлик и Мехмед-Гирей – на продолжении действий на Правобережье, в направлении Белой Церкви и Киева. Возобладала последняя точка зрения, при этом поляки ушли в направлении Волыни, чтобы поддержать шляхетскую партию боровшуюся с Августом (Антонович АЮЗР, с. 188).

25-26 марта свыше 30 тыс. татар и запорожцев подошли к Белой Церкви, которую защищали казаки А. Танского и 500 солдат бригадира Анненкова. Первая атака нападавших была отбита, но в ночь на 26-е им удалось захватить предместья. В результате вылазки гарнизона «гранатами и оружием побили множество неприятелей и захватили несколько знамен». Утром Нижний город вновь перешел в руки татар и запорожцев, и снова их оттуда выбили. Потеряв около тысячи человек осаждавшие были вынуждены отойти. Неудачными оказались попытки взять Чигирин, где обороной руководил Игнат Галаган.

Наконец, через Днепр переправился князь Д.М. Голицын с 9 драгунскими, 2 пехотными полками и казаками И. Скоропадского. Татары рассеялись, занялись грабежом и уводом полона. Захвачено было около 10 тыс. человек. Орлик, возмущенный таким поведением союзников, срочно написал Карлу XII. Король немедленно обратился к султану, и 31 июля 1711 г. последовал указ собрать и вернуть всех пленных

[395] Ф. Орлик сообщал Девлет-Гирею, что за две недели его войско выросло до 40 тыс. чел. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 4. 1711-1712 гг. Д. 3 Л. 1-18). Скорее всего имелось в виду численность населения, захваченных на Правобережье населенных пунктов.

Орлику (Возгрин 2008, с. 62). Однако, большая часть «ясыря» (около 7000) была уже отбита у татар 15 апреля 1711 г. у Богуслава войсками Д.М. Голицына (Мышлаевский 1898, с. 57-59). Мехмед-Гирей и Орлик вернулись в Бендеры.

На Левобережье самому Девлет-Гирею противостоял корпус бригадира Осипова[396] и генерал-майора Шидловского[397] (10 934 чел.), под Воронежем – корпус Ф.М. Апраксина и 5000 донских казаков. Оборона отталкивалась от знаменитых Белгородской и Изюмской черт. В середине февраля 1711 г. татары захватили крепость Новосергиевскую на Самаре, население которой, в основном, из бывших запорожцев сдалось без боя. Далее, Девлет-Гирей бросился в направлении Харькова и Изюма. Деревня Водолаги встретила крымского хана с хлебом и солью, поддавшись на «прелестные» письма Ф. Орлика[398], другие населенные пункты – Мерефа, Валки, Перекоп, были сожжены и ограблены, а жители уведены в плен. Девлет-Гирей не дошел лишь трех верст до Харькова. Переброска русскими дополнительных сил на опасный участок прорыва заставила крымцев повернуть назад. 5 марта 1711 г. Шидловский и Осипов доносили Апраксину в Воронеж о том, что «хан с ордою и воры запорожцы из полку Харьковского повернулись в Крым». Отступая, Девлет-Гирей оставил в Новосергиевской крепости гарнизон из 1500 запорожцев и татар под командой Федора Нестулея (Мышлаевский 1898, с. 48).

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля был зачитан царский манифест об объявлении войны Турции (ПиБ ПВ. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 95-97). Ответные меры русского правительства заключались в следующем: основной удар должен был быть нанесен в Молдавии, вспомогательные – на Крым и Кубань.

Главная русская армия, которую возглавил сам царь, состояла из 4-х пехотных дивизий, 6 отдельных пехотных полков, 2 кавалерийских дивизий, отдельного драгунского полка (всего около 79 800 чел.), кроме этого 10 000 донских казаков[399] и 6000 молдавской конницы Дм. Кантемира, вместо обещанных 30 тыс.[400]

---

[396] Изюмский слободской и Гадячкий малороссийский казачьи полки.

[397] Остальные слободские полки: Ахтырский, Харьковский, Остроженский и Сумский.

[398] Жители Водолаг были настигнуты казаками Полтавского полка, оказали сопротивление, были взяты в плен и каждый десятый казнен за измену.

[399] Количество донских казаков чрезвычайно завышено, скорее всего их было около 1000.

[400] Данные о первоначальной планируемой (штатной) численности армии привел командир Казанского драгунского полка бригадир Моро-де-Бразе, чьи мемуары в переводе Пушкина были опубликованы в «Современнике» №1 за 1837 г.

В направлении Крыма должен был действовать гетман И. Скоропадский с 20 000 казаками и генерал-майор Д.И. Бутурлин с 7178 солдатами (7 пехотных и 1 драгунский полк).

На Кубань уходил корпус Казанского губернатора П.М. Апраксина – 6286 чел., позднее к нему присоединились донские и яицкие казаки, а также 20 тыс. калмык Аюк-тайши.

И. Скоропадскому было предписано соединиться с корпусом Д.И. Бутурлина в Переяславле 5 апреля и немедленно выступать на Крым. Однако, сложная обстановка на Правобережье и возможность повторного прорыва Мехмед-Гирея задержали вступление. Вперед был отправлен генерал Шидровский с 2500 слободских казаков, которые после двухдневной осады освободили Новосергиевскую крепость (Письмо Ф.Ф. Шидловского – Ф.М. Апраксину от 13 апреля 1711 г. / Мышлаевский 1898, с. 131).

К маю месяцу корпус Скоропадского и Бутурлина добрался до Переволочны и снова остановился из-за нападения татар на Тор и Бахмут. Атака была отбита, но задержала дальнейшее продвижение до 30 мая. Лишь 2 июля они прибыли в Каменный Затон. Первоначально обсуждалась возможность нанесения удара по Крыму через Сиваш, но из-за отсутствия судов, уничтоженных на Днепре перед Полтавой, данная операция осуществиться не могла (Д.И. Бутурлин – Петру I 8 июля 1711 г. от реки Самары. РГАДА Ф.9 Отд. II. Кн. 13. Л. 136-140).

Весь поход ознаменовался тем, что выслали вперед 4 батальона пехоты с капитаном Постельниковым, которые сожгли пустые курени Новой Запорожской Сечи (Д.И. Бутурлин – Петру I 9 июля 1711 г. от р. Самары/, РГАДА Ф.9 Отд. II. Кн. 30. Л. 80-80 об). Затем начался голод, резко возросло дезертирство, как среди солдат, так и казаков (А.И. Ушаков – Петру I 17 июля из Каменного Затона // Мышлаевский 1898, с. 156). Между тем, вновь нависла угроза нападения татар на Слободскую Украину, Полтавщину, Гадяч, Миргород, Бахмут и Тор. Все это, вкупе с голодом и опасностью перехвата тыловых коммуникаций, вынудило И.Скоропадского и Д. Бутурлина отступить (Д.И. Бутурлин – Петру I 7 августа 1711 г. // РГАДА Ф. 9 Отд. II. Кн. 13. Л. 148-149). Таким образом, Крымский поход провалился и главную свою задачу – отвлечь часть сил турецко-татарской армии от войск Петра I не выполнил.

П.М. Апраксин вышел из Казани 13 мая 1711 г. и направился к Азову. Его отряд увеличился до 9500 чел. за счет донских и яицких казаков (1500 чел.), а также саратовских и симбирских детей боярских, царицынских и астраханских городовых людей. Позднее к

нему присоединилось 20 474 калмыка тайши Аюки. 17 августа П.М. Апраксин вышел из Азова и двинулся на юг. 26 августа была разорена ставка ногайского хана Бахти-Гирея – Копыл. В реляции Апраксин сообщил, что было побито 11 460 татар и 21 тысяча – взята в плен. Неприятеля преследовали вдоль по течению Кубани на протяжении 100 верст, более 6 тыс. татар утонуло в реке. 6 сентября казаки и калмыки разбили возвращавшийся из набега на Саратов отряд Чана Народына из 7 тыс. татар и 4 тыс. некрасовцев, отбив около 2 тыс. полоняников. Однако, известие о заключении Прутского перемирия вынудило П.М. Апраксина прервать поход и вернутся в Азов (Донесение П.М. Апраксина – Петру I 15 сентября 1711 г. от р. Кагальник // РГАДА. Ф.9. Отд. II. Кн. 13. Л. 118-119).

Русская армия подошла к 5-9 июня лишь к Пруту, хотя конечной целью похода был Дунай. Причины этого заключаются в крайне сложных условиях перехода – жара, отсутствие воды, кормов для скота и лошадей, а также огромного обоза, тянущегося за армией. Создается такое впечатление, что Петр после Полтавы пребывал в какой-то эйфории и представлял войну с Турцией, как увеселительную прогулку, иначе чем объяснить огромное количество офицерских семейств сопровождавших своих мужей, в т.ч. и Екатерину I.[401]

Между тем, сокращалась и сама армия: до 9000 чел. было оставлено в Яссах, еще 5056 драгун и вся молдавская конница отправилась с генералом Ренне к Браилову. К 19 июля – дню первого серьезного столкновения с турками и татарами, в строю оставалось 31 554 чел. пехоты и 6692 кавалерии, т.е. потери уже составили около 27 тыс. человек, большинство из которых не боевые. 21 июля русская армия была полностью окружена и катастрофа, казалось, неминуема.

Мы не преследуем цель рассматривать подробно всю Прутскую операцию и подробности счастливого избавления и Петра I и всей русской армии от плена. Гораздо интереснее понять, каким образом все угодили в этот мешок?

Донские казаки, на которых лежали обязанности разведки, впервые и единственный раз в истории не обнаружили многочисленного противника там, где он находился. И русский царь – победитель турок при Азове, шведов при Полтаве, очутился в самом центре турецкой армии вместе с войском. Это был их ответ за сожженные городки во время Булавинского бунта, за все притеснения в вольностях, за много-

[401] Очень многие из них погибли 20 июля 1711 г., когда туркам удалось захватить обоз – 2000 карет, колясок и т.д.

численные жертвы карательных акций на Дону. Они просто смешались с татарами и ушли.

Петр был согласен на все: отдать туркам Азов, срыть все приграничные крепости, вернуть шведам Лифляндию и прочие завоеванные земли, оставив себе лишь узкую полоску выхода к Балтийскому морю с Петербургом, но отдать взамен Псков, согласится, что польским королем будет вновь Станислав Лещинский и т.д. Но вернувшийся из турецкого лагеря Шафиров привез гораздо выгоднее условия: вернуть Азов и срыть крепости в устье Дона, не вмешиваться в польские и казачьи дела и свободно пропустить Карла XII к себе на родину.

Выскочив из окружения, Петр I лишь частично выполнил условия перемирия – вернул туркам Азов, срыл крепость Таганрог, но выводить войска из Польши и с Правобережья отказался, сославшись на то, что турки не выслали из своих пределов Карла XII. Возникла патовая ситуация: шведский король отказывался покинуть Турцию, поскольку вероятность его захвата русскими на территории Польши была весьма велика, Турция не могла его насильно выдворить, нарушив законы гостеприимства, Петр отказывался выводить войска из Польши, и прекратил уничтожать свои крепости, принуждая Турцию объявить ему войну, в которой она была абсолютно не заинтересована.

В дело вмешался Август II, которому также не хотелось, чтобы Карл XII следовал в сопровождении мощного татарского эскорта, который Девлет-Гирей по-прежнему обещал шведскому королю. В Бахчисарай прибывает представитель Августа некий польский полковник Ломарь с предложением хану выдать Карла XII. Посланника выдворили, но он появился вновь через месяц и опять был с позором выставлен за Перекоп. Тогда информацию о подобных переговорах подкинули Карлу XII, как о деле решенном, и король сразу в это поверил. (Соймонов, 23, 23об – 24).

Все в результате вылилось в акцию вооруженного насилия, получившую в исторической науке имя собственное – Калабалык (тур. сутолока, заваруха). В результате трех дней боев между татарами и шведами, король был ранен и на ближайший год потерял всякий интерес и к войне, и к самой Швеции.

3.2.5. Казаки в Финляндии. 1710-1711 гг.

Сразу же после Полтавы было решено продолжить боевые действия в Прибалтике – Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, где шведские гарнизоны удерживали ряд укрепленных городов. В первую очередь это была Рига – главное связующее звено Швеции с остальной

Европой, через рижский порт Карлу XII поступали подкрепления и осуществлялось снабжение его армии. 15 октября 1709 г. русские войска вступили на шведские земли и 27 октября начали осаду Риги. Историография 1709-1710 гг., освещающая события этого периода Северной войны в Прибалтике, крайне скупа и, в основном, представлена документами канцелярии Шереметева – главнокомандующего русской армией. Это связано, прежде всего, со страшной эпидемией «моровой язвы» – чумы, в результате которой были уничтожены многие документы. Тем более, что штурм Риги в конце 1709 г. был отложен, началась осада крепости и значительная часть войск была отправлена на зимние квартиры. Сам Петр I уехал в Петербург, где начал подготовку к походу на Выборг, завершившийся взятием этой крепости.

В армии Шереметева, вступившей в Прибалтику осенью 1709 г., присутствовало некоторое количество донских казаков походного атамана Митрофана Лобанова и кампанейцев полковника А. Маламы. Последний сдался после Полтавы в конце сентября 1709 г. и ему было приказано «маршировать под Ригу, а ис под Риги... с полком же под Ревель и быть в команде генерала Боура, а ис под Ревеля командирован... в остров Эзель в крепость Аренс-Бурх» (Прошения Адрияша Дмитриевича к императрице Екатерине Алексеевне // Малама 1912. С. 4). В целом, по мнению автора, количество казаков на прибалтийском театре в этот период войны не превышало 1-2 тыс. чел. В 1710 г. начались набеги татар и мятежных запорожцев на южных рубежах, что означало начало новой русско-турецкой войны, потребовавшей присутствие казаков, как в Малороссии, на Слободщине, так и на Дону. Тот же год ознаменовался эпидемией чумы не только в Прибалтике, но и на Украине, по этой причине отправка войск из одного зараженного региона в такой же была попросту невозможна.

После взятия Выборга в 1710 г., последующие 1711 и 1712 гг. в Ингерманландии особыми событиями не отличились. Сначала Петр увяз в Прутском походе с турками и еле выскочил из мешка, затем его увлекли боевые действия в Померании. Зато несколько активизировались шведы. В декабре 1711 года при помощи финских крестьян в Петербург проник небольшой шведский отряд, который захватил и увел с собой трех солдат из крайней избы слободы Батальона городовых дел на Выборгской стороне (Базарова 2006 С.77). Что говорит о крайне низкой организации караулов в регулярной армии.

А вот казакам удалось задержать двух шведских солдат из этой партии, «которые сказали, что посланы они были от генерала Нирота

для взятья языков. И около Выборга, набрав они в деревнях у мужиков лошадей, пронимались к Питербурху лесами, малыми тропами, а вели их чухны разных деревень» (Архив СПбИИ РАН Ф.83. Оп.1. Д. 4863. Л.1.). В том же году «чухны» из деревни Лахта помогали переправлять на шведскую сторону беглецов из Петербурга, получая за такие рейды хорошее вознаграждение, но были выданы завистливым соседом. (РГА ВМФ. Ф.233. Оп.1. Д.42. л. 103-103 об.)

Тем не менее, летом 1712 года Ингерманландскому корпусу Апраксина было приказано выступить против шведов и продолжить завоевание Финляндии. В состав кавалерии корпуса входили четыре драгунских полка – Луцкий, Нарвский (бригада Чекина), Вятский и Вологодский (бригада Волконского), губернаторский «шквадрон» и казаки «гетмана пана Черского» или «Чирского» (Червинский. С.57-59).

Вот на фамилии того, кто командовал казаками, следует остановиться. В истории Вятского (Белгородского) драгунского полка боевым действиям в Финляндии уделено достаточно внимания по той причине, что начальствовал над их бригадой бывший командир вятских драгун князь Александр Иванович Волконский. Именно в полковой летописи названа фамилия «Черский» с добавлением «пан гетман». Исходя из этого, т.е. фамилии польского происхождения и «титула», можно было бы предположить, что казаки украинские. Но ни одной из малороссийских хроник участие казаков с Украины в походе на Финляндию не подтверждается. В предыдущем, 1711 году, на Украину обрушилась сначала эпидемия чумы, затем саранча, уничтожившая весь урожай, а кроме того, состоялся неудачный Прутский поход русской армии, в котором приняли участие и казаки гетмана И. Скоропадского, сменившего И.Мазепу, и слободские казачьи полки. Малороссийские казаки попадут в Ингерманландию намного позднее (1720г.), и то в качестве лишь рабочей силы на Ладожский канал.

В докладах Ф.М. Апраксина Петру I значится «гетман Чирский», что меняет дело, и речь уже может идти о донских казаках, которых возглавлял, возможно, атаман одной из Чирских станиц. Возможны варианты фамилии «Черской», «Терский» или «Терской», также встречавшийся, как на Дону, так и среди гребенских (терских) казаков. Однако, до сих пор автору не удалось разыскать ни в историографии, ни даже в донском фольклоре, упоминания о казаке, или представителе казачьей старшины, с подобной фамилией, как участнике похода в Финляндию. Вызывает также недоумение прибавляемый в документах к фамилии титул «пан гетман». Единственное, можно предположить, что Ф.М. Апраксин только что вернулся с Левобережья Украины, где командовал

войсками вдоль Белгородской и Изюмской чертах, и возможно, для поднятия статуса казачьего старшины Чирского, он «присвоил» ему титул «пана гетмана».[402]

Количество казаков можно определить очень приблизительно – около 300-500 человек. Известно, что в гарнизоне Выборга имелась «крайне слабая казачья партия» и на ее усиление был отправлен отряд подполковника Секиотова в 300 драгун и 150 казаков. Секиотов совершил рейд на финскую территорию, но результаты рейда не успокоили Апраксина, и он распорядился бригадиру Чекину отправить в поиск другую партию полковника Полтева в 500 драгун и 100 казаков.

Результаты этой разведки и допросы пленных удовлетворили Апраксина, тем более, что к 10 августа 1712 г. собрались все войска и еще через пять дней он выступает, имея впереди бригадира Чекина с Нарвским, Луцкий полками с казачьими разъездами, оставив при себе 100 драгун и 182 казака. Остальная кавалерия с князем Волконским пошла чуть правее по Вильманстрандской дороге.

Командующий шведской армией генерал Любекер предпочел отходить, оставляя позицию за позицией, при этом отправлял жителей деревень в Гельсингфорс, а их жилища сжигал вместе с хлебами, как собранными в гумнах, так и на полях.

Русские дошли до Абборфорса, но, учитывая весьма ощутимый недостаток в провианте, Апраксин принял решение вернуться назад в Выборг. Тем более, что Любикер занял хорошую позицию между Гекфорсом и Аньялой, а проведенная драгунами и казаками разведка в поисках обходных путей никаких результатов не дала и 4 сентября пехота и артиллерия двинулась в обратный путь вдоль побережья, а вся конница под командою князя А.И. Волконского пошла севернее. Князю «предписано было во время движения разорить в 40-верстной полосе все мызы, сжечь хлеб и сено, забрать с собой молодых мужчин и женщин, а также весь скот; подходя к Выборгу за 60 верст, Волконский разорение края должен был прекратить» (Червинский. С. 61).

На зимних квартирах полки пополнились рекрутами и лошадьми. О казаках Апраксин не беспокоился и в «росписи на винтер-квартиры» от 28.09.1712 г. они не упомянуты. (Мышлаевский 1893. С. 184)

С октября началась работа по заготовке нужного количества провианта и фуража, ибо Апраксин убедился, что на территории Финляндии

---

[402] В его корпус стоявший в районе Воронежа входило 5000 донских казаков. (Из письма Г.И. Головкина И.И. Скоропадскому от 31 января 1711 г. // Судиенко 1855. Т. 2. С. 170)

собрать такой объем контрибуций не удастся. Для удачного похода, по расчетам, необходимо сосредоточить семимесячный запас фуража на 12.5 тыс. лошадей, что составляло 38 000 четвертей[403] овса и 1 миллион пудов сена. Цифры, кстати, интересные. По нормам довольствия петровской армии на одну лошадь в сутки полагалось 15 фунтов сена и 3 гарнца овса (в четверти 64 гарнца). (***Там же.*** С. 420).[404] Таким образом, если все пересчитать, то сена действительно хватало на 12.5 тыс. лошадей, а вот овса лишь где-то на 3900, что в принципе соответствовало численности конского состава регулярной кавалерии армии Апраксина – 4205 по рапорту князя А.И. Волконского, не считая подъемных (обозных) лошадей – 184**. (*Там же.*** С. 392)

Взять такое количество фуража от населения натурой (т.е. обложить налогом) не представлялось возможным, поэтому решили закупать за деньги. Приступили к формированию передвижного обоза из обывательских подвод. К февралю 1713 года удалось собрать лишь половину от требуемого. Вернувшийся из Померании Петр взял в свои руки подготовку к походу. Все сразу закрутилось.

Был определен десантный отряд в 36 батальонов пехоты и 150 казаков, соответственно подготовлены галеры для десанта (всего 16050 чел.). Конный отряд князя А.И. Волконского в том же составе, усиленный двумя батальонами пехоты вместе с обозом должен был выступить из Выборга. Численность отряда составляла около 7000 чел. Из рапорта А.И. Волконского можно более точно сказать о количестве участвовавших в походе казаков, поскольку он указал лишь своих драгун и приданную пехоту – 6492 чел. (***Там же*** С. 392), соответственно на долю казаков приходится около 500 чел. С учетом казаков, отправляемых с галерами, около 650 чел. Возможно, какое-то количество осталось еще и в Выборге. Эти цифры действительно похожи на истину, ибо еще в 1712 году численность донских казаков выставляемых на войну была определена от 500 до 5000 человек и не более. («Доклады и приговоры Сената...» III. С. 506). Можно предположить, что по сравнению с 1711 годом количество казаков в действующей армии уменьшилось почти втрое. Видимо, это связано с окончанием Прутского похода и турецкой войны, когда численность казаков в армии

[403] Казенная четверть, как мера веса равна 9 пудам, т.е. 147.42 кг, хлебная четверть равна 24 пудам или 393.12 кг. Итого необходимо было заготовить около 5500 т овса и 16 000 т сена. См. *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. IV С. 601.

[404] Масловский приводит несколько другие нормы довольствия фуражом – сена 15 фунтов, овса – 2 гарнца, сечки – 2 гарнца и сена – 1 сноп, ссылаясь при этом на 68 главу Устава воинского 1716г. *Масловский*. С.161.

составляла 14266 чел. (Савельев 1990 С. 418). Цифра, приведенная Е. Савельевым, вызывает некоторое недоумение. Приговором Сената определялось, что в 1712 г. казаки должны выставить 5000 чел., но в своей отписке они сообщили, что смогли набрать лишь 3000 чел, т.е. половину из имеющихся в наличии, остальные остались по городкам для отражения возможных нападений татар и некрасовцев (РГАДА, Ф. 111, 1712, Д. 7, Л. 1-2). Какое-то количество казаков осталось при регулярных корпусах на юге, какое-то участвовало в боевых действиях в Финляндии. Цифра в 650 чел., состоящих в корпусе Ф.М. Апраксина скорее всего близка к истине.[405]

В следующем году, Донскому Войску возможно, удалось увеличить число выставляемых казаков, поскольку в корпусах Шереметева и П.М. Апраксина (Петра Матвеевича, казанского губернатора, родного брата адмирала Ф.М. Апраксина – ***А.Ш.***) на 13.08.1713г. на южных рубежах находилось: донских – 500 казаков атамана Кутейникова и 3400 казаков атамана Фролова, кроме них – 1505 яицких, 200 чугуевских. (Мышлаевский 1893. С. 398-399).

Жителей Финляндии разорять запрещалось! Еще в октябре 1712 года Петр писал Апраксину: «идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя оная (Финляндия) нам не нужна вовсе; удерживать по двух ради причин главнейших: первое было бы что, при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь; не только что мясом и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет» (***Брикнер*** С.497-498). Но разорительный рейд конницы князя Волконского уже состоялся.

Позднее, в июле 1713г. был назначен специальный генерал-полицмейстер для наказания тех, кто был повинен в грабежах. В его подчинение была команда драгун с подполковником, а также пристав, священник и палач (П. и Б. ПВ. Т. 13.Вып. 1. С. 424).

8 мая 1713 года русский галерный флот подошел к Гельсинфорсу, 10-го началась артиллерийская дуэль. Город защищали 2000 пехотинцев и 300 кавалеристов генерала Карла Густава Армфельда. В его распоряжении было три артиллерийские батареи. Воспользовавшись вспыхнувшим в городе пожаром, русские высадили десанты, а шведский отряд отступил. Казакам удалось захватить несколько пленных,

---

[405] Вполне допустимо, что в корпусе Ф.М. Апраксина были не донские, а яицкие или гребенские казаки, а возможно и те и другие и третьи. Но в любом случае их количество не превышало указанную цифру.

от которых выяснили, что основные силы шведов сосредоточены теперь около Борго (Порвоо). Апраксин сетует, что догнать неприятеля не смогли, по причине того, что «малое число казаков (привезенных на галерах) посылали, которые взяли от неприятельского корпуса несколько человек солдат» (Мышлаевский 1893. С. 194). Часть русских войск опять грузиться на галеры и отправляется к Борго, высаживает там очередной десант, но шведы отступают дальше на север, по направлению к Тавастгусу.

На острове Форсбю, в заливе Перно, было выбрано место для устройства укрепления и создания опорного пункта и армейских магазинов. Отход шведов по тавастгусской дороге означал, что путь по побережью от Выборга свободен и русская конница князя Волконского с обозами может продвигаться беспрепятственно (***Червинский*** С.64-65).

18 мая 1713 года генерал-адмирал Апраксин издал в Борго приказ, в котором объявил, что русской армии запрещается разорять, но если люди, покинувшие свое жилье, не вернуться до 7 июля, то грабежи будут разрешены (***Кувая.*** С. 182).

Поскольку большое количество жителей окрестностей Хельсинки, Борго (Порво) и Эспоо оставило свои дома и подалось в бега, то хозяйства их подверглись разграблению, как и предупреждал Апраксин (***Мышлаевский 1893*** С. 196).

Х.Кувая пишет, что хотя Апраксин и пытался организовать реквизиции провианта в упорядоченных формах, но население держалось враждебно по отношению к русским войскам. «Тем временем казаки не могли удержаться от грабежей и насилия, вследствие чего Петр приказал разместить казаков на галерах, а всех штатских, задержанных с оружием, казнить» (***Кувая.*** С. 184).

По поводу последнего утверждения финского историка могу лишь заметить, что 150 казаков было размещено на галерах еще до выхода эскадры в Гельсингфорс, и их функции заключались в ведении разведки после высадки десантных партий. Неизвестно отправлялись они с лошадьми или без них, подразумевая, что коней казаки добудут на вражеской территории, так как «конные» галеры начали строить лишь в 1714 г. (***Широкорад, 2001.*** С. 284), однако, имеются указания Петра о том, что «...взять на скампавею лошади по две и более...». (***Мышлаевский, 1893.*** С. 191). Исходя из этого можно предположить, что лошадей казаки везли с собой, тем более, что Апраксин говорит о преследовании ими шведов. Не в пешем же строю! Остальные казаки были в составе конного

отряда князя Волконского**,** который соединился со всей армией, прибывшей на галерах, лишь к 28 июня.

6 июля Апраксин отправляет к Порвоо 600 драгун, из числа прибывших с Волконским, с «прежними» 100 казаками, и через два дня казаки берут в плен двух шведских гренадер Генриха Гобера и Михеля Гялну, а 10 июля очередная партия из 600 драгун полковника Дятьковского и 200 казаков приводит нового пленного поручика Инвалднера. (Письмо Апраксина Петру I от 13.07.1713 г., Экстракты из допросных речей. ***Мышлаевский, 1893.*** С. 208-210)**.**

Обнаруживая и забирая брошенное хозяевами имущество, зерно и скот, солдаты, драгуны или казаки отнюдь не считали это грабежом. Такого же мнения придерживалось и командование русской армии. Тем более, что все доставленное продовольствие фиксировалось документально. Окрестности Хельсинки были освобождены от контрибуций и налогов в 1713-1714гг. Соответственно, то продовольствие, которое было сосредоточенно русскими в городе, а именно 16000 кулей муки и 808 коров, о которых пишет Х.Кувая, как полученное в результате грабежей, верно лишь отчасти (***Кувая.*** С. 183). Часть продовольствия было доставлено с обозом отрядом князя Волконского, часть действительно забрана из брошенных поместий, а часть захвачена (большая партия скота) во время рейда Вятских драгун подполковника Неелова и майора Есипова к Або (очевидно, в район Инкоо) 1-11 августа 1713г. (***Червинский.*** С.65). Безусловно то, что часть провианта была получена в результате прямого грабежа, а также конфискации в случае вооруженного сопротивления. Г. Вилкуна сообщает подробности рейда Вятских драгун к Инкоо: захвачено свыше 100 лошадей, 200 волов, 600 коров, 100 свиней, 1000 овец, рыболовные сети, ценности и продовольствие. (Vilkuna. S. 567).

Надо отметить, что шведская армия, призвав крестьянское финское ополчение, обеспечить его не смогла. Содержание всей армии на момент высадки русских войск в мае 1713г. было обеспечено лишь на один месяц. Поэтому призванное ополчение разошлось по домам, часть из них просто дезертировало. Кроме того, крестьянство видела, что армия Любекера даже не ставила перед собой задачу защищать страну и ее жителей. Крестьяне все же думали, исходя из средневекового представления о взаимных обязательствах власти и подданных, что посредством уплаты налогов они обязывают власть защищать их. Когда армия перестала выполнять свои обязанности, крестьяне перестали летом 1713 года платить налоги. Армии был назначен вспомогательный налог, который она должна была собрать путем конфискации, но крестьяне избивали посланных за провиантом офицеров.

Разошедшееся по домам ополчение было вооружено, а как следует из указов русского командования и самого Петра, это расценивалось, как сопротивление и подлежало наказанию, а жители, имевшие оружие – пленению и вывозу из Финляндии. Партизанской войны, как таковой не было, но оружие у населения имелось и иногда применялось против захватчиков (***Куяла.*** С. 123-130).

Х. Кувая пишет о разорениях, которые имели место в приходе Карис, как возмездие за сопротивление оказанное корпусу М.М. Голицына, продвигавшегося далее на север, отрядом полковника Шерншанца (Штерншканца) 22 августа на одноименной реке (500 чел. пехоты и 250 кавалерии). (***Кувая.*** С. 184).

По данным Вятского драгунского полка в том бою приняли участие лишь его драгуны, потеряв 13 нижних чинов убитыми и ранеными 5 офицеров и 25 драгун. (Червинский. С. 69) О казаках упоминания нет. Но Апраксин сообщает несколько другие данные: погибшие – 10 драгун и 3 казака, раненные 24 драгун и 4 казака («О вступлении флота российского галерного в 1713 году в Финляндию» ***Мышлаевский 1893.*** С. 197-198).

Исходя из соотношения потерь и численности Вятского полка (1074 чел. – рапорт Волконского (***Там же.*** С. 394), можно предположить, что в бою участвовало около 200 казаков. Дело было завершено до подхода остальных войск князя М.М. Голицына – 8 полков пехоты и вся кавалерия. Если разорение в приходе Карис имело место, то ответственность за это целиком лежит на корпусе Голицына.

После поражения шведов при Пелкиной вперед уходит 700 драгун полковника Вятского полка Ивана Грекова и все казаки, которые преследуют Армфельда до Вазы (Ваасы), затем возвращаются назад и расходятся по определенным им расписанием квартирным районам. При этом кавалерия, «по продовольственным соображениям» была сдвинута вправо от побережья, вдоль Эстерботнийской дороге. (***Червинский.*** С. 69). Каких-либо разорений в этот период полковые истории не отмечают, хотя, как мы убедимся в этом дальше, такое происходило только по приказу и сразу же отмечалось полковыми канцеляриями. Однако, вполне допустимо, что под формулировкой «продовольственные соображения» скрывается прямая конфискация драгунами провианта и фуража у местного населения, не учтенная канцелярией Апраксина. Х. Кувая пишет о том, что грабежи в этих района не были столь масштабны и жестоки (***Кувая.*** С.185).

Тем не менее, русская кавалерия ввиду тяжелых дорог и бескормицы пришла «в полное расстройство» и в письме князю М.М. Голицыну

Петр I обещает помощь драгунскими полками и казаками. (***Мышлаевский 1893.*** С. 202). Еще раньше из Лифляндии подошел Олонецкий драгунский полк[406], а с Украины, от Шереметева направляются под командой бригадира Чернцова Тверской, Тобольский и Каргопольский драгунские полки с ними 1000 казаков. Каргопольский полк остается в Петербурге, а Чернцов с Тверским и Тобольским полками, а также со всеми казаками 8 января 1714 года прибывает в Саволакс и становится на зимние квартиры в районе Сен-Михеля. (***Червинский***. С. 69) Какие казаки прибыли с ним неизвестно. Скорее всего, донские, из числа тех 3400 атамана Фролова, что находились в корпусе П.М. Апраксина, как мы увидим далее из грамоты и наград, пожалованной Петром I донским казакам.

Чернцову поступает приказ с 900 драгунами и 650 казаками отправиться в корпус Голицына в распоряжение генерал-майора Чекина, командовавшего русской конницей вместо князя Волконского, который был отпущен «по болезни» 23 декабря 1713 г. в Петербург. Таким образом, общая численность казаков в Финляндии составляет около 1300 чел.

Следующее сражение между русскими и шведами разыгралось 19 февраля 1714 года у Стуркюро. Важное значение имели данные, добытые казачьей разведкой, которую возглавлял капитан вятских драгун Андрей Соловкин. После сражения, при отступлении шведов казаки действительно перебили очень много финских ополченцев.[407]

На самом сражении при Стуркюро следует остановиться поподробнее. Исходя из «Реляции о баталии... близ Васы у деревни Лапола 1714 года февраля в 19 день» и «Журнала действий 1714 г.» следует, что войска Голицына слегка поддались под натиском первого удара (первая линия), но вторая линия, состоявшая из пехоты и конницы, выправила положение, затем в бой была пущена конница из третьей и четвертой линии, которая стала теснить неприятеля. Конница, судя по описанию, спешенная, ибо «введена была в линию..., где жестоко багинетами кололись и неприятеля совсем с поля сбили» (***Мышлаевский 1893.*** С. 220-221, 232-234). «История Вятского (Белгородского) драгунского полка». (***Червинский*** С. 70-71) говорит о четырех спешенных драгунских полках и еще трех остававшихся в резерве – «вся кавалерия». О

---

[406] Бывший полк Мурзенко из городовых казаков.

[407] Общие потери шведов по русским данным 5133 убитых. (Гистория Свейской войны... Вып.2 С.469. 471.), из них, по финским данным около 2000 финнов (Турпейнен. С. 24).

казаках, кроме участия в разведке, пока ничего не сказано. Состояние регулярной кавалерии накануне баталии наглядно видно из «Истории» Вятских драгун – за 1713 год, включая сражение при Пелкиной, потеряно – 232 лошади, за три последующих месяца пало еще 199. Итого 431 лошадь. Далее «История...» сообщает, что «драгунские лошади по недостатку кормов пришли в полную негодность» (***Червинский.*** С. 68-69). И тем не менее, успех сражения по мнению современных историков обеспечил обход противника с флангов тремя драгунскими полками, остававшимися в резерве. (***Широкорад 2001.*** С. 304). Далее, как сообщает «История Вятского полка», вперед устремились казаки «на наиболее подходящую им добычу – финское ополчение, а драгуны бросились на уходящую шведскую конницу» (***Червинский.*** С. 71).

Однако, финский историк Эйно Ютиккала придерживается несколько другого взгляда на развитие событий.[408] В целом, начало сражения описывается абсолютно также, как и русскими источниками. Армфельд действительно удачно атаковал и даже захватил 6 орудий. Но вот далее, Ютиккала сообщает очень интересную подробность о том, что «крупные казачьи отряды были направлены сквозь леса, прикрывавшие фланги шведской армии, и обошли их с севера и юга». Шведской кавалерии под командованием генерал-майора Р. Делабарре удалось прорваться сквозь казаков и уйти, за что заслужено она была подвергнута критике. Изменить ход сражения шведская конница все равно бы не смогла, но попытаться, по крайней мере, обеспечить коридор для отхода и спасения части пехоты, стоило (***Jutikkala, Pirinen.*** P. 212).

На мой взгляд, замечание финского историка весьма существенно. Впервые, за всю Северную войну, казаки принимали непосредственное участие в сражении, в довольно большом количестве (около 1000-1300 чел.), и сыграли если не решающую роль в нем, то одну из главных. Признать это русская историография не могла по известным причинам. С другой стороны, не доверять финским источникам – нет основания. Если бы решающий маневр, приведший к поражению финско-шведской армии, был за пехотой или драгунами, то, скорее всего, это бы подтверждалось. В конце – концов, быть побежденными регулярной армией немного престижнее, если так можно выразиться, чем какими-то «полудикими» отрядами. И второй аргумент в пользу версии финского историка – учитывая полную изношенность конского состава русских драгунских полков, совершить тяжелейший обходной

[408] В финской историографии сражение именуется «при Напуе».

маневр через заснеженный и каменистый густой лес было под силу только выносливым казачьим лошадям.

Между тем, во всех остальных крупных сражениях Северной войны казаки были на второстепенных ролях, исполняя помимо разведки, то функции завесы от наступавшей на пятки русским армии Карла XII, то функции преследования уже сломленного противника. В сражении при Калише, сам Меншиков сообщал, что казаки «оставались в бездействии,... но оказали большую помощь в преследовании врага» (***Артамонов.*** 2007 С. 269), при Лесной выполняли роль заградительных отрядов, чтобы «колоть всех, кто подастся назад» (***Широкорад 2001.*** С. 236), при Полтаве гетманские полки Скоропадского образовывали заслон для возможного отступления шведов на правобережную Украину и Польшу, а в завершающей стадии сражения приняли участие в преследовании противника (***Строков.*** С. 45-47).

А вот заняв Вазу, командовавший русским корпусом князь Голицын остановил войска, чтобы дать отдых, «собрать провиант и выполнить указание царя относительно разорения 10-мильной полосы. 28 февраля эта задача была поручена особой конной партии под командованием бригадира Чернцова. В первых числах марта партия Чернцова вернулась ***блестяще*** (курсив мой – А.Ш.) выполнив возложенное на нее поручение» (***Червинский,*** С.69). Столь высокая оценка действий говорит сама за себя. Хотя в «Журнале действий 1714 года» излагается несколько другая версия происходившего: «В день 28 февраля из Ваз (Ваасы) отправлен был в партию бригадир Чернцов до Нью-Карлебю и жители оного Нью-Карлебю и Гамла-Карлебю, не допуская себя до разорения, просили, чтоб им быть под протекцией Государя; и тому их прошению были даны универсалы, чтоб жили в своих домах безопасно, и взята с них контрибуция.» (***Мышлаевский 1893.*** С. 234).

В конце января месяца Голицын получает очень интересный приказ Петра I о необходимости отправить в Швецию людей, преимущественно из пасторов, «которые здесь семьи имеют и держать их в закладе до возврата». Цель засылки – распространение универсала о том, чтобы склонить шведов к миру, в противном случае они узнают, что такое «пламень войны». (Письмо Петра I князю М.М. Голицыну от 24.01.1714. ***Мышлаевский 1893.*** С. 220). Кстати, это был уже не первый случай, когда на вражескую территорию отправляли под принуждением финнов, захватив в заложники их семьи. 21 мая 1710 года Петр I приказывает Апраксину взять двух-трех финских мужиков из-под Выборга или из Карелы с женами, отправить к Любекеру «шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтоб они не солгали» (***Берх.*** С. 64-65).

6 июня 1714 года из Выборга отправляется для осады Нейшлота отряд полковника Шувалова в составе 1291 пехотинца, 332 драгун и 98 казаков. В результате капитуляции крепости сдалось 561 человек, из них: 1 пастор, 92 женщины и 145 детей. Согласно «Журнала... полковника Шувалова» отпущено по домам сразу же из числа местных жителей 156 солдат и 43 человека женщин и детей, остальные 362 человека под конвоем подполковника Окунева отпущены в шведские пределы, по пути 1 поручик и 46 солдат выразили желание остаться на русской территории. В Нейшлоте было оставлен гарнизон в 833 человека из них 95 казаков. Остальные вернулись в Выборг, а чуть позднее 107 драгун и 3 казака были направлены по приказу Меншикова в Кексгольм. (***Мышлаевский 1893.*** С. 225-230)

Появление разъездов кавалерии Армфельда в районе Гамла-Карлебю в августе 1714 года вызвало немедленную посылку туда казаков, которые привели нескольких пленных, а Армфельд отступил к Брахестадту. (***Там же.*** С. 255)

К осени 1714 года русская кавалерия под командованием Брюса и Чекина расположилась в районе Нью-Карлебю и Гамла-Карлебю, где «деятельно принялась, согласно «инструкции» за разорение края...» (***Червинский.*** С. 71), это соответствует распоряжению Апраксина Брюсу, «чтоб до последнего оскудения неприятеля в тех местах провианту и фуражу стоял в оных местах до ноября месяца и смотрел неприятельских поступков». После того, как Апраксин получил сообщение о проведенной в сентябре 1714 г. майором Волконским с казаками разведки у Брахерсшадта, где приведенные пленные показали, что располагаются «гоупт-квартиры» Армфельда, срок пребывания русской конницы был продлен на неопределенное время – «чтоб в тех местах был до самой возможности и взял контрибуцию по данному от нас универсалу». (***Мышлаевский 1893.*** С.271-272) Из донесения Р.Брюса Петру I следует, что им повторно 28 ноября «отправлено к Брахестадту 100 драгун и 100 казаков, которые близ Калайоки имели дело со шведами. В плен взято – 5, побито 75 чел.» (***Там же.*** С. 276)

Там же прошла весна 1715 г., заставшая полки «чинящими воинские действия против зело злобной чухны» (***Червинский.*** С. 73). Здесь, по русским источникам, было собрано (награблено) 40 000 бочек зерна (РГА ВМФ Ф.233 №94 Л. 268-280).

Финский историк Г. Вилкуна почему-то называет начальника бригады драгунских полков Ф.Г. Чекина «казачьим генералом». По свидетельству историка осенью 1714 года по приказу генерал-майора Чекина были собраны для уничтожения сотни финнов, и лишь благодаря

вмешательству одного армейского полковника, имя которого не названо, Чекин изменил свое решение и отправил всех в качестве рабов в Южную Финляндию.[409]

Федор Гаврилович Чекин (– 2.03.1741) откомандирован из Кракова в распоряжение Ф.М. Апраксина в 1708 г. Принимал участие во взятии Выборга, Кексгольма в чине бригадира, командуя Нарвским и Луцким драгунскими полками. С 1714 г. в чине генерал-майора начальник бригады драгунских полков (Нарвский, Луцкий, Вологодский, Вятский и Олонецкий, усиленные 900 драгунами из Тверского и Тобольского полка бригады Чернцова и 650 казаками). В этой должности он сменил князя А.И. Волконского. С 1722 года на административной работе. Никакого отношения к казачеству Ф.Г. Чекин не имел (***Голиков.*** Т. IV. С. 116, 463; Т. VI. С. 73, 377).

Кстати, 25 июня 1714 года в Гельсингфорсе скончался «по болезни» тот самый неизвестный «гетман» Чирский или Черский. (Донесение Апраксина Петру I от 2 июля 1714 г. от деревни Тверемюнде. ***Мышлаевский 1893.*** С. 267). Кто с этого момента командовал казаками неизвестно. Хотя, определенную ясность может внести грамота Петра I донскому Войску от 23 мая 1720 г., адресованная лично войсковому атаману Василию Фролову: «Ты, войсковой атаман... в 1717 году был с 1000 казаков в Финляндии и в генеральном сражении под Азой послужил радетельно. За такую службу тебя, войскового атамана и Войско Донское пожаловать знаменами милости признали. Тебе, войсковой атаман, послал нашего Царского Величества портрет алмазами украшенный». (Грамоты М. Прянишникова. С. 141). В грамоте явно допущены ошибки: «Аза» имеется в виду сражение под Стуркюро, неподалеку от Ваасы, соответственно и год сражения перепутан – указан 1717, вместо 1714, но это вполне подтверждает вероятность, что казачья служба продолжалась и после 1714 г. Зато обозначено число казаков – одна тысяча, хотя безусловно, цифры очень приблизительные[410]. Савельев еще упоминает «страшного для шведов в Финляндии» атамана Ивана Краснощекова (***Савельев 1990.*** С. 413), однако, в доку-

---

[409] Не был ли этот полковник И.М. Грековым, командиром Вятского полка, который позднее находился под следствием за неисполнение приказаний Чекина? (*Vilkuna*. S. 566-567.)

[410] Мы уже установили предположительно, что общее число казаков в Финляндии составляло около 1650 чел., из них 650 находились в корпусе Апраксина с 1712 г. и ранее, 1000 донцов прибыла позднее, в самом начале 1714 г. В сражении пр Стур-Кюро (Напуя) участвовало около 1300 казаков, 350 оставалось в Саволаксе, возможно сотня из них в составе выборгского отряда Шувалова участвовала во взятии Нейшлота.

ментах Северной войны, касающихся боевых действий в 1712-1721 гг. ни одной фамилии казачьих атаманов не встречается.

Все последующие годы русская кавалерия простояла в район Або, где были сосредоточены основные продовольственные магазины. Отсюда посылались партии и разъезды, которые доходили до Улео. В целом, из всех провинций Финляндии, Эстерботния подверглась наибольшему, «стратегическому» разорению (***Беспятых.*** С. 115-116). Отсюда же было вывезено 4617 человек, что составляло почти 80% от общего количества вывезенных в Россию людей во время войны, исключая мобилизованных и тех, кто добровольно ушел с русскими (***Кувая.*** С. 190). По остальным района Финляндии сообщаются следующие цифры: Аландские острова – 257 чел., Нюланд – 448, Тавастланд – 267, Сатакунд – 300. (***Кувая.*** С.183, 189)

Х. Кувая сообщает, что «большинство угнанных были в основном дети в возрасте до 15 лет, и только 10% были лица старше 20 лет. Главным образом это были юноши. Их можно было продавать и покупать, как рабов. Другие использовались на строительных работах в Санкт-Петербурге. Старшие офицеры в армии извлекали экономическую выгоду, продавая вывезенных, как рабов или заставляя работать в своих имениях. (Вспомним отчет Шереметьева после взятия Мариенбурга о «розданных разным ратным людям...» – А.Ш.) Красивых молодых женщин вывозили, как подарки или использовали, как проституток» (***Кувая.*** С. 191). Замечание абсолютно справедливое, ибо еще указом императрицы Анны Иоанновны от 22 мая 1735 года подтверждалось, что военнопленные, (а именно так и рассматривались угнанные мирные жители) вывезенные в Россию оставались «за теми людьми, за кем они в подушный оклад записаны» (Военная энциклопедия. Т. VI. С.526).

Попытки шведов выкупить своих пленных, особенно после Полтавы, особого успеха не имели. Петр писал по этому поводу: «... пако мнили нас в сем яко спящих обмануть, дабы мы обрадовались алтынам, всю армию их им продали, а себе беду купили» (П. и Б. ПВ. Т.10. №3902. С.258).

Ужесточались и условия содержания пленных. Так, например, сохранился указ Петра I «О бритии голов и бород у шведских пленников», составленный в связи с тем, что «в Свейском государстве у наших пленных российских остригают и бреют с головы волосы догола» (***Долгова.*** С.48).

Даже после подписания мира запрещен был отъезд тех, кто сменил веру, а также их русским женам и детям рожденным в браке (РГАДА.

Ф. 248. Оп. 17. Кн. 381. Л. 8). Многие из-за этого оставались в России, изменив имена и фамилии (***Шебалдина.*** **С**.59).

Финский историк отмечает и то, что в опустошении Эстерботнии была виновата не только русская армия. Части Армфельда также требовали от населения фураж и продовольствие и твердой рукой его изымали. Отмечаются действия шведских кавалеристов Рейхольда Юхана де ла Бара, хотя они и не были столь масштабны, как разорение, причиненное русской армией. (Кувая. С.192)**.**

С другой стороны, опустошение Эстерботнии было не только стратегическим, дабы лишить возможность снабжения армии Армфельда, но и ответной мерой за отдельные нападения шведов не только на гарнизоны и отряды русских войск, но и имевшие место вторжения на русский Север. Так, в марте-апреле 1718г. был совершен 22-дневный рейд отряда из Каянеборга под командованием майора С. Энберга по селениям приграничных Панозерского, Ребольского и Ругозерского погостов. Рейд носил откровенно грабительский характер. Только в Панозерском и Ребольском погостах шведские и финские солдаты изъяли у крестьян около 6 тыс. пудов зерна, угнали более 700 голов крупного и мелкого скота, забрали 228 сетей и неводов, до 3 тыс. аршин холста и много другого имущества. Грабежи сопровождались поджогами домов и убийствами местных жителей. При приближении отправленного в Беломорскую Карелию с Петровских заводов русского отряда шведы отступили за границу. Имели место и отдельные вылазки партизан. Так в феврале 1714 г. два десятка финнов совершили нападение на русскую часть, расквартированную на пасторском дворе в Оривеси. 3-х солдат убили, 13 взяли в плен, многие из разбежавшихся замерзли в лесу. (***Кувая.*** С. 187).

Одно порождало другое, и, в качестве адекватного ответа, например, в 1719 г. было зафиксировано опустошение некоторых приходов командами полковника Манштейна, т.е. Нарвскими драгунами.[411]

Между тем, на самом крайнем севере между жителями приграничных районов соблюдалось ставшее традиционным перемирие. Об этом свидетельствует ганноверский резидент в России Христиан Вебер, который отмечал в своих записках, что «в главном городе Лапонии Коле, где сходятся границы шведских, датских и русских лапонцев, эти различные народцы в продолжении всей войны жили между собой друже-

[411] Полковник Эрнст Себастьян фон Манштейн – командир Нарвского драгунского полка в 1711-1719гг. Дослужился до чина генерал-поручика и должности коменданта Ревеля. – См. *Тихановский* 1874. С. 361.

любнейшим образом и не переставали вести торговлю друг с другом» (***Коваленко.*** С.139-140).

Поэтому нападение отряда майора С. Энберга противоречило заключенным ранее соглашениям, инициатором которых выступил со шведской стороны еще в 1700 г. пастор одного из приходов Каянской провинции Юхан Каянус. В годы войны отмечалось даже оживление приграничной торговли. Например, зимой 1711 г. из России в Каяни было привезено 5 тысяч аршин домотканого полотна – сермяги. Серьезному испытанию крестьянское перемирие подверглось весной 1712 г., когда шведский инспектор незаконно конфисковал большую партию товара, привезенного из-за восточного рубежа. Усилиями сторон конфликт был вскоре урегулирован, и в январе 1713 г. торговля возобновилась(***Коваленко.*** С.141).

Но, тем не менее, абсолютное большинство преданий, связанных со временами Великого Зла, упоминает обязательно в первую очередь не драгун, а казаков: «В сентябре 1714 казаки пришли в Гамла-Карлебю... В Гамла-Карлебю людей забивали, как скот, так что кровь и трупы были видны повсюду на улицах. Все ценное забиралось врагом. Они даже залезли на приходскую колокольню, чтоб снять колокола, но взяли только маленький часовой колокол» (***Кувая.*** С. 177-178). В 1714-1715гг. в районе Гамла-Карлебю был расквартирован корпус под командованием Брюса, состоящий из конницы генерал-майора Чекина (7 неполных драгунских полков) и трех пехотных полков, который выполнял «инструкцию» по разорению края. Общее количество казаков находившихся в Финляндской армии – около 1650 чел. с учетом высадившихся в 1713г. с Апраксиным, прибывших с Волконским и позднее с Чернцовым. Сколько их было в корпусе Брюса сказать сложно, но, учитывая то, что наверняка какое-то количество казаков было рассредоточено по русским гарнизонам, занимавшим Вазу (Ваасу), Або (Турку), Тавастгус, Гельсинфорс, Борго (Порвоо) и другие города Финляндии, а также сложившуюся уже практику прикомандировывать к драгунским полкам по 100-200 казаков, можно предположить, что в распоряжении Чекина было около 1000 чел. Из оставшихся большая часть – около 500, находилась в районах базирования галерного флота (Або, Вааса) и принимала участие в десантных операциях в Швецию.

Создается впечатление, что все те действия, которые условно можно отнести к «военным преступлениям» возлагаются историками лишь на казаков, хотя в процентном отношении, по сравнению с «регулярством» их явное меньшинство, в пределах 5-10%. Но эффект именно от их действий поражал воображение и мирных жителей. Это была

привычная тактика казаков, которую они выработали за столетия войн с кочевниками: неожиданность появления, звуковое сопровождение налета – свист, крики; охват сразу со всех концов деревни, поджоги, и, главное, ночное время атаки, преимущественно с 2 часов ночи до 6 утра, т.е. когда защитные силы человека находятся в наиболее расслабленном состоянии. Это тоже один из элементов боевой подготовки казаков, основанный на одних рефлексах и требующий длительного привыкания и закаливания. Все это, в купе с необычным внешним видом – разнообразие в одежде, вооружении, наличие бород – по сравнению с регулярными драгунами, производило поразительный эффект и порождало страшную панику среди населения и запоминалось надолго. Очевидно, что и драгуны стали во многом, за исключением внешнего вида, (хотя это не факт), применять те же методы нападения на обывателей, что и казаки. Интересен момент, отмеченный также Х. Кувая, об изъятии в 1714-1715 гг. в Эстерботнии 25 церковных колоколов, 8 канделябров и 8 паникадил из церквей (***Кувая.*** С. 195). Вот эти трофеи действительно могли весьма заинтересовать казаков! При Петре в областях компактного проживания казаков началось массовое строительство православных храмов[412], например, только на Дону до 1709 года их было построено 24, а к 1718г., когда донские церкви подчинили Воронежской епархии, их количество еще значительно увеличилось (Картины былого Тихого Дона. С. 161). Помимо все большего приобщения казаков к государственной системе, Петр преследовал еще одну цель – искоренение или, по крайней мере, уменьшение влияния старообрядцев среди казачества. Привезти из похода богатые подарки для своих храмов было не только традицией для казаков, но почти обязанностью, что не могло не поощряться русским военным командованием. Заодно, разграблению подвергались и жилища пасторов, как наиболее зажиточных жителей финских деревень. Большинство из них бежали в Швецию еще в начале русского вторжения. О. Турпейнен говорит о многих епископах, около сотни священников и по меньшей мере 72 капелланах (***Турпейнен.*** С.24). Оставленные жилища и имущество расхищалось без зазрения совести. Таким образом, получается, что наиболее потерпевшими в финских деревнях оказывались пасторы. К тому же, по распоряжению царя Голицын должен был отправлять некоторых из них в Швецию, оставив в заложниках семьи. И те, кто поехал в метрополию, и те, кто остался в Финляндии,

[412] Точнее, в первую очередь переоборудование имеющихся часовен в церкви, но и новое строительство также.

живописно рассказывали и письменно свидетельствовали обо всех ужасах войны, связывая их в первую очередь с казаками. Приходя в деревню, «казаки убивали тех, кого там встречали, насаживали на пики или рубили своими длинными саблями. Не щадили даже детей, убивая их жестоким образом. Их или пронзали пиками в колыбелях, либо вынимали из колыбелей и ударяли о стену так, что разлетались мозги по сторонам... Если казаки находили какого-нибудь подростка или юношу, то его забирали в плен в Россию» (***Кувая.*** С.178). Такие предания сохранялись в народном фольклоре, превращаясь в официальные документы, которые, как правило, составлялись пасторами, такими, как Николаус Эймелиус из прихода СтурКюро, сообщивший о сожжении в печи 40 крестьян из деревни Лумийоки, и 120 – в Пюхайоки, пастор Эрик Фант из Педерсера сообщил о 232 крестьянах, убитых или погибших в качестве жестокого обращения с ними, капеллан Виландер из деревни Уппяри – о 120, похороненных в общей могиле, в Юли-Каннус, капелланском приходе прихода Дохтео, русские, по заметкам викария Юхана Агриландерса, убили 36 человек и т.д. (***Кувая.*** С.178, 180, 191-192). Приходские списки в Финляндии являлись единственными документами, свидетельствующими о разорении страны во время русской оккупации, вполне естественно предположить, что большинство из них тенденциозны.

Немалую роль здесь сыграла и позиция Русской Православной церкви. Лютеранство считалось лжехристианством, исходя из его протестантского иконоборства, которое проявлялось в поведении шведских войск на территориях с православным населением. (***Василик.*** С.63-78).

Протестантская церковь платила той же монетой, называя русских ассирийцами, а царя Петра незаконнорожденным сыном (бастардом) того же Навуходоносора, сравнивая положение финнов с египетским рабством (***Vilkuna.*** S.581).

Казаки были, безусловно, до мозга костей преданы Православию, но говорить о серьезном воздействии на их умы со стороны официальных представителей русской церкви не приходится, ибо подчинение Дона Воронежской епархии произошло только лишь к концу войны, да и лишь номинально, как уже рассказывалось в первой части книги. Во-вторых, в среде казаков было достаточное количество старообрядцев, которые и сами считали никониан, в т.ч. и самого Петра I антихристами. Что касается насилия, убийств, похищений детей, увода в плен минных жителей, то участие в этом донских казаков вызывает сомнения – причиной их пресловутый принцип «талиона». Казакам не за

что было мстить! Финские деревни слишком далеко расположены от их городков, шведские или финские солдаты, в отличие от русских, не наносили ни малейшего вреда их близким. Во-вторых, казачье право запрещало просто так убивать или грабить христиан – мирных жителей. В-третьих, пробудить в казаках религиозную ненависть было весьма сложно, ведь православная пропаганда, объявлявшая шведов и финнов еретиками, напоминала, как раз о том, что говорили казакам их священники только в отношении Петра I и всех его нововведений. И не раз они сами слышали, как его называли «антихристом», и знали, как погибали многие из них только от рук русских[413], преследовавших казачество за старую веру.

Начиная с 1712 года всем рекрутам петровской регулярной армии стали выкалывать на руке крест, а затем втирать в ранки порох (***Анисимов 2004.*** С. 308) (по некоторым сведениям даже поджигать его). Среди казаков-старообрядцев это называли «клеймом Антихриста», что было лишним подтверждением грядущего Апокалипсиса – «дали клеймо на руку их» (Откровения Иоанна. 13.16).

Штатной единицы полкового священника[414] в казачьих полках не было ни в период Северной войны, ни позднее. Все необходимые молитвы казаки знали наизусть, и тот минимум треб (в основном, отпевание погибших или молебны), что был им необходим, не содержал таинств, а роль священника исполнял наиболее грамотный в богословии казак, т.н. «самоставленный», т.е. выбранный ими же. Учитывая большой процент приверженцев старой веры среди казачества, можно предположить, что их отношение к священникам, сопровождавшим регулярную русскую армию, было, мягко говоря, не доверительным.

Что касается эпизодов в Пюхайоки и Лумийоки с сожжением людей вместе с домами, (только не в печах, конечно), то, они вполне могут быть связаны с действиями казаков в случае получения вооруженного отпора и наличия потерь. В этом случае, казаки могли, не теряя время и лишних людей при штурме, поджечь строение и не давать никому

---

[413] Не менее 10 тыс. человек, включая женщин и детей было уничтожено в результате карательных акций русских войск кн. Долгорукого, а также слободских и гетманских казачьих полков при подавлении восстания Булавина в 1708 г. Около 8000 человек атамана И.Некрасова покинуло Дон. (См. *Ригельман* 1846. С. 95-96.) И казаки-некрасовцы мстили, выжигая русские деревни, угоняя православных на продажу, ибо на первом месте стоял принцип «талиона» (РГА ВМФ Ф. 233. Оп.1. Д. 19. Л. 374).. Если б репрессии русских войск, коснулись бы только казаков, а не их близких, то месть бы обрушилась на непосредственных виновников – солдат и украинских казаков.

[414] В регулярной армии должность полкового священника введена с 1717 г.

выходить оттуда. Так, например, поступили казаки Сидора Себрякова 8 марта 1742 г., во время очередной шведско-русской войны. Потеряв убитыми и ранеными 14 человек, казаки окружили неприятеля в большом деревянном доме и подожгли его, не позволяя вырваться кому-либо из огня. Лишь подход двух гренадерских рот позволил спастись нескольким уцелевшим (Санкт-Петербургские ведомости. С.117). Аналогично поступал с французами в кампанию 1812 г. знаменитый партизан Денис Давыдов, начинавший свои действия с отрядом из 50 гусар и 150 донских казаков. (***Давыдов.*** С. 124-130)

В отношении пыток, применяемых к пленным или местному населению с целью допроса и выяснения, где спрятано добро, о которых сообщают все без исключения историки, можно добавить следующее: пытка в России была абсолютно узаконена и применялась ко всем без какого-либо исключения, как к собственным гражданам, так и к жителям или солдатам того государства, с которым шла война. В 1713 году Петр I провозгласил: «Сказать во всем государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных... таких без всякой пощады казнить...». Естественно, что финский крестьянин, отказывавшийся выдать фураж и продовольствие русской армии по «универсалу» или без него, а равно бежавший в лес, т.е. уклонившийся, попадал под это определение. Пытка была настолько обыденным делом, что никто даже об этом и не задумывался. Синонимов слова «пороть» в русском языке существуют свыше семидесяти (***Анисимов 2004.*** С.5, 196, 294-295).

Казаки не были исключением, и к физической боли относились с безразличием, включая и себя, конечно. В истории можно найти достаточно примеров, когда они сознательно засылали к противнику перебежчиков с ложными сведения, зная, что обрекают последних на нечеловеческие пытки, но будучи уверены в том, что они их вытерпят.[415]

Что касается ответственности виновных в каких-либо чрезвычайных действиях против мирного населения, то, по мнению финского историка Вальтера фон Коскуля, исследовавшего проблему практической правовой защиты населения Финляндии в годы Северной войны и принимаемых в таком случае мер со стороны русского командования, большая часть насилий прошла незамеченной, хотя бы потому, что часто не было возможности предпринять тщательное расследование, а

[415] Так, например, поступал Б.Хмельницкий со своими казаками, воюя с Польшей (Разин.Т. III. С.322)

также потому, что командиры смотрели сквозь пальцы на противозаконные действия подчиненных (***Walter von Koskull.*** S.5-38).

А как им было смотреть иначе, если сами командиры выполняли приказы командующих армиями и корпусами, а те, в свою очередь, выполняли «инструкции» по разорению самого царя? В 1703 году «Ведомости» сообщали, что по приказу царя было казнено «иным на образец» несколько «калмыцких татар» (Ведомости. С. 71). Зная характер российского самодержца, могли действительно кого-то казнить, попавшегося под горячую руку. Но указы царя сегодня были одни, а завтра другие, отменяющие первые. Это касалось и разорения провинций.

Тем более, что вступивший в силу в 1715 г. «Артикул воинский...» определял наказание лишь в том случае, когда насилие осуществлялось «без позволения или указу». Привлечение к трибуналу, допустим, полковника Грекова, как сообщает Х. Кувая, ссылаясь на документы из Канцелярии графа Апраксина, за то, что в 1714-1716гг. он четыре раза, вопреки приказу генерал-майора Чекина[416], посылал грабить провиант в Эстерботнии, носило явно формальный характер. Иван Михайлович Греков благополучно прокомандовал Вятским драгунским полком с 23 декабря 1713 года до 10 декабря 1731 года, завершив свою службу в чине бригадира.[417] Тоже самое, можно сказать и о капитане Елагине, бывшем под следствием по тому же вопросу.[418] Вятский драгунский полк действительно исполнял в 1714-1715гг. «инструкцию» по разорению Эстерботнии, полученную от генерала Брюса, о чем последний доносил Апраксину (***Червинский*** С. 73). В тех случаях, когда рассылались «универсалы», и местные жители должны были согласно этим документам передавать русским войскам провиант, любое неподчинение могло привести к принудительному изъятию. Да и указы не брать силой на голодных солдат не действовали, они способны были преступить закон, чем бы это не грозило. Меншиков писал по этому поводу: «... принуждены будут силою брать, где какое пропитание сыщут, и тогда удержать будет их невозможно, к тому ж и вина поставить им будет нельзя, понеже никто, видя способ к получению продовольствия,

---

[416] Именно Ф.Г. Чекина финский историк Г. Вилкуна называл «казачьим генералом» за его жестокость. – См. *Vilkuna*. S. 567.

[417] Формально И.М. Греков поступил в полк в 1706г. и раньше исполнял обязанности командира полка, вместо князя А.И. Волконского, командовавшего бригадой. В общей сложности Греков командовал полком 22 года, т.е. с 1709г. (*Червинский* С. 85).

[418] Имеется в виду капитан Елагин Василий Богданович, служивший в Вятском полку с момента основания, ранен при Лесной, награжден медалью «Достойному – достойное». (Червинский. С.37-38)

с голоду уморить себя не захочет» (***Карпущенко.*** С.75-76). При таком отношении и командиры меньшего ранга старались не обращать внимания на поведение своих подчиненных.

В тоже время, Х. Кувая отмечает, что нет абсолютно никаких доказательств того, «что русские отрезали женщинам груди и насаживали младенцев на изгороди», имея в виду, безусловно, в первую очередь казачество. (***Кувая,*** 192-194)[419]. Но рождение мифа о «зверствах» казачества было на руку и русскому командованию. Появился действенный аргумент «убеждения» противника.

3.2.6. Десанты в Швецию. 1714-1721 гг.

Морские десанты в Швецию начинаются сразу же по выходу русских войск и галерного флота в северную часть побережья Ботнического залива. Первый десант в количестве 800 чел. высаживался с 11 сентября по 15 октября 1714 года из Ваасы в Умео. Возглавлял партию генерал-майор Головин. Вполне допустимо присутствие некоторого количества казаков на галерах, необходимых для ведения разведки и преследования отступающего противника. Высадившиеся русские опустошили дома, квартал за кварталом, сожгли город, погрузив все ценное на галеры, не забыли ограбить и собор – взято 11 бронзовых паникадил и другие украшения. (Материалы. Ч.I. С. 565-568)

В 1715 году происходят две десантные операции: в июле-августе с кораблей высаживается партия на Готланд, в декабре в районе Кеми. В обоих случаях были взяты пленные, а города и деревни, встретившиеся на пути, подверглись разорению.

В 1716 году была подписана конвенция с Данией о совместных десантах против Швеции. С этой целью из Либавы в Копенгаген было переброшено 5000 чел. во главе с самим Петром I. (***Соколов.*** С. 280). Кроме этого, планировалось перевезти весь русский корпус из Мекленбурга на остров Зеландия – 37 пехотных батальонов и 3 драгунских полка (26 000 чел.). и осуществить одновременно две десантные операции – в Сконе и галерным флотом из Або высадиться севернее Стокгольма. (Материалы. Ч. II. С. 84-85, 97-98, 100-103, 112-121; Материалы: Журнал Сенявина. С. 46.; Журнал Апраксина. С. 85-86).

---

[419] Крупнейший финский историк Матти Клинге также полагает, что за исключением Остроботнии, единственной провинции, где развернулась партизанская борьба и репрессии имели место, российские оккупационные власти проводили гуманную политику, а генерал-губернатор князь Голицын заслужил прозвище «Финский Бог». *Klinge M.* Some observations about the Battle of Poltava // Poltava 1709-2009. p 19.

Совместных действий на юге Швеции с датчанами не получилось, но 31 августа из Копенгагена Петр I отправил 5 галер с казаками, которые высадились в Сконе, и взяв языков, благополучно вернулись. Учитывая то, что конные галеры могли взять от 16 до 40 лошадей, количество казаков участвовавших в налете от 80 до 200 чел. (***Веселаго.*** 1875, С. 290).

На севере Апраксин действовал более решительно. В начале 1716 г. русские галеры вновь появились в северной Вестерботнии, у Торнио. Армфельд двинулся было защищать город, но получил известие о возможном переходе русского отряда в 2000 человек из Ваасы через Кваркен по льду, ибо залив покрылся крепким льдом. В результате в Торнио пошла одна кавалерия, а шведская пехота вернулась в Умео. Русские уничтожили шведскую конницу, а затем сожгли город.

В августе у Евле (на границе провинций Хельсингланд и Уппланд) пытался высадить десант бригадир Менгден, а в проливе Греин-сунд – майор Кисловский, но обе партии встретили сильное сопротивление и ушли.

В декабре русские галеры вновь появились на севере Ботнии и 4 раза пытались высадить казачьи отряды по 500 чел. Удачной была высадка в районе городов Каликс, Лулео и Питео, где казакам удалось вывести имущество из нескольких деревень и хуторов. (Материалы: Журнал Апраксина. С. 120).

В 1717 году Апраксин руководит операцией корабельного флота и высаживает 900 человек на Готланд. Высадка длилась более месяца – с 4 июня по 16 июля. Русские прошли вглубь острова на 5 миль (50 км), захватили много пленных и крупного рогатого скота. (Материалы: Журнал Апраксина. С. 136).

Несколько высадок осуществлено летом – на остров Хольмё, и ряд других островов близ Умео, а также на остров Остергарден. Педантичность в учете похищенного имущества поражает: «4 колокола, 9 перегонных кубов с крышками, 40 котлов железных и медных, 1 сковородка..., 5 тазов медных, 18 шандалов (большой подсвечник – А.Ш.) медных, 2 жаровни, 2 подблюдника худых, 1 кадильница, 1 коробка и 3 плиты..., 28 тарелок, 15 кружек, 4 чашки, 6 шандалов, уксусница, трубка, фонарь, 9 наволочек с перин, 8 простынь, 13 юбок разных цветов, 3 юбки суконные черные..., плащ пасторский, фартук, попона, 6 чепцов черных, шапка пасторская, 2 полавочника...» и т.д. (Материалы: Журнал Апраксина. С. 134)

Шведский историк П.Б. Ригнер сообщает об очередной высадке русского десанта из 600 драгун и 300 казаков в согне (уезде) Торнео в

начале 1717г., который частью уничтожил, частью оттеснил местных ополченцев на север, в направлении Лаппмаркена. После этого противник рассеялся по территории согнов Торнио и Каликса, «с особой жестокостью убивая и подвергая жителей насилию: несколько усадеб было сожжено вместе с живыми владельцами и домашним скотом. (Regner. S.7).

24 мая 1919 г. отряд капитан-командора Фангофа высаживает десант на остров Эланд с целью взятия языков. Присутствие в море значительных шведских сил заставило Фангофа снять десант и удалиться.(Материалы. Ч. II. С. 373-374).

В июне начинается самая крупная десантная операция против Швеции. В ней участвуют 132 галеры и более сотни островских лодок[420]. Численность десантного корпуса около 26000 чел. в т.ч. и казаки. 11 июля галерный флот под общим командованием Апраксина прибывает к острову Капельшер (около 70 км от Стокгольма). Десантный корпус разделяется: 21 галера и 12 лодок отправляются под командованием П.П. Ласси севернее Стокгольма и осуществляют высадку близ деревни Лёфста, а также острова Капель и Грин. Затем флотилия направляется к Нордчепингу и осуществляет высадку нескольких партий для уничтожения заводов и рудников. В проливе Стокзунд, ведущему к Стокгольму высаживается по обе стороны пролива по три батальона под командованием князя Баратынского и Стрекалова. Всего было высажено 16 десантов. (Материалы: Журнал Апраксина. С. 156-166)

Результаты опустошительной операции впечатляют – 8 городов, 140 с лишним усадеб, 21 завод и т.д. (Журнал Ч.II. С. 109-112). Профессор В.Е. Возгрин приводит и шведские данные, которые, по его мнению, количественно не отличаются от русских. Это на первый взгляд незначительное, но весьма важное замечание. Все, что захватывалось русскими десантами, тщательно фиксировалось канцелярией Апраксина. Мелочность, но педантичность во всем уже приводилась в пример. Исходя из этого, можно предположить, что добыча, захваченная казаками, была незначительна, ибо она не фиксировалась армейской канцелярией. Да и главное, было то, что казаки не дошли все лишь 10-12 верст до Стокгольма («милю с четвертью» – Генеральное известие воинским действам Его Царского Величества всероссийского галерного флота настоящая кампания 1719. – РГАДА. Ф. Сношения

[420] Парусно-гребное плоскодонное судно, длиной около 25.5 м, ширина 7.3. Вооружение 6 пушек и 12 фальконетов. Экипаж около 100 человек. Считается, что свое название они получили по Островскому полку.

с Голландией. Д. 2-б. С. 10) Именно приближение казачьих партий к шведской столице побудило королеву немедленно активизировать переговорный процесс с Россией. (Веселаго. 1875. С. 316-328). То, что казаки принимали участие грабеже и поджогах, в этом сомнения нет, однако, их количество (около 1000 чел. – Грамоты М. Прянишникова. С. 141) и те задачи, которые они должны были решать по замыслу русского командования – выйти к окраинам Стокгольма, на все остальное оставляли слишком мало времени. Ущерб от действий казаков был минимален по сравнению с регулярной русской армией.

Немецкий историк И.Г. Рабенер в своем объемном труде, посвященном Петру Великому, приводит шведские данные об опустошении побережья в 1719 году. В них подтверждаются те же 8 городов, 141 дворец и усадьба, 1363 деревни и хутора, 43 мельницы, 26 складов и магазинов. Здесь же приводится количество вывезенного крупного рогатого скота – по 700 голов на каждые 20 галер. Тех быков и коров, что не смогли вывезти, русские перебили в количестве 100 000 голов. (***Rabener J.G.*** S.542). Цифры вызывают определенные сомнения. Учитывая то, что в составе флотилии Апраксина было около 132 судна, не считая лодок, то русские должны были вывезти около 4600 голов скота, да еще не менее 1000 собственных лошадей, если принять во внимание количество казаков. Даже самые большие конные галеры брали на борт максимум 40 лошадей. Скорее всего, было вывезено именно 700 коров, хотя в своих документах русские источники говорят о взятом железе и меди, «сколько возможно было положить, а прочее великое множество в воду побросано». Что касается остального, «как хлеб, так и скот, и прочее, что к провианту и пользе неприятеля служить могло, истреблено и сожжено». (Генеральное известие... С. 6). Да и принимая во внимание цифру разоренных деревень и хуторов – 1363, нужно понимать, что под деревней в Швеции называлось поселение, состоящее от трех до десяти дворов. Таким образом, цифра в 1363, скорее всего, соответствовала числу сожженных дворов. Среднее количество крупного скота, приходившегося на один двор с учетом волов – 8-10 шт., т.о. общее количества скота в разоренной местности было около 10000, но не 100 000 голов.

В современной Швеции при населении в 8.7 млн. чел. (1993г.) поголовье крупного рогатого скота 1.7 млн. (1994г.) – (БЭС. М., СПб., 1998. С. 1366-1367), даже не вдаваясь в подробности превосходства агропромышленного комплекса XXI века по сравнению с XVIII веком, путем простой интерполяции мы можем предположить, что в 1700-е годы количество крупного скота было около

400 000 голов во всей стране. Чтоб одна десантная операция на побережье Ботнии уничтожила четверть всего поголовья, представляется сомнительным.

В 1720 году осуществлен повторный набег на шведское побережье из Вазы (Ваасы). В самом конце апреля высадился в районе городов Старый и Новый Умео отряд бригадира Менгдена в составе 6120 пехотинцев и 162 казаков на 35 галерах. Менгден произвел разведку побережья, разорил два города – Старое и Новое Умео, 41 деревню, склады и 8 мая благополучно вернулся. При этом было захвачено несколько каботажных судов и вывезено 900 голов скота. (Материалы. Ч. II. С. 476-478. 487-488). Количество захваченного скота с учетом реквизированных плавсредств вполне похоже на правду.

В самом конце войны высадку между Гёфле и Питео осуществил П.П. Ласси с 5000 пехотинцами и 450 казаками на 30 галерах, 9 лодках, 33 шлюпках и 1 боте. Его отрядом разрушены один оружейный и двенадцать металлургических заводов, сожжены три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 дворами. (Материалы. Ч. II. С. 569, 593-596, 598-599). Этот десант стал последней каплей, принудивший Швецию закончить непосильную для нее войну с Россией.

30 августа в Ништадте (финс. –Уусикаупунки) был подписан мирный трактат завершавший Великую Северную войну. Отдельный пункт (№2) этого документа был посвящен и казакам: «Имеет еще с обеих стран генеральная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны с одной или с другой страны неприятельского или противного хотя оружием или инако предвосприято, произведено и учинено, так чтобы никогда о том упомянуто не было. Наименьше же, чтоб кто в которое нибудь время то злом мстил, и имеют все и каждые высокого и низкого чина подданные или чужестранные, какого народа они б ни были, которые во время сея войны у одной которой партий службы приняли и чрез то против другой неприятельски поступили, (кроме тех Российских казаков, которые Свейским оружием следовали; ибо оным Его Царское Величество, дабы в сию генеральную амнистию включены были, не смотря на все с Свейской страны учененные представления, не позволяет, ниже позволить хочет), прочие же все сию генеральную амнистию всемирно внесены и включены быть так и таковым образом что всем обще и каждому особливо тот их поступок, никаким образом впредь не имеет причтен быть. Наименьше же им ради того ни малейшее оскорбление причинено; но права их и справедливости,

им принадлежащие, оставлены и возвращены будут» (ПСЗ Т. VI № 3819).[421]

3.3. ПЕРСИДСКИЕ ПОХОДЫ ПЕТРА I. 1716-1723 ГГ.

Их можно назвать последним аккордом той непрерывной кровопролитной военной симфонии, которая звучала на протяжении всего царствования Петра I. Прорубив достопамятное «окно» в Европу на Балтике, растеряв шансы выхода к Черному морю из-за злополучного Прутского похода, царь обратил свой взор на Восток, точнее на Каспийское море, желая утвердиться, как на западном, так и на восточном его берегах. Овладеть Каспием означало восстановить торговый путь из Индии, Центральной и Средней Азии в Европу, что было весьма полезно и для русских купцов и, в целом, для Российской империи. Для этого необходимо было встать твердой ногой на Кавказе, чтобы иметь сильное влияние на персидские провинции, прилегающие к Каспийскому морю. Еще в 1700 г. астраханскому воеводе Мусину-Пушкину было приказано завести торговые отношения с тарковским шамхалом.[422] Полтавская победа и Прутский поход, неудачный в военном отношении, но принесший, несмотря на территориальные потери, определенную политическую стабильность на южных рубежах[423], развязали руки Петру I в осуществлении его устремлений на Восток. В 1711 г. он приказывает укрепить Терской городок, переселяет часть гребенских казаков на левый берег Терека, тем самым положив начало терской линии (Шишкевич 2003 с. 442-443). Этим объясняется и его снисходительность к религиозным чувствам местных казаков-старообрядцев, о чем уже рассказывалось в соответствующей главе.

В мае 1714 г. последовал Высочайший указ Сенату о посылке для «розыскания устья Аму-Дарьи[424] капитан-поручика кн. Черкасского, и

[421] В 1743 г. уже императрицей Елизаветой при подписании очередного мирного трактата со Швецией этот пункт будет вновь подтвержден с небольшими изменениями, касающимися даже выросших за время прошедшее после Северной войны детей – «кроме тех Российских казаков и детей их, которые Свейским оружиям следовали» (ПСЗ Т. XI, № 8748).

[422] Шамхал – титул правителей кумыков в Дагестане, игравших весьма важную политическую и военную роль в кавказском регионе. Тарки – столица его государства, располагавшаяся в 4 верстах от современной Махачкалы.

[423] Турция не имела ни малейшего желания продолжать конфликт, крымский хан без поддержки Стамбула не вызывал серьезных опасений.

[424] Имелось в виду старое русло Аму-Дарьи, известное под названием Узбой, когда-то впадавшей (до конца XVI в.) в Каспийское море в районе г. Красноводска, ныне г. Тур-

с препровождением его доношения, заключающего в себе предложение подчинить России Горские народы, построить крепость на Каспийском море и заключить оборонительный трактат с Персидским шахом» («Материалы Военно-учетного архива Главного Штаба»/ под редакцией А.Ф. Бычкова. Том I. СПб., 1871, с. 197-202).

Первая экспедиция была совершена весной 1715 г. «для собрания предварительных сведений». Бековичу-Черкасскому было выделено 16 судов и 1500 чел., в том числе 100 яицких казаков с атаманом Иваном Котельниковым, к которым чуть позднее присоединилось еще 500 с атаманом Зиновием Михайловым (Витиевский 1879. С. 424).

По окончанию первой экспедиции капитан-поручик А. Бекович-Черкасский[425] в начале февраля 1716 г. прибыл к Петру I, находившемуся в Либаве, представил карту обследованного побережья Каспия и получил указ продолжить начатое, но уже в ранге официального посланника, а также заложить необходимые крепости с гарнизонами на восточном побережье Каспия, для чего назначить в его распоряжение 4000 чел. (два пехотных полка, один драгунский), а также яицких и гребенских казаков. (Указ от 14 февраля 1716 г. Капитану гвардии князю Черкасскому: Об осмотре рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья, и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в подданство России. ПСЗ т. V. СПб, 1830. № 2993 с. 197-198).

В том же году к А. Бековичу направлено 1102 яицких казака с атаманом Никитой Бородиным, в следующем, 1717 г., еще 368 казаков, хотя было предписано Войску выставить 448, но собрать требуемое количество не удалось (Витиевский 1879, с. 425). Таким образом, под его началом было 2070 яицких казаков, из которых 500 были отпущены в Гурьев, 33 числилось сбежавших (Там же, с. 406).

В 1716 г. А. Бекович отплыл морем из Астрахани на восточное побережье Каспия, где заложил крепости – Александровскую, Красноводскую,[426] Св. Петра на мысе Тюр-Караган, и у входа в заливы

кменбашы (Туркменбаши). Существовала легенда, что в незапамятные времена народами, населявшими Хивинское ханство, была построена плотина, прекратившая доступ Аму-Дарьи (через Узбой) в Каспийское мире. Помимо поиска пути в Хиву и Индию, кн. Бековичу-Черкасскому было поручено разузнать о слухах, связанных с добычей золота в верховьях Аму-Дарьи, хотя, безусловно, главной целью последующей экспедиции было установление торговых путей и связей. Параллельно с отрядом Бековича-Черкасского, в 1714 г. из Тобольска направлена еще одна экспедиция И.Н. Бухгольца в Китайский Туркестан, в г. Яркенд, с аналогичными задачами.

[425] Был одновременно произведен в капитаны.

[426] Ныне г. Порт-Шевченко и г. Туркменбашы (бывш. Красноводск).

Александровский и Балханский. (Потто 1899 Т. I. С. 12). В основанных укреплениях А. Бекович оставил три полка во главе с полковниками Хрущевым и фон дер Верденом, после чего вернулся назад в Астрахань. Судьба оставшихся гарнизонов печальна – в Александровской (Тюр-Караган) умерло 500 чел., на Красных Водах в двух полках осталось в живых 200 чел., 700 было больных, остальные умерли (Материалы... , Бычкова, Т. I., с. 301-302).

К весне 1717 г. в устье Яика (Урала), близ Гурьева, собрался основной отряд экспедиции в 3000 чел., среди которых было 1500 яицких и 500 гребенских казаков (Попко 1880. С. 97-101)[427]. Поход начался в июне 1717 г. и продолжался около 7 недель, в течение которых удалось преодолеть почти 1400 верст в направлении Хивы. Вперед был отправлен астраханский дворянин Кирейтов с сотней казаков, с письмом и подарками хивинскому хану для подтверждения мирных намерений экспедиции. Однако, всю экспедицию ждала гибель.

Существует версия о том, что к этому приложил руку небезызвестный калмыцкий тайша Аюка из-за личной обиды на князя А. Бековича-Черкасского. В 1715 г. кубанские татары напали на калмыцкого тайшу неподалеку от Астрахани, находившийся рядом с отрядом солдат Бекович-Черкасский не оказал помощь, сославшись на отсутствие у него царского указа вступать в боевые действия с кубанцами. Калмыц-

---

[427] А. Керсновский пишет о целом эскадроне из пленных шведов в составе экспедиции А. Бековича (Керсновский 1999. т. 1, с. 47). Это вызывает сомнение, возможно, некоторое количество шведских офицеров, (точнее сказать, немецких – майор Франкенберг, подпрапорщик Вегнер и др.), и присутствовало в составе партии, но не в таком количестве. После сдачи в плен шведской армии в числе прочих было взято 3 немецких вербованных драгунских полка, которым предложили перейти на русскую службу, правда, в ультимативной форме – «ежели немцы не пойдут, будут содержаны в неволе, как природные шведы» (Бумаги фельдмаршала Б.П. Шереметева//Сборник Русского Исторического общества. СПб. 1878. Т. 25. №193. С. 154). В результате около 3 тыс. немцев (т.е. практически все 3 полка в полном составе) изъявили желание поступить на русскую службу и их отправили в астраханские и казанские земли. В 1722 г. их представители прибыли в Москву и пытались добиться отправки домой, но, как принявших присягу, их сушать никто не захотел и даже арестовали. Отпускать домой начали только в 1725 г. (Шебалдина 2002. С. 57-60). В экспедиции И. Бухгольца действительно состояли шведы, находившиеся в плену в Сибири, которых активно привлекал к службе губератор М.П. Гагарин (Шебалдина, там же, с. 59; Коваленко Г.М. 122-127). Использование же крупного контингента пленных немцев или шведов (эскадрона) в партии А. Бековича представляется маловероятным, хотя в донесении поручика Оренбурского драгунского полка Д. Гладышева фигурируют некоторые иноземцы, находящиеся в хивинском плену (см. далее по тексту). Однако, в допросах нескольких избежавших плена и вернувшихся обратно яицких казаков упоминаний о большом количестве иностранцев в составе их отряда нет.

кий правитель жаждал мести и, узнав об отправке экспедиции, выслал гонцов к хивинскому хану с известием о том, что русские идут отнюдь не с добрыми намерения. Против этой версии говорят письма Аюки от 5 марта 1717 г. о возможном нападении на отряд Бековича «Бухарцев, Каракалпаков и Хивинцев», а также от 16 мая 1717 г. на Красноводскую крепость (Материалы... Бычкова, I, с. 292-293, 297). Соловьев сообщает о награде (на 20 тыс. руб.) хивинскому хану от персидского шаха за уничтожение русской экспедиции (Соловьев. Т. XVIII. С. 35).

К 15 августа 1717 г. экспедиция вышла к Аму-Дарье. Вот, что рассказывал сбежавший из плена гребенской казак Червленного городка Иван Демушкин: «До Аму-Дарьи киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да мы их оба раза, как мякину по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы, как понажмем поганых халатников да погоним..., так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы потом эти шесты..., да и после на дрова рубим и каши варим» (Рассказ гребенца Ивана Демушкина о походе князя Бековича-Черкасского на Хиву в 1717 году // Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске «Терцы». Составил А. Ржевуский. Владикавказ. 1888., с. 41).

Выйдя к Аму-Дарье, экспедиция окопалась и три дня выдерживала атаки нескольких тысяч хивинцев[428], потеряв при этом всего 10 человек драгун и казаков. Хивинский хан Ширгази, убедившись, что силой ничего не решить, начал переговоры. Бекович согласился и совершил огромную ошибку, отправившись в ханский дворец в сопровождении отряда из 500 человек, в т.ч. 300 гребенских казаков. Однако, и этот отряд был разделен на две части, якобы для удобства расквартирования, а затем уничтожен. Такая же участь постигла и остальных. Бекович или под пытками или по собственной неосторожности, поддавшись уговорам хана, несколько раз посылал письменные приказы оставшемуся за него с основным отрядом майору Франкенбергу разделиться на небольшие отряда и встать на те квартиры, что будут им указаны. Лишь с четвертого раза и только под угрозой военного суда майор согласился выполнить приказ.

Что сталось с ними? Судьба большинства трагична. Удалось спастись немногим, их имена зафиксированы протоколами допросов: яицкие казаки Уразметя Ахметев (татарин, 7.10.1717 г.); Федор Емельянов и Михаил Белотелкин (11.10.1717 г.), кто-то бежал намного

[428] От 15 000 до 24 000 по разным источникам.

позже, как гребенские казаки Иван Демушкин и Петр Стрелков Щедринского городка (Потто 1899, с. 5), яицкие – А. Барсуков и Т. Новинский (Железнов 1888, с. 72-119), подпрапорщик Иоганн Фридрих Вегнер был выкуплен в 1736 г. греческим купцом (ПСЗ Т. IX, № 7072, с. 949-950).

Попавший в бухарский плен в 1774 г. унтер-офицер Ефремов рассказывал, что из партии Бековича 100 человек, видимо казаков, были отобраны в личную охрану Абул-Феиз-хана. Им повезло больше. Известия о судьбе остальных противоречивы. В донесения Оренбургскому губернатору кн. Урусову от 30 апреля 1740 г. значилось, что к этому времени оставалось 24 человека живых из отряда Бековича, которых освободил правитель Персии Надир-шах, оделил их деньгами и лошадьми для возвращения в Россию. (Веселовский 1881. С. 2-3). А вот Оренбургского драгунского полка поручик Дмитрий Гладышев, совершивший поездку из Орска в Хиву в 1740-1741 гг. сообщил о том, что он «уведомился от имеющегося там в плену яицкого казака Андрея Бородина, что в оном городе Хиве содержится в плену, взятых из команды Бековича, как русских, так и калмык и иноземцев, с три тысячи человек, о которых он доподлинно знает, потому что их весною выгоняют на работу для чищения кругом города Хивы каналу; да сверх оного с 500 человек таких же пленных имеется в Аральском владении».[429] (Безгин 1891, с. 99-100).

Неудача хивинской экспедиции не отвратила, однако, видов Петра I на каспийские провинции. В качестве повода были использованы мятежи в персидских приморских провинциях, угрожавшие безопасности русских пределов, и 18 июня 1722 г. была объявлена война. 22 000 пехотинцев на 274 кораблях вышли из Астрахани под начальством Ф.М. Апраксина. В авангарде эскадры был сам Петр I. Конница должна была двигаться по суши. В ее составе было: 9000 драгун бригадира Кропотова, 4300 донских казаков с походным атаманом Иваном Матвеевым (Краснощековым) и 10000 малороссийских казаков миргородского полковника Даниила Апостола.

Еще на пути из Москвы в Астрахань Петр I встретился с калмыцким Аюк тайшой под Саратовым и потребовал выставить 10 000 всадников, но калмыки смогли обещать лишь 7000. При этом Петр приказал, «чтоб он послал одних калмык, а татар чтоб ни одного не было и хотя б

[429] Отряд Бековича-Черкасского состоял из 3000 чел., Гладышев говорит о 3500 через 13 лет. Скорее всего это общее количество пленных, находившихся в тот момент в Хиве и захваченных в период с 1717 по 1740 гг.

при них и некубанцы были». Очевидно, это распоряжение был связано с тем, что предстоящая война с мусульманским миром вызывала опасения царя в отношении надежности своих союзников или подданных из числа единоверцев противника. Таким образом, общее количество конницы достигало 22 000 чел. [430]

Высадка пехоты была осуществлена в день победы при Гангуте 27 июля в Аграханском заливе Каспийского моря недалеко от Терского городка. Кавалерия пришла несколько позже, задержанная Засулакскими кумыками в районе селения Эндери[431] (совр. Эндирей Хасавюртовского р-на Дагестана). Атаковавшие рускую конницу горцы был разбиты, Эндери захвачена и сожжена. В наказание за нападение Петр I приказал калмыкам вторгнуться за Терек и разорить как можно больше аулов (Потто 1899, с. 10-12; Шишкевич 2003, с. 445-448).

Соединившись с конницей, русская армия продолжила движение. 12 августа 1722 г. форсирована р. Сулак и состоялась встреча с шамхалом тарковским Адиль-Гиреем, который сойдя с лошади, приветствовал царя, поцеловав землю у его ног. Петр I пробыл в Тарках[432] до 15 августа, откуда отправил есаула и трех донских казаков с письмом к правителю соседних земель – уцмию Кайтага[433]. Посланники были зарезаны.

Собранный уцмием большой отряд кайтагов (до 16 000 чел.) напал на авангард армии, состоявщий из казаков Краснощекова и калмыков, но был разбит при поддержке пехоты. Это было не слишком сложно – противостоять регулярной армии скопища горцев не смогли. Петр отметил, что «бились зело удивительно: в обществе они не держались, но персонально бились десперантно, так что, покинув ружья, резались кинжалами и саблями». Все пленных царь приказал казнить в отместку за убитых казаков, посланных ранее к уцмию.

---

[430] В различных исследованиях называются различны цифры – до 20000 казаков, 30000 татар и калмыков (Керсновский, т. 1., с. 47-49; и др.). Количество казаков и калмыков известно из документов, как и отношение Петра I к участию татар в данном походе. Есть сведения об участии в действиях отдельных отрядов грузин, армян, черкесов, кабардинцев.

[431] Эндери состояла из 3000 дворов (Походный журнал за 1722 г. СПб, 1855, с. 99). Ряд историков полагают, что это бывшая древнейшая столица Хазарии – Береджер или Баранджер (Напр.: Семенов. 1895, с. 229)

[432] По преданию лагерь Петра I находился в 4-х верстах от Тарков, где впоследствии было поселение Петровское, Порт-Петровск, а ныне Махачкала.

[433] Кайтаги одна из народностей Дагестана, занимавшая территории к югу от Тарков (Махачкалы) до Дербента. Уцмий – титул правителя.

23 августа 1717 г. император торжественно въехал в Дербент. Но, в связи с тем, что шторм разметал транспорты с продовольствием, которые шли из Астрахани, приказал оставить в городе сильны гарнизон и вернулся назад в уье Сулака, где заложил крепость Св. Креста.[434] Здесь же было получено известие о новых волнениях в Дагестане среди кайтагов. Петр I немедленно отправляет на усмирение 1000 донских казаков и 4000 калмыков под командой атамана Ивана Краснощекова. В течение пяти ней, с 25 по 30 сентября они прошли все непокорные аулы, которые сожгли и разграбили, включая столицы уцмия – Утемишь (совр. с. Утамыш, в 65-70 км к югу от Махачкалы). Казаки возвратились с «богатой добычей, потеряв самое ничтожное количество людей и оставя кровавый след изрубленных тел и дымящихся остатков жилища». С этого времени Краснощеков становится «грозой Кавказа» (Броневский 1834. Ч. I. С. 280-282).[435] Заслуги донских казаков были отмечены 26 500 рублями денежного вознаграждения (Акты Лишина, I, с. 298; II. Ч. 1. с. 12).[436]

В целом, остальные боевые действия продолжались путем высадки пехотных батальонов десантами к городам Ряш[437] и Баку.

Казаки и калмыки были оставлены для поддержания порядка среди покорены народов. Для усиления вновь образованной линии по реке Аграхань и старой по Тереку было приказано переселить с Дона по 500 семей на каждую.

---

[434] Крепость Св. Креста (или Ставрополь по греч.) была построена в 20 км от устья Сулака. Разрушена в 1735 г. в связи с оставлением русскими войсками завоеванных провинций.

[435] Краснощеков был не только награжден, но и наказан. Во время своих кровавых рейдов от его отряда пострадали некие турецкие подданные, по жалобе которых было решено обязать Краснощекова выплатить им компенсацию в размере 10 тыс. руб., эту сумму походный атаман просил вычесть из причитавшегося вознаграждения. Но и этого показалось Петру I недостаточно – Краснощеков вместе с другим старшиной Данилой Ефремовым были арестованы и отпущены лишь 20 апреля 1726 г., в царствование Екатерины I (Акты Лишина II ч. 1. С. 12).

[436] В т.ч. и за переуступку лошадей, (как своих, так и захваченных в добычу), драгунам, в связи с обычными большими потерями в конском составе среди регулярных частей.

[437] Город Решт провинции Гилян, Иран. Взятие Решта должен был осуществить подполковник Н. Шипов с двумя батальонами пехоты, который сомневался в успехе операции со столь малыми силами. Существует легенда, что на это Петр I ему сказал: «Стыдись Шипов! Сенька Разин с 500 разбойников взял Рящ и держался в нем, а у тебя два батальона регулярного войска и ты боишься!».(Карцев П.П.. История Л.-Гв. Семеновского полка. Ч. 1. СПб., 1852).

Смерть Петра I, последовавшая в 1725 г., во многом изменила осуществление его первоначальных планов. Екатерина I хотя и отправила некоторое количество войск на усиление т.н. Низового корпуса, образованного еще волей покойного императора, но положение русских в занятых областях оставалось сложным. Шамхал тарковский, прежде принявший присягу на верность России, объединился с унцием кайтагским и начал непрерывные набеги на сулакскую линию.

Персидские походы Петра I были последней военной кампанией в его царствование.

3.4. ЗАКОНЫ ВОЙНЫ И ФИЛОСОФИЯ КАЗАЧЕСТВА

Жизнь казачества, определенная теми внешними условиями, в которых они находились, представляла из себя сплошную войну. Как же они воевали, как относились к войне? Существовали ли у них какие-то собственные законы, влияющие на правила и способы ведения боевых действий, и насколько они соответствовали (или нет) общепринятым.

Для начала, попробуем определить, какими документами регламентировались ***законы и обычаи войны*** в конце XVII – начале XVIII века, как в Европе, так и в России. Первую попытку определить и систематизировать правовые основы войны и мира осуществил голландский ученый XVII века – юрист Гуго Гроций (1583-1645). Его знаменитая работа – трактат «Три книги о праве войны и мира» увидела свет в 1625 году. Для нас интересны те положения его научного труда, где ученый старается хоть как-то смягчить ужасы войны, ограничивая право убивать даже в «справедливой войне» (Разин 1994, III, с. 520-525).[438] Нельзя убивать, пишет Гуго Гроций, «преследуемых роком, в частности примкнувшим к воюющей стороне вследствие принуждения» (Гроций 1956, с 694). «Всегда следует щадить детей, женщин, если они не повинны в тяжком преступлении, и стариков». Он приводит слова Александра Македонского в изложении Курция: «Я не имею обыкновения вести войну с пленными и женщинами; тот, кто возбуждает мою ненависть, должен быть вооружен». Следует щадить тех, кто посвятил свою жизнь исключительно священнослужению и наукам, а также земледельцев, торговцев, ремесленников. Нельзя убивать заложников, если они не совершили преступлений. Необходимо воздерживаться от всякого бесполезного сражения и от

[438] Гроций ввел понятия «справедливой» и «несправедливой» войн.

опустошений – уничтожения городов, сел, плодовых деревьев и т.п (Там же, с. 702-703).[439]

Почитателем Гуго Гроция был шведский король Густав II Адольф. Рассказывают, что его трактат о войне и мире, король возил все время с собой под седлом. Он добился привлечения Гуго Гроция на шведскую службу и на долгие годы сделал его посланником в Париже. В Швеции в 1621 году появился военно-судебный кодекс Густава-Адольфа, (т.н. «старошведский»), затем воинский артикул Карла XI 1683 года, (т.н. «новошведский»). И тот и другой документ, разрабатывались, несомненно, под влиянием трудов Гуго Гроция (Военная энциклопедия 1912, VI, с. 550).[440]

Напомним, что Швеция была страной протестантской, а самый знаменитый трактат Гуго Гроция о войне и мире был запрещен римским папой в 1627 году.[441] Таким образом, влияние его идей могло распространяться лишь на протестантские государства Европы. Шведские солдаты времен Тридцатилетней войны действительно отличались строжайшей дисциплиной и поведением, нехарактерным для войск того времени (Дюпюи 1997, Кн. 2, с. 459). Хотя, мне лично, это утверждение кажется довольно спорным, это касается, в основном, именно шведских и финских полков, и то только в отношении внутренней дисциплины, большую же часть армии Густава Адольфа составляли немцы, англичане, шотландцы и французы (Рюстов 1876, II, с. 4). В качестве подтверждения этому, в Музее Армии в Стокгольме представлено несколько живописных реконструкций, посвященных армии Густава Адольфа, которые иллюстрируют основной источник дохода солдат – грабеж. Там же представлен и еще один, подтверждающий это документ – подлинный отрывок из дневника солдата шведской армии с 1627 по 1633 гг. Армия лишь на треть, в лучшем случае наполовину состояла из солдат. При ней в огромном количестве состояли женщины и дети – семьи солдат, а также маркитанты и проститутки. И все это огромное количество людей требовало пропитания. В сутки было необходимо 17 кубометров пива (воду употреблять не рекомендовалось), 3 тонны мяса и 6 тонн хлеба. Держать армию на одном

---

[439] Г. Гроций, тем не менее, оговаривается в отношении детей, женщин и стариков – «если они не повинны в тяжком преступлении», что в условиях XVII в. могло рассматриваться, как угодно..

[440] Для нас еще интересен и воинский артикул 1683 года Христиана V Датского. Считается, что все эти законодательные акты оказали особое внимание на русские военно-уголовные законы.

[441] Этот запрет был снят только в 1900 году. См. *Разин Е.А.* III, Соч. С. 520.

месте долгое время было невозможно – вся местность подвергалась опустошению и грабежу, и, следовательно, нужно было все время передвигаться.[442] Кстати, после смерти Густава Адольфа дисциплина в его армии резко упала. Шведские солдаты и наемники заслужили «дьявольскую репутацию за точно такую же жестокость по отношению к мирному населению, как и армии их противников» ***(Lagerqvist*** 2006. S.64).

Что касается армий католических государств, то взгляды Гуго Гроция отнюдь не находили одобрения у другого военного теоретика позднего средневековья австрийского фельдмаршала Монтекуколи (1608-1680), который считал, что в наступательной войне дозволены все способы – «при том стараться лагерь и амуницию у него (неприятеля – ***А.Ш.)*** сжечь, всякий смрад и вонючий дым в лагерь к неприятелю бросать. Хлеб и сено на полях у него косить и топтать, мельницы и всякие заводы разорять, в реки и пресные воды всякую нечисть и погань бросать, заразные болезни в армию к нему вводить, а между неприятельскими солдатами всякими способами раздоры и несогласия делать» (Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки, М. 1760, с. 83-84). Набеги, поиски, сожжение деревушек он называет «безделицами» (Там же, с. 29). «Или ты его дави, или он тебя задавит. Ни милости, ни прощения в бою ему не давай, подлинно ведая, что от него в несчастии своем ни того, ни другого не получишь» (Там же, с. 225).

Армии обычно содержались за счет контрибуций с захваченных городов и мародерства. Один из известнейших полководцев того времени Валленштейн (1583-1634) в ответ на приказ германского императора набрать армию в 20 тыс. человек, объяснял, что 20 тыс. погибнут с голода, а с 50 тыс. солдат он может выступить в поход, потому что с таким количеством помощников можно налагать контрибуции во всех землях, т.е. осуществлять организованный грабеж (Разин 1994, III, с. 387).

Существовали целые корпорации наемников, которые кормились войной, и которые составляли армии, как протестантских, так и католических стран. Начало положили швейцарцы, а классический пример из этой области дали немецкие ландскнехты. Ни о каких моральных принципах речь в наемной армии этого периода даже не шла, война просто стала прибыльным ремеслом. Даже Н. Макиавелли (1469-1527), имя которого стало символом вероломства, изощренности и пренебрежения

[442] Краткий путеводитель по Музею Армии. Stockholm. 2007. С. 4-5

нормами морали, ради достижения и удержания власти, доказывал, что «люди... занимающиеся войной, как ремеслом, могут быть только дурными, так как в мирное время это ремесло их прокормить не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так нажиться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир. Ни та, ни другая мысль не может зародиться в душе достойного человека; ведь если хочешь жить войной, надо грабить, насильничать, убивать одинаково и друзей и врагов, как это и делают такого рода солдаты... Добровольцы из чужеземцев (наемники – ***А.Ш.)*** никогда не принадлежат к числу лучших солдат, наоборот, это – подонки страны: буяны, ленивые, разнузданные, безбожники, убежавшие из дома, богохульники, игроки, – вот, что такое эти охотники» (Макиавелли 1939, с. 30-40).

В результате Тридцатилетней войны германские княжества, где развернулись основные события, потеряли около 25% населения.[443]

Таковы основные военно-теоретические труды в области права на войне и применения их на практике в Европе в конце XVII в. Теперь очередь за русскими источниками.

Еще в 1606 году царь Василий Шуйский приказал дьяку Онисиму Михайлову написать книгу о том, «как подобает служить». Русская смута не позволила закончить этот труд ранее 1621 года, т.е. уже в царствование Михаила Романова. Так появился «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки». Автор, изучив и обработав значительное количество иностранных источников, наряду с рассмотрением вопросов тактики, организации, описания оружия и правил его применения, включил и пункт о поведении войск во время ведения боевых действий: «Да в дружней или супостатной земле чинити пощада: родильницам, старым и юным, убогим людям, и их не раззоряти, не грабити, ни крови их не пролитии, но смотря по достоянию дела» (Михайло 1777, Ч. 2, с. 52).

В следующем военно-теоретическом труде неизвестного автора «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (издан в 1647 году) указывается на необходимость русскому воинству иметь высокие нравственные качества. «Цесарское» же наемное войско представляет собой «угол всякого беззакония», и состоит оно из «таких бездельных людей, которым нигде места нет, и те все в войну бегут. И меж такими людьми услышишь всякое проклинание клятвы своры и брани, кражу и грабеж и всякие бездельные меры... И посмотри на иных людей при

[443] Краткий путеводитель по Музею Армии. Stockholm. 2007. С. 4.

наших временах и ты такого бесчинства не сыщешь как в германских, сиречь, цесарских регментах».[444]

Однако, на практике, военные действия московских войск также сопровождались бесчинствами по отношению к местному населению, даже родственному по крови и вере, как это было в случае войны с Речью Посполитой за белорусские и украинские земли. Пытаясь вновь вернуть расположение местных жителей, Алексей Михайлович срочно издает в 1655 году строгий указ: «И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь, а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу, который сожжет, быть казнену без всякой пощады» (Манжола 2006, с. 70).

Окончательно же правила поведения войск с пленными, а также мирным населением, были закреплены Петром I лишь в 1715 году «Артикулом воинским с кратким толкованием».[445] Этот законодательный документ вобрал в себя многое из предыдущих военно-теоретических трудов, в т.ч. и Онисима Михайлова, а также уложения Шереметева 1702 г., краткого артикула 1706г., а также шведского и датского артикулов 1683 г., и действовал это документ до издания в 1839 году военно-уголовного устава (Военная энциклопедия, Т. VI, с. 552). Отдельная глава Артикула посвящалась поведению солдат и офицеров при захвате территорий противника:

«Глава XIV. О взятии городов, крепостей, добычей и пленных.

Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали ***без позволения и указу*** грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в ***оном сдачею медлить и великий вред чинить будут.*** Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

---

[444] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. с. 29. Скорее всего, это был перевод одной из немецких книг по военному искусству. Историки не имели общего мнения о первоисточнике. Обручев называет его переводом устава Карла V, Бобровский – переводом учебника тактики Л. Фронспаргера, Мышлаевский – переводом «Военного искусства пехоты» Вальгаузена. Однако, все таки большинство склоняется, что это перевод книги капитана Иоганна Якоба фон Вальгаузена – военного писателя XVII в., советника принца Морица Оранского, который ввел в своей армии составленный Вальгаузеном воинский регламент (1615). См. *Обручев*. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России до 1725 г. СПб. 1853, С. 29; *Бобровский*. Военное право в России при Петре Великом. СПб.; 1886.; ч.2, вып. 2. С. 143; *Мышлаевский*. Офицерский вопрос в XVII в. СПб.; 1899.; С. 24.

[445] Опубликован вместе с Уставом воинским о экзерции, о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов. 30 марта 1716 года. – П.С.З. СПб., 1830, т. V, № 3006.

Арт. 105. Також де имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (***разве что инако от фельдмаршала приказано будет***) под смертною казнию. ...чести получить не можно оных убить, которые оборонитися не могут»...[446]

«Арт. 115. Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, ***неже без ведома генерала и позволения*** освобождать под потерянием чести и живота».[447]

Понятия «геноцид» и «военное преступление», как уже отмечалось, относятся к международным правовым категориям, приемлемым в XX-XXI вв. Отличие их состоит лишь в том, что второе рассматривает более частные, не масштабные злодеяния, хотя, когда дело касается жизни и смерти безвинных людей, подобные выводы весьма условны. На мой взгляд, довольно цинично рассуждать о том, какое должно быть количество жертв, чтобы подобные деяния перешли из одной категории преступлений в другую. Но, тем не менее, при всей жестокости войн средневековья и нового времени, когда не существовало международного права, как такового, к геноциду можно отнести лишь некоторые религиозные войны или эпизоды таких войн,[448] отличающиеся особой жестокостью, а также массовое истребление или обращение в рабов местного туземного населения при захвате колоний. В остальном, все ужасы войны, (а это и были ***законы и обычаи*** того времени – А.Ш.), относятся к современной категории «военных преступлений», ответственность за которые определяется уголовным законодательством государства, солдаты которого совершили данные деяния, и лишь частично в наше время находится в ведении Международного трибунала.[449] При этом, как мы уже убедились, все государства Европы, в том числе и Россия, начиная с XVII века, имели в своих воинских артикулах, прообразах военно-уголовного законодательства, статьи об ответственности за преступления против мирных граждан и пленных. Но, с некоторыми особенностями, специально выделенными мной курсивом: ***«разве что инако приказано будет» и «граждане...***

---

[446] Цит. по: *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 160.

[447] Там же. С. 161. Курсив автора.

[448] Варфоломеевская ночь, т.е. религиозные войны во Франции, Уманская резня – еврейские погромы на Украине, истребление турками славянских народов и греков и т.д. и т.п.

[449] БЭС. М.,СПб, 1998. С.217.

медлить… будут». Таким образом, во-первых, при наличии приказа, ответственность уже перекладывалась на плечи старших командиров, и чем выше был его ранг, тем она становилась все меньше. Это лишь в Нюрнберге станет международной нормой то, что выполнение преступного приказа является преступлением. А, во-вторых, формулировка – о «медлительности» гражданского населения «при сдаче» городов предоставляла полную свободу действий для победителей. Воистину: «Горе побежденным!»

И еще я хочу обратить внимание на один парадокс: в армии, где, казалось, все держится на одних лишь приказах и точности их исполнения, сама по себе сущность приказа иногда звучит очень расплывчато. Это приводит, порой, к ожесточенным спорам историков, которые в качестве аргумента, ссылаются на военные приказы. А они бывают письменные, да прочитать их можно по-разному, а большинство из них устные, особенно во время боевых действий, когда некогда писать что-то на бумаге. Вот и возникает масса противоречий, иногда необъяснимых.[450]

Причин, по которым страдали мирные жители, как правило, было три. Первая – военная добыча, ради которой отправлялась в поход армия, я имею в виду простых солдат, мало интересовавшихся другими целями похода. Даже если война была «справедливой» (по Гуго Гроцию), то целью ее было восстановить эту «справедливость», а затем «отмстить неразумным», естественно не забыв и о материальной компенсации. Вторая – это необходимость прокормить армии, что свою, что чужую;[451] и третья – «разорение» местности, (принцип «выжженной земли»), опять же, как своей, так и чужой, часто практиковавшееся в период Северной войны.[452]

Таким образом, можно заявить о том, что все европейские страны, включая и Россию, имели собственные военно-уголовные законы,

---

[450] Какие ограничения, к примеру, подразумевал приказ: «Разорить местность»? Вопрос риторический. Думаю – никаких!

[451] Иногда, особой разницы местное население не чувствовало. Вспомним потери германских княжеств во время Тридцатилетней войны – до 25% населения, крупное крестьянское восстание в Финляндии – «Война дубинок» (1596-1597гг.), вызванное грабительским солдатским постоем и т.д.

[452] См. закон Петра I «О предосторожности на случай вторжения неприятельского…» П.С.З.Р.И. СПб, 1830. Т. IV. №2155, С. 383-384. В тоже время, мы уже упоминали о том, что до Петра I принцип собственной «выжженной земли» не применялся, население оповещалось о предстоящем нападении, ему предлагалось уйти под защиту крепостных стен городов, но сжигать и уничтожать дома, имущества никто не приказывал.

провозглашающие на бумаге основные принципы гуманного отношения к мирному населению, пленным, раненым и т.д. Однако, на практике, подавляющее большинство полководцев легко ими пренебрегали, исходя из древнего постулата: «Победителей не судят!», а в заключаемых по окончанию войны мирных трактатах писали: «генеральная амнистия и вечное забвение, что во время... войны с одной и другой стороны... произведено и учинено, так чтоб о том упомянуто не было...».[453]

Но, подведем итог: все, что было изложено, относилось к тому, что называется регулярной армией. А как быть с иррегулярными частями, к которым относились казаки? Переход казачества в иной разряд вооруженных сил России был очень длительным процессом. Здесь можно называть различные отправные даты – 1570 год, когда вольные донские казаки получили царскую грамоту о службе России, 1721 год, когда казачьи части были переведены в ведение казачьей экспедиции Военной коллегии, указ Павла I 1798 года о приравнивании всех казачьих офицерских чинов к армейским, 1802 год – разработка первого Положения для казачьих войск, 1835 год – первая полевая инструкция для донских полков, 1838 год – первый строевой устав и так далее, вплоть до 1910 года, когда казачество было подчинено Казачьему отделу Главного штаба.[454]

Современные западные историки, как например Эрик Хобсбаум, анализируя социальную природу казачьих сообществ, (впрочем, как и морских пиратов), эпохи позднего средневековья, охарактеризовал их, как «социальных бандитов», а сами сообщества (читай – Во́йска) идентифицировал, как «social banditry».[455] «Социальный бандитизм» трактуется словарями, как ***нарушение закона индивидом или группой, не оцениваемое общественным мнением как преступление.***[456] То есть, сами казаки свои действия, имеется в виду против тех, с кем им приходилось воевать, никогда преступными не считали, что не противоречит истине, ибо преступление есть социально опасное деяние, определяемое законом того общества, где он принят, и подлежащее

---

[453] Параграф 2 Ништадтского мирного договора. ПСЗ. Т. VI. № 3819.

[454] *Агафонов О.* На службе России. // Родина. 2004. №5. С.17; *Безотосный В.* Кто такие казаки? // Родина. 2004. №5 С.10; *Марков О.Д.* Русская армия 1914-1917. СПб., 2001. С. 35.; Расписание казачьих и иррегулярных войск. СПб., 1910.

[455] «социальный бандитизм». См. *Hobsbawm E. Social Banditry // Rural protest: Peasant Movements and Social Change. 1974. P. 142-157.*

[456] См. Толковый англо-русский словарь "Экономика, социология, политология".

наказанию. В войну они вступали или вынуждено – защищаясь, или по постановлению своей высшей власти – круга, т.е. в соответствии с собственным законом, а позднее, когда казачество сделалось одним из сословий Российской империи, по Высочайшему указу, т.е. опять же по закону.

В общем-то, ничего нового, в этом мы для себя не обнаружили. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов – историки российской государственности смотрели на казачество позднего средневековья, как на силу, которая для России иногда была опаснее кочевых орд (Маркедонов 2004, с. 22). В противостоянии казачества и государства последнее виделось Соловьеву носителем цивилизаторского начала: «Против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб посредством него войти в европейскую жизнь, овладеть европейской цивилизацией, поднять родную страну... против этого раздался призыв Булавина: «Кто хочет погулять, сладко попить, да поесть, – приезжайте к нам!» И Соловьев и Ключевский залог благополучного развития российской государственности видели в укрощении степной стихии.[457]

Еще до Петра московское правительство с раздражением смотрело на непредсказуемые действия казачьих сообществ, что часто шло вразрез с русскими внешнеполитическими интересами. Подобное отношение Москвы, а за ней и Петербурга были не беспочвенны – на протяжении XVII-XVIII столетий казачество шло в авангарде мощных антиправительственных выступлений – Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева, а также прямых измен – Ивана Мазепы и Игната Некрасова (Безотосный 2004, с. 10). Поэтому очень часто к слову «казаки» прибавлялось характерное прилагательное «воровские».

Военные историки, как правило, не давали никаких оценок действиям войск, в т.ч. и казачьих, с морально-этической или правовой точки зрения. Но в западных источниках образ русского казачества давно являлся синонимом насильника и грабителя, варвара и убийцы. Уже в 1705 году, в Стокгольме, вышла первая книга, называвшаяся “Правдивый отчет о нехристианском и жестоком отношении московитов по отношению к взятым в плен высшим и младшим офицерам, слуг и подданных Его Величества Короля Швеции, а также их жен и детей<...>”, за ней, через два года, последовала другая, конкретно повествующая о физическом истреблении местного населения и разнообразных видах

[457] *Соловьев* 1959. Кн. 1 С. 61-62; Его же. 1984. С. 113-114. Его же. 1989. С. 592.; *Ключевский* 1937. Ч.1. С. 60.

насилия над ним – "Выдержка из письма, отправленного из Штенау 20 июля 1707 г., об ужасающих поступках московитских калмыков и казаков".[458]

В целом, на Западе представление о России, Московском царстве, было единообразным, формулирующим образ врага, который «готов к употреблению» всегда, даже в мирное время (Таркиайнен 2006, с. 57). Подобное, «западное» заключение было преобладающим не только в Швеции и Финляндии, но и других европейских странах, вступающих в военное противостояние с Россией.

В 1856 году, в период Крымской или, как ее еще называют Восточной войны, английская пресса открыто обличала русских в «варварстве, преступлениях и вероломстве», призывая нейтральную Швецию примкнуть к антироссийской коалиции, и даже опубликовав для пробуждения чувства национальной обиды известную гравюру М. Бакуа, запечатлевшую разгром шведской эскадры у полуострова Ханко (Гангута)[459].

В своих примечаниях к «Истории конницы» Денисона прусский военный историк Г. Брикс (1879г.) также пишет о «безграничной дикости, наклонности к грабежу и неповиновению» казаков (Брикс 2001, с. 131).

Польский историк Ф. Равита-Гавронский противопоставлял казаков – культурным полякам как «варваров, унаследовавших худшие инстинкты норманского владычества» (***Rawita-Gawronski*** 1906 I. s.5).

Современный немецкий исследователь Г. Махала, в статье «Россия и русские в карикатурах немецких художников 1870-1917гг.», отмечает, как «ассоциировалось русское казачество с карикатурным изображением добродушного казака с хорошо наточенным ножом, символизирующего Россию, ведь Россия, преследуя свои цели, рассчитывала получить определённые владения в европейской части континента» (Mahal 2000, s. 381).

Помимо литературных описаний зверств казачества по отношению к мирному населению, выпускались во множественном количестве гравюры XVIII-XIX вв., красноречиво демонстрирующие кровожадную сущность казаков. Это следует и напрямую из названий, на-

---

[458] Историография взята из статьи *Возгрина В.Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы VI ежегодной научной конференции. СПб.; 2005

[459] The sea fight of the old times. // Illustrated London Times. 5.01.1856.

пример «Казак-грабитель» или из того, что изображено на картинах – горящие дома, разбегающиеся в панике жители, преимущественно женщины, и, как обязательный атрибут – мешок с награбленным добром. Как правило, сами казаки изображены вооруженными до зубов, но одетыми в лохмотья. Прямо, как любил говорить знаменитый Тилли: «Оборванный солдат и блестящий мушкет!» – тем самым, считая, что главное в том, как содержит солдат свое оружие, а не в том, как он одет.[460]

Современная шведская и финская историография последнего десятилетия уже имеет общую точку зрения, о том, что Великое Лихолетье времен Северной войны, как и последующих конфликтов с Россией,[461] не было столь уж тяжелым временем, как их представляло народное устное творчество и ранняя историография, хотя нельзя отрицать и то, что грабежи, разорение и насилие имело место.[462]

Финский историк Х. Кувая задает вопрос о том, насколько русские солдаты были более жестокими, чем солдаты других армий, упомянув польскую кампанию Карла XII, опустошение провинции Сконе датчанами в 1677 г., рейд английской и австрийской армий по деревням Баварии в 1704 г., и затрудняется с ответом. Это действительно так. Оценить подобное невозможно с точки зрения морали. Это было бы сверх цинизмом. Но «все-таки можно утверждать», – Х. Кувая продолжает считать главными виновниками трагедии Финляндии казаков, – «что казаки не относились к цивилизованным (выделено А.Ш.) солдатам...» (Кувая 2006, с. 198), что только они, как истинные дикари, могли творить то, что описывают предания о великом лихолетье в Финляндии. При этом Х. Кувая соглашается, что «нет каких-либо доказательств того, что русские отрезали женщинам груди и насаживали младенцев на изгороди» или пики (Там же, с. 194), в отличие от того, что признают за «цивилизованными» солдатами

---

[460] Тилли Иоанн, граф, (1559-1632), австр. полководец, в 1618 г. главнокомандующий войсками католич. лиги; своими победами при Праге (1620), Вимпфене (1622), Гехсте (1622), Штадтлоне (1623) и Луттере (1626) доставил католикам перевес, В 1627 г. проник с Валленштейном в Шлезвиг-Голштинию, в 1631 г. взял Магдебург, но в сентябре 1631г. потерпел поражение от Густава-Адольфа при Брейтенфельде, в апреле 1632 г. умер от ран, полученных при Лехе. – См. *Разин 1994* Т.3. С. 375-417.

[461] Война 1741-1743гг. называется «Малое Лихолетье». – См. *Eino Jutikkalo – Kauko Pirinen*. A History of Finland. Helsinki. 2003. S. 234

[462] Кувая Х. приводит довольно большой перечень историографии с новым взглядом на Великое Лихолетье. См.:*Кувая* 2006.С. 198.

и генералами каролинской армии, а также «благочестивым» Карлом XII, сами шведы.

Позволю себе не согласиться с финским историком в вопросе ***цивилизованности*** казаков. Цивилизованность – это уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры. Некоторые историки, например, Л.Г. Морган (1818-1881), считали ее той ступенью, которая следует за ***варварством***.[463] Т.е., если следовать теории Моргана, ее рамки определяются зарождением ремесел и завершаются появлением письменности.[464] Отказывая казачеству в цивилизованности из-за тех способов ведения военных действий, которые были выработаны ими на протяжении столетий, или из-за исполнения ими приказов русского командования, надо не забыть еще и о том, что в ***цивилизованной*** Швеции и Финляндии той же эпохи десятками отправляли людей на костер по обвинению в колдовстве.[465]

Солдаты любой армии имели и имеют собственные представления о ***правилах ведения войны***. Поскольку войско это механизм корпоративный, то эти правила, помимо существовавших уставов, определялись еще приказами воинских начальников, а также тем уровнем общественных отношений, включая понятия морали, нравственности и гуманизма, в том числе и в религиозном аспекте, которые господствовали в обществе и оказывали свое влияние на армию, как на часть этого общества. Общественные отношения формируются государством, и государство воздействует на свою армию, не позволяя, насколько это возможно, обособиться и жить исключительно по своим правилам. В противном случае, это может стать опасным для самого государства. Именно по этой причине Петр I так стремился искоренить любое вольнодумство и инакомыслие среди всего казачества, подчинив их одной государственной идее и функции – войны, право на которую имеет лишь высшая власть, т.е. царь, император и т.д.

Как всякая армия, а казачество, бесспорно, было армией своих небольших, относительно других стран, но почти независимых от воли правителей Москвы, Варшавы или Стамбула, демократических сообществ-государств, казаки имели и собственные законы, хоть и не сведенные в некий свод, и собственное общественное мнение. Понятия долг, честь, определенные нравственные и моральные нормы, основанные, прежде всего, на Православии, им были не чужды, а на-

[463] БЭС. М., СПб., 1998. С. 755,1334.

[464] Там же. С. 179.

[465] Lagerqvist 2006. S. 85.

против строго соблюдались. Одновременно, они не могли быть тождественны тем законам, что применялись как в Европе, так и в Азии, ибо географически казачество находилось, как раз посередине между теми и другими. Непрерывные войны, которые вели казаки, постоянное чувство опасности, в котором находилось казачье общество, наложили определенный отпечаток на их мировоззрение. Чем жестче внешние условия, тем жестче и ответ на них. Действие равно противодействию и закон Ньютона абсолютно применим в нашем случае. Тем более, что основными противниками казаков были Крым и Оттоманская Порта, исповедующие совершенно другую философию, отличную от христианской. Набег татар или турок – ответный поход за «зипунами», и наоборот. Захват татарами или ногаями или турками пленных, продажа их в рабство, убийство, насилие над стариками, женщинами, детьми – ответные действия казаков не уступали по жестокости. И это отвечало моральным принципам, ибо они подкреплялись Святым писанием: «Око за око...», или принципом талиона, т.е. возмездия врагу причинением равного вреда, ущерба.

Попав на совершенно незнакомый театр военных действий, казаки руководствовались: во-первых, приказами русского командования, ибо они «крест целовали» и присягнули служить русскому царю; во-вторых, собственными представлениями о ***правилах и способах ведения боевых действий***, которые не могли отличаться от тех, что они знали до этого только по той причине, что других способов казакам было неведомо.

Российские историки также иногда придерживаются, на мой взгляд, чересчур жесткой позиции в этом вопросе, стараясь события, происходившие в XVIII веке, рассматривать через призму нравственно-этических понятий свойственных современному человеку с его шкалой человеческих ценностей и пониманием гуманности, основываясь на международных правовых актах XX века. Действия русской армии в период Северной войны профессор В.Е. Возгрин называет не иначе, как геноцидом по отношению к мирному населению, возлагая ответственность за это большей частью на казачество (Возгрин 2005, с. 284). При этом он ссылается и на мнение известного психолога доктора исторических наук Е.С. Сенявской, утверждающей, что привлеченное к походам Северной войны казачество, в отличие от регулярной армии, не обладало даже жалкими рудиментами средневековой рыцарственности и благородства (Сенявская 1995, с. 7-15). Жаль, что глубокоуважаемая госпожа Сенявская чересчур идеализирует понятие «рыцарственности», что на самом

деле тождественно другому понятию – «воинской чести», которое в свою очередь всегда находится в противоречии с нравственностью и моралью, ибо напрямую связано лишь с одним – с войной, самопожертвованием и убийством себе подобных.

Законы и судебное право казачьих сообществ имели прецедентный характер, т.е. отсутствовал некий писаный свод законов, правил, уложений, и все происходило «по обыкновению» – как жили, чем руководствовались, как судили раньше, как поступали всегда.

Условно все преступления делились на две категории – против Войска (общества) и против личности. К первым относились измена и самому Войску и Православию, причем не только поступками, но и высказываниями. Наказание было одно – смертная казнь, причем смерть лютая, позорная – повешение или утопление. Это правило распространялось не только на казаков, но и на любого чужестранца, совершившего подобное деяние. Ни о какой дипломатической неприкосновенности и речи быть не могло. Казнили и турецких послов, и не в меру зарвавшихся казаков – даже атаманов – представителей других Войск. Порой доставалось и посланцам Московского царя. Так сразу же после обвинения в шпионаже, на Кругу зарублен саблями турецкий посол – грек Фома Кантакузен и с ним 30 человек, бывших в его посольстве. За оскорбление Войска на судебном кругу убит запорожский атаман Матьяш и выброшен в воду. Когда в 1630 году русское посольство возвращалось из Москвы в Стамбул, казаки прознали, что до этого посланная в столицу казачья станица атамана Наума Васильева попала в немилость к царю и была сослана в Холмогоры. 18 сентября на кругу была зачитана царская грамота о том, что казакам сейчас нужно воевать с поляками, а не с турками (Мининков 204, с. 72). Обозленные ссылкой своих товарищей, казаки зарубили воеводу Ивана Карамышева, сопровождавшего посольство, придравшись к тому, что при чтении грамоты «против государьского имени шапку не снял, стоял, закуся бороду» (РГАДА. Ф. 89. Ед. хран. 1630. №5. Л. 114-115).

Тяжкими преступлениями считались оставление в беде или не оказание помощи. За это тоже могли приговорить к смерти.

Подобные казни считались позорными, так как ни повешенный, ни утопленный, не имели права быть похороненным на церковной земле, то есть на кладбище. Их не отпевали, а просто выкидывали из памяти, как самоубийц, не достойных «Царствия Небесного».

Аналогично поступали и с ворами. Правда, здесь четко различались понятия: «военная добыча» – с одной стороны, и «воровство» или «кража» – с другой. Все что захватывалось или грабилось (будем назы-

вать вещи своими именами) во время похода, не считалось зазорным, а тем более преступным. Это было нормой. Ради этого шли в поход, ради этого отдавали свои жизни. Со временем, конечно, менялись понятия, особенно начиная со второй половины XIX века, когда казаки все более и более переставали считаться иррегулярной кавалерией и казачьи полки заняли свое место (четвертых полков) в кадровых кавалерийских дивизиях. Но описываемый нами период истории, как раз отличался именно этим. Велась, так называемая «малая война», в которой принимала участие регулярная кавалерия (иногда и пехотные части) и казаки, сея ужас и страх на все население вражеской территории своими набегами. И драгунам и казакам разрешалось все – грабеж и насилие. Приказ звучал конкретно: «Разорить!» Они приводили скот для прокорма всей армии, привозили фураж, но и про себя не забывали, набивая добром свои возы. Даже размеры добычи иногда измерялись в казачьих возах.[466] Казаки не получали регулярного личного жалования в денежном выражении, как правило, жаловалось все Войско целиком, а не конкретные участники походов.[467] Кроме денег Москва платила за службу зельем (порохом) и свинцом, не забывая о хлебном вине.

Отдельные же походы казаков за «зипуном» (за добычей) имели строго определенные цели – отбить у неприятеля (турок, татар, ногаев и др.) надолго желание приближаться к казачьим территориям, опять же материально себя вознаградить за ратный труд, ... и привести женщин. Где разбой, там и торговля, и значительную часть торгового оборота составлял ясырь – живой товар – рабы. Казаки, сами – вольные люди, – работорговцы. Это относится и к донским, и к гребенским, и к яицким, и к малороссийским (украинским, запорожским) казакам. Однако, казачья торговля живым товаром, носила ряд особенностей, отличавшей ее, скажем, от работорговли турецкой и татарской.

Приведенные с собой пленники мужского пола или продавались в Россию, или, частично, оставались в качестве работников, со временем ассимилируясь с жителями станиц, а вот отсутствие женского населения сказывалось, поэтому женщины в большинстве своем волей-неволей, но становились казачками для продолжения рода. Недаром во все времена казаки считали, что от казаков берутся, вспомним спор у Шолохова в «Тихом Доне». Знаменитый атаман Иван Краснощеков, и во времена Петра Великого, прославился своими набегами на кубанских

[466] См. *Шпилевская Н.* Война России и Швеции 1741, 1742 и 1743 гг.

[467] До Указа Екатерины II от 4 декабря 1779 года.

татар. Известно, что из одного своего похода Краснощеков привел сразу десять тысяч женщин.[468]

Что касается работорговли, здесь необходимы некоторые пояснения. Считается, что казаки, никогда не торговали христианами. Взятый в полон христианин, тут же, получал свободу. Ясырь (пленников) составляли только мусульмане. Казаки никогда не продавали ясырей иностранцам, но только внутрь России. Причем, как ни странно, много рабов покупали крепостные русские крестьяне (Алмазов 2008, с. 150).

Вопрос продажи казаками в рабство христиан, не важно православного, лютеранского или католического вероисповеданий, очень часто упоминается многими историками, как главный аргумент дикости и абсолютного презрения к нормам общечеловеческой морали, и даже подчеркивается, что так не поступали с единоверцами мусульманские завоеватели. Однако, в какой степени относится это утверждение к различным казачьим сообществам? И здесь надо очень четко разграничить малороссийское (запорожское) казачество от других войск.

XVII век принес на Украину колоссальную раздробленность среди казачества. Не последнюю роль в этом сыграла и Русская Смута, и непрерывные казацко-польские, русско-польские, польско-шведские и другие войны. В запорожское (малороссийское) казачество влились толпы бежавших холопов, крестьян, за десятилетия разучившихся пахать, зато в совершенстве овладев воинским искусством, а вместе с тем и почуявшим жажду наживы, для которых не имело значения какой веры придерживался ясырь-пленные. Казачество Малороссии то поддерживало Польшу, то Швецию, то Россию, то Турцию, то дралось само за себя и между собой. И везде свои гетманы, которые вели непримиримую борьбу друг с другом, используя при этом любые способы сведения счетов. Часть запорожцев, (или малороссийских казаков, поскольку имели место частые переходы из Сечи в реестровые и обратно) усилиями иезуитов еще в XVI-XVII вв. стали шляхтичами и землевладельцами. Раз появляется земля, соответственно нужны холопы для ее обработки. Сажать на землю пленных татар и турок – бессмысленно, крестьяне из них никудышные, отсюда вывод: нужны свои православные или, на худой конец, поляки, русские, финны, ингерманландцы, эстонцы, латыши и прочая «чухна», как называли в те времена представителей всех этих народов. Последнему очень способствовали войны, которые шли между Россией, Швецией, Польшей, в т.ч. и Северная война, которую начал царь Петр. А до этого землепашцев или

[468] Картины былого Тихого Дона. СПб. 1909. С. 173

покупали, или пригоняли, как полон из тех регионов, куда забрасывала казаков ратная служба или самостоятельно организованные походы за «зипуном». Если появлялся избыток полоняников-христиан, их могли запросто и перепродать. Вокруг запорожского войска постоянно крутились купцы, в основном евреи и армяне, которые удивительно чуяли прибыток, несмотря на всю опасность нахождения рядом с казаками. Вспомните «Тараса Бульбу»! Несогласные с этим запорожцы ушли на Дон, где, по их мнению, казачьи обычаи еще были в чести.

Среди донского казачества, где преобладающее число православных было старой веры, продажа в рабство христианина категорически воспрещалось. Если в руки казаков попадались те, кто был уличен в перепродаже христиан на рынки Мальты, Алжира или Туниса, последних ждала страшная смерть на колу. При этом если это были армяне или греки, то приговор звучал, как «изменщиков веры Христовой», т.е. совершивших одно из самых тяжких преступлений. Ну а если попадались, кто из запорожцев, или иных «левобережных» или «правобережных» казаков – их казнили пострашнее перекупщиков. В исполнении этих казней принимали участие и запорожцы, жившие на Дону. Собственно, они и лютовали, отводя душу на, примазавшихся к казачеству, бандитах. То, что одни казаки переступали через казачье право и могли перепродавать христиан, стало первой трещиной между донскими казаками и малороссийским казачеством.

Ясырем для донских казаков могли быть только «басурмане». В 1653 году донские казаки наволокли на Русь столько рабов-ясырей, что ими переполнились все южные города, и воронежский воевода опасался, что в случае нападения на Воронеж крымцев, ясыри могут составить угрозу гарнизону, ежели, забунтуют.

Безусловно, говоря о казаках, о казачьем праве, как и обо всем XVII в., не следует идеализировать казачий гуманизм. И турки, и татары, и поляки, и, разумеется, казаки не уступали друг другу в жестокости. Песни донесли до нас описание изуверских казней, каким подвергали не только «басурмане» казаков, но и казаки «басурман» – «Азов город с боем брали, на стругах своих, с живых турок кожу драли, не щадили их!»

Таков был мир XVII столетия. И страшно, когда дикое средневековье вдруг просыпается сегодня, в XXI веке, например, в Чечне. Как это ни ужасно, но прав оказался Достоевский, когда заметил: «Только разреши с живых людей кожу сдирать, а охотники и мастера сразу отыщутся!»

В 1576 году азовцы-турки захватили сына донского атамана Миши Черкашенина – Даниила, и несмотря на все просьбы атамана о выкупе

или обмене, убили его. Это была месть мусульман за то, что в 1556 году, спустившись на стругах по Кальмиусу в Азовское море, он жег и громил крымские улусы, в 1559 году, со своей станицей, разбил крымцев на Северском Донце, и постоянно участвовал во всех боях с крымцами и азовцами, в частности, в битве при Молодях в 1572 г.

Согласно песенной традиции, азовцы нарушили ***воинские законы*** «исказнив дитенка малого», Черкашенин получает право на месть, и, в полном соответствии с казачьим менталитетом, реализует его. Не имея сил для взятия всего Азова, поскольку большая часть казаков занята на других войнах, он с малым отрядом нападает на Азов и берет предместье, где вырезает всех от мала до велика. Типичный пример международного «права», главный вопрос которого: кто начал первым?

Всякая война начиналась с того, что нарушался подписанный до этого мирный трактат, завершавший войну предыдущую. Подобные документы всегда сопровождались обоюдными заверениями и клятвами в нерушимости мира. Между христианами было принято «крест целовать». Соответственно, кто нарушил договор – тот преступил через «крестоцелование», т.е. отступился от клятвы Богу, можно сказать, стал еретиком и Бог должен его покарать руками стороны, взывающей к отмщению. Исходя из этого положения выстраивалась логика всех дальнейших действий – от адекватности (степени жестокости) возмездия до заключения нового мира – на каких условиях, кто был виноват, как произвести размен пленными – бесплатно или за выкуп и т.д. Если текстом трактата закреплялась чья-то вина в развязывании войны, то это давало противной стороне ряд серьезных преимуществ и при заключении мира и создавало прецедент на будущее – «они всегда клятвопреступники!»[469].

Вернемся к казачьему судебному праву. Собранная добыча делилась принародно, и не дай Господи, кому-то утаить часть ее. Пойманного просто казнили. Грабить можно было только по сигналу атамана – от одного его выстрела до второго. Неподчинение атаману наказывалось в зависимости от степени вины – от порки до смертной казни. На суде могли применяться и пытки, в основном битье кнутом. Длинный кнут, так и назывался «длинник» – отсюда слово «подлинник». Суд с поркой, правеж, творился прилюдно, потому что при свидетелях подтасовка фактов не проходила, а лишь выбивались из подозреваемого интересующие всех данные. После признания, уже следовало и на-

[469] Отношение донского казачества к войн против христианских государств рассмотрено в Ч. I.

казание. А могли ограничиться лишь предварительной пыткой, читай поркой. Применение пытки, как к себе самим, так и к противнику для получения интересующих казаков сведений, было делом обыденным.

Являясь с древних времен по сути своей военным демократическим государством, казачьи Войска стали сообществами воинов, слуг своего рода-племени, образовав единую касту, выполняющую специфическую функцию, передающуюся по наследству. При этом необходимо отметить, что рамки этой кастовости охватывали не только самих воинов, но и прочее население, включая женщин и стариков. При необходимости и стар и млад становились в строй и выполняли посильные военные задачи. Наряду с мужчинами сражались и казачки[470]. Здесь же зарождались и понятия о воинской чести, воинском долге и войсковом товариществе.

Долг, согласно современному определению, это практическое принуждение к поступку из уважения к нравственному закону, господствующему в обществе. Долг и честь уже относятся вместе к области морали, т.е. к такой форме общественного сознания, в которой находят свое отражение взгляды и представления, нормы и оценки поведения отдельных индивидов и общества в целом. Хотя здесь налицо явные противоречия между моралью общечеловеческой и моралью конкретного общества, особенно в вопросе самого понятия «воинской чести». Возникает профессиональная кастовая совокупность моральных норм, определяющая отношение к своему профессиональному долгу, к людям с которыми он связан профессией, к обществу в целом. Все это можно назвать одним словом – этика (Крапивенский, 1998, с. 235). В нашем случае это профессия, связанная с войной, где и мораль и нравственность становятся весьма условными.

Честь воинская, как сказано в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «понятие, трудно поддающееся формулировке». Необходимость ее, как условие военного быта, всеми осознается, как присущее любому войску и во все времена, но существо ее остается почти неуловимым. Честь воинская не есть понятие правовое, и не является нравственным принципом, по крайней мере, в существенной своей части не совпадает с этикой. (Вот оно и противоречие!) Понятие воинской чести состоят из двух частей – личной и коллективной. И если в личном плане слово «честь» имеет некую тождественность со словом «нравственность» – и то, впрочем, не всегда (в современном понимании), – то с

[470] Исключением здесь является Запорожская Сечь, представлявшая из себя подобие военно-монашеского ордена.

точки зрения чести коллективной, последняя может быть безразлична к вопросам нравственности, или быть просто безнравственной.

Современное понимание смысла воинской чести абсолютно упускает из виду самый главный составляющий элемент ее, основывающийся на чувстве самолюбия. Воинская честь – понятие, относящееся к особой социальной и профессиональной группе – к армии, к особому сословию, или ко всему обществу, если мы рассматриваем казачество. Главной функцией этого сословия, этой социальной группы, общества была и остается война, которая требовала от человека риска собственной жизнью, принесения высшего реального личного блага – собственной жизни – в жертву отвлеченному понятию об общем благе. Следовательно, необходим был такой стимул, который мог подавить в человеке чувство личного самосохранения. При этом он должен корениться в природе человека, ибо другое, взятое извне, не будет оказывать столь мощное воздействие, способное конкурировать с самым ценным благом жизни. Таким стимулом является чувство самолюбия, если хотите эгоизма. Да какой степени нужно было любить самого себя и своих товарищей, чтобы, не раздумывая, пожертвовать самым дорогим – собственной жизнью, и , соответственно, относиться к жизни другого человека! Общественное сознание вырабатывало стереотип мышления в отдельном индивидууме – честолюбие, когда война приобретала почетный, даже религиозный характер, а победители окружались ореолом славы и им воздавались всевозможные почести. Я не случайно упомянул религию, как самый мощный фактор воздействия на умы и особенно, когда мы рассматриваем казачество, «... ибо только заповедью Христовой – возлюбить ближнего своего так, чтобы положить за него свою душу, могут быть обоснованы и приятие оружия, и своя и чужая кровь, и муки ранения, и самая смерть» .[471]

Истоки такого самопожертвования легко находятся в менталитете степняков. Они закладывались именно в степи, когда, жертвуя одним человеком, или малым отрядом, идущим на встречу неисчислимому врагу, (или отрядом казаков, засевшим в обороне в городке и обреченном на гибель), спасалось все племя или все кочевье, получавшее возможность уйти или спрятаться. У казачества этот очень сложный мировоззренческий и поведенческий комплекс был осмыслен и освящен Православием, хотя само понимание добровольной жертвы, во многом опиралась на языческие представления о выкупе у божества. Одно-

[471] Краснов П. Армия. / /Русский колокол. Белград., 1928. №3.

временно хранившиеся в подсознании языческие культы племенного Бога были и военными культами (Токарев 1990, с. 352).

Соединение земных мотивов воинского долга и чести и небесных покровителей, которые могут одобрять или не одобрять поступков своих адептов, воздавая им посмертные почести, регулирует поведение индивидуума (Крапивенский 1998, с. 240).

Убийство врага, особенно такого же воина, в этих условиях приобретает характер жертвоприношения и никаких угрызений совести не вызывает, тем более, что это происходит в бою, где и победитель мог стать жертвой (Заец 2002, с. 134-135).

Насколько высоко было развито честолюбие, (читай, самолюбие) у казачества можно судить и по древнейшему казачьему обычаю, называемому «талах». Когда приближалась опасность к городку, к станице, и нужны были добровольцы, то если таким добровольцем вызывался семейный казак, атаман выкликал того, кто бы стал мужем для остающейся жены и отцом для детей, уходящего на верную смерть. Когда выходил на круг согласившийся, произносилось слово «талах» и доброволец уже как бы переставал существовать на этом свете. Иногда случалось и так, что казаку удавалось выжить в бою, но, вернувшись в свой городок, он уже не имел права воссоединиться с семьей.

Таким образом, в сознании укоренялось лишь одно понятие: все, что составляет войну с врагом, есть «честное» дело для воина, в этом его «честь», а наоборот, уклонение от боя, даже из чувства сострадания или человеколюбия – «нечестно».[472] Как это похоже на кодекс самураев и на их жизненную философию – «бусидо» – «путь война»! Сюда же можно отнести и спартанцев, чьи идеалы описал древнегреческий поэт Тиртей: «Славно ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши...» (Разин 1996, I, с. 134). Классическим примером формирования замкнутого круга воинов-профессионалов служит общественная структура древнеиндийского общества с его кастой воинов-кшатриев, кстати, обладавших и первым моральным кодексом профессионального солдата, где описывается и идея воинской чести и «правильная» смерть противника (Там же, с. 93-94).

---

[472] Отсюда можно сделать вывод, что означает понятие «честный» бой. Опять же не в привычном современном значении – бой по неким правилам. Какие могут быть правила в бою, если стоит одна задача – убить противника, таким образом, «честный» бой это бой насмерть. К слову о «рыцарственности», не поэтому ли рыцари носили на поясе среди прочего вооружения т.н. кинжал «милосердия» – чтобы легче было убить противника, проникнув тонким лезвием в щель между латами.

А вот описание идеального воина из скандинавских саг: «Это был человек рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом как правой, так и левой рукой и в то же время, если хотел, мог метать копья. Мечом он взмахивал так быстро, что казалось, будто в воздухе три меча. (Вспомните, как обращаются с саблей и шашкой казаки – А.Ш.) Не было равных ему в стрельбе из лука... Он плавал, как тюлень. Не было такой игры, в которой кто-либо мог состязаться с ним... он прекрасно знал правила обхождения, был выносли в, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе друзей...» (История боевых скусств. Колыбель цивилизаций. М., 1996. С. 158-159).

Как же вырастал казак, как становился природным воином, что заставляло изумляться и так бояться казаков всеми противниками, что дало возможность признать их лучшей в мире легкой кавалерией?

Годовалого мальчонку стригли в первый раз наголо. Прядь его мягких шелковистых волос прятали за иконы, а после этого передавали мужчинам. Те сажали его на неоседланного коня и наблюдали, как малыш себя поведет дальше – свалиться с коня (стояли рядом, чтоб подхватить) – будет убит, ухватиться за гриву, усидит – будет жив, в боях уцелеет (Смирнов 2003, с. 12). Коня обводили за повод вокруг церкви, затем отец снимал малыша с коня и брал его на руки, а крестный одевал на них кушак с саблей или шашкой. Возвратившись к родному дому, оружие забирал себе крестный, а ребенка отдавали матери. Крестный хранил оружие у себя и должен был обучать крестника, как всем видам воинского искусства, так и церковным обычаям. Это было общее правило, ибо считалось, что отец может быть или не меру добр, или не меру строг, а крестный будет справедлив и требователен во всем.

Года в три казачонку дарили штаны, это тоже было символом, означавшим, что пора приступать к обучению верховой езде. С семи лет учили стрелять. А с десяти рубить. «Ставили» руку, чтоб клинок шел под правильным углом. Сначала на водяной струе, чтоб не было ни малейших брызг, затем на лозе, сидя на коновязи – бревне, и лишь потом уже на коне. Одновременно со всем этим учили рукопашному и кулачному бою.

С пяти лет казачонок уже помогал родителям в хозяйстве. Но ему оставляли время и для игр. При этом все игры носили характер обучения – ловкости, мастерства, глазомеру, реакции, необходимых в боевом искусстве. Простой волчек, подгоняемый кнутом, воспитывал одновременно и твердость и гибкость руки, и умение владеть всем телом.

В семь лет мальчика стригли во второй раз, и он переселялся к взрослым братьям, шел в баню с мужчинами, первый раз исповедовался и причащался. За казачком уже серьезно приглядывали, и если он проявлял себя смышленым, то ему позволялось принимать участие даже в кругах, в качестве наблюдателя, конечно.[473]

Помимо безукоризненного владения конем, казак обучался рукопашному бою, как с холодным оружием – саблей или позднее шашкой, так и голыми руками. В качестве тренировки использовалась даже молитва. То есть умение сосредоточиться в молитвенном состоянии, пристально смотря на икону, тем самым вырабатывалось умение смотреть прямо в глаза, не моргнув. Поединок всегда был борьбой характеров, силы воли. Когда смотришь прямо в глаза противнику, он никогда не поймет, куда будет нанесен удар. Вместе с этим молодого казака учили ощущению и восприятию пространства боя. Все, наверно, выдели эффектный танец с вращением двумя шашками одновременно. Когда кажется, что беспорядочно мелькающая сталь, сливающаяся в огненные круги, готова поразить любого стоящего рядом. Напротив, это впечатление обманчиво. Сталь поражает только в определенном бойцом мысленном коридоре, оставаясь совершенно безопасной для соседа. Это предусматривало то, чтобы случайно не поранить своих, дерущихся рядом.

Восточные единоборства всегда основываются в первую очередь на интеллекте, а казачья школа отрабатывала рефлексы. Потому и любимым временем нападения на противника у казаков было ночное, с 2-х до 6-ти. Собачья вахта, как говорят моряки, в это время мозг человека дремлет, а тело бодрствует.

Казаки одинаково хорошо владели пикой, саблей (шашкой), нагайкой или голыми руками, как в пешем, так в конном строю. При этом

---

[473] У атаманских детей детство заканчивалось, как правило, еще раньше, отцы их забирали в походы, со своими полками. Например:Иван Иванович Исаев (1770-1829), сын генерала Войска Донского. В тринадцать лет поступил на службу, состоя в полку отца, в 14 лет произведен в сотники, на действительную службу зачислен в 1786 году (16 лет), в 1787 году переведен опять в полк отца есаулом, в том же году капитан, в 1789 году в атаманский полк – войсковой старшина.Кирсанов Кирсан Павлович (1777-1847), на службе с 10 лет, в 13 лет принимает участие в штурме Измаила и Кили, в 14 лет произведен в поручики, в 1796 году (19 лет) в войсковые старшины. Адъютант Аракчеева во время Русско-Шведской войны 1808-1809гг, участник перехода Кульнева через Ботнический залив.Кисилев Дмитрий Михайлович (1775 – год смерти не известен), в 1789 году поступил писарем во вновь сформированный казачий полк из ямщиков Олонецкой губернии, в 1790 году (15 лет) произведен в есаулы. В будущем командир казачьего полка своего имени в Русско-Шведской войне 1808-1809гг., и т.д. (*Донцы XIX века. Новочеркасск. С. 154-155, 180-183*).

обучение было не только индивидуальному мастерству боевого фехтования, но обязательно коллективным действиям. Здесь все строилось именно на согласованности в мастерстве, в распределении «ролей» в бою, что являлось полной неожиданностью для противника. Когда сходились «грудь на грудь» в рукопашной, то задача казака, стоявшего в первом ряду, была отразить атаку сабли противника. Смертельный же удар наносил казак, находившийся во втором ряду и ориентирующийся по положению тела своего товарища, отражавшего оружие неприятеля. В боевом фехтовании существует всего восемь видов атакующих ударов – горизонтальные (слева направо и наоборот), вертикальные (сверху вниз и наоборот) и диагональные (по аналогии). Исходя из положения тела при отражении атаки, становилось понятно, какого типа нанесен удар, а также в каком положении находится тело и самого противника. Удар второго казака наносился практически вслепую, но безошибочно и настолько неожиданно для противника, что отразить он его не мог, потому что просто его не видел. При этом удар наносился в жизненно важную точку, например, в паховую артерию, которая плохо была защищена доспехами исходя из эргономики человека, что приводило к моментальной смерти. Казаку, первоначально отразившему атаку врага, оставалось лишь оттолкнуть его труп и нанести уже свой смертельный удар тому, кто стоял во второй шеренге и абсолютно не ожидал этого, поскольку перед ним только что стоял его товарищ. И так далее.[474]

В бою казаки обычно действовали лавой. Лава это все-таки не вид строя, а изобретенный еще в древности казачий способ ведения боевых действий. Строилась она всегда по-разному, в зависимости от цели – наступать на противника, или наоборот заманивать его за собой. Полк выстраивался по сотням. Достаточно было место на поле – полк напоминал развернутый строй. Мало было места, (а Финляндия, как раз этим и отличалась), строй напоминал колонну. Собрав есаулов и сотенных, командир объяснял им задачу предстоящего боя, как он собирается атаковать или заманивать приближающегося противника к стоящим за казаками другим подразделениям – пехоте или артиллерии.

В бою уже управление было немое.[475] Казаки следили за действиями своих сотенных командиров, и все повороты, смены аллюров, атаки

[474] Хранителями боевого искусства казачества были «сичевики» или «характерники», как их называли в других войсках.

[475] Один из существующих мифов о звуковом сопровождении казачьей атаки – свистом, гиканьем и т.п. Во время атаки стояла полная тишина. Это позволяло отчетливо слышать редкие команды собственных атаманов, управлять лошадью, специфическим

или наоборот отходы, производились по взмаху клинка, руки или поворота лошади. Команды были самые простые, или: «Братцы – вперед!», или: «Станичники – увиливай».

На узком фронте и лава сжималась, оставляя по обе стороны дороги засады, где имелись препятствия – овраги или ручьи. Лишь малая часть казаков дразнила неприятеля, наскакивая на него, грозя клинками. Выкрикивая обидные слова, обстреливая из ружей и пистолетов. Тот не выдерживал, высылал погоню – наказать казаков, те отскакивали назад, скрываясь в тех же засадах, а противник не имея возможности из-за суженности дороги изменить свой строй, начинал вязнуть под выстрелами заранее спешенных казаков. В тоже время остальная часть лавы уже обходила его с флангов или в тыл. Неприятель отходил, высылал еще более значительные подразделения, и его снова заманивали, но уже под огонь пехоты или артиллерии. Картина повторялась, ошеломленный противник, получив стройные залпы с фронта или картечь в упор, начинал отступление, а с флангов его опять атаковали казаки.

Лава еще действовала и «вентерем». «Вентерь» – это рыболовная сеть, натянутая на обручи и заканчивающаяся мешком. Рыба, обманутая сначала широким пространством для движения, заходит все дальше и дальше в сеть, пока не попадает в мешок, из которого не выбраться. «Вентерь» применялся на пересеченной местности, с тесными проходами, куда заманивали за собой казаки противника, а затем или уничтожали или брали в плен.

Других построений казаки не знали. Там где нельзя было работать на коне, сотня спешивалась и владела пикой или ружьем не хуже чем в конном строю. Лошадей оставляли сбатованными позади в руках коноводов, а сами или залегали в перестрелке или шли в пешую атаку (Картины былого Тихого Дона, с. 271-272).

Со временем тактика не менялась. Это видно из полевой инструкции для донских полков, утвержденной в 1835 г.: «В действиях против неприятеля построение полка не подчиняется новым правилам, но удерживается образ служения, издревле введенный, по легкости и простоте оборотов толико свойственный казакам и пользе своей опытами утвержденный» ПСЗ Т. XXII Ст. 21055).

Ну а уж если наступал последний момент последнего боя, когда отступать было нельзя, то дрались казаки до последнего. Снимали или

тихим посвистом, а также услышать... команды противника – на открытие огня, маневр и пр., дабы вовремя среагировать на них.

разрывали на себе рубахи, чтоб были видны нательные кресты и с пением: «Не имамы иные помощи, не имамы иные надежды, разве тебе Богородице...Да не постыдимся!» – и шли в последнюю, смертельную и для них и для врагов атаку. Все эти ритуальные приготовления к смерти на глазах у ошеломленного противника имели огромное психологическое значение, и обескураживали врага, несмотря на его полное превосходство и казалось безысходность ситуации, в которой оказались казаки. Каждый из них помнил о том, как отец, мать и дед провожали его на войну, всей семьей, всем хутором или станицей. Как говорили ему о чести быть воином, внушали быть храбрым. Помнил казак, как и перед боем, распустив знамена, говорил ему полковой командир: «Чтобы были храбрыми, чтобы не устыдили, своего начальника, славу полка и всего Войска!». И клялись казаки умереть, но выполнить обещания. Так они и поступали (Картины былого Тихого Дона, с. 272).

Постоянно воюя, казаки получали увечья, раненья, потому, как и у всякого народа, был у казаков свой пласт тайных знаний, относящийся к искусству врачевания. Сюда, прежде всего, относилось – лечение травами, костоправство и умение лечить обыкновенными открытыми ладонями, как говорится, «голыми руками», то что теперь называют мануальной и фито- терапиями. У казаков и сейчас во многих станицах есть свои знатоки трав и костоправы, которые не уступят знаменитому Касьяну -– носителю хирургических познаний запорожских казаков.[476]

Сохранились описания, как казачьи лекари делали хирургические операции, свидетелем которых однажды был знаменитый русский врач Н.И. Пирогов.[477] «Все делалось только после захода солнца – во первых, в это время почти нет мух – главных разносчиков заразы , а во вторых, сам человеческий организм, в частности мозг, вступает в фазу торможения...Раненного клали на свежие соломенные снопы или на только что выструганные доски. Поили его допьяна. Это был один из немногих случаев, когда казаки пили водку, а не вино. Раненое место, в описываемом случае, ногу обкладывали льдом или лили холодную воду. Перетянутая жгутами нога теряла чувствительность. Тогда приступал к делу врачеватель. Он долго мыл руки и протирал их водкой. Все инструменты, которыми он пользовался, тщательнейшим образом и долго кипятились в соляном растворе, кроме того, помощник, вылав-

---

[476] Николай Андреевич Касьян (1935-) украинский врач-остеопат и родоначальник мануальный терапии, академик, Народный врач СССР, Заслуженный врач Украины.

[477] См. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. СПб. 1849.

ливая их из кипящей воды, брал только специальными щипцами и подавал лекарю, обязательно пронося их через огонь. Нож, которым расширялась рана, накалялся докрасна и прижигал кровоточащие края разреза.

Раскрыв специальными крючками рану, лекарь металлическими крюками выхватил из раны пулю, и вынул раздробленные кости, зашил края раны, предварительно вложив в нее какое –то снадобье и длинный конский волос». Пирогову объяснили, что если рана загноиться, то вся грязь будет выходить по этому волосу, а если все хорошо заживет ,то волос либо сам выпадет либо вынуть его не составит труда. Прооперированную ногу уложили в специально выструганные самшитовые лубки и забинтовали. И те, что оперировали и, те, что держали раненного и, те, которые непрерывно читали молитвы. Еще больше он удивился, почему казаки до утра не давали раненому спать и, как только он начинал задремывать, били в бубен и плясали. Операция прошла успешно, через несколько дней казак, прихрамывая, но ходил.

Ампутации делали еще быстрее и культю обязательно макали в кипящую смолу, чтобы спасти человека от гангрены. Следует поражаться силе духа и терпению не только казаков, но и лекарей – ведь все делалось без наркоза, хотя, какие-то дурманящие сознание и обезболивающие травяные настои лекари применяли. Некоторые ведуны хорошо владели лечебным гипнозом, «отчитывали болезнь во сне».

Все это вместе составляло триединую основу казачьей философии, его мировоззрения – единение духа, души и тела, получившей название «Казачий спас» или «Казачья наука». Это был и «оберег» и бойцовое искусство одновременно. «Спаси, Господи, люди твоя...». Про погибшего казака говорили: «Не уберегся!». Так взращивался человек, всесторонне подготовленный к войне, не боящийся смерти, а иногда специально ищущий ее.

По отношению человечества к войнам, современные психологи и социологи выделяют 4 основных вида: это «воины по призванию», «воины по долгу», «воины по обязанности» и «пацифисты» (Серебрянников 1998, с. 213).

«Воины по призванию» – это люди, внутренне ощущающие себя избранными для служения, считающие войну единственным достойным делом для настоящего человека, не боящиеся ни убийства врагов, ни собственной смерти.

«Воины по долгу» – это люди, считающие военную службу священным долгом и сознательно принимающие как грех убийства, так и риски для собственной жизни.

«Воины по обязанности», это те, кто, являясь членом общества, подчиняются его законам, и поэтому идут воевать (Заец 2002, с. 119).

Казачество, как особое сословие воинов-профессионалов, из глубины веков нашло свой Путь воина, соединив в себе понятия «воинов по призванию» и «воинов по долгу», образовав так называемую «профессиональную армию 1-го типа» (Там же, с. 133-134).

К ней относились и перечисленные выше армии Спарты, Древней Индии, самураи, дружины викингов и древнерусских князей, а также рыцарские армии Западной Европы периода раннего средневековья. Замкнутое воинское сословие – рыцарство переродилось в дворянство Нового времени, стало занимать офицерские должности, но уже больше не представляло из себя замкнутой касты. Профессиональная армия 1-го типа уступила место другой армии, соединявшей в себе «воинов по долгу» – офицеров, и рекрутов – «воинов по обязанности».[478]

Единственным сохранившимся военным сословием, т.е. соединивших в себе признаки «воинов по призванию и по долгу» на территории Европы до начала XX века, являлось российское казачество. Как и положено, для профессиональной армии 1-го типа, в качестве основных идей, движущих казаками на войне являлись патриотизм, православная вера и войсковое товарищество. Но односторонность понятия воинской чести казачества, и корпоративный ее характер обязывал государство относиться с крайней осторожностью ко всем связанным с этим вопросам. Профессиональная армия существует для ведения войны, а поскольку эта функция является государственной, то наличие такой армии, скрепленной понятиями воинской чести, является положительным условием в государственном или социальном смысле. Но, сама по себе война отрицательна с точки зрения человеколюбия и морали и вступает в полное противоречие с требованиями нравственности, и в тоже время ведет к исключительному обособлению войска. Что чрезвычайно опасно для самого государства и общества, ибо, представляя из себя могущественную силу, войско может легко смести и все устои социальной жизни. Поэтому государство, наряду с мерами, направленными к поднятию в армии чувства воинской чести, создает и ограничения его одностороннего, крайнего развития. Это в полной мере отвечает и той политике, что проводила Россия в отношении казачества. Т.е. прививался принцип исключительной верности престолу, православию и государству, сформулированный, как «За Веру,

[478] Безусловно, армии 2-го типа существовали и раньше. Пример – Афины и Древний Рим. См.*Дельбрюк* Т.1. 1994. С. 116, 197, 215-216.

Царя и Отечество», что несколько противоречило вольным идеалам казачества, но настойчиво и упорно им прививалось путем и отмены выборности атаманов, и подчинению всех казачьих войск единому военному центру – Военной Коллегии, впоследствии Министерству. А это означало и распространение действия на казачество воинских уставов, начиная с Артикула Петра I, которые не только оказывали централизующее, дисциплинирующее действие, но распространяли и принципы возможной гуманности в отправлении функции войны – развитие чувства сострадания к побежденному противнику, право уничтожать только военнослужащих вражеских армий, а не мирных жителей, уважать неприкосновенность частной собственности на войне, проявлять милосердие к раненным и пленным солдатам противника и т.д. Недаром писал П.Н. Краснов, атаман Войска Донского: «Армия должна быть духовно скромна, нестяжательна, гостеприимна, добра, готова на всяческий прекрасный порыв и на великую жертву».

С точки зрения военного дела все эти ограничения носят искусственный характер, но они необходимы, так как функция любой армии есть функция служебная, т.е. служащая государству. Отсюда и вытекают все те мероприятия, осуществляемые начиная с Петра I в отношении казаков, вплоть до жесточайшего подавления любого проявления свободомыслия или попыток к мятежу, которые привели к созданию и существованию уникального военного сословия в рамках целостности государства вплоть до двадцатых годов XX века.

Русское командование, привлекая казаков к войне, было прекрасно осведомлено о той тактике, которой в совершенстве владели казаки, во многом схожей с тактикой кочевников. Для ведения «малой» войны, т.е. разорения и опустошения вражеских территорий, а именно этот способ боевых действий был признан Петром I самым действенным на начальном этапе, казаки подходили, как никто другой. Однако, использование больших масс казачества в 1701-1702 гг. вызвало недовольство и русского военного командования и самих казаков. По этой причине их количество было резко сокращено, и в дальнейшем, на северном театре не превышало 1-2 тыс. человек. При этом русское командование отметило для себя поразительный психологический эффект от использования даже небольших отрядов казаков против регулярных шведских и финских войск, но еще бóльший, против мирного населения, которое теперь панически боялось ночных рейдов казаков. И эта паника превращалась в снежный ком, формируя, как общественное мнение в Швеции и Финляндии, так и способствуя появлению мифа о зверствах русских казаков.

Если говорить о военно-уголовных законодательствах XVIII века, которые имелись в каждой из противоборствующих стран, и использовании термина «военные преступления» в отношении что русских войск, включая казаков, что шведских, то здесь все применимо также лишь частично. И «новошведский» артикул 1683 г. и «Артикул воинский...» Петра I допускали совершение тех деяний, что мы определяем, как «военное преступление», по приказу воинских начальников, таким образом, освобождая от ответственности их исполнителей. Да и в противном случае наказания носили весьма ограниченный и условный характер, зависящий больше от настроения сильных мира сего.

Регулярные войска, в первую очередь драгуны, довольно быстро перенявшие от казачества тактику просачивания в труднопроходимых местностях Финляндии, взяли на себя и главные функции в разорении, конфискации и грабежах мирного населения. А перемешивание разнообразных казачьих отрядов с калмыками, башкирами, татарами и другими кочевыми народами, которых до этого времени ни жители Лифляндии, ни шведы, ни финны и в глаза никогда не видели, только добавляли ужаса и усиливали панику. Здесь играло роль все: необычный внешний вид, необычная тактика, ночное, как правило, время нападения, его неожиданность, быстрота и отсутствие какой-либо жалости при выборе убить или оставить в живых сопротивлявшегося.

Русское командование и не собиралось рассеивать предубеждение Запада о казачестве, а, наоборот, всегда использовало этот психологический фактор, что прекрасно доказали все остальные войны, которая вела Россия против европейских стран – Швеции, Пруссии, Франции, Германии, используя и в составе регулярной конницы и применяя казаков для партизанских отрядов, включая войну 1914-1918 гг.

На войне, казаки продолжали по-прежнему во всем руководствоваться как приказами, так и собственными принципами войны. Но, с изменением общественного мнения в самой России, менялось и отношение военного командования, оказывая влияние на действия казаков, а иногда и попросту принуждая к гуманному отношению к сдавшимся в плен. Это же касается и приписываемым казачеству убийствам детей и женщин. Они могли поступать так только в ответ на аналогичные совершенные в отношении их семей действия. Но Финляндия, Швеция, Лифляндия и прочие прибалтийские территории были настолько далеки от их городков, слобод и станиц, что не могло быть и речи о каком-либо мщении.

Если такое и случалось, то, как и в любой социальной группе, в казачестве были люди, нарушавшие свои законы, они и восприни-

мались именно, как нарушители. Но и сама война, заставляющая переступить через мораль и совершать насилие в отношении других, совершенно изменяет психику человека. Русский философ И.Ильин отмечал, что «как бы ни был добр и силен в самообладании человек, но если он вынужден к... участию в сражении, – то самый состав тех действий, к которым он готовиться и которые совершает, легко будит его страсть, вводит в ожесточение, дает ему особое наслаждение азарта, наполняет его враждой, бередит в нем свирепые и кровожадные инстинкты...». В тоже время «необходимость оборонять Родину, веру и святыни ставит человека в положение не воспитателя, а воина, – его призванием является не пробуждение очевидности и любви в душе нападавшего, не размягчение его ожесточенности, и не облагораживание его намерений, нет, он призван физически остановить и пресечь, он должен принудительно положить конец напору, необходима гроза, сеющая страх, страдания и смерть... физическое пресечение выступает тогда во всем своем безжалостном и суровом виде, ведя наступление на нападающего и оставляя для начала положительной любви... самое небольшое поле действия (акты личного сострадания и пощады, законы о раненных, больных и пленных)» (Ильин 1993, с. 101, 107).

Военная добыча была делом обыденным в XVIII-XIX вв. Еще Суворов во время войны с ногайскими татарами в 1783 г. писал: «Всю добычу делить: половину на государя; казакам из остального – две трети, остальному войску – одна треть» (Сватиков 1927, с. 99).

Чтобы поставить окончательно точку в вопросе о «законности» грабежа сошлемся на полевую инструкцию донских полков, которой определялись «правила военной добычи». Правительство санкционировало старое обычное право казаков на добычу и ее дележ, по которому всякая военная добыча составляла частное достояние добытчиков. Под «военной добычей» подразумевалась «всякая собственность вооруженного неприятеля, отнятая в бою». Таким образом, если хоть один крестьянин на вражеской территории оказал вооруженное сопротивление, под это определение могла попасть вся деревня или хутор. Добытое целым полком принадлежало всему полку, добытое отдельной партией – только этой партии, отбитое же отдельным лицом составляло собственность этого лица. Особенно отличившиеся в бою офицеры и нижние чины, при дележе добычи, должны были получать двойную часть по сравнению с остальными, а не участвовавшие – не пользовались и долей, за исключением командированных по службе (ПСЗ Т. XIII. Ст. 11196).

3.5. КОМПЛИМЕНТАРНОСТЬ КАЗАЧЕСТВА

3.5.1. Казаки – калмыки

Имя этого народа – «хальмг» – тюркское, в буквальном смысле означает остаток. И это на самом деле так. Калмыки – остаток монгольского племени «ойратов», под натиском казахских ханов, откочевавший из Джунгарии (северо-восток Китая) к границам России в Западной Сибири, а затем к низовьям Волги и Урала. Сохранившие ламаистскую веру, теснимые мусульманскими народами, около 300 тысяч калмыков выбили ногайцев, астраханских татар за Волгу и в предгорье Кавказа. Они отсекли Бухарское и Хивинское ханства от Сибири, чем немало способствовали успешному покорению Сибири Ермаком.

Но зато начались войны в Поволжье и на Дону. В 1643 – 1661 годах шли ожесточенные столкновения казаков и калмыков, но, по словам русского ученого Л.Н. Гумилева, они оказались комплиментарными народами (Гумилев 2003, с. 257). Несмотря на почти двадцатилетие кровопролитных сражений между казаками и калмыками возникло взаимополезное сосуществование двух народов в одном регионе.[479] Так казачество осталось в долинах рек, а калмыки заняли степные просторы. Они прекрасно ужились, и в 1661 году уже заключают союз между собой против Крыма, а еще через пару лет этот союз уже скрепляется кровью в совместных боевых действиях против крымских татар у Молочных Вод.

Нельзя сказать, что все было гладко. Когда Разин всколыхнул и Дон и Волгу, то его ватаги напали на калмыков и угнали скот. В ответ калмыки сожгли и разграбили десятки городков и станиц от Чира до Медведицы и Хопра, на Нижнем Дону и на Манычe. Но это все-таки скорее исключение. На самом деле казаки и калмыки отлично уживались и передавали друг другу все, что накоплено веками, то что называлось житейской мудростью, устоями и привычками обоих народов. Казаки научили калмыков есть хлеб, ловить рыбу, а калмыки передавали казакам искусство верховой езды.

В 1685 году первые 200 семей – «кибиток» были зачислены в Донское Казачье Войско, в качестве «юртовых калмыков». Несколько ранее небольшое количество калмыков были поселено на Слободской Украине и впоследствии послужило основой для создания Чугуевской

---

[479] Также роднилось терское и кубанское казачество с горцами на Кавказе, от которых переняло и внешность и черты духовного склада своих некогда противников. – (*Величко 1904 с. 184)*

команды (полка). Так началось постепенное вхождение представителей калмыцкого народа в казачье сообщество, а позднее вместе с казаками превращаться в одно сословие.

К Азовскому походу количество проживавших на Дону калмыков точно неизвестно, но сообщается, что они могли выставить до 600 воинов. В штурме Азова 1696 г. под командой Фрола Минаева вместе с донскими казаками было 120 «юртовых» калмыков (Шовунов 1992, с. 43-44).

В феврале 1702 г. Войсковому атаману Лукьяну Максимову было приказано отправить в Прибалтику в армию Ф.М. Апраксина 1000 казаков и 900 калмыков, из которых 545 принадлежало к дружественному улусу Муткотемира. Следовательно на долю «юртовых» приходилось 355 чел. Позднее, как следует из письма Ф.М. Апраксина Петру I от 27 апреля 1702 г., весь отряд был передан в корпус Б.П. Шереметева (Там же. С. 44-45).

В целом, отследить какое именно общее количество «юртовых» калмыков принимало участие в Северной войне очень сложно. Скорее всего, они всегда действовали на тех же направлениях, что и донские казаки и численность их отдельной строкой не выделялась.[480] Безусловно, что со временем количество «юртовых» калмыков увеличивалось.

В составе казачества многие из них оставались ламаистами, хотя значительное число перешли в православие. К 1917 году практически каждый четвертый калмык служил в казачьих войсках. То есть стал казаком по сословию, по службе и это его выделяло среди остальных соплеменников. В калмыцком языке даже появилось новое слово – «бузава» – калмык-казак. Служили они, кроме Донского, и в Астраханском, Сибирском, Оренбургском и Уральском Войсках.

Однако, когда началось, еще с петровских времен, последовательное огосударствление всего казачества, под одну гребенку попали и все степные народы, близкие к казачеству, в том числе и калмыки. В их среде возникла идея вернуться туда, откуда пришли почти два века назад. И действительно, в 1771 году 125 тысяч калмыков пошли через степи назад в Джунгарию. Большая часть их погибла в пути, кто-то вернулся, но часть прошла через все тернии, и поселилась в Джунгарии, в Семиречье, в долинах рек Текес и Или, на территории Китайского Туркестана. Они образовали Ойратское ханство, которое со временем было завоевано маньчжурами и присоединено к Китаю. Присутствие ойратов-калмыков здесь устраивало китайцев, так как населявшее эти

[480] В главе, посвященной восстанию К. Булавина, приводится письмо от «юртовых» калмыков из действующей армии с просьбой вернутся домой после разгрома мятежников.

районы население было сплошь мусульманским, а ойраты сохранили ламаистскую веру и служили оплотом против наступления ислама. Они по-прежнему занимались охотой, скотоводством и несли охранную пограничную службу.

Шведы познакомились с калмыками во времена Северной войны не только на поле боя. Многие из пленных офицеров армии Карла XII приняли участие в русских экспедициях и посольствах, направляемых в Сибирь и Центральную Азию. Так, например, Юхан Густав Ренат, плененный под Переволочной, в составе отряда полковника И. Бухгольца воевал с джунгарским ханом Цэван-Рабданом на Иртыше, был пленен и 16 лет провел среди монголов, джунгаров и ойратов. За долгие годы вместе с другими шведами он учил их плавить руду, лить пушки, стрелять из них, а также наладил производство сукна. Благодаря Ренату в Швеции появилась первая достаточно правильная карта Центральной Азии, которую он составил на основе китайского оригинала, перевел на шведский язык, дал масштаб в шведских милях и снабдил примечаниями. Другой швед – Юхан Кристофер Шнитшер, также перешедший на русскую службу, сопровождал посольство к ближайшему соседу донских казаков калмыцкому хану Аюке и оставил после себя книгу «Рассказ о Калмыкии Аюки-хана», которая была первым в Швеции историко-этнографическим описанием калмыков (Коваленко 1999, с. 122-127).

В России калмыки продолжали служить в казачьих войсках, принимая участие практически во всех войнах, что вела Российская Империя, и всегда отличались отчаянной храбростью, мужеством и верностью присяге. На старинных литографиях, иллюстрирующих эту книгу, и изображающих русское казачество в различные периоды истории, вы обязательно увидите воинов с характерными монголоидными чертами, и внешним обликом степняка-кочевника. Это и есть калмыки в составе казачества.

3.5.2. Казаки – евреи

Существует весьма устойчивое мнение об исторической непримиримой вражде казачества к евреям, особенно, когда речь заходит о Малороссии. Так ли это на самом деле? Действительно, в период непрерывных казацко-польский войн XVII столетия казаки мстили всем, кого считали своими угнетателями – польской и малороссийской шляхте, и евреям. Только в период войн Богдана Хмельницкого (1647-1655 гг.) по разным оценкам было уничтожено от 14 до 45 тыс. евреев.

Как отмечает Н. Костомаров, евреи давно уже являлись главными кредиторами польской шляхты. Для уплаты своих долгов евреев делали управляющими имений с православным населением. Евреи вводили новые налоги не только с крестьян, но и с православных священников. Это вызывало всеобщую ненависть.

Но у этому времени и еврейская община-кагал переживала серьезный кризис. Обогащение одних происходило на фоне обнищания других евреев, которым ничего не оставалось делать, как или уходить в другие места или вступать в казаки, принимая естественно православную веру и участвовать в войне на стороне Б. Хмельницкого. По крайней мере упоминания об этом встречаются. Так в 1649 г. на Волыни действовал казачий отряд, возглавляемый двумя крещеными евреямя Лейбой (Александром) и Яковом, которые убили некоего арендатора-еврея Маера, за что позднее, попавшийся в плен полякам Лейба был казнен (Архив ЮЗР Ч. III. Т. 4. С. 100-102).

По свидетельству раввина из Берестечко Ийоля Серкеса, известно, что еще во время восстания Семена Наливайко (1594-1596) среди повстанцев было 11 евреев (Гаркавый 1890 – Гаркавый А. Евреи-казаки в нач. XVII в. // Киевская старина. 1890. № 5. С. 377-379). Интересный документ опубликован в Бюллетене Польского еврейского исторического института. Это письмо короля Сигизмунда III от 9 сентября 1602 г. берестечскому старосте и виленскому стольнику Иерониму Ходкевичу. В нем говорится о неком еврее, записавшемся в запорожцы, которому местячковый кагал отказывался отдать его детей и пожитки. Король повелевает Ходкевичу обеспечить свободный проезд для перекреста.[481]

Д. Эварницкий со ссылкой на Якова Собесского также подтверждает, что в Сечи «можно было встретить всякие национальности», в.т.ч. и евреев. (Эварницкий I, с. 143). Изучение «Реестра Войска Запорожского 1649-1650» также выявляет несколько человек с фамилиями явно еврейского происхождения – Израитель, Жидченко, Жидовкин и др.

Но наибольшее количество выходцев из еврейских родов отмечено в малороссийском казачестве в период гетманщины. Это – Боруховичи, Магеровські-Перехресты, Герцики, Крижановські, Марковичи и некоторые другие.

Наиболее известным был род Марковичей, основателем которого был Марк Аврамович (Абрамович), прилуцкий и пирятинский арендатор. Его

[481] "Mycyk J. Zyd na Siczi Zaporoskej w XVII w. // Biulatyn Zudowskego Instytutu Istorycznego w Polsce. Warszawa, 1993. S. 65-66.

имя стало родовой фмилией для потомков. Марк Аврамович много жертвовал на православную церковь и даже был ктитором. Его дочь – Анастасия вторым браком была за гетманом И.И. Скоропадским. Старший сын – Андрей не пошел за Мазепой, вместе с русскими войсками участвовал в осаде Батурина. Посылался в гетманскую столицу на переговоры. Позднее был глуховским сотником (1709-1714) и лубенским полковником (1714-1727). С временем их фамилия изменилась на Маркевич. Наиболее известным являлся знаменитый историк Николай Андреевич Маркевич, автор «Истории Малороссии».

Из евреев происходил Михаил Андреевич Борухович (Борохович) – гадячский полковник (1687-1704)[482]. Погиб в Польском походе 1704 г.

Павел Семенович Герцик, Полтавский полковник, был ближайшим сподвижником Мазепы, умер около 1700 г. Три его сына – Григорий, Иван и Афанасий эмигрировали вместе с гетманом. Старший – Григорий служил генеральным есаулом (1711-1719) при гетмане Орлике. В 1719 г., выполняя поручение Орлика приехал в Варшаву, где был захвачен русскими агентами, вывезен в России и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден в 1727 г. и оставлен на поселении в Москве (Павленко 2004, с. 110-111).

На Слободской Украине известен Ахтырский полковник Иван Иванович Перекрестов, отличившийся в Северную войну 29 декабря 1701 г. при Эрестфере. В 1704 г. был отстранен от полковничьего уряда, умер в 1721 г., находясь под следствием за расхищения.

Что касается донского казачества, то сведений о евреях-казаках практически нет. Автор нашел единственное упоминание у Сватикова о казаке по фамилии Жидков, которая по мнению историка, указывала на его национальную принадлежность (Сватиков 1924, с. 23).

В Терском и других казачьих войсках петровского периода истории обнаружить казаков-евреев пока не представляется возможным. Есть сведения о появлении среди терцев «субботников» – т.н. «русских иудействующих», но это относится уже к XIX в. В любом случае, тема взаимоотношений казачества и евреев остается абсолютно не исследованной.

---

[482] О его ссоре с Киевским полковником К. Мокиевским на почве еврейского происхождения в 1696 г. мы уже рассказывали (Павленко с. 81-82). Отношение к евреям на Левобережной Украине оставалось неприязненным. В 1703 г. в Черниговском полку произошли антиеврейские беспорядки. Были растерзаны два еврея из местечка Городня, в селе Жуковицы заживо сожгли шинкаря с семьей. Евреи были обвинены в ритуальном убийстве студента Киевской академии М. Сохны. Виновники остались безнаказанными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ИЛИ СЛОВО О КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЕ

В чем истинная причина измены малороссийской казачьей старшины? Я не хочу принципиально выделять или отделять от нее Мазепу. По мнению автора ответить на этот вопрос весьма сложно! По крайней мере, те доводы, что приводят историки, скорее притянуты, чтоб подвести под них какие-то политические причины (для оправдания) или личные мотивы (для порицания).

Но порой историки сами себе противоречат. Если Мазепа был такой хитрый, «как Макиавелли», то неужели он не мог просчитать заранее все свои ходы и предвидеть их последствия? Если это был заговор казачьей старшины, душой которого являлся сам гетман, то где трезвая оценка всех обстоятельств и условий, холодный расчет путей и сил для достижения цели заговора?

Разве не видела казачья старшина, что в Северной войне уже наметился перелом и вопрос был только лишь во времени? Если Мазепу называют талантливым полководцем, то где же его анализ стратегии Карла XII все больше и больше заводившей юного шведского короля в тупик неминуемого поражения? Разве не видел Мазепа и его старшина, что шведская армия настолько оторвалась от своих собственных территорий, отрезана от своих тылов и окружена враждебно настроенным населением Польши, затем Белоруссии и Украины? Неужели мятежная старшина не видела, что силы шведов тают, а с разгромом корпуса А. Левенгаупта при Лесной, их положение становится критическим?

Да, Петр черпал ресурсы Украины, как хотел. Уничтожал и разорял, как собственные великорусские, так и украинские земли, оставляя противнику выжженную равнину. Но так поступал бы на его месте любой правитель или полководец, вынужденные отступать перед противником. В ином случае все доставалось врагу и увеличивало его потенциал, а значит, позволяло продолжить наступление.

Война со Швецией не татарский набег, суть которого заключалась в единовременном грабеже и захвате полона, когда жители тех же малороссийских сел бросали все свое добро и устремлялись под защиту укрепленных городков, стремясь к одному – избежать плена и сохранить жизнь.

Северная война это был геополитический конфликт, рассчитанный на кардинальное изменение карты Европы, в который были втянуты несколько держав и театр войны был необъятен, но территория России,

ее военный, людской, ресурсный потенциал превосходил и противников и союзников вместе взятых[483].

Можно ли было в таком случае рассчитывать на собственную независимость «маленькой» Украины (истинно Малой России!), оказавшейся между молотом и наковальней. Любая война заканчивается победой одной из противоборствующих сторон. Что ожидало Украину в случае победы антирусской коалиции? Независимость? От кого? Шведская армия, которая могла бы выступить ее гарантом, вернулась бы в свои пределы. Оставалась Россия с ее вечным устремлением возвратить исконные земли Киевской Руси, и оставалась Польша с ее вечным желанием поставить на колени непокорных казаков и крестьян-хлопов, (что по разумению польской шляхты было одно и тоже), и обратить если не в католичество, то в унию! И это бы вызвало естественное желание народа вновь обратить свой взгляд к России в лице русского царя, как защитника веры. Это стремление тут же породило бы новых вождей, новых Палиев, чей призыв нашел бы моментальный отклик среди большинства населения, ибо Польша была «естественным» вековым врагом, и изменить подобное укоренившееся мировоззрение было невозможно по вине самих поляков.[484] Найти какой-либо компромисс со шляхтой не удавалось даже таким могучим королям, как Стефан Баторий и Ян Собесский, не говоря уже о казачьих гетманах.[485]

Не приходится говорить и о продуманном серьезном заговоре казачьей верхушки против Москвы. Любой заговор, имеющий целью изменение государственного устройства территорий, т.е. революцию, должен опираться на реальную силу. А этой силы не было!

---

[483] 12 миллионов подданных русского царя против 2.5 миллионов шведского короля.

[484] Меньшим или большим злом, чем Турция и Крым, сказать сложно, ибо войны с мусульманским Востоком имели периодичный характер, а гнет польской шляхты был постоянен. Туркам или татарам можно было отомстить, сходив в набег на их города, война с Польшей была бесконечна с обеих сторон, так как основывалась на праве владения собственностью, т.е. землей и религиозном притеснении, при слабой королевской власти, которой шляхта вертела, как хотела. Если у Мазепы «Государь» («Князь») был настольной книгой, то он должен был знать один из главных постулатов Макиавелли о собственности, связанный с тем, что суть человека устроена так, что он может простить гибель родных, но никогда не забудет о потерянной собственности, как не забывали об этом поляки.

[485] Например, профессор из университета Лунда (Швеция) К. Гернер до сих пор полагает, что на рубеже XVIII в. уже была «европейская» России в лице некоего существующего только в воображении шведского историка казацкого государства – Украины. Полтавское сражение К. Гернер называет Пирровой победой, полагая, что если бы чаша весов склонилась на сторону Карла XII и Мазепы то появилась бы новая Россия со столицей в Киеве и русский народ смог бы интегрироваться в Европу, а так все «велико-, мало- и бело- руссы» были обречена на 280 лет страданий (т.е. до разваа СССР в 1991 г.). *K. Gerner*. The Poltava Battle – a Pyrrhic Victory. Poltava 1709-2009, pp. 24-28.

Во-первых, значительная часть казачьих полков Левобережья находилась в действующей армии, а значит, была подконтрольна русскому военному командованию.[486] Да и были ли в основной своей массе полковники сторонниками Мазепы и его окружения? Не была ли измена Мазепы, не только следствием его собственного отчаяния, но и заговором старшины? Или предположить другое – не использовала ли старшина безрассудный поступок гетмана в собственных целях? Не подталкивала ли гетмана к этому? Попробуем очертить круг казачьей старшины – соратников гетмана.

25 октября 1708 г. при переправе через Десну близ Коропа в направлении шведской ставки Мазепу сопровождали: генеральный обозный Иван Ломиковский, генеральный судья Василий Чуйкевич, генеральный писарь Филипп (Пилип) Орлик, генеральные есаулы Михайло Гамалия и Дмитрий Максимович, генеральный бунчужный Федор Мирович, генеральный хорунжий Иван Сулима, миргородский полковник Даниил Апостол, прилуцкий – Дмитрий Горленко, лубенский – Дмитрий Зеленский, компанийские полковники – Гнат (Игнат) Галаган, Андрияш Малама, Юрий Кожуховский, сердюцкий полковник Яков Покатило, писари Яков Гречаний, Михаил Ломиковский, Иван Максимович, племянник Андрей Войнаровский, свояк Константин Мокиевский, канцелярист и другие знатные товарищи (Ригельман 1847, Часть III, с. 35). Таким образом, налицо 8 человек высшей старшины, включая гетмана, 3 полковника гетманских полков[487] (из 20-ти), 4 полковника наемных полков[488] (из 10-ти) и 1200 казаков, из которых около тысячи наемников компанейцев и сердюков, и две сотни гетманских казаков.[489]

[486] В Польше находились полки: Киевский, Гадяцкий и Белоцерковский (5000 казаков); в Литве и Белоруссии – Стародубский, Черниговский, Нежинский и Переяславский (7500 казаков и 1600 компанейцев). Полтавский полк находился на Дону. (Павленко 2004 С. 296).

[487] Все три полковника возвратились назад – первым Апостол (1708 г.), вторым Зеленский (1709 г.), третьим Горленко (1714 г.). Из них серьезно наказан был лишь Зеленский – ссылкой Сибирь, Горленко был поселен в Москве, а Апостол стал впоследствии гетманом.

[488] Галаган перешел на сторону Петра I и участвовал в разгроме Запорожской Сечи, впоследствии командовал Прилуцким полком, Малама сдался вместе с полком после Полтавы, оттуда, вместе с полком был направлен в Лифляндию, участвовал во взятии Риги и Ревеля в 1710 г., Покотило и Кожуховский также сдались после Полтавы и были отправлены в ссылку в Архангельск. Ни один из 7 полковников, последовавших за Мазепой не был казнен!

[489] На допросе сотник прилуцкого полка Корней Савин показал, что «их прилуцкого полка сотников 9, а у каждого сотника по 9 казаков, и других полков сотники и казаки были же, а сколько человек, не ведает» (Шутой 1950. С. 175).

После Полтавы с Мазепой оставалась половина генеральной старшины, один прилуцкий полковник Д. Горленко, канцеляристы и 500 казаков (Павленко 2004, с. 338).

А где же все остальные, и старшина и казаки? О. Павленко пишет, что «не могли сторонники Мазепы открыто объявить мобилизацию за независимость Украины. Российские гарнизоны на территории Гетманщины быстро бы спутали все карты повстанцев. Заявив о согласии выступить против Петра, полковники и генеральная старшина (видимо подразумевается все-таки полковая – А.Ш.) избегали конкретного дела» (Павленко 2004, с. 296). Интересное замечание! Хотели, но избегали... Объяснение довольно понятное. Действительно, даже если при принять во внимание пресловутый «авось», который, как принято считать, свойственен великорусской нации, то моментальная и одновременная измена всех малороссийских полков даже при благополучном начале выступления через некоторое время столкнулась с дисциплинированной русской армией нового типа, шансы разбить которую, учитывая совершенно несопоставимые боевые качества, были равны нулю. Не стоит забывать о 10-15 тыс. донских и яицких казаков, находившихся в рядах русской армии, как и то, что малороссийские полки – Полтавский и компанейский Ю. Кожуховского – вместе со слободскими запятнали себя участием в подавлении Булавинского восстания и в карательных акциях на Дону. Ну и в заключении остается напомнить о калмыках, татарах, башкирах в русской армии, которым было абсолютно все равно с кем воевать и за что.

Во-вторых, только что разгромленный Булавинский бунт на Дону, не имевший, кстати, официальным лозунгом отделение от России, а лишь стремившийся отстоять казачьи вольности, продемонстрировал тщетность таких попыток, и был расценен царем, как мятеж и дезертирство. При этом возможный потенциал для благополучного исхода восстания Булавина был несколько выше, чем на Украине – Дон не подвергался разорению ни со стороны России, ни со стороны противника. Булавина поддержало население окраинных, примыкавших к Дону, русских областей. Запорожская Сечь, хоть официально не вмешивалась, но выделила значительное количество казаков в помощь восстанию. Не следует забывать о волновавшемся после подавлении Астраханского бунта Поволжья.

В итоге – разгром восстания и жесточайшие репрессии для участников и мирного населения. Плюс к этому участие малороссийского казачества в карательных акциях на Дону, что неминуемо вело к возникновению трещины в отношениях и мести (принцип талиона!), а зна-

чит, потери потенциального союзника в лице донского, яицкого, гребенского казачества.[490]

В-третьих, петербургский историк Т. Таирова-Яковлева предлагает рассмотреть версию о хитроумном замысле казачьей верхушки заманить шведского короля в западню и передать Петру I, передать который прибыл в царскую ставку полковник Д. Апостол. Однако, в материалах допросов Апостола, находящихся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины, и опубликованных Бантыш-Каменским, ничего об этом не говорится. Вместе с тем, опубликовано письмо Г. Головкина Мазепе от 22 декабря 1708 г., где сказано, что «надлежит вашей милости постараться, дабы о известной главнейшей особе, по предложению своему» (Бантыш-Каменский. Источники. 1858, кн. 1, т. II, с. 212-214). Между тем, на черновике письма Д. Апостола к Мазепе, хранящемся в Институте рукописей, имеется приписка Г. Головкина на оборотной стороне листа: «Писма, что писаны к Мазепе по измене ево фальшивые от Канцлера» (Институт рукописей НБУ Ф. 61. Спр. 1787. Арк. 38). Так что налицо контригра русского командования, стремящегося скомпрометировать Мазепу и мятежную старшину в глазах шведов.

В-четвертых, не было ни одной реальной фигуры преемника, способного заменить Мазепу, учитывая его возраст. Фигуры уровня С. Палия, который находился в ссылке. Ни детей, ни наследников, кому можно было передать богатство (в первую очередь)[491], власть, (а какой в ней смысл, если нет наследников?), автономию Украины (не хочется говорить о независимости, как отдельного государства, ибо слишком фантастично звучит для XVIII в.).

В-пятых, какое государство мог рассматривать Мазепа в качестве примера? Голландию? Пожалуй, единственная страна в Европе добившаяся независимости от империй – Испании и Франции, но при этом имевшая совершенно отличные от Украины экономические и политические обоснования для своей жизнедеятельности и независимости – торговлю и промышленность. А государственность Украины того времени строилась не на единстве целей, а на их антагонизме: для вольного казачества целью жизни была война, реестровое все больше склонялось к

---

[490] О. Павленко приводит в качестве одной из причин неудачи заговора казачьей старшины то, что донские казаки и калмыки не поднялись на восстание (Павленко 2004, с. 328). И это после участия малороссийских казаков в карательных акциях на Дону?

[491] Один лишь племянник А. Войнаровский, от которого толку было мало, как показали дальнейшие события. Не понимать этого Мазепа не мог. Генеральный писарь Ф. Орлик тоже не являлся фигурой масштаба С. Палия.

мирному земледелию[492]. Таким образом, вопрос о «казачьей вольности» тут же вступал в противоречие с пожеланиями большей части населения, в т.ч. и казачьей старшины. Баланс здесь мог быть обеспечен лишь созданием профессиональной армии – компанейцев, в которую можно было принимать всех желающих, при добровольном согласии остальных ее обеспечивать. В общем-то, Мазепа к этому и стремился, идя, в принципе, схожим путем с донской старшиной. Его «преемники», оставшиеся с Петром – Скоропадский и Апостол уже не пытались отстаивать эту позицию, а пошли по пути, указанному царем, что постепенно привело к полной ликвидации казачества на Украине или путем перевода в крестьянское сословие, или превращением в регулярные части, лишь на первых порах принявшие в себя «казачий» контингент, но буквально через какой-то десяток лет замененный на рекрутов со всех областей России.

На Дону казачья старшина повела себя гораздо дальновиднее. Тем более, что их трудно обвинить в трусости или не любви к собственному народу и даже в недостатке самопожертвования. Просто они видели дальше, чем их «бунташные» современники. А Петра I по большому счету не интересовали ни уклад жизни казачества, ни проблемы веры, при условии подчиненности интересам всего государства в целом. Выстраивался комплекс взаимоотношений вольного казачества и государства, основанный на подчиненности первых, но и уважении второго, что постепенно узаконивалось государственными актами, т.е. становилось нормой жизни, или, если так можно выразиться, правилами игры. Процесс этот был долгий, мучительный, болезненный, не без конфликтный, но созидательный и конструктивный, приведший в итоге к созданию сословия «воинов по призванию». Лишь полное изменение государственного строя, крушение монархии прервали его, превратив уникальный великороссийский субэтнос в обычных граждан страны. И, кстати, революционные годы еще раз продемонстрировали и доказали невозможность независимого существования ни Украины, как гетманской республики, ориентированной на казачьи идеи (при поддержке не шведских, так германских штыков), ни самого Войска Донского. Современная Украина идет абсолютно другим, неказачьим путем, возможно, именно это и позволяет ей развиваться (хорошо или плохо – второй вопрос), но развиваться именно, как государству. Возрождение казачества, как сословия, в том историческом смысле по состоянию на 1917 г., по мнению автора невозможно, по крайней мере, сейчас. Да и нужно ли оно? Ибо приведет лишь к новому конфликту с государством, потому что означает создание (возрождение) военной силы.

[492] Вспомним жалобу стародубских женщин, о которой упоминал проф. Т. Чухлиб.

И если в XVIII в. она была реальной, существовавшей, и принималась в состав России именно, как военная сила, а не просто как подданные. Но при этом государство исходило из собственных интересов и выгоды – одним казакам, сохраняя боевой потенциал, но ограничивая его рамками законов, полевых инструкций и т.д., другим – полностью меняя их образ жизни, поворачивая с военной стези на мирную. При этом та «вольность» казачья, которая плохо контролировалась старшиной и становилась опасной для государства – Запорожская Сечь – привела к полному уничтожению сообщества, правда, с частичным сохранением людей путем переселения их и вливания в новую общность, в новое казачье войско – Черноморское, позднее Кубанское, но уже и на новой общественной основе, привязанной к оседлости, земле, к семейственности.

Что касается Малой России, государство не видело «целесообразности» сохранения здесь казачества. Гораздо важнее было развивать экономический (сельскохозяйственный, позднее промышленный) потенциал региона, что требовало рабочей силы, а не сложного симбиоза воина и земледельца в одном лице, опять же учитывая его невысокий боевой потенциал. Последующее приближение Украины к русским провинциям за счет переноса границ, связанным с несколькими разделами Польши и победоносными русско-турецкими войнами, по сути превратило ее в несколько внутренних великорусских губерний, оборону которых при необходимости обеспечивали регулярные части.

Оставшиеся казачьи войска продолжали выполнять функции защиты окраин государства даже исходя из своего территориального размещения. Со временем они вошли в общий мобилизационный план России, как наряду с регулярными частями в составе армейских соединений, так и своими собственными дивизиями, в интересах геополитической доктрины империи и оборонительного и наступательного характера.

Воспетые в песнях, ставшие легендами народные герои выглядят всегда намного эффектнее и благороднее, чем рассудительная, продажная и хитрая войсковая старшина. Но положительный результат и правда истории на стороне старшины, тут уж ничего не поделаешь. Иного пути у казачества, чем вхождение в состав Великороссии не было. Это был единственно возможный и правильный путь. Другое дело, что загоняли на него порой силою оружия или плетьми, но есть ли здесь вина войсковой старшины?

Что стало бы, если на мгновение представить, что победил Разин, Булавин, Пугачев? Сколько бы крови пролилось от Белого до Черного моря! Чтобы было если б Мазепе улыбнулась удача? И чтоб осталось и от России и от Украины, и от казачества?

Приложение № 1.

Решение Земского собора 1 октября 1653 г.

По изданию: Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.3. Акты Земских соборов. Отв. ред. А.Г.Маньков. М., Юридическая литература, 1985, с. 455-460.

В прошлом во 161-м году мая 25 по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца говорено на соборех о литовском и о черкаском делех. А в нынешнем во 162-м году октября в 1 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец указал о том же литовском и о черкаском делех учинити собор, а на соборе бытии великому государю святейшему Никону, патриарху московскому и всеа Русии, и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и черным властем, и бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком, и дворяном, и детем боярским (выборным) из городов, и гостем, и торговым и всяких чинов людем. И указал государь им объявити литовского короля и панов рад прежние и нынешние неправды, что с их стороны делаютца к нарушенью вечного докончанья, а от короля и от панов рад исправленья в том не бывало. И чтоб те их неправды ево государевым Московского государства всяких чинов людем были ведомы. Также и запорожского гетмана Богдана Хмельницкого присылки объявити, что они бьют челом под государеву высокую руку в подданство. И что ныне король и паны рады при государевых великих послех по договору исправленья не учинили и отпустили их без дела.

И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, пришед от празника от покрова пресвятые Богородицы за кресты и быв в соборной церкви, для собору был в Грановитой полате. А на соборе были: великий государь святейший Никон, патриарх московский и всеа Русии, митрополит Крутицкой Селивестр, митрополит сербский Михайло, архимариты и игумны со всем освященным собором, бояре, окольничие, думные люди, стольники и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне з городов, и дети боярские, гости и гостиные и суконные сотни и черных сотен, и дворцовых слобод, торговые и иных всяких чинов люди и стрельцы. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу о неправдах Яна Казимера короля польского и панов рад и о челобитье государю в подданство Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского чтено всем вслух:

В докончальных грамотах блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и Владислава короля польского и великого князя литовского написано: быти им обоим, великим государем, меж себя и их государским детем и наследником в братцкой дружбе, и в любви, и в соединении. А великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и его государевых детей и наследников Владиславу королю, и вперед будучим королем польским и великим князем литовским, и паном раде, и всей Речи Посполитой во всяких письмах описывати и имяновати по его государскому достоинству и по вечному докончанью великим государем царем и великим князем всеа Русии самодержцем, с полными его государскими титлы, по его государскому достоинству. И как он, великий государь, сам себя описует по докончальной грамоте отныне и до века и вперед неподвижно безо всякого премененья. А Владиславу королю польскому и великому князю литовскому и вперед будучим королем польским и великим князем литовским писатися по прежним обычаем с полными ж их титлы по докончальной грамоте. А к Московскому государству Владиславу королю польскому и великому князю литовскому, и его братье, и детем, и внучатом причитанья ни в чем не иметь и царем, и великим князем всеа Русии, и титлами Московского государства не писатися и не имяноватись. И то вечное докончанье с обе стороны сперва великие послы, а после того и сами обои великие государи своими государскими душами, крестным целованьем, закрепили и грамотами и печатьми утвердили, что меж ими, обоими великими государи, тому вечному утвержденью быти навеки непременну. И с стороны Владислава короля польского и великого князя литовского при нем, Владиславе короле, вечное докончанье нарушено: блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и сына его государева, великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, в королевских во многих грамотах и порубежных городов воевод, и каштелянов, и старост, и капитанов, и державцов в государевы порубежные городы к воеводам в листех их имянованья и титлы писаны не по вечному докончанью, со многим премененьем. А иные злодеи во многих листех писали с великим безчестьем и с укоризною, а королевское имянованье писали царским имянованьем и многих государств государем и облаадателем. И о тех королевских многих неправдах посыланы от них, государей, в Польшу и в Литву ко Владиславу королю польскому и великому князю литовскому их государевы великие послы и посланники. А велено им, будучи

у короля на посольстве и с паны рады в ответех, о государеве чести говорити, и подлинные прописные листы казати, и списки с них дати, и на тех людей казни и наказанья просити.

И во 148-м году писал ко государю Владислав король в грамотах своих: которые люди, за его королевским заказом, учнут государево имянованье и титло писать не по их государскому утвержденью, и те будут кажнены, а которые писали неостерегательно, и тех с сойму однолично велит казнить, а вперед того отнюдь не будет. А в ответном письме панов рад, каково дали во 153-м году государевым великим послом боярину князю Алексею Михайловичу Львову с товарыщи, написано, что королю, покаместа право не ставало, потаместа каранья чинить было не мочно. А ныне за те проступки, после право поставленого, король на сойм позвати велел, и казнь по проступке их против права их подлинно учинена будет. И по тем королевским грамотам, и по ответным письмам, и по договорам панов рад при Владиславе короле исправленья никакова не бывало. А при нынешнем Яне Казимире короле польском учало быть и пуще прежняго: блаженные памяти про великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и про деда его государева, блаженные памяти про великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии, также и про великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца в книгах их напечатаны злые безчестья, и укоризны, и хулы. Чего не токмо великим государем християнским, помазанником божиим, и простому человеку слышати, и терпети невозможно, и помыслити страшно. Также и Московского государства про бояр и про всяких чинов людей напечатаны в тех книгах многия безчестья и злые укоризны, чего ни в которых государствах не токмо за вечным доконча-ньем, и в развратье того не бывает. А Владислав король написан обранным великим князем московским мимо вечного доконча-нья.

И в прошлом во 158-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу посыланы в Польшу и в Литву к Яну Казимеру королю его государевы великие и полномочные послы – боярин и оружейничей и наместник Нижнего Новагорода Григорей Гаврилович Пушкин с товарыщи. А велено им о тех королевских и панов рад многих неправдах говорити накрепко и за государскую честь по посольским договором на виноватых просити казни смертные.

И по королевскому указу паны рада тем государевым великим послом дали договор за руками своими и за печатьми, что тех всех про государево имянованье и титла обвиненных людей, которые в росписи от них, великих послов, им, паном раде, написаны в Варшаве на сойме,

по правом корунным и литовским и против соймового уложенья констытуцыи 1637 году судити. И по проступке их осудя, и смертью, хто будет достоен, казнити при государевых послех или при посланникех. А в констытуцыи 1637-го году написано: а на таковых, которые б дерзали писать, или титлы умаляти, или отменяти, пенам пердуэллионис закладаем, а по-руски то слово – смертная неотпущательная казнь и отлучение имения.

И по государеву указу, а по королевской присылке, посыланы х королю на сойм с прописными листами посланники Офонасей Прончищев тда дьяк Алмаз Иванов. И будучи они у короля и у панов рад, в ответех о государеве чести говорили, и на виноватых по договору и по констытуцые казни просили; и стояли о том крепко. И король и паны рада на той сойме при государевых посланниках не токмо что по договору исправленья не учинили, и многих винных людей к суду не поставили и правды ни в чом не показали.

И после того присылал ко государю Ян Казимер король посланников своих – Альбрехта Пецлавского да Хриштопа Униховского, а с ними присылал с сойму на тех подданных своих, за государеву честь обвиненых, людей з декретом. И в том декрете к прямому исправленью ничего не написано. И многие винные люди от вин своих учинены свободными не по делу, а на которых обычных немногих людей и вина положена, и про тех в том же декрете написано: где они, живы ли или померли, про то им и самим не ведомо. И по государеву указу тот декрет у них, посланников, за такими явными неправдами не принят. А сказано им и в ответном письме написано, что для совершенья тех дел пошлет государь к Яну Казимеру королю своих государевых великих послов.

А в прошлом во 161-м году посыланы к нему, Яну Казимеру королю, государевы великие и полномочные послы, боярин и наместник великопермский князь Борис Александрович Репнин-Оболенский с товарыщи, чтоб Ян Казимер король, памятуя вечное докончанье, и посольские договоры, и соймовые свои уложенья, констытуцыю, велел в тех вышеимянованных делех исправленье учинить пристойное. И те государевы великие послы, будучи в ответе, о государеве чести о исправленье на обвиненных людей по договору паном раде говорили и стояли о том всякими мерами. И Ян Казимер король в том деле никакова исправленья не учинил. А паны рада в ответех то и дело, что они, великие послы, говорили о чести блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, называли малым делом.

И те государевы великие послы им, паном раде, о том выговаривали, что они, паны рада, то начальное и главное дело, государскую честь, ставят ни во что и называют малым делом, не бояся бога и не памятуя вечного докончанья. И тем великих государей наших, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и сына его, великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, обесчестили.

И паны рада говорили и указывали на прежней свой неправедный суд и декрет, что они о том деле, и их государской чести, мимо прежнего суда и декрету инако судити и переделыватъ не будут. И отказали в том впрямь. А которые листы писаны после того их суда и декрету, и про те листы паны рада сказали, что они тех людей, от кого листы писаны, судити учнут так же, как и за прежние прописки. И к тем словам смеялись, а справедливости в том деле никакие не учинили и поставили такое великое дело ни во что.

Да он же, Ян Казимер король, забыв вечное докончанье, умышляя над Московским государством злые неприятельские замыслы, ссылался с общим християнским неприятелем с крымским ханом почасту и всякими вымыслы умышлял, чтоб сопча Московское государство воевать и разорить. Да он же, Ян Казимер король, через свои государства пропустил к свейской королеве Христине общего християнского неприятеля крымского хана посла для ссоры и войны. А преж сего того, чтоб крымским послом через Польшу и Литву в Свею ходить, николи не бывало.

Да с его же королевские стороны учали быть в порубежных местех задоры большие: приходя в государеву сторону, их польские и литовские люди государевых порубежных городов дворян и детей боярских поместья и вотчины разоряют, и людей их и крестьян грабят и мучат розными муками, и за рубеж вывозят сильно, и всякия злости им чинят. А урядники их по письму государевых порубежных воевод росправы в том не чинят. И по тем по всем мерам многие неправды учинились к нарушенью вечного докончанья с королевские стороны.

А з государевы стороны вечное докончанье во всяких мерах и по ся места здержано крепко и нерушимо.

Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой и все Войско Запорожское посланников своих многижда, что паны рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру греческаго закона и на святые божии восточные церкви восстали и гонение учинили большое. И их, запорожских черкас, от истинной православной

християнской веры, в которой они издавна живут, учали отлучать и неволить к своей римской вере. И церкви божии запечатали, а в ыных учинили унею, и всякие над ними гонения, и поругания, и злости нехристиянские чинили, чего они и над еретиками и над жидами не чинят. И они, черкасы, не хотя благочестивые християнские веры отбыти и святых божиих церквей в разорении видети и видя себя в таком злом гоненье, поневоле, призвав к себе в помочь крымского хана с ордою, учали за православную християнскую веру и за святые божии церкви против их стояти. А у царского величества милости просят, чтоб он, великий християнский государь, жалея благочестивые православные християнские веры и святых божиих церквей и их, православных християн, невинные крови пролития, умилосердился над ними, велел их приняти под свою царского величества высокую руку. И учинил им на гонителей християнские веры и святых божиих церквей, на поляков, помочь, и послал войска свои. А в прошлом во 161-м году присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой посланников своих двожды, что с королевские стороны по договором, на чом с ними, запорожскими черкасы, мирились, не исполнено, и церкви божии, которые в договоре написаны были отдать из унеи, не отдали, а которые немногие и отданы были, и те оборочены опять под унею. И хотя православную християнскую веру искоренить и святые божии церкви до конца разорить, войска на них корунные и литовские собрали, и многие городы, и места, и в тех городех и местех святые божии церкви осквернили, и обругали, и разорили. И православных християн духовного и мирского чину многих невинно замучили злыми различными муками, и всякое злое поругание чинили, о чем и слышати жалостно.

И они у царского величества запорожские черкасы милости просят со многим слезным челобитьем, чтоб он, великий государь, православные християнские веры искоренить в святых божиих церквей разорить гонителем их и клятвопреступником не дал и над ними умилосердился, велел гетмана Богдана Хмельнитцкого и все Войско Запорожское принять под свою государеву высокую руку. А будет государь их не пожалует, под свою государеву высокую руку принятии не изволит, и великий бы государь его царское величество для православные христианские веры и святых божиих церквей в них вступился, велел их помирити через своих государевых великих послов, чтоб им тот мир был надежен. А собою они с поляки миритца отнюдь не хотят, потому что поляки в правде своей не стоят.

И по государеву указу, а по челобитью гетмана Богдана Хмельнитцкого и всего Войска Запорожского его государевым великим послом,

боярину и наместнику великопермскому князю Борису Александровичю Репнину-Оболенскому с товарыши, о том миру и о посредстве королю и паном раде говорити велено. И по государеву указу его государевы великие послы, боярин князь Борис Александрович с товарыщи, в ответех паном раде говорили, чтоб король и паны рада то междоусобье успокоили и с черкасы помирились. И православную християнскую веру греческого закону не гонили, и церквей божиих не отнимали, и неволи им ни в чем не чинили, а учинили б мир по Зборовскому договору, а которые церкви оборочены под унею, и те б церкви отдали им назад. И будет король и паны рада то учинят, что з запорожскими черкасы помирятца, и в вере им вперед неволи чинить не учнут, и церкви божии отдадут им попрежнему, и великий государь его царское величество для православные христианские веры и святых божиих церквей брату своему королевскому величеству такую поступку учинит: тем людем, которые в его государском имянованье в прописке объявились, те их вины велит им отдать.

И Ян Казимер король и паны рада и то дело поставили ни во что ж, и в миру с черкасы отказали, и, хотя православную християнскую веру искоренити и церкви божии разорити, пошли на них войною при них же, великих послех.

Да как у короля и у панов рад в прошлом во 161-м году сойм был в Бресте Литовском, и у них на сойме приговорено впрямь, что их православных християн греческого закону, которые живут в Коруне Польской и в Великом княжестве Литовском, побить и церкви божии розорить, чтоб вера греческаго закона искоренилась.

И государевы великие послы, видя их многое упорство, говорили им а большим вычетом в полате и х коретам идучи во все люди вслух, что великий государь его царское величество для православные християнские веры и святых божиих церквей, хотя их междоусобье успокоить, тем людем, которые за их государскую честь достойны были смерти, вины их хотел им отдать. И коли он, Ян Козимер король, и они, паны рада, то поставили ни во что и ни в чем исправленья не учинили, и великий государь его царское величество такова их злого безчестья и многово по вечному докончанью неисправленья больши того терпети им не будет. И послов своих и посланников о том к ним вперед посылать не учнет, а велит о тех их неправдах и о нарушенье вечного докончанья писать во все окрестные государства к великим государем християнским и бусурманским. А за православную християнскую веру, и за святые божии церкви, и за свою государскую достойную честь стояти будет, сколько милосердый бог помочи подаст.

И паны рада ни на какую меру не сошли ж, и сходства не показали, и исправленья ни в чем не учинили, и во всем отказали, и тех государевых великих послов отпустили без дела. А как Ян Казимер король обран на королевство и на коронованье присягал, и в присяге ево написано меж иных дел, что ему меж разнствующими в вере християнской остерегати, и защищати, и никакими мерами для веры самому не теснити, и никово на то не попущати. А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушания чинит свободными и разрешения о той клятве своей ни у ково просити не будет и не примет.

А ныне писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой и все Войско Запорожское с посланцом своим с Лаврином Капустою, что король с войсками своими на Украину идет. И они, не хотя монастырей и церквей божиих и християн в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь его пожаловал, войска свои вскоре послать к ним велел. А будет он, великий государь, и ныне над ними, православными християны, не зжалится, как они у него, государя, с плачем милости просят, а иноверцы те их нечто разорят и под себя подобьют, то они волю их чинити по нужде будут. А запорожской посланец Лаврин Капуста говорил: приказывал да с ним гетман Богдан Хмельнитцкой, а велел государю бити челом, чтоб государь велел прислать в Киев и в-ыные городы своих государевых воевод, а с ними ратных людей, хотя с 3000 человек, и то для тех же государевых воевод, а у гетмана де людей много. Да к нему ж де хотел быть крымский хан с ордою, а иные татаровя уж и пришли и стоят под Белою Церковью. Да к гетману ж де присылал турской салтан а обоз в Борки посланца своего, зовучи ево к себе в подданство. И гетман де ему в том отказал, а надеетца на государеву милость. А будет государь его и не пожалует, принять не велит, и он в том учнет свидетельствоватца богом, что он о том у него, государя, милости просил много, а он, государь, его не пожаловал, а с королем де у них миру отнюдь не будет, а учнут против его стоять. Да в вестях объявилось, что люди их черкасские с польскими людьми в подъездах двожды сходились и бились, и им де посчастилосъ и много языков поляков поимали. А литовской де гетман Радивил говорил: будет они с Войском Запорожским ничего не учинят, и они тотчас с ними помирятца и пойдут на государеву землю войною.

И выслушав, бояре приговорили: за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и за честь сына его государева, великого государя царя и великого

князя Алексея Михайловича всеа Русии, стояти и против польского короля война весть. А терпети больше того нельзя, потому что многие годы в королевских грамотах и в порубежных листех писали их государские имянованъя и титлы мимо вечного докончанья и посольского договору, со многою прописко̀ю.

А по посольским договором, и по ответным письмам, и по своей соймовой констытуцыи во многие годы исправленья не учинили. И видя королевские подданные такое неисправленье и злым людем за вины их неуимство от того не престали, и с порубежных городов капитаны их и наместники в государевы порубежные городы к воеводам во всех годех государево имянованье и титло писали с прописко̀ю. И при государевых послех, при боярине князь Борисе Александровиче Репнине с товары-щи, исправленья не учинили и называли то дело – государскую честь – малым делом, и смеяся и поставили ни во что, и отпустили государевых послов без дела, и тем оне вечное докончанье нарушили.

А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку для православные християнские веры и святых божиих церквей, потому что паны рада и вся Речь Посполитая на православную християнскую веру и на святые божии церкви востали и хотят их искоренить, и для того, что они, гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское, присылали к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бити челом многижда, чтоб он, великий государь, православные християнские веры искоренить и святых божиих церквей разорить гонителем их и клятвопреступником не дал и над ними умилосердился, велел их приняти под свою государскую высокую руку. А будет государь их не пожалует, под свою государскую высокую руку приняти не изволит, и великий бы государь для православные християнские веры и святых божиих церквей в них вступился, велел их помирити через своих великих послов, чтоб им тот мир был надежен.

И по государеву указу, а по их челобитью государевы великие послы в ответех паном раде говорили, чтоб король и паны рада междоусобье успокоили, и с черкасы помирились, и православную християнскую веру не гонили, и церквей божиих не отнимали, и неволи им ни в чем не чинили, а ученили б мир по Зборовскому договору.

А великий государь его царское величество для православные християнские веры Яну Казимеру королю такую поступку учинит: тем лю-

дем, которые в его государском имянованье в прописках объявились, те их вины велит им отдать. И Ян Казимер король и паны рада и то дело поставили ни во что и в миру с черкасы отказали. Да и потому доведетца их принять в присяге Яна Казимера короля написано, что ему в вере християнской остерегати и зашищати, и никакими мерами для веры самому не теснити, и никого на то не попущати. А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушанья чинит свободными.

И он, Ян Казимер, тое своей присяги не здержал, и на православную християнскую веру греческого закона востал, и церкви божии многие разорил, а в-ыных унею учинил. И чтоб их не отпустить в подданство турскому салтану или крымскому хану, потому что они стали ныне присягою королевскою вольные люди.

И по тому по всему приговорили: гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять.

А стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы, и дворяне ж и дети боярские из городов, и головы стрелецкие, и гости, и гостиные и суконные сотни, и черных сотен и дворцовых слобод тяглые люди, и стрельцы о государской чести и о приеме гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского допрашиваны ж по чином, порознь.

И они говорили то ж, что за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и за честь сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, стояти и против литовского короля война весть. А они, служилые люди, за их государскую честь учнут с литовским королем битися, не шадя голов своих, и ради помереть за их государскую честь. А торговые всяких чинов люди вспоможеньем и за их государскую честь головами ж своими ради помереть.

А гетмана Богдана Хмельницкого для православные християнские веры и святых божиих церквей пожаловал бы великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии по их челобитью, велел их приняти под свою государскую высокую руку.

Приложение № 2.

Казаки, казачество, казачьи войска

Военная энциклопедия. Т. XI. СПб., 1913, с. 273-278.

Казаки, казачество, казачьи войска. В широком смысле термин «казак» означает лицо, принадлежащее к казачьему сословию или состоянию, в котором числится население некоторых местностей России, пользующееся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и общей воинской повинности; в казачьем сословии также продолжает еще числиться, т.с. исторически, население некоторых губерний, утратившее уже ныне значение казачества. В тесном смысле слова казачьи войска составляют часть вооруженных сил России, преимущественно кавалерию и конную артиллерию, и слово «казак» означает нижнего чина казачьих войск рядового звания. Самое слово «казак» или «козак» производят либо от косогов (одного из кавказских народов), либо Касахии (Закавказской области), либо от турецкого «каз» (гусь), либо от слова «козары» и, наконец, по некоторым изысканиям, слово «козак» – монгольского происхождения и означает: «Ко» – броня, латы, защита и «зах» – межа, граница, рубеж, т.е., в общем – защитник границы. Л. Будагов в своем «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (СПб., 1869) слово «казак» переводит: вольный бродяга, не имеющий ни кола, ни двора (разбойник); по-хивински и по-бухарски слово это означает «киргиз», да и сами киргизы называют себя не иначе, как казаки; в Туркестанском крае (по сведениям Пашино) казак – это прозвище кочевых племен; наконец, по исследованиям Голубовского («Печенеги, торки и половцы»), слово «казак» половецкого (тюркского) происхождения и означает «страж». У татар «казаками» назывались бессемейные и бездомные одинокие воины, служившие авангардом при походах и передвижениях татарских орд; они несли преимущественно разведочную и сторожевую службу. Татарские казаки служили затем при баскаках, собиравших на Руси дань, а от них постепенно переходили на службу и к русским князьям, которые даже селили их по окраинам для сторожевой службы; так, например, заселены были в Муромской земле по притокам р. Оки мещерские или городецкие казаки. Со временем казаками стали называться и русские служивые люди, селившиеся на окраинах государства для сторожевой («станичной») и пограничной («полевой»)

службы. Со времен Дмитрия Донского на границах появляются казачьи «сторожи» – наблюдательные посты (разъезды) по рр. Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Сосне и др. Постепенно из таких «сторожей» образовалась по восточной границе Московского государства целая линия укрепленных городов, населенных «городовыми» казаками, составившими особый класс служивых людей, несших пограничную службу. Верстались в казаки люди всех сословий и, получая в свое пользование земли, освобождались от податей; иногда они получали особое жалование, но были обязаны иметь за свой счет коня и вооружение. Впервые такие казаки появляются в Рязанском княжестве. В 1444 . рязанские казаки принимали участие в битве против татар, приведенных царевичем Мустафой. При Иоанне Грозном казаки перешли в ведение Стрелецкого приказа и составили особый род войска; в 1571 г. боярином кн. Воротынским был для них составлен устав сторожевой станичной службы; службу эту несли казаки станичные (сторожевые), т.е. станичники, вожди (проводники) и сторожа, городовые же (полковые) казаки должны были защищать города. Сторожевые казаки получали особое жалование. Казаки хоть и управлялись своими атаманами (иногда и стрелецкими головами), но были подчинены городским воеводам; всем казакам велись особые списки. Система сторожевой охраны ко времени Ивана IV создалась по следующей схеме: сперва шла внутренняя линия укрепленных городов (Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов и Звенигород), охраняемая значительными военными силами; далее к границе тянулась передовая линия укрепленных городов (Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Ряжск, Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль), с которой по всем направлениям рассылались сторожевые разъезды, доходившие до Азова. Такая же передовая линия со времени покорения Казани и Астрахани была устроена и по Волге; передовая линия по мере постройки впереди новых городов (Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Валуйки, Кромы, Борисов, Курск) постепенно выдвигалась вперед, и, т.о., шло закрепление степи и расширение государственной территории. После Ермака постепенно, но уже при помощи городовых казаков, произошло и закрепление за Москвой Сибирского царства. При Алексее Михайловиче городовых казаков насчитывалось до 5 тыс. чел.; на украинской службе к этому времени состояли уже и малороссийские выходцы, именовавшиеся «черкасами». Постепенно городовые казаки сливались с другими служивыми людьми

Московского государства (дворянами, боярскими детьми, стрельцами, рейтарами), и к началу XVIII в. они уже исчезают и остаются тольк в Сибири, да в прежних передовых городах: Чугуеве, Торе, Мояке, Новохоперске и в различных пунктах Поволжья. На смену им также постепенно возникает к началу XVI в. вольное казачество, образовавшееся из выходцев Московского и Польско-Литовского государств и заселявшее степные пространства, примыкавшие к этим государствам, преимущественно по водным путям к Черному и Каспийскому морям – по рр. Днепру, Дону, Волге, Яику, Тереку и их притокам. Причины, вызвавшие возникновение вольного казачества на границах двух половин Руси, московской литовской, хотя и имеют много общего между собой, но не совсем тождественны; отсюда и разница характера великорусского и малорусского казачества; в восточной Руси оно явилось, как бы протестом со стороны элементов, недовольных усилением московской государственной власти и московскими порядками, в особенности тягловым началом; более энергичные из недовольных, а также и лица, преследуемые государственной властью, стекались со всех сторон на южные и восточные границы или шли далее за границу и селились «в поле»; здесь они сливались с татарами и городовыми казаками, которые, неся службу на окраинах и даже в степи, вне государственных территории, фактически совершенно освободились от подчинения государственной власти; к ним примкнули и другие выходцы, всякого рода любители приключений, любители наживы путем лихих набегов и попросту «ушкуйники», целыми шайками грабившие по Волге и Каме торговые караваны, и весь это сброд «сходцев», связанный общностью интересов, характера и условий жизни, соединялся в независимые общины, известные под названием вольного или «воровского» казачества. Главной политической причиной, усилившей подобную эмиграцию, были на западе: соединение в 1486 г. Литвы с Польшей и усиление последней, церковная уния (1596 г.) и шляхетно-крепостнический режим, а на востоке: собирание Руси московскими князьями, присоединение Рязанского княжества, падение вольных городов Новгорода и Пскова, прикрепление крестьян к земле и усиление единодержавной власти московских государей; огромную роль здесь сыграло в образование казачества и ослабление татар, – падение в 1502 г. Золотой орды, в 1552 г. – Казанского и в 1556 г. Астраханского царств, – давшее выселению направление в сторону наименьшего сопротивления, – на восток и на юг. Так на юго-западе возникло Малороссийское и Запорожское казачество, а на востоке

(несколько позднее) – общины вольных казаков Донских, Волгских, Яицких, Гребенских, Терских, наконец, Сибирских. Казачьи общины были совершенно независимы друг от друга, но внутренняя связь, выражавшаяся в свободном переходе казаков из одной общины в другую, существовала довольно тесная. Общины друг друг поддерживали и, вместе с тем, сносились между собой особыми грамотами с предложениями каких-либо совместных мероприятий и даже с увещеваниями и советами старейших и более сильных общин (например, Донской) младшим. В общинах царил чисто демократический порядок при полном равенстве сочленов, общинном землевладении, отсутствия официальной власти (выборное начало) и каких-либо податей и налогов; казаки выбирали на срок из своей среды атаманов и старшин войсковым кругом, но в мирное время и атаманы и старшины были, в сущности, исполнителями воли казачьей общины. Зато во время походов атаманы пользовались почти что неограниченной властью. Управлял общиной обычай, а не закон, но всякое нарушение обычая каралось жестоко и беспощадно самосудом. В XVII в. вольное казачество достигло полной политической и внутренней независимости: общины сами решали вопросы о войне и мире с соседями, вступали в борьбу с соседями и не только предпринимали набеги на Крым и побережье Черного и Каспийского морей, но отваживались и на открытую борьбу с Польшей и Московской Русью. Москва еще не была так сильна, чтоб подчинить себе казачество, а потому была принуждена снисходительно смотреть на его самовольство и непослушание царской власти, тем более, что сама Москва, нуждалась в казачестве; с другой стороны казачество, не желая поступиться своей вольностью, тем не менее, сознавало связь с Русью, считало себя русским и по крови и по религии, а потому только в редких случаях обращало против Руси свое оружие и обычно руководилось ее указаниями и советами (делаемыми через Посольский приказ) в вопросах борьбы с «неверными» (татарами и турками), принимало с почетом царских послов и царское жалование за услуги и службу, от которой казачество, как это не противоречило его вольности, никогда не отказывалось. Хотя московское правительство уже с половины XVI в. и пыталось обуздать своеволие казачества (поход в 1577 г. стольника Мурашкина против казаков на Волгу; действия против отрядов Ермака и т.п.), но только во 2-ой половине XVII в., с усилением государственной власти в России, стала падать независимость вольных казачьих общин, постепенно превращавшихся в отдельные казачьи войска. В 1671 г. Донские казаки

были приведены к присяге на верность службе русскому царю, а уже к концу царствования Петра Великого вслед за Донскими и Яицкими казаками, перешедшими в 1721 г. в ведомство военной коллегии, та же участь постигла и остальные казачьи общины. Внутреннее их устройство было преобразована на совершенно иных началах, была введена целая иерархия правительственных властей, к которым и перешла вся былая власть казачьего войскового круга. Подчинив своей власти казаков в числе до 85 тыс. чел., правительство начинает ими пользоваться для колонизации вновь завоеванных земель и охраны государственных границ, преимущественно южной и восточной, образовывая для этой цели новые казачьи войска, в состав которых за недостатком природных казаков, оно начинает зачислять и лиц других сословий: отставных солдат, инородцев, государственных крестьян, ссыльных и т.п. Образованное, таким образом, казачье население постепенно выдвигается вперед, расширяя государственные пределы. В половине XVIII в. созданы казачьи войска: Оренбургское, Астраханское, Волгское; в конце того же века – Екатеринославское, Черноморское и другие. С конца XVIII в. правительство принимается и за дело законодательной регламентации внутреннего устройства казачьих войск и управления ими: издается ряд «положений» о казачьих войсках, дальнейшая обработка которых продолжается в течение всего XIX в. Центральным управлением городов. Казаками ведал первоначально Стрелецкий приказ, а затем Разрядный (Московский большой разряд); Сибирские же казаки состояли в ведение Сибирского приказа, а Запорожские и Малороссийские – Малороссийского приказа. В актах 1-ой четверти XVII в. упоминается и об особом казачьем приказе; наконец, управление Донскими, Яицкими и Гребенскими казаками было поручено Петром I коллегии иностранных дел, а затем (1721 г.) было передано военной коллегии; ей же, в порядке высшего управления, были подчинены и вновь учрежденные в XVIII в. казачьи войска: Астраханское, Терско-Кизлярское, Терско-Семейное, Волгское, Оренбургское и др. Т.о. состоялось объединение высшего управления казачьих войск. В.Х. Казин в своей исторической хронике «Казачьи войска», подразделяет казачьи войска на группы:

1. Упраздненных казачьих войск и войск, бывших на положении казачьих;
2. Казачьих временных частей, бывших на положении казачьих и иррегулярных частей;
3. Современных казачьих войск;

К первой группе он относит:

1. ***Чугуевских*** казаков, образованных в 1700 г. из живших в г. Чугуеве казаков и из Донских и Яицких казаков, служивших в Орле, Курске и Обояне, а также из крещеных калмыков и татар; последний Чугуевский казачий (регулярный) полк в 1808 г. был переформирован в Чугуевский уланский полк и поступил в состав военных поселений;

2. ***Бахмутские*** **к**азаки были образованы в 1701 г. и на них была возложена охрана отобранных в казну Бахмутских соляных ключей; в 1764 г. Бахмутский конный казачий полк был преобразован в Луганский пикинерный (впоследствии гусарский) полк;

3. Бугское казачье войско образовалось в 1774 г. из поселенного на р. Буге полка, составленного турками в 1769 г. из молдаван, валахов и др. задунайских христиан и перешедшего во время войны на сторону России, а также из казачьего полка, поселенного в 1775 г. на р. Ингульце и навербованного во время турецкой войны из разных иностранцев славянской крови; в 1817 г. Бугские казачьи полки были переформированы в уланские и поступили в состав военных поселений;

4. Екатеринославское казачье войско, первоначально образованное в 1787 г. из однодворцев, поселенных в Екатеринославской губернии, по бывшей Украинской линии; упразднено в 1796 г., при чем часть казаков была предназначена для нового ***Вознесенского*** казачьего войска, которое, однако, образовано не было, и в 1801 г. казаков упраздненного Екатеринославского войска переселили на Кавказ;

5. Дунайское **в**ойско образовано в 1807 г. генералом Михельсоном из живших в устье Дуная беглых запорожцев, известных под названием Буджакских; в 1856 г. это войско было переименовано в ***Новороссийское***, а в 1866 г. окончательно упразднено, с обращением казачьего населения в гражданское состояние;

6. Украинское казачье войско, учрежденное в 1812 г. из способных к казачьей службе поселян Киевской и части Каменец-Подольской губерний; в 1816 г. Украинская казачья дивизия переименована в уланскую;

7. Азовское казачье войско, образованное в 1829 г. из Задунайских запорожцев и упраздненное в 1864 г.;

8. Ставропольское Калмыцкое войско образовано в 1739 г. из крещеных калмыков, поселенных в окрестностях крепости Ставрополь, построенной для их главы, княгини Тайшиной; в 1842 г. оно присоединено к Оренбургскому казачьему войску;

9. Башкиро-Мещерякское войско образовано в 1798 г. из покоренных в 1574 г. башкир Оренбургского края; в 1865 г. это войско было

передано в ведение министерства внутренних дел, в 1882 г. упразднен Башкирский конный полк, а в военное время повелено формировать Башкирскую конную милицию;

10. Крымско-татарское войско ведет свое начало от таврических национальных дивизионов, образованных в 1784 г. из жителей новоприсоединенного к России Таврического полуострова; ныне существует лишь Крымский конный Ея Великой Государыни Императрицы Александры Федоровны полк;

11. Греческое (Албанское) войско учреждено в 1775 г. из греков и албанцев, служивших в продолжении турецкой войны на российском флоте и по окончании войны поселенных близ крепости Керчь и Еникале; в состав его вошли впоследствии и армянские выходцы; последний Балаклавский греческий батальон упразднен в 1859 г.;

Ко второй группе относятся:

1. Слободские-Черкасские и Малороссийские казачьи полки: а.) Сумский, Изюмский, Ахтырский, Харьковский и Рыбанский (Острогожский), учрежденные в 1651 г. из малороссийских выходцев («черкас»), бежавших от польских притеснений и поселившихся в Слободско-Украинской обл.; б.) Киевский, Черниговский, Винницкий, Нежинский, Переяславский, Прилуцкий, Крапивенский, Чигиринский, Миргородский и Полтавский – из левобережных (на Днепру) малороссийских казачьих полков, принявших в 1654 г. русское подданство; в.) охочекомонные и компанейские полки, сформированные из вольно набранных людей, не принадлежащих к Малороссийским казакам; г.) Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Брацлавский, Уманский, Калмыцкий, Подольский, Паволочский и Торговицкий – из принятых в 1674 г. в русское подданство малороссийскихказачьих полков правой стороны Днепра; Эти полки частью упразднены, частью были переформированы в регулярные кавалерийские части.

2. Пандурские части (гусарский и пандурский полки, а впоследствии еще 4 роты) сформированы в 1751 г. в Новой Сербии (местность за Днепром) из сербских выходцев, уроженцев австрийской службы, полковником Хорватом; части эти в 1764 г. были расформированы.

3. Временные казачьи части: а.) казачьи полки майоров: Лалаша, Левиза, Фриза и Шенка, сформированные в 1764-1774 гг., во время турецко-польских войн в действующей армии из малороссийских и южнославянских выходцев; б.) волонтерские команды, сформированные в 1787 г. по случаю турецкой войны из южнославянских, албанских, молдованских и греческих выходцев; в.) «Бугские спиры» – во-

лонтерские когорты, сформированные в 1788 г. при армии Потемкина из арнаутов, волохов и др.; г.) Смилянский и Сколянский казачьи полки в 1788 г. – из таких же выходцев, как и волонтерские команды; д.) Ямской казачий полк – из ямщиков Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерний, сформирован в 1788 г. для участия в шведской войне; е.) корпус малороссийских пеших стрелков сформирован из Малороссийских казаков в 1790 г.; все эти временные части, по минованию в них надобности, были расформированы.

4. Литовские (польские) конные полки (два) сформированы в 1797 г. из литовских татар; в 1807 г. переформированы в уланские;

5. Нагайские полки образованы в 1802 г. из обращенных в казачье состояние нагайцев, обитавших в Таврической области на Молочных водах; в 1805 г. упразднены, и нагайцы обращены в земледельческое сословие;

6. Калмыцкие (астраханские) полки сформированы в 1811 г. из калмыков Дербентевского и Хошкутовского улусов; расформированы в 1815 г.

7. 15 малороссийских конных казачьих полков сформированы в 1812 г. для усиления действующей армии из жителей Черниговской и Полтавской губерний; ***8 кавалерийских полков*** сформированы в 1831 г. из Малороссийских казаков тех же губерний; ***6 малороссийских конных казачьих полков*** сформированы в 1855 г. из жителей тех же губерний; ***3 малороссийских конных казачьих полка*** сформированы в 1863 г. из казаков тех же губерний; все это части по минованию в них надобности, были расформированы;

8. Московский казачий полк сформирован в 1812 г. графом Дмитриевым-Мамоновым из своих крепостных людей; расформирован в 1814 г.;

9. Казачьи регулярные волонтерские полки сформированы в 1812 г. из ополчения Санкт-Петербургской губернии (Бессмертный, Смертоносный и Александрийский); расформированы в 1814 г.

10. Казачьи части внутреннего ополчения, сформированные в 1812 г. в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Вятской, Симбирской, Херсонской, Полтавской, Черниговской и Лифляндской – всего 68 полков, 2 конно-артилерийских полуроты, 3 сотни, 1 казачья дружина и 1 казачий эскадрон, расформированы в 1814 г.;

11. Туркменский конный дивизион, сформированный в 1892 г. из учрежденной в 1885 г. Туркменской конной милиции;

12. Китайский туземный отряд, сформированный в 1905 г. во время войны с Японией для разведочной службы, расформирован в том же году;

13. Кавказские иррегулярные части: а.) Грузинская гусарская рота, сформированная из грузинских князей и дворян, расформирована в 1775 г.; б.) горская команда (с 1765 по 1824) из горских выходцев, поселившихся близ Моздока, в.) части, сформировавшиеся на милиционных началах с 1804 по 1854 гг. во время Кавказской войны из грузин, татар, чеченцев, армян и др. кавказских народностей; д.) Конвой Его Величества, сформированный в 1828 г., в составе взвода, из знатнейших кавказских горцев; е.) Грузинский пеший полк («Джар») сформированный в 1831 г. из ополчений Сигнахского и Телавского уездов (ныне 5-й Кавказский стрелковый полк); ж.) Закавказский конно-мусульманский и Кавказский конно-горский полки, сформированные в 1835 г. при отдельном Кавказском корпусе; расформированы в 1856-1857 гг.; з.) Почетная команда конвоя командира отдельного Кавказского корпуса, сформирована в 1839 г.; и.) Анапский Горский полуэскадрон, сформированный в 1849 г.; к.) Грузинская конная дружина охотников, сформированная в 1849 г.; л.) Дагестанский конно-иррегулярный полк, сформированный в 1851 г.; м.) сотня гурийской пешей милиции, сформированная в 1851 г. для охранения границ Озургетского уезда из туземных князей и дворян (ныне 7-й Кавказский стрелковый полк); н.) части, сформированные в 1853-1856 гг. по случаю Восточной войны: Эриванско-Бекская дружина, полки: 4 конно-мусульманских, Эриванский №4 и два Куртинских; милиции: Ахалкалакская, Ахалцыхская, горско-кавказская, Грузинская, Гурийская, Имеретинская, Карталинская, Мингрельская, Осетинская и Лорик-Меликова; все по окончании войны расформированы; о.) Терский конно-иррегулярный полк и Лабинский конно-иррегулярный дивизион, сформированы в 1860 г. из добровольцев горских племен (расформированы в 1865 г.); п.) Дагестанская постоянная милиция в составе 10 сотен, сформированная в 1860 г.; р.) 3 конных сотни постоянной милиции Андийского округа, сформированные в 1862 г.; с.) части, сформированные в 1877-1878 гг. по случаю войны с Турцией из горских племен: 6 конных полков, 8 отдельных конных сотен, 3 конные и 3 пешие дружины; из туземного населения Закавказья: 8 конных полков, 7 конных дивизионов, 2 конные дружины и 12 отдельных конных сотен; по окончанию войны все эти части были расформированы; т.) Батумская и Карская постоянная милиция, сформированные в 1879 г., упразднены в 1899 г.; у.) 2 Кавказские туземные резервные дружины,

сформированные в 1887 г. из туземцев-христиан, впоследствии переформированы в различные регулярные части; ф.) Осетинский конный дивизион, сформированный в 1890 г. из осетин; х.) 2-й Дагестанский и Терско-Кубанский конные полки, сформированы в 1904 г. по случаю войны с Японией (Кавказская конная бригада) из горцев, расформированы в 1906 г.;

Третью группу составляют ныне существующие казачьи войска:

1. Донское,
2. Кубанское,
3. Терское,
4. Астраханское,
5. Уральское,
6. Оренбургское,
7. Сибирское,
8. Семиреченское,
9. Забайкальское,
10. Амурское,
11. Уссурийское,
12. Казачье население Иркутской и Енисейской губерний.

Во главе военного управления всех казачьих войск стоит Атаман всех казачьих войск. Звание это с 1827 г. присвоено Наследнику престола; во главе каждого казачьего войска поставлены или войсковые наказные или наказные атаманы. Звание войскового наказного атамана представляет отдельную должность только в Донском войске, в прочих же это звание соединено с должностью генерал-губернатора или командующего войсками округа. Органами военного управления казачьих войск являются войсковые штабы, которые действуют через атаманов отделов (в Донском войске – окружных атаманов, а в астраханском – начальников отделов); низшей инстанцией является станичный атаман, избираемый станичным сходом. Изданными в царствование императора Николая I положениями о казачьих войсках, казачье население обобсрбилось окончательно в тесно замкнутое сословие. Оседлое водворение на казачьих землях лиц, не принадлежавших к казачьему сословию, воспрещалось (кроме местностей, имевших особое торгово-промышленное значение). Зачисление в казачество посторонних лиц в некоторых войсках воспрещалось вовсе, а в некоторых разрешалось, но лишь для лиц точно определенных в законе категорий, как-то: вольноотпущенных отставных солдат, туземных инородцев, вообще лиц свободного, не крепостного состояния. Лица, однажды поступившие в казачье сословие, оставались в нем навсегда,

совершенно утрачивая связь с тем сословием, к которому ранее принадлежали: выход из войскового сословия воспрещался безусловно, при чем казакам запрещалось даже вступать в брак с посторонними лицами; не допускался также переход казаков на службу в посторонние ведомства или в регулярные войска. Казачье население, организовавшись в особое сословие, резко отличалось по своим правам и обязанностям от прочих государственных сословий. Отличительными чертами казачьего сословия служили: особый порядок отбывания воинской повинности, освобождение от подушной подати, от рекрутской повинности, от государственного земского сбора, права беспошлинной торговли в пределах войсковых территорий, особые права на пользование государственными землями и разными другими угодьями, както: рыбными ловлями, добыванием соли и т.п. В видах развития торговли и промышленности во всех почти казачьих войсках были учреждены торговые общества, чем устранялась необходимость допуска перехода казаков в купеческое сословие. Потомственными дворянами признавались войсковые чины, начиная с хорунжего, в тех казачьих войсках, которые были сравнены в чинах с войсками регулярными; в войсках же не сравненных в чинах с армейскими, – потомственное дворянство приобреталось чином полковника или войскового старшины, полученным за военные подвиги. Казаков, числившиеся в духовном звании, увольнялись из войскового сословия на время нахождения в этом звании; в случае же лишения духовного звания, снова обращались в казачество. Земли находились в общественном владении (за исключением наделов, подлежащих отводу войсковым офицерам и чиновникам) и, за выделением земельных станичных наделов, составляли войсковой запас, предназначавшийся для будущих потребностей войска. Кроме того, в войсках были организованы особые войсковые капиталы, предназначавшиеся служить источниками средств, необходимых для удовлетворения разного рода войсковых обязанностей; капиталы эти считаются «войсковой казенной собственностью» (П.С.З. , т. XVII, № 16023); главнейшими источниками войсковых доходов служили: казенное жалование, производившееся некоторым войскам, доходы от продажи вина, от войсковых оброчных статей, сборы с иногородних лиц за торговлю в войсковых пределах, сборы с войсковых весов, пошлины за вывоз икры и рыбы, сбор за право участия в багренном рыболовстве и т.п. В последующие затем царствования замечается несколько иное направление в правительственном отношении к казачеству: с одной стороны замечается стремление развить боевую силу казачества, а в другой – распространить в них, в видах улучшения

гражданского их быта и хозяйственного благосостояния, действие общих начал гражданского благоустройства, т.е. стремления к постепенному слиянию казачьего населения с прочим населением Империи; правительство начинает упразднять казачьи войска, утратившие военное значение, дозволяет лицам невойскового сословия селиться в казачьих областях, предоставляет лицам казачьего сословия право выхода из него и право службы вне войска, наделяет офицеров и чиновников земельными участками на праве полной собственности, распространяет на казачьи войска общие правила о торговле и законы о подсудности и даже вводит жеребьевый порядок комплектования служивого состава и учреждает особый класс войсковых граждан, свободных от военной службы; наконец, в последнее время были даже попытки введения в некоторых казачьих областях земских учреждений. В основу воинской повинности казаков положены обязательность и всеобщность ее отбывания. В настоящее время в казачьих войсках действует устав о воинской повинности от 17 апреля 1875 г. (С.В.П., т. IV, изд. 1897 г. и по Прод. 1906, 1908 и 1910 гг.), изданный для войска Донского, но в отношении каждого из казачьих войск установлены изъятия и изменения, изложенные в особых правилах. Как и прежде, казаки являются на службу со своим снаряжением и вооружением (кроме огнестрельного оружия), имея собственных верховых лошадей. Служба казаков начинается с 18 лет и продолжается по общему правилу 20 лет, после чего казаки зачисляются в ополчение, учет которому ведется только для 10 возрастов. Основанием для освобождения от службы признается лишь физическая негодность и принадлежность к духовному званию; однако, станичный сход при наряде казаков по нумерам на службу, соображается обыкновенно с семейным положением наряжаемых. Первые 3 года службы казаки состоят в приготовительном разряде и на 2-м году уже обучаются военной службе в станицах, а на 3-м в лагере; за эти 3 года казаки должны совершенно приготовиться и снарядится для службы. Следующие 12 лет казаки числятся в строевом разряде и несут первые 4 года действительную службу в частях 1-ой очереди, вторые 4 года состоят в частях 2-ой очереди (на льготе), живут в станицах, но должны иметь верховых лошадей и ежегодно собираться в лагеря; последние 4 года казаки числятся в частях 3-ей очереди, могут не иметь верховых лошадей и в лагеря собираются всего 1 раз. Всех не попадающих в первоочередные части сразу зачисляют во 2-ю очередь, в которой они и состоят 8 лет, являясь на лагерные сборы, а затем перечисляются в 3-ю очередь. Отбыв службу в строевом разряде, все казаки перечисляются в запасной разряд, в котором состоят

5 лет; в этот период казаки могут не иметь верховых лошадей; они предназначаются на пополнение убыли и на формирование новых частей; по окончании 20-летней службы казаки перечисляются в ополчение, призываемое под оружие только Высочайшими манифестами. Неспособные к строевой службе казаки назначаются на нестроевые должности, а вовсе неспособные облагаются денежным сбором, идущим на снаряжение беднейших казаков. В Уральском казачьем войске все идущие на службу получают от остающихся дома казаков полевого разряда «подмогу» (наемку), достигающую 300-400 руб., но от наряда на службу никто не освобождается. Казачьи войска выставляют конные, конноартиллерийские и пешие части, входящие в состав действующих войск, и конные и пешие части для внутренней службы, при чем в законе точно указано количество частей, выставляемых каждым войском в мирное и в военное время. Внутреннее устройство казачьих войск и порядок службы определены особыми положениями для каждого войска в отдельности. Вооружение казака составляют шашка особого образца и пика (только в передней шеренге); у кавказских казаков пик нет, но имеются кинжалы; обмундирование казаков отлично по покрою от армейского, а кавказские казаки имеют бешметы, черкески и бурки; ездят казаки без мундштуков и шпор, на особых казачьих седлах и управляют лошадью при помощи уздечки и нагайки. Все казачьи войска подчинены в настоящее время военному министерству. В московский период городовые казаки вместе со стрелецким войском, находились в ведении стрелецкого, а затем разрядного и посольского приказов. При Петре I заведование казаками перешло в особые «повытья» коллегии иностранных дел (1719 г.), а затем (1721 г.) в военную коллегию, за исключением Сибирских казаков, оставшихся в ведении сибирского приказа; с течением времени часть казачьих войск осталась в ведении военной коллегии, а заведование прочими казачьими войсками сосредоточилось в инспекциях: 1.) Литовской и Брестской, 2.) Оренбургской, 3.) Кавказской и 4.) Сибирской, и, кроме того, часть казачьих войск состояла в распоряжении гражданского ведомства. С учреждением в 1802 г. министерств, во главе управления казачьими войсками был поставлен министра военно-сухопутных сил, и дела, касающиеся казаков, смотря по роду их, входили в круг ведомства различных министерств. С упразднением казачьей экспедиции при военной коллегии казачьи дела перешли в инспекторский департамент главного штаба (1815 г.) и в другие (комиссариатский, провиантский и т.д.); непосредственное заведывание казачьими войсками сосредоточилось в руках командиров отдельных копусов Кавказского, Орен-

бургского, Сибирского и Астраханского военных губернаторов и генерал-губернаторов Новороссийского и Восточной Сибири. С 1835 г. управление казачьими войсками как в военном, так и в гражданском отношениях было сосредоточено в департаменте военных поселений военного министерства. В 1857 г. было учреждено управление иррегулярных войск, в которое и перешло из упраздненного департамента военных поселений все центральное управление казачьими войсками; в 1867 г. оно было переименовано в главное и, ведая всеми делами по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск, сосредоточило в себе делопроизводство по законодательной, строевой, хозяйственной, судебной, межевой и административной частям этих войск. В 1879 г. это управление было переименовано в главное управление казачьих войск и, наконец, в 1910, с упразднением этого управления, заведывание казачьими войсками перешло в главный штаб. (Столетие военного министерства, т. XI, ч. I. Главное управление Казачьих войск, СПб., 1902; ***В.Х. Казин*,** Казачьи войска, СПб., 1912; ***Хорошхин,*** Казачьи войска, СПб., 1881; ***Д. Багалей,*** «Очерки из истории колонизации и быта окраин Московского государства», Москва, 1887; ***Беляев,*** О русском войске в царствование Михаила Федоровича; ***Его же*,** О станичной службе на польской Украине; ***Антонович,*** Предисловие к Актам о казаках, «Архив Юго-Западной России», ч. 3, т. I и II; ***Д.И. Иловайский,*** История Рязанского княжества, Москва, 1884; ***П. Голубовский,*** Печенеги, торки и половцы, Киев, 1884).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Архивные (неопубликованные) источники:

I. Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА)

Ф.9 Государственный архив. IX разряд. Кабинет Петра I. Отд. II

Ф. 20. Государственный архив. XX разряд.

Ф. 79. Сношения России с Польшей.

Ф. 89. Сношения России с Турцией.

Ф. 111. Донские дела.

Ф. 123. Сношения России с Крымом.

Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.

Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.

Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Новгородского стола.

Ф. 243. Ближняя канцелярия.

Ф. 371. Преображенский приказ. Столбцы секретные.

Ф. 396. Архив Оружейной палаты.

Ф. 1210. Генеральный двор в Преображенском. Столбцы.

II. Фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)

Ф. Военно-учетного архива (ВИА)

Ф. 13. Казачья экспедиция канцелярии Военной коллегии.

Ф. 20. Воинская (секретная) экспедиция Военной коллегии

Ф. 33. Ландмилицейское повытье канцелярии Военной Коллегии.

Ф. 490. Офицерские сказки. Опись 2.

III. Фонды Российского государственного архива ВМФ.

Ф.233 Канцелярия адмирала Ф.М. Апраксина.

IV. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Ф. 83. Походная канцелярия А.Д. Меншикова

Ф. 181. Валдайский Иверский монастырь

Ф. 276. Издательский фонд.

V. Государственный архив Воронежской области.

Ф. 5. Азовская приказная палата.

VI. Государственный архив Ростовской области.

Ф. 46. Атаманская канцелярия.

Ф. 339. Хоперское сыскное начальство.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА (Сокращения)

1. Альбовский 1895 – *Альбовский Е.* История Харьковского слободского казачьего полка (1651-1765). Харьков. 1895.

2. Алмазов 2008 - *Алмазов Б.А.* Мы казачьего рода. Т. I. Хельсинки. 2008.

3. Алмазов 2008а – *Алмазов Б.А.* Военная история казачества. М.. 2008.

4. Акты Лишина – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т.I. Новочеркасск. 1894.

5. Акты исторические – Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. Т. I-V. СПб., 1841.

6. Акты Моск. Гос-ва, I-III – Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук под редакцией Н.А. Попова (т. III под редакцией Д.Я. Самоквасова). Т. I-III. СПб., 1890-1901.

7. АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археологической комиссией. СПб, 1853. Т. V.

8. АЮЗР - Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией Ч. III. Т. 2. СПб, 1868; Т. V. СПб., 1876; Т. X. СПб., 1878.

9. Архив Юго-Западной России. К., Ч. I, Т. V, 1873.

10. Анисимов 1989 – *Анисимов Е.* Время петровских реформ. Л., 1989.

11. Анисимов 2004 – Анисимов Е. Русская пытка. СПб., 2004.

12. Антонович АЮЗР – *Антонович В.Б.* Содержание актов о козаках на правой стороне Днепра (1679-1716 гг.)// АЮЗР Ч. III, Т. 2. СПб, 1868.

13. Антонович 1882 – *Антонович В.Б.* Уманьский сотник Иван Гонта. 1768 г. // Киевская старина. К., 1882. Кн. 5.

14. Антонович 1883 - *Антонович В.Б.* Неизвестный до селе гетман и его приказ// Киевская старина. Кн. 5. К., 1883.

15. Антонович 1885 - *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885.

16. Артамонов 1989 – *Артамонов В., Павленко Н.* 27 июня 1709 г. М., 1989.

17. Артамонов 1990 – *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М., 1990.

18. Артамонов 2006 – *Артамонов В.А.* Боевой дух армий России и Швеции 1700-1714 гг.// Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX вв. М., 2006.

19. Артамонов 2007 – *Артамонов В.А.* Победа генерала А.Д. Меншикова под Калишем в 1706 г.// Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первоц четверти XVIII в. Материалы конференции. СПб., 2007.

20. Артамонов 2008 – *Артамонов В.А.* «Gloriosa Victoria». К 300-летию победы Петра Великого при Лесной.// Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени. Материалы международной научной конференции. СПб., 2008.

21. Астапенко 2002 – *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и празники донских казаков XII-XX вв. Батайск. 2002.

22. Багалей 1887 – *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

23. Багалей 1888 – *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков. 1888. Т. I.

24. Багалей 1918 - *Багалей Д.И.* История Слободской Украины.// Діяльність полковників і їх вибори. Издательство «Союз» Харьковского кредитного союза кооперативов. - 1918 г.

25. Базарова 2006 – *Базарова Т.А.* Местное население и военные действия в Приневье начала XVIII в.// Приневье до Петербурга. СПб., 2006.

26. Базарова 2006а – *Базарова Т.А.* Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время боевых действий в Приневье (нач. XVIII в.)// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы научной конференции. 2006.

27. Базарова 2007 – *Базарова Т.А.* Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702-1710 гг.: проблемы взаимоотношений// Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007.

28. Бантыш-Каменский 1822 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. СПб., 1822.

29. Бантыш-Каменский Источники – *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники малороссийской истории. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1858.

30. Бантыш-Каменский История Украины – *Бантыш-Камеский Д.Н.* История Украины. От водворения славян в сей стране к уничтожению гетманства. Киев-Петроград. (Без года).

31. Безгин 1891 – *Безгин И.Г.* Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714-1717 гг.). СПб., 1891.

32. Безотосный 2004 – *Безотосный В.* Кто такие казаки?// Родина. 2004. №5.

33. Берх 1829 - *Берх В.Н.* Собрание писем императора Петра I к различным лицам с ответами на оные. СПб. Ч. I. 1829.

34. Бескровный 1947 – *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.

35. Беспятых 1980 – *Беспятых Ю.Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны. Л., 1980.

36. Бобровский 1886 – *Бобровский П.О.* Военное право в Росси при Петре Великом. СПб., 1886.

37. Бобровский 1891 – *Бобровский П.О.* Завоевание Ингрии Петром Великим (1701-1703 гг.) СПб, 1891.

38. Богданов 1982 – *Богданов А.П.* Политическая гравюра в России периода регенства Софьи Алексеевны// Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982, С. 225-247.

39. Богданов 2001 – *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.

40. Боголюбский 1895 - *Боголюбский М.С.* Московская иерархия. Патриархи. М., 1895

41. Богословский I-IV – *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. I-IV. М., 1940-1948.

42. Боевая летопись – Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948.

43. Болтунова 2006 – *Болтунова Е.М.* Шведские пленные в Петровских триумфах периода Северной войны//Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX вв. Коллективная монография. М., 2006.

44. Бондарев 1906 – *Свящ. Иоанн Бондарев.* Древность Николаевской церкви в городе Черкасске//Донская церковная старина. Новочеркасск. 1906. Вып. 1.

45. Борин 1914 – *Борин В.* Два памятника иконографии XVII и XVIII вв.: икона Азовской Богоматери и прописи к ней// Светильник. 1914. №8. С. 3-12.

46. Бородкин 1910 – *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб, 1910.

47. Боярские списки – Информационная полнотекстовая система «Боярские списки 1706-1710 гг.», научн. Руководитель Захаров. 2003-2007. http:zaharov.csu.ru/bspisok.pl.

48. Бруин 1873 – Путешествие Корнелия де Бруина через Московию. М., 873.

49. Брикнер 2004 - *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 2004.

50. Брикс 2001 – *Брикс Г.* Примечания к «Истории конницы» Денисона. М., 2001.

51. Броневский 1834 – *Броневский В.* История Донского войска: Описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. Ч. I. СПб., 1834.

52. Брюсова 1984 – *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984.

53. Будин 1999 – *Будин П.А.* Петр Великий и церковь//Царь Петр и король Карл. М., 1999.

54. Булавинский бунт – Булавинский бунт. 1708. Материалы./ Сообщил П.П. Ламбин// Русская старина. 1870. Издание 3. Т. 2. СПб. 1875.

55. Булавинское восстание – Булавинское восстание: Сборник документов.М., 1935.

56. Бушкович 2001 – *Bushkovich P.* Peter the Great. The Struggle for Power. 1671-1725. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2001.

57. Бущик 1971 – *Бущик Л.П.* Иллюстрированная история СССР. XV-XVII вв. М., 1971.

58. Быкадоров 1930 – *Быкадоров С.Ф.* История казачества. Т. I. Прага. 1930.

59. Вареник 1996 – *Вареник В.И.* Происхождение донского казачества. Ростов-на-Дону. 1996.

60. Василик 2007 - *Василик В.В.* Северная война в гимнографических памятниках петровской эпохи//Северная война, Санкт-Петербург и страны Западной Европы в 1-й четверти XVIII в. СПб., 2007.

61. Васильев 1989 – *Васильев А.А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении// Военно-исторический журнал. 1989. №7.

62. Введенский 1912 – *Введенский С.И.* К биографии митрополита Стефана Яворского//Христианское чтение. Т. CCXXXVIII, 1912, август. С. 892-919.

63. Великая 2003 – *Великая Н.Н.* Официальное православие и гребенские казаки в XVIII - начале XX вв.//Православие в

исторических судьбах Юга России. Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов-на-Дону, 2003. С. 30-43.

64. Великая 2004 – *Великая Н.Н.* Трепак и лезгинка//Родина. 2004. №5. С. 110-113.

65. Величко 1904 – *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы.

66. Ведомости – Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1

67. Верховской 1916 – *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области русского церковного права. Ростов-на-Дону. 1916. Т. 1.

68. Веселаго 1872 – *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1868 г. СПб, 1872.

69. Веселаго 1875 – *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб, 1875.

70. Веселовский 1881 – *Веселовский Н.* Руские невольники в среднеазиатских ханствах // Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Составлены под редакцией ген. штаба ген.-лейт. В.Н. Троицкого. Ташкент. 1881.

71. Вилкуна 2005 – *Vilkuna K.H.J.* Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Jyväskylä., 2005.

72. Витиевский 1878 – *Витиевский В.Н.* Раскол в Уральском Войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и в XIX вв. Казань. 1878.

73. Витиевский 1879 – *Витиевский В.Н.* Яицкое войско до появления Пугачева. Исследование //Русский архив. 1879. №8.

74. Виттрам, I-II – *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des GroЯen in seiner Zeit. Bd. I-II. Gцttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1964.

75. Владимирский-Буданов 1915 – *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев., 1915.

76. ВЭ – Военная энциклопедия. Т VI - XIII. СПб. 1912-1913.

77. Возгрин 1986 – *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатическиз отношений в 1697-1710 гг.). Л., 1986.

78. Возгрин 2004 – *Возгрин В.Е.* Проблемы работорговли Нового времени// Голом Крыма. 2004. №2.

79. Возгрин 2006 – *Возгрин В.Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург

и страны Северной Европы. Материалы VI ежегодной научной конференции. СПб., 2005.

80. Возгрин 2008 – *Возгрин В.Е.* Военно-политический конфликт во время пребывания Карла XII в Турции (1709-1714)// Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. Материалы международной научной конференции. СПб. 2008. С. 57-75.

81. Военно-походный журнал - Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля// Материалы Военно-учетного Архива Главного штаба. Т. I. СПб. 1871.

82. Волкова 1986 – *Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития// Вестник МГУ. 1986. Серия 8. № 4.

83. Волынский 1902 – *Волынский Н.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. 1701-1901. Т. I. Кн. I. (1701-1733). СПб., 1902.

84. Воронежская старина – Воронежская старина. Вып. 3. Воронеж., 1903.

85. Воронежские акты – Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные источники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Собраны и изданы Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Кн. 1. Воронеж. 1851.

86. Гальковский 1909 – *Гальковский Н.* Наказной гетман Полуботок. Исторический очерк. Лебедин. 1909.

87. Гедеон 1992 – *Гедеон Митрополит Ставропольский и Бакинский*. История христианства на Северном Кавказе до и после его присоединения к России. М.-Пятигорск., 1992.

88. Геништа, Борисевич – *Геништа В.И., Борисевич А.Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. 1704-1904. СПб, 1904, Ч. I.

89. Гербель 1852 – *Гербель Н.* Изюмский слободской казачий полк. 1651-1765. Спб., 1852.

90. Гилленкрок 1844 – *Гиллинкрок А.* Сказание о выступление Е.В. короля Карла XII и о том, что в сем походе к Полтаве, при осаде ееи после слкчилось// Военный журнал. 1844. №6.

91. Гистория - Гистория Свейской войны или Поденная записка Петра Великого. Вып.1 / Сост.Т.С. Майкова. М., 2004.

92. Гнеденко 1993 – *Гнеденко А.М., Гнеденко В.М.* За други своя или всё о казачестве. М., 1993.

93. Голиков I-XIII - *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого,мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников, расположенные по годам. Т. I-XII, М., 1788-89; Т.XIII М., 1840.

94. Голодалинский 1902 – *Голодалинский П.П.* История 3-го Драгунского Сумского Его Величества Короля Датского Фридриха VIII полка. М., 1902. Т. 1-й (1651-1796 гг.)

95. Гордеев 1992 – *Гордеев А.А.* История казаков. В 4-х тт. М., 1992-1993.

96. Гордон I-II – Дневник генерала Патрика Гордона, введенный им во время его шведской и польской службы от 1655 до 1661 г. и во время пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. I-II. М., 1851.

97. Грамоты Прянишникова – Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Изданы под редакцией М. Прянишникова. Новочеркасск., 1864.

98. Григорьев 2006 - *Григорьев Б.Н.* Карл XII. М., 2006.

99. Гроций 1956 – *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956.

100. Грушевский 2001 – *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. М.. 2001.

101. Гумилев 1989 – *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

102. Гуссейнов, Апресян – *Гуссейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. М., 2000.

103. Давыдов – *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982.

104. Даль I-IV – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 2002.

105. Данилко 2002 – *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Уфа. 2002.

106. Дельбрюк 1994 – *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб, 1994.

107. Денисон 2001 – *Денисон Дж.* История конницы. М., 2001.

108. Дмитриенко 1899 – *Дмитренко И.* К истории некрасовцев на Кубани / / Известия Общества любителей изучения кубанской старины. Вып. 1. Екатеринодар. 1899.

109. Долгова 2002 – *Долгова С.*Р. Шведские пленные в Москве в 1700-1709гг. / / Шведы в Москве. М. 2002.

110. Доклады и приговоры... - Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате, в црствование Петра Великого за 1711-1712 гг. Т. III, СПб., 1889.

111. Документы Северной войны – Документы Северной войны. Полтавский период. / / Труды ИР ВИО. СПб. 1909. Т. III.

112. Донские дела 1-4 – Донские дела. Кн. 1 - 4. СПб., 1898-1913.

113. Дополнения к Актам – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археологической комиссией. Т. 12. СПб. 1875.

114. Дружинин 1889 – *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889.

115. Дюпюи 1997 – *Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н.* Всемирная история войн. М. – СПб., 1997. Кн. 2.

116. Евлогий 1928 – *Митрополит Евлогий*//Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж. 1928.

117. Елагин 1864 – *Елагин*. История русского флота. Т. II. СПб., 1864.

118. Есипов 1861 – *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861.

119. Железнов 1888 – *Железнов И.И.* Уральцы. Т. 3. Спб., 1888.

120. Желябужский 1840 – Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.

121. Живов 2004 – *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004.

122. Жильцов 2002 – *Жильцов С.В.* Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I//Правоведение. 2002. № 1(240). С. 206-219.

123. Журнал – Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения нейштадтского мира (Напечатан с обретающихся в кабинетном архиве списков, правленны собственной рукой его императорского величества). СПб,, 1770.

124. Заец 2003 – *Заец А.Р.* Человек и война. Философский аспект// Военный комментатор. Екатеринбург. 2003. № 1 (3).

125. Зезюлинский 1915 – Зезюлинский Н. К родословной 34 пехотных полков Петра I. Петроград. 1915.

126. Зольдан 1928 – *Зольдан Г.* Человек и битва будущего. М., 1928.

127. Ильин 1993 – *Ильин И.* О сопротивлении злу насилием// Путь очевидности. М., 1993.

128. История боевых искусств – История боевых искусств. Колыбель цивилизаций. М., 1996.

129. История руссов – *Конинский Г.* История руссов или Малой России. 1848.

130. Казачий словарь – Казачий словарь-справочник. Кливленд. США. 1966.

131. Каптерев 1891 – Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1699-1707)/ Сообщил Н.Ф. Каптерев//Чтения в Императорском Обществе истории и древней России при Московском университете. М., 1891.

132. Каптерев 1888 – *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Выпыск второй: Время патриаршества Никона//Православное обозрение. Т. I. СПб., 1888.

133. Каптерев 1908 – *Каптерев Н.Ф.* Церковно-обрядовые реформы Никона//Богословский вестник №9. СПб., 1908.

134. Карамзин – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2003. Кн. 3. Т. IX-XII.

135. Карлссон 2002 – *Карлссон О.* Карл XII. Тролеборг. 2002.

136. Карпущенко 1999 – Карпущенко С.В. Армейские будни / Быт русской армии XVIII - начала XIX вв. М., 1999.

137. Карташев 1959 – *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж. 1959.

138. Картины - Картины былого Тихого Дона. СПб. 1909.

139. Карцев 1852 – *Карцев П.П.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Ч. 1. СПб., 1852.

140. Катанаев 1908 – *Катанаев* Краткий исторический обзор службе Сибирского казачьего Войска. 1582-1908. СПб., 1908.

141. Квитка 1883 – *Квитка Г.* Записки о слободских полках с начала их поселения до 1766 г. Харьков. 1883.

142. Керсновский – Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1999. Т. 1.

143. Крман 1976 – Итенерарий (Путевой дневник Даниела Крмана) // Вопросы истории. 1976. №12.

144. Куракин 1890 – Архив князя Куракина/Издание М.И. Семеновского. Т. I. СПб., 1890.

145. Кириллов 1903 – *Кириллов А.А.* Церкви и монастыри на Дону. Новочеркасск. 1903.

146. Ключевский 1937 – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1937.

147. Коваленко 1999 – *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI-XX вв. СПб., 1999.

148. Кондаков 1915 – *Кондаков Н.П.* Мконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II.

149. Кордт 1930 – *Кордт В.* Матеріалы з Стокгольмського державного архіву до історіі Украіны другоі половини XVII – поч.

XVIII // Україньский археографічний збірник. К., 1930. Т. III. С.17-55.

150. Королев 1991 – *Королев В.Н.* Старые Вешки. Ростов-на-Дону. 1991.

151. Короленко 1874 – *Короленко П.П.* Черноморцы. СПб., 1874

152. Короленко 1899 – *Короленко П.П.* Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по архивным и печатным материалам. Екатеринодар. 1899

153. Королюк 1954 – *Королюк В.Д.* История Польши. Т. I-III. М., 1954.

154. Костомаров 1882 – *Костомаров Н.И.* Мазепа. М., 1882.

155. Костомаров 2008 – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее шлавнейших деятелей. М., 2008.

156. Кравцов 1890 – *Кравцов И.С.* Старейшие в Кубанском казачьем войске «Хоперские казаки». Исторический очерк. Екатеринодар. 1890.

157. Крапивенский 1998 – *Крапивенский С.Э.* Социальная философия. М., 1998.

158. Краснов 1928 – *Краснов П.* Армия // Русский колокол. Белград. 1928.

159. Кротов 1989 – *Кротов П.* Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. №3.

160. Кувая 2006 – *Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713-1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII-XX вв. М., 2006.

161. Куяла 2006 – *Куяла А.* Финляндия в Северной войне 1700-1714 гг. .// Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII-XX вв. М., 2006.

162. Лазаревский 1866 – Лазаревский А. Малороссийское посполитые крестьяне (1648-1788). Очерк по архивным источникам. // Сборник Черниговского статистического комитета. 1866.

163. Лазаревский 1888 – *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. I. Стародубовский полк. К., 1888.; Т. II. Полк Нежинский. К., 1893; Т. III. Полк Прилуцкий. К., 1901.

164. Лазаревский 1892 – *Лазаревский А.* Исторический очерк Батурина (1625-1760 гг.) // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев., 1892. Кн. VI. Отд. II. С. 105-122.

165. Лаврский 1917 – *Лаврский Н.* Черкасск и его старина. М., 1917.

166. Левшин 1823 – *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.

167. Летопись Величко – *Величко С.* Летопись событий о Юго-Западной России XVII в. К., 1855.

168. Летопись Грабянки – Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К., 1992.

169. Летопись Самовидца - Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Доведена продолжателями до 1734 года. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846; (На укр. языке – Літопис самовидцаю Київ, 1972).

170. Летопись Левицкого - Летопись Самовидца по новооткрытым спискам / под редакцией О.И. Левицкого. Киев. 1878.

171. Лизогубский летописец – Летопись или описание краткое знатнійших дійств и случаев, что в котором году діялось в украини малороссийской – обіих сторон Дніпра и кто именно когда был гетманом козацким (1506-1737) / / Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов. К. 1888.

172. Лифшиц 1959 – *Лифшиц Г.М.* Из истории Азовского похода 1696 г. / / Исторический архив. 1959. №2.

173. Луппов 1973 – *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. К., 1973.

174. Магницкий 1882 – «Записка о деле Тверетинова», составленная Леонтием Магницким / Памятники древней исьменности. СПб., 1882.

175. Макарий 1855 – Митрополит Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. М., 1855.

176. Макарий 1994-1996 – *Митрополит Макарий (Булгаков)* История русской церкви в 9 тт. М., 1994-1996.

177. Макиавелли 1939 – *Макиавелли Н.* О военном искусстве. М., 1939.

178. Малама 1912 – *Малама В.В.* Род Малама. Екатеринослав. 1912.

179. Малов 204 – *Малов А.* Служивый город XVII столетия: пензенские знамена. Из истории строительства и обороны степных границ. / / Военный сборник. М., 2004.

180. Манжола 2006 – *Манжола А.П.* Тысячелетие русской конницы. М. – Минск. 2006.

181. Мануйлов 2007 – *Мануйлов А.Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб. 2007.

182. Маркевич 1842 – *Маркевич Н.* История Малой России. М., 1842. Т. I-III.

183. Маркедонов 2002 – *Маркедонов С.М.* Казачество: терминология и типология // Казачество России: история и современность. Краснодар. 2002

184. Маркедонов 2002а – *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители. // Консерватизм и традиционализм на юге России. Ростов-на-Дону. 2002.

185. Маркедонов 2003 – *Маркедонов С.М.* Курс лекций по истории казачества. Саратов. 2003.

186. Маркедонов 2004 – *Маркедонов С. М.* Заколдованное слово. // Родина. 2004. №5.

187. Масловский 1891 – *Масловский Д.*Ф. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск I (1683-1762). СПб., 1891.

188. Материалы ВУА – Материалы Военно-учетного архива Главного Штаба / под редакцией А.Ф. Бычкова. Т. 1. СПб, 1871.

189. Материалы Войска Донского – Материалы для истории Войска Донского. Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Вып. 3. №13. Новочеркасск. 1915.

190. Материалы – Материалы для истории русского флота. СПб, 1865. Ч. I-II.

191. Материалы. Морские журналы. – Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и морские журналы Н.А. Сенявина и графа Апраксина. СПб, 1866.

192. Материалы о восстании на Дону – Материалы о восстании на Дону и в Центральной России в XVIII в. (публикация Е.П. Подбольской) // Материалы по истории СССР. Документы по истории XVIII в. М. 1957. Ч. 5.

193. Материалы СССР – Материалы по истории СССР. Т. V. Документы по истории XVIII в. М., 1957.

194. Мельник 1999 – *Мельник Л.* До історії участі українського козацтва у військових діях у Прибалтиці в роки Північної війни (1700-1702 рр.) // На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа. Науковий збірник. К., 1999.

195. Минея – Минея. Июнь. Часть 2. М., 2002.

196. Миненков 1996 – *Миненков Н.А.* Донское казачество XVI-XVII вв.: этнический состав и социальное происхождении //

Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар. 1996.

197. Миненков 2004 – *Миненков Н.А.* Враги или злодеи? // Родина. 2004. №5.

198. Михайленко 2001 – *Михайленко А.П.* Страницы полковой истории 12-го гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова, Е.И.В. В.К. Ольги Александровны полка 1651-2001. М., 2001.

199. Михайлов 1777 – *Михайлов О.* Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. СПб, 1777.

200. Михайловский 1877 – *Михайловский Г.* Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. Ставрополь. №3. 1877.

201. Монтекуколи 1760 – Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки. М., 1760.

202. Морковин 2003 – *Морковин Н.* Очерк истории запорожского казачества // Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев – М., 2003, с. 84-96.

203. Мусаев 2007 – *Мусаев В.И.* Эстонская диаспора на Северо-Западе России в XVIII-XX вв. / Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. // Нестор. СПб., 2007. №10.

204. Мышлаевский 1893 - *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и финляндском театрах в 1708-1714 гг.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893.

205. Мышлаевский 1898 – *Мышлаевский А.З.* Война с Турцией 1711 г. Прутская операция (Сборник документов). СПб., 1898.

206. Мышлаевский 1899 – Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. СПб., 1899.

207. Недвига 1998 – *Недвига Н.Г.* Религия и мораль казачества, как способ организации и регуляции человеческой деятельности // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. №2(11).

208. Никитин 2007 - *Никитин В.Ф.* Казачество. Нация или сословие? М., 2007.

209. Новосельский 1994 – *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. (Научное наследие). М., 1994.

210. О подавлении народного восстания – О подавлении народного восстания 1707-1708. Документы. // Исторический архив. 1955. №4.

211. Обручев 1853 – *Обручев.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России до 1725 г. СПб., 1853.

212. Павленко 2004 – *Павленко С.О.* Отточеня гетмана Мазепы. Соратники та прибічники. К., 2004.

213. Петрухинцев 2004 – *Петрухинцев Н.* Раскол на Яике // Родина. №5. 2004. С. 78-81.

214. П. и Б. ПВ - Письма и Бумаги Петра Великого. Т. II-IV, 13. СПб., 1889-1992.

215. Пирогов 1849 – *Пирогов Н.И.* Отчет о путешествии по Кавказу. СПб., 1849.

216. Письма Шереметева - Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, св. апостола Андрея, Белого Орла и Прусского Ордена кавалера графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. I. М. 1778.

217. Поклонский 1998 – Поклонский Д.Р. Стародубовская старина. Кн. I. Клинцы. 1998.

218. Половиненко 2007 – *Половиненко Г.Г.* Бунтівный Булавін. Луганск. 2007.

219. Понятовский 1910 – *Понятовский С.* Записки сповижника Карла XII // Журнал Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 4.

220. Попко 1880 – *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880.

221. Попов 1912 – *Протоиерей Попов И.* Мои занятия в архивах // Сборник общества любителей казачьей старины. №1. Владикавказ. 1912.

222. Попов 1914 – *Попов В.С.* Материалы к истории Войска Донского // СОВДСК, Выпуск 12. Новочеркасск. 1914.

223. Потто 1899 – *Потто А.В.* Кавказская война. СПб, 1899. Т. I.

224. Прокопович 1961 – *Прокопович Ф.* Сочинения. М., 1961.

225. Пронштейн, Миненков 1983 – *Пронштейн А.П., Миненков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону. 1983.

226. ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.Т.I-VI .

227. Путятин 1892 – *Путятин П.* Бытовые черты Азовских походов 1695-1696 гг. // Русская старина. 1892. №5.

228. Рабинович 1977 – *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии. 1698-1725. Краткий справочник под редакцией Л.Г. Бескровного. М., 1977.

229. Разин 1994 – *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. I-III. М., 1994.

230. Реестра...-Реестра всего войска запорожского после Зборовского договора с королем Яном Казимиром составленные 1649 года, октября 16 дня и изданные по подлиннику О.М. Бодянским. Издание Императорского Общества Истории и Древнойстей российских при Московском Университете. М., 1875.

231. Ржевуский 1888 – Рассказ гребенца Ивана Демушкина о походе князя Бековича-Черкасского на Хиву в 1717 году// Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем Войске «Терцы». Составил А. Ржевуский. Владикавказ. 1888.

232. Ригельман 1846 - *Ригельман А.И.*. История или повествование о донских казаках. М. 1846.

233. Ригельман 1847 - Летописное повествование о Малой России и ее народах и казаках вообще отколь и из какого народа оные происхождение свое имеютъ, и по каким случаям они ныне при своих – местахъ обитают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а отъ них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские, и проч. козаки, как равно и слободские полки. Собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера *Александра Ригельмана* 1785-86 года. М., 1847. (На укр.. языке – *Рігельман О. І.* Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / Вст. ст., упор. та примітки П. М. Саса, В. О.Щербака. К.: Либідь, 1994).

234. Римский 1998 – *Римский С.В.* Православная церков и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону. 1998.

235. Римский 2000 – *Римский С.В.* Почитание святых донскими казаками в XVI- XVII столетиях// Мир истории. №6. 2000.

236. Рознер 1966 – *Рознер И.Г.* Яик перед бурей. М., 1966.

237. Розыскные дела – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археологической комиссии. Т. 1. СПб., 1884.

238. Роспись – Роспись перечневая людям которые в 189 году росписаны п Разрядам. М., 1842.

239. Российское законодательство X-XX веков/Под редакцией О.И. Чистякова. Т.4. М., 1986.

240. Рункевич 1905 – *Рункевич С.Г.* Архиереи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1905.

241. Рюстов 1876 – *Рюстов*. История пехоты. Т. II. СПб. 1876.

242. Савелов 1902 – *Савелов Л.М.* Борщевский монастырь и его синодик, как материал для генеалогии донских родов// СОДСК. Выпуск 3. Новочеркасск. 1902.

243. Савельев 1867 – *Савельев А.М.* Краткие исторические сведения о заселении Донского края // ТДВСК Вып. 1, Отд. 1. Новочеркасск, 1867.

244. Савельев 1870 – *Савельев А.М.* Трехсотлетие Войска Донского. 1570-1870. Очерки из истории донских казаков. СПб., 1870.

245. Савельев 1913 – *Савельев Е.П.* Племенной и общественный состав казачества // Донские областные ведомости. 1913. № 167.

246. Савельев 1990 - *Савельев Е.П.* История казачества с древнейших времен до конца XIX в. Ростов-на-Дону. 1990г.

247. Савин 2005 – *Савин А.* Территориальный рост Украины // Наша Молдова. 2005. Октябрь.

248. Санкт-Петербургские ведомости. – Санкт-Петербургские ведомости за 1742 г. Примечания 30-32.

249. Сватиков 1924 – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549-1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений. Белград. 1924.

250. Сватиков 1927 – *Сватиков С.Г.* Вольные и служивые казачьи войска // Путь казачества. 1927. №20-21 (113-114).

251. Свешников 1993 – Свешніков І.К. Битва під Берестечком. Львів. 1993.

252. Свидание – Свидание Петра Великого с Августом II, в Биржах // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. СПб, 1853. Кн. 17.

253. Свщм Илларион – *Свщм Илларион (Троицкий)*. Богословие и свобода церкви // Богословский вестник. Т. III. Сергиев Посад. 1915.

254. Семевский 1884 – *Семевский М.И.* Слово и дело! 1700-1721. СПб., 1884.

255. Семенов 1895 – *Семенов Н.* Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

256. Сень 2002 – *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708- конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002.

257. Сень 2004 – *Сень Д.В.* У какого царя живем, тому и служим... // Родина. №5. 2004. С. 75-77.

258. Сенюткин 1866 – *Сенюткин М.* Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. Ч. II. М., 1866.

259. Сенявская 1995 – *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта. // Отечественная история. М., 1995.

260. Серебрянников 1998. – Серебрянников В.В. Социология войны. 1998.

261. Ситон 1972 – *Seaton A*. The Cossacks. Oxford. 1972.

262. Скворцов 1877 – *Скворцов В*. Пахомий Шпаковский, митрополит Воронежский и Елецкий//Воронежские епархиальные ведомости. Прибавления. №24. 1877.

263. Скрынников 2008 - *Скрынников Р.Г*. Ермак. М., 2008.

264. Сменцовский 1899 – *Сменцовский М.Н*. Братья Лихуды: Опыт исследования их истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1899

265. Смирнов 2003 – *Смирнов А.А*. Атаман Краснов. М. – СПб., 2003.

266. Соймонов – *Соймонов Ф.И*. История государя Петра Великого. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. F. IV. 736/4 К/23, 23 об-24.

267. Соколов 1851 – *Соколов А.П*. Морские кампании 1715-1721 гг.// Морской сборник. СПб. 1851. №4.

268. Соколов 2006 – *Соколов Р.А*. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Автореферат диссертации. СПбГУ. 2006.

269. Соловьев 1959 - *Соловьев С.М*. История России с древнейших времен. М., 1959.

270. Соловьев 1984 – *Соловьев С.М*. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.

271. Соловьев 1989 - *Соловьев С.М*. Булавин //Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

272. Станиславский 1990 - *Станиславский А.М*. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

273. Стариков 1890 – *Стариков Ф.М*. Краткий исторический обзор Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.

274. Строков 1994 – *Строков А.А*. История военного искусства. СПб, 1914. Т. IV.

275. Судиенко 1855 – *Судиенко М*. Материалы для Отечественной истории. Т. 2. Киев, 1855.

276. Сухоруков 1903 - *Сухоруков В.Д*. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

277. Сыромятников 1943 – *Сыромятников Б.И*. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.-Л., 1943.

278. Тарле 1958 – *Тарле Е.В*. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

279. Твердохлебов 1887 – *Твердохлебов А.Д.* Наследственное полковничество.// Киевская старина. 1887. Май.

280. Титов 1905 – *Титов Ф.И., протоиерей*. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв. Т. II. Киевская митрополия – епархия в XVII-XVIII вв. (1686-1797 гг.) Первая половина тома. Опыт церковно-исторического исследования. Киев., 1905.

281. Тихановский 1906 – *Тихановский*. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. Варшава. 1906.

282. Токарев 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.

283. Толочко 1997 – *Толочко П.П.* Від Русі до Україны: Вибрані науково-популярні критичні та публіцистичні праці. К., 1997.

284. Труайя 2006 – *Труайя А.* Петр Великий. М., 2006.

285. Тумилевич 1958 – *Тумилевич Ф.В.* Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани// Дон. 1958. № 8.

286. Турпейнен 2006 – *Турпейнен О.* Демографическая катастрофа Финляндии и Эстонии в конце XVII – начале XVIII вв.// Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII-XX вв. М.. 2006.

287. Удовик 1999 – *Удовик С.Л.* Государственность Украины: истоки и перспективы. К., 1999.

288. УКМЭ – Украинское казачество: Малая энциклопедия. Запорожье. 2002.

289. Ульянов 1996 – *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.

290. Устрялов I-VI – *Устрялов*. История царствования Петра Великого. Т. I-VI. СПб., 1858-1859.

291. Учение – Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

292. Феодосий 1873 – *о. Феодосий*. Самарско-Никольский монастырь. 1873.

293. Филарет 1849 – *Филарет (Гумилевский)*. Черниев Николаев монастырь. Харьков. 1849.

294. Филарет 1857 – *Филарет (Гумилевский)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1857.

295. Фиров 2005 – *Фиров П.Т.* Гетманы Украинского казачества. Севастополь. 2005.

296. Харламов 1906 – *Харламов В.А.* Очерк из истории отношений войсковой власти к Донскому духовенству в XVIII веке// Донская церковная старина. Вып. 1. 1906.

297. Харлампович 1914 – *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань., 1914.

298. Харузин 1885 – *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885.

299. Чаев 1935 – *Чаев Н.С., Бибикова К.М.* Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания// Булавинское восстание: Сб. документов. М., 1935.

300. Червинский 1901 – *Червинский П.Е.* История 35-го драгунского Белгородского полка. К., 1901.

301. Чернов 1954 – *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства XV-XVIII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954.

302. Чистович 1867 – *Чистович И.* Неизданные проповеди Стефана Яворского// Христианское чтение. 1867. Ч. 1.

303. Чтения 1859 – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1859. Кн. 1.

304. Чулков 1871 – *Чулков Н.* Бощевский монастырь// Воронежские епархиальные ведомости. 1871. №7.

305. Чухлиб 2004 – *Чухлиб Т.* Тарас Бульба – предок Гоголя?// Родина. №5. 2004. С. 27-29.

306. Чухлиб 2009 – *Чухлиб Т.* Накануне Полтавской битвы: почему Мазепа отказался от верховенства Москвы. www.day.kiev.ua.

307. Шебалдина 2002 – *Шебалдина Г.В.* Московские перекрестки шведских пленных.// Шведы в Москве. М. 2002.

308. Шептун 1995 – *Шептун С.* Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар. 1995.

309. Широкорад 2001 – *Широкорад А.Б.* Северные войны России. М., Минск. 2001.

310. Широкорад 2008 – *Широкорад А.Б.* Запорожцы – русские рыцари. История Запорожского Войска. М., 2008

311. Шишкевич 2003 – *Шишкевич М.И.* Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны// История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003.

312. Шкваров 2008 – *Шкваров А.Г.* По закону и казачьему обыкновению (К проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества в Финляндии во время шведско-русских войн XVIII-XIX вв.). Хельсинки., 2008.

313. Шкваров 2009 – *Шкваров А.Г.* Северная война (1700-1721 гг.). Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки. 2009.

314. Шкваров 2009а – *Шкваров А.Г.* Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб. – Хельсинки. 2009.

315. Шовунов 1991 – *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков. XVII-XIX вв. Элиста. 1991.

316. Шовунов 1992 – *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. Элиста. 1992.

317. Шпаковский 2006 – *Spakovsky V., Nicolle D.* Armies of Ivan the Terrible. Russian Troops 1505-1700. Oxford. 2006.

318. Шпилевская 1859 – *Шпилевская Н.* Описание войны между Россией и Швецией в 1741, 1742 и 1743 гг. СПб., 1859.

319. Шустов 1901 – *Шустов В.Н.* История 25-го драгунского Казанского полка., К., 1901.

320. Шутой 1950 – *Шутой В.* Измена Мазепы. // Исторические записки. 1950. Т. 31.

321. Уредссон 1999 – *Уредссон С.* Карл XII // Царь Петр и король Карл. М. 1999.

322. Эварницкий I-III – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. I-III. Киев. 1892-1897.

323. Эварницкий Источники – *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир. 1903. Т. 1-2.

324. Энглунд 1995 – *Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

325. Юдин 1915 – *Юдин П.Л.* Из-за старой веры // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ. №13. 1915.

326. Яковлева 2003 – *Яковлева Т.Г.* Мазепа – гетман: в поисках исторической справедливости // Новая и новейшая истории. 2003. №4.

327. Яковлева 2006 – *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2006.

328. *Boeck – Brian J. Boeck* Imperial Boundaries: Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge University Press. New York. 2009.

329. *Halen - Halen H.* Kasakat Suomessa 1712-1924. Helsinki., 2004.

330. *Jutikkala, Pirine) - Jutikkala E. Pirinen K.* A History of Finland. Helsinki., 2003.

331. *Koskull - Koskull W. von* Ockupationstrupper och civilbefolkning I stora ofredens Finland. Historiska och litteraturhistoriska studier 27. SLSF 358. Helsingfors., 1953.

332. *Lindeqvist - Lindeqvist K.O.,* Isonvihan aika Suomessa. Porvoo., 1919.

333. *Longworth – Longworth Ph.* The Cossacks. New York. 1969.

334. *Plokhy – Plokhy S*. Tsars and Cossacks: A study in iconography. (Harvard papers in Ukrainian studies). Cambridge MA, 2002.

335. Poltava 1709-2009. The Poltava Battle – Perceptions over time. // Swedish / Finnish seminar 2009. Solna, 2009.

336. *Rabener – Rabener J.G*.. Leben Petri des Erster und Grossen, Tzaars von Rußland. Leipzig., 1725.

337. *Regner – Regner P.B* Kriget och tillstendet i Vesterbotten1809 jämte föregeende historik öfver ryssarnas infall i Vesterbotten pe 1700-taller af P.B. Regner. Stockholm., 1891.

338. *Seaton – Seaton A*. The Cossacks. Oxford. 1972.

339. *Uddgren 1906 – Uddgren H*. Kriget i Finland 1713. Stockholm., 1906.

340. *Uddgren 1909 – Uddgren H*. Kriget i Finland 1714. Stockholm., 1909.

341. *Vilkuna – Vilkuna K.H.J*. Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Jyväskylä., 2005.

342. Volumina Legum. T. IV. Petersburg. 1859.

343. *Wreech – Wreech C. Fr. von*. Wahrhaftige und umstandige Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau., 1725.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Краткий обзор историографии вопроса 8

ЧАСТЬ I. ЗА ВЕРУ! 12

1.1. Церковная жизнь казачества в допетровскую эпоху..... 12
1.2. Православная церковь в Малороссии. 14
1.3. Православная церковь на Дону, Тереке и Яике..... 22
1.4. Раскол на Дону 34
1.5. Отношения Петра I и церкви в начале царствования. 42
1.6. Церковная жизнь казачества до 1708 г. 53
1.7. Уход с Дона старообрядцев Игната Некрасова 62
1.8. Почему казаки не пошли за Мазепой? 68
1.9. Православная церковь и казачество в конце царствования Петра I..... 78

ЧАСТЬ II. ЗА ВОЛЮ! 95

2.1. За независимую Украину 95
2.1.1. Войско запорожское или Запорожская сечь?..... 95
2.1.2. Гетманщина или к вопросу о "независиомй Украине 102
2.1.3. Петр, гетманы и запорожцы 134
2.1.4. Правобережье 148
2.1.5. Слободщина 164
2.1.6. К Полтаве..... 175
2.1.7. После Полтавы..... 197
2.2. Донские страсти 216
2.2.1. Присяги на Дону 216
2.2.2. Булавин против Петра I 223
2.2.3. Что выиграл Дон и что проиграл? 261

ЧАСТЬ III. В ВОЙНАХ «ЗА ГОСУДАРСТВО ПЕТРУ ВРУЧЕННОЕ...» 271

3.1. Русско-турецкая война1686-1700 гг. 271
3.2. Великая Северная война 1700-1721 гг. 281
3.2.1. Казаки в Лифляндии 1700-1704 гг..... 281
3.2.2. Казаки в Ингерманландии. 1701-1708 гг 292
3.2.3. Казаки в Литве, Польше, Украине. 1701-1709 гг. 303
3.2.4. Русско-турецкая война 1710-1713 гг. 324
3.2.5. Казаки в Финляндии. 1710-1711 гг..... 331

3.2.6. Десанты в Швецию. 1714-1721 гг. 353
3.3. Персидские походы Петра I. 1716-1723 гг. 358
3.4. Законы фойны и философия казачества 365
3.5. Комплиментарность казачества 396
3.5.1. Казаки – калмыки 396
3.5.2. Казаки – евреи 398

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ СЛОВО О КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЕ 401

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 434

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 435

А. Г. Шкваров

Петр I и казаки

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.04.2010. Формат 60x88 1/16.
Усл. печ. л. 28,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №